

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
(Ростов-на-Дону, май 2010 г.)

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ: современное состояние и перспективы развития

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ:
современное состояние и перспективы развития

Сборник объединяет материалы Международной научной конференции «Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития», состоявшейся в г. Ростове-на-Дону 4–8 мая 2010 г. Приоритетное внимание уделено общим теоретическим и методологическим проблемам социально-экономической географии, вопросам развития понятийно-терминологической системы социально-экономической географии, современным подходам и методам социально- и экономико-географических исследований.

Сборник «Теория социально-экономической географии: спектр современных взглядов», подготовленный к конференции, объединяет профессиональные мнения-интервью ряда ведущих российских ученых по важнейшим проблемам развития теории и методологии социально-экономической (общественной) географии. Представленный в книге спектр авторских оценок, позиций и суждений позволяет идентифицировать потенциал современной российской социально-экономической географии, раскрыть проблемы и определить возможные приоритеты развития её теоретических основ.

Географический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова
Институт географии РАН
Русское географическое общество
Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем
Южного федерального университета
Тихоокеанский институт географии ДВО РАН
Факультет географии и геоэкологии
Санкт-Петербургского государственного университета

**ТЕОРИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ГЕОГРАФИИ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Материалы
Международной научной конференции

Ростов-на-Дону, 4–8 мая 2010 г.

Ростов-на-Дону
Издательство Южного федерального университета
2010

УДК 911.3
ББК 65.04
Т 33

Редакционная коллегия:

*Артоболевский С. С., Бакланов П. Я., Гладкий Ю. Н., Дружинин А. Г.,
Каледин Н. В., Разумовский В. М., Шувалов В. Е.*

Ответственные редакторы:

Дружинин А. Г., Шувалов В. Е.

Конференция проведена при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 10–06–06020–г.

Т 33 **Теория социально-экономической географии: современное состояние
и перспективы развития** / Под ред. А. Г. Дружинина, В. Е. Шувалова:
Материалы Международной научной конференции (Ростов-на-Дону,
4–8 мая 2010 г.). – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010. – 476 с.

ISBN 978–5–9275–0696–5

Сборник объединяет тезисы докладов Международной научной конференции «Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития», состоявшейся в г. Ростове-на-Дону 4–8 мая 2010 г. Приоритетное внимание уделено общим теоретическим и методологическим проблемам социально-экономической географии, вопросам развития понятийно-терминологической системы социально-экономической географии, современным подходам и методам социально- и экономико-географических исследований.

ISBN 978–5–9275–0696–5

**УДК 911.3
ББК 65.04**

© Коллектив авторов, 2010

© Издательство Южного федерального университета, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Социально-экономическая (общественная) география как в нашей стране, так и за рубежом в последние десятилетия столкнулась с многочисленными проблемами и вызовами времени, затрагивающими ее фундаментальные основы. Спонтанно усложняется предмет социально-экономической географии – территориальная организация общества, трансформируются её архитектура и доминантные факторы эволюции, что актуализирует необходимость адаптации применявшихся ранее и разработку новых концептуальных подходов, теорий и методического инструментария исследований в нашей науке. К сожалению, в последние десятилетия постановке данной проблемы и поиску ее решений в рамках социально-экономической географии уделялось крайне мало внимания. В результате в научном сообществе стало формироваться и тиражироваться мнение, что современной социально-экономической географии полноценная теоретическая база не нужна, да и создать ее практически невозможно, что для решения научно-прикладных задач можно довольствоваться использованием ограниченного набора концептуальных разработок, чаще всего заимствованных из региональных наук. При этом реального и компетентного обсуждения этого вопроса в отечественной социально-экономической географии уже практически четверть века в силу разных причин не было. Все это обусловило решение провести в период с 4 по 8 мая 2010 г. в г. Ростов-на-Дону полномасштабную научную конференцию с международным участием «Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития». Организаторами конференции выступили Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, Географический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, Институт географии РАН, Факультет географии и геоэкологии Санкт-Петербургского государственного университета, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, а также Русское географическое общество. Проблематика конференции вызвала повышенный интерес как российского экономико-географического научного сообщества, так и зарубежных коллег. Около 140 её участников представляют не только ведущие центры социально-экономической гео-

графии на территории России (Москва, Санкт-Петербург, Владивосток, Воронеж, Екатеринбург, Иркутск, Казань, Калининград, Краснодар, Пермь, Ростов-на-Дону, Ставрополь, Уфа и др.), но и исследовательские коллективы Белоруссии, Венгрии, Молдовы, Словакии, Украины и Франции.

Предлагаемый вниманию читателей научный сборник презентует широкий спектр взглядов российских и зарубежных исследователей на современное состояние, приоритетные проблемы и возможные направления развития теории социально-экономической географии. Содержащиеся в нём материалы сфокусированы на многоаспектной идентификации дискуссионных моментов, достижений, «слабых мест» и потенциала теоретизации социально-экономической географии начала XXI века и представляют существенный интерес как теоретико-методологическая база дальнейшего развёртывания экономико-географических исследований и как актуальный контент современного экономико-географического образования.

А. Г. Дружинин, В. Е. Шувалов

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНАРНЫХ ЗАСЕДАНИЯХ

Артоболевский С. С.

ИДЕОЛОГИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Дискуссия о необходимости региональной политики идет уже 75 лет. Целенаправленное вмешательство государства в процессы регионального развития, т. е. региональная политика, требует определенной ступени «зрелости» государства и общества. Ее возникновение и развитие возможно лишь при определенных условиях:

1. Государство признает (де-юре и де-факто) обязанность заботиться о всей территории страны и о всем ее населении.

2. Государство признает приоритет социальных и социально политических целей, в т.ч. социальной справедливости и единства страны (или ее интегрированности).

3. Рыночные механизмы не идеализируются, признаются негативные последствия их деятельности, в т. ч. и в «региональной сфере», и необходимости корректирующей деятельности государства.

4. Реализация региональной политики начинается, когда пространственные социально-экономические диспропорции становятся чрезмерными (в рамках территорий различного уровня).

5. Региональные проблемы привлекают внимание значительных групп населения, имеющих каналы воздействия на исполнительную и законодательную власть.

Существует некоторые общие принципы государственной интервенции в решении региональных проблем:

1. Региональная политика решает, прежде всего, социальные, а не экономические проблемы (правда, действуя через экономику). Государство вмешивается в ход регионального развития из соображений социальной справедливости, заботясь о реальном единстве страны (экономическом, политическом, культурном, законодательном ...).

2. Страна не может быть реально едина при слишком значительных пространственных различиях в уровне развития и качестве жизни населения. Они же блокируют интеграционные процессы на национальном и наднациональном уровне.

3. Понятие «чрезмерные» никак не параметризовано и каждой страной определяется самостоятельно, исходя из уровня и истории развития, господствующей идеологии, существование «национальных территорий», состояния бюджета и т. д.

4. Власти и население согласны на понижение эффективности своей экономики за счет перераспределения части государственных средств от «передовых» районов к кризисным территориям. При этом только Центр способен обеспечить это перераспределение, вводя общестрановые критерии и «правила игры».

5. Региональная политика не может быть реализована без «позитивной дискриминации» кризисных регионов. Им и только им дается от государства дополнительная помощь (в различных видах – от выплат населению до строительства дорог). Только этим районам международными институтами дано разрешение получать прямую финансовую помощь со стороны государства, т. к. это не нарушает свободы конкуренции.

6. И хотя помощь идет от центральных органов власти, все в странах Запада понимают, что в их пользу перераспределяются средства «изъятые» из более благополучных регионов.

7. Региональная политика, таким образом, предполагает неравенство районов. И сама идея необходимости такого перераспределения средств между регионами не встречает оппозиции на Западе (хотя о его масштабах много спорят): предполагается, что оно является разумной платой за единство страны.

Ликвидация пространственных диспропорций, была и остается основной целью выравнивающей региональной политики:

1. В последние 10–15 лет региональную политику часто критиковали за низкую эффективность. Ей вменялся и «перерасход» государственных средств, и игнорирование экономических проблем. Несмотря на эту критику, региональная политика сохраняет свою «гуманитарную» миссию примирения интересов общества и бизнеса.

2. Лишь очень богатые, и относительно внутренне однородные страны, могут позволить себе обходиться без региональной политики социальной направленности (и то периодами), делая упор на помощи наиболее развитым районам – для усиления их конкурентоспособности на мировых рынках.

3. На всех этапах развития страны имели те или иные проблемные регионы, сменявшие друг друга, но не исчезающие, как класс.

4. Число стран, реально проводящих региональную политику – растет, равно как и средства, затрачиваемые на нее.

5. Политический контроль со стороны общества не позволяет изменить характер региональной политики, хотя ее модернизация идет постоянно.

6. Любые региональные процессы имеют очень продолжительное характерное время (иногда несколько десятилетий).

Базовым понятием современной региональной политики является термин сближение (*cohesion*), понимаемый как процесс, а не конечный результат. Он в достаточной мере отражает цели государства – не допустить ничего чрезмерного: ни обострение проблем депрессивных или слаборазвитых районов, ни чрезмерного перераспределения средств, в пользу кризисных территорий, чреватое экономическим кризисом.

Региональная политика появилась как ответ государства на мировой кризис 1929–1932 гг. В послевоенные годы она стала частью «государства всеобщего благоденствия». В настоящее время представляет собой одно из направлений деятельности правительств многих государств и основной статьёй расходов Европейского Союза. Она может модифицироваться, экономизироваться или экологизироваться, но не может исчезнуть, т. к. относится к «достижениям современной цивилизации».

Это и является основной проблемой при создании адекватной России региональной политики. Назвав анализируемую политику выравнивающей, ее тут же заподозрили в стремлении подорвать рынок за счет попыток уравнивать Москву с Анадырем, противопоставляя ей политику полюсов роста.

В сфере региональной политики государству предстоит выбрать между простыми решениями, основанными на ложной информации, и повышением уровня «управленцев». Не ответственным остается лишь один вопрос: «А есть ли у страны другие писатели?».

Бабурин В. Л.

ЦЕЛЕВАЯ ФУНКЦИЯ РАЙОНИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Бытует широко распространенное мнение, что устойчивое развитие возможно и, более того, это панацея от всех бед человечества. Причем обычно главный аргумент на замечания о некорректности подобной формулировки – неправильность перевода. Под правильным переводом понимается неистощительное природопользование. Действительно, определение «устойчивое развитие» означает просто устойчивый, постоянный рост. В тоже время в европейских языках *sustainable development*, *nachhaltige Entwicklung*, *development durable* имеют более узкий смысл. Это – развитие «продолжающееся», то есть такое, которое не противоречит дальнейшему существованию человечества и развитию его в прежнем направлении.

В публичном пространстве термин «устойчивое развитие» впервые употреблен в докладе председателя Комиссии ООН по окружающей среде и развитию Брундтланд (1987 г.), и понятие «устойчивое развитие» стало довольно популярным после принятия документа «Агенда – 21» Международной конференции по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.). Эта

конференция рекомендовала странам-членам ООН разработать к 2002 г. ориентированные на устойчивость национальные стратегии.

А между тем, все многочисленные научные парадигмы, в той или иной степени используемые в географии (системная, синергетическая, эволюционная...), предполагают нелинейность, неустойчивость развития как внутренне ему присущее свойство. Следствием этого неизбежно являются неравенство и неоднородность, которые порождают дифференциацию, прорастающую через связи в районы. Но если это так, то возникает вопрос – о каком устойчивом развитии можно говорить в принципе? Да и практика последних лет, когда ураган глобализации начисто сметает покровы невинности с устойчивости и остается голая правда глобальной неустойчивости как во временной, так и пространственной фазах развития, все более создает ощущение, что принятие очередного катехизиса вновь уводит общество от решения реальных проблем. И почему только общество? Разве эта проблема не стоит и перед геосферой, а не только окружающей человека средой?

И здесь мы предлагаем вернуться к рассмотрению категории район, как устойчивой, слабо подверженной флуктуациям формы территориальной организации природы и общества. И не только, это объективно более удобная форма для пространственного стратегического планирования, нежели принятое сейчас административное проектирование. В качестве исходной пропозиции рассмотрим вопрос, чем является категория «целостности» и попытаемся выяснить, чем является «сущность» – внутренним содержанием, свойством чего-то, открываемым и познаваемым в явлениях, или проявлением бытия конкретного тела? В античной философии Единое мыслилось в разных формах, но сущность его оставалась одной.

Пифагор ввёл математическое представление о принципах организации системного мира, свернутого в монаде (Единице), которая раскрывается затем на основе принципов диады и триады. Другой античный философ – Анаксагор выделил в процессе образования космологической системы первичное состояние бесформенной «смеси всех существующих вещей» (авт. – хаоса), с которыми не смешан, но связан Ум, содержащий «полное знание обо всём» и задающий им круговращательную динамику. Платон определил целостность как трансцендентное (внешнее, выходящее за пределы) царство вечных идей, направляющее человека к знаниям. Ученик Платона Аристотель отождествляет созерцающий Ум с Богом (в нашем понимании природой), содержащем в себе одновременно «мышление о мышлении», «цель мирового процесса» и силу, направляющую материю к реализации своей формы. Фактически это созвучно современному видению постиндустриализма, где знания и умения определяют развитие. Схожие подходы можно отметить и в древнекитайской религиозно-философской системе, где целостность (Единое) мыслилось как Дао, тоже трансцендентное, безличное начало, порождающее и направляющее

щее движение всего мира. В отличие от китайского Дао с его взаимодополняющимися полюсами, индийский Брахма проявляется в виде двух последовательно сменяющих друг друга сил, одна из которых, Вишну, созидает, а вторая – Шива, разрушает. Здесь мы видим очевидные аналогии с шенонновской энтропией, определяющей меру организованности и неорганизованности в системах. Таким образом, во всех подходах присутствуют внешние флуктуации, постоянно выводящие систему из состояния равновесия и устойчивости.

Гегель выделил три ступени «логического»: рассудочную, отрицательно-разумную, или «диалектическую», и положительно-разумную, или «спекулятивную». Истинным содержанием последней ступени становится совокупность всех предшествующих этапов развития, в качестве другой важной черты гегелевского метода можно назвать восхождение от абстрактного к конкретному.

К концу XX в. благодаря работам Р. Акофа, Л. Берталани, Н. Винера, М. Месаровича и др. были выявлены основные параметры системы как целого: многоуровневая структура, состоящая из упорядоченных элементов, их функция в рамках целого, направленность развития, целеполагание, иерархия и т.д. В развернувшейся в отечественной философской среде в 80-х гг. прошлого века дискуссии выявились две основные точки зрения:

- целостность является интегральным качеством системы, свидетельствующим о высокой степени её структурно-функциональной организованности;
- «целостность – это представление о полноте охвата явлений и, вместе с тем, о сущности интеграции, процессах новообразования... включает актуальное и потенциальное знание... не исчерпывается системным описанием в силу неформализуемости этого понятия».

Обобщая рассмотренные подходы, можно выстроить логическую цепь соотношений. Целое – это конкретный объект (класс объектов), в котором на основе применения соответствующих исследовательских процедур обнаружено наличие интегративных свойств. Таким образом понятие целого связано с осуществлением познавательной деятельности. Именно таким объектом является район, как инструмент пространственного анализа. Что же касается взаимоотношения системы и целостности, то понятие системы всегда описывает целое (эмерджентное) и неразрывно с ним связано и, тем самым, связано и с понятием целостности. Целостность же не исчерпывается системным описанием в силу неформализуемости этого понятия. И такой район имеет право на реальность существования и на право быть платформой для стратегического управления.

Итак, только через анализ целостности и сущности можно разобраться с устойчивым развитием. Строго говоря, устойчивым, и то в определенных временных границах, является только камень, находящийся в равновесной области. Сложные системы по определению неравновесные, и эта неравновесность, неустойчивость нарастает по мере увеличения числа элементов в системе, ее разнообразия.

Разнообразие необходимо, но оптимальное, иначе энтропия хлещет через край. Иными словами, с ростом сложности системы она становится все менее устойчивой, и защитой от хаоса служит организация. При этом собственно рост элементов ведет к хаотизации, а усложнение межэлементных связей – к росту неопределенности, непрогнозируемости динамики системы и, естественно, к неустойчивости.

Таким образом, можно выдвинуть гипотезу, что неустойчивость – объективная закономерность эволюции, родная сестра изменчивости и, пытаясь обуздать неустойчивость, мы встаем на пути эволюции. При этом важно подчеркнуть, что пытаясь через рост организованности обуздать неустойчивость, мы неизбежно обязаны сбросить излишек энтропии в окружающую среду, естественно, тем самым, ее хаотизируя, разрушая ее организованность и нарушая целостность геосферы.

Между тем, Природа в рамках бесконечного экспериментирования нашла противоядие – кругооборот вещества и энергии, по крайней мере в рамках геосферы. Общество в принципе тоже пошло по пути сочетания циклов различного уровня. Но внутри каждого цикла неустойчивость также возрастала. Нарастала неустойчивость, разрушающая целостность и единство нашей науки.

Природа в рамках законов термодинамики выравнивает через хаотизацию, а самоорганизация создает неравенство и неустойчивость. Следует заметить, что согласно законам гидродинамики на бесконечно большом отрезке времени происходит выравнивание.

Инновационный процесс, диффузия инноваций, инновационный цикл (суть сегодняшнего дня) вступают в конфликт со структурами прошлого (факторами размещения). Но, став зрелым, инновационный процесс в ландшафте, в размещении товаров и услуг неизбежно по мере повышения уровня проникновения начинает во все большей степени быть чувствительным к факторам размещения и под их воздействием, оструктуриваясь, сам формирует новое факторное пространство.

Будучи предельно нелинейным, непредсказуемым, игнорирующим любые факторы, занимаясь безудержным размножением (тиражированием, диффузией), инновационный процесс формирует новую сущность, новую целостность. Но и, одновременно, разрушает старую целостность и провоцирует неустойчивость в ее крайних кризисных и катастрофических формах.

Еще одна проблема географии заключается в том, что ландшафт мы воспринимаем как наличие закономерностей, а турбулентность – как хаос, отсутствие закономерностей. Тогда самоорганизация – хаотический аттрактор, выход на циклизм и полициклизм, а также фрактальность, смена L и T. А современная география слишком ориентирована на детали, в ней очень много частного и почти нет единого, целого.

В современной экономгеографии Целое, как правило, отождествляется с заимствованными из экономики и социологии интегральными индексами, которые такой целостности не дают и, главное, не отражают сущность пространственных объектов. Целое не есть интегральный индекс частного. Синергизм в другом, во внутреннем мультипликаторе.

В чем выход? Компромисс? В отсечении крайностей, и тогда среднее становится медианным, а пирамида трансформируется в трапецию. Но здесь мы от целостности еще дальше. Мы не можем дать точный ответ на вопрос: сколько надо субъектов для устойчивости? Мало – монополизм, моноспециализация и т. д. Много – анархизм, отсутствие специализации и т. д.

В целом можно отметить, что стоимостные показатели, а фактически ценовые, являются не более чем балльными оценками, задаваемыми рынком. Но в таком случае, это разве целостное представление о явлениях и процессах? Разве навязанные нам экономические индексы соответствуют «душе» географии? Тогда, может быть, коль скоро неравенство – «богом заданное свойство», то в действие вступает марксистская формула устойчивости: от каждого (региона) по способностям и каждому (региону) по потребностям.

Иными словами, вернувшись к целостности, к единой географии, вырвавшись из чрезмерно дружеских объятий экономики и социологии, взглянув объединенным, вооруженным методологией и современным инструментарием взглядом на Землю, мы можем выступить с позиций устойчивости природно-хозяйственных районов, геосферы Земли и ее элементов.

Основное противоречие современных региональных систем (районов) всех уровней заключается в дихотомии: моно- многоэлементная система. Моноэлементная система внутренне устойчива, детерминирована, но чувствительна к внешним воздействиям, инновациям. Многоэлементная система внутренне неустойчива, ее взрывает энтропия. Появление дополнительных степеней свободы, трансформация констант в переменные, иными словами рост разнообразия, взрывает целостность, хаотизирует ее, и в этом сущность эволюции. Из хаотизируемого старого произрастает новое.

Но целостность в изучении проблем районирования и определения его места в современной России была нарушена не только в результате закономерного процесса дифференциации науки, но и исходно, как только мы в нашей науке поставили в центр человека. Безбрежный нарциссизм губит не только общество, но и географию. Говорить надо не об устойчивом развитии общества, а об «устойчивой» эволюции геосферы, лишь частицей которого является человек и созданная им искусственная природа. Поэтому вновь встает вопрос о единой (т. е. целостной) географии, сущностью которой является синтез всех трех ее составных частей. А район, интегральный, природно-хозяйственный – есть удобная форма (площадка) для этого.

СТРУКТУРИЗАЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА – ОСНОВА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Важнейшим и исходным теоретическим основанием любой науки является выделение объекта исследований и его структуризация.

В настоящее время центральное место в научных исследованиях в основных фундаментальных науках занимает детальное изучение строения, структуры. Например, в физике изучается структура тел, атомов, ядер; в химии – химическое строение вещества, структуры молекул; в биологии – структуры живых клеток и их элементов; в геологии – различные геологические структуры, структуры горных пород, минералов и т.п. Новые знания о структурах, том числе – до уровня наноструктур, позволяют выявлять и новые закономерности об их свойствах и динамике. Все это в конечном итоге составляет основу фундаментальных знаний о природе, природных системах и процессах.

Представляется, что в географии в целом и в социально-экономической географии фундаментальные основы знаний также формируются в ходе изучения различных географических структур, которые существуют объективно.

В современной географической науке в качестве объекта исследований выделяются географические структуры и системы разных типов и рангов. Это уже достаточно признано в научном сообществе. В физической географии в виде объекта изучения выделяются территориальные природные комплексы, или географические природные системы – геосистемы. В социально-экономической географии – территориальные социально-экономические комплексы или территориальные (географические) социально-экономические системы – социально-экономические геосистемы.

В общем нет больших расхождений и в понимании того, какие сочетания компонентов природы образуют природные геосистемы, а какие сочетания компонентов населения и хозяйства образуют социально-экономические геосистемы. То есть общий состав и природных, и социально-экономических геосистем достаточно известен. Однако в виде каких пространственных образований – природных и социально-экономических и с вычленением каких связей и сопряжений можно выделять соответствующие географические структуры и их целостные образования – географические системы – это сложная проблема и она еще далеко не решена.

В качестве исходной посылки можно принять то, что все множество природных компонентов и социально-экономических вместе с их связями и сопряжениями, рассматриваемое в пространственно-временном континууме, образует географическое пространство. Последнее существует объективно. Конкретным выражением географического пространства выступает географическая оболочка со всем ее антропогенным наполнением, включая и населе-

ние. При этом следует исходить из того объективного факта, что географическое пространство – это образование внутренне упорядоченное, сложное, имеющее многомерную, многоуровневую структуру.

Понимаемое в таком виде географическое пространство – и есть наиболее общий объект географических исследований. Важнейшей и исходной фундаментальной проблемой является поиск закономерностей строения, организации географического пространства, а также – в разработке методологии и методов таких географических структурных исследований.

Общие представления о географическом пространстве излагали такие известные ученые – географы как В. С. Преображенский, А. М. Трофимов, Ю. Г. Пузаченко, М. Д. Шарыгин, А. Ю. Ретеюм, Б. Б. Родоман, К. Н. Дьяконов, А. И. Тревиш, В. Л. Бабурин, В. Л. Каганский и другие. Однако они, выделяя общие особенности географического пространства, только намечали основные направления его структуризации.

В целом с определенной степенью условности географическое пространство можно представить в виде нескольких наложенных друг на друга и частично пересекающихся слоев географической оболочки: литосферы (земной коры), почвенного слоя, гидросферы, в том числе поверхностных и подземных вод суши, слоя растительности и животных (биосферы), а также – атмосферы. Эти слои существенно изменяются в зоне морей и океанов, где отсутствует почвенный слой, а гидросфера представлена морскими и океаническими водами. Практически полное пересечение с ними имеет слой морских животных и растений. Кроме того в зонах суши значительное пересечение почти со всеми слоями географической оболочки имеют еще два слоя: население, рассматриваемое с точки зрения размещения и расселения, и техносфера в виде материальных объектов общества: зданий, сооружений, предприятий, поселений, транспортных коммуникаций, водохранилищ, агроландшафтов и т. п.

В общем, можно полагать, что географическая оболочка, дополненная антропосферой, и образует полное географическое пространство. Особую сложность географическому пространству придают два следующих обстоятельства. Во-первых, каждый отдельный слой пространственно неоднороден, дифференцирован по многим характеристикам. Во-вторых, многие слои существенно пересекаются между собой, а пересечения также существенно дифференцированы. Например, со многими слоями пересекаются биосфера, гидросфера, атмосфера, а также и техносфера.

В целом известно, что географическое пространство является многомерным и многоуровневым. Основные измерения географическому пространству задают следующие оси географических измерений:

1. Пространственные измерения, отражающие местоположение географического объекта, его взаиморасположение по отношению к другим

объектам, а также характеристики собственного пространства этого географического объекта (протяженность, площадь, объемность, рассредоточенность и другие).

2. Компонентные измерения, отражающие количество охватываемых компонентов и слоев географического пространства. При этом если даже охватывается один компонент, то при наличии его пересечений с другими этот факт необходимо учитывать и это уже будет сочетание нескольких компонентов. Либо следует с известной степенью условности абстрагироваться от пересечений и выделять отдельные компоненты.

3. Наличие межкомпонентных связей и сопряжений, выраженных в пространстве – как особый вид географических измерений. Подобные связи и сопряжения также очень дифференцированы и по их содержанию, и по пространственно-временной выраженности.

4. Еще одним специфическим географическим измерением можно рассматривать географические границы, их наличие и различные типы. В данном случае под географическими границами понимаются (и могут быть выделены) зоны перехода от одного однородного ареала одного слоя к другому однородному ареалу. Это могут быть и зоны перехода от одного слоя к другому, либо переходы к зонам с максимальной концентрацией пересечений слоев. Наконец, географические границы могут отражать отсутствие, либо наличие определенных межкомпонентных связей и сопряжений. Именно с учетом этого географические границы в целом практически всегда выполняют двойственные функции: разделения и связи.

В действительности каждая любая произвольно выделенная зона географического пространства имеет практически все виды географических измерений. Такая зона будет содержать ряд компонентов (или один с пересечениями с другими) с их определенной пространственной выраженностью, а также с наличием различных межкомпонентных связей и сопряжений и географических границ.

В сфере компонентных измерений можно выделить следующие образования. В однородных слоях – однородные ареалы и переходные, граничные зоны – при переходе из одного однородного ареала в другой. На межкомпонентном уровне выделяются ареалы с определенным сочетанием компонентов, зоны перехода (граничные) от ареалов с одним сочетанием компонентов к ареалам с другим сочетанием компонентов. На этом же межкомпонентном уровне выделяются ареалы с пересечением компонентов различных слоев и зонами перехода к ареалам с пересекающимися слоями. В целом на межкомпонентном уровне выделяются однородные однослойные ареалы, многослойные многокомпонентные ареалы и переходные, граничные зоны.

В сфере пространственных измерений в географическом пространстве могут выделяться следующие образования.

1. Ареалы – однородные, представленные одним компонентом, и разнородные, представленные сочетанием компонентов. Следует также выделять ареалы с непрерывным распределением компонентов (литосферных, почвенных, растительных, морских и океанических вод и др.), и с дискретным распределением компонентов (ареалы животных суши и моря, ареалы с постоянным и временным населением и другие).

2. Линейные образования – протяженные, линейно выраженные образования – как естественного происхождения (реки, морские течения, струйные течения в атмосфере, горные цепи, хребты и др.), так и антропогенного (транспортные сети – железные и автомобильные дороги, трубопроводы, линии электропередач, коммуникации связи, каналы с потоками вещества, товаров, энергии, информации).

3. Узлы – небольшие ареалы (зоны ареалов) с постоянными или периодическими пересечениями ряда компонентов и различных пространственных образований, прежде всего – линейных. Например, зоны впадения одной реки в другую, зоны впадения рек в моря и океаны. Узловыми образованиями являются практически все поселения – как зоны пересечения многих компонентов, в том числе линейных, транспортных.

4. Сети – образуемые пересечением ряда линейных образований и узловых. Например, речные сети (большая река и ее притоки), транспортные сети, в том числе образуемые дорогами разных типов, линиями электропередач и другими. Интегральными сетями являются сети расселения – как сочетания различных поселений, связанных транспортными линиями.

5. Районы – интегральные географические образования, состоящие из сочетаний разнородных ареалов и наложенных на них сетей, и характеризующихся определенной целостностью. По периферии районов, как правило, должны быть выраженными граничные, переходные зоны.

Таким образом, многие пространственные измерения включают в себя и компонентные и в этой связи уже могут рассматриваться как интегральные географические измерения.

Измерения в сфере связей и сопряжений различных компонентов и пространственных образований. Такие измерения проявляются в виде наличия или отсутствия связей и сопряжений, а также – в виде наличия разных типов связей и сопряжений. Это – сфера наиболее сложных измерений, так как и связи, и сопряжения весьма изменчивы во времени, динамичны. В целом, к связям можно отнести все виды потоков, перемещений вещества и энергии, взаимодействий компонентов и образований. К сопряжениям – все виды непосредственных контактов, стыков, соприкосновений компонентов и образований. При наличии сопряжений между компонентами зачастую также происходят определенные внутренние взаимодействия между ними, в том числе в виде потоков (миграций) вещества и энергии.

В качестве сопряжений можно рассматривать и опосредованные связи двух компонентов (образований) через их непосредственные связи с другим, третьим компонентом.

Различаются связи и сопряжения между однородными компонентами (двумя и более компонентами одного слоя географического пространства) и разнородными (двумя и более компонентами двух и более слоев географического пространства).

Всеобщими свойствами географического пространства являются дифференциация и интеграция географического пространства, его континуальность и дискретность. Это – те свойства, которые лежат в основе структуризации географического пространства. Дифференциация проявляется, во-первых, в наличии нескольких разнородных слоев в географическом пространстве, а, во-вторых, в существенной дифференциации компонентов каждого отдельного слоя (литосферы, почв, растительности, населения, хозяйства и других). В общем дифференциация проявляется (и измеряется) сходством или различием одних и тех же характеристик компонентов (слоев) на изменяющемся отрезке или профиле слоев. При этом, как следует из эмпирических данных, изменения компонентов в слоях географического пространства происходят не скачкообразно, а достаточно монотонно, т.е. не в точке и линии, а на отрезке, в полосе. Это же можно доказать и строго математически. Например, если на отрезке, соединяющем два соседних компонента, имеются различия определенной характеристики, то при сокращении длины отрезка и сведении его к точке в границе будет происходить уменьшение различий. При сведении отрезка к точке ее характеристика может быть лишь однозначна, а точка принадлежит одновременно двум компонентам. Следовательно различия, граница может проявиться лишь на отрезке, а не в точке. Это говорит и том, что географические границы в целом – это переходные зоны, полосы, структуры, а не линии или плоскости.

Интеграция проявляется в наличии связей и сопряжений между отдельными компонентами одного слоя и между компонентами разных слоев. Процессы дифференциации формируют и поддерживают различия, как между слоями, так и внутри отдельных слоев между отдельными компонентами и их сочетаниями. Процессы интеграции взаимоувязывают отдельные компоненты разных слоев, а также – компоненты одного слоя в сочетания, в непрерывные большие ареалы, образуя тем самым континуальные зоны. Следует подчеркнуть, что именно разнообразные связи и сопряжения интегрируют отдельные сочетания множества компонентов географического пространства в географические структуры и системы. Их атрибутами является наличие определенной (хотя, видимо, и не всегда познанной) упорядоченности в сочетаниях компонентов, задаваемой устойчивыми связями и сопряжениями.

Континуальность проявляется в отсутствии разрывов в отдельных слоях либо в целом (например – в атмосфере), либо в обширных зонах (например

– в литосфере, растительности и других). Континуальность обеспечивается, во-первых, наличием устойчивых сопряжений между компонентами слоев, а, во-вторых, и существованием между ними определенных устойчивых связей.

Дискретность выражается в наличии разрывов, определенной локализации сочетаний компонентов определенных слоев в виде не соприкасающихся ареалов (например – дискретность почвенного покрова, районов расселения населения и размещения хозяйства и т. д.).

Таким образом, протекающие одновременно процессы дифференциации и интеграции формируют однородность и разнородность компонентов и слоев географического пространства, их континуальность и дискретность, а через разнообразные связи и сопряжения окончательно структурируют географическое пространство.

Для выявления реальных рубежей в географическом пространстве и установлении специфических структурных границ важной, по нашему мнению, является сфера измерений в переходных, граничных зонах. С этой целью представляется необходимым измерение однородности, разнородности компонентов в отдельных слоях географического пространства, а также – наличия, тесноты и устойчивости связей и сопряжений между компонентами и их сочетаниями.

К имеющимся разнообразным подходам измерения однородности (разнородности) двух соседних территорий (геосистем) по сочетанию их характеристик представляется целесообразным предложить следующий. Выявляются точки (пункты) территорий с максимальными (или значительными) различиями по тем или иным параметрам. Эти точки соединяются прямой линией. Затем на эту прямую последовательно накладывается уменьшаемый по длине отрезок, по которому измеряется и оценивается изменение соответствующих характеристик территорий. Таким образом, можно отыскать отрезок, на котором различия территорий будут минимальными или меньшими. Этот отрезок и будет принадлежать переходному рубежу, полосе между территориями. Соединив эти территории несколькими линиями с различными, но однородными характеристиками, можно на каждой из них отыскать отрезки с минимальными различиями, т.е. принадлежащие переходной зоне. Затем с определенной степенью генерализации можно выделить полностью и соответствующую переходную зону, полосу, как границу.

Наличие связей между двумя однородными, либо разнородными компонентами географического пространства измеряется наличием потоков, перемещения вещества и энергии между компонентами. Соответственно могут быть измерены теснота, периодичность и устойчивость таких связей. Общая закономерность такова, что наличие связи между двумя любыми компонентами географического пространства объединяет их в структурное звено. Теснота и устойчивость связи определяет выраженность и устойчивость структур-

ного звена. Подобные структурные звенья могут объединять компоненты географического пространства – как расположенные вблизи друг от друга, так и значительно удаленные. В отдельных случаях такие структурные звенья могут пересекать переходные зоны, рубежи между соседними геосистемами, экономическими районами. Например, крупный водоток, река, или поток грузов могут связывать в единое структурное звено две значительно удаленные друг от друга внутрибассейновые геосистемы, или два предприятия, экономических центра, поставляющие и принимающие соответствующие грузы.

Между сопряженными, т. е. непосредственно прилегающими друг к другу геосистемами или экономическими районами такие структурные звенья существуют практически всегда. И этот факт показывает очень важные закономерности. Во-первых, такие структурные звенья отражают то, что между соседними геосистемами и соседними экономическими районами практически всегда существуют пересечения их структур, а, во-вторых, подобные общие для двух и более геосистем (экономических районов) структурные звенья связывают их, включают в геосистемы и районы более высоких уровней.

С точки зрения методологии системного подхода, если между двумя компонентами географического пространства существуют тесные, устойчивые связи, то эти компоненты через соответствующее структурное звено включаются в одну систему. Если затем для каждого из этих компонентов выделить другие устойчивые структурные звенья, то получим пространственную систему вне зависимости от того, где размещены отдельные компоненты. Если же для каждого из этих компонентов провести анализ их сопряжений, соседства с другими, а также – оценку отношений однородности-разнородности, то можно выделить территориальные ареалы, рубежи и переходные, зоны, наконец – целостные геосистемы и районы.

Таким образом, структуризация географического пространства может идти по следующим своеобразным осям измерений:

1. Выделение относительно однородных слоев и компонентов географического пространства. При этом необходимо использовать данные и методы других наук: геологии, биологии, экономики, социологии и других.

2. Оценки отношений однородности-разнородности (дифференциации), сопряжений и связей (интеграций) в сфере компонентных и межкомпонентных измерений.

Все это можно представить в упрощенном виде – в виде матриц (табл. 1, 2). При этом соответствующие оценки и измерения можно производить как по отдельным строкам, так и по отдельным столбцам матриц. Другими словами – структуризация географического пространства – сложнейший процесс. И в соответствии с многомерностью и многоуровневостью самого географического пространства необходимо проводить его структуризацию: многомерность будет отражаться в соответствующих сферах измерений, а много-

Таблица 1

Измерения и оценки при структуризации географического пространства

Слои географического пространства	Измерения и оценки в сферах:				
	Пространственной	Компонентной	Межкомпонентных сопряжений	Межкомпонентных связей	В переходных зонах и структурах
литосфера, почвы, растительность, животные, гидросфера, атмосфера, население, хозяйство; Интегральные слои (геосистемы): природные, социально-экономические, природно-социально-экономические	СФЕРА ИЗМЕРЕНИЙ И ОЦЕНОК ПРИ СТРУКТУРИЗАЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА; ВЫДЕЛЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ СТРУКТУР И СИСТЕМ				

Таблица 2

Измерения основных атрибутов географического пространства

Измерения, оценки	Основные атрибуты географического пространства, в том числе:			
	дифференциация	интеграция	континуальность	дискретность
пространственные, компонентные, межкомпонентные сопряжения, межкомпонентные связи, измерения в переходных, граничных зонах	ОТРАЖЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ АТТРИБУТОВ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА			

уровневость – в обобщениях структурных отношений общности и связей, а также – самих рубежей и переходных зон.

В основе структуризации социально-экономических слоев географического пространства (населения, хозяйства) лежит выделение территориальных структур хозяйства. Нами (Бакланов, 1986; 2007) разработан достаточно строгий подход к выделению разноуровневых территориальных структур хозяйства.

Последние рассматриваются как двухуровневые, двухслойные образования. Первый слой – пространственный – формируют сочетания взаимосвя-

занных территориально компактных предприятий, компаний вместе со связями между ними, а также – с объектами инфраструктуры, с населением и компонентами природно-ресурсной среды. Второй уровень – территориальный – образуют сочетания промплощадок, зон социально-инфраструктурного и ресурсно-экологического влияния, а также рыночных зон, формируемых отдельными предприятиями, поставками им ресурсов и реализацией их готовой продукции. И пространственные, и, особенно – территориальные структурные уровни, формируемые многими предприятиями, существенно пересекаются между собой. На основе определенных обобщений, генерализации могут выделяться подобные структуры для сочетаний компаний, предприятий в пределах экономического центра, промузла, а также – для их районных сочетаний. При этом пространственный слой будет все больше генерализоваться и переходить в территориальный. В конечном итоге можно получить систему экономических районов с их обобщенными межрайонными связями.

Таким образом, от конкретных пространственно-временных структур хозяйства с их территориальными составляющими, через этапы генерализации можно перейти к районным структурам. При этом началом структуризации, своеобразной «точкой отсчета» территориальных структур может быть любое территориально компактное предприятие. Все другие имеющие с ним связи и сопряжения в пределах той или иной территории будут включаться в территориальные структуры в виде различных структурных звеньев.

Генерализованной «точкой отсчета» территориальных структур может выступать экономический центр, промузел. Для него также достаточно строго можно выделить пространственные звенья и территориальные. Если два соседних экономических центра достаточно тесно связаны между собой, а территориальные зоны их влияния существенно пересекаются, то эти центры (промузлы) входят в один экономический район. В противном случае они входят в разные экономические районы. Граница проходит по зоне минимальной связанности центров. При этом возможно пересечение районных структур через наличие общих звеньев территориальных структур. Тем самым граница и граничные структуры и разделяют экономические районы, и связывают их.

Таким образом, хозяйственные узлы, территориальные ареалы, линейные элементы через связи и сопряжения формируют сложные сетевые территориальные структуры хозяйства. Их относительно целостные сочетания в пределах определенных территорий образуют территориальные социально-экономические системы и районы. Последние через связи и сопряжения с природно-ресурсными компонентами географического пространства включаются в интегральные географические системы.

Отдельные территориально компактные предприятия, как и экономические центры в целом, могут выступить своеобразными «точками отсчета» в выделении интегральных географических структур. При этом последователь-

но на основе непосредственной связанности, сопряженности с этим предприятием, или экономическим центром выделяются компоненты населения, инфраструктуры, ресурсно-экологические и рыночные зоны, компоненты природные и природно-ресурсные, а также зоны их взаимовлияния в природных геосистемах. Своеобразным критерием структурной полноты интегральных геосистем можно использовать сопряженность структурных звеньев в динамике геосистем. Если при изменении какого-либо элемента «точки отсчета» сопряженный с ним компонент хозяйства, населения, инфраструктуры, природно-ресурсный или природный также изменяется, то этот компонент включается в структуру интегральной геосистемы.

В приморских регионах в интегральную геосистему могут включаться участки акваторий и звенья прибрежных морских экосистем в целом - при наличии тесных сопряжений с «точкой отсчета», например, экономическим центром – портово-промышленным узлом, расположенным на побережье. Определенные акватории в пределах морской экономической зоны могут входить и в соответствующие экономические районы.

Таким образом, в процессах структуризации географического пространства вычленяются географические структуры и системы, состоящие из различных сочетаний взаимосвязанных компонентов природы, населения, хозяйства. Такие образования существуют объективно, они могут быть описаны строгими количественными параметрами и являться не только объектом научного анализа, но и объектами управления и мониторинга.

Гладкий Ю. Н.

«СКВОЗНАЯ» ТЕОРИЯ ГЕОГРАФИИ ИЛИ «FATA MORGANA»?

При анализе обильного материала, посвященного проблеме «единства» географии в пору припоминать слова Евангелия от Луки [11–40]: «Неразумные! не Тот же ли, Кто сотворил внешнее, сотворил и внутреннее?» или Гете – «нет ничего внешнего и внутреннего. Всякое внешнее и есть внутреннее». Кипевшие когда-то и время от времени вспыхивающие сегодня страсти на тему – является география «единой» или «разорванной», – лишь подтверждают ограниченные способности человеческого познания представить науку как единое целое. География была, есть и будет одновременно монистической и разобщенной наукой, повинующейся действию принципов дифференциации и интеграции отраслей научного знания. Справедливо утверждение, что «в науке нет и никогда не было полосатых шлагбаумов, их поставили чиновники для удобства управления. *В науке есть сферы влияния, состоящие из мощных ядер и областей взаимного перекрытия*» (курсив наш – Ю. Г.) [9, с. 302].

К сожалению, в среде представителей естественной географии глубоко укоренился тезис: природное изначально самоценно и имеет право на существование «просто так», вне зависимости от полезности или бесполезности и

даже вредности для человека, и физическая география может развиваться «сама по себе» и, более того, и вести безоглядную критику того же антропоцентризма. Провозглашать можно все что угодно, «но, заболев гриппом, мы будем стремиться к подавлению деятельности вирусов, вредных для человека, лишая тем самым их «права на существование». Что уж говорить о полезных человеку растениях и животных, которые он культивирует, употребляет в пищу, использует для своих целей в быту. Крайний эгоцентризм, натурализм несостоятельны в той же мере, в какой несостоятельны крайний социологизм, антропоцентризм, игнорирующие законные интересы природы» [4, с. 31].

Вообще же, критерии отграничения, «иерархизации» и таксономии научного знания не столь просты, как может показаться на первый взгляд. Если физики не обсуждают всерьез перспективу создания перпетуум-мобиле, а астрономы не воспринимают опусы по астрологии, то это еще не значит, что в теоретических журналах вообще отсутствуют статьи, содержащие явно «экзотические» идеи, имеющие очень далекое отношение к заявленной науке и которые со временем способны вызвать лишь улыбку. Как известно, среди критериев отграничения любой области научного знания (в т. ч. отграничения от других видов знания) чаще других имеют в виду принципы рациональности, верификации и фальсификации. Но в реальной жизни уверенно «натурализовать» данные критерии нелегко. Так, принцип рациональности ориентирует исследователя на определенные «нормы», «идеалы» и «эталоны» научности, для чего необходимо установление собственных критериев (что в свою очередь зависит от философских представлений о «классической» или «неклассической» рациональности). Применение принципа верификации (согласно ему, понятие или суждение имеет значение в том случае, если оно сводимо к непосредственному опыту, т.е. эмпирически проверяемо) подчас бесполезно, поскольку любой религиозный, идеологический или астрологический факт можно интерпретировать в его пользу и т.д. Получить подтверждения (или верификации) почти для каждой теории несложно.

И лишь такой принцип отграничения научного знания как *фальсифицируемость*, предложенный известным методологом XX в. Карлом Поппером [5], заслуживает большего «уважения». Значение этого принципа сводится к тому, что научным является лишь то знание, которое в принципе опровержимо. С одной стороны, применение принципа фальсифицируемости научного знания дает удобную возможность благородному сообществу географов «оторгнуть» так называемые нетрадиционные паранаучные концепции уфологов, астрологов etc., поскольку последние так и не дали абсолютно достоверно установленных научных фактов (в этом случае опровергать собственно и нечего – эти концепции не выдерживают испытания принципом фальсификации). С другой – успешное применение этого принципа возможно и по отношению ко многим теоретическим конструктам в географии, ценность кото-

рых, мягко говоря, невысока, и которые ничем существенным не дополнили наше знание о действительности. Увы, и принцип фальсифицируемости не является «стоцентно» надежным.

Упорное стремление в прошлом многих сподвижников науки сформулировать некие *единые теории* (в том числе – в географии), которые аккумулировали бы фундаментальные принципы огромных предметных областей науки (в частности – естествознания) на основе «сподчиненности» частных теоретических конструкций, не оправдало ожиданий. Так, до конца XIX в. все физики были убеждены, что единой физической теорией может служить механика, но потом выяснилось, что это невозможно. Позднее в качестве единой теории попытались использовать электродинамику, однако выяснилось, что существующие виды взаимодействий – электромагнитные, слабые и сильные, гравитационные – трудно объединить в одной теории.

Такие широко известные разделы современной физики как механика, учения о теплоте и электричестве, оптика, молекулярная и атомная физика, квантовая механика, физика элементарных частиц далеко не всегда находят общие методологические «знаменатели»: часть физических материалов абсолютно «невосприимчива» к электромагнитному полю, физика космических лучей или элементарных частиц практически «не пересекается» с традиционной (индустриальной) механикой и т. д. Конечно, посредством гравитационного поля связаны все частицы вещества, и закон Ньютона (сила притяжения пропорциональна произведению масс тел и обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними) это подтверждает со всей очевидностью. Однако даже закона Ньютона, пожалуй, недостаточно для вывода о том, что вся физика «сцементирована» силой тяготения. В определенном смысле силой тяготения «скреплены» и геология, и биология, и география...

Говоря об элементах условности отграничения научного знания, следует помнить также о представлениях неклассической рациональности, попавших в поле зрения еще античных философов (и положенных в основу известного парадокса Фридриха фон Хайека). Речь идет об известной зависимости понятия объективной истины от ценностей той или иной культуры, поскольку критерии истины варьируют от культуры к культуре. Ясно, что представления о неклассической рациональности ассоциируются все-таки с развитием теоретической мысли в гуманитарных науках (а не естествознании), что вносит элемент «разнокачественности» в формирование методологического базиса общественной географии в разных культурах, цивилизациях, общественных формациях.

Но и в условиях одной и той же культуры подчас трудно установить критерии различения географического и негеографического, и представления о неклассической рациональности здесь ни при чем. Имеющиеся «попытки редукции к законам других фундаментальных наук, свойственные не только начинающим исследователям, неоднократно создавали реальную угрозу самому су-

ществованию географической науки и в случае безграничного расширения сферы ее интересов (отмеченного В. В. Докучаевым), ее всеядности, и в случае сведения ее функции к простой фиксации пространственного размещения объектов на земной поверхности, даже сопровождаемой объяснением причин и поисками чисто геометрических «закономерностей такого размещения» [7, с. 12].

Стремлением построения некоей единой теории, которая охватывала бы фундаментальные принципы всей предметной области отмечена история многих областей научного знания, в том числе – географии. Вот что писал по этому поводу Дэвид Харвей: «Без теории нельзя рассчитывать на контролируемое, непротиворечивое рациональное объяснение событий. Без теории мы едва ли можем претендовать на признание нашей собственной индивидуальности. Поэтому мне представляется, что построение теории в широком впечатляющем масштабе должно быть первейшей задачей в текущем десятилетии» [8, с. 468]. И далее: «... Более точное определение сферы географии должно быть итогом появления хорошо сформулированной и обоснованной географической теории. Поскольку теория в географии развита весьма слабо, перед нами возникает вопрос стратегической важности о выборе наилучшего пути к созданию ядра географической теории. При этом основной интерес привлекает к себе роль модели, и особенно априорное применение математических моделей...» [там же, с. 468].

Аналогичные идеи в течение десятилетий развивали и некоторые советские географы, апеллируя главным образом к теоретической географии. Продолжающиеся попытки поиски единой («сквозной») теории зиждутся на уверенности в том, что универсальные принципы, критерии научности отграничивают не только науку от других сфер человеческой деятельности, но и одну науку от другой. Казалось бы, против этого трудно что-либо возразить. Но что такое научная теория? – Это система абстракций, при помощи которых познается субординация свойств действительности. Но возможно ли одной единственной системой абстракций, отвечающей всем принципам отграничения научного знания, охватить все многообразие действительности в пределах земной поверхности? Мы сомневаемся в этом, во всяком случае, подобные «моносистемные» абстракции не известны ни в физике, ни в химии, ни в биологии. Более логично предположение о существовании одновременно нескольких системных абстракций, нередуцируемых друг к другу, хотя подчас и имеющих *общие корреляционные связи*. В первую очередь такое предположение должно отнести к географии, состоящей из десятков и сотен областей научного знания, специфика которых отображается относительно замкнутыми системами понятий, представляющими собой либо соответствующие теории, либо накапливающийся эмпирический материал для создания в будущем подобных теоретических конструкторов.

Несмотря на постоянно подчеркиваемую нами условность рубежей в науке, вопросы типа: «чем занимается географическая наука?», «в чем состо-

ит ее единство», «каковы ее цели?», «какими средствами их надлежит достигать?», «где границы поля географических исследований?», «какова специфика ее подходов?», «в чем сущность географического подхода к объектам, служащим предметом изучения других наук?», «какова значимость социального начала в современных географических исследованиях?», «возможно ли построение обобщающей теории географии?», «характеризуется ли вообще география собственным видением мира и специфическим предметом?» – важны как с точки зрения прояснения самих методологических основ нашей науки, так и в плане «шлифования» приемов упорядочения географических знаний.

Представления отечественных географов о современной географии преимущественно сводятся к тому, что ее объектом является географическая оболочка (геоверсум), предметом – территориальные (пространственно-временные) системы, хотя такие представления разделяются не всеми. Иногда речь идет о принципиальных разногласиях, в других случаях – о «нюансах». Алексей Ретеюм исходит из того, что все природные и общественные объекты это формы единой материи, «представляющей собой как бы бесконечный поток, который состоит из множества то делящихся, то сливающихся рукавов. Специальное изучение этих связей, которые очевидно, не сводятся к простым парным отношениям объектов, изучаемым отраслевыми науками, составляет, по его мнению, – цель географии. Наурзбай Мукитанов «со товарищи» выполнил трудоемкое обоснование положения, в соответствии с которым предметом географии служит такая, по сути дела, внепространственная категория универсального значения как «географическая среда».

Близкую к этой позицию занимал опальный Всеволод Анучин, представивший географию в виде сложного комплекса наук с одним общим объектом – ландшафтной оболочкой Земли, которая «кроме литосферы, воздушных масс, вод, почвенного покрова и биоценозов, содержит целый комплекс элементов общественного характера, т. е. прежде всего население с результатами его взаимодействия с остальной природой. Если говорить конкретнее, – уточняет Анучин, – ландшафтная оболочка Земли включает территориальные комплексы результатов общественного производства» [1, с. 115]. Как видим, «совокупность предметов и явлений» природного характера Берга Анучин со свойственной ему смелостью наполнил предметами и явлениями общественного характера.

Такая позиция вызвала «шквал» критики со стороны как уважаемых специалистов – физико-географов, так и «недоучившихся аспирантов», одержимых «глупой дерзостью своей» и конъюнктурными соображениями. Главный упрек связывался с «невозможностью» существования такого объекта монистической географии, «специфические свойства и законы которого были бы одинаково специфическими и для природы и для общества» [3, с. 7]. Традиционная полемическая «дубинка» насчет «общих специфических свойств природы и общества» ассоциируется с одним из наиболее распространенных

заблуждений в «отечественной методологии» географической науки. В данном случае авторы, смешивают в одну «кучу» реально существующие общие элементы исследования у естественной и гуманитарной географии с «мифическими» общими свойствами и законами, забывая при этом об уникальном *механизме взаимосвязи и взаимодействия общества и природы, как об относительно самостоятельном объекте исследования.*

Социальность не может и не должна противопоставляться остальной природе, ибо приобретение этого качества свидетельствует лишь о том, что развитие представителей *Homo sapiens* стало подчиняться законам не только биологического, но и в существенной степени общественного развития. То обстоятельство, что вследствие животного происхождения жизнедеятельность человеческого организма основывается на фундаментальных биологических механизмах, которые составляют его биологическое наследство, десятилетиями упорно игнорировалось советскими теоретиками от географии. Забывалось о том, что *Homo sapiens*, не только отличается уникальными функциями головного мозга, но регулярно принимает пищу, как все животные справляет свои естественные потребности и остается включенным в систему органического мира.

Широкое распространение получил взгляд, в соответствии с которым лишь отсутствующая пока *интеграция* разрозненного географического знания, позволит глубже проникнуть в суть объективной реальности и поможет прояснить возможность создания «общей теории». В этой связи Эдвард Аккерман полагал: «если понадобится обобщающая идея, с помощью которой можно охарактеризовать этот период (в науке), то такой идеей будет стремление познать взаимные отношения явлений на земной поверхности» [10, с. 7]. Он активно пропагандировал важность системных исследований в центре которых было бы функционирование сложных составных систем, объемлющих как подсистемы живой природы, так и социальные подсистемы. (Разумеется, эта благородная цель географии, которую мы разделяем полностью, не является полностью новой, хотя бы потому, что фактически ее имели в виду и Риттер, развивавший мысль о «связности свойств и взаимоотношений»; и Хартшорн, писавший об «интеграции»; и Платт, упоминавший о «процессоподобной динамике социальных отношений»; и некоторые советские авторы, в частности, Исаченко, фиксирующий внимание на «бесхозное уникальное поле комплексных исследований» и многие другие).

В качестве едва ли не господствующего принципа единения географии как области научного знания еще со времен Риттера многими авторами называлась *территориальность* или *топологичность*. Собственно говоря, к подобной точке зрения склонялись и Николай Баранский, связывавший «географическое мышление», во-первых, с «привязкой» к территории, во-вторых, с комплексным подходом, не замыкающимся в рамках одного «элемента» или «отрасли» (и, подобно Хартшорну, делавший упор на использование карт), и

Юлиан Саушкин, считавший географию наукой о территориальных (пространственных) системах и многие другие советские географы. Преклоняясь перед заслугами выдающихся наших мэтров, отметим известную «усеченность» подобного подхода.

Вряд ли являются условия территориальности и комплексности достаточными для установления специфики географического подхода в изучении Земли, и вряд ли есть веские основания «приватизировать» географами пространство – одну из трех категорий мира (пространство, время и материя), поскольку все науки обладают пространственным качеством, и уж если география претендует на исключительность в данном отношении, необходимы, по-видимому, более весомые аргументы ее исключительности – без этого она не может надеяться на независимый статус на основе пространственной переменной. География не является «супернаукой» о пространственных отношениях, как считают некоторые авторы, поскольку это предположение автоматически сужает поле исследования многих других наук, равно как и не может считаться обобщающей или законотворческой наукой о пространственных отношениях, так как можно «сходу» назвать и другие науки, которые имеют дело с ними. Высказывается мнение, что «по самой своей природе топологизм не дает и не может дать ответ на основной вопрос географии о выделении предмета науки на основе четких критериев...» [6, с. 30].

Разумеется, в географии нет и быть не может экстерриториальных (экспространственных) образований, поскольку принадлежность к определенной территории (геотории) на земной поверхности – имманентная черта всех процессов и явлений, рассматриваемых географией (в противном случае речь будет идти уже о другой науке). Территориальность в состоянии эффективно выполнять интегративную функцию, пожалуй, лишь по отношению к тем дисциплинам, единение которых изначально ведется на *формальной*, а не *содержательной основе* (краеведение, регионоведение и др.). Увы, отстаивание единства всего комплекса географических наук на чисто формальной основе, т. е. с позиций пространственного, территориального подхода пропагандируется преимущественно представителями именно гуманитарной географии (на что давно обратил внимание Байрон Ишмуратов [2, с. 13]).

Можно понять убежденность Всеволода Анучина, яростно отстаивавшего свою точку зрения, в соответствии с которой «принцип территориальности выражает не сущность изучаемых предметов, а методологическую специфику в подходе к изучению их» и «территориальный (хорологический) подход является методологической основой любой частной географической науки, ибо все они изучают отдельные элементы географической среды как части целого...» [1, с. 164]. И далее: «сторонники хорологической концепции запутались между предметом и методом, приняв методологическую основу географии за изучаемый ею предмет» [*там же*].

Опираясь на свой многолетний профессиональный опыт, проясним собственную позицию в отношении того, что представляет собой «фокус» географической науки и в чем состоит ее относительное единство. Нетрудно видеть, что наша позиция не претендует на оригинальность, поскольку она в максимальной мере учитывает интеллектуальные наработки учителей и коллег, но вместе с тем фиксирует внимание на те аспекты, которые позволяют географии (в том числе гуманитарной), образно говоря, «униженной подняться с колен» и «ощутить» себя полноправной ветвью фундаментальной науки.

География как самостоятельная область научного знания исследует взаимодействие природы и общества в пространстве и во времени как качественного особого процесса, локализованного в специфическом сегменте объективного мира – наружной земной оболочке (включая очеловеченную природу) и характеризующегося внутренней логикой своего самодвижения. Как можно видеть, подобная трактовка не является нашим «ноу-хау» – многие авторы ее придерживались в прошлом и разделяют сегодня, полагая, что в поле зрения географии находятся процессы и явления на земной поверхности, в слое концентрации жизни («lifeworld»).

Главный объект географии – *корреляционные отношения (связи, взаимодействия, циркуляция, кругообороты, потоки, наконец – системы), приуроченные к конкретной пространственной арене*, имеющие, как правило, сложный, междисциплинарный характер, не сводящиеся к парным отношениям объектов, выходящие за пределы микромира и фактически остающиеся вне компетенции парциальных отраслей научного знания. Разумеется, общим (на уровне методологии и логики) объектом изучения географической науки является *географическое пространство*, однако, будучи объективным явлением, оно все еще остается абстрактным объектом науки. Корреляционные отношения (связанные не только с *целесообразной* деятельностью людей, как ошибочно полагают некоторые наши коллеги) являются специальным объектом, существующим реально, а не только в виде представления. Кстати, в подобной трактовке нет места «пространственному сепаратизму», нет намерения отделить предмет географии от систематических наук, абсолютизации пространственной проблематики и «пространственных законов».

Есть много оснований утверждать, что та самая «генетическая, вековая, и всегда закономерная связь, какая существует между силами, телами и явлениями, между мертвой и живой природой» (по Докучаеву) вполне может быть трансформирована на язык определенных теоретических принципов, которые и объединят разрозненные знания в целостную органическую систему (не механический агрегат, не суммативное целое, а систему!), изучаемую *географической наукой*.

Является ли география наукой о пространственных отношениях, взаимодействиях и распределениях? Бесспорно, но – лишь в том числе: исследова-

нием пространственных переменных и пространственных систем могут заниматься физика и химия, хотя сфера их интересов четко параметризуема и не идет в сравнение с «масштабами» интересов географии. «Что же касается метода познания, основу которого составляет раскрытие связи вещей, явлений в пространстве, то речь идет в данном случае о сосуществовании вещей, явлений во времени и пространстве, об их взаимной связи между собой. Такой подход позволяет раскрывать внутреннюю структуру, т.е. строение сложных объектов, образованных из более простых, связанных между собой, следовательно, сосуществующих частей. На наш взгляд, истоки такого метода в географии (курсив наш – Ю. Г.)» – писал в свое время авторитетный советский философ Бонифатий Кедров, мнение которого весьма ценно для отстаиваемого подхода.

Не собирается ли география из деталей, «кусочков» и «частичек», которые не изучаются ни одной наукой? В существенной мере так оно и есть, хотя они не создают достаточную эмпирическую базу для отграничения самостоятельной научной дисциплины – такую основу образуют, прежде всего, корреляционные отношения интернаучного характера, лишь частично исследуемые экологией. Может ли география считаться законотворческой областью научного знания о пространственных отношениях? Безусловно, но лишь в качестве одной из равноправных. Корректно ли относить географию к науке «нижнего уровня» о пространственных отношениях, которая обслуживает теоретические науки «высшего эшелона», поставляя им эмпирический материал и использующая их законы? Вряд ли – подобная иерархия противоречит сложившемуся разделению наук и общепринятой их классификации. Являются ли объектом современной географии географическая оболочка (геоверсум), а предметом – территориальные (пространственно-временные) системы, как это принято сегодня «официальной» географией? С одной стороны, – являются, с другой – идентификация объекта и предмета в подобной формулировке порождает «неприятные» вопросы, поскольку «географическая оболочка» с успехом может исследоваться физиками, химиками и другими специалистами, и не все корреляционные отношения относятся к сфере географии и соответствуют классическим представлениям о «системе».

Цель географического исследования – выяснение механизма возникновения, а также пространственных особенностей существования тех или иных *корреляционных* отношений, (связей, взаимодействий, систем) возникающих в рамках конкретных арен наружной земной оболочки (включая очеловеченную природу), и выходящих за пределы микромира, где возможности «играть масштабами» ограничены. (Кстати, так называемая «наружная географическая оболочка», по Петру Броуну, или эпигеосфера, вполне может рассматриваться в качестве корреляционной системы глобального уровня – макросистемы).

В этой связи возникает и следующий вопрос: а не являются ли отмеченные объекты географического анализа некой псевдоморфозой, своего рода «флотационными хвостами» других наук, которые незаконно присваивает себе география? Для того чтобы «развеесть» подобное сомнение, следует доказать, что географическая картина мира не сводится к простой сумме онтологий других наук, а является особым, специфическим аспектом общенаучной, которая наряду с представлениями о природе включает представления об обществе и человеке. Именно география как уникальная научная матрица устанавливает сложнейшие механизмы пространственной коммуникации и корреляции между естественной и очеловеченной природой. Вопрос о научной принадлежности «флотационного хвоста» еще актуален в том случае, когда он возникает на стыке двух наук – когда же речь идет о возникновении «системных хвостов» на стыке многих наук в рамках наружной земной оболочки – эпигеосферы (по остроумному выражению Александра Ласточкина – «ядра конденсации» разнородного знания), прерогативу географии оспорить трудно. (Кстати, Николай Баранский подчеркивал: «изучение связи разнородных явлений в пространстве составляет самую суть географии, ее «ядро», без которого она лишается смысла своего существования»). Подобная позиция авторитетного отечественного географа может служить подтверждением корректности идентифицированных выше предмета и объекта географии).

Наш акцент на корреляционные (и пространственные) связи вовсе не нов, хотя единство в их понимании отсутствует. Здесь уместно еще раз напомнить прозорливую мысль Василия Докучаева: *«Изучались главным образом отдельные тела... и явления, отдельные стихии..., но не их соотношения, не та генетическая, вековечная, и всегда закономерная связь, какая существует между силами, телами и явлениями, между мертвой и живой природой, между растительными, животными и минеральными царствами, с одной стороны, и человеком, его бытом и даже духовным миром – с другой. А между тем, именно эти соотношения, эти закономерные взаимодействия и составляют сущность познания естества»*. Вот она – высшая миссия географической науки. Если эти «соотношения» и «закономерные взаимодействия» составляют сущность познания естества, то неужели в начале XXI столетия все еще стоит отстаивать деление наук на «естественные» и «исторические» (в «духе» лидеров баденской школы неокантианства В. Виндельбанда и Г. Риккерта) или придерживаться классификации, данной Энгельсом?

Казалось бы, отмеченная функция географии (особенно касающаяся очеловеченной природы), имеющая отношение к исследованию корреляционных отношений в пределах наружной земной оболочки, в равной мере присуща и *экологии человека*, однако, во-первых, предмет географии существенно шире по содержанию; во-вторых, география исходит из принципа «рядоположенности» парциальных сред, в то время как предмет экологии – сочетание

систем, при котором одна включает другие и является внешней средой их существования; в-третьих, география отражает не только традиционные связи живого и косного вещества, но и специфические проблемы пространственной самоорганизации управления; в-четвертых, экологизация многих (не только географических!) исследований – «нормальный» феномен в условиях глобализирующегося мира; в-пятых, география – достаточно зрелая («старая»!) область научного знания, чтобы внезапно, «по милости божьей» отказаться от своего пиетета в пользу совсем «юной» экологии даже от части традиционного предмета своего ведения; в-шестых, данный спор не может являться принципиальным, поскольку экология человека (социальная экология) – «пороговая» дисциплина, формирующаяся на стыке географии с целым рядом других наук, что отражает условность границ в науке (природе и обществе).

Не должно думать, что взаимодействие природы и общества трактуется нами как процесс, который определяет существование и природы и общества в рамках некоей системы «природа-общество». Подобный взгляд ошибочен, ибо представление о взаимодействии природы и общества как о «общем высшем процессе», хотя и было сформулировано давно, с научной точки зрения – контрпродуктивно; оно не было до сих пор «подкреплено» ни одним законом. Мы же имеем в виду корреляционные связи между природными и социальными *компонентами*, представляющими собой относительно целостную систему. «Взаимодействие природы и общества выступает... не как высший общий процесс, – отмечает Виктор Кобылянский, – а как процесс самого перехода, проникновения природы в общество и общества в природу. ... Только с позиций такого подхода к взаимодействию природы и общества можно увидеть в социально-географическом знании не внешнюю, но внутренне присущую ему «географичность», а отсюда появляется основание говорить о возможности и необходимости существования особой социально-географической науки» [4, с. 87].

Анализируя состояние так называемой «единой (обобщающей, «сквозной») теории», с помощью которой можно было бы сementировать воедино разобщенные географические знания и охватить их всеобъемлющей идеей, зададим сакраментальный вопрос: какими императивными условиями диктуется ее необходимость с учетом колоссальной полицентричности научного знания и географической науки, в частности? Не уводит ли профессиональное сообщество «вбок» от решения своих главных проблем навязчивая идея, во что бы то ни стало, отыскать «лунный камень» – т. е. «единый стержень» географии, равно как и пропаганда многих известных и вредных для ясности географической мысли дихотомий: география должна быть либо идиографической, либо номотетической; физическая и гуманитарная география – это абсолютно самостоятельные науки; география должна быть либо топической, либо региональной, либо дедуктивной, либо индуктивной и т. д. и т. п. Может быть,

следует, наконец, согласиться с тем положением, что таких «стержней может быть», как минимум, несколько?

Литература

1. *Анучин В. А.* Теоретические проблемы географии. – М., 1960.
2. *Ишмуратов Б. М.* Региональные системы производительных сил. Методологические основы географического анализа. – Новосибирск, 1979.
3. *Калесник С. В.* Общие географические закономерности Земли. – М., 1970.
4. *Кобылянский В. А.* Философия экологии. – М., 2003.
5. *Поппер К.* Логика и рост научного знания. – М., 1983.
6. *Ретеюм А. Ю., Серебряный Л. Р.* География в системе наук о земле / Серия «Теоретические и общие вопросы географии». Т. 4 (Итоги науки и техники). – М., 1985.
7. *Файбусович Э. Л.* Современная парадигма и развитие новых направлений социально-экономической географии: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. – СПб., 1997.
8. *Харвей Д.* Научное объяснение в географии. Общая методология науки и методология географии (сокр. перевод с англ.). – М., 1974.
9. *Шупер В. А.* Теория экономического ландшафта на фоне XX столетия // Август Лёш как философ экономического пространства. – М., 2007.
10. *Ackerman E. A.* Geography as a fundamental research discipline. University of Chicago, Department of Geography Research. Paper 53. 1965.

Горкин А. П.

О РЕЛЯТИВИЗМЕ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ (ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ АСПЕКТЫ)

В философии релятивизм обычно определяют как методологический принцип, состоящий в абсолютизации относительности и условности знания и ведущий к отрицанию возможности познания объективной истины. Философ В. Шпанский утверждает, что мир таков, какова точка отсчета исследователя при изучении соотношений между свойствами взаимодействующих тел. Если ваша точка отсчета отличается от моей, то весь мир будет таков, какова ваша точка отсчета. Факты создаются теориями, которые они якобы подтверждают. Идеология определяет, что для нее является фактом, а что – нет.

В моем сообщении понятие «релятивизм» не несет в себе сакрального, общенаучного начала. По материалам одной отрасли знания предпринята попытка на отдельных примерах оценить некую относительность (релятивность) методических и методологических подходов, исследовательского инструментария социально-экономической географии.

Релятивизм в социально-экономической географии с **гносеологической точки** существует в пяти основных видах:

– **метрический** (релятивизм результатов измерений);

- **топологический** (релятивизм интерпретации общих свойств пространства)¹;
- **понятийно-терминологический** (релятивизм суждений);
- **визуализированный** (релятивизм образов);
- **когнитивный** (релятивизм ментальных представлений).

Выскажу предположение, что с гносеологической точки зрения при изучении пространственных различий **метрический, топологический, понятийно-терминологический и визуализированный** подходы образуют некий когнитивный «сплав» восприятия территории – как отдельным человеком, так и социумами различных иерархических уровней.

На практике анализ общественных процессов и явлений в пространстве приводит исследователя, хочет он этого или не хочет, к проблеме выбора методического аппарата и методологических подходов, изначально содержащих в себе относительную истину, т.е. имеющих релятивистский характер. Тут группировка так называемых «релятивизмов» (Р.) выглядит несколько иначе. В первом приближении можно выделить следующие типы: **Р. показателей, Р. понятийно-терминологический, Р. хронологический, Р. хронологический, Р. картографический и Р. графический**. Рассмотрим некоторые из них.

Релятивизм показателей. Речь идет не том, что есть правильные показатели и неправильные, хорошие или плохие, фальшивые или релевантные. Главное в данном случае другое – релятивизм показателей. Рассмотрим общепринятые научно обоснованные показатели, с помощью которых исследуется одно и то же явление или процесс, и получаются **разные**, но в то же время **правильные** результаты.

Начнем с ВВП, который характеризует конечную стоимость всех товаров и услуг, произведенных на территории данной страны в течение года. Рассчитывается он в двух вариантах: 1) как номинальный, т.е. по обменному курсу национальной валюты по отношению к доллару США; 2) по паритету покупательной способности (ППС) национальной валюты, т.е. с учетом внутренних цен на территории страны. В первом случае суммарный ВВП мира по данным Всемирного банка составил в 2008 г. 60,6 трлн долл., во втором – 69,7 трлн долл. По отдельным странам эти показатели выглядят следующим образом (см. табл. 1).

Как здесь выглядят развивающиеся страны? Более низкий уровень внутренних цен по сравнению с развитыми странами заметно влияет на их место в экономической картине мира. Китай с 3-го места по номиналу (7,1% от итога) поднимается на 2-е место по ППС (11,3%), Индия с 12 мес-та (2,0%) – на 4-е (4,9%), Россия с 9-го места (2,7%) – на 6-е (3,3%).

¹ Топология изучает общие свойства геометрических фигур, не изменяющиеся при любых непрерывных преобразованиях: граничность, соседство разных порядков и др. Пример топологической задачи: кто ближе к России – Молдавия («ближнее зарубежье») или США («дальнее зарубежье»)?

Таблица 1

ВВП отдельных государств мира в 2008 г.

	Расчет по ППС			Расчет по номиналу		
	Порядковое место	млрд долл.	Доля в мире, %	Порядковое место	млрд долл.	Доля в мире, %
США	1	14 204	20,4	1	14 204	23,4
Китай	2	7 903	11,3	3	4 326	7,1
Япония	3	4 355	6,2	2	4 909	8,1
Индия	4	3 388	4,9	12	1 217	2,0
Германия	5	2 925	4,2	4	3 653	6,0
Россия	6	2 288	3,3	9	1 608	2,7
Итого		35 063	50,3		29 917	49,4
МИР		69 698	100,0		60 587	100,0

Так какой же показатель ВВП применять при изучении мировой экономики или экономической географии мира? ВВП по ППС характеризует экономический масштаб страны в ее центристском дискурсе, в потенциальной возможности удовлетворения населения страны в товарах и услугах – по тем внутренним ценам, которые сложились на данный год. ВВП по номиналу характеризуют место страны в глобальной экономике, с валютными рынками, курсами акций, сложными внешнеэкономическими связями. ВВП по номиналу по существу отражает конкурентоспособность страны в мировом хозяйстве.

Релятивизм показателей тесно связан с релятивизмом понятийно-терминологическим. Зададимся вопросом: какая страна «экономически более развита» – Люксембург (1-е место в мире по ВВП на душу населения и 91-е по абсолютному объему) или Китай (89-е место по душевому ВВП и 2-е по абсолютному объему)? Или – можно ли считать Россию экономически развитой страной, если она занимает 42-е место в мире по ВВП на душу населения и 6-е место по абсолютным размерам ВВП? По мнению автора, **абсолютный размер ВВП** характеризует экономический потенциал **государства**, тогда как **относительный размер** (т. е. ВВП на душу населения) характеризует уровень экономического развития **общества**.

Другой пример релятивизма экономических показателей. Среднеарифметический доход жителя Москвы, по утверждению ее руководителей, превышает 33 тыс. рублей в месяц. Нет никаких сомнений в статистической точности этого показателя. Но как он характеризует уровень социального благосостояния москвичей, если децильный показатель неравенства доходов населения в Москве превышает 40? При таком существенном социальном расслоении был бы более применим (и по форме, и по существу) показатель медианного дохода населения, который, по оценкам, составляет 14–18 тыс. рублей. Разница существенная, хотя оба показателя «правильные».

Релятивизм хронологический. Зависимость размещения производства в рыночной экономике от фаз делового цикла является основанием необходимости сопоставления статистических данных за годы, **относящиеся к одной и той же фазе цикла**, в противном случае (при произвольно взятых годах, по пятилетиям, десятилетиям и т. п.) сравнение может оказаться некорректным, его относительность (релятивность) резко возрастает. Сопоставление статистических показателей, характеризующих территориальную структуру в исследуемый и базовый периоды, может быть достаточно корректным лишь в том случае, если в базовый период социально-экономическая, военно-политическая, экологическая ситуации были не настолько экстремальны, чтобы существенно влиять на уровень адекватности сравнения. В тех случаях, когда показатели одного года резко отличаются от показателей соседних лет, должна браться средневзвешенная величина. Кстати, на практике этот принцип применяется в сельскохозяйственной статистике – например, при сравнении урожайности (чтобы элиминировать воздействие засух, наводнений и пр.). Применяется он и в других случаях. Так, в ООН при использовании показателя «отношение затрат на НИОКР к ВВП» обычно берут средневзвешенные данные за 3–4 года. И это логично, потому что данный показатель от года к году может резко меняться – для небольших стран завершение или открытие новой научной программы может заметно повлиять на годовой показатель.

Релятивизм хорологический. Известно, что площадь России 17 млн км², в том числе примерно 5 млн км² – это обжитая территория (практически такая же, как в США). Сравнение государств по их общей площади абсолютно релятивно. Общая площадь страны, т. е. территория государства – это **геополитическое пространство** (возможно, потенциально **ресурсное**), а та часть территории страны, которая освоена человеком, где он постоянно живет, работает, отдыхает, – это **социальное, общественное пространство**. Для больших стран (Россия, Канада, Бразилия, Китай, Индия, Австралия) эти «пространства» практически не совпадают. Препятствуют слиянию этих двух «пространств» две группы основных факторов – природные и институциональные.

Релятивизм понятийно-терминологический. Это самый распространенный в нашей науке вид релятивизма. Примеров можно привести великое множество, сгруппировать по видам – крайне сложно. Но прежде всего можно выделить релятивизм (субъективный, научно не обоснованный) в определении научных понятий, научных направлений, отраслей знания, основа которого – неразработанность аксиоматики, какая-то «детскость» нашей науки, несмотря на то, что ей формально скоро исполнится 250 лет. В качестве примера приведем используемые в отечественной научной литературе некоторые названия дисциплин, относящихся в той или иной степени к региональной парадигме социально-экономической географии: регионалистика, регионоведение, регионика, районистика, районология, регионология, районография, региональ-

ная география, районная география (список не исчерпывает всех вариантов!). По мнению автора, весь этот продукт квазинаучного словотворчества можно свести к двум основным и четко очерченным «сциентонимам»: **региональная география** (при конкретно-сущностном изучении регионов) и **регионика** (при их модельно-математическом исследовании).

Релятивизм качественных оценок как разновидность понятийно-терминологического релятивизма особенно распространен при оценках уровня развития страны и ее отдельных регионов: экономического развития, социально-го, технологического, инновационного, промышленного, политического развития и т. д. Особых доказательств релятивизма в этой сфере приводить, видимо, не стоит – и он неизбежен. Релятивизм в данном случае обусловлен самой сложностью, многоаспектностью изучаемого объекта (когда почти любое утверждение о его сущности можно опровергнуть или сильно скорректировать). Широко продолжает использоваться понятие «промышленно развитые страны» – по сути, абсолютно релятивное. И это при том, что в постиндустриальную эпоху критерии «развитости» страны по сравнению с индустриальным этапом резко изменились. Уровень развития страны в наше время определяют не показатели сборки автомобилей, выплавки стали, добычи нефти или производства минеральных удобрений, а уровень развития науки, образования, здравоохранения, информационного сектора, инфраструктуры. Широко распространенные понятия «модернизация», «инновации», «высокие технологии» по сути глубоко историчны, пространственно атрибутивны и носят релятивный характер. Закрытие предприятий по сборке бытовых электронных приборов в США при одновременном расширении их производства в Таиланде – для обеих стран это существенная фаза структурной модернизации промышленности. Открытие завода по производству холодильников в Свазиленде и предприятия по сборке чипов в Портленде (штат Орегон в США) – для каждой из стран развитие «высоких технологий».

В заключение отметим, что релятивизм заложен в самой природе объекта изучения социально-экономической географии – территориальной организации общества. Наука наша изучает нечеткие, пересекающиеся множества и вероятностные, стохастические процессы, происходящие в глобальном и одновременно локальном мире.

Дружинин А. Г.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИЙ В ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Трансформируя мировую социально-экономическую архитектуру (делая её всё более усложнённой и менее устойчивой, зависимой от множества разномасштабных факторов, «сжимая» и фрагментируя общественно-географическое пространство, увеличивая в нём число «центров», силовых полей,

демаркационных рубежей и др.), глобализация выступает в ипостаси доминантного фактора и способа современной территориальной организации общества, требуя, в этой связи, всё более масштабной и детализированной исследовательской интерпретации, формирования имплантированной в систему научного знания своего рода «географии глобализации», её соответствующей «теоретизации».

Являя собой разворачивающийся в общепланетарном масштабе пространственный интеграционно-деинтеграционный процесс, глобализация «географична», напрямую связана с конкретными территориальными социально-экономическими системами, с их динамикой и взаимодействием, с соответствующими структурно-функциональными изменениями, с выстраиванием и реструктурированием территориально-системной иерархии.

По мере того как сопряжённая с глобализацией политико-экономическая и социально-культурная активность всё в большей степени «распространяется» по ойкумене, возникает и усиливается эффект дифференциальной (селективной) глобализации, когда наиболее явные и полномасштабные проявления последней концентрируются в немногих регионах и их центрах, а остальная территория в целом как бы «маргинализируется» и стабильно «выдавливается» на периферию мирохозяйственных и иного рода связей. Образовавшиеся территориальные «архипелаги» глобализации формируют контуры складывающейся общепланетарной территориальной социально-экономической системы, чья структура, факторы динамики, взаимодействие с совокупностью иных сложившихся ранее ТСЭС и, главное, аттракторы, теоретически не осмыслены.

Параллельно под воздействием трансграничных финансовых, товарных, людских и информационных потоков территориальные контуры подавляющей части стран и регионов, с одной стороны, теряют былую рельефность и чёткость, с другой – видоизменяются, выстраиваясь по «принципу матрёшки» в виде системы вмещающих друг друга ареалов: территория – ядро ТСЭС, «собственно территория ТСЭС», территория – её внешняя «бахрома» и др. В дополнении к эндогенному, оконтуренному устоявшимся и легитимными (юридически и в плане общественного сознания) региональными и государственными границами, ТСЭС, в итоге, обретают и свой внешний (экзогенный) компонент, в неравной степени рассредоточенный в асимметричной архитектонике глобального геоэкономического, геополитического и геокультурного пространства. В русле глобализационных процессов территориальные социально-экономические системы становятся также всё более полиморфными (в социокультурном, институциональном, политико-экономическом отношениях), полицентричными, динамичными и крайне неустойчивыми. И всё это чрезвычайно усложняет общественно-географическое пространство, усиливает диссонанс между собственно территорией того или иного региона (города, страны в целом) и многообразными проявлениями региона (города, страны

в целом) на территории, продуцируя трансграничность и шире, трансрегиональность, а вместе с ними и новое качество пространственных социально-экономических взаимодействий, позволяющее акцентировать новый экономико-географический феномен и объект изучения – **трансрегиональную организацию общества**.

По мере развёртывания глобальной социально-экономической системы (географического «вширь» и социально-экономико-культурного «вглубь») и трансрегионализации (лишь частично вмещающей в себя эффекты детеррегионализации и означающей, скорее, экономически и технологически обусловленный переход к качественно новым детерминантам и формам территориальной организации общества) глобализации всё зримее обретает глобально-локальные (глокальные) черты. Причём, если внешняя (наиболее очевидная и часто акцентируемая) сторона глобализации – это последовательное становление общепланетарного суперцелого и интеграция в него (в экономической, культурной и политической сферах) различных стран, регионов, городских агломераций, то внутренняя (сущностная) связана, прежде всего, со своего рода «взаимопозиционированием» ТЭС в модернизирующихся технико-технологических и политико-экономических условиях, с формированием и развитием соответствующих территориальных рынков, кластеров, групповых систем расселения, с положением конкретной территории в выстраиваемой глобализацией и спонтанно видоизменяющейся архитектонике социально-экономических локалитетов и связующих их сетей и потоков. В русле глобализации усиливаются трансграничные векторы центрально-периферийных взаимозависимостей. В целом сохраняя свои исторически сложившиеся пространственные ядра и контуры, глобальный центр всё в возрастающей мере становится транснациональным и даже трансцивилизационным, трансконтинентальным, обретает центростремительный вектор, «растекается» по геопространству своими субцентрами, проникает (элитными бизнес-кварталами, рекреационными зонами, оффшорами и т. п.) практически во все уголки современного мира. И «центр», и «полупериферия», и «периферия» как бы фрагментируются, пространственно диверсифицируются, а соответствующие им ареалы множатся числом. Наблюдается своеобразная **«террегионализация» глобализации** и сопряжённая с ней, идущая практически параллельно **«глобализация» территории**, её социально-экономических таксонов (стран, регионов, отдельных ареалов и узлов хозяйственной активности, городских агломераций). Информатизация и пространственная мобильность, дополняемые относительной стандартизацией уровня и образа жизни части территориальных общностей (как правило, наиболее обеспеченной и высокообразованной) создают эффект (в том числе и вполне материализованный) включённости в благополучный, успешный сегмент глобального мира. Параллельно (и на уровне идеологии государств, и в обыденном массовом сознании) продуцируются представления о неизбежной, скорой и позитивной (по своим сово-

купным социально-экономическим эффектам) интеграции стран, регионов в глобальные институты, в те или иные лидирующие (и оттого предельно привлекательные, особенно извне) мегарегиональные группировки. Возникает своего рода **пандея глобализации** (в современных условиях – фактически вестернизации), отчасти иллюзорная, отчасти приближенная к реальности, отчасти её формирующая. На этом фоне проявляется острейшая потребность в адекватной теоретической интерпретации формирующейся под доминантным влиянием глобализации архитектуры территориальной организации общества на всех её основных уровнях (от новых, конституированных трансграничным сотрудничеством мета- и мегарегионов до множества локальных «вкраплений» глобальной социально-экономической активности).

Глобализация выдвигает на авансцену территориальной организации общества «большие» (не только масштабные по своей территории, но и имеющие обширную экзогенную составляющую) ТСЭС, формирует их новую позицию на всех иерархических уровнях, что ведёт к усложнению объекта экономико-географических исследований, инициирует дальнейшее развитие традиционного для российской СЭГ позиционного анализа (характерного для работ Н. Н. Баранского, И. А. Витвера, И. М. Маергойза, С. Б. Лаврова, ныне развиваемого Б. Б. Родоманом, А. И. Трейвишем и др.), позволяя ставить вопрос о **«глобальном геопространственном позиционировании»** (ГПП) как необходимом атрибуте (способе бытия) ТСЭС, одном из наиболее фундаментальных и полномасштабных проявлений продуцируемой глобализацией транс-территориальной организации общества.

В своём онтологическом аспекте позиционирование являет собой, первоначально, некое местоположение конкретной ТСЭС в уже реально оформившемся, либо только обозначившемся пространственном явлении (процессе), трансформирующееся во внешний вызов (существенное для современного функционирования ТСЭС и перспектив его развития обстоятельство), преобразуемый затем в её защитную (адаптивную) реакцию и, наконец, по мере «накапливания» структурных и иных изменений в ТСЭС, зримый феномен регионогенеза (реструктурирование ТСЭС, переориентацию её доминантных внешних и внутренних связей, формирование новых «полюсов роста» и т. п.). Глобальное позиционирование региона – это, с одной стороны, его некое устоявшееся место в геопространственной «матрице», с другой – фактор и инструмент развития, возможность «вырваться» (если позиционирование неблагоприятно, либо по совокупности причин ухудшается) за её рамки.

ГПП относительно стабильно (воспроизводя для территориальной общности имманентный ей спектр социально-экономических возможностей и проблем). Наряду с этим, оно изменчиво, причём позитивный вектор соответствующих модификаций связан с совокупностью целенаправленных усилий, иницируемых и реализуемых как непосредственно «на месте», так и во внешних,

контролирующих и организующих ту или иную территорию центрах. В этой связи позиционирование являет собой активную сторону отношения конкретной ТСЭС ко всем остальным феноменам территориальной организации общества, проявляющуюся как в многоаспектном «присутствии» в других ТСЭС, так и в постоянном «изменении себя» в спонтанно трансформирующемся глобальном геопространственном контексте. Фактически ГПП – это адаптивный процесс приспособления к внешней и внутренней среде функционирования ТСЭС и, одновременно, изменения (по возможности) этой среды.

ГПП полимасштабно и полиаспектно. Уместна, в частности, постановка вопроса о позиционировании в территориально-системной организации странового уровня, о позиционировании в глобальной центр-периферийной системе, о позиционировании на наиболее значимых территориальных рынках, о позиционировании в «геопространствах» ведущих транснациональных корпораций (в российских условиях – ведущих бизнес-групп и естественных монополий) и т. п. Наряду с этим, позиционирование может реализовываться по отношению к наиболее приоритетным процессам территориальной организации общества (урбанизации, метрополизации, глокализации, территориальной концентрации, диффузии важнейших нововведений и т. п.).

Позиционирование осуществляется благодаря территориальным институтам, в рамках механизма геопространственного позиционирования обретающим качество геоинститутов глобального пространственного позиционирования. Отметим, при этом, что глобализирующемуся миру (в лице его ведущих акторов) интересна не столько уникальность территории (страны, региона, локалитета), сколько некий «набор» стандартизированных функций-геопозиций, причём сама уникальность территории (в природно-экологическом, этнодемографическом, социокультурном, хозяйственном и иных аспектах) – не более чем одна из них.

Традиционное экономико-географическое положение (ЭГП) трансформируется в ГПП благодаря «территориализации» глобализации и «спрос» на территорию глобальных субъектов и институтов, соответствующую функционализацию территории (в процессе её «глобализации»), конкуренцию за место в меняющейся конфигурации территориальной (транстерриториальной) организации общества и соответствующие усилия по наращиванию потенциала территориальной (страны, региона, города) конкурентоспособности и т. д. В процессе реализации ГПП происходит своего рода универсализация уникального и уникализация универсального, а само уникальное геопозиционирование «вписывается» в глобальный мир через геостандартизацию, то есть, формирование, удержание и перманентную презентацию набора универсально значимых позиций. В этой связи позиционирование – это ещё и компаративистика ТСЭС (в первую очередь в аспекте их ЭГП), это некий (зачастую достаточно противоречивый) образ ТСЭС, её положения в географическом пространстве, активность по формированию имиджа территории.

Формирование и реализация ГППП ТСЭС осуществляются благодаря каркасным элементам геопространственного позиционирования. В современном глобальном политико-экономическом контексте в подобной ипостаси выступают, прежде всего, крупнейшие города и формирующиеся на их базе метрополии, любые иные ареалы опережающего роста, экспорто- и импортоориентированные производственно-территориальные комплексы (кластеры), важнейшие элементы транспорта и логистики и т.п. При этом любой ТСЭС присущ «свой» уникальный набор каркасных элементов позиционирования. Одни территории выделяются на общем фоне своим исторически накопленным и продолжающим активно «работать» культурным потенциалом, другие – аккумулируют значимые для глобальной экономики ресурсы, третьи – обретают значение как ареалы военно-политической нестабильности. Более того, достижение той или иной составляющей территориальной структуры качества «каркасного элемента позиционирования» напрямую обусловлено геопространственной спецификой ТСЭС, характером её взаимодействия с иными территориальными таксонами. Акцент на тех или иных каркасных элементах практически напрямую предопределяет приоритеты позиционирования и наоборот. Будучи частью территориальной структуры (ТС), каркасные элементы позиционирования ТСЭС могут рассматриваться и в более широком предметно-содержательном контексте – как составляющая институтов позиционирования (не только пространственных, но и экономических, социальных).

ГППП реализуется не просто в территориальной организации общества как таковой, выступающая средой («вместилищем») позиционируемой ТСЭС общественно-географическая реальность институционализирована («разложена» на свои институциональные составляющие), как бы «пропущена» сквозь призму общественного сознания и, в этой связи, качественно идентифицирована и оценена. В формирующемся во взаимосвязи с процессом глобализации информационном обществе позиционирование – реальность всё в возрастающей мере корректируется (и, одновременно, как бы отодвигается на второй план) позиционированием – образом, то есть, максимально отстраненным и опосредованным множеством объективных и субъективных факторов представлением о геопространственной реальности. В этой связи позиционирование – это также и субъективный взгляд на то, что может быть исследовано и охарактеризовано на основе учёта совокупности не только объективных критериев и факторов, но и множественных субъективных оценок. Будучи отчасти «слепком» позиционирования-реальности, меняясь вместе с ней, позиционирование-образ (в его географической, точнее, геокультурной конкретике), корректируя поведение государств, транснациональных компаний, международных институтов, домохозяйств, начинает само, в свою очередь, формировать эту реальность, обретая функции доминантного института ГППП. Приоритетной составляющей ГППП России, её регионов в подобном контексте всё очевиднее выступает

в том числе и адекватная и полномасштабная исследовательская интерпретация экономико-географических аспектов и проявлений процесса глобализации, включая дальнейшее становление теории геоглобалистики, охватывающей такие актуализированные сферы географического анализа как глобальные социально-экономические процессы, глобальные (и «глобализирующиеся») социально-экономические системы, феномены глокализации, полицентризма, трансграничности и глобального геопространственного позиционирования. В общем русле становления «географии глобализации» целесообразной видится и разработка теоретических основ транстерриториальной организации общества (как инварианта и составляющей ТОО в целом), культивирование взгляда на глобализацию как особого рода масштабную пространственную диффузию, комбинацию интеграционно-дезинтеграционных циклов, инвариант «поляризованного ландшафта», «архипелаг» центральных мест, пространственную самоорганизацию и взаимодействие сетевых структур. В контексте глобализации представляется также необходимой общая коррекция объекта (объектов) и предмета (акцент на пространственных отношениях) географических исследований, формирование своего рода «глобализационного» подхода в социально-экономической географии, умения разглядеть глобальное в региональном и локальном и наоборот, реализовывать разнообразную компаративистику, идентифицировать новую архитектуру ТСЭС. Учёт векторов глобализации, подчеркнёт, инициирует и ликвидацию достаточно зыбкой грани между «географией зарубежных стран» и «географией России», между страноведением и регионоведением, между анализом планетарных проблемных ситуаций и процессов и исследованиями микромасштаба.

Глобализация, с одной стороны, обуславливает ощутимые теоретические «дефициты», с другой – создаёт предпосылки для столь значимого в современном контексте трансферта научно-теоретических идей, чьё активное заимствование отечественной социально-экономической географией должно непременно дополняться активностью в заимствовании, т.е. верификацией экзогенных теоретических инноваций на российской эмпирико-фактологической базе и, одновременно, соотносением характерных для российской научной традиции подходов с реалиями глобализации, с фактологией расширяющегося информационного пространства, выстраиванием собственных теоретических конструктов, отлаживанием механизмов рациональной научной критики и др.

Продуцируя новые территориальные объекты и трансформируя, в этой связи, всю систему пространственных экономических, социальных и политических отношений, инициируя необходимость их идентификации и интерпретации в условиях ширящегося обмена научными идеями и информацией, процесс глобализация объективно выступает фактором «теоретизации» российской социально-экономической географии и, на этой основе, утверждения в ней новой исследовательской парадигмы.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ: ОТКРЫТАЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА

Обобщение программы теоретической географии Б. Б. Родомана; попытка преодоления ее ограниченности – выход из «географического гетто». *Сокращение:* ТГ – теоретическая география. Новые понятия **выделены**.

1. Основания, методология, техника теоретической географии

География, общая география, единая география, теоретическая география
ТГ как рефлексия общей географии. ТГ как рефлексия ландшафтного районирования. ТГ как творческая рефлексия географической традиции. Теоретическая общая география. ТГ – общая география сегодня? ТГ как рефлексия единой географии. ТГ – единая география сегодня? ТГ и иные области общей и единой географии. ТГ и теоретическая картография. Два аспекта / компонента ТГ: методологический и предметный.

Методологическая ТГ. Предметная ТГ. Проблема единства ТГ.

Пространство науки: география и теоретическая география
География – внутренняя периферия предметно-дисциплинарного пространства науки: ТГ как её преодоление.

Пространство географии: места и роли (для) ТГ.

ТГ как локальный центр географии. ТГ как пограничный центр и аванцентр.

Теоретические географии

ТГ ландшафта versus ТГ пространства.

Герменевтика ландшафта versus семиотика пространства.

ТГ как концептуальная герменевтика ландшафта.

Чтение общества/культуры по ландшафту: культурная миссия географии?

ТГ как учение о ландшафте сложных уникальных мест.

ТГ география – неэмпирическое культур-ландшфтоведение?

Локальная (ландшафтная) и глобальная (планетарная) теоретические географии.

ТГ Земли и ТГ приземного пространства.

ТГ география освоенного космоса.

ТГ как ТГ Северной Евразии. ТГ как рефлексия ландшафта Средней России.

Регионспецифичность географии versus универсальность ТГ.

ТГ **природно-имперского ландшафта**.

ТГ как география России-как-целого.

ТГ география массово-мажоритарных структур.

ТГ элитарно-миноритарных структур.

Какие еще теоретические географии возможны?

Основания географии

Антропологические, культурные, методологические, философские основания.

Антропный принцип в ТГ.

Основания ТГ.

Методология географии и теоретическая география.

Философия географии и ТГ. Геософия?

Телесность ландшафта и телесность географа. Телесность теоретико-географа.

Сообщество географов. Сообщество теоретико-географов.

Ландшафт земли как умвелт сообщества географов.

Принципы и новые методы теоретико-географического исследования

Методологические принципы географии. Методологические принципы ТГ.

Новые методологические принципы ТГ

обобщение позиционного принципа и рефлексия;

принцип статусной детерминации;

принцип обязывающего соседства;

принцип полноты набора существенных частей.

Теория путешествия

Теоретическое полевое исследование. Путешествие теоретика.

Путешествие как способ постижения.

Путешествие как динамическая герменевтика ландшафта.

Конгениальность ландшафта и путешествия.

Возможность путешествий как критерий полноценности ландшафта.

Типы путешествий. Морфология путешествия. Типы маршрутов путешествий.

Семиотика / герменевтика путешествия.

Путешествие как образ жизни.

Иные формы перемещений.

Путешествия в не-ландшафтных средах. Путешествие. Диалог. Перевод.

Семиотика и герменевтика полевого дневника.

ТГ и литературный жанр путешествия.

Путешествие теоретика как антоним и высшая форма туризма.

Паломничество как сакральное путешествие.

2. Районистика на основе теории классификации, семиотики, герменевтики

Логика районирования и ее многочисленные следствия

Типы систематизаций и место районирования.

Предмет районирования – сплошные континуальные среды.

Ландшафт как модель предмета районирования.

Районирование – соотношение мерономии и таксономии.

Районирование как мерономия.

Районирование как мерономо-таксономическая систематизация.

Типы объемов и содержаний понятий. Типы соотношений понятий.

Специфика районирования. Едино ли районирование логико-методологически?
Проблема специфики типологического районирования. «Порции ландшафта»?
Невыявленные типы систематизаций в географии и их комплексы.

Разработка новых подходов к таким систематизациям
новые методы классификации и параклассификации.

Классификация и районирование

Районирование как основание классификации – конструирование отдельностей.
Реинтерпретация многих «классификаций»

Районирование как классификация. Классификация как районирование
классификация как однородное районирование фазового пространства;
классификация как итог расчленения связного фазового пространства;
классификация и карта как главные способы представления систематизаций.

Формы районирования. Формы районирования узловых районов. Формы районирования комплексных районов. Формы комплексных систематизаций

Альтернативные принципы районирования и соответствующие формы

объяснение принципов районирования и их деонтологизация.

Неиерархическое совмещение уровней (масштабов) районирования
размытые районы и размытые границы. Размытые множества;
разные уровни и разные типы районирования.

Обобщение районирования до полипрезентационного покрытия

Районы, ландшафты, геосистемы. Синонимы? Альтернативы? Дополнения?
Дополнительность районирования и путешествия

Новые типы районов, географических и негеографических

номоморфные районы (район на основе выполнения закономерности);
программные районы.

Пучок проблем границ

Ситуация разграничения

разграничение. Разбиение. Расчленение;

районирование как мерономическое разграничение.

Основные типы ситуации разграничение и производные типы границ
«язык» границ.

диалектика и логика границ. теоретические парадоксы границ

Граница как знак и часть района. Граница как граница целого и части.

Новые типы границ

конъюнктивные / дизъюнктивные. Коннективные и барьерные границы;

парагеографические модели ситуаций разграничения;

маргинальные ситуации и пространства. пограничные ситуации;
пограничные дисциплины. экотоны.

Парадигмы районирования.

3. Теория культурного ландшафта

Морфология культурного ландшафта

Большинство и меньшинство в ландшафте.

Ландшафт массовых структур.

Ландшафты большинства: ареалы, районы, зоны.

Зональные и азональные ландшафты и пространства.

Мажоритарные и миноритарные ландшафты и пространства.

Ландшафты меньшинств: сетевые ландшафты. Экстразональное.

Обобщение поляризованного ландшафта до универсальной поляризации.

Ценностно-символическая поляризация культурного ландшафта.

Характерные и существенные направления и линии в ландшафте.

Внешняя и внутренняя форма ландшафта. Внешняя и внутренняя география.

Размер и масштаб как характеристики ландшафта.

Полимасштабные представления ландшафта.

Места как пересечения характерных линий.

Места как части и места как позиции. Полипозиционность места.

Полипозиционность культурного ландшафта.

Типы районов и типы границ культурного ландшафта.

Сравнимость и сходство мест.

Уникальность места. Экспликации уникальности.

В каком смысле и насколько уникально конкретное место?

Пространство и ландшафт. Ландшафт как тип и форма пространства.

Главные представления культурного ландшафта

Ландшафт как множество отдельных мест. Рой точек.

Ландшафт как множество непересекающихся линий.

Ландшафт как множество пересекающихся линий.

Ландшафт как некомпактное множество ареалов.

Ландшафт как компактное множество ареалов.

Ландшафт как сеть районирования.

Ландшафт как комплекс характерных направлений и линий.

Ландшафт как изотропное пространство.

Ландшафт как моноанизотропное пространство.

Ландшафт как полианизотропное пространство.

Ландшафт как сеть.

Ландшафт как полисеть; «ковер».

Ландшафт как знаковая система, «живой текст».

Ландшафт как семиотическая машина.

Ландшафт как герменевтический организм.

Ландшафт как сообщество мест.
Ландшафт как физическое тело.
Ландшафт как нефизическое тело.
Ландшафт как семантическое тело. Ландшафт как семантофор.
Ландшафт как контактная поверхность Земли, граница, мембрана, экотон.
Ландшафт как «пленка». Ландшафт как экран.
Ландшафт в разные культурные эпохи. Ландшафт в массовой культуре.
Ландшафт в разных субкультурах и профессиях.
Теоретическая география как герменевтика частных представлений ландшафта.

Культурный ландшафт – природно-культурный ландшафт

Природный – антропогенный – культурный ландшафт.
Культурные неантропогенные ландшафты.
Антропогенные некультурные ландшафты.
Природный ландшафт как интерпретация культурного ландшафта.
Культурный ландшафт – природный ландшафт сегодня.
Пространство природного ландшафта и пространство культурного ландшафта.

Типы ландшафтов

Пространство-1. Традиционный ландшафт на природной основе.
Пространство-2. Современный ландшафт.
Пространство-3. Советское пространство.
Пространство-4. Ландшафт постмодерна.
Преодоление клише «центр – периферия».
Центр – провинция – периферия – граница.
Полиаспектные типологии ландшафтов.
Типы ландшафтов обществ, сообществ и стран. **Национальные модели.**
Национальные модели ландшафта и концептуальное страноведение.
Империя как тип ландшафта. «Федеративный тип» культурного ландшафта.
Государственная территория и страна.
Эталоны культурного ландшафта.
«хороший культурный ландшафт».
Миф культурного ландшафта.
Сакральные пространства и культурные ландшафты.
Рай как эталон культурного ландшафта.
Грехопадение как переход от культурного к антропогенному ландшафту.

Культурный ландшафт – пространство путешествия.

Ландшафты-аналоги и ландшафты-гомологи.

4. Культурный ландшафт Северной Евразии

Теоретическое исследование единичного объекта?

Теоретическое исследование уникального объекта?
Теоретическое исследование единичного уникального объекта?
Специфика российского культурного ландшафта
    Специфика российского пространства – природно-государственный ландшафт;
    Специфика российского пространства – природно-имперский ландшафт.
Советское пространство как особый тип ландшафта.
Национальная модель культурного ландшафта.
Географическая инженерия и ее основания.
Экологическая конверсия ландшафта.
Спонтанная эконетизация культурного ландшафта.
Спонтанная эконетизация административно-политических границ
    Барьерные антропогенные границы как экологические оси.

5. География фазовых пространств. Теоретическая география как междисциплинарная методология

Ландшафтные и фазовые пространства. Фазовые ландшафты.
Фазовые пространства географические и негеографические.
География фазовых пространств. Парагеография.
Земной ландшафт как модель фазовых пространств.
Картографирование и районирование семантических полей.
Обобщение понятия карты. Картографическое изображение.
Картографическое изображение как общий способ представления знаний.
Масштаб как проекция плана содержания на план выражения.
Масштабирование и семиозис.
Типология знаковых систем с позиций картографических изображений.
Сходство и сравнимость. Сходство как равная взаимная сравнимость.
Репрезентация. Типы эталонов.
Уникальность. Уникальность как понятие и тип эталона. Меры уникальности.
Уникальные и типичные объекты как эталоны.
Двойственность однородных и узловых районов как модель пространства эталонов.
Размер архетипа. Размер. Интенциональный размер.
Новые аспекты понятия «текст». Текст как картографическое изображение.
Путешествие в тексте. Текст как траектория путешествия.
Многомерные тексты и интерпретация поликонтекстуальности.
Континуальные тексты.
Карты и картоиды семантических пространств. Карты и картоиды науки.
Районирование как структура классификационного поведения.
«Классификация наук» как районирование пространства науки.
Картографирование предметных областей и проблемных ситуаций.
Строгое описание маргинальности.

6. Методологические запросы теоретической географии

Континуальная семиотика. Семиотика и герменевтика пространства.

Общая типология семиотических средств.

Семиотика и герменевтика масштаба.

Семиотика сообществ.

Динамическая семиотика пространства – семиодинамика пространства.

«алгебра» сравнимости. Формальное описание сравнимости. Меры сравнимости.

Адаптированная интерпретация мереологии С. Лесневского.

Раздел логики «собирабельные понятия и системы»

Формальное описание отношения репрезентации. Модели репрезентации.

Модели размера и отношений архетипов.

Каледин Н. В.

ПРОБЛЕМА И ПРИНЦИПЫ ТЕОРЕТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ

Обозначенная проблема представляется очевидной, достаточно давней, неоднократно поднимавшейся, но так и не получившей полноценного решения. Как представляется, основная причина этого носит методологический характер и связана с недостаточным вниманием исследователей к содержанию принципов и логики теоретизации. Остановимся подробнее на этой необходимой предпосылке решения проблемы.

В соответствии с логикой научного познания любая наука в своем развитии проходит три стадии освоения специфической предметной области – эмпирическую, теоретическую и прикладную. При этом принципиальное значение для утверждения науки как самостоятельной, специфической сферы научного познания имеет теоретическая стадия, поскольку теоретичность служит, по образному выражению географа Д. Харвея, «знаком качества» науки. Она позволяет раскрыть содержание предмета познания, выявить систему категорий и законов и перекинуть «мост» к практике: перейти от объяснения мира к участию в его преобразовании, т.е. обрести прикладную функцию. Таким образом, теоретическая зрелость науки – важнейший инструмент её самоидентификации и утверждения в системе научного познания.

В чём же суть теоретического знания и теоретизации науки? Без ответа на этот вопрос невозможно оценить теоретические достижения и проблемы любой области научного познания, в особенности пограничной, в частности общественной географии. Арсенал познавательных средств диалектико-материалистической методологии научного познания включает в себе достаточно чёткий ответ на поставленный вопрос.

Если на эмпирической стадии познания формируются конкретные, частные представления о предметной области той или иной науки, систематизи-

руются изучаемые ею конкретные эмпирические явления, то на теоретической стадии происходит трансформация *эмпирического образа* изучаемой части объективной реальности в *теоретический* путем *теоретизации*—выработки теоретической модели предметной области. Её определяющим признаком является четкая фиксированная связь элементов, структура, отражающая внутренне, существенные отношения реальности, представляющая эту область как «единство многообразия», целостную систему. Т. е. теоретической стадии наука достигает тогда, когда она вырабатывает представление об изучаемой реальности как *целостности*, когда многообразие конкретных явлений сводится к *всеобщему теоретическому основанию* и постигается как многоликая форма проявления этого основания (подробнее см.: [1, с. 61–68]). Именно это позволяет в полной мере раскрыть содержание предмета науки, осуществить её самоидентификацию.

Насколько соответствует требованиям теоретической стадии научного познания отечественная общественная география? С обозначенных методологических позиций можно утверждать, что она так и не смогла преодолеть методологический и теоретический кризис, впервые отмеченный ещё в конце 1970-х гг. Н. К. Мукидановым. Об этом и о проблеме самоидентификации науки по-прежнему свидетельствует следующий ряд признаков: 1) громоздкость «официального» названия науки («экономическая, социальная, политическая и рекреационная география» в терминологии ВАК); 2) одновременное употребление нескольких «рабочих» названий – «экономическая география», «экономическая и социальная география» – употребляется чаще всего, «социально-экономическая география», «география общества», наконец, более молодой термин – «общественная география», получающий всё большее признание; 3) «разнобой» в названиях общественно-географических кафедр (в том числе выпускающих); 4) «растаскивание» в последние десятилетия предмета и прикладных аспектов науки смежными обществоведческими дисциплинами, в частности их региональными ветвями (с чем, кстати, связана и усиливающаяся «утечка», «переквалификация» части общественных географов в региональных экономистов, социологов, политологов, международников и т. п.), 6) усиливающаяся, вполне справедливая критика методологической и теоретической «неполноценности» общественной географии «извне», в частности со стороны физико-географов (А. Г. Исаченко). Но, пожалуй, самый яркий признак теоретической ущербности – отсутствие логически завершённых, общепризнанных систем категорий и законов науки.

Всё это прямо либо косвенно указывает на отсутствие методологической и теоретически обоснованного, систематического восприятия общественно-географической реальности, целостного понимания предмета науки, его *фрагментарное теоретическое* видение посредством частных *конкретно-научных* теоретических построений (и то лишь по отдельным направлениям –

в рекреационной, политической, социальной географии, в географии культуры). Отсутствует обобщающая теоретическая концепция, указывающая то теоретическое основание, которое присуще любому общественно-географическому явлению и объединяющая различные частные области общественно-географического знания в целостную специфически-научную картину мира. С позиций диалектико-материалистических принципов научного познания и теоретизации общественная география находится пока ещё преимущественно *на стадии эмпирических теорий*, заметно отставая от географии физической. Эта стадия подтверждается также теоретической неполнотой и незавершённостью признаваемых в качестве наиболее обобщающих представлений о территориальной организации общества как предмете нашей науки, пришедших в 1980-е годы на смену первым эмпирическим обобщениям о размещении производительных сил как предмете науки.

Представляется, что основная причина сложившейся проблемной ситуации в общественной географии состоит в преобладании в ней *внутринаучных принципов и форм теоретизации*, связанных с постепенным обобщением эмпирического материала по отдельным направлениям, что не позволяло выйти на более высокий уровень абстрагирования. Вместе с тем ещё в 1980–90-е годы преимущественно за пределами географии сложились новые *методологические предпосылки теоретизации* общественной географии, её перехода к новой научной парадигме. Для этого необходим более широкий подход – методологический *«взгляд со стороны»* на многообразную по формам общественно-географическую реальность, то есть с позиций методологических принципов *более общих (чем конкретно-научные) уровней познания*. Они успешно применяются как познавательные инструменты в других науках, а в географии получили реализацию в деятельностно-геопространственной концепции политической географии [1].

Это, во-первых, фундаментальные принципы *философско-гносеологического и логико-методологического уровней*, обеспечивающие принципы вычленения объективной предметной области, инструменты теоретизации (в частности, из арсенала диалектического метода восхождения от абстрактного к конкретному), а также *общенаучные подходы* (системный, исторический и др.) и познавательные принципы крупных *конкретно-научных областей познания*, прежде всего смежных, материнских наук (обществоведческих, географических), позволяющие конкретизировать направления, пути теоретизации. Именно в их *интеграции*, на наш взгляд, заключён тот научно-познавательный потенциал, который открывает *возможности решения проблемы теоретизации* общественно-географического знания. Форма такой методологической интеграции может быть обозначена как *деятельностно-геопространственный подход*, способный стать инструментом теоретизации и формирования новой, *деятельностно-геопространственной парадигмы* общественной географии и географии в целом.

Названный подход представляет собой *специфически географический метод познания*, точнее – совокупность географических методов, опирающихся на *принцип деятельности* (субъектно-объектное взаимодействие), *системный и синергетический подходы*, на представления о *качественном многообразии, (полиструктурности) пространства*. Применительно к познанию общественно-географических явлений он предстаёт в форме общественно-геопространственного подхода, методологическое ядро которого составляет единство синергетических представлений *об обществе* как о самоорганизующейся посредством разнообразной деятельности системе и *о геопространстве* (земном пространстве) – как специфически географическом явлении и одной из ключевых, но пока ещё недооцененных категорий и познавательных принципов географии. Деятельностно-геопространственный подход по сути представляет собой качественно новый уровень понимания традиционного географического подхода и одновременно, применительно к предмету общественной географии (как общественно-геопространственный подход), тот *специфический метод общественно-географических наук*, который служит основным познавательным инструментом в разработке общественно-географической научной картины мира и составляющих её частно-научных (отраслевых) картин. Его содержание заключается в восприятии и познании общественно-географических явлений и процессов как специфических результатов-форм различных видов деятельности общества в геопространстве, то есть результатов *самоорганизации общества в разнокачественных условиях геопространства*.

Процесс самоорганизации общества как системы реализуется посредством ряда разнокачественных ключевых общественных процессов, имеющих «сквозной» исторический характер, т. е. имманентно присущих общественной системе на всех этапах её развития, меняющих лишь свою историческую форму. К числу таких процессов-«генераторов» самоорганизации общества, обеспечивающих самоорганизацию его отдельных сфер («частные самоорганизации») и в итоге формирование объектной основы (объектного содержания) общественно-географического познания, необходимо отнести экономическую самоорганизацию общества посредством общественного разделения труда, процесс социальной самоорганизации, политическую самоорганизацию общества и процесс его духовной самоорганизации. Под влиянием специфики пространственно-временных условий территории эти процессы и их результаты обретают условиям пространственно-временные формы глобального, регионального, странового и локального масштабов.

Их географическими проекциями на земной поверхности являются локализованные на ней соответствующие разнокачественные результаты-свойства, взаиморасположение (дифференциация) и наложение (общность) которых на земной поверхности в совокупности с результатами природных процессов составляют содержание объективного географического фактора общественного разви-

тия, обозначаемого категорией «геопространство». Именно он задаёт аспектное содержание общественной географии, т. е. формирует её предметную область.

С деятельностно-синергетических позиций и представлений о качественном многообразии и структуре пространства *геопространство* (земное пространство) – это многогранное, постоянно меняющееся конкретно-историческое единство, система разнокачественных земных подпространств, охватывающих («пронизывающих») территорию, акваторию и аэроторию. Каждое из них, рассматриваясь отдельно, как самостоятельный, частный вид геопространства, представляет собой *закономерно взаиморасположенные* качественно своеобразные и связанные между собой элементы материального субстрата (носителя разнокачественных свойств) одной из планетарных сфер – *природной* (геосферы) и ее более частных, функциональных составляющих – (атмосферы, гидросферы и др.), *общественной* (антропосферы) и ее частных сфер (экономической, социальной, политической, духовной и др.), а также их *интегральных*, общественно-природных «производных», в частности, таких сфер как этническая, цивилизационная, экологическая. Очевидно, что как отдельные материальные элементы, так и их совокупности (субстраты-подпространства) являются локализованными на земной поверхности итогами деятельности процессов названных сфер (т. е. итогами их самоорганизации), а любое конкретно-историческое геопространство и его более частные составляющие (природные, общественные и интегральные подпространства) предстают как результаты длительного соразвития и самоорганизации природных и общественных систем.

Каждое из подпространств, как и в целом геопространство, выступают не только закономерным результатом, но и необходимым, имманентным условием и средой, «месторазвитием» различных видов общественной деятельности, равно как и природных процессов, придавая им специфические, *геопространственные формы*. В совокупности они составляют уникальный, постоянно меняющийся и практически значимый геопространственный (географический) рисунок земной действительности, вызывающий растущий интерес различных наук, в том числе негеографических, исследующих те или иные конкретные земные сферы. Это тот многообразный материальный и духовный «след шагов» соразвития природы и общества на поверхности планеты, который оказывает все возрастающее обратное воздействие на их развитие.

С позиций деятельностно-геопространственного подхода процесс самоорганизации общества в геопространстве (геопространственной самоорганизации общества) и обретения общественной деятельностью геопространственных форм происходит (реализуется) посредством установления *специфических субъектно-объектных отношений* между постоянно меняющимися характером субъектов-акторов и столь же динамичными условиями, свойствами геопространства. В ходе этих отношений осуществляется *взаимоадаптация* субъек-

тов общественной деятельности и окружающего их конкретно-исторического геопространства, в котором они локализованы, обретают и реализуют свои общественно-геопространственные интересы. Меняется характер геопространства, складываются адекватные ему геопространственные формы субъектов и результатов их деятельности. В результате формируется сложная система пространственно-временных *геоадаптационных отношений* общественно-геопространственного типа или *геообщественных отношений* (другой тип – природно-геопространственный, заслуживающий специального внимания, теории физической географии). Они разнокачественны по общественному содержанию, многообразны по геопространственной форме и составляют в совокупности общественно-геопространственную (геообщественную) реальность – *объективную общественно-географическую картину мира*, составляющую предметную область общественной географии, а общественно-геопространственное отношение представляется *субстанцией любого общественно-географического явления* и тем *теоретическим основанием*, которое является ключевым инструментом теоретизации науки, ее самоидентификации и разработки общественно-географической *научной* картины мира.

С обозначенных методологических позиций *деятельностно-геопространственной парадигмы общественной географии* она предстает как наука о геопространственной самоорганизации общества и ее формах – общественно-геопространственных явлениях – интересах, процессах, системах и т. п., о составляющих их субстанцию общественно-геопространственных (геообщественных) отношениях.

Совокупность таких отношений в их динамике представляет непрерывный, имманентно присущий обществу процесс геопространственной самоорганизации или *общественно-географический процесс*, т. е. специфический по формам процесс освоения обществом геопространства, в ходе которого претерпевают изменения как общественные субъекты, так и свойства геопространства. Механизм реализации этого процесса (или *общественно-геопространственный цикл*) можно представить в следующем виде: изменение свойств (характера) геопространства или общественного субъекта в ранее сложившейся, устойчивой в течение определённого времени общественно-геопространственной системе → изменение геопространственных потребностей, интересов и целей общественного субъекта → смена (перестройка) характера геопространственной деятельности субъекта → изменение характера, свойств общественно-геопространственной системы и обретение ею нового устойчивого состояния → нарушение этого состояния в результате изменения свойств (характера) геопространства или субъекта → и т. д.

Структура общественной географии согласно принципу деятельности должна отражать прежде всего качественное многообразие видов деятельности общества (экономическая, социальная, политическая, духовная) и соответ-

ствующую им разнокачественность общественно-геопространственных отношений и многообразие их конкретных форм (процессов, систем) – *геоэкономических, геосоциальных, геополитических, геодуховных*. Они составляют предметы четырех основных функциональных (отраслевых) направлений общественно-географической науки – *экономической географии, социальной географии, политической географии, духовной географии*. В процессе познания своих специфических предметных областей они формируют собственные теоретические концепции как компоненты более широкой общественно-географической научной картины мира.

Каждое из направлений, в силу внутренней полиструктурности четырех типов общественно-геопространственных отношений, имеет собственные, внутренние частно-научные направления. Так, геоэкономическая деятельность или самоорганизация общества, благодаря разнообразию ее субъектов и соответствующих им типов геоэкономических отношений, изучается «частными географиями» – промышленности, сельского хозяйства, непродовольственной сферы. Геополитическая самоорганизация общества составляет предмет политической географии с её внутрипредметными подразделениями – политической картой мира, геополитикой (ставшей со временем широким междисциплинарным направлением), электоральной географией, лимологией и др. Предметом социальной географии следует признать геосоциальную самоорганизацию общества, а геодуховную самоорганизацию общества – предметом духовной географии (с её «внутренними» географиями культуры, религий, цивилизаций и др.). Последний термин, несмотря на кажущуюся новизну, впервые был введён И. Кантом, а в России в первой половине XIX в. использовался географом Е. Ф. Зябловским.

Наконец, сочетание нескольких типов общественно-геопространственных отношений и их форм (процессов, систем) составляет предмет интегральных направлений общественной географии – общественно-географических регионоведения, страноведения, районирования (с их собственной внутренней дифференциацией), а также их прикладных производных – региональной политики, пространственного планирования и др. Они познают и практически осваивают наиболее сложную, интегральную грань общественно-географической картины мира.

В связи с рассмотренной структурой общественно-географической науки ещё раз обратимся к специфике её метода. Производный от деятельностно-геопространственного подхода (у него есть и «природная» производная) общественно-геопространственный подход как ключевой специфически-научный метод познания общественной географии и формирования общественно-географической научной картины мира включает ряд более частных, взаимосвязанных методов познания отдельных дисциплин – геоэкономический, геосоциальный, геополитический и др., являющихся его конкретно-научными формами при-

нительно к исследованию отдельных фрагментов предметной области. В силу объективности геопространства как среды и фактора различных видов деятельности общества, изучаемых пограничными общественными науками, эти методы имеют также *междисциплинарный* характер, т.е. они активно, но обычно неосознанно или под названием «географического метода» используются экономическими, социологическими, политическими и другими науками.

Литература

1. *Каледин Н. В.* Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции. – СПб., 1996.

Колосов В. А.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ

Изучение границ – одна из традиционных и «вечных» тем всех географических дисциплин. В отличие от физико-географических границ, политические границы – резкие, фронтальные. По их линии, обычно четко обозначенной на местности, происходит качественная смена одного из основных признаков, определяющих развитие социально-экономических систем – суверенитета, юрисдикции местных властей и т. п. Как и в физической географии, прилегающие к политическим границам зоны контакта между экономическими, социальными, культурными, правовыми и т. д. системами соседних стран – средоточие важнейших процессов, приобретающих в эпоху глобализации особое значение. Поэтому исследования границ, в которых географы играют ведущую роль, превратились в быстро растущую междисциплинарную область знания – лимологию. В настоящей работе, в продолжение более ранних публикаций [5, 6] мы охарактеризуем основные, на наш взгляд, проблемы и направления развития исследований политических границ и их теоретической базы.

Дискурсивная природа границ, их легитимация в общественном сознании и воздействие на прилегающие территории. В отличие от физико-географических границ, любые политические границы – «искусственные», поскольку представляют собой результат деятельности общества. В настоящее время признано, что политические границы имеют дискурсивную природу. Они составляют неотъемлемый элемент идентичности этнокультурного сообщества, в том числе представлений о чертах, отличающих его от соседей, его территории и ее рубежах, внешних угрозах и способах обеспечения безопасности, желательном характере обменов с другими регионами. Следовательно, линия границы и в особенности ее режим и функции определяются в значительной мере национальной и региональной иконографией: символами и знаками, топонимией, системой памятных мест и в целом «геополитикой памяти». Именно благодаря иконографии и текущему политическому дискурсу политические границы становятся в социальных представлениях рубежами

между миром стабильности и хаосом, добром и злом, демократией и авторитаризмом, прогрессом и отсталостью. Политический дискурс определяет ментальные рубежи между этнокультурными и территориальными сообществами и в конечном итоге оказывает большое воздействие на исход конфликтов и политическую ситуацию в различных регионах мира.

Поэтому одно из магистральных направлений географических исследований политических границ – изучение соотношения между значением границы в восприятии социальной группы, ее воздействием на прилегающие территории, проявлениями в социально-экономическом ландшафте и легитимацией в политическом дискурсе.

Национальные и местные нарративы о происхождении границы, общей истории соседних стран – фактор укрепления или изменения идентичности населения приграничных районов, доверия между их жителями, а следовательно, и интенсивности контактов, приграничного сотрудничества.

Идеализация прошлого, целенаправленные манипуляции с историческими фактами – один из краеугольных камней постсоветского национализма. Как подчеркивал Ханс Кон, «национализм на Западе вырос из попыток построить государство на основе политической реальности и текущих политических битв без излишне сентиментальных взглядов в прошлое; в Центральной и Восточной Европе националисты часто создавали из прошлого и мечтаний о будущем, «идеальное отечество», тесно связанное с прошлым, но лишенное какой-либо непосредственной связи с настоящим, в предположении, что оно когда-нибудь станет политической реальностью. Странам Центральной и Восточной Европы свойственно пристрастие, по выражению румынского писателя Ф. Тома, к «лакримогенным» (душещипательным) концепциям национальной истории. В произведениях сторонников этих концепций воспеваются славное, по большей части средневековое историческое прошлое титульных народов, представляемых безвинными жертвами происков органически враждебных соседних держав, в трагических битвах против которых родился целый сонм национальных героев, все как один павших в неравной борьбе. Более поздние периоды рисуются исключительно как темная эра иностранной оккупации и неустанных схваток за национальное освобождение.

Главное и типичное для стран Центральной и Восточной Европы средство мифологизации истории – «удревнение» исторических корней, непрерывности культурной традиции и государственности, попытки изоляции «своей» истории, выделения ее из общей истории других народов – например, русского и других народов в Российской империи, а затем в Советском Союзе. Коллективные травмы представляются основным содержанием общей истории, используются для конструирования враждебного образа соседней страны.

Одно из центральных направлений «политики памяти» во многих странах Центральной и Восточной Европы – разрушение или перенос советских

мемориалов, посвященных событиям Великой Отечественной войны. В «новой» национальной истории, конструируемой в этих странах, эти мемориалы становятся символами старых и конкурирующих исторических нарративов, рассматриваются как маркеры геополитического влияния России, становятся местами провокаций и выражения протеста. В то же время для русскоязычных жителей борьба за сохранение военных мемориалов – это борьба за признание их полноправными гражданами, право быть представленными в новом национальном политическом ландшафте, свидетельство членства современной России в клубе великих держав и высокого статуса в Европе. Символические ресурсы русскоязычного населения были резко обесценены после распада Советского Союза и чаще всего противоречат новому историческому нарративу.

«Геополитика памяти» способствует формированию так называемых критических границ, особенно важных для государственного строительства, формирования национальной идентичности, международной стабильности. Почти для всех соседей России границы с ней – «критические».

Значение разных границ неодинаково с разных точек зрения. Наиболее важная для внешнеэкономических связей граница не всегда рассматривается как стратегически наиболее угрожаемая. Соответственно, экономически наиболее значимая граница гораздо реже оказывается в фокусе политического дискурса и не столь существенна во внутренней политике страны, как граница с более выпуклыми символическими функциями, играющая значительную роль для национальной идентичности и считающаяся поэтому наиболее уязвимой. Особенно это характерно для стран со слабой государственностью.

Дилемма «безопасность – коммуникативность». Ощущение безопасности границы – социальная и психологическая необходимость для каждого гражданина. Общественное мнение обычно рассматривает государственные границы как главный барьер на пути проникновения в страну негативных воздействий из-за рубежа. Процессы глобализации, экономические катаклизмы и возрастающие темпы изменений в обществе, в том числе и идентичности, ставят во многих странах обеспечение безопасности границ и в частности контроль над миграциями в центр общественных дискуссий. Политики, с одной стороны, могут трансформировать региональные или локальные проблемы, касающиеся только приграничных районов, в геополитическую проблему и угрозу национальной безопасности. Например, иностранные инвестиции можно трактовать как попытку стимулировать возможные сепаратистские движения на периферии или колонизации новых земель и т. п. Кризис промышленности в приграничном регионе легче объяснить наплывом дешевых товаров из-за «слишком прозрачной» границы, чем недостаточной конкурентоспособностью и отсутствием капиталовложений [8]. Таким образом, затрудняется выбор надлежащего уровня для решения конкретной проблемы.

Одержимость безопасностью стала характерной чертой постиндустриальной эпохи. В попытке защититься от террористов, избежать распространения социально-политической нестабильности или остановить поток нелегальных мигрантов, наркотиков или оружия территориально-политические единицы всех уровней (от надгосударственных образований до муниципалитетов) стараются изолировать себя от нежелательных внешних воздействий любыми средствами, воздвигая на границах не только «бумажные занавесы», но и мощные физические барьеры.

По подсчетам французского географа и дипломата М. Фуше, в мире насчитывается более 18 000 км километров физических барьеров по линии границ общей стоимостью по меньшей мере 12 млрд долл. [13]. Эти барьеры могут представлять представляют собой рвы, заграждения из колючей проволоки в несколько рядов, шестиметровую бетонную стену, как вокруг Иерусалима, или даже минное поле.

Принципы обеспечения безопасности зависят от символической роли границы, имиджа соседней страны в представлениях граждан и политической элиты, исторических традиций. Например, в Финляндии, несмотря на конфликты в прошлом, граница с Швецией воспринимается как абсолютно безопасная и надежная, тогда как граница с Россией, напротив, видится источником нелегальных мигрантов, преступности, загрязнителей и других угроз.

Общепринятых критериев пограничной безопасности не существует. Закон «О государственной границе Российской Федерации», принятый в 1995 г. и с изменениями действующий по настоящее время», определяет это понятие как «состояние защищенности государственной границы и приграничной территории...», а также национальных богатств, жизненно важных интересов личности, общества и государства в пограничных пространствах от всего спектра возможных и реальных угроз...». Неясно, однако, что означает «состояние защищенности». Более точно, на наш взгляд, определяют пограничную безопасность ведущие сотрудники Академии ФПС России [2]. По их мнению, «пограничная безопасность государства отражает... определенное состояние взаимосвязей и взаимодействий государства... с другими субъектами, условиями и факторами пограничной деятельности, при котором государству, его гражданам не наносится вреда, и создаются условия для преобразования государственной границы и пограничных пространств в соответствии с потребностями граждан государства, целями, ценностями и морально-нравственными ориентирами развития общества». Хотя авторы ссылаются на потребности граждан и ценности общества, это определение все же носит нормативно-идеальный характер. Неясно, представляет ли собой пограничная безопасность цель государственной политики или текущее состояние взаимодействий с внешним миром, которое должно контролироваться государством.

На практике понятие пограничной безопасности стало лозунгом, с помощью которого можно оправдать любые затраты и чрезвычайные меры¹. Новые «великие стены» и минные поля вдоль границ, ужесточение визового режима и введение все более жестких квот для иммигрантов – это акты общественной коммуникации, реакция политиков на фобии общественного мнения. Реальная эффективность таких мер невелика, особенно в сравнении с экономическими и социальными издержками. Так, дорогостоящий шенгенский визовый режим касается лишь 2 млн человек из 50 млн, ежегодно въезжающих во Францию [10].

Возведение пограничных барьеров основано на традиционном понимании границ как своего рода «линии фронта». Предполагается, что максимально полный контроль потоков через нее есть главное условие предотвращения проникновения вглубь страны нелегальных мигрантов, наркотиков, контрабанды и т. п. Такой контроль проще, если приграничье представляет собой слабо заселенную зону с низкой экономической активностью. Отсюда искушение, как и в старые времена, расширить пограничную зону и ввести в ней строгий контроль за любыми перемещениями и хозяйственной деятельностью. В результате приграничье превращается в застойную территорию. Этот ущерб оправдывается защитой национальных интересов. На деле именно «замораживание» приграничных взаимодействий и потеря выгод приграничного сотрудничества и доверия между странами наносит этим интересам большой ущерб.

Растет понимание, что попытки удержать контроль над многократно увеличившимися потоками через государственные границы прежними методами, усиливая их барьерные функции, не только малоэффективны, но и вредны для экономики и общества. Борьба с международной преступностью более эффективна при взаимном доверии и демилитаризация приграничной зоны. К тому же системный подход к защите границ требует обеспечения безопасности *на всей территории страны, а не только на ее рубежах*. Борьба с нелегальной миграцией или незаконным оборотом наркотиков не может быть сведена к заградительным мерам на границе.

Между обеспечением безопасности границ и возрастающими потребностями всех стран в усилении трансграничных потоков, ставших условием экономического развития, объективно существует дилемма: безопасность в нынешнем понимании чаще всего означает ограничение коммуникации (*circulation* в терминах Ж. Готтмана), открытость и увеличение сообщения через

---

¹ Миллиарды авиапассажиров во всем мире ежегодно страдают от все более унижительных, поистине драконовских мер безопасности, внедряемых сначала в США, затем в ЕС, а далее под их давлением в других странах. Предполагается «по умолчанию», что террористы обязательно проникают в страны «золотого миллиарда» из-за рубежа, и объектом их атаки должны быть самолеты, а например, не скоростные поезда, составы метро или промышленные предприятия. Практика доказала, что при таких масштабах контроля его качество снижается.

границу общественное мнение обычно связывает с новыми рисками и угрозами. Эта дилемма – поиск баланса между интересами безопасности и «прозрачностью» границ – не может быть разрешена, как нередко надеются, чисто технологическими методами – например, установкой сложного оборудования дистанционного контроля автомобилей или вагонов.

Растущее использование дорогостоящей техники ставит другую дилемму, порождает новый порочный круг. Чем сложнее пограничный контроль, чем жестче ограничения на пересечение границы, тем выше доходы организованной преступности от незаконного трансграничного оборота мигрантов, наркотиков, оружия или иной контрабанды, тем более привлекательна эта деятельность, тем чаще совершаются соответствующие преступления. Тем больше аргументов у правоохранительных органов для новых инвестиций в пограничный контроль и новых строгих мер [4].

В итоге пограничные посты, а иногда и физические барьеры появляются «во имя безопасности» там, где их никогда раньше не было, в том числе на важнейших коммуникациях – например, между Чехией и Словакией, на северной границе США.

Иконография границ и политический ландшафт. Выдающийся французский и британский географ Ж. Готтман еще в начале 1950-х гг. предложил концепцию изучения устойчивости территориально-политических единиц через влияние коммуникаций (внешних, трансграничных контактов) на иконографию (государственных символов) как отражения идентичности. В последние годы на новом витке оживился интерес географов к исследованию политического ландшафта приграничных районов – маркеров государственного суверенитета, национальной и региональной идентичности. Появились оригинальные работы об иконографии отдельных границ в кинематографе – в частности представлении в голливудской продукции нескольких десятков лет границы между США и Мексикой, одного из самых резких в мире политических рубежей. Новый сюжет – так называемая киберпропаганда: внешний вид и символическое содержание баннеров на часто посещаемых сайтах, эмблем местных компаний мобильной связи, появляющихся в экранах телефонов в определенном районе, и других изображений, которые несут идеологическую нагрузку.

Соотношение между иерархией территориальных идентичностей и границ, внутрисистемные связи между политико-административными границами всех уровней. Извечный вопрос о том, что первично – границы или территориальная идентичность – представляется вопросом о курице и яйце.

Известно, что именно власти ныне формируют или формируют в нужном направлении идентичности, прежде всего государственные. Любые политические границы, даже если существовали в течение совсем короткого периода, запечатлеваются в коллективной памяти и в идентичности, становятся

«шрамами истории». В то же время легитимность властей сильно зависит от лояльности граждан, проживающих на территории, находящейся в определенной юрисдикции – их солидарности, признания ими общности своей судьбы, интересов, отличий от соседей.

Уже давно показано, что связь между идентичностью и политическими границами, меняется под влиянием процессов глобализации и интеграции и в связи с передачей части государственных прерогатив и символических ресурсов на более высокий уровень, и из-за высокой мобильности капитала, и по причине все большего смешения этнических групп в результате миграций.

Языковые границы в Европе все больше совпадают с государственными и политико-административными границами. Этот процесс явно происходит и на постсоветском пространстве. Так, общеукраинская идентичность строится на основе противопоставления украинской этнической идентичности русской и «малороссийской» (идентичности русскоязычных и «русифицированных» украинцев), повсеместное внедрение нормативного украинского языка. Поэтому процесс государственного строительства нацелен на сокращение социальной и культурной дистанции между регионами в централизованном, унитарном государстве, в котором вопросы образования и культуры решаются главным образом в столице. По Э. Геллнеру, система образования и национальное государство (nation-state) находятся в жесткой взаимозависимости: одно невозможно без другого. К концу 2000-х гг. русский и другие языки национальных меньшинств Украины были постепенно запрещены в официальном делопроизводстве, сфере рекламы, кинопрокате, судопроизводстве. В 2008 г. министерство транспорта и связи Украины запретило использование региональных языков, в том числе и русского, на вокзалах, в транспорте, в бланках билетов, при работе с клиентами и пассажирами и т. п.

Однако Европейская хартия региональных языков (1992) обязывает подписавшие ее государства, в том числе и Украину, способствовать реализации культурных прав языковых меньшинств в области образования, СМИ и т. д. Эти обязанности возлагаются на региональные и муниципальные власти, что также способствует приближению языковых границ с политико-административными, чему способствуют и экономические факторы. При этом, однако, местные власти поставлены перед выбором, отдавать ли предпочтение преподаванию и продвижению нормативной версии языка соседней страны или стран, или местной, диалектальной, собственно и лежащей в основе региональной идентичности. Обычно предпочтение отдается нормативной версии [11].

Границы, приграничные районы и трансграничные системы. Во все большей степени государственная граница – не только линия, очерчивающая пределы государственной территории и территориальных вод. Развитие транспорта, средств связи и международной торговли порождает появление

границ далеко в глубине государственной территории – например, вокруг международных аэропортов, вокруг специальных таможенных и свободных экономических зон. Вдоль государственных границ создается особый тип пространства, характеризуемый разной интенсивностью взаимодействия между соседними странами, в том числе интенсивностью трансграничных потоков. Пограничное пространство или зона характеризуется протяженностью (длинной), шириной (глубиной) и насыщенностью (плотностью).

Оно представляет собой не периферию государства, а динамичную зону взаимодействия между политико-правовыми, экономическими, культурными и т. д. системами соседних государств, режим и развитие которой складывается в том числе в результате постоянных контактов и переговорного процесса между субъектами разных сфер деятельности, вовлеченными в трансграничные контакты.

Определение глубины и конфигурации трансграничных зон, закономерностей и стадий их развития при усилении трансграничных взаимодействий имеет большое практическое значение – например, для региональной политики, при разработке правовых норм, регулирующих режим границы, создание свободных экономических зон и логистических центров зон вблизи нее. Главные задачи изучения трансграничных зон – превращение приграничного положения из тормоза в ресурс развития приграничных территорий; выбор и развитие оптимальных форм трансграничного сотрудничества; формирование трансграничных инфраструктурных комплексов; охрана природы и разработка международных программ перехода к устойчивому развитию.

Определения и конкретные критерии делимитации приграничных и трансграничных зон были предложены в основном в последние годы. Дж. Прескотт считал приграничной зоной «ландшафт, частью которого является граница», которому присущ набор функциональных связей, зависящий, с одной стороны, от различий в экономической структуре и уровне развития смежных территорий, с другой – от степени культурного сходства сообществ по разные стороны границы (Prescott, 1987). Трансграничную территорию определяли как «охватывающую части территорий двух или нескольких соседних стран социально-экономическую систему, характеризующуюся единством природной первоосновы и/или расселения, трудовых и культурно-бытовых связей населения, хозяйства, инфраструктуры, нередко также исторических, этнических и культурных традиций» [7].

Значительный вклад в разработку теории трансграничных систем внесли недавние работы П. Я. Бакланова и С. С. Ганзея. Согласно С. С. Ганзею, международная трансграничная территория – это территория, состоящая из взаимодействующих приграничных территорий двух или более соседних стран, обладающих сочетаниями природных ресурсов и тех или иных видов хозяйственной деятельности, природным основанием которых является либо еди-

ная геосистема, либо сочетание двух или более геосистем регионального уровня, расположенных в зоне государственной границы [3].

В изучении трансграничных систем применяется прежде всего функциональный подход, в основу которого положено выявление баланса между ограничениями и привлекательными факторами близости к границе для разных видов деятельности, определение зоны, в которой граница оказывает влияние на территориальную структуру общества, характер и конфигурацию потоков, общественные отношения. В качестве критериев выделения трансграничной системы (территории) могут выступать изолинии интенсивности взаимодействий в разных сферах деятельности, общность инфраструктуры, расселение. Очевидно, что трансграничные территории обеспечивают контактную (транспорт, логистика, взаимодействие приграничных регионов) и барьерную (контроль, оборона) функции государственной границы.

П. Я. Бакланов и С. С. Ганзей установили основные особенности трансграничных систем: а) целостность и взаимовлияние двух или нескольких звеньев, расположенных по разные стороны государственных границ и, вместе с тем, их относительная самостоятельность; б) пересечение геополитических интересов соседних стран; в) асинхронность и асимметричность изменений по разные стороны границы. Это ведет к росту трансграничных градиентов между соседними странами и регионами, что, в свою очередь, порождает нестабильность и может обострить политические проблемы. Те же авторы предложили типологию трансграничных геосистем, различая природные (бассейны рек, горные массивы, озера, моря), природно-ресурсные (сочетания и отдельные месторождения природных ресурсов) и социально-экономические геосистемы. Они могут быть национального, регионального и местного уровня [1].

В сходных направлениях развивалось исследование трансграничных территорий за рубежом. Поначалу особое внимание уделялось их изолирующей, разделяющей функции. Выделялись такие типы разделяющих трансграничных территорий, как демилитаризованные зоны, заповедники и природные парки, ареалы повышенной военной активности [16]. Подчеркивалась важность степени симметричности связей и потенциала соседних стран и регионов. Обширная литература посвящена экономическим и социальным ограничениям, налагаемым границей на районы по обе ее стороны с использованием гравитационных моделей [12, 17], выделению трансграничных систем расселения и т. д. Типологии трансграничных систем также строились по территориальным уровням, стадиям развития. Подчеркнута вариативность типологий: так, внешние границы ЕС – это одновременно границы Евросоюза, отдельной страны и ее региона, и на каждом уровне функции границы различны, соответственно различаются и трансграничные системы. Парадоксальным образом, экономическая интеграция на национальном уровне может сопровождаться деградацией связей и трансграничных систем на региональном уровне.

Их формирование и перспективы во многом определяются транспортной инфраструктурой. Здесь также может появиться порочный круг. Развитие контактов между соседними территориями Центральной и Восточной Европы затрудняется сложившимися за многие десятилетия разными техническими стандартами (в ширине колеи железных дорог, тоннелей, допустимом радиусе поворотов и уклонов, параметрами мостовых сооружений и др.), что вызывает потребность в смене подвижного состава на границе. В свою очередь, барьерные функции границы препятствуют унификации технических параметров транспортных систем [14, 15].

Литература

1. *Бакланов П. Я., Ганзей С. С.* Трансграничные территории: проблемы устойчивого развития. – Владивосток: Дальнаука, 2008.
2. *Бондаренко В. А., Василенко А. И., Дмитриев В. А., Кудияров В. А., Молчановский В. Ф., Тепечин В. И.* Погранология: методологические вопросы. – М.: Отделение погранологии МАИ, 2001.
3. *Ганзей С. С.* Международные трансграничные территории как объект геоэкономических исследований: Автореф. дис. ... д-ра. геогр. наук. – Владивосток, 2005.
4. *Голунов С. В.* Безопасность пограничных пространств // Международные процессы. 2007. Т. 5. С. 27–37.
5. *Колосов В. А., Мироненко Н. С.* Политическая география и геополитика. – М.: Аспект-пресс, 2005.
6. *Колосов В. А.* Исследования политических границ с начала XX века до наших дней // Известия РАН. Сер. географ. 2008. № 5. С. 8–20.
7. *Колосов В. А., Туровский Р. Ф.* Типология новых российских границ // Известия РАН. Сер. географ. 1999. № 5.
8. Прозрачные границы. Под ред. Л. Б. Вардомского и С. В. Голунова. – М.–Волгоград: НОФМО, 2002.
9. Федеральный закон «О государственной границе Российской Федерации». – М.: Граница, 1995. С. 1–3.
10. Actes du colloque «Entre espace Schengen et largissement l'Est: les recompositions territoriales de l'Union européenne». – Mosella, 2002. Т. 27. № 3–4.
11. *Auburtin E.* Langues régionales et relations transfrontalières dans l'espace Saar-Lor-Lux // *Herodote*. 2002. № 105. P. 102–122.
12. *Didelon C., Grasland C., dir.* Europe in the World. Espon Research Project № 3.4.1, 3 volumes. Rapport rendu à la Commission des Communautés européennes, novembre 2006.
13. *Foucher M.* La République européenne. Paris. – Belin, 2000
14. *Kolossov V. and Borodulina N.* Circulation – Security Dilemma and Border Regions: the Case of the Boundary Between EU and Russia. – Regional Development

in Central and Eastern Europe. Gorzelak G., Bachtler L. and Smrktowski M., eds. – London et al.: Routledge, 2009.

15. *Kunth A., Thorez P.* Fronti res et transports, fronti res de transport. Continuit , mutations et transitions entre l'Ouest et l'Est de l'Europe // *Etudes comparatives Est-Ouest*. 2005. Vol. 36. № 3. P. 11–42.

16. *L vy, J., Lussault M.* (dir.) *Dictionnaire de la g eographie et de l'espace des soci t s.* – Paris – Belin, 2003.

17. *McCallum J.* National borders matters: Canada–US regional trade patterns // *American Economic Review*. 1995. Vol. 85. № 3. P. 615–623.

Мируненко Н. С.

СОВРЕМЕННАЯ МИРОХОЗЯЙСТВЕННАЯ СИСТЕМА И ЕЕ ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА

1. Обоснование.

В условиях глобализации мировое хозяйство быстро меняет свой облик. Из совокупности более или менее взаимосвязанных, но достаточно автономных/автаркических национальных хозяйств, развитие которых определялось преимущественно их внутренними условиями и факторами, к 1980-м годам мировое хозяйство трансформировалось в целостную геоэкономическую систему. Это означает, что национальные хозяйства (в том числе, хозяйство России) становятся составными элементами единого планетарного организма, обладающего синергетическими свойствами, прежде всего свойствами самоорганизации.

Процесс интернационализации на основе индустриализации, научно-технической, затем коренной информационной революций привел к глобализации. Это новый этап процесса интернационализации хозяйственной жизни, сопоставимый по своей революционной значимости с неолитической революцией. С нее начался не только переход от присваивающего дары природы существования человека страны всех типологических групп уже не могут не зависеть от значительных экономических, политических и социальных событий в других странах и регионах мира.

Поскольку процессы глобализации происходят в мировом пространстве неравномерно, постольку мировое хозяйство развивается по географической модели «Центр–Семипериферия–Периферия», которые различаются разным уровнем и качеством физического, социального, человеческого и других возможных типов капитала.

Как показывает исторический путь развития человечества одним из ведущих факторов повышения уровня развития любой территории является ее воспроизводственная открытость, потому что активное и творческое участие в международном разделении труда ведет к невиданно быстрому росту всех ее параметров и жизненного и культурного стандартов.

2. Проблемы исследований в географии.

1) Изучение сдвигов в международном разделении труда, которые модифицируют внутрифирменные и межфирменные связи, способствуют формированию обширных международных сетей кооперационных связей, открывают перед многими развивающимися странами новые возможности подключаться к мировому научно-технологическому процессу по мере того, как туда перемещается значительная часть отраслей по производству техно- и наукоемких товаров и некоторых видов высокотехнологичных услуг, особенно в информационной области.

2) Научное обобщение эволюции теоретических интерпретаций системы мирового хозяйства, создание новых моделей.

3) Освоение и развитие статистических и геоинформационных оценок как внутриотраслевых, так и международных производственных сетей, включая логистические цепочки.

4) Изучение становления и структуры современных транснациональных корпораций, учитывая усложнение вертикальных производственных связей, а также растущую самостоятельность аффилированных подразделений ТНК и модуляризацию производственных цепочек.

5) Оценка теоретической обоснованности и рациональности отношения управленческих институтов России к крупномасштабной регионализации геоэкономических и геополитических связей.

6) Изучение противоречий и трудностей между переходом к наукоемкой экономике и ростом ресурсной составляющей во внутренней и внешней («второй») экономике.

7) Исследование роли мировых городов в формировании пространственной структуры мирового хозяйства, в частности, в связи с одним из главных и быстро протекающим процессом с конца XX века формирования глобального финансового рынка.

8) Изучение теневой экономики, некроэкономики и «зомби банков» в системе мирового хозяйства.

9) Оценка конфликтоопасных социально-экономических различий между Центром и Периферией, Севером и Югом.

Пилисов А. Н.

КАК ИСПОЛЬЗОВАТЬ ИДЕИ Н. Н. КОЛОСОВСКОГО ДЛЯ НОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ РОССИИ?

Цель данной работы – продемонстрировать современный потенциал теории Н. Н. Колосовского об экономическом районообразовании, сформулированной более полувека назад для другой страны и другого (индустриального) технико-экономического уклада. Эта цель определила решение следующих за-

дач: 1) охарактеризовать сильные и слабые стороны теории экономических районов, с точки зрения современных вызовов, стоящих перед российским обществом и российской экономикой; 2) дать ответы на принципиальные вопросы, касающиеся дальнейшей судьбы учения об экономических районах, в которых отражается наш мировоззренческий выбор, куда и как идти дальше; 3) определить наши основные подходы для нового экономического районирования России.

1. Заветы Н. Н. Колосовского: сильные и слабые стороны советского учения о районообразовании. Несомненным достоинством теории Н. Н. Колосовского является акцент на генезис (становление и развитие) экономических районов, трактовка районирования как динамичного процесса, а не статичного состояния. Для современных условий быстрых социальных и экономических изменений в России такой взгляд оказывается исключительно конструктивным. Другая сильная сторона этого учения – обращенность в будущее, перспективный характер: районирование предлагается не в контексте того, что есть, а в контексте того, что будет. Для современных условий это означает выделение районов для целей успешной и динамичной постиндустриальной трансформации и инновационной модернизации российской экономики. Теория Н. Н. Колосовского плодотворна органичной интеграцией экономических и пространственных факторов; объектом изучения избирается функционирующая в едином ритме районная хозяйственная система «пространство-экономика». Упрощая, можно констатировать наличие трех элементов в логической цепочке районоформирования: 1) энергетический процесс на местности служит основой образования местных хозяйственных комплексов; 2) данное комплексообразование представляет собой эффективную межфирменную контрактацию – локализованное сочетание предприятий вокруг главного энергетического производственного процесса; 3) комплексообразование характеризуется «устойчиво повторяющимся массовым типом производственного процесса» и приводит к формированию единого экономического района. Широка концептуального замысла Н. Н. Колосовского проявилась в органичной связи его энергопроизводственных циклов, хозяйственных комплексов и экономических районов с природными факторами (климат, тектоника, ландшафт) и акценте на комплексное развитие производительных сил как основу районообразующего процесса.

Главные недостатки теории Н. Н. Колосовского с позиций современных вызовов, стоящих перед российским обществом и экономикой, являются следствием особенностей эпохи ранней индустриализации, в которую она создавалась. Только на опыте западных стран были видны тогда основные черты позднеиндустриальной экономики, с характерными для нее эффектами экономики на масштабе операций, тенденциями постоянного укрупнения и нарастания специализации промышленных фирм. Районы же Н. Н. Колосовского строятся на основе советских комбинатов ранней индустриальной эпохи, актуали-

зирующими эффект экономии на комплексности, т.е. диверсификации номенклатуры выпускаемой продукции. Даже для эпохи последовавшей ведомственной экономики уже были нужны существенные поправки в теорию. Очевидно, что они должны быть еще более существенными для современной постиндустриальной эры.

Следуя философии той хозяйственной эпохи, в которую он создавал свою теорию, Н. Н. Колосовский не включил в нее институциональные факторы формирования хозяйственных комплексов и экономических районов. Атмосфера конкретного пространства, т.е. социальный контекст хозяйственных контрактов (местные особенности мотиваций агентов экономики, их трудовой этики, компетенций, этнической структуры и др.) была полностью проигнорирована. И если при описании производственного сочетания это еще было допустимо, то при переходе к анализу производственно-территориального сочетания как ядра, основы будущего районоформирования, это было очевидным пробелом. Переход от межфирменной контрактации к экономическому районированию происходил в «безвоздушном пространстве», пространстве, начисто лишенным собственной специфики. Именно поэтому было невозможно дать ответ на очевидный вопрос: с какого момента можно считать, что обычная межфирменная контрактация переросла в экономический район? Без понятий обстановки, атмосферы, социального контекста хозяйственных контрактов ответить на него невозможно. Неотчетливо в теории районирования решались и тогда, и сегодня фундаментальные для нас вопросы локализованной и «дальней» межфирменной контрактации (т.н. соотношение глобализации и локализации): что именно определяет, какие контракты будут осуществляться внутри экономического района, а какие будут вынесены за его пределы? Не был дан ответ на вопрос, а возможно ли экономическое районирование в старых отраслях, на старых активах: районы Н.Н. Колосовского возникали в основном на новых стройках, в результате комплексирования новых предприятий. Но сегодня для нас именно проблемы старопромышленных, нередко монопрофильных районов и городов (в том числе пространственной организации их производительных сил) выходят на первый план.

2. Фундаментальные вопросы: судьба теории Н. Н. Колосовского и наш принципиальный выбор. Мы не имеем права двигаться дальше, не дав ответа на несколько важнейших вопросов: 1) Умирают ли экономические районы Н. Н. Колосовского в современную эпоху, когда уже нет устойчиво повторяющихся элементов производственного процесса (он находится в постоянном «реинжиниринге»)? Если тип производственного процесса более не может быть основой районной классификации, то что тогда ею является? Не подбрасывает ли глобализация сами основы локального экономического райониования? Работает ли логика Колосовского «энергетический процесс в локализованном пространстве – межфирменная контрактация – экономическое райо-

нирование» в современную эпоху? Может ли сегодня энергия быть по-прежнему основой районообразования? Как конкретно рыночные факторы проявляют себя в процессах районоформирования?

Лаконично отвечая сразу на все поставленные критические вопросы в адрес теории, отметим, что наша позиция состоит в том, что институт экономического района все современные реалии ни в коей мере не отменяют (география не умирает в эпоху Интернета): значение местных факторов, местного контекста для конкурентоспособности современных производственных процессов эры глобализации сохраняется или даже увеличивается. Однако природа, сущность нового экономического района, принципы его выделения должны претерпеть радикальную трансформацию.

3. Императивы экономики знания в новом экономическом районировании. Сформулируем сначала наши общие подходы к решению этой задачи. Проблема районообразования не может быть решена абстрактно, вне конкретного хозяйственного времени, при отрицании специфики конкретной хозяйственной эпохи. Современная эпоха характеризуется диалектикой снижения роли материальных при одновременном возвышении нематериальных (в том числе знаниевых, информационных) факторов экономического роста и развития. Эти тенденции неизбежно проявляются и в комплексообразовании и в экономическом районировании. В основе прежнего и нового комплексирования и районообразования лежат разные экономические эффекты – ранее экономики на масштабе при падающей отдаче от производственных факторов; теперь агломерационного эффекта в его различных формах и возрастающая отдача за счет включения факторов человеческого капитала (креативного класса). Ядром районов Н. Н. Колосовского был раннеиндустриальный комбинат, ядром современного района становится сетевая структура (экономики знания).

Перед тем, как двигаться дальше в развитии теории районирования, необходимо сделать фундаментальный выбор районообразующих факторов. В логике Н. Н. Колосовского «местный энергетический процесс – производственное сочетание – экономическое районирование» в основу районоформирования был положен ритм устойчиво повторяющегося производственного процесса (представлен в виде энергопроизводственного цикла). У нас есть два пути: 1) сохранение традиции Н. Н. Колосовского и потому поиск источников нового районирования в локализованной межфирменной контрактации («современить концепцию»); 2) радикальный отказ от межфирменной контрактации как основы, ядра экономического районирования, от простой переинтерпретации ЭПЦ, ТПК в постиндустриальном ключе (переход на абсолютно новую концепцию районоформирования, при этом сохранив дух теории Н. Н. Колосовского, но следовать ему не школярски, а широко, как пространственную нарезку территории для эффективной организации экономической и социальной жизни общества). Это как малый бизнес можно изучать от фирмы или от предпринимателя.

теля, так и здесь, генезис района можно увидеть в межфирменной контрактации или в социальной коммуникации.

Что дает нам право уйти от межфирменной контрактации как основы формирования экономических районов? 1) Экономическое районирования «старше» межфирменной контрактации – исторический обзор самого Н. Н. Колосовского показывает, что экономические районы можно увидеть еще в аграрной России, вне всяких производственных сочетаний, задолго до них. В широкой исторической ретроспективе прочной увязки производственного сочетания как основы экономического районирования нет. 2) Уже нет устойчиво повторяющегося массового производственного процесса как основы районирования, по Н. Н. Колосовскому. Однако есть устойчиво воспроизводимые связи «центр-периферия», которые могут выступить крепежным механизмом нового района. 3) Растущее значение приобретают не-производственные структуры экономики знания (университеты, другие структуры обучения, фирмы промышленного сервиса и др.). Роль их пространственных сочетаний уже нельзя игнорировать в новом экономическом районировании, что косвенно подтверждается растущим числом исследований по территориальной структуре учреждений высшего и среднего образования (структуре местных компетенций и т. д.).

3.1. Сущность нашего подхода. Основой районирования Н. Н. Колосовский в раннеиндустриальную эпоху считал энергетический принцип: «Каждый районный комплекс должен развивать свое хозяйство на основе электрификации и создания районных систем на местных ресурсах».¹ В постиндустриальную эру считаем основой нового районирования творческий процесс. Организованный в определенных институциональных и пространственных рамках творческий труд с информационным его вооружением является основой географического районообразующего процесса. Развертывающийся в пространстве района творческий процесс привязан не только к межфирменным контрактам, т. е. производственным сочетаниям, но и к персональным контактам, коммуникации.

Индустриальные территориально-производственные комплексы обособлялись на общности материальной энергии, а постиндустриальные нужно обособлять на общности креативной, творческой, нематериальной энергии. Теперь основой становится энергия творческой мысли, а не физическая энергия. Оснасткой местного творческого процесса выступает местная институциональная структура, инфраструктурные сети, необходимые материальные и финансовые активы. Здесь нет той вещественной слитности, сплоченности материальных активов, как в индустриальных районах; обрамление местного творческого процесса более фрагментарно, атомарно, разрозненно, больше приурочено к конкретным представителям «креативного класса» – творческим кадрам, чем к крупным производственным коллективам и процессам. От пре-

¹ Колосовский Н. Н. Избранные труды. – Смоленск. Ойкумена. 2006. С. 134.

жней «конвейерной» оснастки производственного процесса переход к более гибкой блочно-модульной, сетевой конфигурации. Творческая (инновационная) деятельность «работников знания» становится основным источником добавленной стоимости новых экономических районов.

Стержневая для нового экономического района и необходимая для успешной творческой деятельности знаниевая цепочка увязывает через конвертации финансовых ресурсов экономическое (ресурсное) развитие и развитие местных структур экономики знания.

3.2. Региональная инновационная система как результат районирования творческого процесса. Новый экономический район – это целостная клетка местного творческого процесса, в которой знаниевая цепочка обретает законченность (от идеи до внедрения). Главным противоречием нового экономического района становятся местные барьеры инновациям (т. е. успешному развертыванию знаниевой цепочки). Для условий современной России можно выделить несколько типов экономических районов, каждый из которых характеризуется сущностным своеобразием развертывающегося в его рамках творческого процесса, а также пространственной, институциональной и отраслевой структуры: 1) районы нового ресурсного освоения (творческая энергия пионерного обустройства и первостроительства); 2) старопромышленные районы обрабатывающей и ресурсной специализации (творческая энергия трансформации); 3) сервисные метрополитенские/крупногородские ареалы (творческая энергия в интеллектуальном промышленном сервисе, деловых услугах); 4) климатически комфортные, курортные районы (творческая энергия в результате концентраций креативных кадров в пространствах средних городов); 5) монопрофильные районы и города (творческая энергия преодоления блокировок/инерции развития); 6) периферийные острова-«изоляты» (творческая энергия саморазвития).

Руденко Л. Г., Горленко И. А., Маруняк Е. А.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ: СУЩНОСТЬ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Как и для любой другой науки, для общественной географии были и остаются актуальными вопросы: определения предметного поля, общественного признания и востребованности, потенциала развития.

История зарождения и формирования общественно-географических исследований состоит из нескольких этапов, различных для постсоветских стран и остального мира в виду очевидных идеологических несоответствий существовавших в XX веке.

Исследования, положившие основу развитию экономической, а затем и социальной географии проводились в западной Европе с XVIII в., оказав впоследствии влияние на работы как российских, так и украинских ученых. Особенно следует подчеркнуть становление на рубеже XIX–XX вв. в некоторых

западноевропейских научных школах (И. Гердер, Ф. Рагцель, К. Риттер, П. Видаль-де-ла-Бланш и др.) основ антропогеографии (а ныне по сути «human geography»). Традиция была продолжена и в России и в Украине (наиболее полно в работах С. Рудницкого, В. Гериновича, В. Кубийовича, В. Садовского, М. Кордубы, М. Дольниченко [11, с. 12–13]) в начале XX в.

Позже, в результате искусственного разделения, на постсоветском пространстве активно развивались лишь экономическая и физическая география. Однако, уже в 1946 г., Н. Н. Баранский, представлявший экономико-географическое направление, отмечал в своих работах и существование попыток «заполнения пропасти между географией физической и географией экономической» с помощью «линии на их сближение и даже сращение в виде так называемой «общей географии» [2, с. 32]. И, несмотря на несогласие с носителями идей «общей географии» говорил о необходимости создания «третьей особой специальности – страноведческой, имеющей своей задачей восстановить на новых началах *синтетическое изучение* (разрядка авт.) стран и народов, охватывающее и природу и человека во всем их сложном взаимодействии» [2, с. 34].

Системное обобщение проведенных в XX ст. теоретико-методологических разработок и последних достижений социально-экономической географии относительно понятийно-терминологического аппарата было сделано в капитальном труде Э. Б. Алаева [1].

По замечанию автора, в ходе его написания были учтены результаты общенаучного достояния в области методологии и теории, что повышает его научную ценность. В книге Э. Б. Алаев предлагает определение двух основных направлений исследований – экономической и социальной географии, говоря в предисловии и о географии общественной. Он считает, что наиболее перспективный и конструктивный путь развития этой науки – в исследовании закономерностей, особенностей территориальной организации жизни общества, в управлении этими процессами [1, с. 33].

Говоря о сущности экономико-географических исследований, Э. Б. Алаев ограничил их рамками изучения пространственных процессов и форм организации жизни людей, общественного производства, прежде всего с точки зрения его эффективности, производительности общественного труда. Определяя основные задачи, стоящие перед социальной географией он несколько расплывчато, на наш взгляд, отнес к ним изучение «пространственных процессов и форм организации жизни людей и общественного производства, прежде всего с точки зрения человека – условий его труда, быта, развития личности, и воспроизводства жизни [1, с. 34–35].

Уже в этих определениях экономической и социальной географии прослеживается взаимное «проникновение» исследований. Считаю, что оно очень четко проявилось в 80-е и особенно в 90-е годы, в работах по экономическому районированию территории и тем более определению уровня развития регио-

нов, при ведении которых активно привлекались показатели и социально-, и экономико-географических их характеристик.

По нашему мнению это объяснялось самой природой экономических районов, которые фактически представляли собой целостные геосистемы, давно понимаемые экономико-географами как триединства населения-хозяйства (экономики) и природы.

Следует отметить, что на изломе тысячелетий, в ходе резкого ускорения процессов цивилизационного развития на постиндустриальном фундаменте не только очень усложнились по своей сущности и структуре и активизировались процессы интернационализации (крайнее проявление – глобализация), но и начали формироваться объекты и явления, которые не вписывались в рамки только экономической или, же социальной географии.

Такие явления поставили перед обществом, а, следовательно, и перед географией ряд новых задач. Об их сложности могут говорить названия некоторых комиссий, которые работают при Международном географическом союзе: «Динамика экономических пространств», «Гендерные проблемы и география», «Маргинализация и глобализация: региональные и локальные ответы», «География глобального информационного общества» и др.

Как очевидно из ряда зарубежных публикаций, решение подобных задач проводится в поле так называемой «human geography» (HG). На сегодняшний день достаточно сложно провести её четкие границы. Согласно одним определениям, HG, является ветвью географии, направленной на систематическое исследование явлений и процессов, которые формируют взаимодействие человека с окружающей средой [19]. Согласно другим – междисциплинарная сфера объединяющая подходы академической географии с традиционным предметом социологии [18]. В тоже время в сферу HG исследований входят поведенческая география, культурная география, экономическая география, география феминизма, языков, религий, историческая география, география маркетинга, медицинская география, политическая география, география населения, социальная география, стратегическая география, география городских поселений. Таким образом, со времен антропогеографии в HG отчетливо проявились синтез и гуманизация, «очеловечивание» методологии, методов применяемыми в исследованиях. Изменились характер и глубина изучения объектов, охватывая все основные стороны жизни человека, его социальной позиции, культурных приоритетов. Как верно отмечено в одной из статей «HG была преобразована удивительным спектром философских и социальных, культурных и экологических теорий и подходов, поскольку они стремились развить понимание глубоких изменений, которые происходят в мире» [20].

Являются ли такие исследования всеобъемлющими и как они соотносятся с постсоветской, украинской общественной географией – предмет дальнейшего анализа.

Нам представляется, что НГ как направление географических исследований, не в полной мере преодолевает разрыв между его экономической и социальной составляющей, а излишняя «социализация» усложняет исследования многих важных, свойственных именно нашему времени отношений, связей, закономерностей в общественно-производственной жизни мирового сообщества.

В Украине общественная география начала формироваться на пороге XXI столетия, в ответ на вызовы времени и запросы практики. В первой, посвященной её сущности публикации, эта наука была охарактеризована как ситуационно синтезирующая (а не просто объединяющая) исследования социальной и экономической географии и изучающая сложные территориальные проблемы развития общества в единстве их социальных, экономико-географических и экологических аспектов [5]. В зависимости от объектов исследования в ней уже в 1996 г. было выделено два основных направления исследования. Первое – это исследования населения и отраслей хозяйства во всей сложности их внешних и внутренних связей и отношений. Второе, наиболее интегрированное, охватывает всю сложность взаимодействия населения и производства с учетом общественно-природного взаимодействия [16].

Следует подчеркнуть, что уже во второй половине 90-х годов общественная география в Украине начала достаточно активно развиваться как в первом, так и во втором направлении.

По первому направлению стали шире и глубже изучаться внешние и внутренние связи с включением социальных аспектов традиционных для экономической географии объектов: промышленных комплексов Украины, её экономических районов, АПК, банковского сектора и т.д.

Второе направление было представлено исследованиями по устойчивому, социально-экономически и экологически сбалансированному развитию территории (были разработаны концептуальные основы устойчивого развития [4, 13], качества жизни населения [6], интегрального потенциала [4]).

Отметим, что и определение и предметная область общественной географии остаются в зоне дискуссий [15]. Это естественный процесс, и важно здесь то, что в научной среде сформировалось четкое представление об интегральном характере современных исследований.

Развивая научные направления, связанные с интегрированием экономической и социальной информации, Н. Д. Пистун вводит следующее определение: «общественная география является наукой о территориальной организации и комплексно-пропорциональном развитии материально-вещественных и духовных компонентов деятельности человека» [11]. Определению и сущности общественной географии уделяли внимание и другие ученые Украины [14, 17]. А. Г. Топчиев в одной из последних публикаций дает следующее определение: «Общественная география – наука о социально-экономической организации

ландшафтной оболочки Земли, о влиянии жизнедеятельности общества на ландшафтную оболочку» [15].

Что касается российской географии, согласно одному из определений, под общественной географией понимается отрасль географии, изучающая пространственную организацию общества, включая расселение людей, хозяйство, культуру и политическое устройство, вместе с физической географией образующая единую систему географических наук [3].

Актуализация общественно-географических исследований выразилась и в изменении структуры Института географии НАН Украины. По инициативе заведующей отделом И. А. Горленко, в 1992 г., отдел экономической географии был переименован в отдел общественной географии, что отразилось в последовательных изменениях тематики научно-исследовательских работ, появлении новых тем докторских и кандидатских диссертаций [8], монографий нового интегрального направления [6, 7, 9]. Нельзя не упомянуть и структуру созданного в Институте географии НАН Украины Национального атласа Украины (2007 г.).

Осуществленный анализ диссертационных исследований по специальности «экономическая и социальная география» позволил установить, что во многих работах ключевым словосочетанием является «общественно-географическое исследование». Наибольшее число работ защищено по проблемам социальной сферы (что соотносится с общемировой тенденцией), затем – по проблемам природопользования и эколого-экономического развития. Далее следуют работы по проблемам формирования общественно территориальных комплексов и систем разных видов, АПК, рекреационной деятельности. В последние годы были проведены исследования с позиций общественной географии таких категорий как качество жизни населения, сбалансированное развитие, промышленное и региональное развитие, глобализация, что значительно обогатило и теорию, и методологию и практику общественной жизни. Формируются и новые аспекты исследований: миграции населения, метрополизация, транспортные оси, конкурентоспособность регионов и т. д.

Общественная география – это реальный путь к интеграции отраслевых знаний (география промышленности, населения сельского хозяйства и т. д.) в начале в направлениях социально-экономической географии, а затем и географии в целом, что приводит к более четкому пониманию задач региональной географии и её участию в решении проблем регионального развития.

Литература

1. *Алаев Э. Б.* Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь – М.: Мысль, 1983. – 350 с.
2. *Баранский Н. Н.* Избранные труды. Научные принципы географии. – М.: Мысль, 1980.

3. География: понятия и термины: пятиязычный академический словарь / Котляков В. М., Комарова А. И. – М.: Наука, 2007.
4. *Горленко И. А., Руденко Л. Г., Малюк С. Н. и др.* Проблемы комплексного развития территории. – К.: Наукова думка, 1994.
5. *Горленко І. О.* Суспільно-географічні дослідження в Україні та географічна освіта // Географічна освіта в Україні. Тези доповіді на науково-практичні конференції, 23–25.XI.1995. – К., 1995.
6. *Гукалова І. В.* Якість життя населення України: суспільно-географічна концептуалізація. – К.: Інститут географії НАН України, 2009.
7. *Лісовський С. А.* Суспільство і природа: баланс інтересів на теренах України. – К.: Інститут географії НАН України, 2009.
8. *Нагірна В. П., Руденко Л. Г.* Тематика дисертаційних досліджень в руслі сучасних суспільних проблем в Україні (спеціальності «економічна і соціальна географія», «географічна картографія». 1992–2002 рр.) // Український географічний журнал. 2004. С. 60–75.
9. Національний атлас України. Наукові основи створення та їх реалізація. За ред. Л.Г.Руденка. – К.: Академперіодика, 2007.
10. *Підгрушній Г. П.* Промисловість і регіональний розвиток України. – К.: Інститут географії НАН України, 2009.
11. *Пістун М. Д.* Основи теорії суспільної географії. – К.: Вища школа, 1996.
12. *Пістун М. Д.* Розвиток суспільної географії в Україні у ХХ – на початку ХХІ сторіччя: монографія. – К., 2009.
13. *Руденко Л. Г. Горленко И. А., Олеценко В. И.* Украина на пути к устойчивому развитию (геоэкологические аспекты). – К.: Інститут географії НАН України, 2000.
14. *Топчієв О. Г.* Основи суспільної географії. – Одеса: Астропринт, 2001.
15. *Топчієв О. Г.* Про предметну область і предмет суспільної географії. // Український географічний журнал. 2004. С. 3–8.
16. Україна: основні тенденції взаємодії суспільства і природи у ХХ ст. (географічний аспект). За ред. Л. Г. Руденка. – К.: Академперіодика, 2005.
17. *Шаблій О. І.* Основи загальної суспільної географії. – Львів: Вид. центр ЛНУ, 2003.
18. en.wikipedia.org/wiki/Human_geography
19. www.calsky.com/lexikon/en/txt/h/hu/human_geography.php
20. *Firth R., Biddulph M.* GTIP Think Piece – Fantastic Geographies: Geography Teaching and the issue of Knowledge – www.geography.org.uk/gtip/thinkpieces/fantasticgeographies.

ВОЗМОЖНОСТИ И ПОТРЕБНОСТИ ЗАИМСТВОВАНИЙ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ ЗАПАДНОЙ ГЕОГРАФИИ

1. В западной гуманитарной географии (она же общественная) принято считать, что в двадцатом веке география как наука пережила несколько сменяющих друг друга теоретических подходов к своему предмету. Век начался полным господством **географического детерминизма**, с его прямолинейным объяснением особенностей народов, стран и районов теми природными условиями, в которых они развивались. Эта прямолинейность вступала в явное противоречие с реальным миром и могла удовлетворять географов только на первых стадиях развития их теоретизирования. Всё чаще отмечалось, что реальное развитие различных районов и стран не поддается такому простецкому объяснению, так как природные факторы перекрыты толщей местных особенностей общества. Так в 30–40-х годах возникла парадигма **regional studies** – региональных исследований конкретных частей планеты. Она сняла вопрос о единстве географии, расколотой на физическую и гуманитарную, поскольку развитие конкретного района всегда представляло как тесное переплетение обеих ветвей географии. Однако сильный упор на уникальность каждой географической ситуации ставил под сомнение саму научность географии, поскольку повторяемость явлений отрицалась, а вместе с ней и действие каких-либо сквозных закономерностей, этих лакмусовых бумажек истинной научности. Реакцией стала в 50–60-х годах **количественная география**, которая поставила во главу угла именно повторяемость, закономерность, исчисляемость и, главное, возможность представления географического объекта в виде чисел. Математическое моделирование стало непреложным признаком истинной научности не только в географии, но и в социальных дисциплинах. Однако именно в эти годы становилось всё заметнее, что эта парадигма порождала теории, основанные на упрощённых допущениях относительно принятия решений человеком. Это был «экономический человек», вполне рациональный, обладающий совершенным знанием, он оптимально использовал возможности и минимизировал свои издержки. В реальности люди шли субоптимальными путями, обладали весьма неполной информацией и принимали решения под сильным воздействием эмоций. Крайней реакцией на это можно счесть первые работы по т.н. **гуманистической географии**, которые нарочито замкнули круг своих объектов сугубо человеческими артефактами вроде дневников, газет, художественной литературы, живописи. Менее боевитой реакцией стал в 60–70-х годах расцвет **поведенческой географии**, где чисто человеческие свойства объявлялись главными факторами в развитии географической картины общества. Некое промежуточное положение заняла прикладная география, нацеленная на получение практических результатов и основанная на анализе

практической деятельности людей и общества. Но самым плодотворным течением стал в 70-е годы **структурализм**. Его центральной мыслью было представление о том, что развитие общества (в том числе в географическом смысле) предопределено неким глубинным паттерном; наилучшим примером мог в те годы служить марксизм (не в советском, разумеется, истолковании), который считает таким паттерном капиталистическое устройство общества. Цель науки – отыскать такой паттерн, исследовать именно его и не тратить силы на вопрошания по поводу второстепенных факторов, лежащих на поверхности. Эта парадигма тоже продержалась недолго. Её устремлённость к сокровенному смыслу, к поиску мощной непротиворечивой теории стала восприниматься как поиск некоей отмычки, которая сделала бы излишним подлинно научное кропотливое исследование. На волне этой войны против Большой Теории в географию в 80-е годы вторгся **постмодернизм** с его теоретической всеядностью, которая делала сам постмодернизм, казалось бы, неуязвимым. Несколько позже, в 90-е годы получил распространение **постструктурализм** – тоже ярый противник Большой Теории, призывающий делать упор на глубинный смысл контекста, дискурса, отыскивать скрытые мотивации в текстах и других артефактах. Здесь сказалось сильнейшее влияние французских мыслителей – Дерида, Фуко, Бурдьё; будучи социологами, философами, лингвистами, они, однако, много писали и о пространстве, в том числе земном, географическом, а потому западная география оказалась переполненной не просто вариациями на темы этих мыслителей, но и прямыми заимствованиями из их трудов.

2. Таким образом, за двадцатый век в географии сменились как минимум **восемь парадигм**, притом весьма контрастных. Это свидетельствует не только о бурном течении теоретизирования в нашей науке, но и об её известной незрелости и о той концептуальной неустойчивости, которая заметно затрудняет развитие всей науки, в том числе её прикладных ответвлений.

3. У такой скоротечности парадигм есть по меньшей мере **три объективные причины**. Во-первых, это быстрый ход общественного развития, которому предстояло соответствовать науке вообще и географии в частности. Можно утверждать, что географический детерминизм в высокой степени соответствовал аграрному укладу с его огромной зависимостью от природных сил, количественная география – индустриальной эпохе с популярностью инженерного подхода к общественным явлениям, а гуманистическая и поведенческая география – переходу к постиндустриальному обществу, где на первый план выходит сам человек. Во-вторых, это усовершенствование научных методов; количественная география базировалась на стремительном прогрессе вычислительной техники, а весь процесс гуманизации географии – на разработке эффективных средств изучения мнений и поведения «человека общественного». В-третьих, наконец, это саморазвитие науки, результат активных внутринаучных дискуссий по вопросам теории и методологии.

4. В последние годы в западной гуманитарной географии возникла своего рода **сумятица**. После долгих лет забвения география с конца 80-х годов вошла, можно сказать, в моду и получила огромную популярность и в смежных науках, и даже у широкой публики. Сумятица возникла из-за того, что география предстала как бы в четырёх совершенно разных ипостасях, две из которых уводили географию назад, на давно пройденные ею пути, третья угрожала традиционным устоям географии, а четвёртая была обращена скорее к философии и другим наукам, нежели к самой географии. Это возврат к детерминизму у Дайамонда и Ландеса, возврат к количественной географии у Кругмана, «новая экономическая география» Коткина и философия пространства Харвея и Соджи.

5. Популярность географии у широкой публики была связана с именами историка **Д. Ландеса** и эпидемиолога **Д. Дайамонда**, чьи книги вышли в 90-х годах и были посвящены переосмыслению истории человечества с точки зрения географического детерминизма и осуждению расистских теорий в объяснении неравенства стран по благосостоянию. Симпатии публики были завоёваны тем, что оба автора уверяли: причина неравенства не в генетике рас, а в особенностях географической среды. Тиражи этих книг исчисляются ныне сотнями тысяч. Оба автора активно (можно сказать, страстно) пропагандировали географию как науку, способную объединить все социальные науки.

6. Особое место заняли работы экономиста **Пола Кругмана**, особенно в связи с тем, что в 2008 г. он получил Нобелевскую премию (многие ошибочно полагают, что как раз за труды по экономической географии). Он и в самом деле призвал при объяснении экономических феноменов обратить сугубое внимание на их пространственную природу, то есть географию, и предложил несколько удачных путей её развития, притом вполне в духе количественной географии 60-х годов. Для самой экономической географии ничего нового в работах Кругмана не было, и недаром британский географ Мартин написал на этот счёт язвительную статью «Знать своё место».

7. Публицист Джозел Коткин выступил с интересной идеей **«новой экономической географии»**, суть которой сводилась к тому, что при нынешнем совершенстве средств транспорта и коммуникаций резко снижается роль географического положения и на первый план выходит свойство самого места. Решающее значение теперь имеет, по мнению Коткина и его последователей, не расстояния до порта, сырья, рынка или смежников, поскольку эти расстояния уже легко преодолимы, а природная и социо-психологическая среда данного места, качество его жилого фонда, эстетические качества его облика, креативность жителей и т.п. Некоторыми географами Запада это было воспринято как покушение на фундаментальные основы географии, но сам Коткин считал свой подход хорошим лекарством от популярных в то время (под влиянием Ф. Фукуямы с его «Концом истории») идей об исчерпании потенциала всех наук, в том числе и географии.

8. Сильное впечатление на научное сообщество Запада произвели работы географов Д. Харвея и Э. Соджи по постмодернизму в географии, изданные ещё в 80-е годы. Авторы утверждали, что классическая наука XIX и XX веков (как натурфилософская, так и релятивистская) занималась в основном процессами, развитием, прогрессом и т. д., то есть Временем, в ущерб вниманию к состояниям или положению, то есть к Пространству, чем и объясняется (хотя бы частично) кризис современного Знания, а раз так, то пора резко развернуть социальные науки в соответствующую сторону. Это был важный вклад географии в общенаучную методологию и философскую рефлексию, и он весьма способствовал восстановлению репутации географии как фундаментальной науки.

9. Подобная шумиха вокруг географии в немалой степени идёт ей на пользу, по крайней в организационном плане, однако она чревата и новыми трудностями. Теоретические основы гуманитарной географии на Западе выглядят сейчас слишком раздробленными, противоречивыми, и география стоит перед тяжёлой задачей **выработки новой парадигмы**, которая, в отличие от прошлых смен, не вела бы к полному разрушению предыдущих, но сумела бы их вобрать. Неудивительно, что в данный момент в зарубежной географии трудно найти стройную систему теоретических основ нашей науки.

10. Тем не менее весь ход развития западной географии даёт нам, российским географам, по меньшей мере два урока. Главный из них – это последовательная и глубокая **гуманизация** нашей науки. Она полностью соответствует переходу наиболее развитых обществ мира с индустриального на постиндустриальный этап развития, в котором базовые потребности людей удовлетворены уже с такой полнотой, что ведущими мотивами поведения человека становится уже не чисто экономическая рациональность, а более сложные устремления (удовлетворённость трудом, возможности самореализации и т. п.). Производительные силы постепенно утрачивают значение главного детерминанта территориальной структуры общества. Всё это может заставить географов радикально изменить теоретико-методологическое ядро науки.

11. Наглядным примером таких перемен может служить районирование как представление о территориальной структуре общества. Ныне господствует представление о том, что районная структура выявляется с помощью анализа учёным статистических и иных данных. В новых условиях потребуются переключение главного внимания на то, как сами члены общества представляют себе подобную структуру и каким смыслом они её насыщают, потому что именно согласно этим представлениям и смыслам члены общества действуют в пространстве, как бы далеко эти представления и смыслы ни расходились со статистикой или «объективной» геометрией территории.

12. **Советская география почти всегда была частью мировой географической науки.** Более того, ей удавалось вносить собственный вклад в экономическую географию (достаточно упомянуть концепцию ТПК или фор-

мулу поля потенциалов, которую принято называть «уравнением Кларка-Медведкова»). На русский язык переводились ключевые зарубежные сочинения по теории и методологии географии (В. Бунге, Д. Харвей, П. Хаггет и др). Однако в последнюю четверть века этот процесс практически полностью замер. Характерный пример: в Британии вышла монография «Ключевые тексты в гуманитарной географии», где анализируются 26 книг, из которых на русский язык переведены только три, да и то последняя – в 80-х годах. Приходится признать, что в эти долгие годы мы были практически изолированы от хода теоретической мысли на Западе.

13. Причины этой изоляции не только в бедности наших географических учреждений, они прежде всего в **утрате вкуса к теоретизированию** нашими географами – и это несмотря на то, что на наших глазах совершился кардинальный переворот в общественной жизни отечества, который, казалось бы, должен вызвать решительный пересмотр нашего теоретического багажа. Число теоретико-методологических работ, написанных В. Стрелецким, В. Каганским, Г. Костинским, Ю. Гладким, Б. Родоманом, Д. Николаенко и немногими другими, исчисляется буквально единицами.

14. При этом нельзя утверждать, что общество не выказывает спроса на подобные исследования. Напротив, из-за молчания самих географов многие крупные учёные смежных наук (Г. Тишков, С. Кропотов, В. Топоров, С. Филиппов) начинают всё активнее подключаться к исследованиям «пространства в человеческом измерении». Незаработанность проблем социального пространства и слабая гуманизация отечественной географии сказывается в низком качестве официальной региональной политики нашего государства, которая, явно запаздывая на десятки лет, вполне по-советски нацелена на развитие производительных сил, более чем наполовину уже не принадлежащих государству.

15. Отсюда вытекает второй урок, который можно усвоить из анализа развития западной гуманитарной географии: нужно резко усилить теоретико-методологическую работу. Именно этому и посвящена наша конференция, именно в этом её особое значение для будущего нашей науки.

Тархов С. А.

ТИПЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СИСТЕМ

Транспорт играет все большую роль в региональном развитии России. Он связывает наиболее и менее развитые, депрессивные и отстающие в социально-экономическом отношении районы и очаги; приближает их друг к другу; является медиатором узлов и линейной концентрации экономической деятельности и жизни населения; нивелирует часть недостатков неудачного и отдаленного географического положения многих городов, экономических центров и ареалов; стимулирует освоение новых ресурсов и территорий; формирует новые и трансформирует старые полюса и очаги пространственного развития регионов России.

Обладея выше указанными интегративными свойствами пространственного связывания всех элементов территориальной структуры хозяйства и расселения в единое целое, транспорт образует собственные территориальные системы. Они сложны по своему функциональному устройству и пространственной организации, формируются на разных территориальных уровнях, а потому нуждаются в типизации. Так как уровень сложности этих систем на разных территориальных уровнях разный, то и основания для такой типизации варьируют (как общие, так и учитывающие уникальные особенности).

Существуют следующие основания для их различения, по которым возможна **типология транспортных территориальных систем**: пространственный размер, конфигурация (рисунок формы на карте), набор видов транспорта (с учетом уровня развитости каждого вида) и характер их сочетания (функциональная структура), характер и интенсивность взаимодействия разных видов транспорта, пространственная сложность, степень внутренней связности, континентальность и открытость к морям, пространственное положение (позиционность), характер и степень пространственной освоенности территории транспортом, степень открытости/закрытости системы вовне (характер транспортной проницаемости территории). Эти свойства территориальных транспортных систем влияют на региональное развитие.

Остановимся вкратце на самых главных основаниях выделения типов территориальных транспортных систем России.

По своим **пространственным размерам** территориальные транспортные системы в России можно разделить на следующие типы:

1) мегатерриториальные (площадью от 750 тыс. км² до 3 млн км²): например, транспортные системы европейской части России и гигантских по площади субъектов федерации таких, как Якутии, Красноярского и Хабаровского краев, Ямало-Ненецкого АО;

2) макрорегиональные (площадью от 300 до 750 тыс. км²): транспортные системы очень больших по размерам субъектов федерации России (например, Архангельской, Амурской и Магаданской областей, Ханты-Мансийского АО, республик Бурятия и Коми, Чукотского АО);

3) крупные региональные (площадью от 100 до 300 тыс. км²): транспортные системы больших по размерам субъектов федерации (например, Алтайского и Приморского краев, республик Карелия, Тува и Башкирия, Новосибирской, Свердловской и Волгоградской областей), а также сверхбольших экономических микрорайонов Е. Е. Лейзеровича (см. раздел 3.4);

4) средние региональные (площадью от 30 до 100 тыс. км²): транспортные системы средних по размерам субъектов федерации (например, республик Калмыкия и Дагестан, Кемеровской, Челябинской, Ленинградской, Тверской, Астраханской, Костромской, Воронежской, Смоленской, Брянской областей,

Краснодарского и Ставропольского краев) и крупнейших городских агломераций (например, Московской);

5) малые региональные (площадью от 15 до 30 тыс. км²): транспортные системы небольших областей европейской части России (например, Владимирской, Белгородской, Орловской, Ивановской, Калининградской), больших городских агломераций и экономических микрорайонов Е. Е. Лейзеровича большого размера;

6) микрорегиональные (5–15 тыс. км²): транспортные системы небольших республик Северного Кавказа (Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Адыгея), средних по размеру городских агломераций и экономических микрорайонов Е. Е. Лейзеровича среднего размера;

7) локальные (площадью менее 5 тыс. км²): транспортные системы больших городских агломераций, а также групп сельских районов небольшого размера или одного сельского большого района, экономических микрорайонов малого размера, республики Ингушетии;

8) городские – территориальные транспортные системы крупнейших и больших городов.

Границы территориальных транспортных систем не обязательно совпадают с административными границами.

По числу видов транспорта (модусов) территориальные транспортные системы делятся на:

– мономодальные (одновидовые): доминирует какой-то один вид транспорта, например, автомобильный (республика Алтай), речной (некоторые экономические микрорайоны Архангельской области), морской (Курильские острова), а остальные виды транспорта играют второстепенную, подчиненную роль;

– бимодальные (двухвидовые): доминируют и развиты два основных вида транспорта, а остальные виды подчинены им и не играют большой роли в перевозках; например, железнодорожный и морской (примеры; Мурманская обл., район Советской Гавани – Ванино в приморской части Хабаровского края), железнодорожный и автомобильный (Кемеровская область), автомобильный и железнодорожный (многие субъекты федерации), автомобильный и воздушный (Якутия), морской и речной (дельта р.Волга в Астраханской области), воздушный и морской (Камчатский край), железнодорожный и воздушный (юг Сибири), автомобильный и речной (Томская область), морской и автомобильный (Сахалин), железнодорожный и речной (Кировская область). При этом из двух доминирующих видов транспорта какой-то один является более главным;

– тримодальные (трехвидовые) – развиты три вида транспорта; например, железнодорожный, автомобильный и воздушный (Московская агломерация); железнодорожный, автомобильный и морской (Калининградская область); автомобильный, морской и воздушный (Магаданская область); железнодорож-

ный, автомобильный и речной (области Поволжья); железнодорожный, автомобильный и трубопроводный (Свердловская область);

– *полимодальные* (многовидовые) – развиты 4–5 видов транспорта (иногда даже 6); например, железнодорожный, автомобильный, морской и воздушный (Краснодарский и Приморский края); железнодорожный, морской, речной, автомобильный, и воздушный (Архангельская область); трубопроводный, железнодорожный, воздушный, речной, морской и воздушный (Ямало-Ненецкий АО); железнодорожный, автомобильный, трубопроводный, воздушный, морской (Ленинградская область); железнодорожный, речной, морской, воздушный, автомобильный, трубопроводный (Норильский промузел).

Чем больше диверсифицирована экономика региона, тем больше здесь развито видов транспорта.

По набору и сочетанию видов транспорта (сухопутный, водный, воздушный) территориальные транспортные системы можно разделить на следующие типы:

– *гармоничные* – развиты почти все виды транспорта (4–6), и они взаимодействуют гармонично (пропорционально развиты, выполняют свои главные территориальные функции); например, транспортные системы Московской, Ленинградской, Самарской областей, Краснодарского края;

– *полугармоничные* – развиты основные виды транспорта (3, иногда 4), но не все; например, Астраханская область;

– *неполные* – развиты только два вида транспорта, а остальные играют второстепенную роль; например, Сахалин, Камчатка;

– *уязвимые* (ущербные, неполноценные) – развит какой-то один вид транспорта; примеры, см. выше мономодальные системы.

По географической позиционности территориальные транспортные системы делятся на:

– системы *с центральным положением* по отношению к более сложной системе (расположена в геометрическом центре или вблизи него; например, транспортная система Московской области);

– *со срединным положением внутри более сложной системы* (расположена во внутренней части более сложной системы, но ни в центре, ни на ее периферии; например, транспортные системы Калужской или Тульской областей);

– *полупериферийные* (ни в центре, ни на периферии, но с сильным эксцентриситетом, то есть очень близко к периферии; например, транспортные системы Костромской или Тюменской областей);

– *периферийные* (на окраине материка, сильно удалены от внутренней срединной части); делятся на сухопутные (транспортная система Республики Коми) и приморские (близ морского берега; транспортная система Хабаровского края);

– пограничные (на континентальной границе ареала или рядом с ней; транспортная система Забайкальского края);

– прибрежные (располагается либо на континенте либо на острове на берегу моря, большого озера или океана; например, транспортная система Сахалина);

– экстерриториальные (находятся за пределами ареала сплошного освоения (страны), то есть на территории другой страны; например, транспортная система Калининградской области).

По типу опорного каркаса (пространственной структуры) территориальные системы транспорта делятся на:

– системы с очень сложной структурой (например, транспортная система Краснодарского края);

– полицентрические (транспортная система Кемеровской области);

– моноцентрические (транспортная система Московской агломерации);

– линейные (транспортные системы Карелии и Астраханской области);

– очаговые (локальные транспортные системы Якутии и Магаданской области).

По характеру и степени освоенности территории транспортом территориальные транспортные системы делятся на:

– расположенные внутри ядра сплошной освоенности;

– на периферии ядра сплошной освоенности;

– на краю зоны освоенности (маргинальные);

– за пределами освоенной территории (в том числе вдоль магистралей пионерного освоения, в изолированных очагах освоенности, в полностью неосвоенной зоне).

Остановимся на этом критерии разделения территориальных транспортных систем более подробно. Территорий, полностью освоенных в транспортном отношении, в России не так уж и много. Это – регионы, расположенные внутри главной полосы расселения (широко вытянутый треугольник Санкт-Петербург – Краснодар – Кемерово). Остальные территории освоены не полностью и крайне неравномерно. Характер освоенности также разный: сплошная, фрагментированная, очаговая, точечная и линейная освоенность.

Транспортные системы с точки зрения степени и характера освоенности территории состоят из 6 пространственных элементов:

1) зона-ареал сплошной освоенности, распадающийся на остовное ядро и автономные субъядра;

2) внешние оси нового освоения и соединительные магистрали между автономными субъядрами и очагами;

3) внутренние экономические «пустоты» в «теле» ареала сплошной освоенности;

- 4) маргинальные полосы и зоны, примыкающие к границам ареала сплошной освоенности или образующие тыл осей освоения;
- 5) очаги и узлы нового освоения;
- 6) неосвоенные в хозяйственном отношении территории (экономическая «пустыня» или «экологический рай»).

Дадим краткое пояснение каждого элемента (с точки зрения их влияния на окружающую среду, в меньшей степени социально-экономического влияния) на примере территории России в целом.

1. Ареал сплошной освоенности характеризуется высокой по отношению ко всей территории страны плотностью хозяйственной деятельности и населения. В нем сосредоточено до 95% объема деятельности всех социально-экономических субъектов. Этот ареал внутри неоднороден по характеру и плотности, территориальной структуре. Но для него в целом характерна густая сеть сельских поселений и автодорог, наличие близко расположенных друг к другу больших городов с многоступенчатой иерархией подчиненности и экономической зависимости.

Ареал сплошной освоенности состоит из двух неравных частей – огромного ядра-остова, который в основном совпадает с главной полосой расселения, охватывающей почти всю европейскую территорию страны, срединную часть Урала, юг Западной Сибири, и автономных (изолированных) субъектов, которые отделены от основного ядра разрывами (полосами экономической «пустыни») и связаны друг с другом соединительными магистралями. К субядрам сплошной освоенности относятся небольшие очаги в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке (Иркутское, Забайкальское, Приамуро-Уссурийское, Южный Сахалин).

Если сравнивать ядро-остов и субядра сплошной освоенности, то в отношении первого довольно-таки явна перспектива социально-экономического развития (освоение давно закончилось, идет попеременная диффузия, реструктуризация территориальной структуры), тогда как субядра сплошной освоенности имеют меньшие размеры, освоены не столь давно и потому еще не до конца «переболели» «детскими болезнями» освоенчества.

2. Внешние оси освоения являются основными элементами территориальной структуры, которые коренным образом изменяют тип природопользования и экологического равновесия на пересекаемой ими территории. Следует различать древовидные сети таких осевых структур (в Сибири и на Крайнем Севере) и сети с замкнутыми контурами (вблизи ареала сплошной освоенности).

3. Внутренние экономические пустоты располагаются внутри остовного ядра сплошной освоенности, вблизи его внешней границы. Они представляют собой неосвоенные части территории, поглощенные волной освоения, но так и трансформированные этим процессом (в них нет даже дорог с посто-

янным сообщением, а сеть поселений крайне дисперсна). В этом смысле эти районы являются естественными экологическими заповедниками с равновесным режимом функционирования среды. Тем самым они схожи с зоной «экономической пустыни», находящейся за пределами ареала сплошной освоенности, но, в отличие от последних, весьма доступны и могут подвергнуться очередной диффузной волне реструктуризации хозяйства и быстро быть освоенными. К этому типу «экономических дыр» начали приближаться тыловые зоны крупногородских регионов самого ареала сплошной освоенности, начавшие активно депопулировать и экономически деградировать в последние два десятилетия.

4. Краевые (маргинальные) полосы, зоны, ареалы освоения являются шлейфом, тылом, прилегающим к внешней границе ареала сплошной освоенности и осям освоения и соединительным магистралям. Они, по сути дела, являются первой, ближайшей «жертвой» волны хищнического стихийного освоения, и поэтому их экологическое будущее является со всей очевидностью безнадежным.

5. Изолированные узловые элементы нового освоения физически экономической пустыней отделены от ядра и субъядер сплошной освоенности. Их можно подразделить на два подтипа:

1) очаги, которые связаны магистралями и осями с ареалом сплошной освоенности (Воркута, Мурманск, Якутск, Магадан, Оха, Комсомольск-на-Амуре др.);

2) полностью изолированные в сухопутном отношении очаги и узлы Крайнего Севера (Норильск, Певек, Анадырь, Камчатский).

6. «Экономическая пустыня» – совершенно неосвоенные в хозяйственном отношении части территории. Она представляет собой «экологический рай» в том смысле, что здесь отсутствует хозяйственная деятельность, активно изменяющая состояние среды. Можно выделить два подтипа «экономической пустыни»: 1) территории, оконтуренные (замкнутые циклом) осями освоения и их ветвями и, таким образом, фактически уже как бы отрезанные от зоны сплошной девственной природы (юг Западной и Восточной Сибири, примыкающий с севера к Транссибу и БАМу); 2) зона сплошной нетронутой природной среды в Сибири и на Дальнем Востоке, внутри которой разбросаны мелкие узлы изолированного очагового освоения или внутрь которой входят ветви магистралей пионерного освоения.

При анализе регионального развития отдельных территорий необходимо учитывать все описанные типы территориальных транспортных систем. Непонимание сложности и особенностей их пространственного устройства ведет к непониманию процессов регионального развития территории.

ГЕОПЛАНИРОВОЧНАЯ ПАРАДИГМА В УКРАИНСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Как и в любой другой науке, в географии наблюдается последовательная и закономерная трансформация предметной области, связанная с общим поступательным развитием науки и усложняющимися запросами общества на географические знания. Происходят соответствующие изменения в методах исследования, в направлениях, подходах и концепциях географической науки, в актуальности и востребованности парадигм географии. В наиболее общей схеме можно выделить землеописательную парадигму географии, которая соответствует антично-средневековому этапу ее развития (V–II вв. до н. э. – середина XVII в.), землеведческую парадигму, которая была главной на протяжении классического этапа становления географической науки (середина XVII в. – конец XIX в.), парадигму прикладной конструктивной географии, которая господствовала в так называемой новой географии (конец XIX в. – конец XX в.) и геопланировочную парадигму, которая формируется на этапе новейшей географии с формирования постиндустриального или же информационного общества геоинформационной парадигмы, которая переплетается и взаимодействует с геопланировочной парадигмой [7].

Географы подошли к идее упорядочивания окружающей среды и планирования территории в конце XIX в., когда стали очевидными социально-экономические и социально-экологические проблемы больших городов и густозаселенных и промышленно освоенных территорий. Ответом на этот вызов стали новые направления географической науки – разработка генеральных планов (генпланов) городов и районная планировка. Значительно позже, уже в 1990-х годах стала очевидной проблема планирования территорий страны и регионов. И если разработка генпланов и схем районной планировки велась в крупных масштабах, то планирование территорий регионов и стран потребовало новых картографических масштабов – преимущественно средних и мелких. Но отличие этих двух подходов не только в масштабах и планировочных разработок. Планирование территорий регионов и стран опирается на современные концепции территориальной организации общества, территориальных систем расселения, производственной и социальной инфраструктуры, территориальных комплексов – производственных (экономических), социальных, социально-экономических, социоприродных, природно-хозяйственных.

Возникает необходимость предметной организации и терминологического размеживания этих двух направлений. Мы предлагаем планирование территорий стран и регионов называть геопланированием, а для крупномасштабных вариантов сохранить их традиционные наименования – районная планировка и разработка генеральных планов городов. В предметном аспекте

геопланирование следует рассматривать как новое направление конструктивной географии, которое охватывает как составляющие крупномасштабные планировочные работы разработку генпланов городов и районную планировку. Представляется необходимой ускоренная теоретико-методологическая разработка современной географии и как новой университетской географической дисциплины.

Планирование территорий регионов ведет свой отсчет от 1990-х годов, когда Совет ЕС утвердил программу планирования территории региона Балтийского бассейна с целью его экологической защиты и оздоровления. В 2000 г. правительство Украины приняло решение о Генеральной схеме планирования территории страны, которая была разработана институтом «Гипроград» и утверждена законом Украины в 2002 г. [2]. Планирование территории стали распространять на отдельные регионы и области Украины. В настоящее время ведутся работы по планированию территорий приморских регионов Украины.

Планирование территории (геотанирование) имеет своей целью формирование комфортной социально-природной среды жизнедеятельности человека, максимально возможное сохранение природно-ресурсного потенциала территории, безопасное и удобное расселение населения, экономически эффективное и экологически безопасное размещение хозяйственной деятельности, обеспечение рационального коэволюционного, ноосферного взаимодействия общества с природой. Мы предлагаем для обсуждения синтетический подход к проблемам планирования территории, в котором рассматриваются интегрированные компоненты ландшафтной оболочке – природа, население, хозяйство, и во главу угла ставится обоснование их рациональных пространственных сочетаний и взаимодействий на каждом участке, в каждом регионе, в каждой стране в целом.

Коротко рассмотрим главные методологические принципы планирования территорий регионов, используемые в украинской географии.

Цели и задачи геопланирования региона устанавливаются в соответствии с его местом и ролью в хозяйственном комплексе страны Социально-экономические функции региона в стране обусловлены его географическим положением, включая его геополитическое и геоэкономическое размещение, природно-ресурсным, трудоресурсным, инфраструктурным потенциалом, уровнем и типом хозяйственного освоения, особенностями структуры и специализации хозяйства, масштабами внешнеэкономической деятельности, глубиной социально-экономических реформ. Функции, по которым регион занимает ведущие позиции в стране должны быть приоритетными и в разработке схем планирования его территории, служить доминантой в обосновании его перспективной территориальной организации. И наоборот, мало значимые социально-экономические функции региона допускают те или иные их трансформации. в т. ч. и в контексте планирования территории.

Современной методологической основой **геопланирования природной среды страны** и ее регионов служит **концепция формирования национальной и региональных экологических сетей (экосетей)**.

В 1990-х годах украинские географы восприняли концепцию *экологических сетей*, разработанную Европейским Союзом. Согласно Севильской стратегии (1995 г.) в Европе началось формирование *Всеевропейской экологической сети*, которая в дальнейшем была расширена на страны Восточной Европы в форме так называемой *Изумрудной экологической сети*. В течение 2000–2004 гг. в Украине приняты законы о формировании *национальной экологической сети Украины* и начата разработка программы создания экосети на период 2000–2015 гг. С 2000-го года ведется разработка концепций и программ формирования *региональных экологических сетей* по областным регионам и Автономной Республике Крым (АРК). В отдельных областях [4 и др.] и АРК эта работа уже завершена.

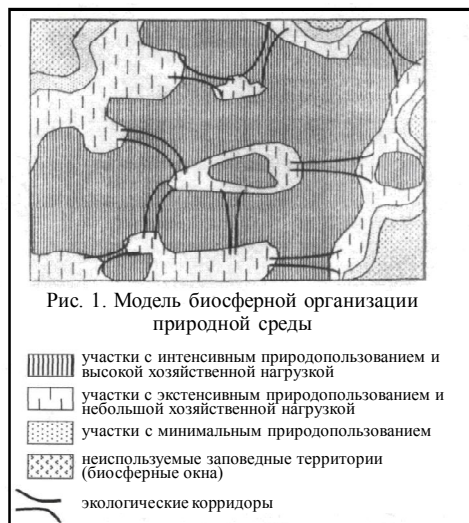
Таким образом, экологическую безопасность регионов в Украине в настоящее время регламентируют три критерия: 1) не превышение ПДК основных загрязнений в выбросах и сбросах экологически опасных объектов; 2) наличие природно-заповедного фонда (ПЗФ) на уровне норматива (не менее 5% территории); 3) сформированная экологическая сеть, которая образует **природный каркас экологической безопасности региона**.

Формирование региональных экологических сетей в Украине происходит в условиях очень высокой сельскохозяйственной и промышленной освоенности территории, относительной маловодности и малолесистости, недостаточной доли земель (ПЗФ). Первые разработки концепций и программ создания региональных экосетей свидетельствуют о том, что экологические сети могут занимать 15–25% территории региона [4, 8]. Какие критерии земель могут включаться в состав экологической сети в данных условиях? В первую очередь, это *объекты и территории ПЗФ*, на основе которых создаются природные ядра (регионы) региональных экологических сетей. Сюда же попадают *лесные и курортно-рекреационные земли, ареалы водно-болотных угодий*. Главным резервом формирования экосетей в условиях Украины остаются *земли водного фонда*. Эта категория земель четко выделена в Земельном и Водном кодексах Украины. Законодательно установлены такие категории земель водного фонда: 1) водоохранные зоны; 2) прибрежные защитные полосы; 3) береговые полосы; 4) полосы отвода; 5) зоны санитарной защиты. Для всех разновидностей таких земель установлены нормативы их выделения на местности и регламенты их хозяйственного использования. К сожалению, в условиях радикальной земельной реформы, которая проходит в Украине, земельное проектирование отстает от реальной ситуации на 7–15 лет. Это значит, что земли водного фонда могут быть выделены на местности (в натуре) лишь через 4–8 лет, и в настоящее время никакие регламенты их использования реализовать нельзя.

Значительный резерв для формирования экологических сетей представляют *малопродуктивные и деградированные сельскохозяйственные земли*. Украина выделяется неоправданно высоким уровнем сельскохозяйственного освоения территории, которая может достигать 90%, и распаханности земель (до 70%). В результате массового распаханвания склоновых земель, технологически необоснованных мелиораций (осушение, орошение) доля малопродуктивных и деградированных – эродированных, засоленных подтопленных, загрязненных земель во многих регионах достигла 20–30% и более. Большую часть таких земель необходимо выводить из сельскохозяйственной обработки, консервировать и переводить в статус природных угодий. Именно эти земли вместе с землями водного фонда должны стать основой для экологических сетей.

На рисунке 1 представлена схема (картоид) природного каркаса экологической безопасности территории – экологической сети. Ее элементами являются биосферные ядра – заповедные участки, буферные зоны – участки с минимальной хозяйственной нагрузкой, которые защищают биосферные ядра, экологические коридоры, соединяющие ядра и буферные зоны в целостную территориальную структуру и обеспечивают нормальные биогеохимические потоки в биосфере. Напомним, цель экологической сети – сохранение ландшафтного и биологического разнообразия, а социальная функция природного каркаса экологической безопасности территории – обеспечить комфортные и безопасные (условия жизнедеятельности общества).

Методологической основой **геопланирования населения** является концепция территориальных систем расселения. Экистический (расселенческий) фактор – важнейший компонент территориальной организации общества. С одной стороны, это базовый фактор, поскольку системы расселения имеют свой генезис, свою историю. С другой – экистический фактор динамичен и такая динамика может быть существенной и заметной в планировании территорий [10]. *Системы расселения* имеют свои обобщенные (системные) характеристики, среди которых людность, плотность населения и поселений, инфраструктурная связность. Тип и ранг системы расселения определяют основные виды хозяйственной деятельности населения и общий уровень антропогенно-техногенных нагрузок в пределах системы расселения. Особого

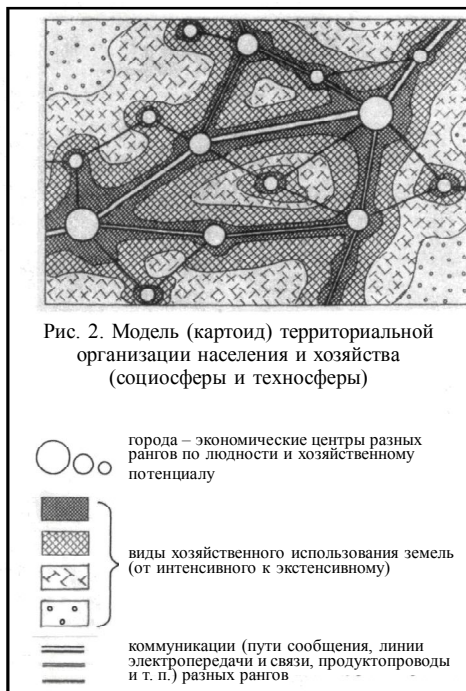

этой стороны, это базовый фактор, поскольку системы расселения имеют свой генезис, свою историю. С другой – экистический фактор динамичен и такая динамика может быть существенной и заметной в планировании территорий [10]. *Системы расселения* имеют свои обобщенные (системные) характеристики, среди которых людность, плотность населения и поселений, инфраструктурная связность. Тип и ранг системы расселения определяют основные виды хозяйственной деятельности населения и общий уровень антропогенно-техногенных нагрузок в пределах системы расселения. Особого

внимания заслуживают в таком контексте городские агломерации и пригородные зоны больших и средних городов. В настоящее время в Украине обсуждается предполагаемая административно-территориальная реформа. В проектных разработках перспективного административно-территориального устройства страны предлагаются две новых административно-территориальных единицы – город-регион (большой город вместе с его пригородной зоной) и город-район (средний город с пригородной зоной) [8, 10]. Ключевой задачей экистики в разработке концепции геопланирования является классификация и систематика региональных и локальных систем расселения по параметрам, определяющим общий характер природопользования, хозяйственной деятельности и уровни антропогенно-техногенных нагрузок на природную среду. Можно полагать, что разным типам систем расселения соответствуют свои специфические задачи планирования территорий.

Геопланирование хозяйства ориентировано на изучение каркаса антропогенно-техногенных нагрузок на природную среду и на концепцию «поляризованного ландшафта». В украинской географии популярна теоретическая модель рациональной территориальной организации хозяйства в форме «поляризованного ландшафта» [5, 6]. Идея полярной (полюсной) концентрации и размежевания биосферы и техносферы становится все более очевидной: невозможно остановить социально экономическое развитие и повернуть «назад к природе»; вместе с тем смертельно опасно наращивать современными темпами техногенное давление на природу; остается один путь – максимальное полюсное размежевание территории с интенсивной хозяйственной деятельностью заповедной малонарушенной биосферой. При этом переходы от одних полюсов к другим должны быть эшелонированными и постепенными.

Каркас антропогенно-техногенных нагрузок на природную среду региона (рис. 2) является своеобразным антиподом природного каркаса экологической безопасности региона. Его основу составляют населенные пункты, транспортные

коммуникации, земли разного хозяйственного назначения и использования, а также отдельные социально-экономические объекты представляющие определенную экологическую опасность – так называемые «горячие точки» и «горячие ареалы». Составить карту (схему) каркаса антропогенно-техногенных нагрузок на территорию в принципе несложно, если известны соответствующие показатели и нормативы таких воздействий. В украинской географии получила распространение геоэкологическая концепция «воздействия – изменения – последствия» (В. С. Преображенский, 1985), по которой антропогенно-техногенные *воздействия* на природную среду вызывают ее определенные *изменения*, которые, в свою очередь, сопровождаются теми или иными негативными *последствиями*, принципиально меняющими начальную ситуацию [3]. Начинается новый цикл: измененная (в худшую сторону) среда подвергается новым воздействиям, результатом которых будут новые изменения, дающие новые негативные последствия. Задача геоэкологии состоит в том, чтобы упреждать наиболее интенсивную часть цепочки «воздействие – изменение – следствие» [3, 8, 9 и др.].

В исследовании пространственного каркаса антропогенно-техногенных нагрузок много недостаточно разработанных методологических направлений и методических вопросов. Ключевым вопросом является *систематика поселений по уровням их антропогенно-техногенных нагрузок*. Очевидно, что они зависят, в первую очередь, от людности поселения, и его функционального типа. Дополнительно надо учитывать структурно-технологические особенности хозяйственных комплексов поселений, особенно городов, их инфраструктурную обустроенность, в частности обеспеченность экологической инфраструктурой. Для городских поселений важны также наличие-отсутствие качественных генеральных планов, планов земельно-хозяйственного устройства города, его функционального зонирования, схем планирования пригородной зоны.

Важной для геопланирования проблемой является *методологическая разработка принципов территориальной организации пригородных зон больших городов и городских агломераций*. Установлено, что влияние большого города на прилегающую местность эшелонировано и образует кольцевую, поясную, планировочную зону, в составе которой ближний, средний (переходный), дальний (периферийный) пригородные пояса. Для каждого эшелона (пояса) пригородной зоны характерный свой набор социально-экономических функций по обслуживанию большого города и взаимодействия с ним его спутников [8].

Для пригородной зоны большого города характерна также планировочная секторность, при которой пригородное расселение тяготеет к главным транспортным магистралям, а сектора лишены таких транспортных осей вклиниваются вглубь городской застройки лесопарковыми массивами и санитарно-защитными зонами. В результате природные зоны больших городов имеют эшелонированную секторно-кольцевую организацию, которую необходимо нормировать и регламентировать по социально-экономическим функциям и видам

хозяйственной деятельности. Свои планировочные особенности имеют пригородные зоны больших приморских городов, крупных экономических центров, расположенных на водных объектах (реки, озера, лиманы и т. д.).

Для планирования территории необходима также *систематика транспортных магистралей и других коммуникаций* по уровням их техногенных нагрузок на среду, пространственным масштабам воздействий, требуемым санитарно-защитным зонам и т.д. Планировочная классификация транспортных магистралей и инженерно-технических коммуникаций должна учитывать их вид (тип), пропускную способность, характер негативных воздействий на природную среду и население. С точки зрения геопланирования транспортные коммуникации представляют собой *биосферные барьеры*, которые расчленяют природную среду на все более дробные, относительно изолированные территории и создают серьезные препятствия биогеохимических перемещений и потоков в биосфере. С учетом формирования региональных экологических сетей как территориально целостных структур природной среды проблема биосферных барьеров обретает особую сложность и остроту [6, 9 и др.].

Несколько менее сложной *представляется систематика категорий и видов хозяйственного использования земель* – территорий и акваторий, береговых зон и контактных полос. Общая систематика хозяйственного использования земель селитебного, промышленного, транспортного, сельскохозяйственного, лесохозяйственного, водохозяйственного, рекреационного и т. д. – известна. Необходима более детальная классификация видов использования территории и акватории, которая бы учитывала их большую-меньшую интенсивность и соответствующие уровни и оценки техногенных нагрузок на среду. Планировочная систематика видов использования земель должна опираться на их качественные различия (вид, подвид, тип, подтип и т. д.), а также на характер их техногенных нагрузок на природную среду.

Особый интерес представляет анализ *пространственной совместимости-несовместимости тех или иных хозяйственных функций*. Во многих случаях наблюдается дефицит территорий относительно необходимых и обязательных социально-экономических функций. Популярна практика территориальных наложений и сочетаний разных хозяйственных функций. При этом естественно возникает необходимость оценки большей-меньшей территориальной совместимости тех или иных функций или же полной их несовместимости и даже альтернативности.

Уже известны примеры типизации территорий по их промышленному освоению [1]. Критериями такой систематики приняты общий уровень промышленного освоения (доля продукции промышленности в общем региональном валовом продукте) и структура промышленного производства (старо- и новопромышленные районы). Для целей планирования территорий кроме объемов промышленного производства необходимы качественные и количествен-

ные характеристики ее техногенных нагрузок. Первые могут быть показаны классами экологической вредности отраслей и предприятий, вторые – валовыми и удельными показателями выбросов в окружающую среду загрязнений. Необходимы также показатели трудоемкости, энергоемкости и ресурсоемкости главных производств. Картографированию подлежат реальные зоны промышленного загрязнения разных уровней и необходимы ареалы санитарной защиты населения от таких воздействий.

В генеральной схеме планирования территорий Украины [2] разработана систематика сельскохозяйственного использования территорий. В ее основу положены субрегиональная и микрорегиональная специализация сельскохозяйственного производства и его общая структура (по соотношению растениеводства и животноводства). При этом вне поля зрения остаются его технологические уровни (биоинтенсивное земледелие, органическое земледелие, капельное орошение и др.), а также большее-меньшее использование современных принципов территориальной организации сельской местности. Учет именно этих признаков наиболее важен для планирования территорий: агроландшафтная организация сельской местности, ландшафтно-контурная организация территории, контурно-мелиоративная организация сельскохозяйственных земель и др. Всего в пределах Украины выделено восемь *функциональных типов сельскохозяйственного использования территории* и один *функциональный тип использования лесоресурсных территорий* [2].

Разработчики Генеральной схемы планирования территории Украины (В. И. Нудельман и др.) составили карту хозяйственного зонирования территории, на которой выделили девять *функциональных типов хозяйственного использования территории с преобладанием несельскохозяйственной деятельности*. Среди них три типа с преобладанием обрабатывающей промышленности, дифференцированных по уровням технологичности основных производств. В отдельные типы выделены территории с преобладанием местной добывающей промышленности (строительные материалы, минеральное сырье) и депрессивные территории угольной промышленности. Еще два функциональных типа образуют рекреационные территории с развитым курортным хозяйством и туризмом, а также приграничные территории, выполняющие транзитные и транспортно-распределительные функции.

Систематика и классификация функциональных типов использования территорий остается одной из главных проблем современной географии и геопланирования.

Общие карты каркасов антропогенно-техногенных нагрузок необходимо дополнять показом «горячих точек» и «горячих ареалов», которые обычно требуют радикальных геопланировочных решений по их локализации и ликвидации. Горячими точками могут быть источники высоких техногенных нагрузок и загрязнений среды, в числе которых отдельные хозяйственные объек-

ты, свалки и полигоны твердых бытовых отходов, захоронения опасных отходов, склады и хранилища минеральных удобрений и ядохимикатов, животноводческие комплексы и фермы, скотомогильники. Горячими ареалами могут быть загрязненные водные объекты, карьеры, оросительные системы, места расположения воинских частей.

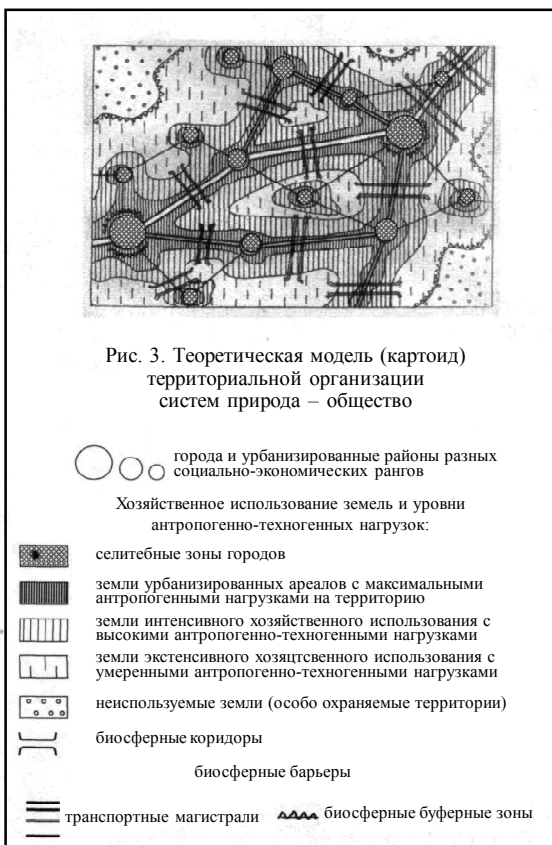
Заключительный и главный этап **геопланирования – сопряженный анализ каркасов экологической безопасности и антропогенно-техногенных нагрузок региона**. На рисунке 3 показано наложение каркаса антропогенно-техногенных нагрузок региона (рис. 2) на природный каркас его экологической безопасности (рис. 1). Сопряженный анализ этих двух структур во многом определяет предметную область геопланирования региона, его главные направления и задачи. Главные вопросы, на которые должен дать ответ сопряженный анализ каркасов экологической безопасности и антропогенно-техногенных нагрузок таковы [6].

– степень обеспеченности территории участками ненарушенной биосферы и экстенсивно используемой природной среды;

– общий уровень антропогенно-техногенной нагрузки, его качественные и количественные различия, особенности пространственного распределения;

– степень поляризованности ландшафта по взаимному удалению и размежеванию «биосферных окон» и ареалов максимальных хозяйственных нагрузок; использованием в плане постепенных переходов от больших нагрузок к меньшим и наоборот;

– негативные воздействия экологических барьеров (транспортных коммуникаций) и проблема их пересечения с экологическими коридорами;

– особенности пространственного распределения «горячих точек» и «горячих ареалов» и проблемы минимизации их воздействий.

Литература

1. Атлас: Україна. Промисловість та інвестиційна діяльність. Наук. ред. чл.-кор. НАН України Л. Руденко. – К.: Інститут географії НАН України, ДНВП «Картографія», 2003.

2. Генеральна схема планування території України. – К.: Державний науково-дослідний інститут проектування міст «Діпромісто», 2000.

3. Оценка влияния хозяйства на природу: воздействия – изменения – последствия. Под ред. В.С. Преображенского, В. Ворачека. Т. 1, 2.– Брно, 1985.

4. Про затвердження програми формування національної екологічної мережі в Одеській області на 2005–2015 роки. Рішення Одеської обласної ради №705-ІУ від 18 листопада 2005 р.

5. Родоман Б. Б. Поляризация ландшафта как средство сохранения биосферы и рекреационных ресурсов // Ресурсы, среда, расселение. – М.: Наука, 1994. С. 150–163.

6. Тончів О. Г. Екологічна безпека і раціонально-територіальна організація суспільства // Український географічний журнал. 1993. № 2. С. 3–8.

7. Тончів О. Г. Методологічні трансформації географії в інформаційному суспільстві // Географія в інформаційному суспільстві. Т. I. – К.: «Обрії», 2008. С. 284–294.

8. Тончів О. Г. Суспільно-географічні дослідження: методологія, методи, методики. – Одеса: Астропринт, 2005.

9. Україна: еколого-економічна збалансованість території (В. А. Барановський, П. Г. Шищенко). Карта. М. 1 : 3 000 000. – К., 2005.

10. Яворська В. В. Геодемографічні процеси і геодемографічні райони Українського Причорномор'я: Методологічні і методичні проблеми. – Одеса: Астропринт, 2007.

Торез П.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ: МЕЖДУ ТЕХНОЛОГИЕЙ И ТЕОРИЕЙ, МЕЖДУ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫМИ И ПРИКЛАДНЫМИ ИССЛЕДОВАНИЯМИ

В то время как общество овладевает древним ремеслом географов через вопросы «устойчивого развития», география неизменно задаётся вопросом о своей сущности и месте в проблематике гуманитарных и социальных наук. Проявляющаяся активность в научной сфере и практике подготовки географических кадров во Франции позволяет идентифицировать два доминантных взаимопересекающихся течения. Первое – это акцент на потенциале технологии, в частности, создании географических информационных систем (ГИС); второе

– на концептуальных и теоретических исследованиях в области пространственного анализа. Оба широко представлены в географической науке, однако, не только в ней, но и в обществе в целом, в частности в сфере планирования.

Вопросы рационального природопользования, охраны среды обитания и природных ресурсов, а также территориального управления широко обсуждаются в современном обществе. Некоторые организации («зелёные» и другие экологические движения) декларируют их напрямую. Совершенно очевидно, что эта дискуссия стала практически всеобщей и географы, устранившись от неё, фактически утрачивают свою первооснову. В этой связи закономерно стремление нашей науки действовать в общем информационном поле, фиксировать взаимосвязи между территориально локализованными сообществами, формы их взаимодействия с природой, способы освоения и использования пространства.

Технические возможности. Техническая революция конца XX века, в частности в области информации, позволила разработать новые технологии обработки данных и картографических презентаций. Быстро прогрессировали количественные методы. Географы проявляли усилия в области формирования баз геоданных и их картографической интерпретации в процессе создания ГИС. Первые разработчики геоинформационных систем акцентировали теоретические аспекты, чтобы очертить цели ГИС и основы их конструирования. В итоге, данная технология внедрялась в сочетании с концептуальной проблематикой. Однако, к сожалению, часто так случается, что методология становится самоцелью. Так, лишь каждая двадцатая, нацеленная на создание ГИС и представленная между 2000 и 2008 годами, диссертация непосредственно ориентирована на территорию и соответствующую тематику. Развитие геоинформатики стимулирует социальный спрос. Наличие концепции и внятного способа предоставления баз пространственных данных часто облегчало финансирование проектов со стороны местных властей и бизнеса. Подготовка специалистов в области менеджмента также в существенной мере посвящена овладению названными инструментами. Владующие ими студенты в целом также быстрее находят место приложения труда. Но их воспринимают лишь в качестве техников. Возникает риск понимания географии как совокупности неких технических знаний и приёмов управления территориями. Роль географов, при этом, сводится лишь к «поддержке принятия решений».

Пространственный анализ. Будучи взаимоувязан с новыми технологическими возможностями, пространственный анализ видится, прежде всего, как теоретический инструмент, способный выявить «пространственные закономерности». Следуя системным концепциям, пространственный анализ нацелен на идентификацию и моделирование особенностей межтерриториального взаимодействия. Наиболее обсуждаемыми в последние годы являются концепции «центральности», фактора расстояния, континуальности (и дискретности), цикличности, территориальности, диффузии, устойчивости территориальных сис-

тем и т. п. Обширная дискуссия затронула, однако, лишь узкий круг специалистов. Кроме того, подобного рода теоретические изыскания сопряжены с риском их существенного недофинансирования в период, когда государство уходит от выполнения своих обязательств, а спонсоры, местные власти и частный капитал ждут конкретных и немедленных результатов.

Теория и практика неразделимы. Одна из приоритетных задач географов состоит в выстраивании линий взаимодействия между теоретическими (фундаментальными) исследованиями и прикладными разработками. Часть научной продукции имеет не только теоретический аспект, но и применима в практике развития территории, в решении различного рода конкретных вопросов (транспорт, рост городов, размещение промышленности, производство и поставки сельскохозяйственной продукции, использование энергетических ресурсов и т. п.). Исследование территории обеспечивает теории своего рода «обратную связь». Это звучит банально, но благодаря «весу» в исследованиях природоохранной тематики и особенностям финансирования увязать теорию и практику зачастую бывает весьма сложно.

География и общество. Владая навыками пространственного анализа и инструментами понимания территории, географы могут рассчитывать, что результаты их усилий будут применимы в обществе, в частности, в сфере управления территорией. Территориальная проблематика уже давно пребывает в сфере интересов социальных элит и используется ими в собственных целях. Удерживая власть и собственность, элиты неизменно пытались организовать территорию в своих интересах. В демократических обществах граждане добиваются суверенитета и, соответственно, решений по управлению территорией через своих избранных представителей. Различного рода структуры пытаются влиять на эти решения. Географы (по крайней мере во Франции), существенно не воздействуя на гражданскую активность, вносят всё в возрастающей мере вклад не столько в практику территориального управления, сколько в академические исследования, повышая их уровень. Но дело в том, что географы не могут навязывать выбор в сфере территориальной политики, исключительно основываясь на своей компетенции. Это допустимо для официальной науки в технократической системе, где решения являются исключительной прерогативой специалистов, не ориентированных на позицию граждан. Роль географов, как представляется, скорее в идентификации различного рода территориальных проблем и вопросов. Если признать, что география – это наука о человеке и обществе, привносящая свои методы и подходы для понимания воздействия на социальные сообщества пространственного фактора, наша наука может успешно применяться в своих прикладных аспектах: предлагать альтернативные решения, выявлять проблемы, выигравших и проигравших, последствия для окружающей среды, различного рода социальных групп и хозяйствующих субъектов.

Заключение. По-прошествии многих десятилетий география постепенно теряет свой строгий академический облик. Этому благоприятствует создание соответствующих организационных структур, наподобие основанной университетами в 1970-м году «Французской ассоциации развития географии» (AFDG), направленной на повышение информированности о достижениях науки за пределами университетских кафедр и лабораторий, обеспечение позитивных сдвигов в географическом образовании, содействие трудоустройству географов, повышение качества механизмов управления на уровне территорий и отдельных частных предприятий. Отметим, что результаты были достигнуты. В настоящее время Национальный географический комитет (Comité National de Géographie, CNFG), интегрированный в Международный Географический Союз, трансформируется и открывается для географов, работающих за пределами университетов и исследовательских лабораторий. Это важно. Действительно, пространственный подход к различного рода явлениям, иные аспекты взаимодействия территориальных систем – это сфера прямой ответственности географов. Однако и другие научные дисциплины проявляют здесь активность: региональная экономика, региональная экология, региональная социология и др. В этой ситуации географы должны развивать свои теоретические подходы и демонстрировать возможности влиять на политические решения. При этом они должны учитывать, что не располагают единственным ответом, а создают условия для выбора, которым могут воспользоваться граждане (если, разумеется, вести речь о демократической системе).

Трейвизи А. И.

«ТЕОРИЯ БОЛЬШИХ СТРАН» КАК ЧАСТЬ ТЕОРИИ СТРАНОВЕДЕНИЯ: СМЫСЛ, КОНТУРЫ, ПРИЛОЖЕНИЯ

Занявшись 8 лет назад большими странами, «размерными аналогами» России, я не ждал широкого развития темы, а первое выступление (2004) назвал «К вопросу о теории больших стран», думая, что вопрос не нов. Но предшественников почти не нашлось. Импульс задала «теория» (концепция) малых стран Б. Н. Зимина – реакция на мельчание стран мира при дроблении его карты. Только для России была бы полезнее «теория больших стран».

В строгом смысле ее нет и быть не может, как не может быть теории России или Китая. В лучшем случае это раздел общей теории страноведения (региональной географии), хотя и с ней непросто. Даже в вопросе о том, что такое страна и сколько на Земле стран. Трудно дать стройное толкование всему ряду явлений «от геологии до идеологии», но понимать надо и самых странных *геоиндивидов*, по выражению Л. С. Берга и А. Геттнера. Человека мы лучше понимаем тогда, когда схватываем его личность в нерасчленном противоречии; со странами и районами дело обстоит так же.

Пока я ставил задачи попроще: найти критерии размера, выделить по ним весовые категории прежних и нынешних государств, сравнить их и их проблемы, набросать нечто вроде феноменологии большой страны. Тут есть связь и с принципом полимасштабности, который видится мне как важное кредо всей географии.

Размер вообще трактуют как величину, количество (степень, масштаб) чего-либо в любом измерении. Отношение к нему разное. Одни предпочитают качество, другие вспомнят о законе перехода одного в другое, третьи сочтут величины важными для объектов, в том числе географических. Ф. Бродель открыл свою трилогию о материальной цивилизации главой «Время количества»: количества людей и вещей, которое «разделяет мир, организует его, придает каждому массиву живущих на Земле его удельный вес». Начиная с размера населения, он писал затем о территории, технике, экономике.

У нас любят сказать: вот край размером в Франции и 27 Швейцарий. Но это только площадь. А еще в 1831 г. П. А. Вяземский писал: «Мне так уже надоели эти географические фанфаронады наши... Что же тут хорошего, чем радоваться и чем хвастаться, что мы лежим врасстяжку, что у нас от мысли до мысли пять тысяч верст...». Эти резкие слова типичны для той поры, когда Европа строила железные дороги, а Россия отставала, взирая на собственные просторы скептически. Скачки в их развитии и обустройстве вызывали, наоборот, приливы гордости: «Широка страна моя родная».

Страны, как люди, многомерны. Большие – бывают чем-то малы, а малые – велики. Первое сочетание малопривно. Болельщики России сочли позорным проигрыш своей футбольной сборной Словении, которая так мала. Малые же страны гордятся своими «крупностями». Нидерланды боролись за право провести Олимпиаду-1992 под девизом «Мы – маленькая большая страна». Размер поистине имеет значение, хотя малышам ближе изречение *small is beautiful*. Есть великаны и карлики по всем меркам. Индия и Китай – бесспорные гиганты, а Бутан между ними с площадью Швейцарии и 2 млн жителей – как мышь между двумя слонами.

Самой удобной сводной мерой по итогам проб оказалась *средняя из долей каждой страны в их общей площади, населении и ВВП*. Эта условная СД не уступает любой доле (мировая сумма дает те же 100%). «Стандартный экономический район» Б. Н. Зимина, выделяемый по ВВП, не прижился, что не отменяет *одно- или неполнорайонности малых стран и многорайонности больших. Безгосударственных стран* я не отрицаю, но пока их не касаюсь, используя оба термина как синонимы не вполне корректно.

Выбор трех базовых признаков – дань невольному минимализму, что освещено в ряде публикаций наряду с источниками, расчетом парных корреляций и т. п. Так, сто лет назад страны чаще, чем теперь, были велики или малы по всем признакам. Размер территории, слабее варьируя, вносит в СД

более скромный вклад (сейчас чуть более 20%), чем население и ВВП (по 40%). Это избавляет от придания признакам неких особых весов, так как примерно соответствует мнениям об их значимости.

Важнее содержательные результаты, которые вкратце таковы.

1. При стабильности мировой суши рост числа государств в 4 раза вчетверо сократил их среднюю площадь. ВВП одной страны в сопоставимых ценах и валюте вырос пятикратно, но ее средняя людность – порядка 30 млн чел. – практически не менялась. Это интересная константа, но вряд ли на все времена и, конечно, не «оптимальный размер» страны. Постановка такого вопроса столь же сомнительна, как для городов и предприятий.

2. Крупных стран всегда мало, а число малых растет так, что они уже доминируют. Пропорции между категориями по СД совершенно иные. Масса великанов убывала, но еще велика. У средних, малых и мельчайших стран она росла, но у последних осталась очень скромной (рис. 1).

3. В рядах СД исторических государств выделяются 5–6 явных и 2–4 спорных гиганта. Китай, США, Россия–СССР – постоянно в первой пятерке, в отличие от Британской и Французской империй, Индии (продукта распада первой) и ЕС (если его в том или ином составе считать страной). Бразилия, Канада, Австралия, Япония и ранее Германия – скорее «субгиганты».

4. Динамика СД нынешних государств отражает «похудание» Европы, на фоне которой «расправлялась» Африка, и максимальные размеры США, России в середине XX в., когда их временно теряли Индия и Китай (рис. 2). Однако моделирование прошлого и будущего в современных политических границах сугубо условно, ведь они менялись и могут меняться.

5. Гигантская держава – еще не синоним великой, разница между ними примерно такая, как между массой и весом в физике. Из 8 крупнейших стран в «большую восьмерку» входят 4, а в G20 – 16 стран, но по сути это уже другой «размерный клуб», куда приняты не только гиганты.

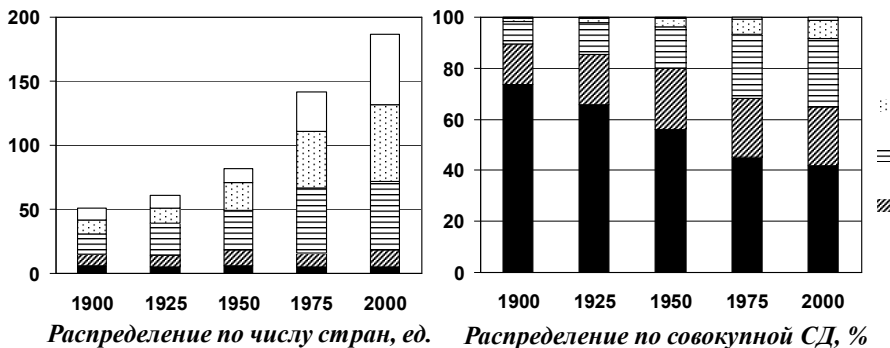
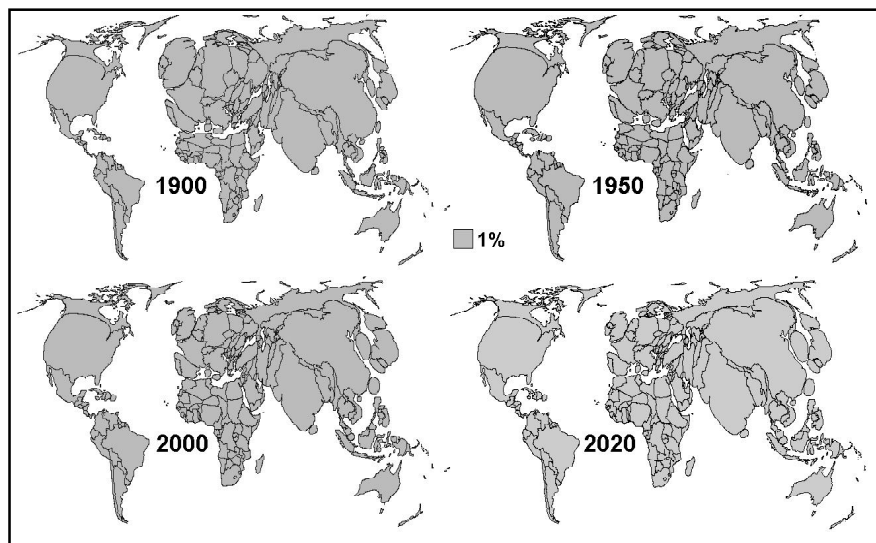

Рис. 1. Распределение исторических стран по размерам в XX в.

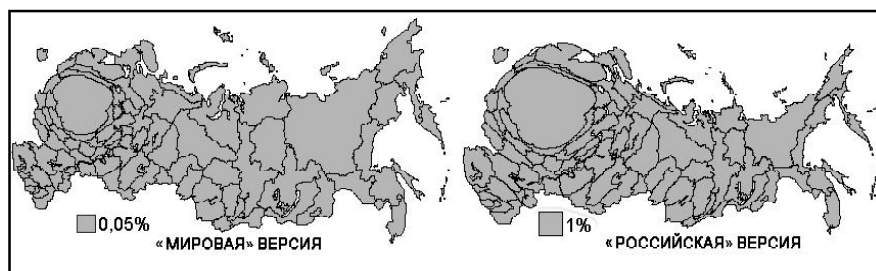

6. СД для регионов страны может быть двояким: по их долям в мире и в самой стране (рис. 3). Анаморфоза первой версии за Уралом выглядит как обычная карта, но Московский регион «давит» на соседей, и те окружают его тонкой каймой. Вторая версия повышает СД западных и южных регионов, но ее нельзя сравнивать с СД других стран. А по мировой версии великан нашей Азии Якутия близок по размерам к Египту и Таиланду, столичный регион – к Швеции, среднероссийский – к Киргизии, Уругваю, а малые республики РФ – к Вануату или Барбадосу.

Среди федеральных округов, теперь уже восьми, по внутренней версии лидирует Центральный, а по внешней – Дальневосточный и Сибирский

**Рис. 2. Размеры современных стран в 1900–2020 гг.
Анаморфозы по СД составлены В. С. Тикуновым**

**Рис. 3. Размеры регионов России в 2005 г.
Анаморфозы по СД в двух версиях составлены В. С. Тикуновым**

(табл. 1). Они равноможны довольно крупным и развитым странам, а западные – средним развивающимся. Правда, пропорции признаков у них разные и порой совсем другие, что делает подобные аналогии весьма абстрактными.

Таблица 1

Размеры федеральных округов России в 2005 г.

Округ	СД в двух версиях расчета, %		Размерные страны-аналоги
	«российская»	«мировая»	
Центральный	21,4	0,64	Вьетнам
Северо-Западный	9,8	0,57	Украина
Южный	5,8	0,22	Греция, Австрия
Северо-Кавказский	3,1	0,11	Камбоджа, ОАЭ
Приволжский	14,4	0,54	Перу
Уральский	12,1	0,65	Колумбия, Вьетнам
Сибирский	18,3	1,45	Франция, Великобритания
Дальневосточный	15,1	1,58	Мексика, Франция

Что значит быть гигантом. Размер влияет на позиции стран в мире, тип их развития и политики, внешних и внутренних связей, на национальный характер. Важны и соотношения между признаками (когда населения много, а земли мало и т. п.), но резкие «дисбалансы» чаще имеют место за рамками первой пятёрки: у Японии, Канады, Австралии. Выделяя общие свойства великанов, нередко чреватые проблемами, можно допустить, что они велики во всех отношениях.

Далее эти свойства сгруппированы в пять блоков.

Географические:

- *Многорайонность*, естественная для больших пространств, хотя число районов зависит от их «насыщения». Не потому ли так лаконично внутреннее устройство Канады и Австралии: до 10 основных единиц?

- *Обилие природных ресурсов* связано с размерами территории, а труда и капитала – с массами населения и экономики, хотя спрос экономик ЕС, КНР, США на ресурсы даже при их наличии в недрах требует импорта.

- *Неравномерность освоения и регионального развития* вытекает из той же обширности, природных контрастов, уровня богатства. До жесткой связи и тут далеко. Макрорайоны России заселены, как ни странно, ровнее, чем у других гигантов, кроме Индии, а вот ВРП у нас варьирует сильнее.

Социокультурные:

- *Этнокультурное разнообразие.* Лидер здесь Индия с 22 официальными языками и парой тысяч диалектов. Иная гетерогенность – у переселенческих США и Бразилии. Когда при обилии меньшинств невелика их масса, то им зато выделяют большие «титовые» районы (РФ, КНР).

- *Социальные контрасты.* Даже у богатых гигантов много бедных (по их меркам). Тут нужна социальная (региональная) политика, зато при ее успехе и эффект, в том числе политический, бывает больше, чем в малой стране. Но этому часто мешает следующее свойство.

- *Низкая социальная солидарность, слабое информационное поле* (сжатое по Зимину у малых стран до личного знакомства чуть ли не всех граждан). Это в какой-то мере можно компенсировать жестким централизмом, что, в свою очередь, противоречит этнокультурной пестроте.

Экономические:

- *Емкий внутренний рынок и тяга к автаркии.* Внешние факторы роста карлику при прочих равных условиях важнее, чем гиганту, несмотря на то, что глобализация вездесуща.

- *Структурная полнота экономики* вследствие первого свойства и как наследие эпохи автономного развития. При скромном населении и сырьевом экспорте (Австралия, Канада, РФ) отраслевой состав узок или сужается, при растущем – идет диверсификация и на фоне глобализации (Индия, Китай).

- *Инерция,* в свою очередь, связана с громоздкостью, составом хозяйства и социокультурным типом гиганта. Ему трудно пропустить стадию (цикл) или, срезая путь, пройти ее по ускоренной и усеченной программе, что удается в малой стране. Слон не такой юркий, как мышь.

Политические:

- *Влияние и ответственность.* У гиганта, особенно ядерного, больше обязательств, чем у малышей. Но это вместе с разницей их интересов, споров и «клубов» стало одной из причин кризиса ООН.

- *Склонность к экспансии* отчасти задана размером и в разные эпохи имеет разные формы: завоеваний, колонизаций «ничьих» земель, свободных объединений вроде Евросоюза. Впрочем, все гиганты и большинство малых стран были когда-то ядрами или частями интеграций имперского типа.

- *Объем фиктивных сфер* – армии, бюрократии – тоже коррелирует с размером. Б. Н. Зимин считал экономию на них преимуществом малых стран, но иногда и крупных (послевоенных Японии, Германии).

Психологические:

- *Привычка всех мерить на свой аршин,* а то и навязывать его другим может доходить до всемирно-мессианских затей, за что гигантов не любят их соперники, сателлиты и просто крохи, приравнивающие подобные черты к неприятным человеческим.

- *«Психика» гиганта предрасположена к мании величия,* а малыша – к мании преследования. Иногда обе овладевают массовым сознанием в одной стране, даже большой. Ни ей, ни ее соседям это не сулит добра.

- *Гражданам нужно совмещать и примирять идентичности* от местной до державной и цивилизационной. «Если выпало в Империи родиться,

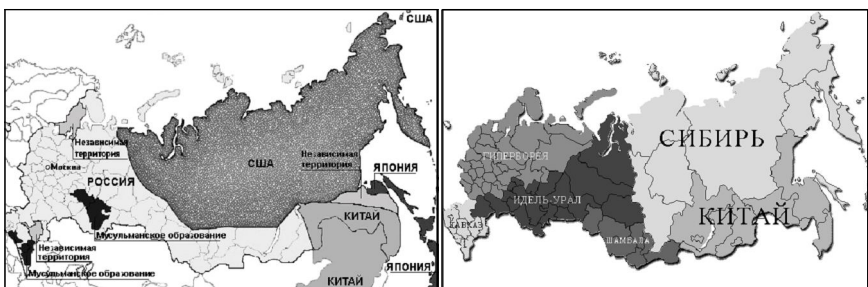
лучше жить в глухой провинции у моря», хотя «полный гордого доверия покой» – тоже не миф. Трудно раскатать гиганта с его инерцией. И стоит ли?

В общем, у гигантов много *возможностей и рисков*. В том числе, даже особенно – регионально-политических. Ведь это многорайонные государства, а районы таят в себе потенциальные и реальные страны.

Кто и как борется с гигантами. Покончить с ними виртуально просто, чем и заняты в Интернете то сетевые хулиганы, то солидные институты. Эта словесная и графическая расправа стала массовой забавой, а кому-то – и профессией. Примеры есть по большинству гигантов, с автором, текстом и картой или без них. Волна нарастала в ходе нынешнего мирового кризиса, но при этом могли использоваться наши давние научные результаты.

Так, страшилки о развале России ее мазохисты-катастрофисты порой снабжают картой экономических районов либо федеральных округов. Схемы районирования страны становятся у них планами ее раздела. В США с той же целью ссылаются на книгу Дж. Гарро «Девять наций Северной Америки» (1981), хотя эти нации – просто социокультурные регионы. Поистине никому не предугадать, как отзовется его слово. Впрочем, оно бывает разным.

Одна из свежих версий «конца России» (рис. 4) составлена в Институте прикладной математики РАН им. М.В. Келдыша. При инерционном сценарии РФ лишится Дальнего Востока, севера Сибири и Урала, 9 республик к западу от него. Азиатскую часть делят соседние США, Китай и Япония. Есть и благоприятный вариант для случая, если будут приложены сверхусилия и создана «новая элита развития». Это просто СССР без Прибалтики. Справа на рисунке – карта без названия из Интернет-журнала Р. Латыпова. Внешний захват на

Возможная политическая карта России к 2030 г. при инерционном сценарии развития. Прогноз Института прикладной математики РАН

(Лесков С. Станет ли Сибирь 52-м штатом США? Интервью с Г. Г. Малинецким www.flb.ru/info/43919.html / 07.06.2008)

Вариант с комментарием: «В случае, если распад России будет так неизбежен, то границы будут следующими»

(Живой журнал Рэма Латыпова)

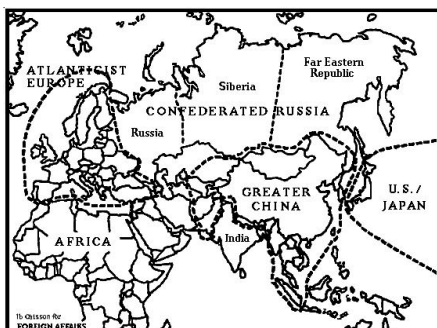
Рис 4. Примеры современных прогнозов распада (раздела) России

ней один – китайский, но страна Идель-Урал от Волгограда до Томска и Уренгоя отдает идеей Великой Булгарии.

Мания преследования у гигантов небеспочвенна. Американские авторы покушались на нашу целостность. Так, в 1997 г. З. Бжезинский издал в виде статьи главу из «Шахматной доски», вышедшей затем уже без карты (рис. 5). На ней Конфедеративная Россия состоит из Европейской, но без выходов к Черному морю и Балтике, отданных «Проатлантической Европе», Сибири и Дальнего Востока, чьи южные окраины получают Большой Китай и «зона США-Япония». Через год профессор Дипломатической академии МИД РФ И. Н. Панарин огласил ответ, суливший США распад в 2010 г. на 6 частей. Карта появилась позже, став гостьей многих изданий. Запад США она отдает Китаю, Гавайи – ему же или Японии, Аляску – России. Юг попадает под контроль Мексики, Север – Канады, Восток – ЕС.

Другие авторы говорят о 4 сценариях распада: *коллапс* после катастроф вроде урагана Катрина или с ростом коррупции до уровня Зимбабве; *мирный развод*, как в СССР; маловероятная *сдача национальной власти в пользу глобальной*; *внешнее завоевание*. Часто считают, что всю Северную Америку перекроит выход Квебека из Канады, отрезающий ее атлантические провинции, которые сольются с Новой Англией... и т. д. На карте блоггера-орегонца (рис. 6 справа) вместо НАФТА к 2020 г. появятся 17 образований. У одного из них, республики Каскадия, есть флаг, почтовые марки и веб-сайт с девизом «Независимость сейчас!».

О развале Индии грезят пакистанские и другие исламисты, то делящие ее на ряд государств, то берущие львиную долю себе (в том числе за счет северно-

Распад СНГ по З. Бжезинскому
(Brzezinski Z. A Geostrategy for Eurasia // Foreign Affairs, 76:5, September/October 1997).

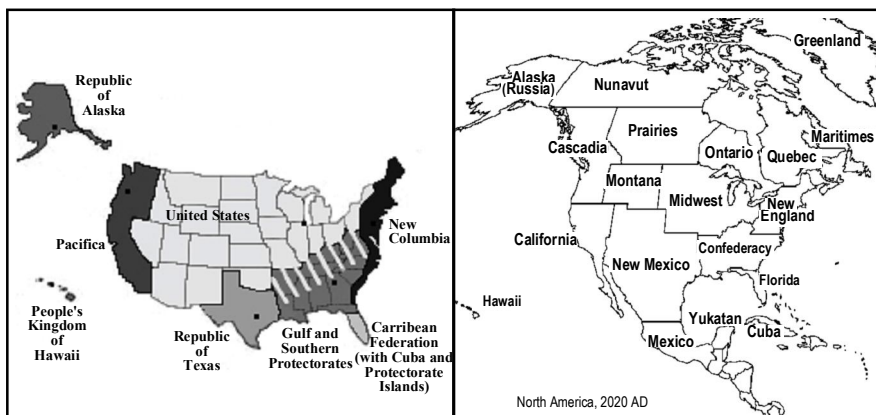
Распад США по И.Н. Панарину
(Osborn A. As if Things Weren't Bad Enough, Russian Professor Predicts End of U.S. // The Wall Street Journal, 2008, December 29)

Рис. 5. Распад СНГ и США: примеры встречных сценариев

го коридора Мугалистан до Бангладеш, сепаратистского проекта мусульман в самой Индии). Любопытный намек на распад и даже разнородность КНР недавно принимали там за дерзкую провокацию. Но в 2009 г. к визиту Б. Обамы профессор престижного университета Синьхуа П. Хованец, выходец из США, женатый на местной уроженке, создал карту девяти наций Китая по модели Дж. Гарро. Он молчит о распаде, даже объединяет Тайвань и Фуцзянь в одну «Страну проливов». Но лиха беда начало!

Евросоюз пока расширялся, а если речь идет о его дезинтеграции, то стран в Европе выдумывать не надо, хотя в ряде американских и британских текстов есть более сложные версии. О разделении Бразилии и Австралии я материалов не нашел. Возможно, их и нет или они на подходе, ведь новые провокации появляются в Сети чуть ли не еженедельно.

Что вообще стоит за этим мировым моровым поветрием? Мотивы рисующих схемы и сцены распада, как уже сказано, различны. Одни сводят счеты с ненавистным гигантом. Другие зарабатывают сомнительное «имя». Третьи играют в фантазийные карты, но по реальной, населенной живыми людьми земле. Четвертые, пожалуй, заговаривают этим кошмар, в который могут вылиться такие игры. Пятые верят, что все гиганты рухнут, ибо таков опыт империй. Правда, ряда малых стран тоже. Где же выше риск?

Бывшие США к 2059 г. по Дж. Кэшио
(Levin J. How Is America Going To End? Who's most likely to secede? // Slate Magazine www.slate.com/id/2223962 posted Aug. 3, 2009)

Гипотетический распад США, Канады и Мексики в 2020 г.
(A hypothetical breakup of the US/Canada/Mexico in 2020 // www.city-data.com/forum/general-u-s/588798-hypothetical-breakup-us-canada-mexico.html. 03-10-2009).

Рис. 6. Распад США и стран НАФТА: американские сценарии

По моим подсчетам, с 1900 г. распад на соизмеримые части пережили 8–9 исторических гигантов и «субгигантов», т. е. большинство. Целы США, молодые Индия (потеря Филиппин и части Кашмира не в счет) и ЕС. Страны меньших размеров распадались за 110 лет около 30 раз. Но их и было в 5, а затем в 20 раз больше. Значит, распад гиганта все же вероятнее. Разбить его на малые страны, в том числе довольно стабильные, истории легко. Собрать из малышей прочного великана сложнее.

Если он существует, его выживанию поможет национальное сознание, культура, внутренние связи, интеграция (уже не имперская, а добровольная), мудрая политика. Без гигантов мир станет иным, но не более стабильным, предсказуемым, мирным и организованным. Так не пора ли их охранять, в том числе друг от друга? В том и видится прикладная роль если не теории, то просто нормальной науки о больших странах.

Трофимов А. М., Рубцов В. А., Ермолаев О. П., Краснов Е. В.

ЕДИНСТВО, ЦЕЛОСТНОСТЬ И ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ

Несколько ранее нами [21] было показано, что решение проблем моделирования, прогнозирования и управления состоянием окружающей средой требует ее формализованного представления на самом общем уровне – в единстве природно-экологической и социально-экономической составляющих. Действительно, трудно представить развитие социально-экономических явлений и процессов свободных от влияния природной среды, равно как и природную среду в «чистом виде». Совершенно очевидно, что существуют взаимодействия между относительно пассивной – природно-экологической и относительно активной – социально-экономической составляющими. Связаны они между собой сложными разноуровневыми отношениями, а их взаимодействия настолько сложны, что в географическом пространстве-времени (ГПиВ) можно встретить самые противоречивые сочетания результатов этих взаимодействий. Эти особенности сочетания порождают определенные географические ситуации (геоситуации). Таким образом, географическое пространство-время (географическое поле – геополе) – это сложное взаимодействие, взаимоналожение, сочетание различных по уровню и иерархии геоситуаций. Это геополе обладает определенными закономерностями: во-первых, они являются по своей сути стыковыми и не отражают какой-то одной формы движения материи, но выражают суперпозицию этих форм; во-вторых, через массу казалось бы случайных взаимодействий, являющие собой уже существенно специфические, не сводящиеся к сумме слагающих компонентов закономерности, которые и становятся общим единым и целостным предметом изучения новой, развивающейся науки – географии, изучающей окружающую среду в единстве природно-экологических и социально-экономических образований.

ГПиВ присущи отношения разного характера, среди которых выделяются пространственные (состояние условия существования) и временные (состояние следствия, длительности). Однако не только эти отношения характеризуют геопол, т. к. в основе его существования помимо связей и взаимодействия имеет место и разделенность, обобщенность. Отсюда возникает два важнейших свойства полей – прерывистость и непрерывность, или иначе, дискретность и континуальность [15]. В основе процессов лежит принцип неоднородности – общенаучное понятие, обозначающее существование различий по определенным признакам (по происхождению, составу, свойствам) между тождественными (однородными) в том или ином отношении компонентами системами. Неоднородность компонентов географической системы вместе с их дифференцированностью определяет структуру всей системы в целом.

Основными положениями, используемыми в понятии геополя, служат два общенаучных принципа: принцип распределенной неоднородности и принцип локальной неоднородности (геоситуация, аттрактор, домен в пространстве). Последние могут служить зародышами или очагами качественного перехода системы из одного состояния в другое.

Таким образом, в геополе можно выделить устойчивые «островки» (своеобразные узловое локальные неоднородности) – инварианты (домены), от которых на различных расстояниях и уровнях располагаются различные структурные образования, находящиеся на различных стадиях развития, устойчивости и в постоянном изменении (развитии). Именно в этой связи в определенных участках геополя в определенных условиях формируются потоки субстанции (вещества, энергии, информации).

Тесное взаимодействие геосистем между собой, их проникновение друг в друга формирует имманентное свойство ГПиВ. Она подчеркивает, что принадлежность какой-либо геосистемы может быть не только полной, но и частичной. В основе такого «континуума» лежит признание объективно существующих интересов различных уровней [25] как побудительной силы процессов, во многом определяющих их структуру, функционирование и развитие, а также признание свойств размытости геосистем, да и всего ГПиВ, в качестве одного из фундаментальных свойств [24]. Каскадный характер иерархических систем обуславливает тот факт, что обмен веществом, энергией и информацией происходит как в пределах одного уровня, так и между различными уровнями через некоторые «пороги» [30] в виде качественных скачков и сдвигов. Рассматривая геопространство как множество соразвивающихся геосистем различных уровней, можно придти ко второму фундаментальному свойству – дискретности и континуальности ГПиВ. Впервые о едином существовании одновременно дискретности и континуальности заговорили ряд ведущих исследователей [9, 15]; они же дали и географическую интерпретацию этому свойству ГПиВ.

Однако все же наиболее общим фундаментальным свойством ГПиВ является концентрация и рассеивание [11], которое породило основные моменты формирования этого пространства. В дальнейшем Ф. Бродель [3] и И. Валлерстейн [4] описали модель «центр-периферийного» развития территории. Этот образ послужил основанием Н. А. Слукке [20] выделить особые географические образования центрального типа – олигополисы.

Действительно, территориальный аспект постиндустриальной модернизации социально-экономической жизни общества напрямую связан с естественно-историческим процессом, господствующем в ГПиВ (и даже более шире – в естественно-географическом) – концентрации и рассеивания. Это всеобщий принцип, вызвавший к жизни комплексный подход.

Важность комплексного подхода в географии была осознана после работ Дельбруна, Гегеля, фон Неймана, Тюринга и др. Позднее он нашел свое место в работах по общей теории систем Бераланфи, Симона, Форрестора. Комплексность отчетливо выражается в ГПиВ и ведет к образованию особых территориальных сочетаний. В связи с развитием этих позиций в географии, произошло значительное по содержанию расширение понятия «формация». Дж. Крамер [29] пишет, что от трактовок в духе классической теории размещения Тюнена – Вебера – Кристаллера и представлений о полюсах роста Перу, промышленном комплексе Шардонне и Изарда, кумулятивной причинности Мюрделя, формацию стали рассматривать как сеть прямых и косвенных связей в процессе организации всех видов экономической деятельности. В настоящее время формацию считают родовым понятием для большого круга сетевых пространственных образований, включая ассоциации, зоны влияния или воздействия, промышленные или иные комплексы, полюса роста, скопления, агломерации и т. д.

Таким образом, в ГПиВ формируются и существуют точки, притягивающие к себе потоки вещества, энергии и информации (это широко известные в физике – аттракторы). В дальнейшем они служат центрами формирования новых пространственно-временных структур. Это «локальные неоднородности» [21] в дальнейшем становятся «точками роста» (центрами); остальная часть близрасположенного пространства приобретает маргинальный характер. Именно этот процесс привел, в конечном счете, к моделированию в мироздании развития в духе центр-периферийной концепции.

Ф. Броделем [1992] была предложена новая парадигма развития общества, которая в дальнейшем была доработана учеными школы миросистемного анализа, один из основоположников которой, И. Валлерстейн [4], определяет мировую систему как образование «с единым разделением труда и множественностью культур», выделяя при этом два основных подтипа:

– мировые империи, где разделение труда между образованиями осуществляются в рамках единой империи, и

– мир-экономики, где политическая система состоит из государств, соперничающих между собой в рамках межгосударственных систем.

В соответствии с этим учением, особенностью западной мир-экономики является ее центр-периферийное членение: она выступает как ядро, периферия и промежуточная зона – полупериферия. Напряженность между ними создается разделением труда между ядром и периферией, что и стимулирует развитие всей системы в целом.

Поляризация территории связана как раз с выделением в экономическом пространстве ядер (центров) и периферии. Контакты между ними связаны с тем, что зарождение технологических, социальных и других нововведений происходит неравномерно и не повсеместно. Центр – место их интегрирования, периферия – среда их распространения. Центр и периферия связаны между собой потоками информации, капитала, рабочей силы и т.п. Движущей силой, обеспечивающей развитие и воспроизводство системы «центр-периферия», служит качественная трансформация центра за счет генерирования, внедрения и диффузии нововведений. Постоянная инновационная деятельность создает условия для ее развития в пределах центра, обеспечивая здесь максимальный доступ к информации, связям, капиталу, в результате чего возникают новые функции, контролирующие новейшие технологии, наукоемкие отрасли производства, происходят сдвиги в квалификационном и социальном составе населения.

Центр вытесняет на периферию отрасли, не соответствующие статусу ядра, что закрепляет зависимость периферии от центра. Центр постоянно также выкачивает разного рода ресурсы из периферийных районов, что также усугубляет территориальное неравенство, ослабляя периферию.

В макромасштабе модель «центр-периферия» и есть собственно модель процесса зарождения глобализации.

Последующие работы в этой области (напр., Липец, Пуляркин [9] и др.) показали, что эта модель применима к разным масштабам образования: от города до страны и далее до мировых формаций.

Географов в процессе глобализации интересует три момента:

– позиционирование региона (т. е. его место в системе хозяйства соответствующего иерархического уровня, страны) и конкурентоспособность (главным образом за иностранные инвестиции, инновации и современные технологии);

– глобализация процессов транснационализации, совмещающих глобальную централизацию с локальными экономическими интересами;

– образование «экономического архипелага», в частности, ассоциаций крупнейших городов-мегаполисов, о которых Н. А. Слукa [20] писал как о формировании глобального олигополиса в градоцентрической модели развития народного хозяйства. Сюда же относится и проблема «глобальных» и «международных» городов в географии [5, 14].

Между прочим, идеи центр-периферийного устройства породили и в физико-географической теории свои модели устройства ГПиВ. Речь идет прежде всего о нуклеарных моделях А. Ю. Ретеюма [16, 17] как базовых моделях развития естественного ГПиВ, объединенного единством природно-экологических и социально-экономических составляющих.

Идея территориальной интеграции основывается на распространяющемся «неорегиональном» подходе [34]. Автор считает, что концепция территориальности заменяет физическое единство участка пространства его социопространственностью. Основа концепции – не абстракция региона, а уровень общности обыденной жизни, их проблематичные соотношения с национальными и/или классовыми интересами. Понятие территориальности проявляется через отношения людей, вещей, символов в конкретных местах. Феномен территориальности реален, как реален ландшафт, семья, общность людей, адаптированных к конкретной территории, осознающих себя в ней.

Необходимо иметь в виду еще одно обстоятельство: а именно то, что сформулировано коллективом авторов [28] в виде особого регионального развития. Она включает возникновение идей, проектов и теорий, которые могут быть положены в программу регионального развития или решения конкретных региональных географических проблем. Именно этот подход, по мнению авторов, способен выработать схему территориальной организации общества.

Осознание фундаментальных изменений в рамках развития западной экономики выражено в общих представлениях о переходе к новой эре развития. Сам переход выражен различными концепциями, такими, как «5-я волна Кондратьева», «вторая промышленная революция». «переход к гибкому накоплению» и др. Ключевой момент этих концепций – решающая роль «высоких технологий», ведущих к отраслевой и пространственной реструктуризации. В этих рамках происходит формирование «новых индустриальных пространств».

Все эти особенности ГПиВ привели к идее сбалансирования пространства [24], где связи между элементами системы усиливаются, а величина связей возрастает. Эта идея постепенно привела к понятию комплексности [1] и сразу же в географии стали появляться «свои» комплексы – ТПК, АПК, ТОО, ТСЭС, ПТК и др.

Это фундаментальное свойство ГПиВ развивалось весьма эффективно до постиндустриального развития стран, когда многие фундаментальные положения стали терять свою значимость. Не потерял значимости только территориальный фактор. Он и в условиях рыночных отношений остается определяющим, хотя многие экономисты пытались его игнорировать. Ведущие школы конкурентоспособности вновь «открыли» и «переоткрыли» значимость этого фактора и в социально-экономической географии появились новые термины и понятия – инновационные комплексы [33], кластеры [31], региональные кластеры [27] и др.

Подводя некоторые итоги взаимосвязи фундаментальных свойств ГПиВ необходимо отметить, что сбалансирование – это все же процесс эволюционный; однако ГПиВ продолжает развиваться.

«Точки роста» рассматриваются как источник саморазвития территориальных систем. В теории экономического развития существует два процесса: приспособление систем в рамках ее кругооборота (т. е. процесс воспроизводства) и развитие – преобразующее структуру кругооборота. Развитие – это не всякое изменение равновесия, а только дискретно и стихийно возникающее [32]. «Точки роста» формируются либо таким путем (основной), либо изучением и детальной проработкой механизма формирования ГПиВ, целенаправленно (напр., свободные экономические зоны).

В этой связи «точки роста» обуславливают свойствами наиболее эффективных инвестиций. С географической точки зрения – это попадание географического объекта в «локальный оптимум» Родомана. Именно они дают начало новой структуры последующего по иерархии уровня развития, что может привести ко «второй генерации точек роста» [23]. Таковы, например «сверхгорода», которые по уровню развития соизмеримы с государствами, в пределах которых они развиваются.

Наконец, существует еще одно фундаментальное свойство ГПиВ – его устойчивость, связанная с наличием у него не изменяющегося инвариантного аспекта [2].

Замедление и ускорение географических процессов может происходить путем влияния на скорость изменения концентрации вещества и энергии в местах локальных неоднородностей. Отсюда – значимость этих образований в процессах формирования структуры геополя. Не менее значим и эффект «сопротивления» среды (принцип запаздывания, запретов Г. Дж. Сариева, [19] и др.).

Разность потенциалов в конечном счете ведет к некоторому выравниванию по времени; с другой стороны развитие – как раз и есть процесс постоянного создания разности потенциалов (это и есть процесс развития). Возникающее противоречие все более четко выковывает структуру геополя. Чем более четкая структура, тем отчетливее она выражает себя в пространстве. Отсюда следующая проблема географии – выделение и оценка значимости географических границ. При этом следует отметить, что по существу выделение границ в пространстве – проблема функциональная, содержательная; поскольку только таким образом может быть осуществлено корректное разделение целого на части (хотя и существуют методы статистические и, шире, формализованные).

Наиболее значим в географии территориальный аспект, качественно выраженный в позиционном принципе Б. Б. Родомана [18]. Это есть совокупность тех пространственных отношений рассматриваемого объекта, которые имеют для него существенное значение. Отмеченная зависимость многих свойств вещей от пространственного положения или устройства наблюдается как в жи-

вой, так и неживой природе. В живой природе позиционный принцип реализуется спонтанно, например, в квазиестественном развитии культурного ландшафта, стихийной планировке древних городов и сельских поселений, занятиях жителей, определяемых как природным ландшафтом, так и географическим положением объектов. В этой связи возникают особые географические принципы [22]: принцип территориальности, принцип географичности, принцип окружающего соседства, принцип однородности-неоднородности и др.

Важно отметить связь единой географической теории геополя с различными теоретическими представлениями в географии. Одновременно необходимо показать, почему рассматриваемую теорию в географии мы называем единой. Это обусловлено тем, что, во-первых, она завязывает в единый узел поля различной природы – географические, геофизические, геобиологические, экономико-географические, природно-экологические и др.; во-вторых, объединяет существующие в географии пространственные и полевые представления и, в-третьих, объясняет существование географических закономерностей, общих для всей географии. К ним, в частности, относятся:

- позиционный принцип Б. Б. Родомана;
- стремление к сбалансированию компонентов в географическом пространстве-времени, закон факторной относительности Н. И. Маккавеева, принцип окружающего соседства и компромиссного сосуществования;
- принцип В. С. Преображенского об одновременном сосуществовании в геополе дискретных и континуальных образований (задание зон и ареалов, азональностей);
- тенденции к образованию локальных неоднородностей (геоситуации, аттракторы) и дальнейшая концентрация в них вещества, энергии и информации (создание зон влияния, доменов и соответствующих им потоков);
- формирование нуклеарных систем по А. Ю. Ретеюму [16] (модели типа «центр–периферия»);
- формирование особой структуры геопространства как отражение в бескомпромиссной борьбе энтропийных и неэнтропийных процессов (отсюда стремление к выделению в пространстве географических структур – районирование и зонирование; наличие границ разной степени четкости и размытости);
- развитие геосистем как бифуркационный процесс;
- принцип запаздывания и ограничения в развитии; принцип запретов Г. Дж. Сариева [19];
- стремление к сближению разноуровневых систем как одна из основных тенденций в развитии геопространства (уменьшение значимости принципа редукционизма) [напр., 7; 11 и др.];
- принцип математико-географического моделирования с этапами: понятийная модель – содержательная (концептуальная) модель (иногда – про-

цессорная модель) – модель знаний – цифровая модель – математико-географическая модель – прогнозная модель – системная управленческая модель.

Литература

1. *Агафонов Н. Т.* Территориально-производственное комплексобразование в условиях развитого социализма. – Л.: Наука, 1983.
2. *Арманд А. Д.* Самоорганизация и саморегулирование географических систем. – М.: Наука, 1988.
3. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация. Экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 2. Время мира. – М.: Прогресс, 1992.
4. *Валлерстейн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб: Университетская книга, 2002.
5. Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н. А. Слуки. – М.: Аванглион, 2007.
6. Институциональная модернизация российской экономики: территориальный аспект / Под ред. А. Г. Дружинина и В. Е. Шувалова. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2004.
7. *Кобылянский В. А.* К проблеме единства географии // Методологические вопросы наук о Земле. Тез. и докл. выступл. к регион. научн. семинару 10–12 окт. 1984. – Чита, 1984. С. 78–83.
8. *Липец Ю. Г.* Системные исследования в социально-экономической географии / Итоги науки и техники. Теоретические и общие вопросы географии. Т. 5. – М.: ВИНТИ, 1987.
9. *Липец Ю. Г., Пуляркин В. А.* Нелинейные процессы мировой экономики // Известия РАН. Сер. географ. 2001. № 4. С. 31 – 37.
10. *Машибиц Я. Г.* Экологическая направленность системы географических наук // Известия АН. Сер. географ. 1987. № 6. С. 36 – 58.
11. *Машибиц Я. Г.* Парадигма целостной географии: кризис или перегруппировка сил? // Новое мышление в географии. – М.: ИГ АН СССР, 1991. С. 14–25.
12. *Мунтян М. А., Урсул А. Д.* Глобализация и устойчивое развитие. – М.: Ступени, 2003.
13. *Портер М.* Конкуренция. – М.: Вильямс, 2002.
14. Постиндустриальная трансформация социального пространства России. Шестые сократические чтения / Под ред. В. А. Шупера. – М.: ИГ РАН, 2006.
15. *Преображенский В. С.* Континуальность и дискретность географической оболочки // Актуальные вопросы советской геогр. науки. – М.: Наука, 1972. С. 217–219.
16. *Ретеюм А. Ю.* О геосистемах с односторонним потоком вещества и энергии // Известия АН СССР. Сер. географ. 1971. № 5.

17. *Ретеюм А. Ю., Серебрянный А. Р.* География в системе наук о Земле / Теоретические и общие вопросы географии. Т. 4. – М.: ВИНТИ, 1985.
18. *Родоман Б. Б.* Позиционный принцип и давление места // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 1979. № 4. С. 14–20.
19. *Сариев Г. Дж.* Принцип ограничения. – Баку: Элм. 1986.
20. *Слука Н. А.* Градоцентрическая модель мирового хозяйства. – М.: Пресс-Соло, 2005.
21. *Трофимов А. М., Солодухо Н. М.* Вопросы методологии современной географии. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986.
22. *Трофимов А. М., Игонин Е. И.* Концептуальные основы моделирования в географии. – Казань: Матбугат Йорты, 2001.
23. *Трофимов А. М., Шарыгин М. Д.* Общая география. Вопросы теории и методологии. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2007.
24. *Трофимов А. М., Шувалов В. Е.* Сбалансированное развитие территориальных систем: сущность и подходы к оценке // Труды XII Съезда РГО. Т. 4. Геоэкология и природопользование. – СПб., 2005. С. 42–44.
25. *Хузеев Р. Г.* Теория принятия компромиссных решений. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988.
26. *Шувалов В. Е.* Экономико-географическое районирование в контексте модернизации российского общества // Институциональная модернизация российской экономики: территориальный аспект. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2004. С. 172–187.
27. *Enright J., Flows-Williams I.* Local Partnership Clusters and SME Globalization. – OECD. Workshop. 2001.
28. *Hohsch F., Lavrov S. B., Sdasjuk G. V.* Burgeliche Konztptionen der Regionalen Entwicklung, – Gotha: Hermann Haack Geogr. Kartogr. Institute, 1986.
29. *Kramer J. A. T.* Formation as an Economic-Geographical // Ned. Geogr. Stud. 1991. № 132. P. 25–39.
30. *Malisz R.* Threshold Analysis as a Tool in Urban and Regional Planning// Papers of the Regional Science Assoc. V. 29. – 1972.
31. *Porter M.* The Competitive Advantage of Nations// Harvard Business Rev. 1992. P. 73–93.
32. *Schumpeter J.* Business Cycles. A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capital Problem. – N.Y.–London: McGrow – Hill Book Co, 1939.
33. *Stohr W. B.* Regional Innovation Complexes // Pap. Reg. Sci. Assoc. 1986. № 59. P. 29–44.
34. *Vartianen P.* The Strategy of the Territorial Integration in Regional Development: Defining Territoriality // Geoforum. 1987. 18. № 1. P. 117–126.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Пространственное планирование представляет собой инструмент региональной политики, реализуемой на федеральном, региональном и местном уровнях. Он не может не отличаться качественно от прежней системы планирования, поскольку рыночная экономика кардинально отличается от административно-командной экономики, и управление ее развитием, в том числе в региональном разрезе, основывается на иных принципах. Поэтому реализуемое в новых для нашей страны условиях планирование имеет очень мало общего с прежним народнохозяйственным планированием в СССР, и можно согласиться с утверждением, сформулированным в Советском энциклопедическом словаре 1985 г.: «Разработка и осуществление народнохозяйственного плана возможны только в условиях социалистической системы хозяйства».

Вместе с тем, государство не может не проводить региональную политику. Планирование, в том числе планирование развития территории, во многом обуславливавшее практическую ценность социально-экономической географии в советский период и отрицавшееся политическими идеологами российской науки как пережиток «административно-командной системы» почти до конца 1990-х гг., в начале XIX в. вновь признается как важный инструмент управления. Конечно, меняется его содержание – резко уменьшаются директивные функции и возрастают рекомендательные, отсутствуют многие прежние научные и проектные коллективы, утерянные в 1990-е гг., и медленно появляются новые, способные выполнить необходимые разработки на приемлемом научном уровне. Планирование приобретает новые функции, характерные для рыночной экономики: функции создания условий (законодательных, инфраструктурных) для развития, а не определяющие социально-экономическое развитие как таковое. Но пока оно является во многом способом познания органами власти окружающей действительности и способом получения навыков управленческой работы, и лишь отчасти – самостоятельным инструментом воздействия на развитие территории.

Юридически закреплены плановые документы, относящиеся к двум видам планирования: «стратегическому» и «территориальному».

Региональные стратегии разрабатываются в соответствии с приказом Минрегионразвития № 14 от 27 февраля 2007 г. «Об утверждении требований к стратегии социально-экономического развития субъекта РФ». Установлено, что в этих документах должны быть представлены: оценка существующего состояния и основных проблем социально-экономического развития региона; комплексная оценка ключевых внешних и внутренних факторов его развития; два-три сценария развития региона с выбором целевого сценария (с учетом

региональных условий и рисков); приоритетные направления региона в рамках избранного сценария.

Наиболее сложным аспектом разработки стратегии является обоснование ее финансового обеспечения. Предлагается определять лимиты бюджетного финансирования, распределяемые по приоритетным направлениям и отдельным мерам государственного управления. На этой основе задаются рамочные условия для разрабатываемых в регионе среднесрочных программ социально-экономического развития, трехлетних финансовых планов и бюджетного процесса. Они же являются основанием для возможного получения целевых средств из федерального бюджета. Однако, поскольку одним из механизмов реализации стратегии (и региональных программ) является механизм частно-государственного партнерства, то есть привлечение негосударственных средств, а оценка возможностей по их привлечению носит сугубо приблизительный характер, постольку это определяет, возможно, главные риски реализации стратегии и обуславливает зафиксированные в Требованиях возможности ее корректировки.

С точки зрения практической разработки Стратегий очень сложным вопросом представляется обеспечение реальной сбалансированности основных показателей, обеспечивающих ее реализацию (трудовые ресурсы, инвестиции, строительные мощности, энергетические ресурсы, производительность труда, динамика производства). Ошибочный прогноз одного из компонентов экономической системы сводит на нет все остальные построения. Это и является основной причиной обычного существенного отклонения реальных показателей социально-экономического развития региона от индикаторов, предусматриваемых стратегией его развития. Именно здесь необходимы особенно глубокие научные проработки.

Еще одна принципиальная проблема – нормативно (на федеральном уровне) не закрепленная разработка стратегий развития муниципальных образований. В некоторых случаях (как, например, в Калининградской области) необходимость такой разработки и требования к содержанию стратегий предъявляются на региональном уровне, причем применительно к муниципальным районам может выдвигаться требование согласования разработанной стратегии с муниципальными образованиями первого уровня – городскими и сельскими поселениями. В других случаях инициатива исходит от самих муниципальных образований.

При всей пользе, которую приносит сама разработка стратегических планов для повышения квалификации работников властных структур, все же представляется не лишним оснований высказывание одного из специалистов в этой сфере С. Юрковой, что в наших условиях стратегический план можно рассматривать лишь как краткий документ презентационного характера.

Территориальное планирование в Градостроительном кодексе РФ определяется как «планирование развития территорий, в том числе для установ-

ления функциональных зон, зон планируемого размещения объектов капитального строительства для государственных или муниципальных нужд, зон с особыми условиями использования территорий». Фактически словосочетание «в том числе» можно убрать, речь идет, особенно на региональном уровне, почти исключительно о функциональном зонировании территории (и регламентации зон с особыми условиями использования), но, за редкими исключениями, не о конкретном размещении тех или иных объектов.

Разрабатываются следующие документы территориального планирования: на федеральном уровне – отражающие размещение инфраструктурных, оборонных и иных объектов общегосударственного значения, особо охраняемых природных территорий федерального значения и др.; на региональном – схемы территориального планирования субъектов РФ; на муниципальном уровне – схемы территориального планирования муниципальных районов, генеральные планы городских округов и поселений. Но лишь некоторые проектные коллективы, использующие прежний опыт «территориального проектирования» применительно к рыночным условиям, выполняют разработки на необходимом уровне.

Ни «стратегическое», ни «территориальное» планирование не имеют отношения к прежнему народнохозяйственному планированию, и можно даже согласиться с авторами, которые используют новые термины для их обозначения. В первом случае иногда говорится о «стратегировании». Во втором правильно было бы говорить даже не о «планировке», а лишь о функциональном зонировании территории. Поэтому бессмысленны попытки соединить в единое целое эти два вида деятельности и два вида документов – стратегические планы развития территории и территориальные схемы (хотя их взаимная увязка необходима). Или стремление расширить, по примеру прежних, характерных для административно-командной системы документов, их содержание. Каждый из них вполне четко выполняет роли, отведенные им в обосновании региональной политики. Они лишь показывают *условия размещения* объектов, но не формулируют планы (в лучшем случае дают сценарные, то есть вариативные, прогнозы) их реального размещения. С приближением к будущим реалиям намечаются лишь принципиальные пути развития и размещения производственной и социальной инфраструктуры, финансируемой из государственных и муниципальных источников.

Представляется, что проблемы совершенствования нынешнего пространственного планирования (под которым мы понимаем как стратегическое, так и территориальное планирование) заключаются, прежде всего, в следующем. Для стратегических планов регионов – в их увязке с аналогичными планами развития муниципальных образований, с одной стороны, и документами федерального уровня, с другой. Для документов территориального планирования – в построении их завершенной многоуровневой системы для всей территории страны.

И для тех и других крайне актуальна, во-первых, разработка методологических основ, соответствующих условиям рыночной экономики и формирование коллективов, способных выполнять прикладные разработки на должном теоретическом и методическом уровне, а также специалистов-управленцев, которые могли бы не только воспринимать и реализовывать такие разработки, но и непосредственно участвовать в них. И, во-вторых, необходимо проведение глубоких предплановых научных исследований, в том числе с использованием отечественного опыта выделения и комплексного изучения иерархической системы регионов разного уровня. Целесообразно внедрение новых подходов к таким исследованиям, включая хорошо зарекомендовавшее себя ландшафтное планирование. Постепенно можно будет в более полной мере использовать и опыт стран с развитой рыночной экономикой, накопивших опыт различных видов пространственного планирования.

Черкашин А. К.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ: МЕСТО И РОЛЬ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Общеизвестна роль экономической географии в становлении и развитии теоретической географии. Необходимость единого научного взгляда на природные и социально-экономические процессы потребовала формирования специальной методологии географических исследований, отличающих их от содержания других наук. Мысль об единстве географии стала объектом спора, основанного на непонимании путей синтеза естественного и общественного знания. Эта и связанные с ней проблемы заставили искать решения в метатеоретических областях познания, отходя от специфики географических знаний и уходя в сферы формализованных математических построений, неэффективных в отрыве от понимания сущности земных явлений. Между конкретным географическим знанием и математическими абстракциями находит себе место теоретическая география, питающаяся из этих двух дополняющих друг друга источников. Эквивалентное владение географическими и математическими методами является необходимым условием эффективного развития теоретической географии в структуре теоретического знания в целом. Это означает, что только на определенном уровне развития географических и математических идей по-настоящему начинает формироваться теоретическая география.

Можно с определенной уверенностью утверждать, что основополагающие принципы физической и социально-экономической географии уже были сформулированы к началу 70-х годов XX в., и последующий период был временем их развития и практического применения. В это же время происходит становление математической теории категорий, призванной сыграть существенную роль в формировании теоретической географии. Это определило новое ка-

чество математического мышления, переход от статического теоретико-множественного представления формализмов к описанию их связей и движения на самых высоких уровнях абстракции. Это направление в математике интенсивно развивается, вовлекая в научный оборот ее специальные разделы и расширяясь в разные области изучения реальности. Можно утверждать, что уже существует достойная географии математика. Это позволяет сделать рывок в развитии теоретического знания, и поскольку географическая наука познает наиболее сложные природно-общественные явления, она в этом деле имеет конкурентные преимущества и демонстрирует свою инновационную сущность.

Известна инициативная роль прикладных географических исследований в становлении многих разделов математики: эвклидовой геометрии, проективной и сферической геометрии, дифференциальной геометрии, фрактальной геометрии и др. Теория гладких многообразий развивалась в связи с проблемой создания точных картографических проекций. Сейчас намечается обратный переход математических знаний из этих областей, но уже в теоретическую географию, где слои (карты) знаний становятся основным предметом и результатом исследования.

Теоретическая география изучает и упорядочивает географические данные и знания безотносительно к их географическому содержанию и научному содержанию вообще. Это метатеоретический уровень познания – уже не теория, но еще не математика. Теоретическая география в составе теоретической науки объясняет устройство знаний и их происхождение. Структура знаний с правилами вывода новых знаний в современной науке называется онтологией. Онтология в контексте теоретических исследований – это *координированная область, касательная к точке многообразия в пространстве связи знаний*. Наглядно онтологию можно представить, сравнив ее с картой земной поверхности в окрестности некоторой точки земной сферы (многообразия); координатная сеть на карте является проекцией сети параллелей и меридианов. Различаются два основных типа онтологических проекций – прямоугольная (цилиндрическая) и полярная (азимутальная). В этом смысле земная поверхность является источником многообразия знаний, изучаемых в различных проекциях. Примером прямоугольной организации знаний является периодическая система природных зон Григорьева–Будыко или модель энерго-производственных циклов Н. Н. Колосовского – совокупностей устойчиво существующих и взаимообусловленных производственных процессов, возникающих вокруг основного процесса для данного вида энергии и сырья.

В полярных эписистемах онтологий все знания организованы вокруг инварианта, соответствующего точке касания. Это различного рода иерархические классификации, факторные ординации, нуклеарные структуры и т. д. В экономической географии к таким структурам можно отнести модели И. Тюнена, В. Кристаллера, Б. Б. Родмана.

Слои (карты) знаний рассматриваются в качестве объектов математических категорий, связи (морфизмы) которых порождают гомологические системы подобия и вывода – информационные комплексы знаний, играющие важную роль в концептуализации, формализации и спецификации знаний. Вследствие этого непересекающиеся онтологические слои одного уровня структурно и функционально подобно организованы, что позволяет по одной онтологической схеме воспроизводить с высокой точностью другие, т. е. генерировать качественно новые знания.

Существует иерархия метаинформационных уровней знаний: данные, собственно знания, модели, теории и метатеории. Каждый новый уровень – это тип информации предыдущего ранга. Так, знания объединяют данные определенного типа, а теория – соответствует типу моделей, описывающих явления в терминах специального системного языка. Тип информации – это слой знаний (онтология), включающая инвариант и связанные с ним варианты. Например, теория – это слой вариантов моделей систем определенного рода; инвариант теории включает набор базовых понятий и аксиом, формирующих онтологию связи понятий вокруг представления об инварианте существовании систем данного рода. Категория таких теорий, связанных морфизмом интерпретации понятий, формирует единую науку – самостоятельную теорию о системах знаний, их свойствах и методах получения. Теория теорий – это еще не метатеория (не теоретическая наука). Метатеоретический уровень познания указывает на причины появления теорий как касательных слоев в узловых точках многообразия связи знаний.

Всякая теория является сквозной, т. е. описывает своими системными средствами все объекты действительности, т. е. представляет специальный предмет исследования этих объектов. *Прямое произведение* множества объектов на множество предметов соответствует актуальному знанию о мире. Прямое произведение сквозных теорий порождает систему координат, где каждый объект занимает определенное место в зависимости от степени проявления законов конкретной теории в этом объекте (объект как мультисистема, мульти-модель). *Свободное произведение* теорий расслаивает все множество объектов на предметные области, и каждый объект описывается моделями в терминах разных теорий (объект как полисистема, полимодель).

Географические объекты – это, прежде всего, полисистемы, т. е. явления, требующие для объяснения знаний разных теорий. В связи с этим все географическое знание может быть расслоено, т. е. распределено по теориям, где оно может быть систематизировано и выведено из аксиом теорий. Одни и те же данные об экономико-территориальных объекта могут быть проинтерпретированы в терминах разных теорий. Географическое знание как тип данных – типологическое знание, относящее пространственные объекты к тому или иному классу существования и позиции в системе классификации.

В этом контексте экономико-географическое знание неоднородно и для своего теоретического обоснования требует распределения по теориями и дальнейшей идентификации, типизации и классификации. Например, гравитационная модель, распространенная в экономической географии и описывающая потоки между городами и регионами, аналогична законам притяжения в физике, что неслучайно, поскольку все эти законы происходят из сквозной теории механизмов взаимодействия. Сюда же относятся многие дифференциально-игровые модели экономики или этологии.

Как известно, закон Дж. Цифа распределения городов США по численности населения хорошо работает при анализе ранговых распределений самой разной природы, например, при дифференциации населения по размерам доходов (В. Парето), биологических родов по численности видов (Дж. Уиллис) и др. Такие закономерности объясняются в терминах сквозной количественной теории сложных систем, состоящих из разнородных элементов разной значимости.

Общая теория сложных систем – комплексов отражает индексированные системы структурного и функционального подобия, например, территориальный комплекс – набор взаимообусловленных природных и общественно-хозяйственных объектов территории, взаимосвязь которых обеспечивает дополнительный социально-эколого-экономический эффект. Модели комплексов представляются в терминах математических теорий категорий, функторов и топосов, что обеспечивает новый подход к сравнительно-географическим исследованиям и моделированию конкретных территориальных систем.

Теоретическая география определяет общие правила координатной концептуализации экономико-географических знаний, а их упорядоченность в виде информационных комплексов делает эти знания вычислимыми. Обобщенной моделью представления знаний является сфера с системой сферических координат и связей элементов, поэтому географическое суждение о том, как устроена и живет Земля, становится в конечном итоге выражением мнения об устройстве мира знаний в целом.

Литература

1. Гомология и гомотопия географических систем. Под ред. А. К. Черкашин, Е. А. Истомина – Новосибирск: Гео, 2009.
2. Полисистемное тематическое картографирование / Географические исследования Сибири. Т. 4. Под ред. А. К. Черкашина. – Новосибирск: Гео, 2007.
3. *Черкашин А. К.* Полисистемный анализ и синтез. Приложение в географии. – Новосибирск: Наука, 1997.
4. *Черкашин А. К.* Полисистемное моделирование – Новосибирск: Наука, 2005.
5. *Черкашин А. К.* Полисистемные исследования развития теоретической географии // География и природные ресурсы. 2007. № 3. С. 27–37.

6. Черкашин А. К. Географическая системология: правила формирования системных онтологий // География и природные ресурсы. 2008. № 2. С. 14–20.

Ханин С. Е.

ПОИСК ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Осенью 2009 г. мне довелось опрашивать ведущих сотрудников кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ. Тема опроса: является ли социально-экономическая география наукой в общепринятом понимании, то есть областью знания, направленного на изучение устойчивых связей, закономерностей и законов территориальных структур в пространстве и во времени. Большинство ответов в определенной степени были шокирующими. Люди, которые всю жизнь посвятили себя географии, как правило, не считали эту область знания собственно наукой. Скорее они склонялись к тому, что они занимаются культуроведческими и общеобразовательными проблемами, но не собственно исследованием закономерностей пространственных структур. Вместе с тем известно, что именно на этой кафедре были разработаны теория ЭПЦ, территориально-производственных комплексов. Здесь широко представлена районная школа Баранского – Саушкина, ведутся глубокие исследования в области гуманитарной географии, развиваются методы математического моделирования. И вместе с тем, подобные настроения, вообще говоря, характерны для многих экономико-географов, что они заняты как-бы не совсем наукой и что наша наука – это как-бы квазинаука.

Работая некоторое время в Ганноверском университете, я столкнулся примерно с таким же отношением профессионалов географии и на западе к нашей науке. Более того, один из ведущих профессоров кафедры экономической географии в Ганновере однажды позавидовал советской школе этой науки. «Ведь Ваши рекомендации органам управления в СССР действительно имели какую-то силу, в то время как наши исследования никому не нужны», – посетовал он. В тот момент я не стал его разочаровывать, тем более что наши рекомендации, идущих, и, правда, от экономико-географов, но выступающих под маской экономистов, архитекторов, урбанистов – все же, действительно, имели определенную силу и находили свое воплощение в крупных региональных проектах. Впрочем, сегодня мы живем в совершенно иных условиях, чем в СССР.

Такого рода настроения, вероятно, связаны, по моему мнению, с одной стороны, с тем, что невероятная сложность изучаемого нами объекта социально-хозяйственных и природных пространственно-динамических структур, не дает нам внутренней, авторитетной уверенности, что мы на самом деле знаем законы их развития. Из за того, что мы либо их не знаем, либо знаем плохо, а может никогда и не узнаем – мы вынуждены на качественном уровне, индивидуально для каждого локального объекта описывать возможное направле-

ние в тренде его развития, зачастую опираясь больше на свой жизненный опыт и накопленные энциклопедические знания, чем на исследование закономерностей его развития в системе его отношений с другими пространственными структурами. То есть, в определенной мере, заниматься своеобразным литературным творчеством и выявлением индивидуальных свойств развития территориальных процессов. Очевидно, что при этом мы можем использовать информационные технологии, статистически организованные таблицы, разнообразные картографические материалы, сравнительно-типологические методы и даже элементы математического моделирования, однако сути дела все это не меняет! Свои выводы мы все равно делаем на некотором интуитивном уровне. При этом не следует думать, что это не научный подход, это просто особый способ изучения реальной действительности, где значительное место отводится экспертизе, искусству и опыту!

С другой стороны, сравнивая себя с «настоящими науками», у нас возникает чувство некоторой неполноценности, поскольку какая же это наука, если у нее нет стройной, хорошо аргументированной теории, характерной для фундаментальных наук, которая бы в определенной мере была бы универсальной и охватывала бы общие свойства развития пространственных структур. Вернее, не так. Теорий у нас достаточно много, может быть больше чем нужно, стоит только их перечислить: кольцевая теория Тюнена, теория центральных мест В. Кристаллера, рыночная теория А. Леша, развивающая теорию центральных мест В. Кристаллера, теория ЭПЦ и территориально-производственных комплексов Н. Н. Колосовского, теория ЭГП Н. Н. Баранского – И. М. Маергойза¹, поляризованного ландшафта Б. Б. Родомана и т. д.

При этом совокупность всех этих и других теорий как-бы не создавала внутреннего впечатления, что они обладают определенной полнотой, логично не противоречат друг другу и могут быть операционально использованы для практических нужд. Здесь не следует забывать, что хорошая теория позволяет действительно управлять процессами на глобальном и региональном уровне. Достаточно посмотреть на состояние экономической науки, которая тоже изучает чрезвычайно сложные хозяйственные процессы на макро и микро уровнях. Ее фундаментальные теоретические исследования широко используются на оперативном и стратегическом уровнях для выбора оптимальной стратегии экономики страны, отдельного предприятия и их кластеров, в самых различных других областях деятельности, в банковской и страховой сфере и т. д. Но экономика, как и география, имеет дело с большими и сложными системами. И поэтому все же, когда наступил в 2009 г. глобальный экономический кризис, ни один серьезный ученый-экономист, пусть даже лауреат нобелевской или другой престижной международной премии не смог ничего сказать, какие меры

---

¹ Пожалуй, в случае с ЭГП мы имеем не теорию в явном виде, а научную гипотезу.

действительно способны оказать решающую роль для выхода мировой экономики из глобального кризиса и когда следует ожидать его окончания! Нет, рекомендаций от ведущих экономистов мира поступает множество, но ни один из них не может быть уверен, что его комплекс предложений действительно обладает предполагаемым эффектом решения проблемы.

Когда действует человеческий фактор и работают большие, многоуровневые иерархические системы, чрезвычайно сложно предсказать пути их развития, даже зная основные фундаментальные особенности их развития. Так что, может и не стоит нам окончательно посыпать свою голову пеплом!

Вообще говоря, проблема это имеет глубокие исторические корни. Вспомним работы 1960-х годов. Тогда казалось, что достаточно глубоко математизировать аксиоматические построения нашей науки и вот она наша теоретическая фундаментальная география. В западной и советской экономической географии, при различном социальном устройстве общества, в работах В. Бунге, Д. Харвея, Ю. Г. Саушкина – Б. Л. Гуревича, Ю. В. Медведкова выдвигались, тем не менее, схожие идеи так называемой метагеографии. Не получилось. Может быть, и не хватило интеллектуальных усилий, в конце концов, в нашу науку редко приходят научные гении, а может не пришло еще время, а может это вообще фундаментально невозможно. Я лично склоняюсь к последнему высказыванию.

Разберемся в этом вопросе более подробно. Пожалуй, начнем с определения экономической и социальной географии. Известно, наверное, сотни вариантов ее определения, но все они не вполне меня удовлетворяют. Итак, **экономическая и социальная география – это наука об изучении законов и свойств эволюции социально-хозяйственных комплексов (систем) различного таксономического порядка в пространстве и во времени.**

Использование понятия эволюции, сразу же предполагает, что акцент в данном определении сделан на свойстве **самоорганизации** индивидуумов в пространстве и во времени, в **условиях адаптации** человека как к внешней природной среде, так и к социально-хозяйственной среде, которая формируется индивидуумом и их различными общностями – социумами.

Следующее важное замечание, сопутствующее понятию самоорганизации – это наличие сложной системы прямых и обратных связей между общностью индивидуумов и окружающей средой, частью которой выступает сама личность и их связей между общностями – социумами. Впрочем, уже само понятие адаптации подразумевает наличие паутины прямых и обратных связей между данными системами.

Важной особенностью нашей науки является то обстоятельство, что категория времени имеет не меньшее значение, чем категория пространства. Различные территориальные структуры и территориальные системы, которые формируются под воздействием потоков людей, энергии и информации зачас-

тую находятся как бы одномоментно в неодинаковом историческом времени и, следовательно, в неодинаковом поле пространственных взаимодействий!

Большое значение для формирования того или иного направления в развитии территориальной системы имеет случайный фактор, возникновение которого может быть связано со стихийными катастрофами, пассионарной деятельностью личности или пассионарной группой людей, случайным выбором маршрута продвижения войсковых соединений, или еще чем-то подобным. Но в одних случаях, эти случайные возмущения меняют коренным образом развитие данной территориальной системы, а в других – она остается в спокойном состоянии. Вариационность в ее развитии в значительной мере связана со степенью освоенности территории и связанной с нею инерционностью хозяйственных и социальных процессов, с устойчивостью этносов к культурным инновациям, со стабильностью местных природных комплексов. Но, однажды возникнув, случайный сдвиг в тренде эволюции территориальной системы может привести ее к совершенно иному, чем прежде, до данного импульса, состоянию всей структуры места.

Отсюда недалеко и до определения нашей науки, как одной из наук, **которая изучает синергетику человеческого общества в пространстве и во времени.**

В цепи прямых и обратных связей различают доминантные и регулятивные факторы, которые в отличие от главных факторов лишь как бы подрегулируют систему, но именно они зачастую отвечают за сингулярность в развитии территориальных систем, заставляя эти системы переходить от одного уровня развития скачкообразно к другому, посредством ломки ее качественной структуры. Механизм такого воздействия может иметь совсем не обязательно бифуркационный характер, в ряде случаев развитие территориально-хозяйственных и природных комплексов происходит в силу спокойных мутационных процессов, которые возникают как в случае целенаправленной, целеполагающей роли общественных институтов, так и вследствие накопления случайных отклонений в ее развитии (мутационный способ развития территориальной системы). В результате такого смешанного характера эволюции социально-хозяйственных территориальных систем формируются фазовые переходы этих систем от одного устойчивого состояния к другому.

Исследуя развитие социально-хозяйственных систем в пространстве и во времени, исследователь закономерно сталкивается с понятием ее территориального масштаба. Какие из многообразных связей являются решающими, доминантными – зависит не только от особенностей территориальной системы, но и от ее масштаба, ее иерархического уровня.

Дело в том, что системность территориальных образований, формирующаяся под воздействием прямых и обратных связей между институциональными структурами общества, инфраструктурными и функциональными объек-

тами на территории, собственно природной средой, определяется их силой взаимодействия, которая в свою очередь зависит от расстояния между объектами. В результате такого взаимодействия формируются географические районы различного таксономического масштаба. Поскольку паутинообразные связи образуют чрезвычайно сложный характер взаимодействия, то выделить интегральную границу районов чрезвычайно сложно. Отсюда представление о том, что районы имеют субъективный характер, поскольку, утрируя, можно сказать, что, сколько исследователей, столько типов районов. На самом деле, главным критерием целостности района определенного географического масштаба является выделение пороговых взаимодействий между его ядром и его периферией, а также различные самоорганизационные константы, характерные для данного типа местности. К последним относятся константы временной и стоимостной доступности различных точек региона, константа сдвига иерархии поселений, константа в распределении Зипфа и т. п.

Сложность взаимодействия доминантных и регулирующих факторов в территориальных образованиях приводит к тому, что некоторые экономико-географы отрицают возможность номотетического подхода, направленного на выявления общих закономерностей развития территориальных образований, отдавая предпочтение идеографической парадигме, ориентируясь на индивидуальные свойства территориальных структур. В последнем случае ученый выступает, как своеобразный краевед-эксперт, который может объяснить, почему при одних и тех предпосылках и масштабах инвестиций в одном случае формируется устойчивая эффективная территориально-функциональная структура, а в других – нет.

Как кажется, важно не преувеличивать достоинства или недостатки того или другого подхода, не относиться пренебрежительно к описательному методу изучения территории и одновременно не считать, что номотетический подход основан на механическом использовании математического языка в географии. Чрезвычайно важно интегрирование этих парадигм в единое целое, или, по крайней мере, пытаться взаимодополнять один подход другим. Здесь уместно сослаться на такого компетентного специалиста, как основоположника синергетики И. Пригожина. Он писал в «Философии нестабильности», что невозможно «понять человеческую историю, если понимание отождествляется с поиском закона, сводящего любую историю к безличной причинно-следственной цепи?». И, далее цитирую по философу М. А. Можейко [1–3]: Как отмечают И. Пригожин и И. Стенгерс, «реальный урок, который мы можем извлечь из принципа дополненности (урок важный и для других областей знания)», заключается в понимании того, что объективное «богатство и разнообразие реальности» не может быть исчерпывающе адекватно выражено средствами какого-то одного языка, любой отдельно взятой логической структуры, – и если для искусства давно стал аксиомой тезис о том, что «ни одно направле-

ние в исполнительском искусстве и музыкальной композиции не исчерпает всей музыки», то современная наука также приходит к осознанию истинности этого тезиса. В этой ситуации субъект научного познания – на этапе фиксации результата своей деятельности – оказывается фактически в роли рассказчика-нарратора.

Как пишет И. Пригожин, конституированное синергетической парадигмой новое отношение к миру предполагает сближение деятельности ученого и литератора. Литературное произведение, как правило, начинается с описания исходной ситуации с помощью конечного числа слов, причем в этой своей части повествование еще открыто для многочисленных различных линий развития сюжета. Эта особенность литературного произведения как раз и придает чтению занимательность – всегда интересно, какой из возможных вариантов развития исходной ситуации будет реализован. Такой универсум художественного творчества весьма отличен от классического образа мира, но он легко соотносим с современной физикой и космологией. Вырисовываются контуры новой рациональности, к которой ведет идея нестабильности.

Показательна в этом контексте высказанная внутри естествознания оценка познания гуманитарного. Поскольку социальные системы всегда считались системами «сложными», постольку, апплицируя основополагающие идеи нового мировидения на социо-гуманитарную сферу, Г. Николис и И. Пригожин выдвигают тезис о том, что «наиболее адекватным для социальных систем будут динамические модели, учитывающие эволюцию и изменчивость. Основной вопрос, который здесь можно поставить, таков: способна ли при таких условиях эволюция в целом привести к глобальному оптимуму, или же, напротив, каждая гуманитарная система представляет собой уникальную реализацию некоего стохастического процесса, для которого никоим образом невозможно установить правила заранее?».

Такой подход, по оценке Пригожина, весьма конструктивен, ибо «кладет конец претензиям на абсолютный контроль над какой-либо сферой реальности, кладет конец любым возможным мечтаниям об абсолютно контролируемом обществе».

Я позволил здесь столь обильное цитирование только для того, чтобы подкрепить свой тезис, об интегративности номотетического и идеографического подходов в социально – экономической географии. А, также для того, чтобы мы географы избавились от своеобразного комплекса неполноценности, что наша наука, это как – бы ни наука, поскольку она в значительной мере нарративная, описательная. На самом деле, **так и должно быть в силу сложности и непредсказуемости эволюции территориальных систем** и в этом, как пишет И. Пригожин, нет ничего не научного. Другое дело, что это не отменяет задачу развития теоретической базы нашей науки, создания теоретических, обобщенных моделей эволюции территориальных структур, поиска то-

чек бифуркации во времени и пространстве, определении наиболее эффективных и устойчивых вариантов их развития. И тут мы подходим к интересным вопросам, на которые до сих пор нет достойных ответов!

В первую очередь целесообразно задать себе вопрос, а что: постсоветская экономико-географическая школа по-прежнему должна опираться на идеи районной школы Н. Баранского – Н. Колосовского – Ю. Саушкина, или все же эти идеи безнадежно устарели. Ведь, наверное, многие задают себе вопрос: доколе мы будем учить студентов понятию ТПК, оптимального районного комплекса, как своеобразного производственного комбината, технологическим цепочкам ЭПЦ, все то, что было очевидно важным в первые советские пятилетки, в плане ГОЭЛРО, в идеях Г. М. Кржижановского – Н. Н. Колосовского и других ученых начала и середины XX в. Да, тогда эти идеи были на острие современной «общей географии» западной и советской. Лишь потом пути их развития разошлись. И, что, по-прежнему, будут в университетах Принстона и Кембриджа учить одному, а в наших университетах – другому. Но, ведь нет физики, биологии советской и западной – наука едина! Тем более, что с тех пор все изменилось: общественный строй, образ жизни людей, техногенная и природная среда, скорость и стоимость преодоления пространства и т. д. Кажется, ответ очевидный. Да, прежние идеи советской экономической и социальной географии имеют лишь историческую ценность и пусть ими занимаются историки нашей науки. Но, на мой взгляд, такой очевидный ответ на данный вопрос не совсем верный. Ведь идея района, как объективной реальности остается самоценной. По существу – эта идея развития территории, как своеобразного организма, с присущим именно ему гомеостазом, мутационными характеристиками, с пространственной решеткой, которая воплощает в себе новые и старые тенденции развития пространственных структур. Пусть, так называемый, ТПК, организуется теперь на другой, отнюдь не на плановой основе и не на идеи механического повторения устаревших ЭПЦ. Наконец, пусть ТПК будет называться кластером. Но от этого совсем не следует, что не надо изучать условия формирования производственных, социальных и природных взаимодействий на локальном пространстве. То есть, ядро тех представлений, которые закладывались при изучении ТПК, в общем, остаются. Уходит подход, основанный на том, что ученый может все предвидеть и заранее описать оптимальный характер производственной структуры локального производственного кластера. Нет, теперь его задача состоит в поисках наиболее вероятного вектора саморазвития данной территориальной структуры. И даже метод ЭПЦ, пусть на другой, рыночной основе взаимодействия между функциями и с помощью межотраслевых, матричных моделей может быть по-прежнему использован.

Вообще, какое большое значение имеет бренд, все знают по торговым маркам. Но и в сфере научных идей – бренд, для определенной теории, – также весьма существенен. Другое дело, что, не публикуя современные работы

в международных журналах, не участвуя серьезно в международных научных дискуссиях, мы по-прежнему будем на обочине нашей науки. Но, кто на западе хоть что-то слышал о понятии ЭГП. Нет такого понятия. Но появляются замечательные работы П. Кругмана и его соавторов [4], в которых развивается, в том числе, и идея рыночного потенциала. Именно потенциала, как условие для вероятного, совсем не обязательно, неперменного развития данного места в строго определенном направлении. В таком контексте этот показатель потенциала вполне совместим с понятием ЭГП по Н. Н. Баранскому. Роль потенциала в этих работах выполняет функция потенциального рыночного спроса. В тех областях региона, где он высок, – более вероятно развитие новых функций. Через определенный промежуток времени в этих точках роста увеличивается стоимость жизни и соответственно себестоимость продукции. Другие места с меньшей стоимостью жизни оказываются вполне конкурентоспособными со старыми точками роста. Так образуется своеобразная диффузионная волна нововведений, захватывающая все новые области региона. Нарушителем равновесия при этом могут быть самые различные факторы: изменение структуры инвестиций, количественные и качественные нововведения, случайные миграции населения и т. п.

Современная, так называемая «новая география» на самом деле оперирует лишь несколькими, из множества важнейших параметров локализации функций в пространстве. Однако новизна данного подхода опирается, прежде всего, на то, что данная модель рассматривает микрокосмос отдельных предприятий и условия их пространственной локализации при определенных возмущениях в территориальной системе. Идеино, в этой модели нет ничего нового для экономико-географов. Основные факторы поляризации пространства мы прекрасно знали и до работ П. Кругмана. Но заслуга данного направления состоит, в частности, в том, что структура модели опирается на фундаментальные экономические, рыночные модели принятия решения о развитии производства на локальном уровне. Самоорганизационные свойства освоения территории, имманентно присущи данной модели. Отныне, географические исследования могут опираться на серьезные микроэкономические модели. Исследования такого масштаба пока немыслимы у нас. Отсутствует культура математического и логического мышления, сравнительно слабо представлена микро и макроэкономика в учебных планах университетов.

Все последнее сказанное, отнюдь не означает, что мы должны отказаться от собственных традиций изучения экономической и социальной географии в наших университетах. Напротив, надо сохранить и усилить комплексную подготовку по физической и экономической географии, районная школа, несомненно, остается ядром нашей науки. Но, если мы хотим быть на острие новейших, фундаментальных, теоретических исследований в нашей науке – нужно серьезно корректировать учебные планы подготовки студентов и аспирантов.

Особенно, важно активно участвовать в работе международных организаций, конгрессах и симпозиумах, чаще публиковать свои работы в ведущих интернациональных журналах. Настойчивая и упорная работа в этих направлениях позволит нам вновь войти в круг мировой науке.

Не менее важной составляющей является активное продвижение бренда экономической географии в популярных и научно-просветительских изданиях. Пора также прекратить скрываться под именем других профессий, а гордо и точно именовать себя экономико-географами!

И, наконец, без эффективного участия экономико-географов в практической деятельности, трудно представить себе, что серьезные теоретические наработки, могут, кого-нибудь убедить в пользу нашей науки.

Генеральным направлением развития нашей науке представляется, таким образом, синтез традиционной районной школы социально-экономической географии, с ее известным преимуществом: действительно знания особенностей и уникальности территории, культуры и традиций местного этноса, природных характеристик региона, с современной теорией синергетики больших систем, применительно к пространственно-динамическим структурам.

Литература

1. *Можсейко М. А.* Становление концепции нелинейных динамик в современной культуре: Сравнительный анализ синергетической и постмодернистской парадигм. – Минск, 1999.
2. *Пригожин И.* Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6.
3. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М., 1986.
4. *Fujita M., Krugman P., Venables A. J.* The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade, 1999.

Чистобаев А. И.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В СИСТЕМЕ НАУК: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

На протяжении двух с лишним столетий экономическая география (этот термин введен М. В. Ломоносовым) оставалась единственной дисциплиной в общественном (гуманитарном) «крыле» географической науки. Сказанное не означает, однако, что она находилась в стороне от интересов специалистов в области физической географии и других естественных наук. Наоборот, ей уделяли пристальное внимание многие естествоиспытатели, например, такие корифеи естественной науки, как П. П. Семенов-Тянь-Шанский, А. И. Воейков, Л. И. Мечников, Д. И. Менделеев и др.

В этом отношении особенно показателен пример П. П. Семенова-Тян-Шанского, который значительную часть своей жизни посвятил изучению горных ландшафтов Средней Азии и Центральной Азии, а затем обратился к организации статистической службы в Российской Империи, возглавил соответствующий департамент в Российском Правительстве. Во многом следовал ему и его сын – В. П. Семенов-Тян-Шанский, который также исследовал как природные, так и социально-экономические аспекты развития общества, но, в отличие от отца, коллеги по науке однозначно относят его к кругу экономико-географов.

Аналогичным образом поступали и другие специалисты в области географии в конце XIX – начале XX веков. Например, В. Э. Ден, про которого с «тяжелой руки» Н.Н. Баранского на протяжении 70-ти лет писали, как об основателе «буржуазной отраслево-статистической школы», базировал свои исследования на обширных массивах статистической информации, но не игнорировал, при этом, особенности природной среды конкретной территории, а также технологию производства [16]. Точно так же действовали и представители плановой науки (участники разработки первых советских планов): И. Г. Александров, Г. М. Кржижановский, Н. Н. Колосовский, В. М. Четыркин и др. Но по отношению к этой группе ученых со стороны формального лидера и приближенных к нему коллег по экономической географии не навешивались подобные ярлыки.

В названном ряду ученых несколько обособленно стоит фамилия В. М. Четыркина. Он, возможно, в большей мере, чем его коллеги, обращался к районной проблематике, что подтверждается обоснованием такой категории его учения как «узловая районная комплексная проблема» [2]. Элементы этого учения впоследствии составили основу методологии проблемно-программного подхода в географии, послужили фундаментом программно-целевого планирования и управления [15, 18]. И то, и другое ныне активно используется при стратегическом и территориальном планировании, при разработке комплексных региональных программ [11]. Тем не менее, в географических кругах эта фамилия упоминается нечасто, ее называют, в основном, питомцы Ленинградского – Санкт-Петербургского университета. Для того, чтобы понять причину замалчивания имени этого ученого, надо обратиться к событиям конца 20-х – начала 30-х годов минувшего века.

Напомню: первая кафедра экономической географии была создана в 1902 г. В. Э. Деном в составе экономического факультета Политехнического института в Петербурге. Заведующий кафедрой был одновременно и деканом факультета. Подробно об этом изложено в моих публикациях [16, 17], там же дан обзор основных трудов ученого, названы фамилии его учеников и последователей. Особо отмечу, что все они были широко известны как в географической, так и в экономической науках. Сам В. Э. Ден, помимо преподавания, вел большую

работу на государственном уровне, в частности, обосновал идеологию «Новой экономической политики» (НЭП). По-видимому, именно это обстоятельство и явилось главной причиной нападок Н. Н. Баранского на В. Э. Дена после разгрома НЭПа.

В 1928-м г. В. М. Четыркин оставил работу в Госплане СССР, стал читать лекции в Педагогическом институте (2-й МГУ), но после прихода туда Н. Н. Баранского, который предложил ему заняться методикой преподавания географии, перешел в Научно-исследовательский институт Большого советского атласа мира. Через несколько лет он переехал в Ташкент, а в период с 1948 по 1958 гг. (вплоть до своей кончины) работал в Ленинграде.

Судьба В. Э. Дена более драматична. После творческого взлета в первой половине 1920-х годов (в этот период им были изданы книги «Новая Европа» и «Положение России в мировом хозяйстве», учебник «Экономическая география», несколько статей) в начале 30-х годов он был снят со всех должностей, вскоре перестала существовать его школа. Ближайший сподвижник лидера школы Г. А. Мебус в 1931 г. покончил с собой, подавляющая часть учеников была отстранена от работы, а некоторые из них, например, М. Б. Вольф, оказались в местах «не столь отдаленных». Сам В. Э. Ден, тяжело переживая ход развития событий, в 1933 г. скоропостижно скончался. Экономический факультет Политехнического института в Ленинграде был распущен. Экономическая география вместе со всей географической наукой была включена в состав отделения «Науки о Земле» АН СССР, с этого момента ее связи с экономической наукой стали ослабевать.

По инерции, кафедры экономической географии еще продолжали существовать в экономических ВУЗах. Некоторые из них были многочисленны по составу (например, в Московском институте народного хозяйства, в Ленинградском финансово-экономическом институте, в Ленинградском институте советской торговли, в Куйбышевском плановом институте и др.), их профессора и преподаватели внесли большой вклад в развитие теории и методологии экономической географии (А. А. Долинин, В. Г. Давидович, Ю. Д. Дмитриевский, В. С. Клупт, А. Н. Лаврищев, С. И. Ледовских и др.). Находясь «ближе» к органам планирования, проектирования и управления, географы-экономисты «отраслевых» ВУЗов оказались более востребованы, чем ученые географических факультетов университетов. То же самое можно сказать о коллегах по науке, работающих в военных ВУЗах (А. П. Алхименко, С. С. Сальников, С. Б. Слевич, П. Г. Сулягин и др.); они также поднимали престиж общественной географии.

Экономико-географическую науку представлял и большой отряд ученых из академических (институты географии в Москве, Киеве, Иркутске, Алма-Ате, Тбилиси) и отраслевых (Институт комплексных транспортных проблем (ИКТП), Совет по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР и др.) институтов, а также периферийных филиалов АН СССР (в горо-

дах Апатиты, Иркутск, Сыктывкар и др.). В этих структурах трудились такие известные ученые, как А. А. Минц, И. И. Белоусов, И. В. Комар, В. А. Кротов, И. Ф. Мукомель, Д. И. Богорад, Г. Г. Гвелисиани, В. А. Витязева и др. Каждый из них был не только исследователем, но и крупным организатором научно-исследовательских работ, за ними стояли мощные коллективы экономико-географов. Например, в ИКТП под руководством доктора географических наук И. И. Белоусова работали такие известные в нашей науке ученые, как В. С. Варламов, Н. Н. Казанский, О. А. Кибальчич, Г. П. Кобылковский, П. Е. Семенов и др. Не менее внушителен список географов, которые трудились в СОПСе при Госплане СССР, ЦЭНИИ при Госплане РСФСР, в научно-проектных организациях Госстроя СССР (НИИПродостроительства в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Ташкенте; ЛенГИПРОГОР, МосГИПРОГОР и др.). Экономико-географы непременно были представлены в институтах по проектированию путей сообщения, морских и речных портов, промышленных предприятий. Без их участия просто немыслима была разработка схем развития и размещения производительных сил, районных планировок, систем расселения, территориальных комплексных схем охраны природы.

Участие университетских экономико-географов в прикладных разработках было весьма скромным. Особенно это проявилось после ликвидации в Московском университете НИИ географии, в котором так плодотворно работал Н. Н. Колосовский. Подобный институт в Ленинградском университете (он просуществовал до 2007 г.) специализировался преимущественно на физико-географических и картографических работах. Правда, были два периода всплеска экономико-географической проблематики: 1965–1970 гг., когда во главе Лаборатории географии населения и трудовых ресурсов находился Н. Т. Агафонов, и 1986–2007 гг., когда мне довелось быть директором этого института.

Кафедры экономической географии в большей части университетов России пополняются, главным образом, за счет собственных выпускников. Не имея опыта практической работы, они, как правило, занимаются «теоретизированием» географической науки, но не вносят заметного вклада в прикладные разработки, не известны во властных структурах. Пополнение кафедр за счет лиц с практическим стажем (например, Н. Т. Агафонов в Ленинграде, Е. Н. Перцик в Москве) является редким исключением. В результате такого подбора кадров происходит застой в коллективах кафедр, сужается проблематика научных исследований, отсутствует рост творческого потенциала.

Экономико-географы Московского университета, начиная с конца 1920-х годов всячески возвеличивали образ Н. Н. Баранского, вынужденно работали в русле его интересов. Им вторили многие коллеги из провинциальных ВУЗов. О сказанном красноречиво свидетельствует цитата из статьи Ю. Г. Саушкина: «Новые позиции надо было отстаивать перед сторонниками старого буржуазного статистико-отраслевого (или «традиционного») направления, ко-

торое представляли В. Э. Ден и его многочисленные ученики и последователи. Н. Н. Баранский становится страстным борцом за марксистское, диалектико-матриалистическое направление в экономической географии» [19, с. 223]. Далее автор статьи многократно прибегает к таким выражениям: «первый бой Баранский дал...», «Баранский нанес удар...», «Баранский обрушивает огонь критики...» и т. д. и т. п. Что тут скажешь?! При таких «боях», «ударах», «огнях», организуемых соратником Ленина и Сталина, трудно было устоять интеллигентному ученому В. Э. Дену, и он «сломался», а вместе с ним «ушли» из науки многие из его учеников и последователей.

Надо отдать должное организаторской хватке Н. Н. Баранского, его умению сплотить (разными способами) вокруг себя коллег по работе. Не откажешь ему и в умении доходчиво излагать свою мысль, остро вести полемику с оппонентами, подавлять их своим партийным авторитетом, своей приближенностью к сильным мира сего. Полагаю, по этим причинам его фамилия на протяжении семи десятилетий не сходила со страниц географической литературы, да и в наши дни многие диссертанты включают фамилию Баранского в список использованной литературы, хотя далеко не всегда находят в его трудах конкретное место для ссылки.

Об огульной критике школы Дена мне уже приходилось писать [16, 17]. Знаю реакцию на эти суждения со стороны коллег по науке. Оценки неоднозначны: одни негодуют, другие подбадривают. Понимаю и тех, и других, но особенно ценю поддержку со стороны некоторых московских коллег, которые, как и я, глубоко сожалеют о том, что так нелепо, грубо была разгромлена школа Дена. Отдаю должное Д. В. Николаенко, который первым критически оценил деяния Баранского [5]. С позиций нынешних реалий нашей жизни вообще и состояния экономической географии, в частности) обвинения в адрес Дена были обусловлены, как я полагаю, тем, что он в своих исследованиях опирался на глубокие экономические знания, пытался применить их в конкретных условиях России.

К сожалению, в отличие от Дена, экономической составляющей не хватало многим учениям экономико-географов, включая Баранского, Колосовского, Четыркина. Думаю, объяснение надо искать не в отсутствии у них соответствующих знаний, а в специфике того времени. Вспоминаю, как в беседе со мной по этому поводу С. Я. Ныммик, лично знавшая Колосовского и Четыркина, однозначно сказала: «Боялись!». Их осторожность легко понять: судьба не только Дена, но и Мебуса, и Рыбникова, и многих других опальных ученых была им известна.

Экономическую составляющую в учение Н. Н. Колосовского, как известно [9], добавил профессор Гарвардского университета (США) М. Портер. Введя категорию «конкурентность» в учение о сочетании производств, этот ученый ныне стал широко известным в нашей стране, а имя Колосовского ухо-

дит в анналы истории. Примерно то же самое можно сказать и в отношении учения Четыркина: программно-целевое планирование и управление нашло широкое применение как в нашей стране, так и за рубежом (например, в США на основе программно-целевого управления эксплуатируются природные ресурсы долины реки Теннесси), а ученый, заложивший основы такого управления, известен немногим.

Игнорированию экономических категорий, во многом, способствовала дискуссия о «единой» географии, резко оживившаяся в 1960-е годы в связи с выходом в свет книги В. А. Анучина [2]. Отголоски той дискуссии имеют вяло текущий характер и в наши дни [1]. Кратко напомним, что московские географы (Н. Н. Баранский, Ю. Г. Саушкин и др.) поддерживали идею о «единой географии», а ленинградские географы (С. В. Калесник, Б. Н. Семевский и др.) считали невозможным установление единых законов развития природы и общества и, в связи с этим, относили физическую географию к естественным наукам, а экономическую географию – к общественным наукам.

Надо сказать, что эта дискуссия не была изначальной: корни ее уходят в период 1920-х – 1930-х годов. И в это время одни географы считали экономическую географию общественной наукой, другие – естественной, а третьи отводили ей особое, междисциплинарное место. Например, А. А. Рыбников писал: «Экономической географией мы называем такую отрасль общественно-экономических наук, которая изучает размещение хозяйственных явлений в пространстве, связанном общественным разделением труда» [8, с. 38–39]. Другую точку зрения (на мой взгляд, вполне аргументированную) имел А. А. Григорьев: «ошибочными являются как полный отрыв друг от друга естественно-научных и социально-географических дисциплин, так и объединение их в одну науку» [3, с. 194].

Экономическая география всегда опиралась, опирается сейчас и, безусловно, будет опираться на физическую географию как на фундамент, да и физическая география не может, не должна игнорировать экономическую географию; связь между ними всегда была, есть и будет. Но, вместе с тем, экономическая география непременно должна быть связана с экономической наукой, в первую очередь, с региональной экономикой. Точно также социальная география немыслима без регионального аспекта социологии, а политическая география и, особенно, геополитика – без политологии. Это очевидные истины, здесь нет предмета для споров.

В свете сказанного дискуссия о «единой географии» была, на мой взгляд, надуманной. Она не принесла пользы ни экономической географии, ни физической географии; в ней не было победителей – проиграли и те, и другие. К сожалению, как это часто бывает, победил тот, кто «в драке» не участвовал, а наблюдал за нею со стороны. В данном случае таковым оказался академик Н. Н. Некрасов (в то время – председатель СОПС). Первоначально в брошюре [6], а затем в монографии [7] он, учитывая стремление географов объединиться

в одну, естественную, науку, включил в сферу деятельности экономической географии лишь изучение природных условий и ресурсов местности, а всю остальную проблематику, которой традиционно занимались специалисты в области экономической географии, отнес к сфере региональной экономики. В эту новую (по названию) отрасль науки устремились работающие в СОПСе кандидаты географических наук (Э. Б. Алаев, Г. И. Граник, Е. Д. Силаев и др.), защитившие свои вторые диссертации по экономической науке. За ними последовали и некоторые другие экономико-географы.

Как свидетельствует московский экономико-географ М. П. Крылов, В. А. Анучин, бывший одно время первым заместителем председателя СОПСа при Госплане СССР, провозгласил, что «размещение производительных сил – это вовсе не задача экономической географии. Это – задача региональной экономики и других экономических (также технических, сельскохозяйственных и других наук), но никак не географических наук...» [4, с. 320]. Абсурдность такой позиции, как и ее негативные последствия для географической науки, очевидны.

Выше я назвал несколько кафедр экономической географии в специализированных экономических ВУЗах, на которых плодотворно трудились экономико-географы. Ныне ни одной из них (с прежним названием) нет. Сначала они были переименованы в кафедры размещения и территориальной организации хозяйства (в некоторых ВУЗах – в кафедры территориальной организации населения, что не только не корректно, но и абсолютно безграмотно), затем – в кафедры региональной экономики и природопользования. Преподаватели таких кафедр, само собой разумеется, стали представлять свои диссертации по экономическим специальностям.

По моим подсчетам, в Санкт-Петербурге на конец 2009 г. насчитывалось не менее 20-ти кандидатов и докторов экономических наук, имеющих базовое географическое образование, а в Москве, вероятно, и того больше. Можно уверенно заявить, что региональную экономику создали и ныне представляют преимущественно выпускники географических факультетов. Что касается нынешних кафедр экономической географии, то на них специалистов, владеющих основами экономических учений, почти не осталось. Даже во главе таких кафедр стоят специалисты в области географии населения, рекреационной географии, географии туризма, политической географии и т. п. А те немногочисленные специалисты по собственно экономической географии, хотя и пребывают на кафедрах с таким названием, далеко не всегда причисляют себя к когорте географов, а чаще находят свой интерес в кругу экономистов-регионалистов. На этом фоне встречающиеся в географической литературе радостные возгласы о «победе» сторонников единой географии [10, 12] не радуют, а, скорее, огорчают, ибо эта «победа» внесла сумятицу в ряды географов, ограничила их участие в принятии экономических решений.

О чем, собственно говоря, спорили? Ведь не только география, но и вся наука едина. В процессе своего развития она дифференцируется на дочерние науки, а те, в свою очередь, – на научные дисциплины. Взаимосвязи наук и научных дисциплин происходят не только по вертикали, но и по горизонтали. По первому направлению экономическая география является частью географической науки, по второму – частью экономической науки. В составе последней она взаимодействует с региональной экономикой, причем настолько тесно, что конкретизировать их объект и предмет изучения не всегда удается. И экономическая география, и региональная экономика «накладываются» друг на друга, даже «срастаются» отдельными частями, как сиамские близнецы. И невозможно установить, что важнее для экономической географии: связь с естественным «крылом» географической науки или с региональным аспектом экономической науки. Одинаково важно и то, и другое.

Настораживает то обстоятельство, что с появлением региональной экономики резко сократилась доля диссертаций по собственно экономической географии в составе специальности 25.00.24 – экономическая, социальная и политическая география. Туризм, рекреация, этническая и конфессиональная география, культурные ландшафты и культурное наследие – вот что преобладает ныне среди диссертаций по названной специальности. Добавление к ней еще одного прилагательного («рекреационная») только усугубит положение дел в области экономической географии, поскольку еще в большей мере растрворит ее среди других составляющих общественной географии.

Все чаще на защиту по названной специальности принимаются работы, авторы которых не имеют базового экономико-географического образования; тем более им неведомы научные категории экономической науки. Даже в Московском университете, на который привыкли равняться периферийные ученые, защищаются диссертации, не относящиеся к экономической географии. В подтверждение приведу название одной из таких работ: «Анализ формирования образов регионов России в федеральных информационных программах телевидения с помощью ГИС». Не отрицаю значимости исследований по разным, а не реальным пространствам, но такая проблематика должна быть отнесена к другой специальности.

Экономическая география всегда (от Ломоносова до последнего десятилетия минувшего века) была стержнем общественно-географической науки. Такой она должна быть и в современных реалиях. Пора утопической рыночной экономики, при которой, как полагали «младореформаторы», рынок сам расставит все по своим местам, прошла, потребность в экономико-географических исследованиях ныне огромна. Об этом, в частности, свидетельствует наш собственный опыт работы по формированию концепций и стратегий социально-экономического развития регионов России, по составлению схем территориального планирования субъектов РФ и муниципальных образований [11].

Однако, должен заметить, что участие моих коллег по экономической географии в этих работах невелико. В них находят себе место философы и историки, экономисты и социологи, архитекторы и юристы. Они в меньшей мере, чем мы, причастны к исследованию развития территорий, но зато лучше владеют навыками практической работы, знаниями нормативно-законодательной базы. Сама жизнь требует пересмотра программ обучения в университетах, в которых отдаются предпочтения энциклопедическим знаниям, а не умению что-то делать в приложении к запросам практики.

Все ускоряющаяся дифференциация географических знаний (на фоне призывов к интеграции их) обусловила «расползание» теоретико-методологических основ географии общества. Так, организационный отрыв политической географии от экономической географии на Факультете географии и геоэкологии СПбГУ привел к обоюдному ослаблению этих дисциплин. Подтвердилась правильность вывода о том, что политика является концентрированным выражением экономики, как и наоборот: экономика есть концентрированное выражение политики. Кафедры разные, а проблематика схожая. По сути дела, произошло распыление сил.

За последние годы существования НИИ географии СПбГУ, помимо упомянутых выше исследований по региональной политике и пространственному планированию (с использованием ГИС-технологий), были заложены основы теории и методологии моделирования и диагностики геосистем, решения проблем землепользования, кадастра и мониторинга земель [17]. В настоящее время по этим направлениям на Факультете географии и геоэкологии СПбГУ созданы магистерские программы, ведется подготовка бакалавров, выпущено в свет учебное пособие [13]. Результаты вселяют надежду на успех.

Надо отдавать себе отчет в том, что при подготовке специалистов по стратегическому управлению, территориальному планированию, градостроительному проектированию, городскому и земельному кадастрам, мониторингу земель, комплексному социально-экономическому и экологическому мониторингу регионов роль экономической географии первостепенна. Без нее не может быть успеха и в других географических дисциплинах. Но для того, чтобы эта роль была действенной, необходим не хаотичный набор лекционных курсов, а целенаправленный на конкретный результат, на преломление фундаментальных исследований в области практического использования. Решить эту задачу очень непросто, поскольку, еще раз скажу, классических географов-экономистов на географических факультетах университетов осталось крайне мало. Но без решения этой задачи не только экономической географии, но и всему блоку дисциплин по географии общества не выжить.

Надеяться на то, что экономическая география может быть представлена в двух отделениях РАН – Общественных наук и Наук о Земле, увы, не приходится: время ушло, лидеры не пассионарны. Но такой шаг, безусловно, пошел бы

на пользу. Нам, географам, надо осознать, что экономическая география – стержень общественной (или гуманитарной) географии, без нее немислимо развитие других «ветвей» географической науки в целом. В то же время экономическая география тесно связана с экономической наукой, она послужила фундаментом становления и развития региональной экономики. Из этого постулата и нужно исходить при планировании и осуществлении научных исследований, а также образовательного процесса.

Литература

1. *Александрова Т. Д.* Влияние дискуссий 1930–1960-х годов на соотношение природоведческих и общественных ветвей географии // История наук о Земле. Сб. ст. Вып. 3. – М.: ИИЕТ РАН, 2009.
2. *Анучин В. А.* Теоретические проблемы географии. – М.: Географгиз, 1960.
3. *Григорьев А. А.* О некоторых вопросах физической географии // Вопросы философии. 1951. №1.
4. *Крылов М. П.* Методология Геттнера и современность. Точка зрения исследователя в контексте российских реалий // История наук о Земле. Сб. ст. Вып. 3. – М.: ИИЕТ РАН, 2009.
5. *Николаенко Д. В.* Сочинения в 18-ти томах. – СПб.: Амадеус, 2002. – www.nikolaenko.ru
6. *Некрасов Н. Н.* Проблемы региональной экономики. – М.: Мысль, 1974.
7. *Некрасов Н. Н.* Региональная экономика. Теория, проблемы, методы. – М.: Экономика, 1975.
8. Основные вопросы экономической географии. – М.: Изд-во Ком. ун-та им. Я. М. Свердлова, 1930.
9. Пространственная организация хозяйства: ТПК или кластеры? Матер. XXIII ежегодной сессии экономико-географической секции Международной Академии регионального развития и сотрудничества. Под ред. Ю. Г. Липеца. – М., 2006.
10. *Родоман Б. Б.* Моя жизнь в единой географии // *Родоман Б. Б.* Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. – Смоленск: Ойкумена, 1999.
11. Территориальное планирование: новые функции, опыт, проблемы, решения: Сб. ст. Под ред. А. И. Чистобаева. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009.
12. *Топчиев А. Г.* О Сергее Борисовиче Лаврове, о времени и о себе // Современные проблемы теории и практики общественной географии. Под ред. А. А. Анохина, С. С. Лачининского. – СПб., 2009.
13. Управление земельными ресурсами: Учеб. пособие / В. Л. Богданов, В. В. Гарманов, В. В. Засядь-Волк, Г. К. Осипов. Под ред. В. Л. Богданова, В. К. Константинова. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008.
14. *Четыркин В. М.* Проблемные вопросы экономического районирования. – Ташкент: ФАН, 1967.

15. *Чистобаев А. И., Баженов Ю. Н.* Территориальные комплексные программы. – Л.: Наука, 1984.
16. *Чистобаев А. И.* Владимир Эдуардович Ден – лидер научной школы // Известия РГО. Т. 134. 2002. Вып. 2.
17. *Чистобаев А. И.* О жизни и географии с любовью... В 3 т. – Смоленск: Универсум, 2005.
18. *Чистобаев А. И.* Владимир Михайлович Четыркин – теоретик проблемного районирования // Известия РГО. Т. 140. 2008. Вып. 5.
19. Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие. Кн. для учителей. Сост. Т. Е. Губанова. 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1987.

Шарыгин М. Д.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФУНДАМЕНТАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Статус науки и конструктивность ответов социально-экономической географии на вызовы времени требуют усиления ее фундаментализации, создания теоретико-методологического базиса, на основе которого будет построено все «здание» научной дисциплины. Строительство этого «здания» осуществляется не на пустом месте, а на базе накопленных знаний и способов их приращения. Не теряют своей актуальности трансформируемые учения об экономико-географическом районировании, районах, городах, территориально-производственных комплексах, системах расселения населения и др.

Высоко оценивая научные достижения экономической и социальной географии, следует констатировать, что в современных условиях наметилось резкое снижение интереса к решению теоретических проблем, выработке новых концепций, модернизации сложившихся теорий. В то же время расширилась практика фрагментарного вторжения в сферы исследования смежных дисциплин. При отсутствии стержневой, интегрирующей идеи и господствующих парадигм, наличии расплывчатой методологической основы создалась опасность «расползания» социально-экономической географии, «потери» базисного предмета познания, «затухания» тенденций ее фундаментализации.

Выход из сложившейся ситуации видится в консолидации научных исследований отечественных географических школ, активизации теоретических изысканий в русле приоритетных направлений фундаментализации социально-экономической географии. В качестве базисных предлагаются следующие основные направления: доминантное, пограничное, методологическое.

Доминантное направление берет истоки из «сквозной» теории географического пространства-времени, представляемого как сочетание географических объектов и совокупность связей и отношений между ними, проявляющихся объективно и воспринимаемых субъективно. Географическое простран-

ство-время отличается многослойностью, полиструктурностью, континуальностью, дискретностью, протяженностью, неоднородностью и т. д. Свойство многослойности позволяет выделить в нем два ведущих подпространства: природно- (естественно-) географическое и общественно-географическое.

Теория географического пространства-времени является одним из интеграторов общей географии и получает углубленное развитие при исследовании природно- и общественно-географических подпространств в системе физической и социально-экономической географии.

Для общественно-географического подпространства (пространства)-времени характерны континуальность простираения и развития, и одновременно дискретность организации и восприятия. Дискретизация континуального пространства проявляется в форме географических полей с размытыми границами. *Поле* – это локально концентрированное проявление общественно-географического пространства-времени, образуемое в процессе наложения и переплетения более частных подпространств. В местах концентрации социально-экономических объектов в конкретный период времени накапливаются человеческие, вещественные, энергетические, культурные, духовные и иные потенциалы, реализация которых образует множество силовых линий. В процессе их накопления формируются своеобразные поля с повышенной плотностью социозкомассы и более мощным гравитационным напряжением. В них наиболее явно проявляются такие пространственные свойства, как неоднородность и сбалансированность компонентов; концентрация и рассеивание вещества, энергии, информации; искривление расстояний; давление места; временной асимметрии и др.

Формализованное представление об общественно-географическом пространстве-времени приобретает конкретно-содержательный характер при «проецировании» его на территориальный (и акваториальный) субстрат. В результате «проецирования» реально проявляются территориальные системы, структуры, узлы и сети. При этом континуальность пространства обеспечивает процессы глобализации, а дискретность – регионализации. «Проецирование» географических полей проявляется в форме городов, городских агломераций, мегалополисов, социально-экономических узлов и центров, территориально-производственных комплексов и др.

Формирование теории общественно-географического пространства-времени и учения о географических полях на формализованном уровне становится базисом для разработки теорий пространственной (в дальнейшем пространственно-временной) организации общества и социально-экономического районирования, учения о территориальных общественных системах (ТОС).

Теория территориальной организации общества становится «ядром» фундаментализации социально-экономической географии, в котором синтезируются старые и новые идеи, проявляются конструктивные черты синергизма и

интеграционные свойства консолидации. Она активно воспринимает теоретические положения территориальной организации производительных сил, населения, транспорта, сервиса, окружающей природной среды. В то же время она нацелена в будущее и учитывает тенденции совершенствования процессов жизнедеятельности людей в меняющемся мире.

Теоретические основы территориальной организации общества становятся базисными и целеориентирующими все географические исследования, доминантной в системе общественно-географических знаний. Территориальная организация общества реализуется в трех взаимосвязанных аспектах: процессуальном, дискретном и регулирующем. Первый аспект реализуется в процессах комплексо- (и системо-) образования, второй – регионализации, третий – управления.

Процессы комплексо- и системообразования проявляются в территориальной концентрации и адаптации всех сфер человеческой деятельности, появлении и расширении социально-экономических связей и отношений, преобразовании природной среды, консолидации территориальных общностей людей. Формируются территориальные ячейки – ТОС, в которых взаимосвязано и взаимообусловлено сочетаются все сферы жизни людей, включенные в процессы общественного функционирования, развития и воспроизводства.

Территориальная организация общества обладает свойствами дифференциации и дискретизации, которые проявляются в форме административно-территориального устройства и системы регионов разного таксономического ранга. Современный регион – это ТОС, конкретно реализованная в общественно-географическом пространстве-времени. Каждый регион представляет собой единство всех компонентов общества, взаимообусловлено функционирующих с окружающей природной средой. Важным компонентом регионов выступает территория (акватория), выполняющая функции субстанции, консолидации, ресурса, среды жизни и т. д.

Категория «регион» существенно обогащается в процессе развития учения о ТОС. ТОС относится к классу сложноорганизованных пространственно-временных систем, синтезирующих природно-ресурсную, экономическую, социальную, культурную, духовную, рекреационную, инфраструктурную, политическую и другие подсистемы. Ядром ТОС являются человек и территориальные общности людей. Ведущая цель их функционирования – повышение уровня и качества жизни населения, проживающего в благоприятной экологической среде, на основе поступательного экономического развития. Каждую ТОС можно представить как концептуально-универсальную модель, которая реализуется в конкретных социально-экономических регионах (странах, городах, селах).

Регионализация общества происходит в процессе социально-экономического районирования, осуществляемого на основе анализа, синтеза и диагностики всех видов общественных связей. При этом учитываются территориальный по-

тенциал, циклический ход исторического и перспективного развития, место в системе географического разделения труда, «гравитационное тяготение» к ядрам, интересы населения и др. Районирование проводится на разных территориальных уровнях, что позволяет внести конструктивные изменения в иерархическую структуру административно-территориального устройства.

Регулирующий аспект территориальной организации общества проявляется в воздействиях управленческих органов на процессы саморазвития и самоорганизации стран, регионов, муниципалитетов. Для совершенствования пространственной организации формируется система органов местного самоуправления, идет поиск рационального сочетания государственного управления и рыночного регулирования. Появилась потребность дальнейшей разработки теоретических основ территориального управления и предвидения, региональной политики и механизма ее реализации.

Формирование доминантного, стержневого направления теоретических исследований несет также функцию обогащения и целеориентации частных географических изысканий. Особенно велика и ответственна роль доминанты в пограничных исследованиях на стыке со смежными научными дисциплинами.

Пограничное направление фундаментализации социально-экономической географии реализуется во многих исследованиях процессов и явлений экономического, социального, экологического, политического и иного характера. В ходе таких исследований формируются сопряжено с доминантой «новые» научные направления: геоэкономическое, геогуманистическое, геоэкологическое, геополитическое и др. Опасность «расползания» социально-экономической географии предстоит блокировать интегрирующей функцией доминантного направления, сохранением принципов географических исследований и повышением конструктивности изысканий.

В структуре геоэкономического направления необходимо модернизировать и адаптировать к рыночным условиям теории экономического районирования и территориальной организации хозяйства, учения о регионах, региональной экономике, территориально-производственных комплексах, энергопроизводственных циклах, кластерах и др. Наиболее востребованными становятся исследования в области региональной экономики с глубоким обоснованием обновляемых процессов географического разделения труда и конкурентоспособности регионов, производственной специализации и сбалансированного развития социоэкономики, создания рыночной инфраструктуры и совершенствования межбюджетных отношений, территориальной организации хозяйства и выделением полюсов роста.

В геогуманистическом направлении формируются учения о территориальных общностях людей (социуме, этносе), образе и качестве жизни населения, теории пространственно-временного поведения человека, геософии, географии культуры, вернакулярного районирования и др.

В составе геоэкологического направления укрепляется синтез с физической географией и экологией, на основе которого происходит теоретическое обоснование процессов взаимодействия общества и природы, формирования природной среды жизни людей, дальнейшее развитие учений о ноосфере, поляризованной биосфере, эколого-экономических, социально-экологических, рекреационно-туристских и других системах.

Геополитическое направление опирается на теории политической географии, территориального управления и программирования, региональной политики и государственного управления, стратегического планирования и пространственного регулирования.

Совокупность этих направлений, развивающихся вокруг и под влиянием доминанты – теоретического ядра социально-экономической географии, может существенно повысить уровень ее фундаментализации, укрепляемой обновляемыми и новыми методологическими положениями.

Методологическое направление призвано сформировать исследовательский поиск и инструментальный механизм, на основе которых возможны современные теоретические и практические исследования. Научный поиск в социально-экономической географии направлен на открытие новых законов и закономерностей территориальных процессов взаимодействия общества и природы, пространственной организации жизнедеятельности людей, функционирования и развития ТОС, а также новых парадигм, гипотез, концепций, методов и форм организации географического пространства-времени. Процессы познания осуществляются на основе индуктивного и дедуктивного подходов. Индуктивный подход (от частного к общему) в социально-экономической географии является традиционным, а дедуктивный «ждет» своих исследователей. Он основывается на гипотетико-модельном представлении о предмете познания и процедуре перехода от общих умозаключений к частным суждениям.

Важную роль в фундаментализации социально-экономической географии играет системно-диалектическая методология. Она включает принципы познания, исследовательские подходы и парадигмы, методы и приемы научной деятельности.

В качестве ведущих можно назвать следующие принципы: территориальности, системности, комплексности, развития, сочетания глобализма и регионализма, генерализации, размерности, перспективности и др. Руководствуясь этими принципами, определяются исследовательские подходы и обосновываются общественно-географические парадигмы. Наиболее распространенными являются такие подходы, как пространственный, ноосферный, антропоцентрический, этногенетический, воспроизводственный, проблемный, типологический, экологический, социальный, геополитический, кибернетический и др.

Важным звеном в процессах фундаментализации социально-экономической географии становятся географические парадигмы. Ведущую роль сре-

ди них играет пространственно-временная парадигма, базирующаяся на научной категории «географическое пространство-время» и учитывающая современные процессы глобализации и регионализации общественного развития. Она определяет концептуальную схему общественно-географических исследований и инициирует формирование сопряженных парадигм. Примером могут служить региональная, геоситуационная, цикловая, геоинформационная и другие парадигмы.

Современный этап фундаментализации социально-экономической географии предъявляет повышенные требования к ее методическому аппарату. Появилась необходимость адаптации к новым условиям таких традиционных методов, как районирования, энергопроизводственных циклов, картографических, математико-географический и др. Не менее важной задачей является разработка новых методов, адекватных предмету познания. Наиболее перспективными представляются ГИСовские технологии, методы пространственного анализа, синтеза и диагностики, нейронных сетей, ментального картографирования и др.

Модернизация методологического базиса социально-экономической географии может стать действенным механизмом активизации теоретических и прикладных исследований, повышения ее статуса и ускорения процессов трансформации в общественную географию как фундаментальную науку.

Шувалов В.Е.

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Социально-экономическая география прошла относительно длительный период становления и развития. Для нее характерно наличие целого спектра мировоззренческих и исследовательских подходов (например, идеографический и номотетический), которые можно объединить в те или иные парадигмы. В каждой парадигме развивались свои школы, в рамках которых формировалась своя совокупность (реже – система) понятий и концепций, которые и выполняли функцию теоретических основ (реже – теории) социально-экономической географии.

Например, в советской районной школе экономической географии, ведущее место занимали понятия и концепции территориального разделения труда (ТРТ), экономико-географического положения (ЭГП), территориально-производственного комплекса (ТПК), энерго-производственного цикла (ЭПЦ), экономического района. Каждое из них выполняло свою функцию в понятийно-концептуальной системе, а значит и в теории экономической географии: Так, ТРТ как политэкономическое понятие – функцию ее «экономизации», ЭГП – функцию «географизации» (оно является не только одним из критериев географичности, но и наиболее интеграционным понятием во всей структуре эконо-

мико-географического знания), ЭПЦ – функцию «технологизации» в узком и широком смысле (при его разработке Н. Н. Колосовским была предпринята попытка создания концепции экономико-географического процесса). Понятие и концепция ТПК развивались на стыке географии, экономики и технологии, что обусловило ее комплексизирующую функцию в рамках построения «конструктивной» географии. Особое место занимало понятие экономического района и теория экономического районирования, что, собственно, и позволяет говорить о формировании районного подхода в социально-экономической географии.

Любая парадигма и школа в науке имеет свой естественно-исторический цикл развития, в рамках которого выделяются этапы ее формирования, доминирования и упадка. Изменения объекта и субъекта познания в ходе исторического процесса обуславливают смену парадигм и научных школ. Со второй половины XX в. цикл жизнедеятельности парадигм, особенно в гуманитарных науках, сокращается во времени и глобализуется в пространстве. Поэтому для современной социально-экономической географии характерно существование во времени и пространстве разных парадигм и научных школ, что приводит к большому (часто – излишнему) разнообразию применяемых методологических подходов, понятий и концепций и связанного с ними методического инструментария исследований. Так, в школах социально-экономической географии идеографического направления, преобладают качественные методы исследований (сравнительно-описательный, историко-эволюционный, картографический), а в школах номотетической направленности – формализованные методы (математические и методы моделирования).

Для школ социально-экономической географии, развивающихся в рамках даже одной парадигмы, характерно использование разных интерпретаций одного и того же понятия. Данный тезис наиболее ярко выражен в школах районного направления. В каждой географической школе представления о районе индивидуальны. Поэтому говорить об едином понятии района, в том числе экономико-географическом, представляется ошибочным. Так, в рамках хорологического подхода в экономической географии район представлялся как хозяйственный ландшафт, во французской школе географии человека – как природно-культурно-историческая территориальная целостность, в антропогеографии – как земной организм со своими функциональной структурой и законами развития. В отечественной (советской) районной школе экономической географии представление о районе – одно из самых сложных и противоречивых. Оно формировалось под воздействием нескольких факторов. Во-первых, в его основе, лежало понимание экономического района, выработанное в рамках госплановского районирования 1920-х годов и развитое в дальнейшем Н. Н. Колосовским. Во-вторых, значительное влияние на понятие района и задачи исследования «районной организации территории» оказали другие школы районной парадигмы (не случайно в состав «антитрадиционного блока» 1920-х годов, зало-

жившего основы районной школы, входили не только марксист Н. Н. Баранский, но и хоролог С. В. Бернштейн-Коган и антропогеограф Л. Д. Синицкий). В определенном смысле можно сказать, что «конструктивизм» госплановского понимания района был дополнен чертами уникальности хорологического подхода, «пейзажностью» и искусством описания французской школы географии человека и элементами поссибилизма и функционализма антропогеографии.

Развитие западной географии во второй половине XX в. резко ослабило значимость географического района как ее основной категории. В то же время понятие района не исчезло, хотя и сильно видоизменилось. Так, в разнообразных школах гуманистической географии район рассматривается как чисто субъективная категория, которую человек ощущает, чувствует (топофилия), придумывает. Поэтому акцент при изучении территории делается не на самих районах, а на ощущениях, восприятии района индивидуумами (здесь снова появляется категория уникальности, но уже не для ландшафта, а для восприятия района отдельным человеком или малыми социальными группами).

Представляется, что социально-экономическая география в XX в., с точки зрения смены ведущих парадигм, прошла два основных этапа эволюции: «самоидентификации» и «встраивания» в другие интернаучные и междисциплинарные парадигмы.

Для первого этапа, который преобладал в социально-экономической географии до середины XX в., было характерно использование в качестве основного – понятия района в его разных интерпретациях в сформировавшихся географических школах. На этом этапе своего развития социально-экономическая география (как и география в целом) попыталась самоопределиваться как самостоятельная дисциплина, которая ближе по своим качествам не столько к науке, сколько к искусству (это, по мнению многих географов, «золотой», классический период развития географии).

Второй этап охватил вторую половину XX в. Для него характерна глобализация междисциплинарных парадигм, попытка социально-экономической географии «встроиться» в другие (часто чуждые ей) мировоззренческие подходы. В результате социально-экономическая география прошла в этот период целую серию трансформаций, которые и определили современное состояние ее теоретической базы.

Западная, в основном англо-американская, социальная география, перешла в 1950-х – 1960-х годах сначала на позиции «научной» парадигмы в рамках получившей приоритетное развитие школы пространственного анализа. Именно эта школа в наибольшей степени повлияла на развитие социально-экономической географии в нашей стране в 60–70-е годы прошлого века (что во многом было обусловлено переводом классических англо-американских работ, выполненных ведущими представителями данной школы). В результате широкое распространение в отечественной социально-экономичес-

кой географии получили понятия и термины «пространственная структура», «пространственная организация» и др. Однако в рамках данного подхода не была разработана полноценная система концепций (например, концепция территориальной организации общества), что во многом определило слабость его теоретической базы и обесценило его применение на практике. В то же время, сложившийся в рамках данной школы методический инструментарий, получил широкое распространение.

В последующем, в 1970-х – 1980-х годах, западная социально-экономическая география перешла сначала к бихевиористской (прежде всего, школа поведенческой географии) и радикальной парадигмам, а затем – к школам в рамках гуманистической парадигмы. Данные парадигмы и школы практически не оказали существенного влияния на отечественную социально-экономическую географию. Это было обусловлено не только совокупностью объективных факторов (наличие своеобразного «железного занавеса» для западных новаций в гуманитарных науках, практическое отсутствие переводных работ западных ученых в рамках этих направлений, приоритет производственно-экономического фактора над социальным в рамках индустриального общества), но и аморфностью концептуальной (а значит – и теоретической) базы этих школ. В результате развитие гуманитарной географии в нашей стране пошло по своему, индивидуальному сценарию, слабо связанному с западными трендами развития.

Для данного этапа также характерно формирование совокупности региональных наук. Региональная (пространственная) экономика, социология, политология (политическая регионалистика), как региональные разделы систематических (по классификации И. Канта) наук, имеют «за спиной» относительно развитые экономические, социальные (в меньшей степени – политологические) теории и концепции (это является их сильной позицией), которые выполняют роль теоретического фундамента для этих наук. Однако опыт их использования в комплексном региональном (тем более – экономико-географическом) анализе нельзя признать успешным, т. к. выработать единый подход к исследованию и полноценный теоретический базис в рамках этих достаточно автономных друг от друга наук вряд ли возможно в принципе (их объединяет, прежде всего, объект исследования – регион). Поэтому и «регионалистика», объединяющая совокупность дисциплин и направлений, методологических подходов и методических приемов, объект исследования которых – регион, представляет собой достаточно аморфное образование.

Тем не менее, региональные науки в условиях слабости собственной теоретической базы социально-экономической географии пытаются (и достаточно успешно) занять ее «экологическую нишу», заменив географический подход к исследованию общества чисто региональным. Этому процессу способствует и относительно развитый и задействованный на практике инстру-

ментарий исследований, взятый ими из своих «материнских» наук. Попытки же социально-экономической географии в своих целях использовать подходы и методы исследований региональных наук, фактически приводит к потере присущих ей задач и функций (прежде всего – территориального синтеза). Схожий процесс происходит в настоящее время и в физической географии, теряющей свои «классические» позиции (прежде всего в рамках ландшафтной школы) под натиском «экологической» и «геофизической» парадигм.

Таким образом, результатом смены во второй половине XX в. в социально-экономической географии ведущих парадигм и школ стало не только их сосуществование и взаимная конкуренция, но и потеря ею своей самоидентификации, значительное ослабление собственных позиций, фактическое «растворение» в достаточно аморфной среде региональных общественных наук. Фактически речь идет о самом факте существования социально-экономической географии в рамках географических, а не экономических (как это постулировалось В. Э. Деном для отраслево-статистической школы), социальных или политических наук.

В то же время рассмотрение социально-экономической географии как особой географической дисциплины (в рамках позиции, отстаиваемой в свое время Н. Н. Баранским и его последователями), позволяет считать, что она (так же как и история) не потеряет в будущем свое мировоззренческое значение и будет по-прежнему выполнять свою «миссионерскую» функцию (заменить ее в этом качестве никто сможет) – давать широким массам экономико-географические знания и прививать навыки географического мышления.

Прикладное направление в социально-экономической географии реализуется, прежде всего, при ее взаимодействии с региональными науками. В этом отношении социально-экономическая география может выполнять своеобразную «почвенническую» миссию для региональных разделов систематических наук. Однако для этого она должна иметь адекватный современным реалиям теоретический багаж, основу которого традиционно формирует ее понятийно-концептуальная система (эту функцию отечественная экономическая география уже выполняла в свое время для региональной экономики, которая активно использовала понятия и концепции ТПК, экономического района и др.).

Для сохранения в перспективе обеих функций чрезвычайно важно сохранить индивидуальность социально-экономической географии не только как исторически сложившейся научной и образовательной дисциплины, но и в качестве специфического мировоззрения при исследовании окружающего нас мира.

Решение этой проблемы требует разработки в социально-экономической географии современной понятийно-концептуальной системы. К сожалению, приходится констатировать, что активность отечественных экономико-географов в этом направлении минимальна, а проблемы, поставленные десятилетия тому назад, практически не решены.

В данном контексте представляется актуальной проблема выбора дальнейших концептуальных направлений и путей развития отечественной социально-экономической географии и соответственно ее теоретической базы. Среди них можно выделить три основных сценария:

- переход к современным западным подходам, например, на позиции «новой экономической географии»;
- формирование принципиально новой парадигмы или школы социально-экономической географии как неотъемлемой части географических наук;
- трансформация и дополнение применительно к современным условиям понятийно-концептуальной системы, разработанных в рамках районной школы социально-экономической географии.

Каждое из этих направлений имеет «плюсы» и «минусы» и свои риски.

Выбор первого варианта, основанного не только на освоении западных аналитических и методических подходов регионального анализа, но и ориентированного на совершенно другие мировоззренческие, методологические и концептуальные принципы, может привести (как это было показано выше) не только к потере социально-экономической географией своей индивидуальности и основных черт самоидентификации, но и своих функций, к замещению ее совокупностью региональных наук. В этом отношении провозглашаемая «новая экономическая география» собственно к географии имеет очень отдаленное отношение.

Второй вариант представляется слишком «перспективным» и неопределенным по своей сути. Пока абсолютно не ясно, что из себя может представлять «новая» парадигма или школа социально-экономической географии именно в рамках системы географических наук (которая, сама находится в очередном теоретическом кризисе). Предпринимаемые в последние годы разработки некоторых авторов в этом направлении во многом носят декларативный и непоследовательный характер, а говорить даже о контурах ее новой теории как системы понятий и концепций пока явно рано.

Не отвергая принципиально эти направления, оптимальным и наиболее реалистичным в современных условиях представляется третий вариант, предполагающий использование и развитие теоретической базы в виде основных понятий и концепций, сложившихся в рамках отечественной районной школы социально-экономической географии. Определенные шаги в этом направлении делаются, но их явно недостаточно. Тем не менее, реализация именно данного сценария позволит, по нашему мнению, не только сохранить накопленный потенциал (в т. ч. концептуальный), но и сохранить индивидуальность нашей науки.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Теоретическая география неразрывно связана с пространственным анализом, в недрах которого она зародилась. Оба эти неразделимые направления, как и ряд других, выросли из статьи Дж. Стюарта о социальной физике (*Stewart J. Q. The Development of Social Physics // American Journal of Physics. 1950. V. 18. № 5*) и были связаны с физикализацией всего научного знания, стремлением перестроить менее формализованные дисциплины, будь то биология или лингвистика, по образу и подобию физики как наиболее математизированной и теоретизированной науки. Это благородное устремление сочеталось с широким внедрением математических методов в естественные и социальные науки, что также было необходимым условием их теоретизации.

Теоретизация географии и других наук протекала в условиях бурного распространения системного подхода. Последний с течением времени был выхолощен и опошлен, однако в его «сухом остатке» остались два фундаментальных положения, оказавших весьма значительное, причем не всегда осознанное влияние на развитие теоретической мысли в географии: представление о **структурном изоморфизме** и **эмерджентности**. Представление о возможном тождестве структуры изучаемых явлений без тождества элементов их содержания (это и есть структурный изоморфизм) дало решающий толчок к конституированию теоретической географии как более узкой области, нежели пространственный анализ, широко используемый и региональной наукой, созданной У. Изардом на рубеже 50-х и 60-х гг. Вышедшая в 1962 г. книга В. Бунге «Теоретическая география» (русс. пер.: *Бунге В. Теоретическая география. – М.: Прогресс, 1967*) делала упор именно на явления структурного изоморфизма. Им же вдохновлялся и П. Хаггет, выпустивший в 1965 г. книгу, оказавшую огромное влияние на интеллектуальный климат в географии (русс. пер.: *Хаггет П. Пространственный анализ в экономической географии. – М.: Прогресс, 1968*).

Идея эмерджентности (наличия у системы свойств, отсутствующих у ее частей) также весьма способствовала теоретическим исканиям в географии и становлению ее самосознания как фундаментальной науки, поскольку создавала альтернативу редукционизму и противостояла таким образом представлениям об экономической географии как о науке, изучающей пространственное проявление экономических законов, а не какие-то там свои собственные, которых нет и быть не может. Именно из подобных представлений исходили некоторые отечественные авторы, писавшие в 40-е и 50-е гг., что экономическая география – это наука о пространственном проявлении законов марксистской политической экономии. Из них же фактически исходит и П. Кругман, только экономическая теория у него не марксистская и применяется математический аппарат.

«Новая экономическая география», ассоциируемая с П. Кругманом, подвергалась серьезной критике как в США, так и в других странах, причем особой страстностью – во Франции с ее гуманитарными традициями «географии человека», где известный географ и депутат Европарламента от фракции «зеленых» А. Липец (Lipietz) противопоставил ей *новую социально-экономическую географию*, фактически исходящую из картезианских, а не из ньютоновских представлений о пространстве и стремящуюся к охвату всей совокупности изучаемых географией явлений. Яркая критика экономического редуционизма по-французски элегантна и остроумна, но, к сожалению, не содержит никакой операциональной альтернативы.

Между тем глубокие изменения исследуемой реальности, вызываемые постиндустриальной трансформацией общества, не позволяют более довольствоваться теми теоретическими конструкциями, которые составляют золотой фонд социально-экономической географии, хотя и сам этот фонд давно не пополнялся серьезными теоретическими достижениями. Прежде всего, далеко не бесспорна применимость конструкций, основанных на рациональном поведении потребителей, ибо уходит в прошлое, а в наиболее развитых странах уже ушел тот самый *Homo Economicus*, на могучих плечах которого покоилась вся экономическая теория, включая конус спроса, лежащий в основе экономического ландшафта А. Лёша. Скромность достатка, по меткому выражению Л. В. Смирнягина, принуждала к геометрической дисциплине. Понятно, что старая добрая теория Лёша (сам Лёш ушел от нас совсем молодым) еще хорошо поработает в Индии и Китае, но решение прогностических и конструктивных задач требует учета новых – причем отнюдь не конъюнктурных – тенденций.

Кризис экономического редуционизма в социально-экономической географии не только порождает серьезные трудности, но и создает новые возможности для выдвижения собственно географических теорий. Другим источником вдохновения и конструктивных идей должна стать синергетическая революция в современной науке. Эта революция обогатила научное мировоззрение понятием аттрактора – области притяжения процесса – и соответственно привела к конституированию финалистского объяснения как равноправного по отношению к каузальному, почти безраздельно господствовавшему в науке, за исключением квантовой механики. Представления о диссипативных системах, в которых возможно самопроизвольное возникновение и развитие структур, заданное определенным аттрактором, давно вышли далеко за пределы химии, где были впервые сформулированы И. Пригожиным. Огромную роль в распространении идей синергетики в нашей стране сыграла подвижническая деятельность С. П. Курдюмова, директора Института прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН в 1989–1999 гг., и его учеников.

Вступление в область явлений самоорганизации открывает перед географией огромное поле явлений, которые С. А. Тархов справедливо назвал

квазиестественными. Именно в исследованиях таких явлений социально-экономическая география в наибольшей мере сможет реализовать свой прогностический потенциал и утвердиться как фундаментальная наука, исследующая огромную и интересную область и имеющая в ней бесспорный приоритет перед другими дисциплинами, а не пространственное приложение к экономике или социологии. Между тем изучение пространственной самоорганизации постиндустриального общества ставит весьма сложные задачи. Живущие в радиусе от 50 до 100 км от собора Нотр-Дам со страшными муками добираются до Парижа и выбираются из него в часы пик, проводя значительную часть жизни в пробках, но, живя за 250 км в Туре, можно ездить на работу в Париж на TGV, тратя на дорогу немногим более 50 мин.

Парадокс экспрессного транспорта был отмечен Б.Б. Родоманом еще в 70-е гг., однако принципиально новым явлением следует считать невероятную территориальную экспансию суточного цикла, которая может ознаменовать и начало заката эпохи индивидуального автотранспорта. Теоретическое осмысление и изучение этого явления требует применения новых методов картографирования социально-географического пространства, использования вариавалентных проекций, начало которому положил в 30-х гг. Л. И. Василевский. Создание карт, расстояния на которых будут соответствовать не расстояниям на местности, а затратам времени на их преодоление представляется совсем не простой задачей ввиду использования разных средств передвижения разными группами населения. Более того, здесь речь идет уже не о растяжении или сжатии пространства, а о его инверсии. Тем не менее, без решения этой задачи прогресс теоретической географии в изучении региональных систем расселения едва ли будет возможен.

Безусловно, исследование территориальной самоорганизации постиндустриального общества потребует разработки новых теорий, однако и существующие теоретические накопления в области пространственного анализа, скорее всего, не обесценятся, а приобретут иную форму. Так, можно ожидать, что теория экономического ландшафта сольется с теорией центральных мест, основанной на существенно иных постулатах. Действительно, если время становится куда более дефицитным ресурсом, нежели деньги, то именно его затраты будут определять конфигурацию расселения, тем более что и постиндустриальным отраслям экономики не привыкать приспосабливаться в своем размещении к прихотливым потребностям высококвалифицированных кадров. При этом аппарат теории экономического ландшафта, главное достижение которой – механизм спонтанного образования неоднородности, а именно секторов богатых и бедных городами (просто удивительно, насколько Лёш опередил время!) может влить свежую кровь в теорию центральных мест и придать новый импульс ее развитию.

Заслуживает серьезного внимания также взаимосвязь между правилом «ранг-размер» (правилом Зипфа) и теорией центральных мест. В 70-х гг.

С. М. Гусейн-Заде было показано, что системы городского расселения сначала улучшают соответствие правилу Зипфа, а потом начинают его ухудшать. В 1980 г. мы связали улучшение соответствия правилу Зипфа с формированием целостности системы расселения, а ухудшение – с формированием в ней иерархической структуры, поскольку при этом происходит улучшение предсказаниям теории центральных мест. Система расселения при этом переходит из квази-аморфного состояния в квазикристаллическое, а сам этот процесс уместно назвать кристаллизацией. В конце 90-х гг. А. А. Важенин показал, что «Зипф» не сдает свои позиции в наиболее развитых странах, например, во Франции, а только меняет их. Так, перестав выполняться для городов Франции, он начинает выполняться на уровне городских агломераций.

Теоретическая география вышла из моды раньше, чем успела добиться серьезного продвижения в понимании пространственной организации зрелого индустриального общества. Сейчас ей необходимо опять войти в моду для решения еще более трудных задач.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» № 1

Современные подходы и методы социально- и экономико-географических исследований. Проблемы формирования и применения научно-прикладного цикла «Теория – Методы – Практика» в социально-экономической географии

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

Антипова Е. А.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В УСЛОВИЯХ ПОЛЯРИЗОВАННОГО РАЗВИТИЯ МИРА (ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕМИРНОГО БАНКА)

В течение длительного исторического периода основная роль в оценке сценариев развития мировой экономики принадлежала экономической науке, которая определяла тенденции развития мирового хозяйства, различия в развитии регионов и стран мира и разрабатывала прогнозы. В 2009 г. эксперты Всемирного банка предложили новый взгляд на проблемы и успехи пространственного и регионального социально-экономического развития мира с позиций экономической географии, тем самым, отводя этой науке принципиально новую научно-прикладную функцию [1]. Главный вопрос, который поднимается в годовом отчете, связан с перспективами пространственной равномерности либо поляризации будущего социально-экономического развития мира.

По мнению международных экспертов, в целях обеспечения устойчивого экономического роста на качественно новый уровень научного сознания выходит пространство и закономерности его развития: В современных условиях развитие пространство должно становится первоочередным предметом внимания и интеграции действий институциональных управленческих структур, коммуникационной инфраструктуры и целевого (регионального) регулирования. В целом, внимание сфокусировано на четырех аспектах нового видения экономической географии.

Во-первых, новые подходы к роли экономической географии в мировом развитии обусловили расширение информационно-статистической базы анализа территориального развития на микрогеографическом уровне (в разрезе государств), в структуре которой, в отличие от предыдущих годовых отчетов международных организаций, в том числе и Всемирного банка, впервые выделяется 4 пространственных модуля: география и доступ; урбанизация; территориальное развитие; международная интеграция (табл. 1).

Во-вторых, впервые в качестве главного принципа для изучения пространственной неоднородности развития и решения проблем социально-экономической системы мира выступает географическая полимасштабность, ко-

Таблица 1

**Информационные модули пространственного анализа
социально-экономического развития мира (по Всемирному банку)**

Модуль	Индикаторы	Модуль	Индикаторы
1. География и доступ	<ol style="list-style-type: none"> 1. Географические координаты; 2. Площадь, кв. км; 3. Доля пашни, %; 4. Лесистость, %; 5. Протяженность береговой линии, км; 6. Протяженность сухопутной границы, км; 7. Количество аэропортов с твердым покрытием; 8. Количество портов и терминалов; 9. Плотность железных дорог, км/км²; 10. Плотность автомобильных дорог, км/км²; 11. Национальное среднее расстояние до столицы, км. 	3. Территориальное развитие	<ol style="list-style-type: none"> 1. Лидирующая территория : название; 2. Лидирующая территория: доля бедного населения, %; 3. Лидирующая территория: благосостояние населения, %; 4. Лидирующая территория: площадь, км²; 5. Лидирующая территория : плотность населения, км²; 6. Отстающая территория : название; 7. Отстающая территория: доля бедного населения, %; 8. Отстающая территория: благосостояние населения, %; 9. Отстающая территория: площадь, км²; 10. Отстающая территория: плотность населения, км²
2. Урбанизация	<ol style="list-style-type: none"> 1. Агломерационный индекс; 2. Доля городского населения, %; 3. Плотность населения, чел./км²; 4. Доля населения в городах с численностью свыше 1 млн чел.; 5. Доля населения в крупнейших городах, %; 6. Доля городского населения с доступом к воде, %; 7. Доля сельского населения с доступом к воде, %; 8. Доля городского населения с доступом к санитарным услугам, %; 9. Доля сельского населения с доступом к санитарным услугам, % 	4. Международная интеграция	<ol style="list-style-type: none"> 1. Количество стран, резидентам которых необходимы визы для посещения данной страны; 2. Количество стран, для посещения которых необходимы визы резидентам данной страны; 3. Стоимость получения паспорта, % ВВП на душу населения; 4. Международная миграция, %; 5. Международный телефонный трафик, мин./чел.; 6. Международный интернет-трафик, бит/чел.; 7. Средняя стоимость звонка в США, долл./3 мин.; 8. Внешнеторговый оборот, % от ВВП; 9. Средний размер таможенной пошлины, % от стоимости импорта; 10. Доля внешнеторгового оборота с соседними странами, %

торая представлена тремя видами географических масштабов: *локальным*, действующим на уровне отдельных административных областей и регионов того или иного государства; *национальным* – представляющим уровень государства и *интернациональным* – международным, включающим уровень мезо-либо макрорегиона мира.

В-третьих, в международный оборот вводится новое понятие «3D-измерения» экономической географии, к числу которых отнесены:

1) *плотность* (экономическая, демографическая, урбанистическая); наиболее важное измерение на локальном уровне, характеризует концентрацию экономически выгодных производств. Задачей представителей законодательной власти является правильное восприятие плотности, а именно укрепление рыночных отношений, способствующих концентрации производства и конвергенции уровня жизни между сельской и городской средой.

2) *расстояние*; наиболее важное измерение на национальном уровне, которое характеризует расстояние между территориями с высокой экономической активностью и территориями с отсутствием экономически выгодных производств. Основная проблема – гармонизировать расстояние и плотность, например, повысив мобильность рабочей силы или понизить цены на транспорт при помощи инвестиций в инфраструктуру.

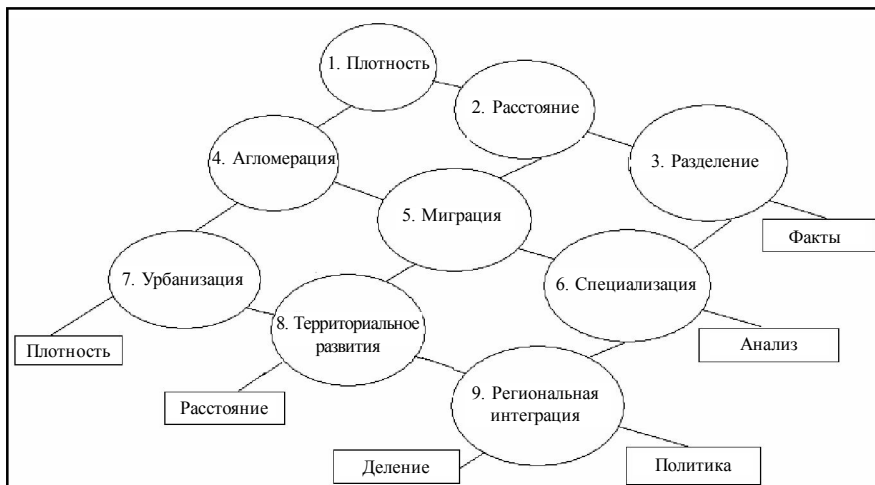
3) *разделение пространства* – измерение наиболее важное для интернационального уровня, раскрывающее характер экономической интеграции и

роль границ на разных уровнях пространственной иерархии, при изучении которого необходимо использование оценки развития мировых рынков, наиболее интегрированных территорий, и территорий, наиболее разделенных.

Руководствуясь конкретными примерами, эксперты Всемирного банка полагают, что территории разного иерархического уровня достигают успехов социально-экономического развития при условии использования следующих значений 3D-измерений: 1) высокая экономико-демографическая плотность населения (в частности, городах); 2) высокая транспортная доступность, короткие расстояния для миграции рабочей силы и бизнеса; 3) упрощенные условия, меньшее количество единиц административного деления для вхождения в мировой рынок (в интересах использования масштаба страны/региона и специализации).

Исходя из 3D-измерений, комплексный анализ социально-экономического развития мира в условиях формирования нового имиджа экономической географии включает следующие уровни. На первом из них развитие мира (региона, страны, территории) описывается фактами динамики (трансформации) плотности, расстояний и разделений (рис. 1).

Второй уровень включает анализ «процессов-драйверов», обеспечивающих эти изменения либо трансформации – рыночные условия процессов агломерации, миграции и специализации. На третьем уровне оцениваются возможности пространственной политики через закономерности урбанизации, территориального развития и региональной интеграции. При этом целесообразным видится сопряженный анализ проблем, как определенного уровня географического масштаба, так и какой-либо одной составляющей 3D-измерения (табл. 2).

Рис. 1. Составляющие и уровни 3D-измерений экономической географии при изучении социально-экономического развития мира [1]

Таблица 2

**Географический масштаб территории и приоритет уровней
3D-измерений экономической географии**

	Географический масштаб		
	Локальный	Национальный	Интернациональный
Выбор измерения	Район	Страна	Регион
Приоритетное измерение	Плотность	Расстояние	Разделение
Второе по значимости измерение	Расстояние	Плотность	
Третье по значимости измерение	Разделение	Разделение	Плотность

Четвертым аспектом выступает расширение границ понятия «экономическая интеграция территорий». Новое видение экономической географии предполагает в условиях поляризации мирохозяйственной системы комплексное изучение территорий трех типов:

- 1) сельско-городской конвергенции;
- 2) трущобы – официальные части городов;
- 3) изолированные – интегрированные страны.

Заключительный аспект характеризуется формированием нового подхода к факторам социально-экономического развития мира, в качестве которых выделены:

1) географическая неравномерность – первый фактор развития, который заключается в том, что правительства в целом не могут одновременно нарастить экономический потенциал и равномерно распределить его по территории;

2) фактор циклической причинной обусловленности (т. н. конвергенции жизненного уровня), заключающийся в том, что территориальное распространение экономически выгодных производств способствует выравниванию уровня жизни; наиболее важный фактор для разработчиков государственной политики.

3) эффекта соседства – третий фактор, связанный с продвижением экономической интеграции, которая является эффективным и наиболее реалистичным путем для достижения моментального положительного эффекта от концентрации экономических производств и долгосрочных положительных эффектов от экономической конвергенции территорий.

Литература

1. Reshaping Economic Geography. World Development Report. – The World Bank, Washington, DC, 2009. – 383 p.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИМИТЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ¹

В Европейский Союз в настоящее время входит 27 государств-членов, которые расположены на европейском континенте и прилегающих островах. Составной частью ЕС является также ряд неевропейских территорий с особым статусом – заморские территории Франции, Испании и Португалии, которые являются неотъемлемой частью этих государств. Существуют также автономные территории Великобритании, Франции, Нидерландов и Дании, которые не входят в ЕС и положения учредительных договоров Союза на них не распространяются. Многие страны мира ассоциированы с ЕС. ЕС заключил специальные соглашения о партнерстве со странами Средиземноморья и бывшим колониями в Африке, Тихоокеанском регионе и Карибском бассейне. С ЕС сотрудничают страны ЕАСТ (Норвегия, Швейцария, Лихтенштейн и Исландия) в рамках Европейской экономической зоны. Поэтому трудно нарисовать четкую демаркационную линию, куда влияние и авторитет ЕС доходит и куда уже нет. В общем, границы ЕС выделяют пространство, в котором должны применяться положения европейского права, в том числе «четыре свободы» (свободное движение товаров, услуг, населения и капитала). Одной из целей ЕС является создание пространства без внутренних границ. Внешняя граница ЕС является и таможенной границей, на которой действует единое таможенное законодательство. Значение общей границы ЕС возросло и потому, что в рамках так наз. Шенгенской зоны пограничный контроль отменен.

Свои границы имеет и *Еврозона* – территория в рамках ЕС, которую составляют государства, принявшие совместную европейскую валюту евро. На данный момент в ее состав входят 16 стран-членов.

Европейский Союз до настоящего времени расширялся шесть раз (1973, 1981, 1986, 1995, 2004 и 2007). Под термином «границы ЕС» с точки зрения европейской интеграции понимается также *предел потенциального расширения ЕС* в будущем. В Договоре о Европейском Союзе (Маастрихтский договор) говорится, что членом Союза может стать государство, которое имеет характер европейского государства и уважает принципы свободы, демократии, верховенство закона и принцип уважения прав человека и основных свобод. К так наз. *Копенгагенским критериям* (июнь 1993) для кандидатов на вступление в ЕС относятся:

– *политические критерии*: страна-кандидат должна быть стабильной демократической системой и правовым государством, должна уважать права человека а права меньшинств,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта VEGA Makroekonomické aspekty globálnej finančnej krízy a svetovej hospodárskej recesie (s dôrazom na Slovensko a eurozónu).

– *экономические критерии*: страна должна иметь функционирующую рыночную экономику, которая в состоянии справиться с конкуренцией в рамках Союза;

– *критерии для принятия *acquis communautaire** – страна должна быть в состоянии принять на себя обязательства членства, в том числе, применение норм ЕС на своей собственной территории.

Следует отметить, что вступление страны в Еврозону обусловлено также выполнением определенных критериев – *Маастрихтских критериев*. В общем, можно сказать, что эти критерии (Копенгагенские и Маастрихтские) достаточно строги и поэтому невозможно заранее определить, какие страны их выполняют (и когда) и какие, вероятно, нет.

Южные границы ЕС в принципе определены Средиземным морем. Если же в настоящее время говорить о расширении границ ЕС, имеется в виду восточное направление (постсоветские государства). Другое дело, будет ли у ЕС интерес к расширению так далеко на восток и будет ли Союз экономически готов к вступлению этих стран. Следовательно, говорить о географических пределах европейской интеграции можно пока только гипотетически. Потенциал для расширения здесь, однако, присутствует и обещание членства в ЕС является одним из наиболее эффективных инструментов во внешних отношениях Союза [7].

Посмотрим теперь на интеграционный потенциал ЕС с постсоветскими странами (Россия, страны Восточной Европы и Кавказа, страны Центральной Азии).

Россия не будет стремиться в Евросоюз, но намерена строить с ним отношения стратегического партнёрства (В. Путин) и развивать отношения по формуле «всё, кроме институтов» (Р. Проди). Нынешнее охлаждение отношений между ЕС и Россией в значительной степени связано с двумя этапами расширения ЕС на Восток, когда страны бывшего советского блока вступили в НАТО и ЕС [4, с. 51]. Следует признать, что европейские и российские интересы не всегда совпадают. Обе стороны предпочитают иную логику сотрудничества. Различие позиций отчётливо проявляется например по отношению к пост-советскому пространству, где Россия заинтересована сохранить свои «зоны влияния». С другой стороны, ЕС реализует свои планы расширения на восток. Всё большее значение Кавказа и Центральной Азии ведёт к тому, что этот регион вызывает повышенный интерес со стороны ЕС, США и России и ведёт к усилению конкуренции между ними за позиции в регионе. Тем не менее, отношения России и ЕС имеют прочную основу: ЕС является основным торговым партнёром России, Россия является третьим по величине торговым партнёром ЕС. В отношениях Россия – ЕС не существует правовой вакуум: есть Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве, подписанное в 1994 г., которое вступило в силу в 1997 г. И хотя соглашение было заключено на 10 лет и

в конце 2007 г. этот срок истёк, обе стороны договорились о его следующей автоматической пролонгации. Они заинтересованы в сохранении соглашения в действии до тех пор, пока не будет подготовлено новое. Разница заключается в понимании типа этого документа. ЕС и Россия в принципе договорились о том, что новые соглашения будут заключены по схеме «ВТО плюс». В этом контексте мы считаем, что заключение нового Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве произойдёт лишь после присоединения России к ВТО [2]. Несмотря на ряд нынешних существенных разногласий между Россией и ЕС, ни Евросоюз, ни Россия не заинтересованы в появлении какого-то «ледникового периода» во взаимных отношениях. Сознание взаимной зависимости ЕС и России можно считать хорошей основой будущего развития [1, с. 521].

На встрече на высшем уровне представителей 27 государств-членов ЕС и 6 постсоветских республик 7 мая 2009 г. в Праге была официально начата программа «Восточное партнёрство» [3]. Её задачей является реализация интеграционных инициатив в отношении 6 постсоветских республик. Основной причиной создания Восточного партнёрства было стремление укрепить связи со странами находящимися в непосредственном восточном соседстве ЕС (Украина, Беларусь, Молдавия), а также с тремя странами Закавказья (Грузия, Армения, Азербайджан). Волна расширения ЕС (в 2004, 2007) продвинула границы Союза дальше на восток. Из этого логически следует необходимость по-новому определить и расширять возможности для сотрудничества со странами, которые находятся в непосредственной близости к ЕС [2]. Сотрудничество между ЕС и странами-партнёрами в рамках Восточного партнёрства включает в себя четыре тематические платформы. К ним относятся: демократия, надлежащее управление и стабильность; экономическая интеграция и сближение с политикой ЕС; энергетическая безопасность; контакты между людьми [5].

На саммите ЕС в Брюсселе (июнь 2007 г.) ЕС принял стратегию сотрудничества со странами Центральной Азии, охватывающей период до 2013 г. Эта стратегия базируется на основных интересах ЕС в Центральной Азии: ЕС в настоящее время стремится к диверсификации источников энергии и их транзита, и в центральноазиатском регионе сосредоточено около 5% мировых запасов углеводородов. Ключевым вопросом экспорта углеводородов из Центральной Азии в ЕС является их транзит. В большинстве случаев, оптимальный маршрут транзита энергоносителей проходит через территорию России. Тем не менее, ЕС преследует цель диверсификации поставок нефти и газа в обход территории России (примером является проект газопровода «Набукко»). Основным партнёром ЕС в Центральной Азии является Казахстан, который рассматривается не только как важный экспортёр энергоресурсов, но и один из гарантов стабильности в Центральной Азии, а также как потенциальный стратегический партнёр ЕС в регионе [6].

Литература

1. Гонда В., Лисы Я. К вопросу сотрудничества России и Европейского Союза в сфере образования, науки и исследований // Российская политика соседства. – М.: Институт экономики РАН, 2008. С. 513–522.
2. Гонда В. Проблемы партнёрства России и стран СНГ с Европейским Союзом. Выступление на 5 Международной научно–практической конференции РУДН «Современная экономическая теория и реформирование экономики России» 26.11.2009 в Москве (в печати).
3. Гограч Д., Прищепя К. План «Ост» // Бизнес. 2009. №20(851) 18 мая. С. 20–21.
4. Гутник В. Партнерство на распутье // Международная жизнь. 2007. № 6. С. 49–60.
5. Informácia o účasti SR na summite o Východnom partnerstve v Prahe dňa 7. mája 2009 – www.rokovania.sk/appl/material.nsf/0/FF94FBD4838F5F46C12575
6. Стратегия сотрудничества ЕС со странами Центральной Азии – rodon.org/polit-070730112323
7. Csáky P. Ako definujeme hranice Európskej únie? – www.euroforum.nrsr.sk/forumArticle.aspx?articleId=69

Клюев Н. Н.

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ: НОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ¹

В современном мире растёт роль качества окружающей природной среды в воспроизводственном процессе и – шире – в системе общественных ценностей. В связи с этим растёт значение экологических аспектов территориальной организации общества, что требует экологизации социально-экономической географии и прежде всего её теоретических основ.

В докладе рассматриваются категории «экологические факторы регионального развития» и «эколого-географическое положение», способствующие познанию роли природоохранных требований в генезисе и развитии территориально-хозяйственных структур.

I. Экологические факторы регионального развития.

В региональных исследованиях экологические факторы зачастую отождествляются с ограничением развития регионов. В существующих моделях размещения хозяйства экологические факторы, как правило, понимаются как природоохранные мероприятия и прежде всего – как строительство очистных сооружений. Это ведёт к тому, что оптимальное место размещения объектов определяется на основе анализа традиционных факторов (природных и трудовых ресурсов, инфраструктуры и т. п.), а к уже «привязанным» территориально

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 08–06–00348).

объектам подбирается система природоохранных мер. При таком подходе не рассматриваются собственно «размещенческие» средства разрешения экологических проблем. В целом до сих пор нет достаточно чётких представлений о том, что такое экологические факторы, как они влияют на развитие регионов, как их учитывать при разработке стратегий регионального развития, в проектах размещения хозяйства и расселения населения?

В настоящей работе использована трактовка факторов размещения (регионального развития), предложенная Э. Б. Алаевым (1983).

В основе предлагаемого подхода лежит выделение и относительное противопоставление, с одной стороны, экологически важных свойств объектов размещения (факторы размещения), а с другой – свойств территории (факторы регионального развития).

Под экологическими факторами размещения производительных сил предлагается понимать совокупность: а) воздействий объектов размещения на природную среду; б) требований этих объектов к качеству среды.

Экологические факторы регионального развития – это экологическая «ёмкость» территории, устойчивость природных компонентов, существующая антропогенная нагрузка, природоохранная инфраструктура, а также характеристики реципиентов воздействия (населения, материальных и культурных ценностей, ценных ландшафтов).

Оптимальное – с экологических позиций – размещение объектов определяется на основе взаимоувязки экологических факторов их размещения и факторов регионального развития. Пример такой взаимоувязки – сопоставление качества и объёма сточных вод предприятий и разбавляющей и самоочищающей способности водоёмов и водотоков – приёмников сточных вод.

Под размещаемыми объектами – в зависимости от изучаемого территориального уровня – рассматриваются отрасли хозяйства, стадии ЭПЦ, звенья ресурсных циклов, предприятия и их мощности, поселения разной людности и функционального типа, жилые кварталы и т. д.

И в познавательных, и в конструктивных целях целесообразно выделять направления учёта экологических факторов, в разной степени ориентированные на объекты размещения, территорию или их взаимосвязи. Целенаправленный учет данных факторов возможен по следующим направлениям:

- 1) ограничение развития и размещения хозяйства в определенных ареалах;
- 2) уменьшение «природоемкости» и «отходности» отдельных предприятий;
- 3) использование самоочищающей способности природных компонентов;
- 4) природоохранное комплексирование (комбинирование) предприятий, специально нацеленное на охрану природной среды: комплексное использование сырья, воды и сточных вод; утилизация отходов и вторичных энергоресурсов; формирование сочетаний производств в целях совместной очистки или взаимного обезвреживания отходов и др.

Совокупность выделенных направлений очерчивает и структурирует поле географического поиска путей разрешения экологических проблем – тех путей, которые связаны с рациональным размещением объектов. Правда, направление 2 (уменьшение «природоемкости» и «отходности» отдельных предприятий) не является собственно географической задачей, но она имеет существенную географическую составляющую. Её суть – выявление территориально дифференцированных потребностей в этих мерах, а также регионализация экологически приемлемых технологий.

Таким образом, рычагом экологизации природопользования, мощным средством охраны природы здесь выступает (точнее, может и должно выступать) территориальное разделение труда.

II. *Представление об эколого-географическом положении геосистемы.*

В геоэкологических исследованиях, как правило, основное внимание уделяется состоянию природной среды в изучаемой стране (регионе), т.е. внутренним угрозам экологической безопасности. Однако «автономность» регионов, даже малых, нельзя абсолютизировать. Антропогенные изменения, раз возникнув в каком-либо природном компоненте, не локализируются в пространстве и времени, а передаются посредством вертикальных и горизонтальных связей вглубь – к другим природным компонентам и вширь – на соседние природные комплексы. Поэтому экологическое состояние изучаемого региона не может быть правильно понято и оценено без учета процессов, происходящих в других регионах, в особенности соседних. В этой связи необходимо изучение и внешних угроз экологической безопасности. Эффективным исследовательским инструментом для определения подверженности страны (региона) внешним угрозам является предложенная концепция эколого-географического положения.

Под эколого-географическим положением геосистемы понимается ее положение на Земле относительно экологически важных свойств пространства. Эколого-географическое положение региональной системы, в качестве которой может выступать и страна, определяется комплексом признаков, которые можно сгруппировать следующим образом:

- 1) экологические функции региона в глобальной геосистеме;
- 2) устойчивость природной среды региона к антропогенным воздействиям;
- 3) источники экологической опасности, внешние по отношению к данному региону;
- 4) природные и антропогенные «каналы» и «барьеры» распространения экологической опасности, свойства природной среды передавать и трансформировать антропогенные изменения природы и их последствия.

Оценка эколого-географического положения существующих хозяйственных объектов и поселений, а также регионов и стран выявляет лишь степень «удачности» такого положения, сформировавшегося во многом стихийно. Места размещения новых объектов нужно выбирать на основе анализа полей

признаков эколого-географического положения – с тем, чтобы посредством удачных (здесь: обоснованных) пространственных решений усилить достоинства объекта (и места) и сгладить их недостатки. Аналогично основой экологической безопасности регионов и стран выступают такая их специализация и такие траектории их развития, которые в максимальной степени соответствуют их природно-хозяйственным, экологическим условиям.

Помимо прикладного значения, представление об эколого-географическом положении имеет и важное научное, познавательное значение. Оно заключается в выявлении и описании принципиально новых характеристик географических объектов – тех характеристик, которые определяются расположением этих объектов относительно природных и антропогенных источников экологического риска, а также процессов, передающих и трансформирующих экологические опасности.

Представляется, что обсуждение и дальнейшая разработка рассмотренных категорий полезно для понимания тенденций территориальной организации общества, отвечающих современным экологическим вызовам.

Палеха Ю. Н.

РОЛЬ И МЕСТО РЕГИОНАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

На современном этапе общественно-экономического развития в постсоветских государствах роль и значение регионального планирования не только не утрачивает своего значения, но и приобретает совершенно новые формы. Для экономико-географов возникает острая необходимость осмысления своего места в этих процессах, активного участия, наряду с градостроителями, экономистами, специалистами других дисциплин в разработке качественно новой научной методологии регионального планирования.

Региональное планирование (районная планировка)¹ в СССР возникло в середине прошлого века и нашло свое практическое воплощение в разработке целого ряда крупных проектов, в том числе и на территории Украины. Среди них необходимо назвать работы по планировке Донбасса и промышленного Приднепровья, которые явились базисом для выработки методологии и методики районной планировки. Теоретико-методологические основы районной планировки разработаны архитекторами и географами (В. Н. Белоусов, Д. И. Богорад, В. В. Владимиров, В. Г. Давидович, В. И. Нудельман, Е. Н. Перцик, И. А. Фомин и др.).

После приобретения независимости украинская школа регионального планирования на короткое время оказалась в тупике. Разрушение старых границ, утверждение собственного законодательства в сфере градостроительно-

¹ В Украине за последнее время утвердился именно термин «региональное планирование» (региональная планировка).

го проектирования, формирование новых объектов территориального планирования (трансграничные регионы, международные транспортные коридоры), а главное, нахождение консенсуса между старыми традициями районной планировки и новыми, европейскими требованиями к пространственному планированию и устойчивому развитию регионов, зафиксированные в документах СЕМАТ и Совета Европы, вынудили украинских ученых и проектировщиков в короткий срок разработать новую концепцию регионального планирования.

Такая концепция в 1998–2002 гг. была разработана и практически апробирована в Украинском государственном институте проектирования городов «Діпромiсто» («Гипроград») под руководством Ю. Н. Белокопя. В основу концепции положена идея об иерархической структуре всей градостроительной документации: выделении трех уровней (общегосударственный, региональный и местный). Каждый уровень предполагает разработку определенного вида градостроительных документов (табл. 1) и является необходимым базисом для выполнения работ следующего уровня.

Таким образом, работы, которые традиционно воспринимаются как районная планировка или региональное планирование, отнесены к первому и второму иерархическим уровням.

Важнейшим условием организации работ по региональному планированию в Украине стало утверждение на уровне закона в феврале 2002 г. Генеральной схемы планирования территории Украины. Это важнейший градостроительный документ, определяющий долгосрочные параметры градостроительного развития Украины, планировочную структуру и виды преобладаю-

Таблица 1

Структура градостроительной документации в Украине

Иерархический уровень	Градостроительный документ	Объект проектирования
Общегосударственный	генеральная схема планировки территории Украины	государство
Региональный	схема планировки территории области	область
	схема планировки территории группы областей	область
	схема планировки территории административного района	административный район
	схема планировки территории группы административных районов	административный район
Местный	схема планировки территории трансграничного региона	область, административный район
	генеральный план	населенный пункт
	детальный план	часть населенного пункта
	местные правила застройки	населенный пункт, часть населенного пункта
	схема планировки территории сельского совета	сельский совет
	другие документы	населенный пункт, часть населенного пункта

щего использования ее территории, мероприятия по охране окружающей среды, памятников истории и культуры, формирование национальной экологической сети, общегосударственные приоритеты в развитии систем расселения, социальной и инженерно-транспортной инфраструктуры. Срок реализации Генеральной схемы определен 2021 г.

На основе решений Генеральной схемы в настоящее время начата разработка схем планировки отдельных областей Украины, а также Автономной Республики Крым.

Методика анализа современного состояния региона и выработки предложений по его дальнейшему градостроительному и хозяйственному развитию потребовала активного привлечения методов системного анализа, широко используемого экономико-географами в своих исследованиях. Суть методики, включенной в Государственные строительные нормы по разработке, согласованию и утверждению схем планировки отдельных областей в общих чертах заключается в следующем.

Анализ социально-экономического и градостроительного развития региона осуществляется по системе индикативных показателей, которые характеризуют имеющийся в регионе потенциал и раскрывают достигнутый ими уровень социально-экономического, экологического и планировочного развития путем сопоставления со среднесоветскими значениями. Объединенный анализ блоков и групп этих показателей обеспечивает выявление существующих в регионе проблем и является основой для выработки мероприятий по их решению. При осуществлении анализа города республиканского и областного значения объединяются с административными районами, которые их окружают.

С этой целью внедряется система показателей, имеющих следующую структуру.

Блок показателей, характеризующих потенциал развития административных районов и городов государственного, областного и регионального подчинения (таксонов) региона включает удобство транспортно-географического положения, обеспеченность природно-ресурсным потенциалом и основными производственными фондами, уровень развития транспортной сети, обеспеченность трудовыми ресурсами.

Блок показателей, характеризующих уровень развития таксонов, включает показатели, характеризующие их экономическое, социальное, градостроительное развитие, состояние окружающей среды и уровень развития социальной инфраструктуры.

Комплексный показатель потенциала и уровня развития таксона рассчитывается путем применения балльной оценки.

На основе сопоставления совокупных показателей потенциала и уровня развития каждого таксона производится их типизация по признакам высокой-

средний-низкий. Такая типизация позволяет выделить планировочные районы, каждый из которых характеризуется специфическими проблемами функционирования и развития.

Проблемные ситуации в каждом из планировочных районов могут быть решены путем реализации различных сценариев (экстенсивного для районов с высоким совокупным показателем потенциала и относительно низким показателем уровня развития и интенсивного для районов с противоположной ситуацией).

Необходимо отметить, что указанная методика была уже эффективно апробирована в институте «Діпромiсто» при разработке схем планировки ряда регионов Украины (Автономная Республика Крым, Львовская, Луганская, Одесская, Днепропетровская, Харьковская, Винницкая и др. области).

На наш взгляд, для современного этапа регионального планирования характерен высокий уровень интеграции различных научных дисциплин, формирование методологии и методики, основанной на широком использовании ГИС-технологий и методов компьютерного пространственного анализа. Все это значительно усиливает роль и значение экономической и социальной географии, одновременно расширяя предметную область и обогащая ее новыми идеями.

Попкова Л. И.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИГРАНИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА

Приграничное пространство находится в центре сложного переплетения связей и взаимовлияний. Особенности приграничных территорий во многих случаях определяются, во-первых, удаленностью от национального рынка, но близостью к рынкам соседних стран. Во-вторых, границы разделяют единые или близкие в этнокультурном отношении народы. Приграничные регионы выполняют в отношении своих стран схожие функции, обеспечивающие торгово-экономические и социальные связи.

В-третьих, различия соседствующих стран и регионов по структуре экономики, по уровню и соотношению внутренних цен, налоговому и инвестиционному законодательству, доходам населения и т.д. позволяют активно обмениваться соответствующими товарами, использовать институциональные различия в предпринимательской деятельности.

Последствием превращения административной границы в государственную являются точки на границе (международные и местные пограничные переходы), через которые устремляются противоположные потоки, которые не могут преодолеть возникшее препятствие. Все это формирует вблизи границы приграничную полосу, набор видов деятельности в которой во многом определяется самой границей при ее взаимодействии с окружающей территорией. Это взаимодействие определяет *специфику приграничного пространства*.

Проблематика «нового приграничья» является одной из самых острых в экономической, социальной и политической географии. В настоящее время складывается и трансформируется новая система региональных отношений на этой территории, от которой во многом будут зависеть и перспективы реализации планов по созданию единого экономического пространства стран ЕС.

Для этого необходимо углубленное исследование территориальной структуры, выявление территориальной дифференциации приграничного пространства. Решение этой проблемы связано с определением *интеграционно-го потенциала* территории, для чего обязательно выделение непосредственного приграничья, рассмотрение опорного каркаса расселения, поскольку города-лидеры, обладающие наибольшими возможностями для межгосударственного сотрудничества, и должны быть организаторами этого процесса.

Важно обозначить проблемы, которые имеют общее значение для обеих сторон или на одной стороне, но при целесообразности привлечения усилий и другой стороны. К ним относится, например, *совместное решение* вопросов, связанных с охраной окружающей среды, рациональным использованием лесных и водных ресурсов, оказанием взаимной помощи в чрезвычайных ситуациях, содействии реализации региональных экологических программ и др.

Немаловажно сохранение культуры путем создания для населения, проживающего в приграничных регионах, условий, обеспечивающих сохранение *национальных обычаев, духовных ценностей*. Это взаимодействие в социальной, культурной и в других областях деятельности, чтобы люди не титульной национальности не чувствовали себя ущемленными. Их интересы и мнения как национального меньшинства должно учитываться властями.

Как правило, граница разделяет ареалы проживания этносов. Приграничье характеризуется ситуацией, в которой удаленность от центра и близость к территориям с иным этническим составом населения ослабляют выраженность индикаторов государственной идентичности и усиливают те, которые связаны с соседним этносом.

Очень часто приграничье *«исчерчено» бывшими границами*, следы которых оказали воздействие на распределение населения, его этнический состав, диалекты, сеть городов, формы сельского расселения, отразились в топонимике, особенно в ономастике. Не представляя собой достаточно сценарированного крепкими связями экономического пространства, разные части приграничья существовали и развивались, взаимно дополняя друг друга.

Административно-территориальные преобразования в прошлом, миграционный обмен и межнациональные браки в прошлом и настоящем усиливают процессы этнического взаимодействия. В результате в приграничье складывается своеобразная этническая общность *с индикаторами этноса, отличными от эталонных*. Это переходный тип говоров, наличие смешанных элементов в культуре, традициях, обычаях и пр.

Внимательный взгляд на приграничное пространство обнаруживает в нем разнообразие составляющих его структурных компонентов, обусловленное историческими особенностями заселения территории, отсутствием значительных природных препятствий для ее освоения, а также множественностью происходивших здесь социально-экономических процессов. Приграничье насыщено многообразными этногеографическими связями, объединившими проживающее здесь население, с его характерными чертами и свойствами, дифференцированными в пространстве и изменяющимися во времени.

С географической точки зрения приграничные районы делятся на две группы, в которых:

– граница проходит по давно освоенным, плотно заселенным странам, следовательно, условия благоприятны для контактов, страны повернуты друг к другу благоустроенными частями;

– страны обращены друг к другу бедными, экономически хилыми, малонаселенными территориями, с плохими дорогами. Такие приграничные районы характерны для стран Восточной Европы, в том числе, для некоторых частей России и Украины. Для стран второй группы особенно важно, чтобы приграничные районы превратились в фасады стран. Как отмечают некоторые авторы, приграничные области фактически задают тон развитию межгосударственных торгово-экономических связей.

Особенности национального состава населения, длительный опыт совместного проживания на одной территории в близком соседстве, многообразные процессы «перемешивания» (межнациональные браки, работа в одних коллективах, заимствование традиций в быту, навыков в хозяйствовании и т. п.) определили желательность и **целесообразность этнопсихологического подхода**. Изучение этнических стереотипов является основным эмпирическим инструментом выявления черт национального характера.

За пределами договорных границ часто остаются ареалы с нехарактерными для отделенной территории качествами и свойствами. В случае с этническими границами это районы проживания иноэтнососов, обладающих языковой, культурной, психологической спецификой. Их учет необходим при разработке стратегии и тактики регионального развития. Один из новых теоретических взглядов, сложившихся в лимнологии, предполагает высокую эффективность исследования при изучении границы в тесной связи с проблемами идентичности.

Исследование доказало необходимость внедрения этногеографических и этнопсихологических методов в географических работах, посвященных районам со смешанным национальным составом населения. В приграничье четко прослеживается зависимость чистоты языка от урбанизационного статуса поселения. Хранителями коренной и позитивной этничности являются сельские населенные пункты. На другом полюсе – крупные города, в которых этнические

стереотипы слабо выражены при также позитивном отношении к другим этносам. Наиболее конфликтными являются малые города и поселки городского типа.

Для исследования приграничного пространства применялись как традиционные для любого экономико-географического исследования подходы, так и практически новый для географии подход – этнопсихологический.

В качестве междисциплинарной общенаучной методологии использована геопространственная парадигма, поскольку приграничье рассматривается нами как разновидность социально-географического пространства, образованного путем пересечения и взаимопроникновения полей отдельных объектов.

Комплексный подход в данной работе осуществлен путем привлечения к исследованию всего разнообразия взаимосвязей в рамках приграничных территорий. Помимо разных уровней взаимосвязей, очерчен круг полей приграничного пространства, которые, взаимодействуя между собой, формируют специфическое территориальное единство.

Для исследования приграничья необходимо проведение комплексных теоретических и эмпирических оценок механизмов взаимосвязи природных, исторических, социально-экономических процессов, определяющих состояние и эволюцию системы расселения, демографической ситуации, миграционного движения населения.

Особое значение придавалось *экспедиционному* методу как наиболее действенному эмпирическому способу изучения территории. Основные пути его реализации – наблюдение, как источник получения первичной информации об изменениях в приграничных районах, и измерение, т. е. наблюдение с использованием количественных показателей. Чаще всего применялся маршрутный способ, а также хорошо зарекомендовавший себя в социально- и экономико-географических исследованиях «метод ключей» с последующим распространением выводов на более обширные ареалы.

Потоцкая Т. И.

ПРОБЛЕМЫ ОТРАСЛЕВОГО ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В условиях относительной информационной закрытости, провести квалифицированный анализ развития конкретной отрасли национальной экономики России достаточно сложно. Официальная информация зачастую носит крайне противоречивый и спорный характер. Можно выделить несколько основных проблем, с которыми приходится сталкиваться каждому исследователю отраслевых отечественных рынков при работе с официальной информацией. Проиллюстрируем их на примере ювелирной отрасли, которая входит в сферу научных интересов автора.

Во-первых, база данных Федеральной службы государственной статистики России не достаточно полная, так как в нее попадают только средние и

крупные компании. Но существует целый ряд отраслей, для которых характерно производство товара, подверженного веянию моды, поэтому им приходится быть гибкими, а значит небольшими. Однако учесть это обстоятельство, используя официальную статистику практически невозможно. Другими словами, невозможно вычленил всех субъектов отрасли.

Во-вторых, с помощью официальной статистики не всегда возможно определить специализацию предприятия в рамках отрасли, даже на уровне производитель/продавец, так как компании зачастую имеют оба кода ОКВЭДа (общероссийский классификатор видов экономической деятельности) – производство и торговля. В свою очередь, выявить конкретную товарную специализацию то же затруднительно. Например, компании, специализирующиеся на производстве ювелирных изделий с топазами будут в одной группе с другими производителями ювелирных изделий, медалей из драгоценных металлов и драгоценных камней (ОКВЭД 362250). Это осложняет определение показателей емкости этих товарных рынков.

В свою очередь, существующие методики Федеральной службы государственной статистики России не фиксируют объемы производства предприятия, а фиксируют объем выручки. Очевидно, это далеко не одно и то же. Исключение составляет небольшое количество компаний, созданных еще в рамках СССР, которые на добровольной основе продолжают предоставлять информацию по старым статистическим формам, предусматривающим показатель производства.

Кроме того, официальная статистика никак не отражает смежные функции, выполняемые предприятием. Так, в гранильную отрасль (обработка алмазов) не попадают ювелирные компании, имеющие собственные гранильные цехи. Зато результат деятельности этих цехов учитывается в совокупной выручке конкретной ювелирной компании.

В целом, перечисленные проблемы не только не позволяют правильно вычленил субъектов изучаемой отрасли, но и заставляют сомневаться в объективности совокупных количественных рыночных показателей по отрасли (производство, выручка, занятые и др.).

Решение этих проблем автор видит в изучении отраслевых выставок, так как они представляют собой открытую и доступную информационную систему. Зачастую только одно присутствие исследователя на выставке во время ее работы снимает поставленные вопросы.

Отраслевое выставочное движение как вид экономической деятельности является порождением эпохи массового производства и потребления, призванным доводить до потребителя все существующие виды товаров и услуг. Благодаря ему на одной территории встречаются и тесно взаимодействуют все субъекты конкретной отрасли – производители, посредники, потребители. Поэтому отраслевая выставка может выступать в качестве источника информации

об особенностях их деятельности и территориальной принадлежности, а значит служить методом изучения развития конкретной отрасли экономики. Систематическое изучение выставок дает возможность определять состояние любой отрасли экономики и отслеживать тенденции развития. Более того, электронные ресурсы содержат большое количество первичной информации по выставкам. Данные обстоятельства в совокупности делают выставочное движение наиболее информационно открытой частью национальной экономики России (да и мировой экономики в целом). Это позволяет использовать выставки в качестве инструмента исследования определенного товарного и регионального рынка, что является актуальным для всех относительно «информационно закрытых» отраслей, к которым, безусловно, относится ювелирная отрасль.

Изучение отраслевого выставочного движения в России имеет недавнюю историю. Интерес к этой теме появился лишь в 90-х годах XX в. Поэтому, в научной отечественной литературе еще не сложилась общепринятая терминология, обозначающая отраслевые выставки. Чаще всего используются термины «промышленная выставка», «выставка – продажа», «выставка-ярмарка», «торгово-промышленная выставка». Первые три трудно считать корректными, так как термин «промышленная выставка» акцентирует внимание только на производителях, термины «выставка-продажа» и «выставка-ярмарка» на посредниках. Термин «торгово-промышленная выставка» полнее, чем остальные отражает суть явления, так как обращает основное внимание на ведущие субъекты отрасли – производителей и посредников, однако он не оставляет место предприятиям отраслевой инфраструктуры (например, в ювелирной отрасли – это центры сертификации драгоценных металлов, камней и в целом ювелирных изделий; системы безопасности и др.). К тому же товар, представляемый на выставке, может быть не только промышленного производства (например, сельскохозяйственная продукция и др.). В то же время, термин «отраслевая выставка» учитывает всех субъектов конкретной отрасли – производителей, посредников, предприятия отраслевой инфраструктуры, потребителей. Поэтому его использование является наиболее целесообразным.

Выставочная деятельность является междисциплинарным объектом изучения. К ней проявляют интерес представители экономики, истории, географии, социологии, психологии, философии и даже педагогики. При этом вне зависимости от научной принадлежности все исследования можно отнести к нескольким направлениям. Во-первых, это история становления выставочной деятельности в России. Очевидно, что большая часть работ в данной области выполнена историками (С. А. Корепанова, Ю. А. Никитин, М. Ю. Лачаева и др.). Во-вторых, это индустрия выставочного бизнеса. В работах данной категории выставочная деятельность рассматривается как самостоятельная отрасль экономики с присущими ей целями, задачами, механизмами функционирования. Данные исследования носят в основном экономический характер

(С. Г. Важенин, А. И. Татаркин, С. Н. Гаврилова, С. С. Попкова, С. Н. Трофимов, Э. Б. Гусев, В. А. Прокудин, А. Г. Салашенко, Н. В. Александрова, И. К. Филоненко, В. Г. Петелин, А. В. Сухоруков и др.). В-третьих, большая часть исследований, рассматривает выставки, как часть сферы услуг или как вид деятельности, обслуживающий интересы определенной отрасли или предприятия, и носит утилитарный характер. В данную категорию наряду с экономическими работами (И. Г. Бычков, В. А. Березовский, А. А. Горовой, Д. С. Жарников и др.) попадают и работы в области педагогики (М.Н. Гаранина) и психологии (Л. Ю. Вольдман). Четвертая категория исследований небольшая, в них отраслевые выставки рассматриваются, как источник информации. Это преимущественно социологические (С. Н. Македонский, А. Ю. Попова) и географические работы (Т. И. Потоцкая). И, наконец, есть ряд работ, посвященных изучению системы конкретных отраслевых выставок. В основном в них рассматриваются выставки агропромышленного комплекса (В. Ф. Федоренко), тонкой химии (О. А. Стрельцова), ювелирной отрасли (Т. И. Потоцкая), издательского дела (Н. Ф. Овсянников) и др. Наряду с научными, присутствуют аналитические исследования коммерческого характера по выставкам в области стройиндустрии, трикуму и др.

Большая часть работ, посвященных выставочному движению, была опубликована в конце 90-х годов XX в. и начале XXI в, что свидетельствует о появлении и постепенном формировании нового научного направления, объектом изучения которого выступают отраслевые выставки. При этом практически все они отражают особенности отраслевых выставок России. И только в небольшом количестве работ в той или иной мере учитывается международный опыт организации выставок и исследований в данной области (Е. А. Комякова, Э. Б. Гусев, А. А. Фролов, Т. И. Потоцкая). Зарубежное отраслевое выставочное движение, так же как и отечественное, молодо. В отличие от российских исследований, зарубежные исследования развиваются в рамках аналитических отделов отраслевых организаций и поэтому носят скорее деловой, а не научный характер (например, в мировой ювелирной отрасли – это Rapaport Diamond Report, IDEX).

В целом, отметим, что большая часть работ по отраслевым выставкам носит прикладной характер и самые лучшие из них легли в основу учебников для вузов по организации выставочной деятельности, которые рассматривают отраслевую выставку, как средство продвижения товара на отраслевом рынке.

Автор работает в области изучения отраслевых (ювелирных) выставок в течение последних семи лет (с 2003 г.). При этом основное внимание было уделено международным ювелирным выставкам, в то время как национальные выставки оставались вне поля исследования. Это обстоятельство связано со сложностью получения информации по национальным выставкам, так как в отличие от более статусных – международных, они, как правило, не имеют электронных

сайтов или не поддерживают их в течение года. Поэтому их изучение становится возможным только в экспедиционных условиях.

Однако накопленный за это время опыт позволил, во-первых, сформировать представление об организационной и территориальной системности выставочного движения в целом, и на этой основе разработать схему анализа отраслевой выставки. Во-вторых, отработать методы сбора информации по отраслевым выставкам (работа с календарями их проведения; электронными каталогами выставок, электронными сайтами выставочных объединений, выставок, отраслевых организаций; отраслевыми изданиями; экспедиционные исследования на самих выставках во время их работы). В-третьих, отобрать наиболее продуктивные методы обработки, систематизации и анализа накопленного материала (математические, статистические, моделирования, сравнительно-географический). В свою очередь, полученные результаты показали, что отраслевая выставка может выступать более объективным источником информации о развитии отраслевого рынка, чем официальная статистика. В частности, в определении таких ключевых характеристик отрасли, как ее субъекты, отраслевая структура, региональная структура. А вместе с официальной статистикой позволяет более объективно определять совокупные количественные рыночные отраслевые показатели.

Руденко Л. Г., Лисовский С. А.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В РАЗРАБОТКЕ СТРАТЕГИИ И ПЛАНОВ СБАЛАНСИРОВАННОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Стратегия перехода человечества к сбалансированному (устойчивому) развитию, признанная большинством государств мира, должна разрабатываться как единая, согласованная система мероприятий и действий. Стратегия каждой страны должна рассматриваться и быть по существу элементом общей системы действий, достаточно жестко вмонтированной в нее соответствующими связями с другими элементами и четко определенными параметрами, обусловленными потребностями функционирования системы как единственного целого.

Однако на практике наблюдается иная картина. Разрабатывая национальные стратегии сбалансированного развития, каждая страна в недостаточной мере учитывает внешние факторы. Подобное противоречие наблюдается и на локальных уровнях, при разработке проектов сбалансированного развития регионов, населенных пунктов и отраслей производства.

Успешный переход к сбалансированному развитию обеспечивается взаимосогласованностью глобальной стратегии перехода к сбалансированному развитию и ее региональных и локальных составляющих.

В рекомендациях Комитета Министров Совета Европы, (в 30.01.2002 г.), и в Люблянской Декларации («Люблянская декларация территориальных аспектов сбалансированного развития»), принятой на 13-ой Сессии Европейской кон-

ференции министров, отвечающих за региональное пространственное планирование, говорится о принципах «сбалансированного пространственного развития».

Пространственные аспекты являются одними из ключевых в системе обеспечения сбалансированного развития. Это обусловлено тем, что территориальные аспекты противоречий в системе «общество-природа» являются очень острыми, а их последствия в отдельных регионах становятся важнейшим фактором, определяющим состояние и перспективы развития территорий. Поэтому в разработке стратегии и планов сбалансированного пространственного развития особое место должно принадлежать географии, как одной из фундаментальных наук, изучающей территориальные аспекты взаимодействия общества и природы.

Уже аксиоматичным является тезис о том, что изучение проблем жизнедеятельности общества в природе является фактором, предопределяющим единство географии как науки. Считаем возможным отметить, что именно география является основным стержнем, интегрирующим весь комплекс исследований по проблематике сбалансированного развития.

Социально-экономико-географические (общественно-географические) исследования по разработке стратегии и планов сбалансированного пространственного развития имеют в своей основе изучение территориальных аспектов размещения и функционирования производства, особенности расселения населения и масштабов антропогенного влияния на состояние и качество компонентов природной среды на глобальном, региональном и локальном уровнях.

Изучение проблем сбалансированного развития отдельных стран, регионов, территориальных общин может дать корректные и объективные результаты лишь в том случае когда эти исследования будут рассматриваться (и быть по своей сути) элементом в системе изучения глобальных проблем обеспечения сбалансированного развития на планете.

Общественно-географическое изучение проблем сбалансированного пространственного развития отдельной страны должно учитывать внешние и внутренние факторы, определяющие возможности ее сбалансированного развития.

С учетом этого можно выделить два основных уровня общественно-географического изучения отмеченных проблем: надгосударственный и государственный. В пределах первого из них выделяются планетарный (глобальный) и макрорегиональный подуровни. В пределах второго – общегосударственный, внутригосударственный (региональный) и локальный подуровни.

В системе обеспечения сбалансированного развития важны все уровни – от глобального к локальному. Каждый из них выступает как обязательное звено, без которого невозможно осуществить реализацию модели данного развития. Однако среди этих уровней объективно, как главный для общественно-географических исследований, выделяется региональный уровень.

Причин этого несколько, среди них:

1. Региональный уровень является звеном, которое соединяет общегосударственный и локальный уровни.

2. Обеспечение сбалансированного развития государства зависит от сбалансированного развития ее регионов.

3. Сутью государственной политики сбалансированного развития является стремление реализации такого развития на региональном уровне. Соответственно концепция, стратегия и тактика обеспечения сбалансированного развития государства также имеют в основе своего построения региональный уровень.

4. В современных условиях глобализации все более возрастает роль транснациональных корпораций, следовательно еще более важными становятся аспекты, связанные с возможностями государства руководить процессами регионального развития. Поэтому региональные аспекты развития государства являются одними из главных при формировании механизмов перехода к сбалансированному развитию.

5. Развитие сотрудничества пограничных регионов соседних государств является сегодня одним из важных направлений обеспечения развития международной экономической интеграции.

6. Дополнительным фактором, позволяющим расширить потенциальные возможности сбалансированного развития государства является расширение прав регионов в осуществлении внешнеэкономической деятельности.

7. Учет региональных аспектов развития способствует корректировке пространственных и временных масштабов и направлений общественно-природного взаимодействия на территории государства, исходя из особенностей развития его природной и социальной составляющих.

8. Сбалансированное развитие на локальном уровне реализуется с учетом стратегических планов развития государства и его регионов.

Общественно-географическое изучение вопросов сбалансированного развития регионов Украины позволит:

- согласовать межрегиональное использование и обмен природными ресурсами;

- обеспечить, на основе учета природных условий, природно-ресурсных, экономических, исторических и культурных особенностей региона улучшения качества жизни и жизненного уровня населения;

- осуществить мероприятия, направленные на улучшение экологической ситуации в регионах, как основу для ее улучшения в стране в целом;

- предпринять усилия, направленные на повышение инвестиционной привлекательности наиболее проблемных регионов;

- предоставить регионам больше полномочий в сфере территориального планирования и реализации планов социально-экономического развития;

- расширить права регионов в осуществлении самостоятельной внешне-экономической деятельности;
- способствовать развитию сотрудничества приграничных регионов с регионами стран – соседей, реализацию общих экономических, природоохранных и социальных проектов;
- создать и обеспечить эффективную систему мониторинга процессов экономического, социального и экологического развития регионов и страны в целом.

КРАТКИЕ НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Аляев В. А.

О МЕТОДИКЕ СОЦИАЛЬНО- И ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ НАПРАВЛЕНИЙ РЕСТРУКТУРИЗАЦИЙ ХОЗЯЙСТВА ВОЛГОГРАДСКОГО РЕГИОНА

Экономическая и социальная география, как отрасль географической науки, сформировала основы рационального территориально-хозяйственного развития. Использование экономико-географических методов исследования служит важной предпосылкой в объективном обосновании территориальных и отраслевых приоритетов, способствует определению направлений реструктуризации хозяйства. В частности необходимо учитывать изменившиеся особенности экономико-географического положения области. Для понимания этого процесса необходимо усиливать комплексность понятия экономико-географического положения.

Особенности математико-географического положения области т.е. положения относительно экватора и нулевого меридиана показывают ее место среди других регионов России по особенностям природных условий. Хорошая обеспеченность области теплом является ее географическим преимуществом перед другими регионами и оно должно отражаться в структуре хозяйства. Политико-географическое положение Волгоградской области приобретает особую значимость. Она находится между восточной границей Украины и западной границей Казахстана. Область стала «ключом» России для Северного Кавказа, важнейшего региона страны. Претерпело изменения транспортно-географическое положение области. В прошлом оно являлось наиболее важной предпосылкой хозяйственного развития. При этом выгоды положения реализовывались на макротерриториальном уровне за счет межрайонных транспортных связей. В современных условиях, когда произошло снижение значения межрегиональных связей и возросла роль внутрорегиональных, степень значимости выгод макротранспортного географического положения потеряла былое влияние, но потенциал реализации выгод сохранился. Усиление внимания к выявлению индивидуальных черт ЭГП области отвечает современным

уровням хозяйственных проблем. Необходимо смещение акцентов и при хозяйственной оценке природных условий и ресурсов.

В ближайшей перспективе, когда в стране провозглашается курс на инновационное развитие, в Волгоградской области необходимо осуществить ряд хозяйственных преобразований. Во-первых, они должны базироваться на понимании того, что необходимо развивать трудосберегающие технологии, так как через 2–3 года начнется быстрый рост числа пенсионеров. Во-вторых, необходимо развивать агропромышленный комплекс. С одной стороны, в нем должны получить развитие новые технологии, как в сельскохозяйственном производстве, так и в перерабатывающих отраслях. С другой стороны, в связи со сложившейся демографической ситуацией в сельской местности, необходимо осуществлять преимущественное развитие сельскохозяйственного производства в зонах территориального влияния созданной производственной и территориальной инфраструктуры. В-третьих, необходимы меры по выводу химической промышленности региона на новый технический уровень по выпуску современной конкурентоспособной продукции. Устойчивость этой отрасли обеспечивается местной ресурсной базой. По нашему мнению, четкие отраслевые и территориальные приоритеты позволят хозяйству области перейти на инновационный путь развития.

Клименко Н. А.

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Современный этап развития отечественной социально-экономической географии (СЭГ) можно назвать кризисным. Сложившаяся в науке ситуация во многом обуславливается неоформленностью «ниши», занимаемой СЭГ в ряду инструментов решения проблем развития территорий, несмотря на то, что научная задача, стоящая перед ней, заключается в комплексном исследовании природы, населения и хозяйства в целях наиболее эффективного использования природных ресурсов, рационального размещения производства и создания наиболее благоприятной среды для жизни людей.

Практически весь научно-методологический арсенал, располагаемый сегодня СЭГ, был создан в эпоху индустриализации и применительно к условиям планового хозяйства и командно-административной системы управления. Научно-прикладные разработки, в свое время во многом определившие особенности территориальной организации и параметры развития хозяйственного комплекса страны, не получили дальнейшего развития применительно к условиям рыночной экономики ввиду резкого сокращения финансирования науки в целом и общественного заказа (в первую очередь государственного) на разработки такого рода при главенстве принципа «рынок все урегулирует». Обзор спроса в системах грантового финансирования научных разработок,

получивших развитие в настоящее время, также не говорит в пользу приоритетности экономгеографической проблематики и, соответственно, определяет низкую вероятность прохождения подобных проектных заявок. В результате, развитие СЭГ в целом сегодня характеризуется отсутствием мощных научных школ, снижением популярности географической профессии в виду неясности перспектив потенциального трудоустройства и, как следствие, ухудшением условий воспроизводства научных кадров.

В ряде появляющихся в последнее время работ, посвященных проблемам становления географии и ее теории, отмечается, что современный этап географического познания характеризуется тем, что географические науки перешли на такой уровень познания, когда новые теоретические знания получают не путем обобщения новых эмпирических материалов, а за счет изменения оснований познания, использования новых общенаучных концепций, методов и подходов, как собственно географических, так и других наук. В этом отношении, говоря о перспективах СЭГ нельзя не признать, что, с одной стороны, научный потенциал науки, даже в несколько устаревшем виде, представляет собой мощную базу для ее перспективного развития, но с другой – необходим поиск новых возможностей развития: новый взгляд на будущее, структурные изменения, новые методы и формы работы. Другими словами, СЭГ нуждается в переходе на инновационный путь развития и поиске идей, работающих на будущее.

Речь идет о выборе некоего предмета (предметной области), который дал бы новый импульс развития данному научному направлению.

Сегодня одной из тех сфер, которая может дать новый импульс развития географии является территориальное планирование (ТП). Это симбиотическое сотрудничество ТП и СЭГ уже начало складываться само собой, но пока лишь на «ниве» градостроительства. С одной стороны отраднo, что развивается столь мощное и востребованное прикладное направление географии. Но, с другой стороны, градостроительная деятельность является самостоятельной отраслью, которая регулируется исходя из ее внутренней структуры, а не по внешним причинам, и требования и рамки, предъявляемые к данной сфере Градостроительным кодексом, отводят географии подчиненную и ограниченную с точки зрения ее возможностей роль.

ТП является первой фазой градостроительной деятельности, позиционируемая как инструмент эффективного и устойчивого социально-экономического развития, важнейшая функция государственного управления и приоритетная стратегическая задача местного самоуправления, инструмент обеспечения конституционного права граждан РФ на здоровую и благоприятную среду обитания, иных имущественных прав и экономических свобод населения. Однако, если следовать букве закона в отношении требований к содержанию документов территориального планирования, достижение заявленных ориентиров крайне затруднительно, если не невозможно.

Не вдаваясь в детальную критику градостроительного законодательства и сопряженных нормативно-правовых актов, принципиальным является то, что в ТП в связи с разграничением полномочий между уровнями власти в данной сфере, исчезает территория как единый объект управления. Другими словами, территория глазами градостроителя видится как совокупность объектов капитального строительства (и земельных участков под их перспективное развитие) разного уровня значимости, существование и развитие которых регламентируется документами ТП соответствующего уровня. Таким образом, в Градостроительном кодексе не определен механизм комплексной функционально-планировочной организации государства, наиболее логичный в свете заявленных целей. На практике это приводит к функциональной и правовой чересполосице, территориальным и отраслевым конфликтам и т. д.

Проблемы мультиплицируются, принимая во внимание связи документов ТП со стратегиями и планами социально-экономического развития. Традиционно схемы ТП являются визуализацией всевозможных стратегий. Общеизвестно, что мероприятия стратегий и планов социально-экономического развития определяются в лучшем случае SWOT-анализом и разрабатываются достаточно шаблонно в отношении территорий различных субъектов. В результате, встает вопрос об адекватности стратегического управления и развития, с одной стороны, и потребностями объекта управления и возможностями его обеспечить, с другой.

Ряд специалистов, основываясь на накопленном опыте практической работы, придерживаются того мнения, что именно ТП должно стать первичным, определяя миссию территории и цели развития, а также вскрывая последствия неадекватного управления. Схемы ТП видятся не разовыми актами, а постоянно действующим способом контроля развития территории, мониторинга социально-экономического и экологического развития территории. С другой стороны, трудно не согласиться с тем, что разработка документов ТП без стратегического видения, понимания перспектив, целей развития тоже довольно затруднительна. Так или иначе, следует признать, что и стратегическое и территориальное планирование – сложные процессы с большой долей неопределенности, нуждающиеся в интеграции: в сопряжении по целям, задачам, принципам и методам разработки.

С учетом вышесказанного следует отметить, что именно с позиций географии можно наиболее комплексно и конструктивно подойти к решению обозначенных проблем территориального планирования и управления. Среди основных общегеографических задач в этом отношении выделяются следующие.

Во-первых, необходима разработка методологии проектного формирования условий устойчивого развития территорий. Это может быть обеспечено путем развития комплексной методики районной планировки в направлении разработки основ наиболее рациональной схемы пространственного распреде-

ления отраслевой структуры землепользования, а также методами ландшафтно-экологического планирования. Содержательными этапами данной методологии могут быть комплексный анализ ситуации в районе проекта, выявление проблем, задач, целей и обоснование возможных направлений отраслевого и территориального развития, определение приоритетов социально-экономического развития и параметров градостроительных преобразований, разработка инвестиционных программ и планов реализации мероприятий, обоснование экономической эффективности капиталовложений и проекта в целом и другие.

Во-вторых, требуется научное обоснование и практическая реализация комплексного мониторинга социально-экономических и экологических условий, как текущего, так и индикативного (применительно к оценке эффективности тех или иных стратегий, планов, мероприятий и пр.). В данном направлении широкие перспективы имеет использование геоинформационного моделирования для целей анализа природных и техногенных факторов риска, направлений оптимизации хозяйственной деятельности, природопользования и землепользования и др.

В-третьих, необходима разработка научных основ комплексной системы управления территориальным развитием. В этом отношении речь может идти, например, о популяризации и развитии идей А. А. Богданова, еще в 1920-е гг. предложившего всеобщую организационную научную теорию – тектологию, по существу схожую с общей теорией систем, и ее интерпретацию применительно к целям и задачам территориального управления.

В целом, СЭР нуждается в инновационном обновлении своего научно-методического инструментария, перспективы для которого в настоящее время открываются в сфере территориального планирования и управления. Одновременно с этим существенное внимание следует уделять активному позиционированию СЭГ в данной научно-прикладной сфере и популяризировать географический подход к анализу и решению проблем развития территорий.

Кочуров Б. И., Лобковский В. А., Смирнов А. Я.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

В современном мире, в зависимости от особенностей результатов деятельности, сформировалось два направления эффективного природопользования: деятельность для личного обогащения – преобразование природных ресурсов в излишества и деятельность для обеспечения жизни – преобразование природных ресурсов в необходимости.

Начиная с 90-х годов прошлого столетия, в России территориальная организация природопользования формируется без ясных целей, часто хаотично и стихийно. Необходимо, опираясь на фундаментальные достижения географии и смежных наук, провести системный анализ современного приро-

допользования с позиции его эффективности как основного результата общественно-производственной деятельности.

Эффективность природопользования создается трудом населения региона, в пределах территории региона, путем переработки предмета труда – региональных запасов природных ресурсов и сырья в экономически значимые привлекательные полезности или рыночный товар. Ее выражает соотношение результатов хозяйственной деятельности P и затрат на их достижение Z , выраженных в сопоставимых единицах: $E = P/Z$. Следовательно, эффективность есть безразмерная величина, число, показывающее, во сколько раз увеличится отдача единицы затрат ресурсов за счет их рационального использования.

Эффективность возникает в процессах хозяйственной деятельности, то есть целенаправленной последовательности действий, ограниченной привлеченными ресурсами. Полностью процесс характеризуется своими основными показателями: целями постановки процесса, способами достижения целей, затратами ресурсов на реализацию целей.

Традиционное использование для оценки эффективности региональной деятельности только денежного, монетарного подхода маскирует значение источников денежных потоков. А это региональные потенциалы живого квалифицированного труда, средств труда, потоки предмета труда (природных ресурсов и сырья), результата труда (продукции и услуг). В условиях нормальной рыночной экономики денежные потоки и их источники взаимосвязаны и обуславливают друг друга, как предполагается, справедливыми соотношениями. Поэтому, для оптимизации управления российскими соотношениями «деньги и их источники», необходимо сопоставлять (соотносить) традиционный монетарный и предлагаемый нами натуральный подходы расчетов эффективности природопользования, ориентированный на использование в расчетах эффективности природопользования в основном не денежных показателей региональной деятельности.

Исходя из этого, и строятся предложенные нами процедуры оценки эффективности регионального природопользования. Сравниваются показатели региональных процессов, однотипных по производственным доминантам: добывающим, обрабатывающим, добывающим и обрабатывающим, а также торговли и услуг. В ходе сравнения из массива исходных данных количественно выраженных показателей процессов или вербальных оценок свойств целей, способов и затрат формируется массив расчетных данных – количественно выраженных преимуществ в разгах по целям, способам и затратам, относительно минимальной оценки данного свойства данного показателя из всего множества однотипных процессов. Показатели оцениваемых процессов всегда сравниваются с одними и теми же одноименными показателями минимального уровня. Эти показатели сравнения считаются базовыми.

Процессы региональной деятельности, как известно, представлены тремя производственными отраслями: добывающей, обрабатывающей (готовая продук-

ция) и отраслями торговли и услуг, включая банковские. Отраслевые предпочтения развития региональной деятельности определяются, во-первых, историко-географическими условиями соотношения «население – территория – ресурсы – экономика» и, во-вторых, требованиями экономического развития страны. В каждом регионе соответственно имеют место процессы всех трех отраслей.

Анализ данных за 2000–2008 гг. обнаружил отраслевую миграцию регионов в направлении наибольших предпочтений. Так, была отмечена миграция субъектов РФ с тяжелыми и низкооплачиваемыми производственными условиями (добывающие и обрабатывающие отрасли с низкоэффективными сырьевыми технологиями) в более комфортные и высокооплачиваемые отрасли (торговля и услуги, в том числе финансовые).

Если рассматривать экономический кризис 2008–2009 гг. с позиций природопользования, то нами была отмечена многолетняя последовательность шагов по его возникновению. В основу построения моделей ряда положено три соотношения основных показателей регионального природопользования: 1) эффективность природопользования по прибыль-образующему и затратно-экологическому сектору; 2) креативная активность населения общенационального и индивидуального направлений; 3) эффективность рыночного сектора в натуральных и монетарных показателях природопользования.

На основании расчетов показателей процессов регионального природопользования, с использованием приведенных процедур были выполнены экспертные оценки соотношений регионального природопользования. По этим оценкам построено модельное поле развития регионального природопользования по трем направлениям развития: 1) «Производство» – антикризисное развитие от самоотверженного труда к гармонии согласования производственных интересов; 2) «Эко-развитие» – антикризисное развитие от после кризисного опустошения к гармонии согласования интересов эко-территорий; 3) «Накопление» – кризисное развитие от гармонии согласования интересов или к накоплению денег для последующего изъятия из социальной и производственной сферы.

Проведенные исследования позволяют выявить три типа отношений процессов региональной деятельности к последствиям финансовых кризисов. **Регионы наименьшего риска наступления финансового кризиса.** Финансовые потоки в равной мере обеспечивают общенациональные интересы (высокоэффективное использование природных ресурсов) и интересы личного обогащения (получение заслуженной прибыли). **Регионы – потенциальные генераторы финансового кризиса.** Регионы, в которых создаются условия для развития финансового кризиса. Финансовые потоки обеспечивают преимущественно интересы личного обогащения (получение наибольшей прибыли) за счет угнетения общенациональных интересов (снижение натуральных, не монетарных показателей эффективности использования природных ресурсов).

Накопление денег с целью их последующего изъятия из социальных и производственных процессов. *Регионы испытывающие последствия финансово-го кризиса.* Денежный дефицит. Оскудевшие финансовые потоки посылно обеспечивают устоявшие от кризисных неплатежей производственные процессы, при этом их производственные показатели низки из-за снижения личной заинтересованности обедневших слоев населения, занятых в экономике (низкие показатели благосостояния населения при снижении креативной активности населения индивидуального направления).

Заключение. Предложенный поход к оценке эффективности природопользования в отличие от традиционного монетарного, во-первых оперирует натуральными единицами: вес, объем, площадь, количество. Во-вторых, региональная деятельность рассматривается как процесс – целенаправленная последовательность действий, ограниченная привлеченными ресурсами, – и характеризуется целями действий, способами действий и затратами ресурсов на достижение целей. Впервые исследовался важнейший фактор управления региональной деятельностью – влияние ментальных показателей региональной деятельности на эффективность природопользования. Вспомним высказывание Р. У. Эмерсона: «Истинный показатель цивилизации – не уровень богатства и образования, не величие городов, не обилие урожая, а облик человека, воспитываемого страной». При исследовании причин, формирующих эффективность регионального природопользования, нас интересуют в этом обличке главным образом те аспекты, которые формируют рачительного хозяина России, вкладывающего свой талант в становление экономического могущества России, в повышение эффективности природопользования России.

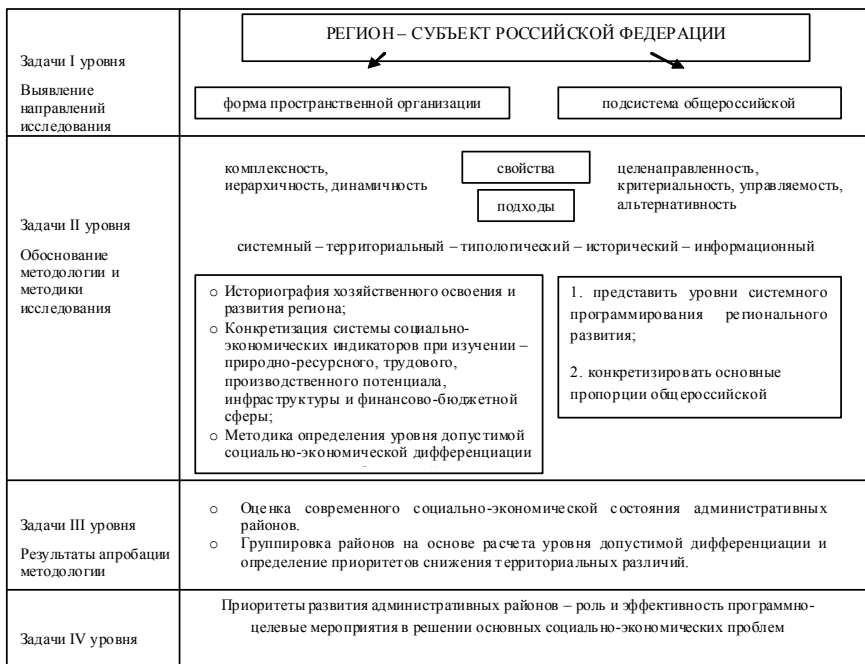
Результаты региональной деятельности в каждом регионе различаются по эффективности природопользования – главному показателю рачительности или расточительности хозяйствования. Они в значительной степени зависят от ментальных характеристик населения региона.

Сложившаяся ситуация не совсем отвечает стратегическим направлениям развития экономики России. Вначале ставилась задача наращивания ВВП. Наиболее простой путь решения этой задачи – торговля сырьевыми ресурсами страны. В соответствии с этой стратегией отраслевая иерархия региональной деятельности строилась от наиболее значимых торговых через добывающие к наименее значимым обрабатывающим отраслям. Такая стратегия привела к разрушению наиболее технологичных, наукоемких обрабатывающих отраслей и к гипертрофированному развитию торговых и добывающих отраслей. Нынешняя стратегия развития страны должна быть ориентирована на восстановление потенциала обрабатывающих отраслей. Отраслевая иерархия региональной деятельности рассматривается в соответствии с новой аксиоматикой отраслей: от наиболее значимых сегодня обрабатывающих через добывающие к торговым и обслуживающим отраслям.

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СИСТЕМЫ АНАЛИЗА
СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
СОСТОЯНИЯ РАЙОНОВ СУБЪЕКТА РФ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
НАБОРА СПЕЦИАЛЬНЫХ ИНДИКАТОРОВ
(НА ПРИМЕРЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Обобщенный анализ теоретико-методологических основ и практического опыта применения различных методик анализа современного социально-экономического состояния районов субъекта РФ показывает, что наиболее объективной при изучении региона является четырехуровневая система анализа с использованием набора специальных индикаторов. Вопросы региональной диагностики всегда занимали должное место в системе географических исследований. Методологию исследования регионального развития разрабатывали известные зарубежные У. Айзард, Т. Райнер и отечественные ученые М. К. Бандман, А. Г. Гранберг, С. А. Суспицин, Б. М. Ишмуратов, И. А. Романова и др. Настоятельная необходимость в диагностике регионального развития обусловлена следующим: 1) переход к экономической самостоятельности и к самоуправлению территориально-административных образований, требует проведения исчерпывающего анализа состояния производственных, социальных и экономических процессов; 2) для выхода из экономического кризиса и эффективного развития каждая региональная система должна проинвентаризировать возможности своего социально-экономического потенциала; 3) для прогнозирования направлений социально-экономического развития региона необходимы данные о ресурсном, демографическом, производственно-технологическом и научно-образовательном потенциалах. Методический подход автора к изучению региона основан на четырехуровневой системе анализа, где регион-субъект РФ выступает как подсистема общероссийской структуры народного хозяйства и как форма пространственной организации (рис. 1).

Данная система исследования хозяйства региона позволяет отобразить особенности территориальной структуры, раскрывает механизмы формирования и дает комплексную оценку возможностей функционирования региональной социально-экономической системы. Регион давно рассматривается как сложная система, в которой зависимости между элементами не могут быть описаны простыми функциями. Изучение общественной жизни в регионе возможно только на основе структуризации, выделения подсистем, совместное функционирование которых определяет динамику развития региона. Успех в решении задач выравнивания социальных и экономических условий развития субъектов зависит от выбранного подхода к подбору индикаторов классификации (рис. 1). Установка на системность обуславливает многоаспектность анализа. На основании индикаторов представлены общие тенденции и терри-

Рис. 1. Уровни и задачи исследования региона-субъекта РФ

ториальная дифференциация основных элементов социально-экономической системы: природно-ресурсного потенциала, трудового и производственного потенциала, инфраструктуры и бюджетно-финансовой сферы.

Таким образом, во-первых, исследуется способность экономики изучаемой территории обеспечить необходимый уровень материального достатка и реализовать основные права человека (право на труд, право на получение необходимых благ и т. п.). Учитывая влияние экономического состояния на последующие элементы анализа, природно-ресурсному и производственному потенциалу придается особое значение. Территориальный анализ природно-ресурсного потенциала осуществляется традиционным набором индикаторов, характеризующих состав минеральных ресурсов, их значение для развития отраслей специализации региона, эффективность использования. Учитывая сельскохозяйственную специфику районов области, на основании фактических данных появляется возможность уточнения природно-хозяйственного районирования территории, анализируется основа сельскохозяйственного производства.

Во-вторых, под воздействием экономических условий происходит стратификация населения территории по демографическим и социальным факторам. С одной стороны они отражают качественные и количественные характе-

ристики трудового потенциала региона. С другой стороны, проводится анализ уровня и качества жизни, а также состояние социальной инфраструктуры, как относительная ее доступность для жителей изучаемого региона.

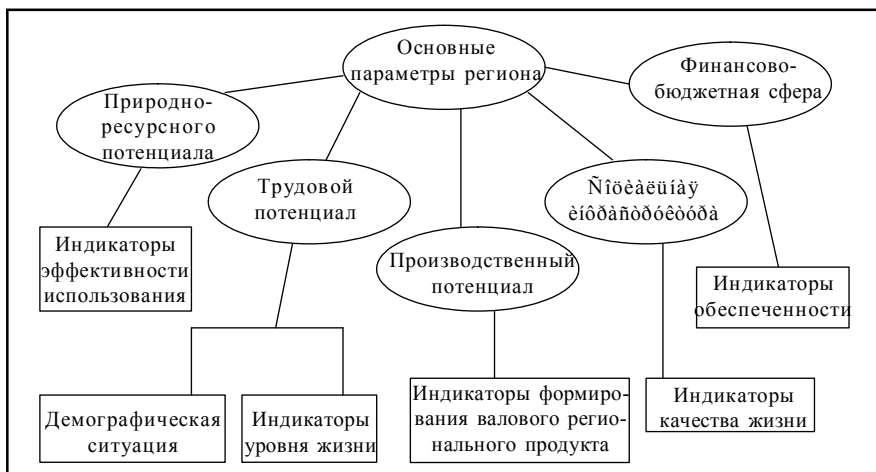
В методологическом плане нужно ответить на важнейшие вопросы: как далеко зашла социально-экономическая дифференциация, способствуют ли социально-экономические условия повышению жизненного уровня населения или, наоборот, обнажают аномалии в региональном развитии субъекта. Анализ требует обширной статистики как государственной (открытой), так и ведомственной, нуждающейся в аналитической переработке. С учетом задач исследования и согласно авторской методике, идентификация типичных проблем территориальных единиц проводилась без тотального ранжирования субъектов по количественным показателям. Частные показатели определялись путем расчета размера ступени приемлемых состояний и степени межрайонных различий (отклонения от средних значений индикатора).

Приоритет при исследовании современного социально-экономического состояния районов Омской области как субъекта РФ отдан географическим методам, объединяющим территориальную специфику с особенностями социально-экономических процессов.

В ходе всестороннего исследования истории развития и хозяйственного освоения, современного социально-экономического состояния районов Омской области автор приходит к выводу: в развитии районов отчетливо проявляется территориальная асимметрия, выражающаяся в общей социально-экономической структуре региона. Ориентация развития районов на удовлетворение рыночного спроса вызывает объективную необходимость опоры на внутренние ресурсы, что ставит их в неравные условия, усиливая асимметрию в развитии не только между северными и южными территориями области пределах одной природно-хозяйственной зоны. Необходимость ориентации на внутренние ресурсы обусловила выбор автором метода анализа основных элементов современной социально-экономической системы районов Омской области с помощью набора специальных индикаторов (рис. 2).

Исследование межрегиональных сравнений с использованием набора специальных индикаторов проводилось в два этапа: 1 этап – Согласно методике, иерархия (выделение однородных групп) территориальных образований в регионе определяется размером ступени приемлемых состояний (окрестности среднерайонных значений выбранных индикаторов). Размер ступени тем больше, чем выше степень межрайонных различий. В расчете по полной совокупности индикаторов ее размеры определялись отклонениями от средних значений индикаторов.

Второй этап исследования заключался в определении приоритетов снижения территориальных различий и уровней допустимой дифференциации. Общая логика расчетов состоит в следующем. При выбранном наборе индикато-

Рис. 2. Элементы исследования социально-экономического развития конкретной территории.

ров, например, социальной инфраструктуры, определяются среднерайонные размеры. Для районов с индикаторами ниже средних рассчитываются желаемые нормативы. На следующем шаге набор индикаторов сокращается на те из них, по которым были определены желаемые нормативы и расчеты повторяются.

После исследований была составлена характеристика регионального развития Омской области. Анализ социально-экономических индикаторов муниципальных образований и оценки их территориальных различий определил тенденции отрицательных и положительных процессов в развитии района. Полученные данные позволяют определить расстановку приоритетов в действиях администрации, а также структуру целевых инфраструктурных программ, следовательно, структуру бюджетных расходов. Как показывает практика перспективы развития многих субъектов РФ, в том числе и Омской области, связаны с усилением регулирующего воздействия региональной власти на снижение диспропорций внутрирегионального развития.

Литература

1. Горшенина Е. В. Приоритеты, механизмы и модели экономического развития региона: Дис. ... д-ра. экон. наук. – М., 2002.
2. Ковалева Н. М. Экономико-географические особенности социально-демографического развития Читинской области: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – Улан-Удэ, 2004.
3. Лазарева Ж. В. Социально-экономическое развитие субъекта Российской Федерации (на примере Омской области): Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – Барнаул: АлтГУ, 2005.

4. Лазарева Ж. В. Методологические основы программирования регионального развития РФ (на примере юга Западной Сибири) // Теоретические и прикладные вопросы современной географии. IV Всеросс. молодежная школа-семинар. – Томск: Изд-во ТГУ, 2005.

5. Лазарева Ж. В. Региональная асимметрия развития как следствие объективной необходимости опоры на внутренние ресурсы субъекта РФ (на примере Омской области). Мат-лы межрегион. научн.-практ. конф. «III Омские торгово-экономические чтения» – Омск: ГОУ ВПО РГТЭУ Омский институт (филиал), 2006.

6. Постановление Правительства РФ от 11.10.2001 № 717 (ред. от 03.12.2004) «О федеральной целевой программе «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 гг. и до 2015 г.)».

Махрова А. Г.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДА КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Город как объект изучения в отечественной экономической и социальной географии традиционно рассматривается как сложный территориальный комплекс. Не случайно Ю. Г. Саушкин выделил географию городов в отдельную комплексную экономико-географическую науку, в которой интегрируются наши знания в социальной, экономической, природно- и социально-экологической, институциональной и других сферах. Такой подход близок к современной парадигме устойчивого развития, которая также основывается на трех «столпах» устойчивого развития: экономики, экологии и социальном единстве.

При решении данной задачи перед нами возникает вопрос, можем ли мы жить в городах планеты достойным образом и можем ли мы чувствовать себя здесь как дома? Устойчивый город предоставляет возможность построения нового мира, когда взаимосвязанное и взаимозависимое развитие экономики, социальной сферы и окружающей среды как компонентов устойчивого развития может быть реализовано путем эффективного сотрудничества между городами и странами.

Устойчивое развитие современных российских городов имеет свои особенности, которые связаны, во-первых, с переходом от планово-распределительных к рыночным отношениям, а, во-вторых, от парадигмы развития индустриального города к постиндустриальному.

Переход от индустриального урбанизма к постиндустриальному привел к значительным изменениям в иерархии городов. Успешные городские центры, которые смогли перестроить свою экономику использовали разные модели модернизации: постиндустриальную (прежде всего Москва), индустриальную (особенно города с экспортно ориентированной экономикой), имиджевую (Мышкин, Великий Устюг и др.), рекреационную или их сочетание.

Большое количество городов является экономически депрессивными. Их наличие, а также недостаточно диверсифицированная экономика многих успешных центров, сохранение повышенной занятости населения в индустриальном секторе являются главными вызовами для экономики большинства российских городов на пути к их устойчивому развитию.

Не менее серьезные проблемы для устойчивого развития городов связаны со значительными социальными проблемами. По базовым критериям социального развития (долголетие, образование, доход), измеряемым индексом развития человеческого потенциала, Россия вошла в число развитых стран, но занимает только 67 место между Беларусью и Албанией. Главная причина этого – не столько невысокие доходы, как это было в 1990-е гг., а низкая ожидаемая продолжительность жизни. Этот показатель у городского населения страны, хотя и стал расти, все еще не достиг уровня 1990 г. (69,55 лет в 1990 г. и 68,21 в 2007 г.).

При этом дефицит демографических ресурсов будет увеличивать конкуренцию городов за население, а ограниченный внутренний миграционный потенциал и стран-доноров с русскоговорящим населением требует особого внимания к развитию толерантной среды, облегчающей адаптацию мигрантов.

В современном мире наиболее успешными оказываются креативные города с современными технологиями и толерантной средой, привлекающей талантливых людей. Высокий уровень образованности населения – статический индикатор талантливости – является важным конкурентным преимуществом городов страны. По доли лиц с законченным высшим образованием города страны значительно превышают нижние границы этого критерия «дорогого человека» постиндустриального общества (200–250 чел. на тыс. занятых).

Доступное жилье, наряду с долголетием и диверсифицированной экономикой является одним из пяти самых важных индикаторов устойчивости развития города. В городских поселениях РФ душевая обеспеченность жильем в 2007 г. она достигла всего немного больше 20 против 35–60 м²/чел в развитых странах. При этом огромная потенциальная потребность в жилье ограничивается его низкой финансовой доступностью. В 2000-е гг. коэффициент доступности жилья составлял в стране от 4 до 5 лет, т. е. согласно международной классификации жилье было существенно недоступным.

Особый вызов для российских городов на их пути к устойчивому развитию – это строительство городских сообществ из-за отсутствия традиций и отстраненности граждан от участия в решении городских проблем. Определение миссии города, его бренда не только повышает их конкурентоспособность, но помогает понять смысл городского сообщества и способствует вовлечению каждого члена городского сообщества в процесс его создания.

Занимаясь решением своих социальных проблем, города часто не способны ставить другие ключевые проблемы, включая вопросы экологии и окружающей среды.

Целый пласт проблем устойчивого экологического развития российских городов связан с повышенной ресурсоемкостью и технологической отсталостью предприятий градообразующей базы. Структурные сдвиги, произошедшие в промышленности к середине 2000-х гг., привели к увеличению доли наиболее ресурсоемких и «грязных» отраслей и резкому увеличению их доли в загрязнении окружающей среды, а уровень развития крупнейшего предприятия (отрасли) определял не только возможности «выживания» территории в кризисный период, но и особенности загрязнения. Так, в Липецке до 93% всего объема выбросов в атмосферу приходится только на один металлургический комбинат.

Важнейшей чертой всего постсоветского периода экологической характеристики российских городов является усиление роли автотранспорта: в больших и столичных городах он стал доминирующим фактором загрязнения. В 2000-е гг. одновременно с ростом парка происходят позитивные изменения в его структуре: увеличивается доля новых автомобилей и автомобилей зарубежного производства, улучшается качество топлива. Так, если бы в Москве не происходило улучшения «экологической» структуры парка, то на сегодняшний день количество выбросов вдвое бы превышало существующий уровень. Однако экологическое состояние города определяется не только уровнем выбросов от автотранспорта, но и их распространением. Типичная для многих городов радиально-кольцевая структура приводит к высокому перепробегу транспорта, перегруженности центра и к пробкам. Так, если в Нью-Йорке пробки возникают при уровне автомобилизации, равном 900 машин/1000 жителей, в европейских городах – 600–650, а у нас – уже при 200 машин/1000 жителей.

Отличия модели экологического поведения российских городов от модели «устойчивого» города очень ярко проявляются в отношении к использованию водных ресурсов. В городах России проблемой остается повышенное водопотребление населения и низкий уровень оснащения жилищно-коммунального сектора. Из-за дефицита финансирования очистные сооружения многих городов не ремонтируются и разрушаются, а степень очистки традиционно низкая. Характерной проблемой малых городов остается отсутствие ливневой канализации и отсутствие вывоза и переработки снега. Значительными остаются потери воды при транспортировке (30% только в тепловой энергетике), а доля оборотного водоснабжения составляет всего 56%.

В области утилизации твердых бытовых отходов вместо развития системы сегрегированного сбора отходов, рециклинга и мусоропереработки, использования мусора, как одного из альтернативных источников энергии, большинство даже региональных столиц как перспективное направление рассматривают строительство мусоросжигательных заводов. Во многих российских городах отсутствуют полигоны, а большая часть отходов располагается на необорудованных свалках.

Устойчивое градостроительное развитие города и устойчивая городская среда предполагают внедрение парадигмы нового урбанизма. Минимизируется расползание города, приоритет отдается пешеходу, велосипеду и общественному транспорту, инженерной инфраструктуре в духе устойчивого развития. Особую важность имеет формирование «соседств», когда разные слои населения проживают в домах разного класса, но в пределах одного района. Приглашение известных западных специалистов или архитектурных бюро пока не дало прорыва в этом направлении. В большинстве случаев после адаптации выполненных работ под потребности заказчика и действующие в России СНИПы от них мало что остается, кроме простой имитации архитектурных форм в стиле постмодернизма.

Главные вызовы сегодняшнего дня в устойчивом развитии российского города – это экология, создание гармоничной среды жизни, участие общества в решении проблем развития города (прежде всего социальных). Новый уровень управленческих решений означает, что для создания гармоничной среды жизни и решения вопросов развития города недостаточно триады «чиновник – девелопер – архитектор». Необходимо участие всех других специалистов-урбанистов, включая географов, и, конечно, простых горожан, для комфортной жизни которых и принимаются эти решения.

Тюрин В. Н., Чистяков В. И., Морева Л. А.

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ПРИКЛАДНЫХ АСПЕКТОВ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Вопрос о прикладных аспектах в социально-экономической географии весьма актуален. Его следует рассматривать в контексте всего цикла комплексности географических знаний, единства учебного и научного процессов. На пути положительного решения прикладного применения знаний встают трудности поиска адресности такого применения и слабой востребованности экономико-географических разработок. К этому следует добавить недостаточную интеграционность географических наук и инертное взаимопроникновение их методов. Эти слабые звенья, безусловно заложены в теоретико-методологических основах науки, требующих переосмысления с учётом тех социально-экономических изменений, которые произошли и происходят в России и мире. В связи с этим обоснованно появились голоса о серьёзном кризисе в экономико-географической науке, снижении её престижа. Эта тема была ярко озвучена в «Географическом вестнике» Пермского университета [2]. Авторы высказали свою глубокую озабоченность положением в социально-экономической географии. Обобщая высказывания авторов статьи, а также авторов, на которых были ссылки можно выделить следующие постулаты. Первый. Ситуация, сложившаяся в экономической географии, не соответствует статусу фундаментальной науки. Второй. Недостаточен поиск общих географических объектов

различных дисциплин географии, которые объединяют изучение природных и социально-экономических территориальных образований. Третий. Необходимо обновление теоретико-методологических основ науки.

Не менее пессимистичны в этом отношении высказывания ряда западных географов. Так, М. Чизхэм вообще считает географию не подготовленной к какому-либо практическому действию и призывает не обивать порогов в учреждениях, так как географы имеют мало научных достижений [3].

Можно соглашаться или не соглашаться с этим обескураживающим выводом. Однако применительно к рассматриваемой теме есть основание задаться тревогой.

Большое количество болевых точек имеется и в системе географического образования. Подходы, сложившиеся в подготовке экономико-географа, далеко не соответствуют требованиям задач, которые ставит жизнь. Преподавание более ориентировано на комментирование, передачу знаний как совокупности сведений о «специальности», в тоже время не учит специальности как таковой. Знания нужно не только передавать студенту, но и учить его мыслить.

В ряде случаев имеет место ярко выраженный дисбаланс в подготовке специалистов и профессиональным применением их знаний. Возникает ситуация, когда географические факультеты используются студентами для получения дипломов о высшем образовании. Сегодняшние выпускники не идут в школу, а растворяются в сфере различных компаний, в том числе страховых, рекламных и др., не имеющих отношения к географии. Вместе с тем география в школе испытывает большой дефицит в высокообразованных специалистах, в том числе обладающих знаниями, крайне необходимыми в условиях рыночной экономики. Фактически не создана система мониторинга и управления кадровым (специалистами-географами) обеспечением школ.

Переход к качественному росту экономико-географов, усилению прикладных аспектов в их подготовке важное значение имеет система мер в следующих направлениях.

1. Нужна существенная трансформация методики полевых исследований, закладывающей необходимые умения и навыки. Уместно привести высказывание по этому вопросу известного географа-аграрника А. Н. Ракитникова. Дискутируя со своими оппонентами о методах исследования, он писал о слабой разработанности приёмов экспедиционных экономико-географических работ. Справедливо подчёркивал неправомерность выдвижения на первый план описательно-образительного показа местности в ущерб научного содержания. Сформулированные им предложения о системе приёмов полевых исследований не потеряли и ныне своей ценности. Речь идёт о необходимости дать по любой территории компетентную характеристику, могущую быть использованной для практических целей и имеющую самостоятельную научную ценность как первичный материал экономической географии [1].

2. Потенциальное воздействие на профессиональные экономико-географические знания прикладного характера будут оказывать процессы интеграции российского образования в общеевропейское пространство в рамках Болонского процесса. Бакалавриат и магистратура увязываются между собой сквозными учебными планами. Это позволит совместить отечественную и европейскую системы образования и обеспечить преемственность в подготовке специалистов.

3. В условиях рынка могут быть востребованы для внедрения в практику научные потенциалы кафедры. Для этой цели необходимо выявление существующих у потенциальных потребителей проблем, которые могли быть решены за счёт экономико-географического интеллектуального капитала. Кроме того, возможно создание специальной программы обучения преподавательского состава и студентов правилам ведения предпринимательской деятельности. Не исключена возможность участия кафедры (факультета) в создании совместно с частным капиталом инновационной компании.

Одной из форм реализации научных разработок экономико-географов может быть участие в технопарках, которые призваны формировать престижный имидж территории. Такое участие усиливает коммерциализацию научной, инновационной, маркетинговой, выставочно-ярмарочной и образовательной сфер деятельности.

Назовём несколько вариантов работ прикладного характера, в которых экономико-географы Кубанского госуниверситета играли решающую роль (первый вариант), или были участниками выполнения программы наряду с другими ВУЗами (второй вариант).

1. Опытное проектирование модельных агроландшафтов в границах ключевых ландшафтных провинций. Цель: а) оценка насыщения агроландшафта элементами экологической инфраструктуры; б) рекомендации по рациональному использованию земель хозяйств с учётом морфологической структуры ландшафта; в) определение КПД агроландшафта и структуры его биоэнергетического потенциала. В качестве соисполнителей участвуют агрономы хозяйств, аспиранты, студенты.

2. Участие в разработке виноградарско-винодельческого кластера. Цель: а) оценивание экологических условий ландшафтов для размещения виноградников и производства вин географического наименования; б) выработка путей повышения конкурентоспособности винодельческой отрасли с учётом эффективной реструктуризации и модернизации хозяйственных связей между элементами кластера; в) рекомендации по организации брендинга винодельческой продукции для позиционирования вин кластера на российском рынке; г) проведение логистических исследований в целях оптимизации технологий поставок грузов, что позволит свести к минимуму объёмы производственных и товарных запасов. Это обеспечивает оперативное регулирование производственного цикла и сводит до минимума складские запасы виноматериалов; д) по-

мощь предприятиям кластера в организации бенчмаркинга, обеспечивающего сбор и оценку новых идей, перенятие инновационных методов управления.

В современных условиях ключом к успешному формированию прикладных аспектов экономической географии является адаптация этой науки к различным окружающим средам, реагирование на динамичные рыночные запросы.

Литература

1. *Ракитников А. Н.* Избранные труды. – Смоленск: Ойкумена, 2003.
2. *Трофимов А. М., Шарыгин М. Д., Мальганова И. Г.* Ренессанс географической мысли или кризис в географии? (Изменение общественной ситуации и задачи географов) // Географический вестник. 2005. № 1–2. С. 5–9.
3. *Chisholm M.* General systems theory and geography // Transactions, Institute of British Geographers 42. 1967. P. 45–52.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» № 2

Общие теоретические и методологические проблемы социально-экономической географии; понятийно-терминологическая система и концептуальные основы экономической, социальной, политической и культурной географии

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

Анимица Е. Г., Власова Н. Ю.

КОНЦЕПЦИЯ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ УРБАНИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ: РЕАЛЬНОСТЬ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В научной литературе, в публицистике, в планах и программах пространственного развития вновь активно используется термин «городская агломерация». Как и многие современные идеи, агломерации – это не что-то совершенно новое и неизданное, а достаточно хорошо забытое старое, о чем хотелось бы напомнить в данной статье.

Исследования агломераций в зарубежной и отечественной литературе имеет давние традиции. Необходимость изучать ступки городских поселений, взаимосвязанные группы поселений, развивающиеся на общей экономической базе, появилась с конца 1950-х годов с возникновением большого числа крупных городов, городов-миллионников, когда города начали «выходить из своих границ», когда начали строиться города-спутники и активно осваиваться пригородные зоны.

Возникновение концепции агломерации восходит к трудам Альфреда Вебера. Еще в начале XX в. он связал процесс развития производительных сил общества с усилением агломерационных тенденций. Согласно его воззрениям, рост промышленного производства, увеличение плотности населения, а также удешевление транспорта ведут к «непрерывному усилению агломерационных тенденций в промышленности» [2, с. 116].

Значительный вклад в развитие концепции агломерации внес американский экономист Эдвард Гувер. В конце 1940-х годов он подчеркнул преимущества городских концентраций, которые, несмотря на прогресс техники, транспорта и связи, обеспечивают большие выгоды при размещении различных отраслей промышленности. Причины этого явления он видел в том, что расположение различных отраслей, так же как и предприятий одной отрасли, в одном месте значительно снижает издержки производства. Он называл это снижение издержек «экономией городских концентраций». Город, писал Гувер, подобен крупному заводу, он обеспечивает «экономии от масштаба» и большим, и мелким фирмам, так как предоставляет всем фирмам транспорт, связь, вспомогательные и обслуживающие предприятия, банки и т. п. [5].

Термин «агломерация» применительно к расселению был введен французским географом М. Руже. Позже он стал синонимом английского понятия «конурбация» – группа пригородов, слившихся с главным городом, или несколько слившихся мелких городов. Впоследствии им стали обозначать группу городов и поселков, тесно взаимосвязанных между собой.

Сам термин «агломерация» в понимании, близком к нынешнему, пришел в отечественную геоурбанистику из Западной Европы уже в начале XX в. [1]. В отечественной литературе понятие городской агломерации использовалось достаточно широко под разными названиями. Это и «хозяйственный округ города» А. А. Крубера, и «агломерация» М. Г. Диканского, и «экономический город» В. П. Семенова-Тян-Шанского.

В современной литературе существует множество терминов для обозначения понятий, идентичных понятию «агломерация» и во многом с ним сходных: «городское скопление», «городской комплекс», «взаимосвязанное расселение», «групповая форма расселения», «урбанизированный район», «метрополитенский ареал» и др.

К концу 1970-х – началу 1980-х годов понятие городской агломерации (ГА) утвердилось не только в специальной литературе, но и в обиходном словоупотреблении.

Родоначальником внесения в отечественную науку понятия ГА принято считать П.И. Дубровина [3]. Активно работали в этом направлении В. Г. Давидович, Д. И. Богорад, Г. М. Лаппо, Ф. М. Листенгурт, И. К. Кудрявцев, Ю. Л. Пивоваров и др. Агломерация возникает тогда, когда концентрация городских видов деятельности выходит за пределы административных границ и распространяется на соседние населенные пункты.

С содержательной точки зрения определения агломерации можно условно разбить на три большие группы. В первую группу входят определения, сущность которых выражается термином «агломерация поселений».

Вторая группа определений особенно характерна для советских работ по ГА. Причем к ГА подходили одновременно и как к форме расселения, и как к форме размещения производительных сил. Достаточно распространенным был термин «промышленно-городские агломерации». В этом случае внимание обращалось прежде всего на хозяйственную основу ГА в виде локальных ТПК и промышленных узлов. Работы экономико-географов и экономистов, ведущих исследования в этом направлении, были посвящены вопросам совершенствования территориальной организации производства и выявлению экономических преимуществ ГА, обусловленных выгодами территориальной концентрации производства и инфраструктуры.

Появление третьей группы определений датируется серединой 1970-х гг. Этот процесс можно увязать с усиливающимися тенденциями «социологизации» науки. Внимание исследователей фокусируется на жизнедеятельности

человека. Еще в начале 1940-х годов архитектор и градостроитель Ле Корбюзье отмечал, что агломерация включает в себя все территории, на которых расположены земли, обслуживающие жизненные функции основного градообразующего ядра.

В работах И. М. Маергойза, Г. М. Лаппо и других авторов делался переход от рассмотрения ГА как совокупности только мест жительства и мест приложения труда к анализу локализации всех видов повседневной жизнедеятельности людей, включая отдых и социальное общение. Наиболее обоснованный и диалектический разбор множественных «за» и «против» агломераций дан известным российским географом Г. М. Лаппо. Согласно его определению городская агломерация – это компактная пространственная группировка поселений, объединенных многообразными интенсивными связями в сложную многокомпонентную динамическую систему [4].

Обобщая различные трактовки городской агломерации, можно дать следующее определение.

Городская агломерация – компактная и относительно развитая совокупность дополняющих друг друга городских и сельских поселений, группирующихся вокруг одного или нескольких городов-ядер и объединенных многообразными и интенсивными связями; это тот ареал, то пространство потенциальных и реальных взаимодействий, в которое вписывается недельный жизненный цикл большинства жителей современного крупного города и его спутниковой зоны.

Всплеск исследований городских агломераций приходился на 1970-е гг., затем постепенно интерес к этой форме расселения ослаб. Современная региональная наука и практика переживает новую волну исследований, посвященных городским агломерациям. В определенной мере это было обусловлено возвратом к теме городских агломераций «сверху» – первоначально в Концепции пространственного развития России, а затем в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации (2007 г.), в которых крупные городские агломерации с высоким качеством населения и развивающейся инновационной и образовательной инфраструктурой значились региональными зонами опережающего развития.

Однако можно увидеть существенные различия не только в понимании сущности городских агломераций, но и в реальных современных процессах их формирования и развития. Одним из базовых различий являются системообразующие связи. Если в советский период это были связи, в первую очередь, обрабатывающих производств, когда в центре городской агломерации размещалось крупное предприятие, а на периферии – его филиалы, то современную городскую агломерацию формируют несколько иные виды связей. На первый план выходят торговые, культурные, бытовые, финансовые, информационные и иные инфраструктурные связи. Изменилось пространство

потоков: внутри городских агломераций активно формируются линии транспортной инфраструктуры с заправочными станциями, кемпингами, кафе, ремонтными службами.

Развитие агломераций становится частью стратегии ряда субъектов РФ: Самарской, Ростовской, Челябинской, Иркутской областей. Развитие города в контексте агломерации стало частью стратегического плана развития г. Екатеринбурга и ряда других крупных и крупнейших городов (Перми, Челябинска, Владивостока и др.). Признается, что именно формирование мощных урбанизированных территорий, являющихся центрами притяжения капиталов, предпринимательских проектов и людей должно стать приоритетом регионального развития.

Задача в том, чтобы объединить ресурсы городов и прилегающих территорий и рационально их использовать (например, вместо двух мусороперерабатывающих заводов – один). Преимуществами агломераций является единая транспортная система, возможность совместного решения проблем рекреации, энергоснабжения, водоотведения и т. п. Кроме того агломерационное пространство дает возможность интенсифицировать и оптимизировать связи между населенными пунктами.

Формирование крупных современных городских агломераций обеспечивает следующие эффекты.

Во-первых, эффект масштаба для региональной экономики в виде развитого регионального рынка – а это и современные форматы торговли, и перспективные производства товаров потребительского рынка. Укрупнение потребительских рынков товаров и услуг, укрупнение и гомогенизация рынков недвижимости – жилой, торговой, офисной и промышленной – за счет развития инфраструктур.

Во-вторых, агломерационное пространство создает дополнительный привлекательный фактор для прихода в регион крупного бизнеса, а так же более широкие возможности местным компаниям дорасти до уровня лидеров рынка.

В-третьих, укрупнение (агломерация) рынков труда – большая емкость, разнообразие возможностей для работодателей и работников, большие возможности наращивать современные компетенции.

Наконец, важнейшее значение имеет «инфраструктурный эффект». Проекты строительства новых энергомощностей, мощных транспортных комплексов – портов, аэропортов, мультимодальных логистических центров и информационных узлов, оправданы и имеют большую экономическую отдачу именно для агломераций. То же касается образовательной и особенно инновационной инфраструктуры.

Ключевыми условиями дальнейшей трансформации агломераций являются: усиление специализации различных территорий внутри агломерации;

активизация маятниковой миграции, обеспечивающей единство рынка труда; развитие общего потребительского рынка; формирование общего рынка капиталов, рынки жилой, коммерческой и промышленной недвижимости; сопоставимые стандарты качества и уровня жизни; расширение совместно используемых инфраструктурных объектов; доступность по транспортным коридорам и наличие регулярных междугородних электропоездов, автобусов.

Одной из основных проблем в настоящее время является организационное оформление агломерации как сложного и многокомпонентного явления. Существует несколько организационных моделей взаимодействия – от гипотетического объединения в одно муниципальное образование, до формирования советов агломерации, союзов и ассоциаций самостоятельных муниципальных образований, входящих в агломерацию. По-видимому, наиболее рациональным и оптимальным вариантом является именно формирование союзов, установление совместных партнерских отношений и механизмов экономического, градостроительного и иного развития, способствующего формированию единого целостного агломерационного пространства. Это предусматривает координацию деятельности органов местного самоуправления МО, принятие взаимоувязанных и экономически обоснованных нормативных решений, обсуждение общих проблем, обмен мнениями.

Важным моментом является разработка правовых механизмов регулирования экономической и градостроительной деятельности агломерации. Создание системы градостроительной документации – основы развития планировочной структуры и подсистем: транспорта, инженерной и социальной инфраструктуры, промышленного комплекса, рекреации, охраны окружающей среды. На первом этапе может идти установление территорий (зон) совместных интересов, связанных сбалансированным развитием социальной, природоохранной, транспортной, информационной и иной инфраструктуры. Впоследствии необходимо создавать механизмы, позволяющие эффективно использовать и маневрировать природными, трудовыми, финансовыми и иными ресурсами и способствующего созданию единого пространственного организма.

Задачей развития агломерации является форсированное развитие транспортных и коммуникационных инфраструктур, создание общих логистических центров. Критически важным моментом является доступный скоростной общественный транспорт, соединяющий между собой ядра (ядро) агломерации с городами-спутниками. В качестве вариантов может рассматриваться создание рельсовой системы скоростного железнодорожного транспорта, скоростного трамвая. Кроме того, необходимо строительство скоростных автодорог. Важным моментом является разработка и реализация проектов, направленных на расширение «узких мест» в ресурсном обеспечении агломерации (обеспечение стройматериалами, электроэнергией, водой и др.).

Литература

1. Вебер А. Рост городов в XIX столетии. – СПб., 1903.
2. Вебер А. Теория размещения промышленности. – Л.–М., 1926.
3. Дубровин П. И. Агломерация городов (генезис, экономика, морфология) // Вопросы географии. Сб. 45. – М.: Географгиз, 1959. С. 23–36.
4. Ланно Г. М. Развитие городских агломераций в СССР. – М.: Наука, 1978.
5. Hoover E. M. Location of Economic Activity. – N.Y., 1948.

Архипов Ю. Р.

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К МОДЕЛИРОВАНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ

Предлагаемый подход опирается на существующие общие подходы и концепции исследования расселения населения. Наиболее общей концепцией исследования реальных объектов является системная концепция, играющая методологическую роль научных исследований. Системная постановка проблемы заключается не только в рассмотрении исследуемого объекта как системы, но и в решении системы взаимосвязанных задач.

Важной концепцией для математико-географического моделирования систем расселения является концепция единой системы расселения (ЕСР). Это вытекает из того, что, во-первых, система расселения рассматривается как единство городских и сельских поселений, во-вторых, определяются цели (целевые функции) задач регулирования расселения населения, которые сводятся к тому, что населенные пункты разных типов должны обеспечивать благоприятные условия жизнедеятельности людей, как в городской, так и сельской местности.

Концепция опорного каркаса расселения (ОКР) акцентирует свое внимание на существенных чертах расселения населения. Значение концепции опорного каркаса расселения (ОКР) для моделирования систем расселения заключается в следующем: во-первых, она важна для выявления (делимитации) территориальных систем расселения, которое является начальным этапом их моделирования. Дело в том, что делимитация территориальных систем расселения, в основном, основывается на выявлении их центров (узлов) и определении зон тяготения центров путем анализа связей центров с окружающей средой. Важным компонентом анализа связей центров с окружающей средой является транспортная составляющая. Во-вторых, из концепции ОКР вытекает одно из основных положений моделирования единой системы расселения (ЕСР): опорные центры ЕСР в модели целесообразно рассматривать как отдельные объекты.

Однако концепция ОКР непосредственно не учитывает (или почти не учитывает) сельское расселение, которое является важной составной частью ЕСР. Казалось бы, что идеи ОКР можно использовать и для сельского расселе-

ния, однако это возможно только при крупномасштабном исследовании (микроуровень). На мезо- и макроуровне излишняя детализация часто невозможна, да и не нужна. Здесь нужен другой подход, основанный на использовании средних и сгруппированных показателей.

Большое значение для моделирования интегральной (единой) системы расселения имеет теория центральных мест. Одна из важных идей этой теории является идея иерархичности, соподчиненности поселений-центров, взаимодополняемости центров и их зон влияния. Эти идеи, дополненные основными положениями рассмотренных концепций, на наш взгляд, могут служить методологической базой математико-географического моделирования систем расселения, где воедино рассматриваются городское и сельское расселение.

Иерархия поселений порождает иерархию территориальных подсистем единой системы расселения (ЕСР). Естественно, что соподчинение поселений происходит по различным функциям. Связи соподчинения имеют «вертикальное» направление, от рядовых поселений к поселениям более высокого уровня. Эти связи имеют разнообразный характер. Основными из них являются хозяйственные связи, связи обслуживания населения, связи хозяйственного и административного управления. Последний вид связей всегда относится к классу «вертикальных» связей. Хозяйственные связи могут быть и «вертикальными» (между поселениями разных уровней иерархии) и «горизонтальными» (между поселениями одного уровня иерархии). Связи по обслуживанию населения являются, как правило, «вертикальными». Население поселения, где нет предприятия, предоставляющего определенную услугу, получает данную услугу в поселении-центре более высокого уровня иерархии. Однако возможны случаи взаимообслуживания поселений одного уровня иерархии по разным функциям обслуживания. В этом случае мы имеем «горизонтальные» связи между поселениями-центрами и совокупность поселений, группирующихся вокруг этих центров, может образовать полицентрическую территориальную систему расселения. На практике такие случаи не так часты. Как показал анализ иерархического соподчинения поселений Чувашии, обычно они встречаются на нижних уровнях иерархии поселений. Можно предположить, что отклонение фактической иерархии поселений от строгой (теоретической) иерархии происходит вследствие неразвитости существующей иерархической структуры системы поселений. Очевидно, что с течением времени одно из поселений-центров должно занять более ведущее положение или полицентрическая система преобразуется в совокупность моноцентрических систем, или, при территориальной близости центров, поселения-центры сольются в одно.

Поселения-центры, выполняя определенные функции и притягивая к себе поселения меньших уровней, формируют территориальные системы расселения. При этом каждое поселение тяготеет к определенному центру и входит в соответствующую территориальную систему расселения. В этом случае

нет изолированных поселений, не входящих ни в одну систему. В этом нам видится одно из преимуществ данной концепции.

Соотношение территориальных подсистем разных уровней образует территориально-иерархическую структуру. Однако при моделировании систем расселения рассмотреть эту структуру полностью «сверху донизу» сложно, особенно для систем расселения регионального и выше уровней. Это связано с большой размерностью модели и трудностями сбора информации, которая зачастую отсутствует в статистических органах. Поэтому иерархия центров и территориальных подсистем часто рассматривается только для верхних уровней. То есть в модель как отдельные объекты включаются только те поселения-центры, которые составляют опорный каркас всей системы расселения. Остальные поселения, относящиеся к нижним уровням иерархии, рассматриваются в совокупности, как система (объект) низшего уровня. Иерархическая структура этой совокупности не принимается во внимание, но рассматриваются другие виды структур, например структура по плотности или функциональным типам поселений. Такой подход моделирования систем расселения можно назвать структурно-функциональным.

В чем отличие данного подхода от обычной концепции иерархии центральных мест? Во-первых, и это самое главное, иерархия центров рассматривается совместно с выполняемыми ими функциями, в первую очередь, базовыми (градообразующими или поселкообразующими). Во-вторых, рассматривается не только иерархия поселений, но и иерархия территориальных подсистем расселения. В-третьих, совокупность поселений, не вошедших в выделенную иерархию, рассматривается структурно. Данный подход использует идеи рассмотренных выше концепций. По сути дела он является сочетанием существующих концепций.

Структурно-функциональный подход был использован для построения системы моделей регионального расселения, которая была апробирована для Чувашской Республики. Она включает в себя модель иерархической структуры регионального расселения, модель развития системы опорных центров, модели структур процессов развития дополняющих опорные центры районов, модели локальных систем расселения и модели отдельных поселений. Предлагается поэтапная реализация моделей.

Первый этап моделирования заключается в анализе и моделировании иерархической структуры региональной системы расселения. На этом этапе базируется следующий этап – моделирование развития системы опорных центров, которое предлагается проводить в увязке с развитием их зон влияния (дополняющих районов). Так как дополняющие районы низших уровней иерархии рассматриваются в целом и состоят из большого количества, как правило, сельских поселений, то целесообразно определить динамику структуры процесса их развития. Представляется, что это лучше всего делать по отдельным

уровням иерархии дополняющих районов, имея в виду, что факторы развития поселений по-разному себя проявляют на разных уровнях иерархии. Моделирование отдельных локальных систем расселения представляет следующий этап и предназначено для определения более детальных показателей их развития. Наиболее детально вопросы развития поселений могут быть рассмотрены в моделях отдельных поселений, которые подразделяются на модели городских и сельских поселений.

Предлагаемые модели взаимосвязаны. Основные виды связей – это прямые связи от моделей агрегированных и большего территориального масштаба к моделям более детальным и локальным. Эти связи проявляются в использовании результатов предыдущих этапов моделирования в последующих этапах. Но кроме этих связей существуют и обратные связи. Они выражаются в виде согласования результатов, полученных на определенном этапе, с результатами предыдущего этапа (или предыдущих этапов), которое может привести к коррекции в постановке и реализации моделей. Таким образом, процесс реализации системы моделей регионального расселения имеет не только однонаправленный, но и итерационный характер.

Естественно, что предлагаемая система моделей это одна из возможных. Ее реализация в полной мере возможна силами коллектива исследователей. В данной работе показаны ее основные черты, возможные типы моделей и их взаимосвязи.

Бугроменко В. Н.

ТРАНСПОРТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

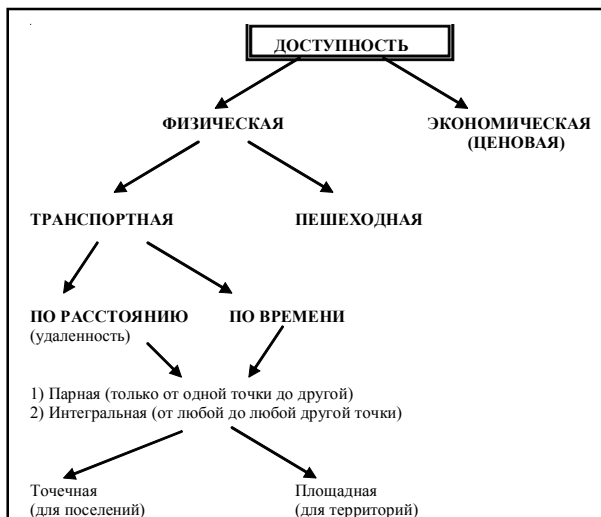
На исключительную роль транспорта в создании пространственных преимуществ производительных сил указывал еще Н. Н. Баранский: «Положение по отношению к путям сообщения приходится учитывать чаще всего, оно имеет большое и в то же время наглядное значение. Поэтому не следует удивляться тому, что термин «транспортное положение» нередко употребляется вместо термина «экономико-географическое положение» [2]. Более того, можно утверждать, что в особенностях пространственного функционирования транспорта заключена практически вся специфика экономико-географического подхода. Это связано с тем, что сама территориальная организация производства есть результат частично или полностью реализованных возможностей, предоставляемых транспортом, так как пределы пространственного взаимодействия производства лимитированы предельными возможностями транспортной инфраструктуры. Однако в последнее десятилетие возрастает роль телекоммуникаций.

Транспорт является индикатором территориальных особенностей в широком смысле слова и важнейшим компонентом социально-экономичес-

кого качества мест, а также выступает как ограничитель операционного пространства, т. е. как «замыкатель территории». Многочисленные публикации по «сжатию пространства» в региональной экономике и проектировании городов также называют транспорт в качестве чуть ли не единственного оператора сжатия. Таким образом, пространственная организация общества состоит из двух условных блоков: размещения производительных сил (населения) и оператора различных взаимодействий (транспорт и телекоммуникации). Экономическая и социальная подоплека пространственной организации общества –реализация пространственных привилегий за счет транспорта. Ключевым понятием здесь является транспортная доступность.

Дефиниции и трактовки. В современной трактовке на Западе транспортная доступность восходит в У. Хансену, который определил ее как потенциальные возможности для достижения (различных мест) [15], что играет важную роль в теориях размещения. В учебниках по транспортному планированию в триаде «потоки – мобильность (грузо- или пассажирооборот) – доступность» первична доступность, которая создает возможности для физических перемещений. Понадобились десятилетия, чтобы тезис «главная цель транспортного планирования – самоподдерживающаяся (sustainable) доступность» превратился в новую парадигму. Ниже приводится классификация доступности (рис. 1).

Более 80% исследователей оперируют интегральной транспортной доступностью, поскольку в отличие от парной она носит системный характер. Однако расчеты интегральной доступности проводятся крайне редко и здесь доминируют модели парной доступности (как более простые).

Рис. 1. Классификация доступности

Среди интерпретаций интегральной транспортной доступности можно выделить следующие:

- то, что сжимает пространства (во времени);
- надежность территориальной организации общества [5];
- основа дружественной транспортной среды;
- то, что искривляет экономическое пространство;
- выравнитель возможностей, в частности для снижения бедности;
- геополитический ресурс [10];
- трансграничный регулятор [11].

Обобщая вышеназванные интерпретации, *можно определить транспортную доступность как системный индикатор пространственных возможностей общества, реализуемый с помощью транспортной инфраструктуры, который оценивает конкурентоспособность различных местоположений.*

На наших глазах происходит смена парадигм в транспортном планировании, связанном с отходом от планирования преимущественно объемных показателей к планированию социально-ориентированных индикаторов, что отражает фундаментальный разворот от производителей транспортных услуг к потребителям. В силу инфраструктурной природы транспорта потребителям неинтересны объемные показатели или показатели эффективности работы производителей транспортных услуг. Их интересует качество жизни в той части, что формирует транспортная инфраструктура. На Западе этот сдвиг, называемый переходом от ориентации на мобильность грузов и людей к ориентации на доступность, получил широкое распространение [12, 17]. Отражением этого сдвига стала Транспортная стратегия РФ до 2030 г., в которой три из шести целевых блоков связаны с улучшением транспортной доступности в стране [8].

В практике международных организаций (ООН, ОЕКД) закрепились три принципа социально-ориентированного устойчивого развития: социальный прогресс, равенство возможностей и справедливость, что включает в себя такие темы, как бедность, качество местоположения жилья, занятость, образование, здоровье. Считается общепризнанным влияние транспортной доступности на каждую из вышеназванных составляющих социального прогресса.

Так, S. Curtis в капитальном труде «Здоровье и неравенство», разработанном под эгидой ВОЗ, доказал, что распределение доходов не является фундаментальной причиной здоровья населения. Более важными причинами являются качество воды и состояние транспортной сети. Ряд болезней зависят чуть ли не линейно от транспортной доступности. Даже в Великобритании в 40 км от госпиталя наблюдаются регулярно лишь 61% населения [14], в развивающихся странах и России начиная с 4 км от дорог с твердым покрытием резко снижается диспансеризация населения, а значит накапливаются хронические болезни и растет смертность [1]. По результатам исследований ООО «Геограком» в 34 регионах РФ и СНГ три медицинских явления имели стати-

стически достоверную регрессионную зависимость от величины транспортной доступности – туберкулез, инфекции и младенческая смертность [6].

Чрезвычайно велико влияние транспортной доступности на занятость. Примерно 10% безработицы объясняется недостатком транспортной доступности [16]. В России эта зависимость колеблется от 4,5 до 24% [3].

Влияние транспортной доступности на уровень бедности рассматривается не только посредством ее ценовой составляющей, но и через равенство возможностей [13], при этом, чем больше горизонт планирования, тем выше роль транспортной инфраструктуры как фактора регионального развития, в рамках которого происходит сглаживание социальных различий [7].

Весьма заметно влияние транспортной доступности на подвижность населения и миграционную привлекательность мест проживания. Так темпы механического прироста населения в 30-минутной зоне доступности до магистралей в несколько раз выше, чем за ее пределами.

Многообразно влияние транспортной доступности на экономическое развитие, однако здесь рассматриваются только ее социальные аспекты, важные с точки зрения конструкции минимальных социальных транспортных стандартов.

Количественные методы и модели транспортной доступности. Между пониманием транспортной доступности как явления и его измеряемостью – большая пропасть. Доминируют упрощенные модели парной доступности в виде изохрон, псевдогравитационных агрегатов, (экономического) равновесия, функции полезности [18]. Парная доступность в виде изохрон есть линейная (как правило) функция удаленности от заданной точки, «социальная гравитация» основана на предположении взаимодействия людей и населенных пунктов наподобие тяготения физических тел с использованием колибровки модели, модель аналога экономического равновесия предполагает учет баланса интересов (по-существу разновидность предыдущей модели с ограничениями). Модель доступности на основе функции полезности имеет вид:

$D = L * A * F(C)$, где L – длина сегмента пути, A – привлекательность сегмента, например, в виде технической оснащенности, F – функция стоимости прохождения сегмента.

Системные модели транспортной доступности предполагают оперирование матрицей доступности (от любой до любой другой точки назначения), при этом эти точки могут взвешиваться по численности населения, объему отправляемых грузов, административному рангу и т. д.

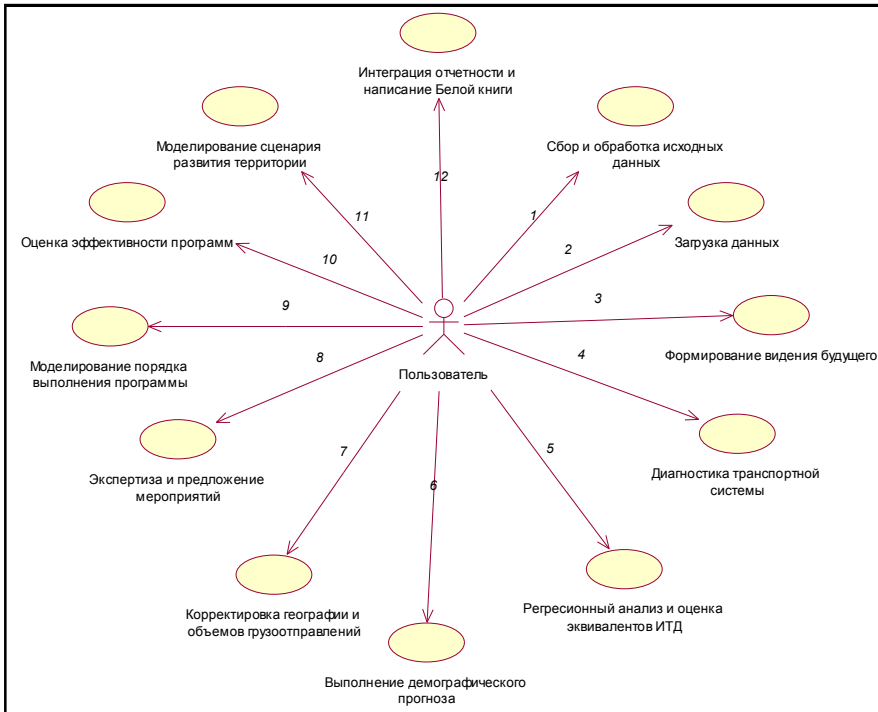
Системные модели доступности используются на порядок реже. Одним из первопроходцев в СССР был М. Хауке, который в 50-х годах использовал «всеобщую» доступность в градостроительных оценках [9].

Типичным примером использования системной модели транспортной доступности является модель SASI, применяемой в Европейском сообществе

[19]. В ней семь взаимосвязанных блоков (ВВП, занятость, население, работоспособное население, социально-экономические индикаторы, транспортная сеть и в центре – доступность. Модель дает прогноз душевого ВВП в зависимости от транспортной доступности. За десятилетие коэффициент детерминации снизился на 5–10%.

Модель Геограком. В России наиболее масштабным было использование модели Геограком. В этой модели интегральная транспортная доступность выступает сквозным регулятором при принятии решений и трактуется как аналог потенциальной надежности функционирования единой сети транспортной инфраструктуры. В ней дополнительно оценивается конфигурация сети (топология) как автономный ресурс. Было доказано, что качество транспортной среды можно улучшить не только с помощью технической модернизации путей сообщения, но и улучшением топологии сети (неизбыточным резервированием) [4].

Основные шаги процесса моделирования в СППР «Геограком 6W» могут быть представлены в виде диаграммы вариантов использования системы пользователем, изображенной в виде своеобразного циферблата на рисунке. Кратко охарактеризуем приведенные шаги.

Рис. 2. Общая схема моделирования в СППР «Геограком 6W»

Литература

1. *Артемьев С. С.* Вопросы организации пространства в системах расселения // Достижения и перспективы. Вып. 31. – М.: ВНИИСИ, 1983.
2. *Баранский Н. Н.* Избранные труды. Становление советской экономической географии. – М.: Мысль, 1980.
3. Белая книга по транспорту Правительства Кировской области – М.: Эпифания, 2005.
4. *Бугроменко В. Н.* Транспорт в территориальных системах. – М.: Наука, 1987.
5. *Бугроменко В. Н.* Надежность территориальной организации общества // Известия АН СССР. Сер. географ. 1989. № 1.
6. *Бугроменко В. Н.* О долгосрочной стратегии развития транспорта –«Белые книги по транспорту» // Социально-экономическое развитие транспортных систем городов и зон их влияния. – Екатеринбург, 2006.
7. Общеэкономические и отраслевые проблемы территориального развития России. – М.: СОПС, 2003.
8. Транспортная стратегия РФ до 2030 г. – М., 2008.
9. *Хауке М. О.* Новый метод расчета и применения изохронограмм для решения вопросов расселения // Известия Академии строит. и архитектуры. 1961. № 3.
10. *Якунин В.И.* Политология транспорта. – М.: Экономика, 2006.
11. Assessment of cross-border spillover effects of national transport infrastructure plan: an accessibility approach // Tr. Reviews. Vol. 29. 2009. № 4.
12. *Banister D.* The sustainable mobility paradigm // Tr. Policy. 2008. № 2.
13. *Caubel D.* Methodologits and tools to evaluate issues relating to land-use and/or social aspects of urban transportation policies: an accessibility approach // 10-th WCTR. – Istanbul, 2004.
14. *Curtis S.* Health and Inequality. – London: SAGE Publ., 2004.
15. *Hansen W. G.* How accessibility shapes land use// Journal of American institute of planners.vol/35.#2, 1959.
16. *Hoyle B., Preston J.* Moving transport geography forward. – Glasgow: IGG, 2004.
17. *Litman T.* Evaluating accessibility for transportation planning. – Melburn, 2008.
18. *Geurs K. T., Ritsema J.* Accessibility measures // Proceedings of 9-th WCRT. – Seoul, 2001.
19. *Spiekermann K., Wegener M.* Socio-economic and spatial impacts of trans-european transport network6 the SASI project // Proceedings of 8-th WCRT. Vol. IV. – Antwerpen, 1998.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Как известно, развитие любого научного направления обусловлено потребностями общества. Географическая наука меняла свое содержание, методы, цели задачи, структуру на изломах истории. В России с ее огромными пространствами и большим разнообразием геотерии география традиционно играла конструктивную роль, обеспечивая информацией и конкретными рекомендациями первоначально освоение колонизируемых регионов, их обустройство, в советский период – районоформирование, территориальное планирование и комплексное развитие регионов. Отечественная социально-экономическая география получила в постсоветский период новый толчок в развитии в силу известных событий, связанных с изменениями в российском обществе и государстве. Эта трансформация, с одной стороны, предполагает реанимацию, новое «прочтение» и качественный скачок в развитии ряда традиционных теорий и концепций, с другой стороны – появление сравнительно новых (по крайней мере, для современной отечественной географии) направлений. Актуальными для изучения стали объекты, исследование которых по тем или иным причинам не проводилось в СССР.

Объективной реальностью и спецификой научных исследований на современном этапе является то, что многие объекты перестали быть узко «специализированными» по отраслям науки. Междисциплинарными стали некоторые традиционно географические области исследований, где представители смежных научных направлений стремятся сохранить и по возможности упрочить свои позиции. Особенно это касается сложных объектов – таких как территориальные социально-экономические системы. Междисциплинарный характер большинства из них очевиден, и это требует комплексного подхода и применения, помимо собственно географических, междисциплинарных и общенаучных методов к их изучению. С другой стороны, сама география так же, как и другие науки, расширяет объектное поле. В круг ее интересов, к примеру, вошли вопросы, которые еще недавно считались прерогативой истории или культурологии – этнокультурные процессы, этнографическая специфика, объекты культурного наследия и др.

В этих условиях роль географии становится особенно важной. Теоретико-методологический и методический инструментарий позволяет ей стать тем объединяющим звеном, которое способно интегрировать сведения разных научных направлений, комплексно и всесторонне подойти к исследованию многих проблем. Историко-географический, системно-структурный, пространственно-комплексный, хронологический, районный подходы, факторный анализ, сложившаяся система методов дают возможность глубокого осмысле-

ния, выявления причинно-следственных связей и прогнозирования дальнейшего развития.

Примером объектов, приобретших междисциплинарный характер, могут служить географические границы, приграничные и трансграничные территории. Эти традиционно географические объекты приобрели особую актуальность в связи с распадом СССР и формированием новых отношений с зарубежными странами. Произошел всплеск интереса представителей разных научных направлений (историков, политологов, экономистов, юристов, социологов, психологов, экологов, филологов и др.) к проблемам, связанным с *трансграничным взаимодействием*. В основе трансграничного взаимодействия лежат *трансграничные процессы*. Трансграничные процессы происходили на разных этапах исторического развития, меняя векторы, интенсивность и содержание в зависимости от разных факторов, прежде всего политических, экономических, экологических, этнокультурных и пр. Трансграничные процессы, как правило, имеют комплексный характер, однако можно их классифицировать в зависимости от разных параметров. Приведем примеры.

По охвату территории трансграничные процессы можно подразделить на локальные, региональные, глобальные. Это дает возможность применения к их изучению важного принципа и одновременно приема географии – полимасштабного анализа или «игры масштабами» по Н. Н. Баранскому. *По содержанию* можно выделить экологические, политические, демографические, миграционные, социальные, этнические, конфессиональные, криминальные, хозяйственные, культурные, научные трансграничные процессы. *По характеру* – регулируемые, плановые, стихийные. *По интенсивности* – барьерные, нейтральные, контактные. *По историческим особенностям* – колониальные, постколониальные, поствоенные, советские, постсоветские. *По форме* – интеграционные и трансформационные. *По направлению* – центробежные, центростремительные, нейтральные. Еще раз подчеркнем, что практически всегда процессы не ограничиваются каким-либо одним направлением. Большинство из них комплексные.

Любые трансграничные процессы, в особенности центростремительные, сопровождаются интенсивным трансграничным взаимодействием. Трансграничное взаимодействие происходит даже в случае усиления барьерности границы и политики изоляционизма. Полная изоляция в современном мире невозможна.

В результате трансграничного взаимодействия формируются *трансграничные регионы (ТГР)*. В связи со смещением и «размыванием» частей геопространства, обусловленными общемировыми тенденциями интеграции и глобализации, затронувшими все стороны общественной жизни, географические границы (так же как и любые другие – например, исторические или сущностные) не имеют точной локализации. Поэтому возникают переходные эпо-

хи, пограничные состояния, переходные зоны. Делимитация геопространства условна. Географические границы пересекают трансграничные регионы. ТГР междисциплинарные объекты исследования, лежащие в сфере интересов лимнологии, геополитики, геоэкономики, истории, социальной психологии и других научных направлений. Весьма продуктивными, интересными и конструктивными являются географические исследования ТГР. При этом неизбежен междисциплинарный характер таких исследований и междисциплинарный набор методов, где помимо географических неизбежно использование социометрического метода, анкетирования, интервью. Разумеется, исследования необходимы с обеих сторон границы.

Характеристике границ, приграничных и трансграничных территорий посвящен ряд работ. Эти работы выполнены в рамках геоэкологии, ландшафтоведения, а также экономической, социальной, политической географии, этногеографии, а также близкого к географии направлению – региональной экономики. В рамках данной публикации назовем лишь некоторых авторов: П. Я. Бакланов, С. С. Ганзей, Т. И. Герасименко, С.В. Голунов, С. Г. Горшенин, А. В. Дроздов, Д. Н. Замятин, В. А. Колосов, Р. Ф. Туровский, М. И. Костюченко, Л. И. Попкова, А. А. Соколова, А. И. Трейвиш, В. И. Часовский, А. А. Чибилев и др.

Существует несколько подходов к трактовке ТГР. Нами предложено их определение как географических объектов, которые следует рассматривать как сложные системы. ТГР это рассеченные государственной границей участки геопространства, представляющие собой геомеры (по Е. Неефу) – части эпигеосферы разных размеров - или хороны (по Э. Л. Файбусовичу) – геоториальные сочетания, участки антропосферы любого класса, обладающие свойствами системности (единство, взаимодействие, центростремительные тенденции). В зависимости от доминанты какого-либо признака, составляющего основу ТГР, можно выделить экологические, природно-ресурсные, экономические и пр. ТГР. Вместе с тем, так же как трансграничные процессы, большинство геомеров-ТГР являются сложными системами, состоящими из подсистем, а их изучение должно быть комплексным.

Одной из важнейших подсистем является этнокультурная. Многие ТГР являются этнокультурными (моно- или поликультурными) – ЭКТГР. Изучение этнокультурной составляющей во многих случаях может сыграть ключевую роль при исследовании ТГР и прогнозировании их динамики. Трансграничность мощный фактор этнокультурного развития, а этнокультурное взаимодействие – мощный фактор формирования и наиболее существенная основа развития ТГР. ЭКТГР особый тип маргинальных территорий, нередко расположенных на фронтире и являющихся переходной зоной – каймом (по А. Пенку) между культурами и цивилизациями. Они характеризуются диахронным и синхронным единством этнокультурного пространства и отсутствием четко выраженных естественных границ, обладают региональной целостностью, их население

региональным самосознанием, в ряде случаев доминирующим над этническим, и наличием общих культурных черт.

Изучение феномена трансграничности для любой страны это вопрос обоснования геополитических и национальных интересов. Актуальность и практическая значимость такого рода исследований несомненна. Понятен интерес к ним представителей разных наук. Представляется, что именно географическая трактовка и географический подход к изучению трансграничных процессов и ТГР позволяет исследовать их как единые объекты, выявить особенности формирования и пути дальнейшего развития.

Корнев И. Н.

О СУЩНОСТИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПОНЯТИЙ «КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ» И «ГЕОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО» В ГУМАНИТАРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Определяйте значение слов,
тем вы избавите мир от половины заблуждений.

Рене Декарт

Историю развития понятийного аппарата отечественного ландшафтоведения довольно подробно изложена в ряде публикаций ведущих географов-ландшафтоведов А. Г. Исаченко [3, 4], В. А. Низовцева [8]. В рамках заявленной темы представляет интерес та часть публикаций, где поднимает вопрос о развитии содержания понятия «культурный ландшафт». В статье «О двух трактовках понятия «культурный ландшафт» [3] А. Г. Исаченко отмечает, что понятие о культурном ландшафте «...имеет общие истоки и общую историю с родовым по отношению к нему понятием о географическом ландшафте как природном комплексе», начиная с Л. С. Берга. На основе подробного анализа ретроспективных и современных подходов к определению понятия «культурный ландшафт», А. Г. Исаченко приходит к выводу, что в настоящее время сложились две концепции культурного ландшафта и соответствующие им два взгляда на понятие «культурный ландшафт»: природоведческая и культурологическая.

Природоведческая концепция рассматривает ландшафт в целом и культурный ландшафт, прежде всего, как природный феномен. Человеку при этом отводится роль фактора изменения природного ландшафта и насыщения его результатами своей материальной деятельности. Измененный человеческой деятельностью природный ландшафт получил название культурного, антропогенного ландшафта. Культурный ландшафт представляется в соответствии с данной концепцией как нечто внешнее (средовое) по отношению к человеку и затрагивает преимущественно материальную сферу взаимоотношений «человек-ландшафт». Исходя из этого, можно констатировать, что человек (общество) присутствует в культурном ландшафте, прежде всего, с элементами материальной культуры. Духовная составляющая культуры (духовно-интеллектуальная

деятельность), чтобы стать достоянием ландшафта «...должна материализоваться и закрепиться в пространстве ландшафта в тех или иных овеществленных формах» [3, с. 11]. Кроме того, духовная культура в данном случае не является самостоятельным объектом исследования, а рассматривается «...в тесной взаимной связи с природной составляющей ландшафта и ...в контексте общих социально-экономических и экологических функций ландшафта» [3, с. 10].

Культурологическая концепция, которая получила распространение в последнем 10-летии XX столетия в связи с бурным развитием гуманитарного направления в географии, смещает исследовательский акцент, а соответственно и акцент в определении понятия «культурный ландшафт», на духовную составляющую культуры, присутствующую в ландшафте. Об этом красноречиво свидетельствуют определения данного понятия в работах Ю. А. Веденина, В. Л. Каганского, В. Н. Калущкова, Р. Ф. Туровского и др. Культура в ландшафте становится самостоятельным объектом исследования.

Именно здесь и возникают противоречия между «географами-ландшафтоведам» и «географами-культурологами», решить которые А. Г. Исаченко предлагает путем подбора термина (добавим, разработать понятие) «... наиболее адекватно, отражающего сущность предмета исследования» [3, с. 15]. В этом следует согласиться с ученым. Поскольку каждое новое научное направление должно заботиться о наличии собственного понятийного аппарата, который бы отражал его сущность.

В качестве такого понятия можно предложить понятие «геокультурное пространство» (ГКП), которое в настоящее время широко используется географами, ведущими исследования в области гуманитарной географии (Ю. А. Веденин, А. Г. Дружинин, Д. Н. Замятин, В. Л. Каганский, О. А. Лавренова, А. Г. Манаков, Р. Ф. Туровский и др.), но не является отработанным и четким. Понятие ГКП часто используется наряду с понятием «культурный ландшафт», что, к сожалению, вносит путаницу в понятийный аппарат науки.

В нашем понимании **ГКП – это системное территориальное образование, возникающее в результате взаимодействия различных территориальных систем: природных (ПТК), экономических (ТПК), экзистических (ЛСР), территориальных общностей людей (ТОЛ) и др.** Материальной основой ГКП является территория, а связующим элементом – культура в широком понимании, которая включает материальную, духовную и соционормативную составляющие. Культура и ее составляющие имеют пространственное бытие и входят во все географические образования, превращая их в геокультурные: ПТК включают антропогенные (культурные) ландшафты, ТПК и ЛСР полностью состоят из элементов материальной культуры; ТОЛ выступают в качестве носителей социально-культурной деятельности, являясь одновременно объектами и субъектами культурного развития. Таким образом, ГКП можно рассматривать как совокупность отношений между географическими

объектами и географическими образованиями, с одной стороны, и целостными образованиями культуры и их элементами – с другой, как результат сотворчества природы и человека. Культура в данном случае выступает в качестве интегратора пространствообразующих факторов. В свою очередь и сама культура в структуре ГКП «... может быть истолкована как деятельность по организации пространства» [9, с. 55].

Духовную составляющую ГКП можно определить как некую одухотворенную субстанцию, имеющую для человека значение, смысл и вызывающую у него эмоциональную реакцию. ГКП является продуктом и средой деятельности человека и воспринимается не само по себе как физическое явление, а в отношениях с человеком как результат деятельности, образно отраженный в его сознании, т.е. оно (ГКП) символически и семиотически освоено человеком. В итоге ГКП можно рассматривать как своеобразное художественное произведение, созданное поколениями людей, и воспринимаемое ими как свое «месторазвитие» (П. Н. Савицкий, Л. Н. Гумилев).

Таким образом, введение в структуру понятия «географическое пространство» культурной составляющей и его расширение до понятия «геокультурное пространство» позволяет внести в содержание последнего символически-смысловой аспект, что углубляет представление о географическом пространстве и ставит во главу угла человека как носителя определенного типа культуры, раскрывает взаимоотношения ментальности культуры с географическим пространством.

ГКП обладает рядом специфических свойств, которые ставят его в ряд основополагающих теоретических и конструктивных практико-образующих категорий гуманитарной географии и региональной культурологии.

1. **Системность.** ГКП есть результат устойчивых связей между образующими его элементами, эти связи придают пространству целостность, автономность и устойчивость.

2. **Динамичность.** Образующие ГКП элементы и связи между ними подвержены структурным и функциональным изменениям. Динамичность – есть результат неразрывной связи пространства и времени. Развитие ГКП – есть его атрибутивная характеристика, учет которой позволяет говорить об исторических формах пространства.

3. **Структурность,** которая проявляется как в «вертикальной» (временной, исторической) плоскости, так и в «горизонтальной» (географической) плоскости. Представление о структурности ГКП основывается на материалистическом представлении о том, что любое явление имеет внутреннее строение, которое существует столь же реально, как и само явление. Пространственные структуры – это формы структурно организованной материи. Основываясь на положении диалектики о движении как атрибуте материи и идее соответствия структуры и функции, можно сказать, что в процессе развития материи каждо-

му типу материальной структуры соответствует определенная пространственная структура. Поэтому каждое ГКП сугубо индивидуально и неповторимо, т. е. нигде на Земном шаре не существует двух абсолютно одинаковых пространств.

4. Информативность. Каждый структурный элемент ГКП посылает индивиду разнообразную информацию. От природного субстрата, информация поступает в виде тональности, запахов, звуков; экономика и материальная культура поставляют материализованную пространственную информацию в виде объектов материальной культуры; духовная культура поставляет информацию в виде художественных образов, созданных в произведениях литературы и искусства. В них запечатлены смысл и мысль, мировоззренческие представления и установки.

Использование понятия ГКП в гуманитарно-географических исследованиях снимает понятийно-терминологические разногласия в среде географов, а разработка стройной концепции ГКП, отражением которой является понятие ГКП, позволит рассматривать ее (концепцию) в качестве методологической «платформы» гуманитарной географии и решить ряд ее насущных проблем. Это проблемы самоидентификации гуманитарной географии [1, 5], использование методов и подходов гуманитарных наук, в частности герменевтического [7], разработка ряда конструктивных направлений гуманитарной географии, например, моделирование географических образов [2], профессиональная подготовка географов [6], культурологов, регионоведов, работников сферы познавательного туризма, которым необходимо умение находить и показывать особенности ГКП, обусловленные его структурной спецификой.

Литература

1. *Гладкий Ю. Н.* Гуманитарная география в начале XXI в.: к методологии научного познания // Известия РГО. Т. 139. 2007. Вып. 4.
2. *Замятин Д. Н.* Моделирование образов: Пространство гуманитарной географии. – Смоленск: Ойкумена, 1999.
3. *Исаченко А. Г.* О двух трактовках понятия «культурный ландшафт» // Известия РГО. Т. 135. 2003. Вып. 1.
4. *Исаченко А. Г.* Ландшафт XXI: реальность, воспоминание, символ // География и экология в школе XXI века. 2006. № 1.
5. *Каледин Н. В.* Общественная география – к новой научной парадигме // География на рубеже тысячелетий / Труды XII съезда РГО (Кронштадт, 2005). Т. 1. – СПб., 2005.
6. *Корнев И. Н., Поздняк С. Н.* Герменевтический подход в обучении студентов географических специальностей // Университетский вестник. 2004. № 7. Спец. вып. «География».
7. *Корнев И. Н.* Географическая герменевтика в контексте концепции геокультурного пространства // Региональные исследования. 2008. № 1.

8. Низовцев В. А. Об истории становления современного антропогенного ландшафтоведения // Общая и прикладная ценология. 2007. № 3.

9. Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. – М., 1993.

Крылов М. П.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, МЕШАЮЩИЕ КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ

1. *Проблема индивидуализированности научных школ и взаимного (не)понимания исследователей.* В «физикалистских» общественных науках (типа экономики) существование множества научных школ сочетается с возможностью диалога между научными школами на основе общности их научного языка. Каждая из научных школ экономистов в какой-либо стране мира – это подразделение единой научной школы. Наука в этом случае универсальна и космополитична. В более гуманитарных науках такого универсализма нет и наука не может быть безоговорочно космополитичной. Возникает непознаваемый извне «сухой остаток» – проявление культурно-цивилизационной специфики в сфере науки. Для *социологии пространства* характерна следующая ситуация: «Хотя научное знание универсально, национальная или региональная специфика обнаруживается почти всегда, в том числе тогда, когда речь идёт о фундаментальных теоретических проблемах; эта специфика отражается и в теоретических понятиях, а не только в данных эмпирических исследований» (Филиппов, 2008, с. 7). Научные дисциплины *культурологического цикла* используют более или менее единый «жаргон», который понятен социологам, этнографам и географам, однако отдельным исследователям он позволяет делать взаимоисключающие теоретические построения и по-разному смотреть на реальность. В *этнографии* разделение научных школ носит жёсткий характер. Это вызывает разное понимание основополагающих терминов, которые проникают в общественную географию (ОГ), теряя «по дороге» исходный концептуальный каркас, в силу чего не всегда верно понимаются, хотя активно используются географами («вершина айсберга», чаще доступная географам, может быть представлена разными научными школами). В такой ситуации внутри каждой из «ветвей» ОГ возникают многочисленные области пересечения с различными смежными общественными науками, точнее, – области пересечения с научными школами, на которые распадаются эти общественные науки. В результате происходит дробление каждой из «ветвей» ОГ, при этом прогрессивное преодоление ОГ своей изолированности от смежников и рост числа исследователей в новых (чаще – гуманитарных) направлениях объективно будет способствовать ещё большему измельчанию «ветвей» ОГ. В пределе каждый географ строит своё собственное концептуальное здание и перестаёт быть понятным коллегам. Например, по проблеме региональной иден-

тичности (РИ), кроме автора, выступали коллеги, каждый из которых понимает РИ по-своему. Автор усматривает смысл РИ в местном патриотизме (пассионарности), коллеги – в топонимике. С этим связаны различия в понимании городов Прихопёрья автором и коллегами, о чём ставили вопрос В. Л. Каганский и В. А. Шупер. Если внутри московского сообщества географов затруднён диалог, то что уж говорить о диалоге между национальными научными школами. Кто отважится сказать, каково соотношение между «душой города», по Анциферову, и топофилией, по И-Фу Туану? (см. также: Tim Cresswell, 2009).

2. *Что считать теорией.* Коллега В. А. Шупер считает, что в случае ОГ (или экономической географии – ЭГ?) «работает» критерий К. Поппера, опровергающий теории. Но скорее прав В. Парето, полагавший «исключение из правила» ещё одной закономерностью (п. 34 «Компендиума»), или же М. Вебер и К. Маркс, считавшие, что для общества характерны лишь тенденции-упорядоченности. В то же время следует согласиться с озабоченностью В. А. Шупера, который видит угрозу в «гуманизации географии». В своё время Ю. М. Лотман отказал в научности книге Г. Гачева «Естествознание глазами гуманитария» (хотя считал её интересной). Сейчас же некоторые коллеги провозглашают (под флагом «пост-модернизма») «гуманизацию» как своеобразный синтез науки и не-науки.

3. *Проблема научного доказательства в свете неопределённости структуры теоретических основ общественной географии.* К сожалению, в ОГ нет концептуальной конструкции, которая служила бы верховным арбитром при «нестыковке» в видении одних и тех же феноменов у *экономической, социальной и культурной географии* и могла бы быть шагом к преодолению описанной нами естественной тенденции к раздроблению ОГ. То же относится к отношениям с различными науками об обществе и человеке: взаимные противоречия этих наук столь же существенны. Дело не только и не столько в недостатке универсализма и космополитизма, о чём речь шла выше, а в том, что даже единые и космополитичные науки противоречат друг другу (и отягощены внутренними противоречиями между научными школами). Даже если наука и планетарна, она не едина (см. также: Крылов, 2008) и пока не ясно, что есть для неё общий знаменатель. Нередко эти противоречия значительно превосходят противоречия между географическими и негеографическими подходами в изучении общества. Оживает некогда схоластическая проблема допустимости одновременного вхождения ЭГ (ОГ) в системы разных наук (географических и общественных). В результате географы пользуются «веером теорий и концепций». Методологическая эклектика возникает главным образом на уровне научного сообщества в целом, а не индивидуальных исследователей, для каждого из которых характерны свои собственные теоретические предпочтения и ориентация на какую-то из смежных наук. Многие географы не осознают существование указанной неопределённости, пассивно следуя в фарватере модных или «общепринятых» (как им кажется) теорий. Но что тогда

является критерием истины? Неужели голосование?!? Неясно, «имеют ли право» *культурная география* и *этногеография* формулировать свои собственные выводы, претендующие на определённый теоретический статус, исходя из своих собственных эмпирических, в т.ч. полевых, исследований? Иными словами, могут ли *эти научные дисциплины* («надстроечные», с марксистской точки зрения) *считаться относительно самодовлеющими, или же это – всего лишь группа сюжетов, лишённая своей собственной легитимной («базисной» –?!?) теории?* Интересно вспомнить, что когда автор был студентом, на семинаре кафедры ЭГ СССР возникла острая дискуссия между Е. Е. Лейзеровичем и Н. Я. Ковальской. Н. Я., убеждённая в правоте марксистской схемы, утверждала, что *население в СССР следует* (в своём размещении) *за производством*. Е. Е. возражал ей, ссылаясь на опыт районной планировки: как правило, *производство следует за населением*, которое предполагалось относительно стабильным в своём расселении. С другой стороны, покойный В. И. Переведенцев говорил: *люди мигрируют туда, где лучше* (однако здесь неясно: кому лучше – самим реальным людям или абстрактным представителям «гомо экономикуса», или же люди *вынуждены мигрировать* туда, где им не хотелось бы жить постоянно). Большинству людей (по данным автора, это: 80–90%) лучше всего (комфортнее, уютнее, приятнее) жить дома, на малой родине (изначальной или вновь обрётённой), – там, где они считают (ощущают) себя местными по рождению или по убеждению, – при этом идентификация с родиной вовсе не обязательно связана с «осязаемыми» социально-экономическими преимуществами данной территории, её современной «успешностью». Доля «местных по рождению» приблизительно в 1,5 раза выше доли «местных по убеждению», суммарно они составляют порядка 80–85%. Большинство «переселенцев» ассимилируется местными сообществами, усваивая идентичность этих сообществ (см.: Крылов, 2009; Kгулов, 2009 – данные по Центральной России). Тем не менее, среди экономистов, социологов и экономико-географов распространена позиция о предпочтительности пространственной мобильности («нового номадизма») перед укоренённостью как в ценностном, так и в исследовательском аспекте. В условиях рынка и глобализации рабочая сила должна (так сказать, под действием экономического кнута) следовать за производством, в то время как отказ от этого долженствования, стремление людей к самоорганизации в привычном для них месте жительства – это «обломовщина», которую исследователи обличают или не замечают. Между тем, ещё Гегель, Соловьёв, Ключевский, В. П. Семёнов-Тян-Шанский, Шпенглер и Чайлд считали оседлость основой прогресса и нравственности, а неукоренённость причиной отсталости. В. Парето включал в число простых, исходных элементов общества («остатков») «сохранение агрегатов», включая связи человека с другими людьми, привязанность к родному краю и отечеству (пп. 398, 405 «Компендиума»), а также «инстинкт комбинаций», что в совокупности близко

к вводимому автором принципу единства укоренённости и мобильности (Крылов, 2009; Krylov, 2009). В то же время в практике научного обсуждения происходит следующее: если с позиций *этногеографии* и *культурной географии* мы обнаруживаем на основе полевых исследований развитые идентичность и историческое самосознание, то с позиций ЭГ нам возражают: *этого «не может быть, потому что не может быть никогда»*. Социально-экономические процессы неминусом должны размывать реликты прошлого, ни о какой идентичности в условиях современной миграционной подвижности населения даже в исторических городах не может быть и речи. Выдвинем парадоксальное утверждение: *декларативная* ликвидация марксизма лишила отечественную ОГ доказательной основы, в том числе связанной с другими науками об обществе (нам представляется, что в данном случае марксизм условно можно сравнить с математическими моделированием). Здесь же упомянем об известной позиции Сталина: язык – и не базис, и не надстройка (поэтому национальный вопрос не может быть сведён к экономике, как полагал К. Каутский, и поэтому этногеография не сводится к узко понимаемой ЭГ).

Мироненко Н. С., Николаев М. А.

РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ СДВИГОВ МЕЖДУНАРОДНОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

1. Соотношение понятий международное разделение труда и мировое хозяйство

Как указано в Докладе о конкурентоспособности Всемирного экономического форума, уровень в жизни в странах мира определяется их конкурентоспособностью, тождественной производительности труда и использования природных и накопленных капитальных ресурсов в государстве. Как подчеркивает М. Портер, уровень такой производительности определяется, в первую очередь, «уровнем развития институтов, *открытостью к международной торговле* и иностранным инвестициям, *географическим положением* и качеством бизнес-среды» [7, с. 44]. В результате, участие в мировой торговле и условия этого участия, с одной стороны, отражают достигнутый уровень конкурентоспособности государства, а с другой, диктуют темпы его роста или снижения. **Таким образом, международное разделение труда существенно для определения новой территориальной структуры мировой экономики.**

Экономико-географами МГУ была разработана система понятий, принципов, концепций и методов универсального типа, которая продолжает развиваться в направлении все более адекватного раскрытия географической картины мира. В соответствии с ней, основной категорией экономической географии стало *географическое (территориальное) разделение труда*, связующее единое исследование и отдельных отраслей, и районов. Эта категория, с одной

стороны, означает пространственную дифференциацию трудовой деятельности, выражающуюся в производственной специализации отдельных экономически взаимосвязанных территориальных образований, а, с другой стороны, кооперацию и обмен специализированной продукцией. На базе этой категории сооружалась вся конструкция экономической географии Н. Н. Баранского [3], поскольку развитие географического (территориального) разделения труда, обусловленное экономическими, социальными, природными, историческими особенностями территорий и их экономико-географическим положением, является одним из важнейших факторов повышения производительности общественного труда.

Исследование категории географического разделения труда заняло свое место в преподавании географии мирового хозяйства (ГМХ). Сам этот предмет неизменно входил в состав курсов по экономической географии еще с XIX в. И с той поры, более полутора столетий, ГМХ сохраняла чисто описательный характер, что определяло ее место на периферии университетских курсов и почти полное отсутствие в академических исследованиях.

Процессы реинтеграции российской экономики в мировое хозяйство неизбежно привели к пересмотру парадигмы ГМХ в отечественной географии, к пониманию единства планетарной хозяйственной системы и закономерностей ее пространственной организации.

Международное географическое разделение труда остается основной категорией для объяснения пространственной структуры мирового хозяйства, хотя его понятие должно быть подвержено серьезной ревизии. При этом здесь будет необходимым научное осмысление географии мирового хозяйства как не только старой отраслевой дисциплины нашей науки, но и как области теоретического знания, объясняющей очень неравномерное пространственное распределение на планете экономической активности.

2. Векторы развития географии мирового хозяйства

Общие базовые модели мирового экономического процесса уже были сформулированы в высокоразвитых странах, поэтому естественно обратиться к ним. На сегодняшний день существуют *три основные базовые модели мирового развития*, на которые можно опираться в географии мирового хозяйства: 1) *монетаристская*, согласно которой глобальная экономика – это пространственно равномерно распределенная по планете сеть экономических и политических взаимосвязей, в принципе обеспечивающая всем акторам «равные возможности», только реализации их препятствуют отжившие системы хозяйствования, модели политического устройства и идеологий; 2) *миро-системная* концепция Ф. Броделя и И. Валлерстайна, согласно которой механизмом развития мира-экономики является ее центр-периферическое устройство; 3) *сетевая модель* О. и А. Андерссонов, согласно которой мировое хозяйство имеет сетевое устройство, т. е. рассматривается как многоуровневая сеть так называемых «ворот в глобальный мир» – компактных территорий мегаполи-

сов, соединяющих в себе функции транспортных узлов, финансовых центров, а также центров образования, науки и политического влияния.

В исследовательской и учебной работе кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ используются последние две модели в силу их достаточно большого внимания к общегеографической категории – «географическое пространство», достаточно близкое по своему определению к применяемому в общественной географии.

Главное направление научно-исследовательской работы кафедры должно быть связано с изучением пространственной структуры мирового хозяйства как глобальной системы, основанной на международном разделении труда (МРТ), которое исходит не из традиционной экспортно-импортной парадигмы, а из *положения о существовании двух пересекающихся полей международного разделения труда*. Разделение труда между субъектами мирохозяйственной системы осуществляется в двух различных по природе «полях»: 1) **в международном поле**, отражающем мировые связи между странами; 2) **в транснациональном поле**, отражающем потоки, выходящие за пределы национальных границ. Транснациональное мировое поле – это сфера деятельности фирм и финансово-промышленных групп с их внутренними системами информации, доминирующей глобальной или региональной стратегией.

Исходя из реально происходящих процессов в сфере обменов, было сформулировано **представление о двух видах международного разделения труда: собственно международном** (ему соответствует международное поле) и **транснациональном разделение труда** (ему соответствует транснациональное поле).

Главная доминанта мирового развития – глобализация – способствует кооперационному развитию мира на основе международного разделения труда. В то же время эффективность мирового рынка требует эффективного государства. Хотя глобализация размывает национальный экономический суверенитет, ограничивает роль национальной государственной кооперации, присваивает себе полномочия государств, последние пока остаются центральным актором на национальном и международном поле хозяйствования.

Пространственные интегральные отношения в мировом хозяйстве зачастую изучаются с помощью **центро-периферического подхода**, а также **концепции пространственных «оппозиций» «Запад–Восток» и «Север–Юг»**. Как известно, география предполагает исследование «многообразия единства», поэтому с географических позиций эти подходы оказались достаточно упрощенными. Иерархия мира намного сложнее. В связи с этим следующим шагом стал переход к регионально-типологическому анализу мировой системы, в частности в рамках **теории модернизации**.

Выделяется два основных типа модернизации экономических систем: органичная – в странах Западной Европы и «переселенческого капитализма» и «неорганичная» («догоняющая», «имитационная») в других странах и реги-

онах мира. К модернизации экономических систем относятся такие явления, как возрастание в структуре хозяйства роли вторичного (индустрия) и третичного (услуги) секторов, сокращение доли аграрного производства в ВВП страны при его совершенствовании, баланс отраслей, выпускающих средства производства и предметы потребления, приоритет капиталоемких производств над трудоемкими. В ходе модернизации возрастает роль «экономических организаций» различного типа (фирм, банков, торгово-посреднических предприятий).

Трехъярусная пространственная структура мирового хозяйства («Центр – Семипериферия – Периферия») отражает дифференциацию мира по показателям аккумуляции капитала. В этом процессе происходят территориальные сдвиги. Процесс аккумуляции капитала находится в постоянной динамике, географическая структура его, как показывает исторический опыт, неустойчива. Проследив историю географических изменений в движении капитала в последние десятилетия, кафедрой выдвинута **гипотеза о географической каскадности развития процесса аккумуляции капитала и соответственно о каскадном характере развития пространственной структуры мирового хозяйства (в рамках «центр-периферической» парадигмы)**, которые проявляются, в частности, в стремительном развитии новых индустриальных стран разных поколений. Движущей силой, обеспечивающей развитие и воспроизводство системы центр-периферических отношений является также постоянная диверсифицированная качественная трансформация Центра за счет использования, внедрения и диффузии инноваций.

Развивается **градоцентрическая модель пространственной структуры мирового хозяйства** – это географическое развитие идей концепции «ворот в глобальный мир». В мире сложились территории с очень высоким уровнем экономической активности, которые все более действуют как транснациональные пункты и «ворота», функции которых связаны в большей степени не с внутригосударственным разделением труда, а с так называемой «второй экономикой» стран или выполнением функций регулирования рынков, кредитно-финансовой мировой системы. Мировые города концентрируют в себе власть транснациональных корпораций, а также геополитических групп, имеющих мировую стратегию. В мировых городах действуют две главные составляющие мировой экономики: 1) транзакционная экономика, заключающаяся в предоставлении высокоспециализированных финансовых и управленческих услуг; 2) экономика знаний, в основе которой лежит деятельность в области образования, науки и исследовательских разработок.

Указанный набор концепций развития мирового хозяйства служит базой для исследования тенденций развития МРТ, указанных далее.

3. Изменение роли развивающихся стран

В 2005 г. впервые за новейшую историю на развивающиеся страны пришлось более 50% мирового ВВП, подсчитанного по паритету покупательной

способности. Помимо оценки в текущих ценах, преобладающая значительная ориентированность производства на внутренний рынок не позволяет развивающимся странам играть первую скрипку и в рейтингах мировой торговли – на них приходится лишь 36% исходящих потоков (и 31% входящих).

В 1981 г. управляющий инвестиционным фондом Антуан ван Агтмаэль (Antoine van Agtmael) ввел термин «развивающиеся рынки» (emerging markets) как позитивную и динамичную альтернативу традиционному обозначению «Третий мир». Вне всякого сомнения, эта группа государств, охарактеризованная через опережающую динамику развития, крайне неоднородна и разнообразна.

Аналитическое подразделение Файнэншл Таймс-ФТСИ (Financial Times, FTSE), выделяет три группы развивающихся стран – развитые, второго эшелона, и граничные, где из всех признаков современной экономики наблюдается только зачаточный фондовый рынок. Большую признанию получила не столько научная, сколько маркетинговая находка Джима о’Неила (Jim O’Neill), главного экономиста Голдман Сакс (Goldman Sachs), предложившего в 2001 г. термин БРИКС (BRICS – Бразилия, Россия, Индия, Китай). По утверждению специалиста инвестиционного банка, четыре указанные государства, а также Мексика и Республика Корея «не должны больше рассматриваться по традиции как развивающиеся страны. Мы посмотрим на них как на критический компонент¹ современной глобальной экономики» [4].

Анализ проникновения развивающихся стран на мировые рынки указывает, в том числе, на большую зависимость успехов новых игроков от отрасли мировой экономики (что нашло отражение даже в классификации стран В. В. Вольского). Традиционно, развивающиеся страны получали сравнительно более сильные позиции в низкотехнологичных «старых» отраслях. Впрочем, в последнее время этот тезис уточняется. Том Хаут (Tom Haut), преподаватель Школы бизнеса Гонконга, утверждает, что конкуренция между западными и местными компаниями в Китае отличается от традиционного видения, что национальные чемпионы выдавливают иностранных гигантов с внутреннего рынка страны. На самом деле, западные компании доминируют в высокотехнологичных секторах экономики, национальные – в низкотехнологичных, а основная схватка идет за отрасли «посередине».

В то же время мы все в большей степени становимся свидетелями лидерства развивающихся экономик в широком спектре отраслей, вплоть до самых высокотехнологичных. Символами развивающихся стран становятся компании, поставляющие на развитые рынки компьютеры (китайская Lenovo), самолеты (бразильская Embraer), программное обеспечение (индийские InfoSys, TCS). На таком фоне не удивляет даже решение одной из крупнейших в мире буровых и нефте-сервисных компаний Halliburton перенести управление значительной

¹ Аббревиатура BRIC созвучна английскому brick, «кирпич, кирпичик».

частью операций из США в новый офис в Дубае, а IBM, переподчинить бизнес на развивающихся рынках штаб-квартире в Шанхае.

В дополнение к повышению производительности труда значительную роль играет человеческий капитал развивающихся государств, их «пул талантов».

Впрочем, роль территорий и их наделенности природными ресурсами не стоит недооценивать даже в условиях инновационной экономики. «После длительного периода, когда движущей силой глобализации являлась производительность труда (labour productivity), задачей стоящей перед бизнесом по всему миру и, особенно, на развивающихся рынках, станет повышение «производительности ресурсов» (resource productivity) – более эффективное использование топлива, сырья и воды», – отмечает Боб Хорматс (Bob Hormats) из Goldman Sachs [4].

Развивающиеся государства также располагают преимуществами в разработке продуктов для потребителей, пополняющих ряды среднего класса [14].

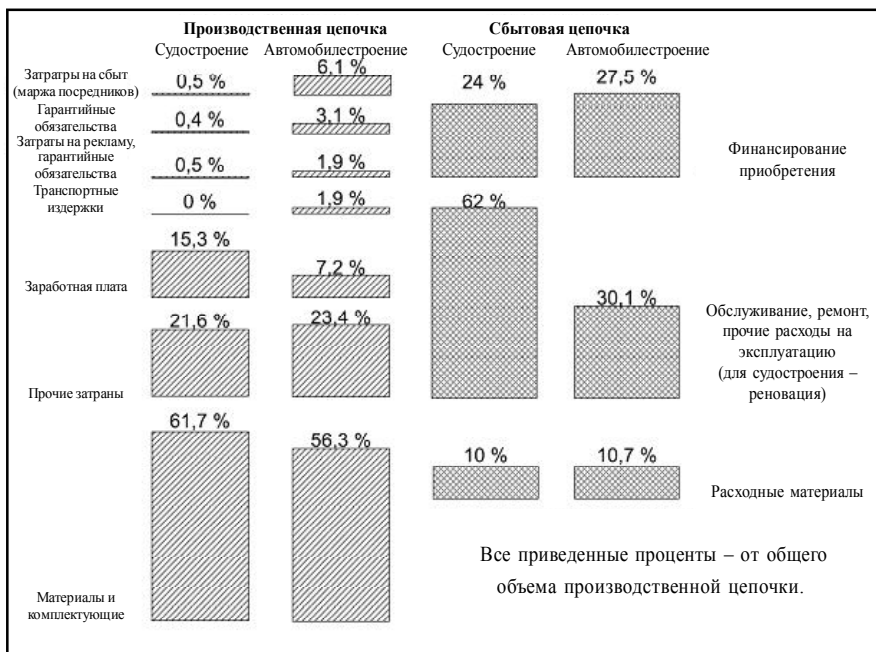
Не только понимание нужд, но и умение сокращать издержки при разработке и производстве (frugile engineering) облегчает компаниям из развивающихся стран борьбу за небогатых клиентов как на внутреннем, так и на зарубежном рынках.

В противовес достоинствам развивающихся экономик, несомненно, необходимо учитывать и их недостатки. Среди них – низкая квалификация менеджмента, отсутствие государственных и не государственных институтов, способствующих развитию бизнеса помимо простых денежных вливаний, недостаточное развитие рынков венчурного капитала.

4. Сегментация цепочек создания добавленной стоимости в пространстве

Мы наблюдаем множество эмпирических доказательств разной структуры МРТ для звеньев цепи создания добавленной стоимости. Ярчайшим примером здесь является автомобильная промышленность. В течение последних 10 лет в отрасли наблюдался, с одной стороны, постоянный рост концентрации мировых НИОКР-подразделений в нескольких исторических центрах выпуска автомобилей, таких как Детройт и кластер Франкфурта-на-Майне – Рюссельсхайма. С другой стороны, в отличие от множества иных отраслей промышленности, производственные цепочки в автомобилестроении (изготовление высокотехнологичных компонентов, сборка и сбыт) по-прежнему сформированы, преимущественно, на региональном, а не на глобальном уровне, вторя структуре блоков свободной торговли. Доминирование нескольких крупных кластеров на мировом рынке наблюдается только для некоторых несложных типов деталей. Пример создания цепочки создания добавленной стоимости (ЦДС) приводится ниже (рис 1).

Как видно на рис. 1, ориентация автомобилестроения на потребительский, а судостроения на инвестиционный спрос приводит к семикратному различию постпроизводственных затрат на доставку, сбыт и маркетинг продукции. Мы на-

Рис. 1. Производственная и сбытовая цепочки в автомобилестроении и судостроении

Источник: [6], расчеты автора.

блюдаем в судостроении *сниженную интенсивность и важность связей* производственных звеньев цепи с маркетинговыми и сбытовыми, а также относительно большую долю в ЦДС производственной добавленной стоимости, в частности, затрат на оплату труда. Это позволяет обосновать глобальность производственных цепочек судостроения по сравнению с региональными производственными системами автопрома, сосредоточенными вблизи звеньев, обеспечивающих сбор и передачу информации для адаптации продукции под местные рынки².

Доли звеньев ЦДС в добавленной стоимости конечной продукции изменяются и во времени. Так, в Северной Америке производство автомобилей возросло в 1991–2005 гг. на 40%, в то время как выручка компаний-поставщиков утроилась³, что, в том числе, нашло отражение в интенсификации международной торговли комплектующими [15].

² Можно считать эту гипотезу дополняющей выводы Стеджена о регионализации автомобилестроения благодаря особенно интенсивной отраслевой государственной политике по защите национальных рынков [15].

³ Автомобильный сектор за этот период характеризовался незначительной инфляцией стоимости продукции.

Еще большие различия между звеньями цепей раскрываются при анализе их рентабельности, как для компаний, так и, что признавалось Когатом одним из ключевых характеристик звена ЦДС, для инвесторов [13]. В ноябре 2008 г. средняя чистая прибыль компаний-поставщиков автокомплектующих в годовом выражении составляла 1,7% при умеренно привлекательном доходе на инвестированный капитал в 6,9% , а компании-производители показывали средний годовой убыток в 4,5%⁴. Схожая большая инвестиционная привлекательность секторов комплектующих была характерна для производств компьютеров и полупроводников, в то время как аэрокосмическая промышленность демонстрировала незначительно различающийся уровень доходов вдоль основных звеньев цепи. Влияние таких диспропорций рентабельности звеньев на МРТ будет осуществляться через различную доступность заемного и акционерного капитала для развития компаний, принятие решений об оптимизации размещения звеньев с учетом их производственных функций, а также формирование интереса к привлечению соответствующих производств со стороны государства.

4. Снижение вертикальной интеграции компаний в новейших отраслях

Сложность производственного цикла отрасли характеризует в какой степени присущие ей цепочки создания добавленной стоимости могут быть разбиты на автономные звенья. Раздробленность ЦДС создает предпосылки для трансграничного обмена промежуточной продукцией, а также предоставляет возможности для дифференциации продукции и подгонку ее под конечного потребителя. Акцентированное выражение этого процесса на практике – максимальное и, притом, *сознательное* усложнение производственного цикла компаниями-интеграторами, такими как Aker Solutions (до недавнего времени Aker Kværner), специализирующейся на реализации проектов в сфере энергетики. Ведь группа Aker продала свои заводы, на которых выпускалось оборудование для добычи нефти и газа в море и в настоящее время осуществляет закупки для собственных проектов по всему миру. Повышенные издержки управления крайне сложной цепочкой компенсируются за счет персонала с чрезвычайно высокой квалификацией, в т.ч. за счет обучения у прошлых поколений специалистов, и за счет максимальной кастомизации продукции.

5. Необходимость в новой модели международного разделения труда

В течение последних 15 лет было выдвинуто несколько теоретических моделей, позволяющих изучать территориальную структуру отраслей. По Коу практически все из них могут быть причислены к одной из трех основных концепций, две из которых сфокусированы на взаимодействии компаний

⁴ Данные для ведущих международных компаний. Для дилеров соответствующие показатели составили 1,1% и 6,7%, соответственно (расчеты авторов на основе www.finance.yahoo.com).

в цепочках создания добавленной стоимости (ЦДС), а одна рассматривает несравненно более широкий круг игроков и их взаимосвязей [8, 9]. Подробно описанная в отечественной литературе школа изучения товарных цепочек (commodity value chain) Джереффи (университет Дьюк, Северная Каролина) делает акцент на главенстве в производственных цепочках либо компаний-производителей либо компаний-дистрибьюторов [11]. Выросшая из этой школы в ходе исследований в университете Суссекса, университете Дьюк и Масачусетском технологическом университете школа глобальных цепочек ценностей (global value chain) стремится объяснить трансформацию ЦДС во времени и, с этой целью, рассматривает взаимодействие компаний в процессе создания добавленной стоимости более подробно, с акцентом на балансе сил и зависимостей между производителями и поставщиками [12]. Возникшая в Манчестерском университете школа глобальных производственных сетей (global value networks) претендует на «онтологическое» описание как глобальной, так и локальной (в рамках кластера) территориальной организации мировой экономики, а также социальной, культурной и политической сфер мировой системы [8, 9, 10]. Нетрудно заметить, что специфика исследований МРТ не позволяет воспользоваться ни одной из указанных концепций. При всей важности взаимодействия ТНК, огромная роль мировых рынков и государственной политики в формировании пространственной конфигурации МРТ не подлежит сомнению. В то же время, потребности эмпирического анализа отдельных отраслей делают неприменимыми чрезмерно сложные и многофакторные модели, что признают и их создатели. В связи с этим, возникает необходимость в новой, «необходимой и достаточной» модели. В частности, такая модель была разработана на географическом факультете Московского университета [1, 2].

Литература

1. *Мироненко Н. С.* Введение в географию мирового хозяйства. – М.: Аспект Пресс, 2006.
2. *Николаев М. А.* Внутриотраслевые факторы развития международного разделения труда // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2009. № 5.
3. Экономико-географический сборник. Под ред. Н. Н. Баранского и др. – М., 1929.
4. The Economist, September 18, 2008.
5. Accenture & Center for automotive research. Estimating the new automotive value chain. – Detroit, 2002.
6. *Friedman J.* «The world-city hypothesis». From World Cities in a World-System. – Cambridge, 1995.
7. The Global Competitiveness Report 2008–2009. World Economic Forum, Geneva, Switzerland, 2009.

8. *Coe N. C., Dicken P., Hess M.* Introduction. Global production networks – Debates and challenges // *J. of econom. geogr.* 2008. № 8.
9. *Coe N. C., Dicken P., Hess M.* Global production networks: Realizing the potential // *J. of econom. geogr.* 2008. № 8.
10. *Dicken P.* Global Shift. Reshaping the global economic map in the 21st century. 4th edition. – N.Y., 2003.
11. *Gereffi G.* The organization of buyer-driven global commodity chains: How U.S. retailers shape overseas production networks // *Commodity chains and global capitalism.* – L., 1994.
12. *Gereffi G., Humphrey G., Sturgeon T.* The governance of global value chains // *Rev. of international political economy.* 2005. Vol. 12. № 1.
13. *Kogut B.* Normative observations on the international value-added chain and strategic groups // *J. of Intern. Business Stud.* 1984. Vol. 15. № 2.
14. *Pankaj Ghemawat* Redefining Global Strategy: Crossing Borders in a World Where Differences Still Matter. – Boston, 2007.
15. *Sturgeon T., Biesebroek J.V., Gereffi G.* Value chains, networks and clusters: reframing the global automotive industry // *J. of econom. geogr.* 2008. № 8.

Немец Л. Н., Немец К. А., Сегуда Е. Ю.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Анализ истории нашей цивилизации показывает, что основной целью человека всегда была борьба за выживание. Сегодня речь идет о выживании всего человечества на Земле. Темпы нарастания глобальных проблем, которые затрагивают интересы всех без исключения стран мира, населения планеты, ставят неотложную и важную проблему поиска путей выхода из системного глобального кризиса, что в конечном итоге приводит к необходимости переосмысления социокультурной роли современной науки. Все проблемы современности связаны с человеком, его поведением в природной и социальной среде, губительным влиянием на них и требуют быстрого развития наук о социуме и самом человеке, его поведении, воспитании, образовании. Формирование замкнутого глобализованного пространства вызывает необходимость поиска междисциплинарных, комплексных, инновационных методов исследования процесса цивилизационного развития на стыках естественных и общественных наук.

Активно формирующаяся в системе географических наук социальная (общественная) ветвь в полной мере соответствует требованиям постиндустриального и информационного общества, ибо быстрое развитие ее теоретико-методологических основ позволяет исследовать многие проблемы и процессы, происходящие в социогеосистемах различных иерархических уровней [2,

4, 5, 8, 9, 11 и др.]. На наш взгляд, социальная (общественная) география через свои функции, которые расширяются по мере развития ее теоретических основ, обладает мощным потенциалом для изменения духовно-культурных, ментальных качеств личности и человечества в целом. Это определяет возможность преодоления системного глобального кризиса (глобального терроризма, бедности и голода, религиозной, политической непримиримости и т. п.).

В рамках данного доклада авторы рассматривают лишь небольшой аспект расширения предметно-объектной области общественной географии на примере применения ее возможностей в исследовании социogeосистемы регионального уровня, в частности, ее демографического развития. Выбор именно этой составляющей предметно-объектной области общественной географии связан с необычайной остротой для Украины демографических проблем, без исследования и решения которых практически невозможно дальнейшее поступательное развитие страны по пути прогресса, внедрения информационно-инновационных технологий и т. п.

В демографических, экономических, социальных исследованиях принято использовать понятие демографической ситуации или обстановки, что подразумевает соотношение демографических процессов, состава и размещения населения на определенной территории в определенный период времени; в географических – геодемографической обстановки, как последовательной смены демографических ситуаций под воздействие внешних и внутренних факторов, оказывающих влияние на геосистему [3]. На наш взгляд, исследование существующих связей и закономерностей демографических процессов важно для анализа сложившейся ситуации, выявления действующих факторов и прогнозирования с их учетом дальнейшего развития. Поэтому, в общественно-географическом исследовании целесообразнее использовать термин демографическое развитие, как закономерный процесс количественных и качественных изменений во времени и пространстве структуры демографической составляющей социogeосистемы [1, 5].

Исследования любых процессов в социogeосистемах неизбежно сводятся к рассмотрению информационного обмена между разными подсистемами, закономерности которого изучаются информационной географией. Это показано в ряде работ, в том числе и авторов [8]. Появление этой новой ветви общественной географии связано с формированием принципиально нового социального запроса на качество и количество информационных услуг, который обычно рассматривают как признак перехода к информационному обществу. Таким образом, новый запрос, ставя новые задачи и цели науки, требует разработки новых методологических подходов и методов исследований, способных получать, анализировать и использовать качественно иную информацию. Особенно важно применение таких методов, опирающихся на фундаментальные положения теории информации, как уже отмечалось выше, в исследовании

социально значимых процессов, к которым относится, например, демографический процесс.

Целью настоящего доклада является демонстрация информационного подхода в анализе изменений демографической ситуации на региональном уровне. В качестве объекта исследований избрано развитие демографического процесса в Харьковской области (Украина) в последние годы. В пространственно-временном аспекте исследовались изменения нескольких демографических показателей, характеризующих рождаемость, смертность, воспроизводство, поло-возрастную структуру населения.

Информационный анализ основан на свойствах информационной энтропии, как меры неупорядоченности или разнообразия системы. В комплексе с пространственным или временным анализом демографического процесса он дает возможность более контрастно выделить некоторые особенности развития этого процесса. В пространственном анализе демографического процесса мы применили модель интегральной функции влияния общественно-географических объектов, разработанную в Харьковском национальном университете [6]. Исходя из того, что главной целью функционирования общественно-географического объекта является удовлетворение некоторой социальной потребности, его можно рассматривать как центр определенной зоны влияния. Тогда справедливы следующие утверждения:

1. Каждый объект имеет собственную зону влияния.

2. Радиус R зоны влияния объекта – это расстояние, на котором он влияет на социально-географический процесс. Предполагая пропорциональность R мощности объекта Z (величине его числовой характеристики), очевидно, что наименее мощный объект должен иметь наименьший радиус влияния R_0 (базовый). Тогда радиус влияния всех остальных объектов можно определить как функцию базового радиуса, например, следующим образом:

$$R_i = R_0 + k * \ln(Z_i / Z_{\min}), \quad (1)$$

где R_i – радиус влияния i – того объекта; R_0 – базовый радиус влияния; Z_i и $Z_{\min}$ – соответственно значение параметра Z i – того и базового объектов; k – масштабный коэффициент.

3. Для зоны влияния объекта существует *нормированная функция влияния* D , определяемая из следующей инвариантной зависимости:

$$\Delta = (1 - L / R)^n, \quad (2)$$

где L – текущее расстояние до центра зоны влияния объекта; n – произвольный показатель степени. Функция D достигает максимального значения, равного 1, в центре зоны влияния (при $L = 0$), а наименьшего (0) – на границе зоны (при $L = R$). Вне зоны влияния функция D не существует.

4. При наложении зон влияния однотипных объектов их взаимодействие отражается значениями их функций влияния D , а возможность удовле-

ния потребности – суммой функций влияния нескольких объектов. Поэтому можно построить модель поля *интегральной функции влияния* (ИФВ), которая способна объективно отражать особенности влияния и пространственно-го взаимодействия объектов:

$$F = \sum_{i=1}^m \Delta_i, \quad (3)$$

где F – интегральная функция влияния в данной точке; m – количество взаимодействующих объектов.

5. Модель ИФВ можно применить для построения интегральной поверхности приведенного параметра P объектов, где значения функции влияния D являются весовыми коэффициентами:

$$p = Z^* D, \quad (4)$$

и по аналогии с (3) интегральный параметр определяется следующим образом:

$$P = \sum_{i=1}^m p_i, \quad (5)$$

В случае, когда вектор геопространственных данных неполный – известны координаты общественно-географических объектов, но отсутствуют количественные характеристики их параметра Z , можно использовать модифицированную ИФВ – модель поля, при этом радиус влияния для всех объектов принимается постоянным $R = const$, а функции влияния и ИФВ определяются по формулами (2) и (3). ИФВ – модели целесообразно дополнять картами информационной энтропии, которая определяется при построении модели в расчетных точках. Изменяя базовый радиус, можно исследовать разные по уровню обобщения пространственные «срезы» поля.

Временной анализ демографического процесса выполнялся по методике, разработанной авторами [7]. Суть методики состоит в прослеживании траектории развития процесса в многомерном признаковом пространстве, базисом которого являются нормированные значения (индексы) параметров процесса. Наиболее информативны попарные сравнения расхождения траекторий районных систем в сочетании с информационными (энтропия) и статистическими (средний индекс, асимметрия и эксцесс) показателями. Предлагаемая методика позволяет сгруппировать районы в разных интервалах времени и оценивать основные тенденции в развитии демографического процесса, что является очень важным для поиска оптимальных путей развития демографической ситуации в регионе, при разработке планов социально-экономического развития, формировании инвестиционной политики и т. д.

Выполненные на основе предлагаемой методики построения позволили определить пространственно – временные особенности развития демографического процесса на региональном уровне, что демонстрируется в презентации доклада.

Литература

1. *Алаев Э. Б.* Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983.
2. *Арманд А. Д.* География информационного века // Известия РАН. Сер. географ. 2002. № 1. С. 10–14.
3. Демографический энциклопедический словарь. Под ред. Д. И. Валентя. – М., 1985.
4. *Межевич М. Н.* Социальная проблематика в системе экономической и социальной географии // Известия ВГО. Т. 114. 1982. Вып. 4. С. 281–290.
5. *Немец Л. Н.* Устойчивое развитие: социально-географические аспекты (на примере Украины). – Харьков, 2003.
6. *Немец К. А., Немець Л. М., Немець О. К.* Дослідження просторової взаємодії суспільно-географічних об'єктів // Часопис соціально-економічної географії (Харків). 2009. Вип. 6 (1). С. 20–32.
7. *Немец Л. М., Олійник Я. Б., Немець К. А.* Просторова організація соціально – географічних процесів в Україні. – Харьков: РИО ХНУ, 2003.
8. *Немец К. А.* Информационное взаимодействие природных и социальных систем. – Харьков, 2005.
9. *Пістун М. Д.* Завдання суспільної географії в контексті проблем регіонального розвитку України // Український географічний журнал. 2003. № 2. С. 21–26.
10. *Топчієв О. Г.* Основы суспільної географії: підручник для студентів географічних спеціальностей вищих навчальних закладів. – Одеса, 2009.
11. *Шупер В. А.* Влияние синергетики на географическое мировоззрение // Известия РАН. Сер. географич. 2001. № 4. С. 23–30.

Подгруппный Г. П.

СТАДИЙНО-ЭВОЛЮЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ: ФАКТОРЫ, МЕХАНИЗМЫ И ЦЕЛИ

К центральным понятиям в научных дисциплинах, которые занимаются региональной проблематикой, принадлежит понятие «региональное развитие». В связи с масштабными трансформациями постсоветского пространства в последние десятилетия активизировался интерес к этому вопросу со стороны широкой научной общественности, политиков, государственных и региональных управленцев. Невзирая на всю актуальность проблемы регионального развития, она все еще остается недостаточно исследованной. Это касается, в первую очередь, дефиниции самого понятия «региональное развитие», которое отсутствует даже в основных отечественных энциклопедических изданиях. Более того, понятие «regional development» отсутствует и в наиболее авторитетных зарубежных энциклопедических изданиях – The New Encyclopedia Britannica и The Encyclopedia Americana.

Такая достаточно парадоксальная ситуация объясняется тем, что на сегодняшний день в научном потреблении нет достаточно четкой и однозначной трактовки этого понятия. С одной стороны, это предопределяется видимой простотой и мнимой очевидностью содержания понятия «региональное развитие», под которым по большей части понимают рост производства, повышения качества жизни населения региона, улучшения его экологической ситуации и тому подобное. При этом в научной литературе и периодике используется несколько терминов-аналогов, не разграниченных по своей содержательной нагрузке: «региональное развитие», «социально-экономическое развитие региона», «развитие региона», «территориальное развитие» и тому подобное.

С другой стороны, четкая и однозначная трактовка в значительной мере осложняется емкостью и многогранностью содержания понятия «региональное развитие». Именно эти особенности и предопределили неоднозначность трактовок его сути и доминирующих признаков разными учеными в разное время. Определяющее влияние при этом оказывали господствующие в науке парадигмы, установки и взгляды, из позиций которых в тот или другой период исследовался этот процесс

В процессе исследования регионального развития возникает необходимость уточнить содержание понятие «развитие» При этом важным является разграничение этого понятия и близких к нему – «рост», «функционирование» и т. п.

Функционирование системы представляет собой процесс реализации присущих ей функций. Воссоздание же системы на расширенной основе без любых изменений ее структуры равнозначно росту. Развитие же – это значительно более сложный процесс, который касается глубинной сущности системы. Он всегда связан со структурными трансформациями системы, которые ведут к изменениям ее качественного состояния и количественных параметров. При этом развитие не обязательно имеет только прогрессивный характер. Его траектория может иметь тупиковое, и даже регрессивное направление.

Объективно существующие регионы разных иерархических уровней являются базовыми компонентами территориальной организации общества. Исходя из этого, вполне объективным является подчинение регионального развития тенденциям и закономерностям общественного развития в целом. Это предопределяет невозможность исследования процессов регионального развития вне широкого общественного контекста.

Одним из базовых свойств общественно-исторического процесса выступает его стадийный характер. Эта главная особенность общественного развития находит современное осмысление в пределах одного из основных направлений философского мысли второй половины прошлого века – неозволюционизма. Самые известные представители этого направления – выдающиеся западные ученые А. Арон, В. Ростоу, Дж. Гелбрайт, Д. Белл и другие трактуют общественное развитие как эволюционный процесс, который детерминируется техничес-

кими и технологическими факторами. Эти факторы и кладутся в основу периодизации общественного развития.

В истории цивилизации эти авторы и их последователи выделяют три основных стадии развития – доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную. Очевидно, что между основными стадиями существуют и промежуточные – низкоиндустриальная и высокоиндустриальная. В наиболее интегрированном виде неэволюционистские взгляды на общественное развитие представлены в теории постиндустриализма.

В свое время неэволюционизм обогатился идеями функционализма. Его основатели Б. Малиновский и Р. Редклиф-Браун и другие ученые представляли историю человечества как продвижение структурно-функциональных систем, которые взаимодействуют между собой и с окружающей средой и способны к самоорганизации и саморазвитию.

Такое видение сущности общественного развития тесно коррелируется с синергетическим подходом, который достаточно стремительно приобрел общенаучное значение и стал доминирующим во многих научных дисциплинах. Разработанные в рамках неклассической методологии статические системы при синергетическом подходе получают признаки эмерджентности, динамики, неуровновешенности и неустойчивости, а главным их атрибутом становится самоорганизация и саморазвитие. Сопряженное взаимодействие элементов таких систем формирует их новое качество, которое не может возникнуть в результате одиночного действия каждого из элементов. Одним из главных признаков синергетических систем является чередование их устойчивых и хаотических состояний. При этом хаос не обязательно имеет деструктивный характер. Он может рассматриваться как «творческая сила», которая способна нейтрализовать нерациональные формы системы.

Из вышесказанного вытекает, что регион как общественно-территориальное образование является собой синергетическую систему со всеми присущими ей атрибутами – эмерджентностью, динамикой и неуровновешенностью, чередованием устойчивых и неустойчивых состояний, способностью к самоорганизации и саморегуляции и т. п.

Общая траектория эволюционного развития регионов совпадает со стадиями общественно-исторического развития. В основе чередования стадий эволюционного развития регионов лежит функция их саморазвития. Эта функция подчиняется закономерностям циклического развития экономики, которые связаны с периодической активизацией продуцирования инноваций в центральных регионах и их территориальной диффузией в полупериферийные и периферийные.

Однако траектория эволюционного развития регионов должна рассматриваться, прежде всего, как общая схема последовательного чередования отдельных стадий. Реальное региональное развитие не представляет собой неотвратимый

однонаправленный линейный процесс. Напротив, он характеризуется разнонаправленностью и поливариантностью. В результате действия комплекса факторов (как объективных, так и субъективных) и реализованных в разные времена общественно-исторических компромиссов на оси развития могут возникать точки бифуркации, в которых открываются своеобразные «пучки возможностей». Другими словами, в определенные моменты, когда система находится в неустойчивом состоянии, возможно изменение направления ее развития по одному из нескольких альтернативных вариантов. Большое значение в процессе определения стратегий развития регионов играет фактор адекватного поведения элит и сознательных целеустремленных действий социума в целом.

Пользуясь общеэволюционной терминологией, можно выделить три основных направления эволюционного развития регионов – ароморфоз, адаптацию и деградацию. Ароморфоз (от греч. *аро* – поднимать и *морфоз* – вид) – усложнение структуры и организации общественно-территориальной системы региона, при котором осуществляется его переход к высшей стадии развития. Адаптация (от лат. *adaptatio* – приспособление) – приспособленческие изменения структуры, которые не ведут к переходу на высшую стадию развития региона. Деградация (от лат. *degradatio* – снижение) – деструктивные изменения, которые предопределяют упрощение структуры, отход региона к предыдущим стадиям развития.

Проблема направлений эволюционного развития регионов тесно связана с вопросом определения его конечной цели. В географической литературе имело место обсуждение этого вопроса, в ходе которого выражено дискуссионное положение о том, что общественно-территориальные комплексы «стремятся в своем развитии к определенному равновесному состоянию, так называемому изостатическому равновесию, которое выступает по отношению к ним в качестве аттрактора – области притяжения процесса» [1]. Любое состояние равновесия является следствием определенного сглаживания системных противоречий, которые выступают движущей силой развития, то есть самой эволюции. Вряд ли целью эволюции может быть нивелировка ее движущих сил, которая тянула бы за собой затухание процессов развития. Соглашаясь с тем, что цель эволюции региона имеет аттрактивный характер, можем допустить, что в ее качестве выступает определенное идеальное состояние, которое на практике в полной мере не может быть достигнуто. Именно поэтому процесс эволюционного развития региона не имеет финального характера.

Исходя из основного системного принципа сохранения энергии, таким состоянием должно быть достижение общественно-территориальным комплексом региона максимального эффекта во всех сферах жизнедеятельности социума при минимальных энергетических и ресурсных затратах. В этом случае речь должна идти, в первую очередь, о социально-экономической и экологической эффективности функционирования хозяйства региона. Эта эффек-

тивность достигается в результате роста качества жизни населения и улучшения экологической ситуации в регионе при относительном снижении ресурсно-энергетических затрат функционирования его экономики.

Литература

1. *Шулер В. А.* Влияние синергетики на географическое мировоззрение // Известия РАН. Сер. географ. 2001. № 4.

Поросенков Ю. В., Худякова Т. М.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Современные методологические основы и теоретические проблемы российской социально-экономической (общественной) географии в значительной степени являются результатом весьма непростого общественно-исторического и экономического развития России на протяжении последних 150 лет.

Российская общественная география возникла во второй половине XIX в. в виде ее экономико-географического направления на стыке экономической науки и страноведения. Это изначально определило противоречие между двумя основными направлениями отечественной экономической географии: «отраслево-статистическим» и «районным». Они соответствовали заказу российского общества на исследование процессов и особенностей формирования ведущих отраслей хозяйства и экономических районов. Такая двойственность привела к неоднозначному пониманию экономической географии в системе географических наук. Многие ученые считали, что экономическая география является частью экономических наук, а общественная география в рамках географических наук была представлена лишь антропогеографией и коммерческой географией.

Понимание сущности современных тенденций и перспектив развития отечественной социально-экономической географии принципиально невозможно без объективной оценки ее советского «наследия». Это связано с тем, что по своей теоретико-методологической основе советская экономическая география принципиально себя противопоставляла как отечественной дореволюционной, так и современной ей западной «буржуазной» науке. В результате кардинальных и весьма драматических преобразований в начальный советский период в стране произошло тотальное огосударствление производства, значительная концентрация материальных, финансовых и трудовых ресурсов в руках государственных органов. Разработка и реализация долгосрочных планов экономического развития, руководство хозяйством на общегосударственном и региональном уровнях потребовали формирования специальных научных направлений. Отечественная экономическая география стала развиваться в тесной связи с территориальным планированием народного хозяйства.

Общей их основой стала идеология «марксистско-ленинского» обществоведения, особенно политической экономии. С конца 20-х годов XX в. советская экономическая география была интегрирована в систему географических наук, в ней стала доминировать «районная научная школа», хотя определенные «нюансы» взаимоотношений между «географами» и «экономистами» сохранялись долгие годы. «Экономический детерминизм» в советском обществоведении нашел свое выражение в чрезмерной экономизации отечественной экономической географии, объектом исследования которой рассматривалась территориальная организация (а в начале даже просто размещение) производства.

В последней четверти XX в. теоретические основы отечественной экономической географии претерпели существенные изменения. Технологическая стагнация советской экономики в условиях ее экстенсивного развития и расширения мирохозяйственных связей породила сомнения в эффективности сложившихся в стране механизмов экономического и общественного управления, но все попытки их реформирования не привели к улучшению ситуации. Несколько большая по сравнению с предшествующим периодом информационная открытость страны позволила отечественным специалистам использовать опыт мировой науки. Значительное повышение роли социальных факторов в развитии страны обусловило нарастание интереса к исследованию социальных, демографических, политических, экологических и культурных явлений и процессов. В этих условиях советская экономическая география трансформировалась в более сложную (по своей внутренней структуре) социально-экономическую (или общественную) географию. Объектом ее исследования становится территориальная организация общества, процессы, условия, факторы и последствия ее формирования и управления. Отечественная социально-экономическая география все более широко стала использовать системную методологию, которая позволила интегрировать в своих целях исследование общественных и природных процессов и явлений.

Все эти аспекты формирования российской социально-экономической географии получили дальнейшее развитие и на постсоветском этапе страны. Авторы статьи считают, что в процессе переосмысления своих теоретических основ российская общественная география должна избежать крайностей, как в виде полного отказа от реформирования своей теории, так и полного отказа от теории отечественной науки и формирование вместо нее «новой общественной географии» на основе методологии «западной» науки. К числу наиболее устойчивых тенденций современной российской социально-экономической географии относится диверсификация (то есть усложнение) ее внутренней структуры, в основном в процессе дифференциации – формирования все новых частных наук. В значительной степени это связано с расширением объекта исследования. Процесс внутренней дифференциации российской социально-экономической географии еще далек от своего завершения, поскольку не

все элементы, формирующие ТО общества, стали объектом географических исследований. На диверсификацию социально-экономической географии работает и процесс ее внутренней интеграции. Процессы дифференциации и интеграции социально-экономической географии непосредственно затрагивают развитие ее теории. В первом случае – это формирование теории частных социально-экономико-географических наук, а во втором случае – развитие общей теории этой науки в целом. На этот процесс несомненное влияние оказывают предпринимаемые в последнее время попытки более четко определить общий теоретический базис всей географии.

Российская социально-экономическая география, входящая в систему географических наук, является в следствие этого составной частью большой научной суперсистемы наук о Земле. Однако ее успешное развитие невозможно без тесных связей с науками общественного цикла. При этом в последние годы наблюдается интенсификация таких связей, поскольку наступило время интеграции наук на основе решения жизненно важных проблем для современного общества. Современные связи отечественной социально-экономической географии с экономическими науками, социологией, политологией, демографией, историей, информатикой, юридической наукой и менеджментом позволяют усилить прикладное направление в географии. В рамках последнего важное значение приобретает участие в оценочных, прогнозных работах и территориальном программировании. Этим самым социально-экономическая география создает себе определенное место в системе регионоведения как формирующейся системе региональных наук. По мнению авторов статьи, дальнейшая реализация всех этих тенденций в отечественной общественной географии потребует приведение ее теоретической базы в соответствие с реальностью начала XXI века, в тоже время обеспечит повышение прикладных аспектов этой науки и предохранит ее от бесцельного абстрагирования.

Значительное влияние на перспективы развития отечественной социально-экономической географии несомненно будет оказывать заказ общества, то есть набор проблем, которые требуют первоочередного решения и в исследовании которых эта наука может оказаться полезной. На мировом уровне одной из основных проблем выступает определение экономической, демографической и экологической емкости географической оболочки Земли и обоснование на этой основе рациональных параметров глобального природопользования. Первостепенное значение имеет также выявление основных тенденций технологического, отраслевого и территориального развития мировой экономики и положения в ней РФ. На национальном уровне главными задачами выступают: существенное повышение уровня и качества жизни народа; коренное совершенствование технологической структуры производства и перевод его на инновационный уровень; определение и достижение наиболее оптимальной (для современного этапа развития страны) социальной, функцио-

нально-отраслевой и территориальной структуры экономики; оптимизация структуры российских мировых связей. Вполне понятно, что под решение всех этих проблем общественная география (в тесной связи с другими направлениями глобалистики и проблемного страноведения) должна выработать соответствующую теорию и методику исследования.

На региональном и локальном уровнях перед отечественной общественной географией стоят задачи более активного участия в решении проблем рационального природопользования и охраны природы, развития депрессивных регионов, более активное участие в обосновании и реализации региональной экономической, социальной, демографической и экологической политики. Залогом успешного решения этих проблем в методологическом плане выступает обоснование (с использованием как отечественного, так и мирового опыта) общей теории регионообразования с учетом всего многообразия территориальной организации общества. Успешное участие отечественных экономико-географов в решении всех этих проблем требует широкого использования геоинформационных технологий.

Раднаев Б. Л.

ТРАНСПОРТНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНА

Транспортно-географический потенциал региона – это совокупность взаимодействующих транспортных объектов, транспортной инфраструктуры с окружающей природной и социально-экономической средой определенной территории, имеющее свое специфическое социально-экономико-географическое положение. Поиск путей рационализации взаимодействия транспортной системы с природной и социально-экономической средой с учетом специфики территории является научной основой оптимизации управления транспортно-географическим потенциалом региона.

Данный вопрос более всего актуализируется в регионах со сложными природными, экологическими условиями и специфическими социально-экономическими требованиями, но в, то, же время, имеющий высокий стратегический потенциал природных, экономико-географических, геополитических ресурсов. Этот аспект особенно актуализируется в регионах Сибири и Дальнего Востока. Это обусловлено с одной стороны: удорожанием строительства и эксплуатации транспортных объектов в тяжелых природно-климатических условиях и разряженной системы расселения, ранимыми природными условиями и соответственно с высокими экологическими требованиями к загрязнению окружающей среды, но с другой стороны, с сравнительно не высоким уровнем институционального обслуживания. Необходимость совокупного и комплексного рассмотрения транспорта региона с природно-ресурсным, социально-экономическим потенциалом определяется с той исключительной ролью, которые играют отрасли коммуникации в современном индустриальном и постиндустриальном мире.

В современных условиях и с позиции определения транспортно-географического потенциала, необходимо изменить сам подход к объекту исследования – транспорту, постараться рассмотреть его функции с несколько иных позиций, а это, в свою очередь, потребует новых форм и методов оценки развития и функционирования транспорта.

Одним из возможных подходов для географии транспорта может послужить рассмотрение транспорта как части социально-коммуникационной системы различных территориальных уровней и находящейся в тесной взаимосвязи с территориальным природно-ресурсным потенциалом, окружающей природной средой – от локального до глобального. При таком подходе транспорт рассматривается не только как общее условие социально-экономического развития территории и средство перемещения людей и грузов на расстояния, а как база, стимулятор экономического, социального совершенствования индивидуумов, социальных групп и сообществ различных территориальных образований, а также как средство для решения экологических вопросов. Еще в 1981 г. Г. А. Гольц заметил, что роль транспорта заключается главным образом не в кардинальном изменении территориального размещения населения и производства, а в трансформации функций иерархии населенных пунктов и производства в них, их территориального роста и объединения [1, с. 31]

Пространство с позиции географии транспорта, прежде всего, это расстояние, и оно является препятствием для передвижения людей, вещей и идей. Расстояние, как известно, может быть географическим, экономическим, социальным и экологическим. Главной функцией транспорта является преодоление географического расстояния в целях уменьшения экономического и социального расстояния. Поэтому можно говорить о транспортно-географическом расстоянии. Транспортно-географическое расстояние может определяться физико-географическими условиями территории, состоянием окружающей среды, уровнем развития транспортной техники и технологии, механизмом организации и использования этой техники, и еще уровнем влияния транспорта на окружающую среду. Транспорт перемещает в пространстве не просто материальные ценности и людей, а объекты, несущие информацию, особенно людей, перемещающихся не только для работы, но и для установления контактов между собой. В условиях глобализации транспорт региона становится частью мировых коммуникационных сетей со всеми вытекающими отсюда требованиями по условиям формирования и функционирования.

Одной из целевых задач развития и функционирования транспорта должны быть не производство, а человек и его действия, использующие транспорт для самоорганизации и совершенствования взаимодействия общества с окружающей природной средой.

В условиях России, особенно в ее азиатской части, когда пространственное насыщение путями сообщения не высоко, низка обеспеченность населе-

ния и предприятий транспортом, как нам кажется, необходимо, сохраняя гуманистическое направление в задачах географических исследований транспорта, подходить к проблеме уровня обеспеченности регионов в расширительном толковании. А именно как транспортно-географическому потенциалу.

Одна из важнейших функций транспортных систем как потенциала региона, состоит в их адаптации к требованиям различных социальных групп в ходе их деятельности по использованию территории, ее природно-ресурсного потенциала и организации территориальной структуры производства. В этом состоит суть «человеческого измерения» или «социальности» транспортно-географической проблемы. Такой подход в транспортно-географической проблеме предопределяет исследование многомерности и многовариантности взаимосвязей транспорта с социально-экономической и природной средой, поскольку развитие самого социума идет многопланово и меняется во времени и в пространстве. В то же время в этом разнообразии есть общие тенденции и направления в развитии транспорта в глобальном масштабе. Транспорт регионов повторяет общемировой эволюционный путь развития, но только каждый регион, в зависимости от уровня социально-экономического развития, свой этап проходит в разные временные периоды, с теми или иными видоизменениями под влиянием территориальных факторов.

В связи с этим возникает задача исследования потенциальных возможностей транспорта страны в целом и каждого региона на основе выявления его потенциальных возможностей реагирования и адаптации к изменяющейся социально-экономической и природной среде. Определяющими при раскрытии данного вопроса должны быть пространственно-временной и социально-экономический подходы, рассматривающие транспорт как часть социально-коммуникационной системы общества определенной территории и соответственно ее природно-ресурсного потенциала. Это потребует оценки пространственно-временных, социально-экономических возможностей транспорта для удовлетворения потребностей в перевозках в совокупности с окружающей природной средой. В этом аспекте важным становится использование социально-коммуникационного подхода как синтеза районной концепции, гуманистической и пространственной парадигмы в географии транспорта.

Стало очевидным, что переход от административно-командной системы хозяйствования к рыночной не является скоротечным и мгновенным процессом и займет в нашей стране немало времени. В этой ситуации особо актуальным становится исследование уровня готовности транспортной системы регионов к этому переходу, возможностей адаптации транспортных структур и сложившихся транспортных процессов к новым требованиям с учетом специфики ресурсного потенциала каждого региона.

Все это усложняется геополитическими и стратегическими интересами государства и специфическими задачами регионов, обострением экологичес-

ких проблем транспорта и конкретно-территориальным характером природных явлений, а также многообразием форм собственности на транспорте и поддержанием социальных ориентиров.

Все это требует совершенствования подходов и методов в исследовании транспортных систем регионов, чем использовались в период социалистического хозяйствования.

Наиболее подходяще, на наш взгляд, на базе функционально-целевого подхода, раскрывающего функциональные задачи транспортных процессов по отношению к конечной социально-экономической цели транспорта, исследовать происходящие в переходный период глубинные территориально-отраслевые процессы. Поскольку продукция транспорта потребляется в том же месте, где производится, то транспорт функционально тесно взаимосвязан с происходящими на территории социально-экономическими, экологическими и другими процессами. Соответственно оценка выполнения целевых функций транспорта требует изучения комплекса взаимосвязанных проблем региона, что в конечном итоге приводит к определению транспортно-географического потенциала.

Одним из направлений функционально-целевого подхода является использование понятия мобильность транспортной системы региона – весьма актуальное в современной переходный период, когда конкретизируются целевые функции транспорта – от перевозки ради перевозки – к социально-экономической целесообразности (последняя цель всегда существовала, но только на теоретическом уровне, а на практике работал затратный механизм).

Уточнение функционально-целевых задач транспорта в новой ситуации потребовало нового понятийного аппарата. В этом плане наиболее плодотворным оказались идеи логистики – нового научного направления о планировании, управлении и наблюдении при движении материальных и информационных потоков в производственных и энергетических системах. В основе концепции логистики лежит быстрая реакция на требования рынка, гибкая адаптация в изменяющихся ситуациях и доставка грузов и людей точно в срок.

В переходный к рынку период для оценки развития и функционирования транспорта наиболее приемлемыми в условиях нашей страны оказались два первых концептуальных понятия логистики, объединенные нами под общим термином «мобильность». Следовательно, теоретические основы мобильности транспорта исходят из теории логистики.

Под мобильностью транспортной системы региона понимаем ее свойство быстро реагировать на потребности в перевозках и гибко адаптироваться к изменяющимся условиям и требованиям социально-экономической и природной среды для своевременного, качественного и максимально эффективного удовлетворения потребностей населения и народного хозяйства в транспортных услугах.

Реакция транспорта – это организационно-технические, экономические и управленческие процессы, происходящие на транспорте при подготовке и осуществлении перевозок. В организационно-технические мероприятия включаются процессы, формирующие количественную и качественную структуру подвижного состава, путей сообщения, начально-конечные операции, технологию перевозочного процесса, размещение транспортных предприятий. В экономические процессы включаются динамика соотношений цен на транспортную продукцию и затрат ресурсов и времени на подготовку и осуществление перевозок. В управленческие процессы входят организация и управление перевозками.

Адаптация транспорта – это те же процессы, как и при реакции транспорта, но направленные на гармонизацию взаимоотношений транспорта с окружающей социально-экономической и природной средой.

Таким образом, мобильность транспорта – это сложное понятие, характеризующее внутренние свойства развития и функционирования транспорта во взаимосвязи с окружающей природной и социально-экономической средой. Итак, принципиальная суть раскрытия свойства мобильности транспорта заключается:

- в раскрытии гибкости организационно-технологической структуры управления транспортом;
- в пространственно-временном соответствии транспорта обслуживаемой социально-экономической и находящейся в контакте окружающей природной среде;
- в определении возможностей и направлений его адаптации к предполагаемым пространственным, экономическим, социальным изменениям.

Таким образом, мобильность транспортной системы является интегральным свойством, проявляющимся более рельефно в новых условиях: интенсификации общественного производства, перехода к рыночным методам хозяйствования и обострения экологической обстановки. Она характеризует уровень внешних и внутренних связей транспорта, раскрытие и использования которых будет способствовать ликвидации возникающих во времени и пространстве диспропорций в социально-экономическом развитии регионов.

Раскрытие и оценка выполнения транспортом региона своих функционально-целевых задач требует учета множества взаимосвязанных факторов.

Функционально-целевое свойство транспортной системы региона, интегрально понимаемое как мобильность, представляет собой системное явление, характеризующее взаимосвязи транспорта с внешней средой и вскрывающее внутренние закономерности его развития. Поэтому основой исследования мобильности транспорта региона должен служить системный анализ.

Системный характер мобильности транспорта региона объясняется не только тем, что транспорт сам по себе является системой, но и тем, что это

свойство выявляет уровень реакции и степень адаптации транспорта на действие основного системообразующего компонента, каким является материальный объект перемещения (грузы, пассажиры). Потребность на перемещение исходит из внешних источников в виде предъявления транспорту для перевозки некоторого количества грузов и пассажиров.

Исходя из вышеизложенного можно выделить основополагающие принципы мобильности транспортной системы региона:

- своевременность – доставка к точно обусловленного сроку;
- доступность любому перевозчику, клиенту;
- избыточность – транспорт должен иметь определенный резерв провозной и пропускной способности;
- экономичность – цены на транспортные услуги должны способствовать социально-экономическому прогрессу общества;
- стабильность – транспорт должен функционировать при любых политических ситуациях, стихийных и природных катаклизмах;
- воспроизводимость – в определенной степени транспорт должен иметь возможность самовоспроизводиться;
- адаптивность – способность приспособиться к изменяющимся условиям.

Если транспорт в своем развитии и функционировании будет соответствовать этим принципам, то можно считать, что он количественно и качественно удовлетворяет потребности общества. Следовательно, руководствуясь и базируясь на концепции мобильности транспортной системы можно наиболее полно определить транспортно-географический потенциал региона.

Литература

1. Гольц Г. А. Транспорт и расселение. – М.: Наука, 1981.
2. Раднаев Б. Л. Мобильность транспортной системы региона. – Новосибирск: Наука, 1991.

Слука Н. А.

ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА В СИСТЕМЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Отечественная социально-экономическая география и география в целом уверенно приближается к точке бифуркации. Сказывается влияние целого ряда внешних и внутренних факторов, включая незаконченность постперестроечных преобразований в России, в том числе в сфере науки и образования; консерватизм организационной структуры географической науки, доминанту отраслевого подхода, недофинансирование, кадровый голод и т. д. Перейдет ли состояние системы географического знания на новый, более дифференцированный и высокий уровень упорядоченности? Какой тренд – нисходящий, либо

восходящий – возобладает? Помимо основы – каждодневного труда географов-энтузиастов – определенный оптимизм вселяет неугасающий интерес к социально-экономической географии молодежи, последние преобразования в Российском географическом обществе, повышенное внимание к возможностям науки со стороны международных организаций. В частности, обнадеживает Доклад о мировом развитии – 2009 Всемирного банка «Новый взгляд на экономическую географию».

Среди многих проблем отечественной социально-экономической географии особо выделяется острая необходимость трезвой переоценки и обновления ее теоретического багажа в контексте эффектов стержневого процесса современности – глобализации и при соблюдении принципа от общего к частному.

Глобализация положила начало коренной трансформации функционирования всей территориальной организации мировой системы, центром которой становится феномен современного города. Таков один из главных и очевидных выводов последнего времени. Город глобального мира, как отмечает целый ряд зарубежных и российских исследователей, обладает определенной независимостью от национального политического руководства, но при этом через сосредоточение различных геополитических институтов наращивает возможности активно действовать на международной арене. В пределах геоэкономического пространства крупные города выступают как ядра концентрации реальных рычагов управления и контроля мировым промышленным производством, рынком капитала, сферами инноваций, знаний и информации. Современный город стоит во главе социокультурной глобализации. Он же выполняет узловые функции в управлении глобальными потоками. Таким образом, согласно М. Кастелсу, «если в индустриальную эпоху основным актором мировых отношений является государство-нация, то в нынешней эпохе – город».

Для выработки стратегии развития социально-экономической географии важно понимание, что ключевой частью современной пространственной парадигмы развития мировой системы становится формирование «нового урбанистического порядка», строящегося на основе сете-узловых структур. Глобализация напрямую отвечает за возникновение нового типа поселения – *глобального города*, который трактуется как постиндустриальный центр, максимально интегрированный в различные структуры международного сообщества. Глобализация подталкивает города к налаживанию на конкурентной основе взаимных связей и созданию сетей с неограниченным охватом; обеспечивает возможности для наращивания богатства за счет выгод позиционирования, согласно И. М. Маергойзу, в системе интегральных территориальных отношений («отношения отношений»). Так или иначе, мир уже перестал быть исключительно сообществом государств и во все большей степени становится безграничной сетью взаимодействия в глобальном масштабе городов. Причем, зачастую за счет выгод выхода на внешние ресурсы и рынки отношения между городами

разных государств становятся гораздо более тесными, чем со своим хинтерландом. Такое принципиально новое созвездие городов получило в научной литературе специальное название *архипелага городов*. Хотя, другой важной характеристикой «нового урбанистического порядка» остается строгая соподчиненность городских центров. В системе глобальных городов четко выдерживается принцип разделения, цитируя классиков отечественной социально-экономической географии, на «старший, средний и младший командующий состав».

Теория глобальных городов, изначально возникшая в недрах западной геоэкономики, и в дальнейшем формировавшаяся на стыке достижений целого ряда научных дисциплин, одновременно базируется и консолидирует многие учения, охватывающие обширные области знания. Ее можно рассматривать как определенную форму научного знания, дающего целостное представление о закономерностях и существенных (структурных, функциональных, каузальных, генетических) взаимосвязях миросистемного и миргородского развития в условиях углубления процесса глобализации. Она еще не имеет окончательно сложившихся рамок и пока не обладает полностью развернутой структурой. Но можно говорить о сформулированности в целом фундаментальной, теоретической схемы – исходных принципов, ключевых положений, основных системообразующих категорий, понятийного аппарата и т. д., а также о наличии целого ряда различных интерпретационных схем. При этом, что чрезвычайно важно, теория обладает весьма существенным объяснительно-прогностическим потенциалом, указывающим на ее действенность. В рамках отечественной социально-экономической географии она получила развитие в виде *градоцентрической концепции территориальной организации мировой системы*.

В данном контексте представляется не менее актуальным и иной аспект. Функции и структура городских систем тесно взаимосвязаны. Выполнение глобальных функций требует постоянной подстройки соответствующих структур городов и вызывает во многом тождество структурных сдвигов. Это хорошо отражают принятые в социально-экономической географии изменения функциональной и территориальной структур городов. С точки зрения доминирующего типа функциональной структуры, ведущие глобальные центры возглавляют эволюционную тенденцию от индустриального, постиндустриального к информационному городу, а с точки зрения принципов организации производства – от индустриального, фордистского к постфордистскому городу. В территориальном плане глобальный город перманентно «раздвигает» свои границы и эволюционирует в соответствии с центрo-периферической моделью, от компактной формы к полицентрической агломерации. Причем, под полицентризмом понимается как возникновение все новых территориально-хозяйственных образований, так и изменения форм организации жизненного пространства. К их числу относятся: реформация городского центра по пути бицентризма – сосуществования исторического ядра и нового ядра делo-

вой активности, коренная релокация функций и расселения населения, возникновение промышленных зон на окраинах в результате процесса децентрализации, бэк-офисов, зон высоких технологий, моллингов и т. д.

Следует особо подчеркнуть, что изучение формирования системы глобальных городов с позиций российской социально-экономической географии высвечивает немало важных сюжетов. Во-первых, при исследовании городского развития происходит перманентное «сталкивание» со спектром «старых проблем» – о конкретной дефиниции города (агломерации, городской системы), унифицированных критериях выделения и принципиальной схеме его изучения, типологии городов, о месте современного города в системе объектов социально-экономической географии и т.д. Во-вторых, налицо острая необходимость модернизации и адаптации к российским условиям сложившегося в мировой практике понятийно-терминологического аппарата геоурбанистики. В-третьих, крепнет убеждение, что именно социально-экономическая география способна и должна стать главным звеном междисциплинарного исследования и создания стройной теории феномена современного города. В-четвертых, насущна организация, в том числе силами сообщества социально-экономической географии, углубленного анализа зарубежного опыта и трендов развития крупнейших агломераций мира. Это особенно актуально с учетом недавнего анонсирования Президентом России задачи по превращению столицы России в международный финансовый центр и разработкой Правительством города Стратегии развития Москвы на период до 2025 г. В-пятых, большое самостоятельное значение имеет разработка «типовой схемы» и осуществление сбора первичной статистической информации по городам России и мира. Пока сводные и сопоставимые данные отсутствуют. Именно силы социально-экономической географии могут и должны стать инициаторами и интеграторами данного глобального проекта. В-шестых, возможно, еще большую значимость изучения формирования системы глобальных городов имеет и другой результат – видение многих пионерных направлений фундаментальных географических исследований, включая теорию глобальной географии, геоконфликтологию, корпоративную географию и многие другие.

Столбов В. А.

АКТУАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Современный этап общественного развития как в глобальном аспекте, так и в общероссийском плане характеризуется многообразием и неопределенностью тенденций, противоречивым характером эволюции, недостаточным уровнем теоретико-методологического осмысления. Рубеж веков и тысячелетий сопровождается нарастающим процессом глобализации, относительно последствий которой сложился самый разнообразный спектр мнений. Меня-

ется расстановка мировых геополитических сил, происходит экспансия культур, активизируются конфессиональные и этнические процессы..., все это усугубляется экономическим кризисом, оказавшим воздействие на все параметры мирового сообщества. Эти процессы и явления имеют четкую пространственно-временную организацию, которая также подвергается специфическим изменениям. Социально-экономическая география нуждается в адекватном ответе на вызовы современности. Актуализируются задачи выдвигания соответствующего концептуально-теоретического аппарата, эффективного в динамично меняющемся мире. Подобные процессы нашли свое отражение в проводимых социо-экономико-географических исследованиях. С одной стороны обретают второе дыхание ветви географической науки, динамично развивавшиеся в предшествующие исторические периоды.

Глобализация общественной жизни продолжает стимулировать развитие глобалистики, которая от изучения проблем мировой ядерной войны – мировое сообщество практически незаметно для широких слоев населения перестало рассматривать ядерную войну в качестве важнейшей глобальной проблемы, в чем немалая заслуга именно географов, – к исследованию проблем бедности, продовольствия, воды, здоровья и т. д. Именно глобалистика свела проблему ядерной войны к терроризму (здесь решающую роль сыграла концепция «ядерной зимы»), в значительной мере сняла остроту проблемы мировых ресурсов, заставила по иному взглянуть на демографическую проблему, успешно противостоит проблеме глобального потепления и т. д. Дальнейшая интеграция мирового сообщества, активное вовлечение в него стран бывшего социалистического блока дало толчок разработке новейших *геополитических концепций*, созданию новых *моделей мировой экономики* (о чем свидетельствует активизация соответствующих экономических исследований), поиску адекватных *религиозных, культурологических и цивилизационных парадигм* и пр. Современная наука, приобретая междисциплинарный характер, в корне меняет представления о многих глобальных процессах. Неординарные результаты принесли, например, глобальные *геогенографические исследования*, осуществляемые с 1995 г. под эгидой журнала National geographic. Интересные перспективы открывает перед социально-экономической географией *концепция гуманистической цивилизации*, определяя основные направления и тенденции развития мирового сообщества.

Проблема глобализации усугубляется очевидной несостоятельностью ряда научных концепций, на которые возлагали особенно большие надежды. К ним можно отнести концепцию всеобщего разоружения, всю совокупность апокалиптических теорий, во-многом идею мирного сосуществования и сменяемости общественно-экономических формаций, ряд других. Крах bipolarной модели мировой экономики вынуждает страны и регионы выстраивать новый тип международных взаимодействий, ориентированный на реализацию дол-

современных тенденций и обеспечение устойчивого и безопасного мира. Особенно явно этот процесс вырисовывается в международном *политическом, экономическом и военно-техническом сотрудничестве*, уже в силу своего характера предполагающего тщательный и осторожный выбор партнеров.

Необходим новый подход к *классификации и типологии стран и регионов*. Существующие типы, базирующиеся на положениях формационного и цивилизационного подходов отличаются крайним многообразием, а поэтому и явной субъективностью. Используемые типологии стран по уровню социально-экономического развития часто входят в противоречие с реальностью, на это указывает в частности используемый ООН индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), где лидирующие позиции занимают страны, не первенствующие в уровне развития.

Интеграционные процессы, связанные с глобализацией сопровождаются адекватными процессами пространственной дифференциации. Но эта дифференциация носит нетрадиционный характер. Она не только вносит коррективы в традиционное общественное разделение труда, и переносит его в другую плоскость. Глобализация переводит экономическую конкуренцию из области «конкуренции издержек» в сферу «конкуренции проектов». Меняется содержание и смысл таких традиционных понятий как природные ресурсы и их вовлеченность в процессы регионального воспроизводства. Решение этих задач возможно в рамках концепции *«регионального капитала»*, обретающей относительно региона особый гносеологический смысл.

Обостряется борьба стран и территорий за место и роль в международном, страновом и межрегиональном разделении труда. При этом трансформируются понятия суверенного государства, региона, территории и т. д. Резко возрастает потребность в исследовании *разнообразных форм пространственной организации общества*, особенно таких нетрадиционных как «мировая деревня», «глобальные города», особые экономические зоны, технополисы, наукограды и другие. Да и традиционные объекты географических исследований приобретают новые черты и качества, например, *экогорода и экоселения, инновационные центры, венчурный туризм* и т. д.

Большие перспективы открывают для географических исследований возникающие формы организации нетрадиционных пространств – культурного, туристического, информационного, виртуального и других. Для «виртуального» направления науки, нацеленного на познание субъективных свойств географического пространства (образа, бренда, имиджа территории), предлагается термин «геософия».

Наметилась явная тенденция движения социально-экономической географии «вниз» по вертикали пространственной организации общества. Можно даже говорить о достройке вертикали пространственных форм общества путем дополнения ее *нано-исследованиями*. Традиционно география, да и боль-

шинство других наук, привыкла иметь дело с обширными пространствами, длительными временными периодами и большими общностями людей. Низшим считался местный уровень пространства (топоуровень) и локальный уровень социума. Современные задачи требуют намного более детальных поисков. Наноразмер – это общность из 7 человек и менее, т. е. необходимо «спуститься» до семьи и личности, а пространства – 0,134 км² и меньше – поселение, фермерское хозяйство, усадьба, дом, пространство индивидуума и личности. Такой срез исследований диктуется современными потребностями общественного развития – сменой цели развития общества (переход от удовлетворения основных потребностей людей к удовлетворению индивидуальных), разработкой эффективных методов управления персоналом, необходимостью учета территориальных интересов, целенаправленным формированием позитивного имиджа территории, успешного бренда кампании, познания мотивов поведения покупателя и т. д. Ведущую роль в подобных изысканиях призвана играть *пространственно-поведенческая парадигма*.

Появление качественно новых предметов исследования детерминирует разработку и использование обновленного арсенала научных подходов и методов. Особую значимость приобретают методы психологии, социологии, биологии, физиологии, экологии, эконометрии, кибернетики и другие. Современное общество невозможно представить без биометрии, биогео- и нано-технологий, генной инженерии и других. Как видим, эти веяния не обошли и географию.

Реализация глобальных, национальных, региональных, локальных, местных и индивидуальных проектов несомненно потребует соответствующего географического обоснования. Невозможно эффективно решить проблему жилья, здоровья, рождаемости, миграции и т. д. не изучив мотивы поведения людей, причин и движущих сил их поступков, отношения к различным явлениям общественной жизни. Решение этих проблем явственно перемещается с национального, общественного, регионального, коллективного на локальный, местный, семейный и личностный уровень. Любая массовая акция требует индивидуальных решений.

Усложнение общественных явлений и процессов требует от науки соответствующего расширения исследовательского кругозора. Закономерно появляются такие концепции, как *геоситуационная*, предполагающая изучение геоситуации с учетом максимально возможного набора воздействующих внутренних и внешних факторов. Лидирующее значение в современном обществе приобретает относительно новая сфера деятельности – сервисная, не только развивающаяся по своим, не традиционным для других подразделений экономики, законам, но и требующая применения новых методов организации производства (в том числе и пространственного), стимулирования, оценки и оплаты труда, управления, собственности и т. д. *География сервисной деятельности* еще не получила необходимого научного обоснования.

Следует хотя бы перечислить и некоторые другие перспективные концептуальные идеи социально-экономической географии – это изучение национальной и региональной *ментальности*, структуризация и упорядоченность основных показателей *социальной эффективности*, познание *новых качеств традиционного пространства* и исследование *качественно новых пространств* и многое другое.

Стрелецкий В. Н.

КУЛЬТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ В СТРАНАХ ЗАПАДА И РОССИИ: ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ

В современной науке не существует общепризнанной дефиниции предмета культурной географии¹. Само «поле» культурно-географических исследований очень широко: «культурная география рассматривает культуру в географическом пространстве, изучает пространственную дифференциацию и разнообразие её элементов, их выраженность в ландшафте и связь с географической средой, а также отображение географического пространства в самой культуре» [15]. Данное (в самом общем виде) определение отражает многогранный и разносторонний характер этой науки, которому сопутствует и очевидный ее эпистемологический и методологический плюрализм.

Предтечей современной культурной географии была *антропогеография*, возникшая и получившая широкое распространение в конце XIX в. – первой половине XX в. изначально в Германии, а затем и в других странах континентальной Европы. Антропогеографы рассматривали и анализировали место человека и человеческого общества в широком комплексе географических явлений и их взаимодействия с природной средой. Теоретические основы «ранней» антропогеографии изложены, прежде всего, в трудах Ф. Ратцеля [30 и др.] и его последователей. Исходный теоретический постулат основоположников антропогеографической школы – тезис об особой роли природной среды в формировании как физического облика народов, так и их культуры, в определении их исторических судеб. Этот постулат находился вполне в русле популярного в конце XIX в. географического детерминизма.

Однако последующее развитие антропогеографии шло в значительной степени как раз по пути его преодоления. Мировоззренческой основой «поздней» антропогеографии стал географический *поссибилизм*², само возникновение которого было объективной и неизбежной реакцией на кризис геодетерминистских идей. В антропогеографии произошло кардинальное переосмысление характера взаимодействия человеческого общества и природной среды. С пози-

¹ Обзоры и сравнительный анализ разных интерпретаций и дефиниций культурной географии в отечественной литературе см. в работах: [8, 14, 17, 19, 22].

² Термин предложен в 1922 г. Л. Февром, одним из лидеров знаменитой французской исторической школы «Анналов».

ций географического POSSИБИЛИЗМА, последняя только предоставляет возможности (или определяет невозможность) развития культуры и хозяйства в том или ином направлении. Так, к антропогеографии в широком смысле может и должна быть отнесена французская школа географии человека (П. Видаль де ла Блаш, Ж. Брюн, А. Деманжон, Л. Галлуа, Э. де Мартонн, Р. Бланшар и др.), развивавшая идеи географического POSSИБИЛИЗМА и бывшая одной из непосредственных «предшественниц» собственно культурной географии. В этом же ряду стоит и русская антропогеографическая школа начала XX в. (В. П. Семёнов-Тян-Шанский, Д. Н. Анучин, В. Г. Богораз-Тан, А. А. Крубер, Л. Д. Сеницкий и др.).

Становление культурной географии и характерные особенности ее развития в странах Запада и России

Большинство историографов относит время становления собственно культурной географии к 1920–1930-м годам, когда она, наряду с некоторыми другими специализированными дисциплинами, выделилась из состава единой антропогеографии. При этом именно культурная география, в силу своего широкого предмета и разностороннего исследовательского поля, во многом сохраняла холистический характер своей «прародительницы», позиционировала себя как бы «хранительницей завета», наследницей гуманитарных и гуманистических традиций прежней антропогеографии. Формирование культурной географии многим обязано Карлу Зауэру, создавшему в 1920-е гг. знаменитую Берклийскую (Калифорнийскую) школу культурного ландшафта [32].

Однако расцвет культурной географии приходится на более позднее время – 1950–1970-е гг., когда на Западе появляется целая серия фундаментальных работ в этой области [26, 33, 35, 36 и др.]. Культурная география стала рассматриваться как один из разделов географии человека или, в иной терминологии, общественной географии (Human geography), наряду с экономической, социальной, политической географией.

Но уже во второй половине XX в. быстрое развитие и дифференциация наук о культуре, усложнение научных и философских представлений о ней оказали сильное воздействие на культурную географию. Осознание того, что культура – всеобъемлюща и всеохватна, способствовало углублению междисциплинарных исследований, но одновременно «размывало» единство и целостность традиционно понимаемой культурной географии изнутри. Взгляд на культуру как на способ жизни людей влек за собой переоценку представлений о самом предмете культурной географии, все более вторгающейся теперь в сферу исследований экономико-, социо- и даже физико-географов. Стало очевидно, что культурная география едва ли может претендовать на монополию изучения какого-либо «субстратного» сегмента геосферы. Соответственно, все большее распространение получало представление, что целью культурной географии является исследование традиционных географических объектов под особым – геокультурным – углом зрения [29]. В соответствии с такой трактов-

кой, культурную географию как самостоятельную научную дисциплину отличает не наличие особого объекта изучения, но специфическая эпистемология.

В отечественной дореволюционной географии антропокультурные подходы использовались очень широко; описания культуры разных регионов и местностей, их этнографических особенностей были неотъемлемой частью антропогеографических работ. Однако в советский период, особенно с рубежа 1920–1930-х гг., антропокультурные подходы и традиции дореволюционной русской географии большей частью были преданы забвению. Редкие исключения, такие, как, например, пронизанный антропогеографическими и хорологическими мотивами выдающийся труд В. П. Семенова-Тян-Шанского «Район и страна» [20], работы В. Г. Богораз-Тана [1], А. А. Крубера и др. не могли принципиально изменить ситуацию. После Второй мировой войны особое место в советской географической школе заняла также концепция «социально-культурной географии», предметом изучения которой Р. М. Кабо (обосновавший эту концепцию) называл «природу и человека в их взаимных отношениях» [10].

Фактически возрождение культурной географии в нашей стране началось лишь с 1980-х гг., когда ведущие национальные культурно-географические школы за рубежом уже не только давно сложились, но и претерпели значительную эволюцию. К этому времени в отечественной литературе заметно вырос интерес к культурно-географической тематике, социокультурным процессам стало уделяться большее внимание при изучении тенденций регионального развития. При этом, как правило, география культуры понималась как особая субдисциплина в рамках социальной либо всей социально-экономической географии. Наряду с этим появилось представление о культурной географии как дисциплине, «параллельной» экономической географии и социальной географии – связанной с ними, но имеющей иной объект исследования.

Большое значение для теоретизации культурно-географических исследований в СССР и России имели работы В. М. Гохмана начала 1980-х гг. В. М. Гохман разделял взгляд на культуру как на систему средств и механизмов адаптации человеческого общества к окружающей среде, распространенный в современной культурологии. Он считал экономическую, социальную и культурную географию тремя равноправными (хотя и в разной степени сложившимися) ветвями общественной географии [4]. В конце 1980-х гг. своеобразным методологическим прорывом стала публикация статей А. Г. Дружинина [6, 7], уже специально посвященных теоретическим и практическим вопросам формирования нового для отечественной географии научного направления; в середине 1990-х гг. им же была защищена первая в нашей стране докторская диссертация по теоретико-методологическим проблемам географии культуры [8].

Важный толчок развитию отечественной культурной географии в последние десятилетия XX в. – начале XXI в. дали культурно-ландшафтные исследования. Еще в конце 1980-х гг. Ю. А. Ведениным была выдвинута т. н. «ноосфер-

ная» концепция культурного ландшафта. Развивая идеи В. И. Вернадского, Ю. А. Веденин и его последователи трактуют культурный ландшафт как ноосферный феномен, результат соединенного действия природных процессов и разнообразных видов материальной и интеллектуальной деятельности людей [2]. Сторонники этой концепции не ограничились одними теоретическими декларациями; она стала методологической основой многих региональных и прикладных культурно-географических исследований (в частности, работ под эгидой московского Института наследия им. Д. С. Лихачева [16, 25 и др.]).

Другой подход к исследованию культурных ландшафтов в отечественной географии может быть назван *эколого-культурным* или средовым. В рамках этого подхода культурный ландшафт трактуется как природно-культурная среда развития определенного этноса или местного сообщества [12, 13]. Близки этому направлению, но имеют несколько иной методологический ракурс труды Е. Ю. Колбовского, А. А. Соколовой [21], работы В. Л. Каганского по ландшафтной феноменологии и герменевтике [11 и др.], М. В. Рагулиной [19] была предпринята попытка интегрировать в учение о культурном ландшафте предложенную ранее концепцию жизнеобеспечения локальных сообществ. Приоритетной при таком подходе становится категория *жизнеобеспечения* – поддержания жизни социума посредством духовного и материального освоения ресурсов своей среды.

К сожалению, сравнительно медленно в России в конце XX – начале XXI вв. развивались культурно-географическое страноведение и региональная культурная география. Важным шагом в этом направлении стало появление монографии С. Я. Суцего и А. Г. Дружинина «Очерки географии русской культуры» [24], в которой была подробно охарактеризована этнокультурная структура российского пространства на разных исторических этапах его развития, намечены контуры анализа территориальной структуры отечественной культуры. В 1990–2000-е гг. было опубликовано также немало работ, нацеленных на анализ организации и структуры культурного пространства России. Его внутреннее строение исследовалось сквозь призму этнокультурной регионализации, конфессионального разнообразия, культурно-ландшафтного районирования, а также генезиса региональных и локальных идентичностей. И все же, несмотря на быстрое развитие отечественной культурной географии в два последних десятилетия, пока она в нашей стране (в отличие от западной Cultural Geography) не оформилась в полной мере в целостную научную дисциплину и представляет собой скорее совокупность разных научных направлений, близких друг другу по объекту исследования.

Культура как географическая реальность:

к вопросу о самоидентификации современной культурной географии

Проблема самоидентификации культурной географии – ключевая с точки зрения определения ее научного статуса. Автором уже отмечалось, что как

географическая реальность культуры может рассматриваться с двух разных точек зрения [23].

Во-первых, это *культура в географическом пространстве*. Традиционно культурная география изучает именно пространственную дифференциацию элементов культуры – как артефактов, так и ментифактов, их выраженность в ландшафте и связь с географической средой. С другой стороны, объектом ее изучения часто выступают процессы и результаты пространственной самоорганизации целых культурных комплексов и их носителей – общностей людей со сложившимися, надбиологически выработанными, устойчивыми стереотипами мышления и поведения, передающимися от группы к группе, от поколения к поколению.

Во-вторых, это *географическое пространство в культуре*. В конце XX – начале XXI вв. все более важной исследовательской линией в культурной географии становится изучение *представлений о географическом пространстве* в разных культурных контекстах, образов различных местностей и территорий, отношения местных сообществ к той природной и социальной среде, в которых живут люди – носители той или иной культуры. С двумя мировоззренческими установками, в соответствии с которыми по-разному интерпретируется и акцентируется *вопрос об отношении географического пространства к культуре*, связаны две разные методологические парадигмы в культурной географии. Первую из них можно назвать *объектно-субъектной*, вторую – *субъектно-рефлексивной* [23].

В рамках первой парадигмы в культурной географии получил развитие подход, который принято называть *сциентистским*. Две важнейшие и богатейшие научные традиции, укоренившиеся в современной культурной географии и унаследованные ею от ее прародительницы антропогеографии, – это средовая традиция и традиция пространственного анализа. Ключевой вопрос культурной географии с точки зрения приверженцев *средовой традиции* – изучение роли географического фактора в культурном процессе. Диапазон взглядов здесь – от географического детерминизма (в т.ч. современного энвайронментализма) до географического индетерминизма (нигилизма), отводящего природным условиям пренебрежимо малую роль в генезисе культурных различий в геопространстве. Географический поцибилизм, сыгравший в становлении и развитии культурной географии особо важную роль, занимает промежуточное положение между двумя этими полюсами. Другая распространенная в культурной географии «сциентистская» традиция – *пространственный анализ культуры*, изучение ее территориальной организации и структуры, отношений и связей между ее элементами, «культурной морфологии» земной поверхности.

Как альтернатива объект-субъектной исследовательской установке, в культурной географии во второй половине XX в. стала укореняться также и *субъектно-рефлексивная* установка. Ее истоки следует искать в первую очередь вне

самой географии – в философии культуры, культурной антропологии и смежных гуманитарных науках. В культурной географии она получила распространение в первую очередь благодаря интенсификации и заметному углублению с середины XX в. междисциплинарного взаимодействия географии и гуманитарных наук. Соответственно, в культурную географию были привнесены традиции, принципиально отличные от тех, что формировались в «лоне» антропогеографии и были связаны с традиционным для нее сциентистским подходом.

В рамках новой исследовательской парадигмы особенно большое распространение в культурной географии (первоначально в англоязычных, а потом и в других странах мира) получил *феноменологический подход*. Он стал широко использоваться как способ работы, прежде всего, в «смысловом поле» пространственных отношений и значений фактов и явлений культуры. Геопространство *культурных феноменов* – это не пространство материальных объектов как таковых, а *пространство смыслов*. Главная методологическая установка сторонников феноменологического подхода – отказ от любых притязаний на выявление законов объективного мира безотносительно к сознанию человека. Важнейшей целью культурной географии при таком подходе становится выявление и описание смысловых значений между сознанием и наблюдаемыми на земной поверхности артефактами [27, 28, 31, 34 и др.].

Субъективно-рефлексивная установка и феноменологический подход открыли перед культурной географией большие новые возможности. В их ряду: семантический анализ пространства и качества среды обитания разных социокультурных и этнокультурных групп, изучение символики, смысла и ценности места, топофильных и топофобных представлений, структуры географических образов пространства и др. Новыми «полюсами роста» культурной географии в последней четверти XX в. – начале XXI в. стали такие формирующиеся научные направления, как семантическая география, когнитивная география, ментальная география, имагинальная география, эстетическая география, а также исследования в области региональной идентичности.

С конца XX – начала XXI вв. в отечественной литературе получает широкое распространение понятие «*гуманитарная география*» [5, 9, 18]. Соотношение терминов «гуманитарная география» и «культурная география» остается дискуссионным вопросом. В узком смысле под гуманитарной географией в отечественных работах обычно понимается система теоретических и методологических подходов и приемов, сфокусированных, главным образом, на проблематику *изучения географических образов*; именно в таком понимании гуманитарная география может трактоваться как *одна из ветвей культурной географии*. Но наряду с этим возникло и более «широкое» представление о гуманитарной географии. Так, по Д. Н. Замятину, «гуманитарная география охватывает в содержательном плане геополитику (геополитологию) и политическую географию, экономическую (социально-экономическую) географию и геоэконо-

мику» [9, с. 4]. Здесь закономерно возникает вопрос о теоретико-методологических основаниях выделения данной научной дисциплины (в широком понимании) и ее месте в системе географических наук. Ю. Н. Гладкий и А. Н. Петров предлагают закрепить термин «гуманитарная география» вообще за всей «нефизической» (общественной) географией, полагая, что именно гуманитарная география является наиболее точным аналогом англоязычного термина *human geography* [3, с. 16]. В таком понимании гуманитарная география по своему содержанию, разумеется, значительно «шире» культурной географии.

С методологической точки зрения чрезвычайно важен вопрос о *демаркации культурной географии* как самостоятельной научной дисциплины. В этой проблеме можно выделить два аспекта – внутренний и внешний.

Внутренний аспект касается не столько *предметного размежевания*, сколько *взаимодействия* культурной географии с другими ветвями общественной географии (географии человека). Действительно, поле взаимодействия культурной географии с такими давно сложившимися субдисциплинами, как география населения, социальная, экономическая, политическая география, чрезвычайно широкое. На стыке с ними формируются и весьма успешно развиваются междисциплинарные исследовательские направления (география поселенческой, экономической, политической культуры и т. д.). Они в равной мере принадлежат как культурной географии, так и смежным географическим наукам.

Внешний аспект очерчивает гораздо более широкий спектр междисциплинарных взаимодействий. Экспансия географии в предметные области гуманитарных наук (в этнологию, социологию, психологию и особенно в культурологию) сопровождается, как известно, и движением в обратном направлении – привнесением в географию моделей и концептов, наработанных в гуманитарных науках. Вне всякого сомнения, это не только закономерный, но и в высшей степени позитивный, благотворный процесс, способствующий взаимообогащению научных дисциплин. Однако этот процесс имеет и оборотную сторону. Для культурной географии в качестве таковой выступает, прежде всего, угроза раствориться в смежных гуманитарных науках, утратить в той или иной мере свою идентичность.

Большинством отечественных ученых и экспертов понятия «*культурная география*» и «*география культуры*» фактически отождествляются, но иногда они все же содержательно и методологически разводятся. Так, А. Г. Манаков различает культурную географию (в узком смысле) и географию культуры (в широком смысле). Первая, по А. Г. Манакову – самостоятельная научная дисциплина, включающая четыре субдисциплины (этнокультурную, хозяйственно-культурную, эколого-культурную и социально-культурную географию). Вторая – это более широкий комплекс междисциплинарных направлений с четко выраженной хронологической составляющей, ядром которого выступает собственно культурная география [17, с. 21–22]. Впрочем, как раз выделение такого ядра представляет собой серьезную методологическую проблему.

Выделяемые А. Г. Манаковым четыре субдисциплины культурной географии в «узком» смысле – в действительности типично «стыковые» (смежные) и достаточно широкие по своему предметному охвату; к тому же грань между ними достаточно условна. Кроме того, само разделение понятий «география культуры» и «культурная география» имеет, как мне представляется, несколько умозрительный характер. Чисто терминологически такое разделение не выглядит безукоризненным, а его аналогии едва ли найдут применение в других сферах общественной географии. Трудно вообразить, чтобы аналогично разводились, допустим, «экономическая география» и «география хозяйства», «социальная география» и некая «география социума», «политическая география» и «география политики» и т. п.

Признавая правомерность использования в качестве русскоязычного эквивалента англоязычного понятия Cultural Geography обоих используемых в отечественной науке терминов («география культуры» и «культурная география»), автор данной статьи, тем не менее, отдает несомненное предпочтение второму. Словосочетание «география культуры» (по аналогии, например, с географией промышленности или географией туризма) уже как бы предполагает, что культура в данном случае рассматривается исследователями именно как *объект*, а на первый план выходят исследовательские задачи, связанные с размещением различных элементов или комплексов культуры, изучением их территориальной организации. Но ведь мировая Cultural Geography уже далеко вышла за рамки одной лишь этой исследовательской парадигмы. В этой связи представляется, что термин «география культуры», когда он используется для обозначения всей ветви географической науки, известной в мире под названием Cultural Geography, существенно обедняет содержание последней.

Литература

1. *Богораз-Тан В. Г.* Распространение культуры по Земле. Основы антропогеографии. – М.–Л.: Госиздат, 1928.
2. *Веденин Ю. А.* Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Известия АН СССР. Сер. географ. 1990. № 1. С. 5–17.
3. *Гладкий Ю. Н., Петров А. Н.* Гуманитарная география: понятийный статус и самоидентификация // Известия РАН. Сер. географ. 2008. №3. С. 15–25.
4. *Гохман В. М.* Общественная география: ее сущность, структура // Вопросы географии. Сб. 122/123. – М.: Мысль, 1984. С. 57–64.
5. Гуманитарная география. Научно-просветительский альманах. Вып. I–V. – М.: Ин-т Наследия, 2004–2008.
6. *Дружинин А. Г.* Методологические основы географических исследований культуры // Известия ВГО. Т. 121. 1989. Вып. 1. С. 59–64.
7. *Дружинин А. Г.* География культуры: некоторые аспекты формирования нового научного направления // Известия ВГО. Т. 121. 1989. Вып. 4. С. 307–312.

8. *Дружинин А. Г.* Теоретико-методологические основы географического исследования культуры: Дис. ... д-ра геогр. наук. – СПб., 1995.
9. *Замятин Д. Н.* Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. – СПб.: Алетей, 2003.
10. *Кабо Р. М.* Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии // Вопросы географии. Сб. 5. – М.: Географгиз, 1947. С. 5–32.
11. *Каганский В. Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – М.: Новое литературное обозрение, 2001.
12. *Калуцков В. Н.* Основы этнокультурного ландшафтоведения. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
13. *Калуцков В. Н.* Ландшафт в культурной географии. – М.: Новый хронограф, 2008.
14. Культурная география. Науч. ред. Ю. А. Веденин, Р. Ф. Туровский. – М.: Ин-т наследия, 2001.
15. Культурная география // Большая Российская Энциклопедия. Т. 15. – М.: Изд-во БРЭ, 2010 (в печати).
16. Культурный ландшафт как объект наследия. Под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. – М.: Ин-т наследия; СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2004.
17. *Манаков А. Г.* Геокультурное пространство Северо-Запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. – Псков: Изд-во Центра социального проектирования «Возрождение», 2002.
18. *Митин И. И.* Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. – Смоленск: Ойкумена, 2004.
19. *Рагулина М. В.* Культурная география: теория, методы, региональный синтез. – Иркутск: Ин-т географии СО РАН, 2004.
20. *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Район и страна. – М.–Л.: Госиздат, 1928.
21. *Соколова А. А.* Ландшафт в системе традиционных пространственных представлений. Географическая интерпретация диалектных образов. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2007.
22. *Стрелецкий В. Н.* Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Известия РАН. Сер. географ. 2002. № 4. С. 18–28.
23. *Стрелецкий В. Н.* Культура как географическая реальность и научные традиции в культурной географии // Рефлексивность социальных процессов и адекватность научных методов. Под ред. В. А. Шупера. – М.: Эслан, 2004. С. 127–141.
24. *Суций С. Я., Дружинин А. Г.* Очерки географии русской культуры. – Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 1994.

25. *Туровский П. Ф.* Культурные ландшафты России. – М.: Ин-т Наследия, 1998.
26. *Carter G.* Man and the land: A cultural geography. – N.Y.: Holt, Rinehart & Winston, Inc., 1968.
27. *Cosgrove D.* Place, landscape and dialectics of cultural geography // Canadian Geographer. 1978. Vol. 22. № 1. P. 66–72.
28. *Ley D.* Cultural / humanistic geography // Progress in human geography. 1981. V. 5. № 2. P. 249–257.
29. *Mikesell M. W.* Tradition and innovation in cultural geography // Annals of the Association of American Geographers 1978. Vol. 68. № 1. P. 1–16.
30. *Ratzel F.* Anthropogeographie. Bd.1. Grundz ge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte. Stuttgart: J. Engelhorn, 1882. 604 S. Bd.2. Die geographische Verbreitung des Menschen. – Stuttgart: J. Engelhorn, 1891.
31. *Relph E.* Rational landscape and humanistic geography. – L.: Groom Helm, 1981.
32. *Sauer C. O.* The morphology of landscape // University of California Publications in Geography. 1925. № 2. P. 19–53.
33. *Spencer J. E., Thomas W. L.* Introducing cultural geography. – N.Y.: John Wiley & Sons, Inc., 1973.
34. *Tuan Yi-Fu.* Topophilia: A study of environmental perception, attitudes and values. – Englewood Cliffs, NJ.: Prentice-Hall, 1974.
35. *Wagner Ph., Mikesell M.* Readings in cultural geography. – Chicago: Chicago University Press, 1962.
36. *Zelinsky W.* The cultural geography of the United States. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1973.

Файбусович Э. Л., Мартынов В. Л.

В ОГОРОДЕ БУЗИНА, А В КИЕВЕ ДЯДЬКА (К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕРЕ ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Один из предметов для дискуссии по методологическим вопросам географии – определение сферы исследования общественной её ветви. Дискуссия по этому вопросу менее других связана с преобладавшими в прошлом идеологическими обвинениями. Исключение составляли имевшие место указания на то, что претензии географии на изучение проблемы взаимодействия общества с природой и поиск законов этого взаимодействия является посягательством на прерогативы марксистско-ленинской философии (Б. Н. Семейский). Тем не менее на расползание во все стороны географии в целом указывал уже В. В. Докучаев. С другой стороны, у географов всегда была уверенность, что, говоря словами Н. Н. Баранского, географы при изучении страны должны проследивать связи от геологии до идеологии, но со своей специфической точки зрения. Недавно на одном из совещаний прозвучало хорошее слово «сборщик», точнее «синтезатор» многоплановой информации, получен-

ной специалистами разного профиля. Но это должен быть именно синтез, результатом которого является не склад имеющихся знаний, а новое знание.

Время от времени в отечественной географии выражалась тревога по поводу того, что члены научного сообщества уходят от традиционного изучения преимущественно сферы материального производства к географии преступности, образования, отдыха и туризма и многих других объектов. Уже в конце XX в. тревога по этому поводу выражалась и со стороны физико-географов (А. Г. Исаченко). Но процесс расползания продолжался. Заметим, что много раньше аналогичный процесс захватил и физическую географию. Если сначала в её задачи входило лишь установление расположения объектов в двухмерном пространстве земной поверхности, то позднее возник интерес к третьему измерению (вертикальному) измерению и интерес к происхождению рельефа, потом к недрам и другим компонентам природно-географической среды (растительности, животному миру, наконец почвам). Соответственно возникли геоморфология, фитогеография, педогеография, климатология и т. д. Разбегание в стороны в обеих ветвях географии всё более приводит к разрушению материнской науки, к тому, что узкие специалисты «своя своих не познаша». Они перестают считать себя географами и просто перестают обращать внимание на статьи узких специалистов другого профиля, печатаемые в географических журналах. Действительно трудно предположить, что геоморфолог в состоянии разобратся в проблемах географии преступности.

Мы уже писали об «экономическом империализме», когда экономисты агрессивно вторгаются в сферу изучения других наук, что связано с исчерпанностью традиционных направлений исследований. Именно так появилась, например, региональная экономика. По аналогии можно говорить и об «географическом империализме», при этом наряду с положительными моментами (участие в решении междисциплинарных по своей сути проблем) географы всегда рискуют, охотясь на чужих полях, вообще покинуть материнскую науку. И никогда нет уверенности, что они сделают свою работу лучше, чем социологи, экономисты, психологи, специалисты в своих отраслях знания. Всё же пироги должен печь пирожник, а сапоги тачать сапожник. Пока же даже официально название нашей науки постепенно включает в себя всё больше слов. Из экономической географии возникла «экономическая, социальная, политическая и рекреационная география». И где конец этому наращиванию прилагательных?

Вместе с борьбой за место под солнцем нарастает борьба за термины. Специалисты перестают различать исходные значения терминов, особенно используемых в бытовом языке, и применяют их в переносном смысле. Такая судьба постигла, например, термин «ландшафт», изначально заимствованный из «естественного» языка. Много сил было потрачено на установление научного значения этого термина. А теперь этим словом называют что угодно. Те же превращения испытал термин «культурный ландшафт», что вызвало буквально отчаяние

у А. Г. Исаченко [1]. Это только в кулинарии для изготовления блюда из кролика нужна хотя бы кошка. Но кролик никогда не станет ловить мышей. Каждый термин в науке должен употребляться в точно установленном и принятом научным сообществом значении. Иначе учёные перестанут понимать друг друга. Можно утверждать, что именно вторжение в область других наук при недостаточно понимании используемой ими терминологии порождает многозначность толкования терминов, а иногда даже использование их в прямо противоположном смысле.

На какие научные достижения можно надеяться и о каком синтезе говорить в этом случае, не совсем понятно. Необходимо стремиться к лучшему взаимопониманию, консенсусу в использовании терминов на уровне хотя бы Э. Б. Алаева. Разумеется, со всеми нововведениями последних десятилетий.

Примером того, как далеко разошлись географы-обществоведы в разные стороны, а некоторые полностью утратили связь с материнской наукой, является новейший сборник статей выпускников кафедры экономической и социальной географии России Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова с характерным названием «Социально-экономическая география: традиции и современность» (М.–Смоленск: Ойкумена, 2009).

Из 17 статей сборника большинство всё-таки являются географическими в традиционном смысле. В то же время статьи Д. Н. Замятина и В. Л. Каганского скорее представляют собой мимикрию под географию, хотя это слово включено в заглавие обеих статей. Можно условно назвать это направление «мистической географией». Мы десятилетиями знаем работы этих высоко эрудированных, глубоко и оригинально мыслящих авторов (в том числе и в традиционных областях географической науки), но никак не можем признать их статьи географией, пусть даже «гуманитарной». Статья С. В. Раевского о региональных особенностях хозяйства относится, конечно, к региональной экономике. Не имеют отношения к географии статьи Е. Ш. Гонтмахера и А. М. Лаврова. Научная ценность первой из них очевидна, она очень богата по содержанию и высказанным идеям, но к географическим работам не относится. Не являясь специалистами по финансам, мы не можем судить о научной ценности второй из названных статей, но образовательная её ценность очевидно велика. Но и в этой статье географии в традиционном смысле нет. Следует заметить, что если «генетические» географы достигли успехов в других отраслях науки или видах деятельности, это не означает, что их достижения следует автоматически относить к достижениям географической науки. Тогда по аналогии заслуги В. Э. Дена нужно относить к юридическим наукам, а И. Г. Александрова и Н. Н. Колосовского – к техническим.

Аналогичным образом следует оценить новое учебное пособие маститых географов В. А. Столбова и М. Д. Шарыгина «Поведенческая география» (Пермь: Пермский гос. ун-т, 2009). Даже при беглом просмотре видно, что книга написана интересно, содержит большой объём полезной информации,

но из 350 страниц текста собственно к географии можно отнести лишь очень небольшую часть. Всё остальное – это преимущественно материал психологии, культурологии, филологии и многих других наук. Понятно стремление авторов довести до сведения российских студентов достижения западной географической мысли. Возможно, что какие-то особенности ментальности отдельных общностей каким-то образом связаны с географическими условиями. Но именно эта связь в учебном пособии показана слабо.

Ограничимся только этими свежими примерами. Возможно, такие экскурсии в другие науки делают географические сочинения более привлекательными у специалистов другого профиля, а также у широких читательских масс. Но при этом следует заботиться о сохранении своего географического первоисточника. Необходимо соблюдение критериев географичности исследования, которые были сформулированы в наиболее чётком виде Альфредом Геттнером, а в развитие его учения – одним из авторов [2].

Всё сказанное выше относится к работам очень высокого научного уровня, и этот уровень авторами не отрицается – мы полагаем лишь, что эти работы не имеют отношения к географии. К сожалению, то же самое характерно и для диссертаций на соискание учёной степени кандидата географических наук. Иногда полагается, что достаточно добавить к названию любой науки приставку «гео-» (геодемография, геоэкономика, геополитика и т. д.), и работа становится географической. Но ведь так можно добраться и до «геоматематики» или «геоистории». Сплошь и рядом черты географичности в таких диссертациях и/или авторефератах ограничиваются красивыми картограммами или картодиаграммами, иллюстрирующими полученные со стороны статистические данные, зачастую безо всяких попыток их обобщения и анализа.

Одна из главных причин снижения уровня «географичности» в общественно-географических исследованиях связана с тем, что эти исследования как таковые востребованы очень слабо. Географы, которые занимаются практической деятельностью, зачастую даже скрывают свои учёные степени по географическим наукам, «маскируясь» под региональных экономистов, демографов, регионоведов и т. д. – кого угодно, только не географов. И можно предположить, что эта «покровительственная окраска» как бы проникает внутрь, меняя и образ мышления, и направления исследований, и их содержание. Вряд ли это правильно, поскольку если эти процессы будут продолжаться, то общественная (социально-экономическая) география может просто исчезнуть.

Литература

1. *Исаченко А. Г.* Территориальное планирование и учение о ландшафтах // Территориальное планирование: новые функции, опыт, проблемы, решения. Сб. ст. Под ред. А. И. Чистобаева. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 87–101.

2. *Файбусович Э. Л.* Критерии географичности исследования в социальной и экономической географии // Известия ВГО. Т. 116. 1984. Вып. 6. С. 515–518.

ПАРАДИГМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ЭКОНОМИСТА (ОПЫТ СОЗДАНИЯ КУРСОВ ДЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ)

Место географии в государственных стандартах высшего образования: потребности и реалии. Стандарты российского высшего экономического образования, по которым работали с 1990-х гг. экономические факультеты и вузы, за редким исключением (например, по специальностям «государственное и муниципальное управление»), как правило, не включают географические дисциплины (наиболее актуальные из них – «Экономическая география», «Региональная экономика» и «Экономика природопользования») в число базовых, обязательных для изучения предметов. В этом же русле следуют и проекты новых стандартов 3-го поколения по направлениям «экономика» и «менеджмент», вступающие в силу в 2010 учебном году.

Для профессионалов совершенно ясно, что недостаточный учет пространственной составляющей экономического развития проявляется не только в программах подготовки специалистов, но и в практической жизни. Причины этого заключаются, на наш взгляд, как в незнании составителями стандартов предмета, метода нашей науки, и аналитических возможностей, которые она дает для формирования профессиональных компетенций будущих экономистов. В первую очередь, речь идет об устойчивых схемах научной деятельности и «способах познания реального мира» – парадигмах экономической географии [1].

Навыки пространственного анализа активно используются при проведении многопризнаковых классификаций стран и территорий мира, анализе регионального неравенства и территориальной справедливости, определении приоритетов регионального развития (выборе проблемных районов и методов региональной политики), выборе местоположения для хозяйствующих объектов, определении оптимального использования ресурсов, в том числе с использованием современных геоинформационных систем.

Особенно актуально изучение географии, региональной экономики и экономики природопользования в настоящее время, когда в экономические вузы пришли студенты, сдававшие ЕГЭ по ... обществознанию, а не по географии, как это было традиционно. Не подвергая сомнению важность обществознания для расширения общего кругозора, эта дисциплина, созданная как симбиоз политэкономии, философии, социологии, политологии, имеет конъюнктурный характер, и вряд ли может быть базой для обучения.

Отсутствие серьезной географической подготовки у специалистов этого профиля чревато самыми серьезными последствиями для нашей огромной и исключительно разнородной страны, где проблемы регионального развития уже приобрели драматическую остроту. Поэтому в экономических вузах и на

экономических факультетах, где существуют активно работающие кафедры региональной экономики (Финансовая академия при Правительстве РФ, Российская экономическая академия им. Г. В. Плеханова и др.) и адекватное понимание учебно-методическими управлениями значимости пространственной составляющей в экономическом образовании, как правило, курсы «Экономическая география», «Региональная экономика» и «Экономика природопользования» введены в учебные планы. Одним из таких является экономический факультет Российского университета дружбы народов.

Формирование профессиональных компетенций экономистов в курсе «Экономическая география». Курс «Экономическая география» преподается на 1 курсе бакалавриата для всех профилей по направлениям «менеджмент» и «экономика» на экономическом факультете Российского университета дружбы народов. Главная воспитательная идея курса состоит в том, чтобы привить интерес студентов к познанию мира, показать возможности пространственного анализа и практическую значимость изучаемого материала: географические знания необходимы всем людям в их трудовой и бытовой деятельности – от выбора места жительства (в городе, стране, мире), товаров и продуктов питания (произведенных в разных районах земного шара) до выборов руководителей страны. Размещение и развитие отраслей экономики и общества показывается как результат деятельности общества – политиков, предпринимателей, граждан, преобразующих неоднородное в природном отношении пространство в соответствии с объективными экономическими законами. В основу курса положен самостоятельный деятельностный подход к формированию собственного аналитического взгляда на окружающий мир. Важное место в курсе занимает проектная работа. Материалы курса – опубликованные учебники для изучения географии на профильном уровне и учебно-методические пособия – помогают достичь заявленных целей и обеспечить эффективное преподавание [2–6]. Важнейшей практической задачей курса является формирование навыков и умений, необходимых для самостоятельного понимания и анализа процессов и явлений современного мира. Подобный подход способствует становлению творческой и инициативной личности, воспитывает умение видеть проблемы и принимать решения.

Структура курса. Разделы курса охватывают темы географии, в наибольшей степени связанные с современной мировой экономикой и политикой. Каждый из разделов курса («География в современном мире», «Политическая карта мира: государства и границы», «Богатство и бедность: типы стран», «Население и культура», «География городов», «Мировое хозяйство», «Устойчивое развитие») включает в себя изучение *принципов, закономерностей, моделей размещения и методов пространственного анализа.*

Профессиональные компетенции. В результате изучения данного курса студенты научатся: позиционировать себя, свой регион и страну в контексте

общемирового развития; понимать взаимозависимость макроэкономических показателей социально-экономического развития, пользоваться (искать и анализировать) статистической информацией, современными методами пространственного анализа и представлять результаты собственных исследований в виде эссе, мультимедиа-презентаций и защищать свою точку зрения; критически осмысливать публикации в научных изданиях, СМИ и Интернете.

Курс нацелен на формирование конкретного, востребованного знания, которое возникает при решении нестандартных задач. Преподаватель выступает в большей степени как организатор процесса познания и консультант, нежели передатчик информации, изложенной в текстах учебника. Большое внимание уделяется имитационным тренировкам (деловым играм). В ходе работы идет не только освоение базовых научных понятий, но и освоение интеллектуальных техник – понимания, коммуникации, умения ставить цели, самоопределяться, анализировать, отказываться от несбыточного.

Развитие навыков отражается в умении применять их для решения конкретных практических задач данного курса: оценка сравнительной выгодности (и значения) географического положения экономических объектов; оценка уровня социально-экономического развития страны через систему показателей; выделение типов стран по методике многопризнаковой классификации; оценка геополитического положения России; оценка экономических последствий изменения демографической структуры населения и стадий демографического перехода; оценка влияния доли городского населения на уровень социально-экономического развития; оценка сформированности систем городского расселения (с использованием правила «ранг-размер»), разработка оптимальных систем расселения; анализ ценообразования на землю по функциональным зонам города; выбор оптимального места жительства в городе для людей разного уровня достатка; оценка факторов размещения промышленных предприятий; анализ динамики объемов, географии и товарной структуры внешней торговли по странам и регионам мира; проведение многопризнакового и однопризнакового районирования; оценка качества административно-территориального деления и нарезки округов для голосования; оценка распределения национального дохода между единицами АГД страны.

Курсовая работа, предусмотренная учебным планом для всех специальностей экономического факультета во 2-ом семестре, предусматривающая самостоятельный анализ региональной статистики, закрепляет полученные знания. Плодотворность такого подхода подтверждают успехи наших студентов на конкурсах и конференциях: за последние 10 лет более 25 студентов экономического факультета (причем половина – по результатам курсовых работ 1-го курса!) стали лауреатами Всероссийского открытого конкурса открытого конкурса на лучшую научную работу студентов вузов по естественным, техническим и гуманитарным наукам вузов Российской Федерации и стран СНГ,

получили дипломы и медали Министерства образования по секции «экономические науки» и «географические науки».

Литература

1. Модели в географии. Сб. статей под ред. Р. Дж. Чорли и П. Хаггета. – М.: Прогресс, 1971.
2. *Хаггет П., Скотин А.* Общая география: глобальный синтез. – Л.: Pearson Education Ltd., 2005.
3. *Холина В. Н.* Практикум по экономической географии. – М.: Изд-во РУДН, 2005.
4. *Холина В. Н., Родионова И. А.* Как написать и успешно защитить курсовую работу. Метод. указания по подготовке и оформлению курсовых работ по географии. – М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2005, 2007.
5. *Холина В. Н.* География (профильный уровень). Ч. 1–2. Учебник для профильных школ, системы профессионального образования и младших курсов бакалавриата. – М.: Дрофа, 2008–2009.
6. *Холина В. Н., Родионова И. А., Наумов А. С.* Социально-экономическая география мира: справочное пособие (карты, диаграммы, графики, таблицы). – М.: Дрофа; ДИК, 2006–2009.

КРАТКИЕ НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Дирин Д. А.

ФАКТОРЫ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Понятие культурно-географического пространства. Ключевым понятием современной культурной географии является представление о культурно-географическом (геокультурном) пространстве.

По словам В. Н. Стрелецкого (2005), геокультурное пространство понимается как концептуальная категория, характеризующая всеобщие и познаваемые формы существования геокультурных явлений, процессов и объектов «второй природы». Геокультурное пространство выступает рамкой, сферой, продуктом и контекстом человеческой деятельности. Оно может рассматриваться в двух разных аспектах: 1) исследование культуры в географическом пространстве (пространственная дифференциация элементов культуры – как артефактов, так и ментифактов, их выраженность в ландшафте и связь с географической средой, а также процессы и результаты пространственной самоорганизации целых культурных комплексов и их носителей – общностей людей со сложившимися, надбиологически выработанными, устойчивыми стереотипами мышления и поведения); 2) исследование географического про-

странства в культуре (выявление специфических атрибутов, характеризующих представления о географическом пространстве в разных культурах и культурных контекстах, дескрипция и сопоставление образов различных местностей и территорий, исследование отношения местных сообществ к той природной и социальной среде, в которых они живут) [6].

Свойства культурно-географического пространства. При анализе культурно-географического пространства необходимо учитывать ряд его важнейших свойств. Приведем их краткую характеристику.

Многомерность. По словам А. С. Кармина, геокультурное пространство «представляет собой трехмерное пространство, которое формируется тремя сферами: Сферой духовной культуры, которая включает в себя миф, религию, философию; Сферой социальной культуры – нравственность, право, политические ценности и регулятивы; сферой технической культуры, которая включает в себя технику как совокупность знаков, науку и инженерную культуру» (цит. по: [5]).

Многослойность. Культурно-географическое пространство имеет сложную морфологическую структуру. Например, Р. Ф. Туровский (1998) выделяет следующие его слои-элементы: 1) этническое пространство; 2) конфессиональное пространство; 3) политико-историческое пространство; 4) лингвистическое пространство; 5) художественное пространство; 6) пространство народного искусства; 7) пространство бытовой культуры; 8) экономико-культурное пространство; 9) пространство политической культуры; 10) научное пространство; 11) философское пространство [7]. В качестве еще одного «слоя» геокультурного пространства можно рассматривать природную среду, которая является материальной основой культурогенеза. Также отдельно следует выделить «ментальное пространство» – мысленное представление о пространстве в групповом сознании людей-носителей данной культуры.

Иерархичность. Геокультурное пространство представляет собой иерархическую систему, имеющую как минимум три таксономических уровня: планетарный («культурно-исторические типы» Н. Я. Данилевского, «цивилизации» А. Тойнби, «культурные миры» Р. Ф. Туровского и т. п.), региональный («культурный район» Р. Хартшорна, «культурный край» Р. Ф. Туровского) и локальный («культурный ландшафт» Ю. А. Веденина, В. Н. Калуцкова, В. Н. Стрелецкого и др.).

Динамизм. Геокультурное пространство постоянно развивается, изменяясь во времени. Причем, в ходе своего развития оно складывается из серии культурно-исторических пластов, которые могут как сосуществовать, обогащая геокультурное пространство, делая его более разнообразным и информационно насыщенным, так и полностью или частично перекрывать друг друга.

Факторы дифференциации культурно-географического пространства. Причины, определяющие особенности территориальной дифференци-

ции культурно-географического пространства довольно разнообразны по своему генезису. Различные культурно-географические слои накладываются друг на друга, создавая сложно-мозаичную ячеистую структуру. Приведем основные, на наш взгляд, факторы, определяющие территориальную дифференциацию культуры.

Природные факторы. Первопричиной пространственной неоднородности человеческих культур, несомненно, является разнообразие природных условий. Это положение справедливо, учитывая природно-адаптивный характер становления любой культуры [2]. В этой связи, фундаментальной основой членения геокультурного пространства следует считать естественные факторы дифференциации природной среды: зональность, секторность, барьерность, высотная поясность, особенности рельефа территории, гидрография, природно-ресурсный потенциал и пр. Исходя из этого, основой для культурно-географического районирования территории может служить схема физико-географического районирования. При этом следует иметь в виду, что от степени благоприятности для жизнедеятельности человека и ландшафтного разнообразия территории зависит «информационная плотность» геокультурной среды и уровень насыщения ее объектами «второй природы».

Социально-культурные факторы. Если природные факторы дифференциации культурно-географического пространства – это лишь фон, в котором происходит культурогенез, то социально-культурные факторы определяют специфику его протекания. Именно эта группа факторов конструирует «вторую природу» и на фундаменте естественной среды создает собственно геокультурное пространство. Факторов человеческой активности, определяющих территориальное разнообразие культурных феноменов, множество, но наиболее фундаментальные из них следующие:

Этнический фактор. До настоящего времени именно этническая структура общества наиболее ярко выражена и определяет членение человечества на группы, объединенные длительным совместным проживанием на определенной территории, общими языком, культурой, самосознанием и стереотипами поведения [2]. Границы этнических ареалов довольно хорошо фиксируются в пространстве, хотя усиление миграционных процессов в мире, проявления глобализации и мультикультурации, делают межэтнические различия все менее заметными, а границы этнических ареалов менее выраженными. Каждый этнос может включать большое количество региональных групп с собственной самоидентификацией, а этнический ареал, таким образом, подразделяется на субэтнические ареалы со своей субэтнической идентичностью. В то же время ряд этносов в результате длительного сосуществования может объединяться в суперэтноты. Таким образом, на глобальном уровне структурирования геокультурного пространства исследователь имеет дело с суперэтническими общностями (например, славянский суперэтнос, западно-европейский и т. п.).

На региональном уровне оперировать приходится понятием собственно этноса (русский этнос, украинский этнос и пр.). На локальном уровне изучаются субэтнические группы и ареалы их расселения.

Хозяйственный фактор. Территориальная организация хозяйственной деятельности является важнейшим фактором культурно-географической дифференциации территории. Специфика прагматического освоения пространства отражается практически во всех сферах жизни общества и элементах культуры (как материальной, так и духовной). Особенности территориальной дифференциации геокультурного пространства по специфике хозяйственной деятельности относительно полно рассмотрены в рамках концепции хозяйственно-культурных типов (ХКТ), разработанной отечественными этнографами [1, 4]. При анализе хозяйственно-территориального деления пространства наибольшее значение имеет хозяйственная специализация территории, форма организации хозяйственной деятельности, исторические традиции того или иного производства.

Религиозный фактор. Ареалы распространения различных религий и их ответвлений также представляют собой специфические «частные геокультурные пространства», внутри которых по-особенному устроена духовная жизнь человеческих сообществ. Конфессиональная специфика территориальной общности людей материально выражается в культовой архитектуре, выделении всякого рода святых мест и пр. В пределах любого конфессионального или субконфессионального ареала выделяются религиозные центры и периферийные пространства [7].

Историко-политический фактор. Многими специфическими чертами культуры наделяются территории внутри политических и административно-территориальных границ. Поэтому политико-географическое деление территории также является и фактором членения геокультурного пространства. Также следует учитывать, что многие историко-политические события находят яркое отражение в пространстве. Так, например, особое мемориальное значение приобретают места, связанные с важными историческими событиями или с деятельностью выдающихся исторических личностей. Также большую важность для культурно-географического анализа местности имеет ее положение в политико-географической системе «центр-провинция-периферия-граница» [3].

Литература

1. Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // Советская этнография. 1972. № 2. С. 3–16.
2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли – М.: Изд-во Феникс, 2008.
3. Каганский В. Л. Центр – Провинция – Периферия – Граница: основные зоны культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. – М.–Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. С. 72–101.

4. Левин М.Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке проблемы) // Советская этнография. 1955. № 4.

5. Любичанковский А. В., Любичанковский В. А. Многообразие подходов к изучению геокультурного пространства Оренбургской области // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. №4. С. 19–24.

6. Стрелецкий В. Н. Геопространство в культурной географии // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2. – М.: Институт Наследия, 2005. С. 330–332.

7. Туровский Р. Ф. Культурные ландшафты России – М.: Ин-т Наследия, 1998.

Дьячевская Л. П.

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА ГЕОПОЛИТИКИ В РАБОТАХ УКРАИНСКИХ ГЕОГРАФОВ

В последнее время в Украине существенно возрос интерес к геополитическим исследованиям. Это связано с необходимостью обеспечения национальных интересов государства, безопасности жизнедеятельности населения, усиления позиций страны в международном сообществе. Для этого важно адекватно реагировать на изменяющуюся геополитическую ситуацию с целью создания благоприятных условий ведения хозяйства, повышения конкурентоспособности экономики.

В связи с этим в Украине появилось большое количество работ, посвященных геополитической проблематике. Географические факторы, влияющие на политическое и экономическое могущество государств, исследуются в рамках общественной географии. В работах ученых-географов рассматривается эволюция геополитических идей [3, 5, 12, 13, 14, 15, 16], геополитические факторы, влияющие на развитие Украины и ее регионов, интеграцию в мировое экономическое пространство [1, 2, 7, 8, 9, 11], уточняется и расширяется понятийно-терминологический аппарат геополитики.

Большое внимание уделено определению геополитики как науки, разграничению геополитики и политической географии. Многие придерживаются традиционного взгляда о схожести области и методов исследования геополитики и политической географии [11, 13, 16]. Отличия обуславливаются преимущественно целями исследования, в результате рассматривается либо территориальная организация политической сферы (политическая география) либо географические предпосылки и факторы, влияющие на политические и экономические позиции государства в международном сообществе (геополитика). С другой точки зрения, геополитика – это «отраслевая дисциплина политической географии, политическая география глобального уровня, наряду с которой существуют и другие уровни политико-географических исследований – стратегические, региональные, локальные» [12, с. 451].

Развитие геополитической науки сопровождается ее внутренней дифференциацией. В частности выделены академическая и прикладная геополитика, региональная геополитика, геоэкономика, геофилософия, аналитическая геополитика. Академическая геополитика направлена на «изучение общих геополитических закономерностей, мировых геополитических циклов, трансформацию мирового порядка, кодов и векторов государств, причин взлетов и падений великих держав». В рамках прикладной геополитики решаются проблемы применения геополитических технологий для решения местных региональных проблем [4].

Исходя из такого толкования к прикладной геополитике можно отнести региональную, которая, по мнению Н. В. Багрова, направлена на прогнозирование и достижение эффективного развития региона, обоснование конструктивных действий по управлению социально-экономическими процессами [1]. Это толкование существенно отличается от традиционного, где в центр внимания региональной («внутренней») геополитики помещен территориальный конфликт [4, 17]. Концепция региональной геополитики Н. В. Багрова структурирует государство как целостную систему, состоящую из активных самодостаточных регионов. Ключевое место в ней занимает понятие геополитического региона¹ [1].

В работах посвященных географии международных отношений, определению места Украины в мировом сообществе большое внимание уделяется анализу геополитических факторов. При этом с общественно-географических позиций уточняется терминология геополитики, разрабатывается методика геополитических исследований. Большое внимание уделено таким понятиям как «геополитическое положение» [8, 10], «стратегические полезные ископаемые» [8], «поле взаимодействия» [11], «государственная граница» [9]. Разработаны методика определения и картографирования «географических центров силы» [8], концепция влияния геополитических факторов на становление и функционирование систем региональной экономической интеграции, выделены критерии отнесения стран и регионов к полю геостратегических интересов государства, подходы к определению потенциала этого поля [2], методика изучения геоэкономического потенциала территории и особенностей его использования [7].

Мировой опыт толкования геополитических понятий и терминов обобщен В. А. Дергачевым и расширен с учетом развиваемой им концепции Больших многомерных пространств. В. А. Дергачев – приверженец цивилизационного подхода в геополитике. При этом он существенно выходит за рамки гео-

---

¹ Геополитический регион – «комплексное самоорганизованное геопрограмственное образование с естественно очерченными границами, где на фоне историко-культурного наследия, определенных социально-этнических отношений возникает субэтнос, который приспособливается именно к таким региональным условиям как в материальной сфере (экономика, способы природопользования и т. п.), так и вне её (социальные ценности, приоритеты, традиции и т. д.)» [1].

графической методологии, совершая попытку преодолеть географический и экономический детерминизм геополитики, являющийся стержнем большинства геополитических работ в географии. По его мнению, геополитические преобразования на карте мира происходят благодаря разнообразию культурно-генетических кодов², и возникновению межцивилизационных коммуникаций на энергонасыщенных рубежах многомерного пространства природы, человека и общества. Таким образом, современная геополитика формируется на рубеже философии и культурологии, этнологии, экономики и географии. В её основе – психологическая экспансия и манипулирование сознанием, приводящие в том числе и к захвату территорий [4]. Основными понятиями концепции Больших многомерных пространств являются такие, как многомерное коммуникационное пространство³, «энергонасыщенные» рубежи⁴, рубежная коммуникативность⁵.

Геополитические функции этногеографического фактора рассмотрены М. С. Днистрянским [6]. Введены понятия геозтнополитическое положение⁶, геозтнополитический конфликт⁷. Термин «геозтнополитический», широко используемый в работах автора, подчеркивает взаимосвязь и взаимообусловленность геополитических и этногеографических факторов в развитии территорий и государств [6].

Таким образом, за последнее десятилетие в Украине появился ряд географических работ, в которых совершаются попытки проанализировать влияние гео-

² Культурно-генетический код – устойчивые признаки принадлежности к той или иной цивилизации (суперэтносу) [4, с. 242].

³ Многомерное коммуникационное пространство – результат стратификации разномасштабных процессов в природе и обществе, образующих рубежное энергоизбыточное напряжение (созидательное или разрушительное) [4, с. 291].

⁴ «Энергонасыщенные» рубежи – обладающие энергетикой интенсивных взаимодействий маргинальные зоны, образующиеся в результате наложения «полей» природных, политических, экономических, социокультурных, конфессиональных и информационных коммуникаций [4, с. 291].

⁵ Рубежная коммуникативность – напряжение энергонасыщенных рубежей многомерного коммуникационного пространства в природе (береговая зона суша – океан, экотон, сейсмически активные зоны разломов, зона Заварничко-Беньефа, атмосферные фронты и др.), созданные природой и человеком (цивилизации и великие реки, приморье, подстепье, Сахель, оазисы). Выделяются геополитические, геоэкономические и межцивилизационные рубежи. Крупнейшими объектами Земли являются рубежи евразийских цивилизаций (ЕВРАМАР) и береговая линия Мирового океана (МОРЕМАР) [4].

⁶ Геозтнополитическое положение – система отношений государства в целом и его этногеографических районов к этнонациональным объектам и этнополитическим процессам, которые находятся за границами ее государственной территории [6, с. 49].

⁷ Геозтнополитический конфликт – структурно-функциональное противоречие, обусловленное неадекватным отображением этногеографических особенностей в территориально-политической системе, то есть ... конфликт политических институтов, которые представляют интересы разных этнонациональных сообществ и групп [6, с. 65].

политического фактора на развитие государства и регионов. Это неизбежно сопровождается уточнением понятийно-терминологического аппарата геополитики, разработкой концептуально-методологических основ таких исследований.

Литература

1. *Багров М. В.* Регіональна геополітика (на прикладі Криму): Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. – К., 2001.
2. *Бородієнко О. В.* Суспільно-географічні чинники формування системи регіональної економічної інтеграції в Північній Америці: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – К., 2005.
3. *Вісьтак О. І.* Суспільно-географічні дослідження українських вчених Галичини у міжвоєнний період (1919–1939 рр.): Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – Львів, 2001.
4. *Дергачев В. А.* Геополитический словарь-справочник. – Киев: КНТ, 2009.
5. *Дністрянський М. С.* Геополітичні доктрини і підходи: критичний аналіз методології. – Львів, 2003.
6. *Дністрянський М. С.* Етнополітична географія України: проблеми теорії, методології, практики. – Львів, 2006.
7. *Дячевська Л. П.* Соціально-економічний розвиток регіону з урахуванням геополітичного чинника (на прикладі Столичного економічного району України): Дис. ... канд. геогр. наук. – К., 2008.
8. *Клочко Р. Ю.* Суспільно-географічний аналіз геополітичного положення України у сучасній Європі. Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – К., 2007.
9. *Малиновська О. Ю.* Політико-географічні аспекти формування та функціонування західного державного кордону України: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – К., 2002.
10. *Паламарчук М. М., Паламарчук О. М.* Геополітичне положення України (сутність і основні риси) // Український географічний журнал. 1994. № 1–2.
11. *Стафійчук В. І.* Політико-географічні аспекти взаємодії господарств країн Центральної Європи: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – К., 1999.
12. *Топчієв О. Г.* Основи суспільної географії. – Одеса, 2009.
13. *Трохимчук С. В., Федунь О. В.* Політична географія світу. – К., 2007.
14. *Шаблій О.* Новітня українська суспільна географія. – Львів, 2007.
15. *Шаблій О. І.* Суспільна географія: теорія, історія, українознавчі студії. – Львів, 2001.
16. *Яценко Б. П., Стафійчук В. І., Брайчевський Ю. С. та ін.* Політична географія і геополітика. – К.: Либідь, 2007.
17. *Dictionnaire de géopolitique.* Sous la dir. de Y. Lacoste. – Paris: Flammarion, 1993. P. 192–193.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА

Нынешний мировой экономический кризис показал, что существующие теоретические основы международного разделения труда и экономические модели развития общества не полностью соответствуют реальности. Отсталость теории от практической действительности особенно заметным стало в сфере международной торговли.

Чтобы осмыслить современные особенности международного разделения труда и роль экономической, социальной и политической географии в разработке его научных основ, важно проследить эволюцию теории географического разделения труда и международной торговли.

Географическое разделение труда – пространственная форма общественного разделения труда. Еще Н. Н. Баранский считал, что необходимым условием географического разделения труда является разрыв между местом производства и местом потребления, и результат труда перевозился из одного места в другое [2, с. 96].

Иногда к географическому разделению труда относят только международное разделение труда. Это неверно. Международное разделение труда, конечно же, является географическим разделением труда. Но существует географическое разделение труда внутри страны, между отдельными экономическими районами, регионами. Поэтому не всякое географическое разделение труда есть международное разделение труда. Э. Б. Алаев подразделял географическое разделение труда на территориальное (в пределах одной страны) и международное (между отдельными странами) [1, с. 187].

В советской экономической географии уделялось много внимания теоретическим аспектам географического разделения труда. Например, Ю. Г. Саушкин провел классификацию видов территориального разделения труда [5, с. 361–362]. Однако трактовка географического разделения труда (в том числе международного) в последнее время претерпела существенные изменения в результате происходящей кардинальной трансформации в научно-технологической, социально-экономической и политической сфере человеческой жизнедеятельности. Все это требует осмысления теоретических основ понятий «международное географическое разделение труда».

Важную роль в этом, на наш взгляд, играет экономико-географический подход, отличающийся комплексностью охвата исследуемого объекта. Проследив эволюцию теории международной торговли, отметим, что в каждой из них присутствуют экономико-географические аспекты.

Географичность теории абсолютных преимуществ А. Смита (1776) наличием: развивается международное географическое разделение труда за счет специализации стран на производстве определенных товаров на основе принципа

абсолютных преимуществ [7]. А абсолютные преимущества в производстве имеют пространственные различия.

В работе «Начало политической экономики и налогового обложения» (1819) Д. Риккардо дополнил теорию Смита положением об относительном преимуществе в издержках [4]. Географический подход наблюдается и в теории сравнительных преимуществ: за счет участия в территориальном разделении труда выгоду получает любая страна (даже не обладающая абсолютными преимуществами в производстве товаров), прежде всего, путем повышения производительности труда. Основой международного географического разделения труда являются пространственные различия сравнительных издержек.

В своей теории сравнительной обеспеченности факторами производства Э. Хекшер и Б. Олин утверждали, что стоимость производимых товаров складывается из доходов на три фактора производства: заработной платы за труд, процента за капитал, земельной ренты за землю [6]. Данная теория также основывается на географических различиях факторов производства в разных странах.

В своей работе «Конкурентные преимущества наций» в определении позиции страны в международной конкуренции и ее внешнеторговой специализации решающую роль М. Портер отвел факторам конкурентоспособности, понимаемым намного шире, чем просто факторы производства, обладание последними уже не является достаточным для успеха на мировом рынке [3]. В новом подходе М. Портера помимо имеющихся факторов производства, включая административную, технологическую, научную и информационную инфраструктуру, принимались во внимание эффективность стратегий и управления на микроуровне, условия спроса, предпринимательской деятельности и конкуренции, состояние смежных и поддерживающих отраслей. Отрасли и производства, располагающие эффективной совокупностью конкурентных преимуществ, позволяющих им повышать производительность и расширять присутствие на мировом рынке, получили название кластеров конкурентоспособности.

На наш взгляд, под географическим кластером следует понимать совокупность независимых производственных, финансовых, инфраструктурных и сервисных фирм, включая поставщиков, создателей технологий и ноу-хау (инновации) (научно-исследовательские институты, университеты, конструкторские бюро, инжиниринговые компании и т. д.), связующих рыночных институтов (брокеры, консультанты) и потребителей, взаимодействующих друг с другом в рамках единой цепочки создания стоимости. Наибольшего эффекта в международном географическом разделении труда России можно добиться при создании внешнеэкономических географических кластеров регионов. Однако имеется ряд проблем, создающих барьеры развитию внешнеэкономических географических кластеров в России:

- сохранение автаркии в экономическом развитии страны;
- политическая и социально-экономическая нестабильность в регионах;

- государственно-олигархический характер организации бизнеса;
- правовая неотрегулированность взаимодействия бизнеса в интеграционных проектах кластерного характера из-за организованного государственного вмешательства в бизнесе;
- уход бизнеса от сложной цепочки накопления стоимости, то есть от энерго-производственных циклов.

Важной задачей экономической, социальной и политической географии нам видится разработка научной теории внешнеэкономических географических кластеров.

Несмотря на актуальность и прогрессивность теории М. Портера, на наш взгляд, ей не хватает комплексности. В теории он рассматривает только экономические аспекты конкурентной стратегии. А международное разделение труда есть форма общественного разделения труда, поэтому в исследованиях данной сферы необходим учет социальных, политических и т.п. аспектов.

Важный шаг был сделан П. Кругманом, который объединил воедино ранее разрозненные исследования в области международной торговли и экономической, социальной и политической географии. Согласно решению экономического комитета Нобелевской премии, в 2008 г. лауреатом по экономике объявлен П. Кругман за анализ торговых моделей и экономической активности населения, созданию новой экономической географии.

П. Кругман обосновал теорию экономии на масштабе: чем больше производство, тем меньше издержки на единицу продукции. Из данной модели следует, что стране может быть выгодно специализироваться на производстве какого-то одного товара, импортируя похожий [6, с. 9].

Далее он предположил, что будет происходить, если торговли по каким-то причинам нет, зато есть миграция. Та же экономия на масштабе приводит к тому, что из двух стран с одинаковым уровнем развития в стране с большим населением у производителей будут ниже издержки на единицу продукции, ниже цены и выше уровень реальных доходов. У населения меньшей страны появятся стимулы для миграции в большую, при этом различия в себестоимости продукции еще больше вырастут, а стимулов для миграции окажется еще больше. Приведенная модель получила название новой экономической географии. Она позволяет исследовать не только международную торговлю, но и многие явления и процессы, которые являются предметом изучения экономической, социальной и политической географии.

Требуется дальнейшая детализация «Новой экономической географии» П. Кругмана. Однако она уже доказала приоритет и комплексный характер экономико-географических подходов к исследованию международного разделения труда, и это было признано мировым научным сообществом! Одной из актуальных задач экономической, социальной и политической географии является продолжение исследований в данной области.

Литература

1. *Алаев Э. Б.* Социально-экономическая география. – М.: Мысль, 1983.
2. *Баранский Н. Н.* Географическое разделение труда // *Баранский Н. Н.* Избранные труды. Становление советской экономической географии. – М.: Мысль, 1980. С. 96–127
3. *Портер М.* Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. – М.: Международные отношения, 1993.
4. *Риккардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения. Соч. в 3-х т. Т. 1. – М., 1955. С. 116–117
5. *Саушкин Ю. Г.* Экономическая география: история, теория, методы, практика. – М.: Мысль, 1973.
6. *Сельцовский В. Л.* Концептуальные основы теорий международной торговли // Российский внешнеэкономический вестник. 2008. № 12. С. 3–13.
7. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Наука, 1962.

Кропинова Е. Г., Митрофанова А. В.

КЛАСТЕР КАК ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ТУРИЗМА

Теоретическое обоснование пространственной организации туризма развивается по разным направлениям в России и на Западе. Это находит отражение в использовании неодинакового понятийного аппарата для обозначения пространственных форм организации туризма, что отражает таблица 1.

Основным подходом западных авторов к пространственной организации туризма является анализ туристских направлений (дестинаций) с ведущей ролью маркетинга территории и практически не уделяется внимание формирующимся в туризме территориальным структурам. В отечественной науке продолжают использоваться такие понятия, как «территориально-рекреационный комплекс» (ТРК), «территориально-рекреационная система» (ТРС), «рекреационный район».

Вместе с тем, большинство теорий и методик (за исключением некоторых маркетинговых) не учитывают того, что в условиях регионализации и глобализации ведущую позицию занимают сами организаторы туристского процесса. Расположение и концентрация предприятий индустрии туризма на географически близкой территории позволяет усилить их внутреннюю конкурентоспособность и обеспечивает развитие данной территории. Ключевым моментом в данном процессе является создание горизонтальных связей предприятий индустрии туризма с сопряженными отраслями, научными институтами, общественными организациями, органами координации, финансовыми структурами, что делает актуальным рассмотрение кластерной концепции и возможность ее применения для пространственной организации туризма.

Таблица 1

Основные понятия пространственной организации туризма

Формы пространственной организации туризма	Структура			Условия формирования			Системообразующий фактор	Акцент	Авторы
	Функциональная составляющая	Пространственная составляющая	Временная составляющая	Ресурсы	Инфраструктура	Стратегия			
ТРС	+	+	+	+	+	+	Набор и взаимосвязь подсистем	Организационная форма рекреационного хозяйства	В.С. Преображенский (1960), Е. А. Котляров (1975), М. А. Абрамов (1977), Е. Г. Кропинова (1997, 2005), Э. М. Эльдаров (1998), И. В. Зорин (2001), Н. Д. Николаенко (2003), С. Р. Ердавлетов, Л. Ю. Мажар (2009).
Туристский район/регион	+	+	+	+	+	+	Специализация района	Выделение таксономических единиц	Н. С. Мироненко (1981, 1986, 1998), И. Т. Твердохлебов (1981), Ю. А. Веденин (1981), И. И. Пирожник (1983, 1985, 2003)
Туристский кластер	+	+	+	+	+	+	Концентрация и кооперация предприятий сферы туризма и отдыха	Повышение конкурентоспособности, оживление экономики	С. Смит (1989), Т. Алтленбург (1998), В. Гиллебранд (1998), М. Монфорд (2000), А. Родригес (2001), М. Бени (2003), С. Нордин (2004)
Туристское направление	+	+	+	+	+	+	Туристское предложение	Маркетинг	К. Ганн (1994, 1997), Ф. Веллас (1999), Л. Бечерл (1999), А. Макнавелли (2001).

Для отечественной рекреационной науки концепция кластеров достаточно нова, хотя зарубежные авторы довольно широко ее используют. Однако прямое заимствование западного опыта неприемлемо вследствие того, что, во-первых, он касается развитых рыночных систем, которые в России находятся на стадии становления, во-вторых, различие в социально-культурных системах накладывает отпечаток и на хозяйственную деятельность. Отечественные теории и методики, рассматривающие пространственную организацию туризма, являются конструктивными, включают природную и социально-культурную компоненты. Применение зарубежных исследований пространственной организации туризма позволяет рассматривать ТРС с учетом самоорганизующегося характера. Зарубежные ученые акцентируют внимание на внутренних связях между участниками туристской географической системы (туристского кластера), таких как партнерство и конкуренция, что при выходе из системы обеспечивает возникновение синергетического эффекта, конкурентоспособность предприятия (элемента системы) и всей системы. Большое внимание уделяется взаимодействию сферы туризма с научными и

финансовыми институтами, развитию государственно-частного партнерства, диффузии инноваций в сфере туризма, влиянию туристской деятельности на устойчивое развитие региональной географической системы.

Поскольку различные походы имеют свои достоинства, представляется целесообразным попытаться соединить в единое целое теоретические положения отечественных и зарубежных авторов. Особенно перспективно, на наш взгляд, использование в этих целях концепции туристского кластера.

С точки зрения рассмотрения кластера как территориальной географической системы можно выделить следующие его характеристики.

1. *Расположение предприятий по географическому признаку*: расположенность вблизи друг от друга на определенном географическом пространстве – территории.

Понятие «территория» считается одним из фундаментальных в географии. С одной стороны, территория является носителем различных видов природных ресурсов, с другой стороны, она сама может быть представлена как специфический ресурс. Специфика и важнейшее свойство территории как ресурса заключается в том, что она выступает в качестве конкретной географической основы, обеспечивающей размещение и выполнение всех видов хозяйственных функций.

2. *Принадлежность предприятий к связанным отраслям или подотраслям*.

Индустрия туризма имеет ряд особенностей, придающих актуальность кластерному подходу в развитии данной деятельности. Одна из главных особенностей состоит в том, что индустрия туризма тесно связана с другими отраслями экономики.

3. *Получение синергического эффекта за счет комплексности и концентрации производства*.

Фактор размещения является одним из ведущих при выборе нового места дислокации предприятий туризма или определения места проведения спортивных или культурных мероприятий (событийного туризма). М. Портер отмечал, что «кластер можно определить как систему взаимосвязанных фирм и организаций, значимость которых как целого превышает простую сумму составных частей» [1, с. 221]. Как следствие процесса территориальной концентрации при формировании кластера возникает такое явление, как диффузия нововведений. Различные виды нововведений, переплетаясь, и, вступая в отношения между собой, в конечном счете, приводят к социально-экономическим, экологическим изменениям в географических территориальных системах, а затем стимулируют развитие всего региона.

4. *Кластер является самоорганизующейся, частично управляемой гео-системой*.

Переход к рыночным отношениям привел нас к необходимости переосмысления функции управления в территориальных географических системах,

в ТРС в частности. Кластерная концепция позволяет рассматривать развитие туристской деятельности на территории на основе учета самоорганизующегося характера рекреационной деятельности в открытом обществе, рыночной среде, на основе государственно-частного партнерства. Основная функция государства создание благоприятных условий, необходимого инвестиционного климата, институциональных факторов для организации и функционирования туристских предприятий на территории.

5. *Наличие внешних и внутренних связей* (вход и выход геосистемы) предприятий друг с другом не только при использовании туристских ресурсов и общей инфраструктуры, но и при организации производства туристских услуг.

Связи могут выражаться в потоках информации, продукции, технологий и инноваций. Кроме того, расположение предприятий на компактной территории приводит к различным формальным и неформальным отношениям между участниками туристского процесса. Одним из проявлений внутренних связей данной территориальной географической системы между ее элементами в условиях рыночной экономики является одновременное формирование конкурентных и партнерских отношений.

6. *Туристские кластеры имеют свою иерархическую структуру.*

Можно выделить локальные туристские кластеры (микроуровень); региональные туристские кластеры (мезоуровень); макрорегиональные туристские кластеры, например, туристский кластер российского Северо-запада (макроуровень); трансграничные, транснациональные туристские кластеры (мезоуровень).

Таким образом, кластер может эффективно использоваться в качестве одного из основных понятий в региональных исследованиях туризма, заменяя в условиях рыночной экономики традиционное понятие территориально-рекреационной системы, используемое применительно к административно-командной и переходной экономике.

Литература

1. *Портнер М.* Конкуренция. Пер. с англ. – М.: ИД «Вильямс», 2001.

Коробейников А. М., Резвых В. В., Субботина Т. В.

ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ¹

Понятие «ситуация» довольно широко употребляется во многих науках. Однако, несмотря на частое использование его в литературе, авторы обычно не раскрывают содержание, которое вкладывают в это понятие, или ограничиваются обыденным его значением. Потребность в теоретическом анализе и операционализации понятия «ситуация» появляется на таком этапе развития

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Разработка и составление атласа социальной ситуации в Пермском крае», проект № 09-02-82205а/У.

науки, когда она должна обеспечивать практику надёжной методикой принятия решений в типичных случаях или обстоятельствах.

Одним из первых попытку теоретического осмысления феномена ситуации предпринял Г. Гегель. Большой вклад в разработку понятия ситуации внесли Т. Парсонс и К. Ясперс. Географы также активно используют различные модификации этого понятия для объяснения разного рода геопространственных феноменов. Можно вспомнить, в частности, работы Н. Т. Агафонова, С. А. Ковалева, А. М. Трофимова, Г. М. Федорова и многих других.

К настоящему времени сложились три основных подхода к пониманию сущности ситуации. Согласно первому подходу, под ситуацией понимается часть объективного мира, в условиях и под воздействием которого человек осуществляет свою деятельность. Представители второго подхода выступают за представление ситуации как субъективного образа, формирующегося в сознании индивида. Сущность третьего подхода заключается в понимании ситуации как единства объективного и субъективного.

В отечественном обществоведении наиболее распространено понимание ситуации как системы объективных обстоятельств, в условиях которых разворачивается деятельность. Однако многие сторонники данного подхода отмечают необходимость учёта субъективного компонента при характеристике той или иной ситуации, справедливо указывая на то, что само присутствие человека в ситуации изменяет соотношение сил в ней. Ситуация должна включать в себя и человека, относящегося тем или иным образом к тому, что в ней происходит.

Социальная ситуация является важным атрибутом региона, который понимается как территориальная общественная система (ТОС) определённого уровня пространственно-временной организации, целенаправленно функционирующая в интересах соответствующей территориальной общности.

ТОС является продуктом повседневной деятельности индивидов, социальных групп и территориальных общностей. Совместная жизнь, локализованная во времени и в пространстве жизнедеятельность индивидов, социальных групп и территориальных общностей требует создания определённого механизма для реализации территориально опосредованных социальных отношений, для упорядочения обмена живой и опредмеченной деятельностью между субъектами социальной жизни. Этот механизм – ТОС. Как форма территориальной организации общественной жизни ТОС закономерно возникает из жизненного процесса отдельных взаимодействующих индивидов, социальных групп и территориальных общностей и включает все стороны, аспекты и моменты социальной действительности; в её основе лежит способ производства материальной жизни, который обуславливает все другие жизненные процессы.

Пространственно-временные координаты и особенности локализации социальной жизни определяются свойствами агентов деятельности и характеристиками географического пространства. Свойства географической среды

обуславливают собой развитие производительных сил; развитие же производительных сил определяет развитие экономических, а вслед за ними и всех других общественных отношений. Анизотропность, дискретность пространства является непрменным внешним условием локализации. Будь географическое пространство неизменным на всём своём протяжении, локализация общественной жизни была бы невозможна.

Таким образом, свойства географического пространства детерминируют пространственно-временные особенности локализации общественной жизни и специфику формирующейся в регионе социальной ситуации.

Региональная социальная ситуация – это локализованная во времени и в пространстве объективно-субъективная реальность, формирующаяся, функционирующая и развивающаяся в процессе деятельности территориальных общностей, социальных групп и индивидов с целью удовлетворения своих интересов и потребностей. Региональная социальная ситуация – это совокупность экзогенных и эндогенных условий и процессов жизнедеятельности территориальных общностей, социальных групп и индивидов по состоянию в определенные моменты или промежутки времени. Экзогенные – объективные внешние условия, эндогенные – внутренние, отражающие свойства самого субъекта деятельности и его отношение к объективным условиям.

Чтобы получить представление о социальной ситуации в регионе, необходимо осуществить операционализацию данного сложного понятия. Операционализация может быть построена на разных основаниях. Поскольку на практике региональная социальная ситуация рассматривается как объект и результат управления социальной сферой в регионе, целесообразно при операционализации использовать сферный подход.

Социальная сфера общества подразделяется на три социальных сферы более низкого уровня: сферу социального развития, сферу социальной защиты и сферу социальной безопасности. В свою очередь, эти три основные социальные сферы также могут быть подвергнуты дальнейшей декомпозиции с учётом требований практики регионального социального управления. Например, сфера социального развития включает сферы образования, науки, занятости и др. Точно так же, вплоть до уровня отдельных отраслей и учреждений, можно провести декомпозицию двух других социальных сфер – социальной защиты и социальной безопасности.

В каждой из названных сфер, в каждой отрасли, в каждом ведомстве, в каждой организации или учреждении складывается своя, отличная от других ситуация, обусловленная как объективными, так и субъективными обстоятельствами. Социальная ситуация является обобщением, интеграцией этих частных ситуаций.

Поскольку на практике социальная ситуация рассматривается как объект и результат социального управления, то её операционализация должна макси-

мально учитывать структуру и потребности органов, регулирующих развитие социальной сферы. Таким образом, региональная социальная ситуация складывается из трёх основных компонентов: 1) ситуации в сфере социального развития; 2) ситуации в сфере социальной защиты; 3) ситуации в сфере социальной безопасности.

Ситуация в сфере социального развития характеризует условия и процессы, связанные с обеспечением экономической и социальной активности отдельных индивидов и социальных групп, с реализацией населением возможностей самостоятельно обеспечивать свое благосостояние. Ситуация в сфере социального развития обобщает ситуацию в социально-демографической, социально-интеллектуальной, социально-экономической, социально-экистической и социально-политической сферах.

Ситуация в сфере социальной защиты показывает, как обеспечивается поддержка неконкурентоспособным гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации, которую они не могут преодолеть самостоятельно. Ситуация в сфере социальной защиты складывается из ситуации в сферах социального страхования, социального обеспечения, социального обслуживания, социальной помощи.

Ситуация в сфере социальной безопасности описывает, как обеспечиваются защита прав и свобод человека и гражданина, безопасность личности. Ситуация в этой сфере обобщает ситуацию в сферах защиты прав и свобод граждан, охраны общественного порядка, экологической безопасности населения.

Декомпозиция социальной ситуации может быть и более подробной, вплоть до отдельных организаций или учреждений, работающих в социальной сфере региона.

Для описания приведенных выше компонентов региональной социальной ситуации формируется система репрезентативных показателей, к которым предъявляются следующие основные требования: 1) чувствительность к изменениям региональной социальной ситуации во времени и в пространстве; 2) возможность количественного измерения на реальном региональном множестве территориальных общественных систем; 3) интуитивная понятность; 4) несложность для расчета; 5) учёт объективных статистических и субъективных социологических параметров региональной социальной ситуации.

Для количественной оценки региональной социальной ситуации целесообразно использовать аддитивное преобразование системы нормированных частных показателей с учётом их значимости, учитывающей эластичность этих показателей во времени или в пространстве.

Качественная оценка, более удобная для выработки и принятия управленческих решений, может быть получена путем «градуирования» количественной оценки посредством выделения интервалов, внутри которых оценки, опи-

сываемые разными числовыми значениями, считаются равными. Каждому интервалу присваивается качественная характеристика социальной ситуации, например: благополучная, нормальная, проблемная, критическая, экстремальная ситуация. Полученная таким образом оценка социальной ситуации в разных городах, районах и муниципальных образованиях может служить надёжным основанием для проведения в регионе территориально дифференцированной социальной политики в интересах местного сообщества.

Корпусов И. М.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОГРАФИИ РЕЛИГИЙ

География религий в мировой науке, направление сравнительно давнее. В этой тематике писали многие известные ученые и философы. Достаточно вспомнить И. Канта, К. Риттера, Е. Реклю, А. Гетнера, А. Филипсона, М. Бютнера, все они, так или иначе, работали в этом направлении. В современной западной географии тема исследования религий представлена достаточно хорошо. Особенно в таких направлениях как гуманистическая или феноменологическая география.

Вместе с тем в нашей стране география религий активно разрабатывается сравнительно недавно. По понятным причинам в советский период времени вопросы, связанные с изучением религий вообще и в географии в частности были представлены незначительно. Хотя и в это время, в 1975 г. выходит книга П. И. Пучкова «Современная география религий». В 60-х публикуются издания о распространении религий в различных частях света. Например «Религии стран Африки» и т. п.

С конца 80-х начала 90-х годов количество публикаций по данной тематике резко возрастает. Проводятся многочисленные исследования, тема религий попадает в сферу внимания философов, социологов, историков, появляются такие направления как религиоведение и теология. Защищаются диссертации, тема постепенно институализируется. Вместе с тем остается ряд трудностей теоретического и методического характера, что совершенно нормально для любого направления в науке. Но в географии религий они носят специфические черты. Попробуем остановиться на нескольких наиболее крупных проблемах, не претендуя на всеобъемлющее и полное рассмотрение вопроса, а попытаемся выделить только наиболее важное.

Наибольшую сложность представляет сам объект изучения. С одной стороны, сам феномен религиозности по своей сути и содержанию прежде всего отражает явления, наличие или отсутствие которых, недоказуемо научными методами. С другой стороны, самим этим сущностным для религии явлениям свойственно объективироваться. И эти объекты познаваемы научными методами. Например, в кандидатской диссертации «Географические аспекты изуче-

ния религиозной сферы» С. Г. Сафронова в качестве объекта исследования предлагаются такие вещи, как:

- религиозное наследие, заложенный исторически набор религиозных ценностей;
- религиозные объединения верующих;
- органы управления религиозных организаций;
- виды деятельности, в том числе и политической;
- религиозная символика (святыне, иконы, мощи и святыне места).

При этом, существует некоторая проблема: многие объекты изучения имеют аналоги в других общественных явлениях, не только в религии. Возникает вопрос об учете специфики религии, как сферы уникального человеческого опыта и общения. В этой области встречаются крайние, но показательные примеры. На одной из научных конференций автору пришлось столкнуться с примером, когда при изучении религиозной сферы проводились исследования в области географии цен на церковные требы. С этой точки зрения анализировались данные по сети православных приходов на определенной территории. Сама по себе такая работа, может быть, и представляет некоторый интерес. Но собственно феномена религиозности эти исследования очевидно не касались. Для решения этой проблемы, возможно, для ученых был бы интересен и взгляд, представленный в развитом богословии внутри самих религий, в частности на соотношение сущностных и объективированных явлений религиозного характера.

В мировых религиях существуют представления о соответствии своего существования с определенной территорией. Например, в христианстве подчеркивается несущественность подобного вопроса, а в исламе же напротив существуют представления о «земле ислама» и т. п. С точки зрения христианства на самое себя, оно, в большинстве своих сущностных проявлений, вообще не может быть как-то выражено пространственно. Возможно, такой взгляд необходимо учитывать при рассмотрении ряда конкретных вопросов.

Достаточно проблематичным представляются направления в географии религий, в которых свойственно сакрализовать само пространство, присваивая тем или иным участкам земной поверхности некоторые свойства религиозного характера. Такого рода символика близка ряду религиозных или магических учений и трудно понимаема с научной точки зрения.

В области методики преподавания географии религии в настоящее время существует множество наработок. Читаются многочисленные курсы, элементы географии религий входят в курсы «география населения», «география культуры». Тем не менее, например, отсутствует учебник по этой дисциплине для вузов на русском языке.

Основной проблемой является отсутствие в современной системе среднего образования предметов, которые дают представления как о таком феномене, как религия в целом, так и о конкретных деноминациях. Специфика гео-

графического взгляда на религию неизбежно приводит к знакомству или упоминанию большого числа религиозных конфессий, к употреблению терминологии, с которой большинство слушателей сталкиваются впервые в жизни. В результате, при неправильной подаче, предмет может вызывать некоторую «усталость» и даже отторжение. С одной стороны, научный подход требует объективированного, внешнего рассмотрения предмета, с другой стороны, трудно найти что-то более тягостное и скучное, чем преподавание знаний о религии во внешнем, формальном ключе.

Тем не менее, важность такой дисциплины, как география религий трудно подвергнуть сомнению. Религия является важным элементом многих общественных, экономических, политических процессов. Знания в области географии религий важны с точки зрения рассмотрения причинности многих явлений в человеческом обществе. И сама религия, как уникальный феномен человеческого сознания, является одной из наиболее интересных сфер изучения для географов.

Кузнецова С. Н.

КАРКАСНЫЕ ПОНЯТИЯ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ

Положение об экономическом каркасе территории – остове, на котором все держится, остове, который формирует территорию, придает ей определенную конфигурацию, было сформулировано Н. Н. Баранским в 1946 г. в статье «Об экономико-географическом изучении городов». По мнению Г. М. Лаппо, оно служит не только образом, но методологическим указанием – как надо подходить к изучению городов, расселения, территориальной структуры народного хозяйства [3]. В тезисе об экономическом каркасе проявились очень важные в географических исследованиях аспекты – генерализация (опущены детали, взято главное), и внимание к связям (каркас – связующий механизм, скрепляющий разные территориальные социально-экономические системы), и учет пространственной дифференциации явлений (каркасом связываются разнородные, различным образом специализированные части территории). Тематика опорного каркаса расселения развивалась в работах Б. С. Хорева, Г. М. Лаппо и др.

К настоящему времени в научный оборот введен большой набор «каркасных» терминов: городской каркас, инфраструктурный каркас, опорный каркас расселения, экологический каркас, региональный транспортный каркас, транспортный каркас расселения и др. В данной работе сделана попытка раскрыть содержание и различие каркасных понятий в теории сельского расселения.

Понятие «расселение населения» – двуединое понятие, с одной стороны – это процесс распределения и перераспределения населения по территории и его результат – сеть поселений. Традиционно в концепциях опорного каркаса расселения внимание сосредоточено на главных, наиболее крупных центрах расселения (агломерациях, городах и пгт) – узлах каркаса и магистральных доро-

гах, которые связывают их в единые системы расселения. **Функционирование в широком смысле слова всей совокупности населенных мест обеспечивают дорожные сети (коммуникации)** [2]. Для изучения вопросов взаимодействия транспорта и сельского расселения предлагается использовать понятие *«транспортный каркас расселения»* с акцентом на дороги – транспортную сеть территории (региона).

Транспортный каркас, отражая единство двух главных элементов – населенных пунктов и дорог, соединяющих их, с одной стороны влияет на процесс расселения, обеспечивая взаимосвязи населенных мест и миграции населения, с другой стороны определяет рисунок поселенческой сети, формируя оси линейной концентрации населенных пунктов.

При совмещенном изучении сети сельских населенных пунктов (СНП) и транспортной сети (транспортного каркаса сельского расселения) можно выделить два основных вопроса. Первый – оценка транспортно-географического положения СНП, т. е. близости/удаленности всех (а не только крупных) населенных пунктов к трассам автодорог разных категорий (качества дорожного покрытия), к железнодорожным остановкам (станциям, платформам), речным пристаням и морским портам, аэропортам. Второй вопрос – морфологический анализ транспортной сети совмещенный с анализом рисунка сельской поселенческой сети. Транспортные сети разной конфигурации по-разному выполняют свои функции по транспортному обеспечению одной и той же территории с одним и тем же числом и местонахождением точек [1]. Конфигурация сети («рисунок», начертание) как дополнительный фактор, во многом будет определять надежность транспортного каркаса и доступность узловых центров для сельского населения.

Оценки транспортно-географического положения СНП и их людности позволяют выявлять полосы линейной концентрации расселения, ареалы повышенной концентрации населения и сельские агломерации. Реальный транспортный каркас района (области) создает разные условия удаленности населенных пунктов от дорог и станций/остановок общественного транспорта. По транспортно-географическим условиям размещения можно различать несколько типов СНП: **«примагистральные»** (расположенные непосредственно и в пешеходной доступности от автомагистралей с усовершенствованным покрытием, 2-х или, как правило, 4-х и более полосных, в том числе расчлененные ими на части), **«шоссе́йные притрассовые»** (расположенные непосредственно на автомобильных дорогах с усовершенствованным покрытием областного или районного значения, в том числе расчлененные ими на части), **«придорожные»** (в полосах пешеходной доступности от автодорог с твердым покрытием), **«пристанционные»** (железнодорожные станции, платформы), **«прижелезнодорожные»** (в радиусе 3–5 км от станций/платформ), **«периферийные»** (вне зоны пешеходной доступности автодорог с твердым покрытием, расположенные в непосредственной близости и на расстоянии 2-х км от

улучшенных грунтовых дорог, удаленные от железнодорожных остановок более чем на 3–5 км) и «глубоко периферийные» (вне зоны пешеходной доступности автодорог с твердым покрытием, расположенные на разном расстоянии от грунтовых проселочных дорог, удаленные от железнодорожных остановок более чем на 3–5 км, т. е. СНП в условиях бездорожья).

Непосредственно на автострадах (автобанах), магистральных элементах транспортного каркаса, как правило, расположена лишь незначительная часть СНП региона. Так, в межстоличном транзитном Тверском регионе «**примагистральные**» СНП составляют в настоящее время всего 1,7% в общей сельской поселенческой сети. Преобладающая часть СНП и сельского населения сосредоточены в двух типах – «шоссейном притрассовом» и «придорожном» – около 42%. Около трети от общего количества СНП относится к типу «периферийных» по транспортно-географическим условиям. В условиях бездорожья остается 25% СНП региона, около 7% сельского населения.

Второй элемент транспортного каркаса сельского расселения в Тверском регионе представлен сетью железнодорожных станций и платформ (остановок). На топографической карте хорошо видны радиальные схемы дорог, устремленные к железнодорожным остановкам. Пристанционные ареалы сельского расселения отличаются более густой сетью населенных пунктов и повышенной плотностью населения в радиусе 3–5 км. Всего в 4-х (из 36) районах Тверской области нет железных дорог. Вокруг железнодорожных станций и платформ сконцентрировано 27% сельского населения области. В пристанционных ареалах расселения сосредоточены наиболее крупные сельские населенные пункты: так, в примагистральных районах транспортного коридора Москва – Санкт-Петербург средняя людность СНП вокруг станций составила 166 чел. при средней по району 75 чел. (2006), в примагистральных районах коридора Москва – Латвия – 84 чел. (средняя – 35 чел.), в прочих – 67 чел. (средняя – 32,5 чел.), а в целом по Тверской области – 82 чел. (средняя людность СНП в регионе с учетом пунктов без постоянных жителей – 38,2 чел.) [4].

Таким образом, можно говорить о каркасном эффекте транспортной сети в сельском расселении, который ярко проявляется в линейной концентрации сельского населения в ближайших от автодорог полосах, а также в формировании повышенной плотности населения вокруг железнодорожных остановок [4]. Причем каркасную роль выполняют дороги с твердым покрытием областного и районного значения и железнодорожные станции. Именно они выполняют коммуникативную функцию, обеспечивая связь сельских населенных пунктов с районными центрами. Территории за пределами транспортного каркаса за период 1970–2007 гг. потеряли значительную часть и так не многочисленного сельского населения.

В заключении подчеркнем главное: каркасный подход в географических исследованиях сельского расселения позволяет учесть все СНП изучаемого рай-

она, выявить и оценить лучшие и сложные транспортно-географические условия их размещения и развития (в том числе демографическое развитие и риски потерь).

Литература

1. *Бугроменко В. Н.* Транспорт в территориальных системах. – М.: Наука, 1987.
2. *Гольц Г. А.* Транспорт и население. – М.: Наука, 1981.
3. *Ланно Г. М.* Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Известия АН СССР. Сер. географ. 1983. №5. С. 16–28.
4. *Яковлева С. И.* Транспортный каркас сельского расселения Тверской области // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. «География и геоэкология». 2008. №22. С. 51–70.

Махновский Д. Е.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ БАЗА ТЕОРИЙ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Во второй половине XX в. осознание конечности доступного для человека пространства обитания, ресурсного потенциала при современных и перспективных технологиях заставило активизировать исследования на высоких уровнях таксономической иерархии геосистем, а также по межсферным взаимодействиям.

Мощный импульс к развитию получил междисциплинарный комплекс исследований глобальных проблем, процессов и явлений – глобалистика. Однако подойти к более или менее широко признанной формулировке основных законов, закономерностей, теорий мирового развития удастся далеко не всегда.

Недостаток у большинства стран мира материально-технических, финансовых, и, зачастую, информационных ресурсов (в том числе теоретического обоснования) для принятия эффективных решений, объективно препятствует их включению в международное сотрудничество. Необходимо дозированное, точечное и в то же время комплексное воздействие на природно-общественные процессы, требующее, углубленной и всесторонней географической подготовки принимаемых решений.

Идиографический (в значительной степени) характер географической науки обусловлен исключительной сложностью, разнокачественностью исследуемых ею процессов и явлений, длительным историческим периодом развития. Преобладание сравнительно-описательного метода исследований, накопление и обработка огромного эмпирического материала предопределила общий ход исследований «снизу вверх», от частного к общему. Отмечается (А. Г. Исаченко, В. С. Преображенский и др.), что история (ход) географического познания включает три больших этапа: 1) эмпирически-описательный, 2) эмпирически-аналитический и 3) системно-теоретический. Далеко не все идеи доводятся до этапа системного (комплексного) анализа и оформления теоретического знания.

В особенности это касается изучения процессов и явлений глобального уровня, которое, зачастую, не доводится до теоретического обобщения.

Это не позволяет в должной мере реализовать важнейший принцип комплексного, системного исследования – глобальности, предполагающий иерархическую подчиненность основных процессов, тенденций развития на региональных и локальном уровнях мировым процессам и тенденциям. Сходные, в целом, трудности могут быть отмечены и в экономических науках, где множество частных, локальных по пространственному и смысловому содержанию работ не завершается выходом на уровень теоретических и/или глобальных обобщений. Их результаты могут трактоваться по-разному. Они не создают целостной, непротиворечивой картины мирового развития.

Чрезвычайно популярные в настоящее время исследования процессов экономической глобализации ведутся в условиях теоретической неопределенности: являются ли характерные для современного этапа развития явления и процессы достаточно мощными, продолжительными, «эпохообразующими» или это вариации еще не завершенного преимущественно экстенсивного периода истории человечества, в более узком смысле – капиталистического развития. Возможно, экономическая глобализация есть новый этап хозяйственного, политического переустройства мира в соответствии с изменившейся за полстолетия глобальной расстановкой сил. Несомненно, что суждения об экономической глобализации носят субъективный характер, поскольку выносятся в период резкой интенсификации информационного обмена, бурного развития коммуникаций, создающих не только новое качество бытия, но и иллюзию «новизны».

Уровень взаимодействия экономических и географических наук в исследовании процессов глобализации недостаточен, но имеет хорошие перспективы. Эффективное системное взаимодействие исследований здесь основано на взаимодополнении друг друга. Успешное понимание экономических процессов невозможно без учета всего набора действующих факторов, в ряду которых географические факторы являются важнейшими и даже определяющими. Таким образом, экономические теории, концепции более высокого с позиций структурно-функционального и территориального охвата уровня не могут не включать в себя элементы географического знания.

Напрямую множественные взаимосвязи, общность методологических подходов, методик, объектов исследования объединяют между собой крупные отраслевые комплексы наук – социально-экономическую географию и региональную экономику. Подобная кооперация, казалось бы, сама по себе закладывает хорошую базу «географизации» экономики и «экономизации» географии. Однако различия в трактовках предмета и объекта исследований остаются значительными. Региональная экономика «...изучает совокупность экономических и социальных явлений, обуславливающих формирование и развитие производительных сил и социальных процессов в ... регионе» (Н. Н. Некрасов, 1978).

Социально-экономическая география, согласно Э. Б. Алаеву (1983), изучает закономерности размещения общественного производства и расселения людей – территориальную организацию общества. В этих определениях важна расстановка акцентов. В первом случае территориальный объект изучения не акцентирован, сдвинут на «периферию» определения. Во втором территориальный характер исследования, его объекта упомянут, по существу, дважды. Самому объекту изучения придаются широкие очертания, оставляющие значительное поле для теоретического творчества, а также для практики.

Некоторая ограниченность определения региональной экономики заключается в том, что, признавая многозначность понятия «регион», экономисты нередко тут же уточняют, что имеются в виду: 1) регионы одной страны и 2) эти регионы ассоциируются с крупными элементами политико-административного устройства. Таким образом, уже на этапе формулировки предмета науки складывается прикладной характер исследований, тесно привязанный к обеспечению текущих (и зачастую субъективно формулируемых) нужд управленческого аппарата страны и региона. Остаются слабо затронутыми исследованиями макрорегиональный (здесь инициативу перехватывают такие отрасли как «Мировая экономика», «Международные экономические отношения»), микрорегиональный и локальный территориальные уровни. Социально-экономическая география подобных ограничений не имеет.

Для географических наук свойственно более уверенное оперирование диалектически взаимосвязанными методами анализа и синтеза. Многообразие исследуемых процессов и явлений, исследовательских методов и алгоритмов создают необходимую в междисциплинарном научном обмене базу выбора. Характерная для географических исследований взаимосвязь анализа и синтеза пронизывает все доступные уровни. Для экономической географии это диапазон от мирового хозяйства до отдельных предприятий (и даже элементарных производственных процессов).

Региональная экономика также стремится максимально расширить «таксономический диапазон» сферы своего уверенного влияния. Однако вступает в этом случае в довольно жесткие конкурентные отношения с макро- и микроэкономикой. Последняя достаточно уверенно себя чувствует на «поле» региональной науки, исследуя, например, отраслевые рынки мезорегионального уровня.

Предпочтительные позиции по сравнению с социально-экономической географией региональная экономика имеет в разработке и применении различных методов расчета экономической эффективности регионального развития производительных сил, использовании экономико-математических методов и моделей, в особенности оптимизационных. Вместе с тем особый акцент на анализ и учет сугубо экономических факторов серьезно обедняет, а иногда и обесценивает результаты работ. Для расширения круга учитываемых факторов региональная экономика кооперируется с демографией, экологией, социо-

логией и другими науками, уже давно имеющими тесные связи с географией. Таким образом достигается более полноценное исследование субстантивного («вертикального») содержания территориальных (региональных) систем.

Теоретические представления региональной науки прошли длительный путь эволюции и на каждом этапе развития воплотили в себе и очевидные достижения, и недостатки. Ранние работы XIX в. И. Тюнена, В. Лаунгардта крайне упрощенно, с микроэкономических позиций рассматривают территорию. Более поздние теории А. Вебера, А. Леша, В. Кристаллера хотя и используют более широкий набор факторов, а также макроэкономические подходы, не создают надежной теоретической базы. Многие концепции «страдают» хорологизмом и геометризмом (это имеет место и в географии). Гораздо более адекватными сложности и разнокачественности изучаемых явлений и процессов являются теории, разрабатываемые на основе системного подхода. И в этом решающую поддержку региональной экономике должна оказать география, имеющая богатый опыт системных исследований в различных отраслях.

Новиков А. Н.

ПРОЯВЛЕНИЕ ТРИЕДИНСТВА В ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В настоящее время наблюдается активный процесс культурно-религиозной самоидентификации у населения. Перед географической наукой встает противоречивая задача удовлетворить социальный заказ общества, обеспечив тезаурус, при этом сделать это в жестких рамках светского образования. Логика триединства академика Б. В. Раушенбаха может стать мощным методологическим инструментарием в географических исследованиях, помочь избежать противоречия между светским географическим образованием и религиозной культурой христиан.

Целью данной работы является рассмотрение проявлений логики триединства в географической науке.

Динамика развития географической науки подчиняется логике триединства. Первоначально география зародилась как описательная наука (страноведение). Позже накопленный опыт позволил сделать первые обобщения, дав начало теоретической географии – это второе направление или второй этап в развитии науки. Наконец третье – практическое направление, которое известно как конструктивная география.

Официальное оформление, если можно так выразиться, каждого направление связано с деятельностью конкретных ученых, которые употребили эти названия и систематизировали ранее накопленный географический опыт. Географическое страноведение в нашей стране связывают с именем Н. Н. Баранского [2], который сформулировал его принципы и определил место среди других наук. Районная школа Н. Н. Баранского развивается на принципах страноведения. Теоретическая географии была выделена В. Бунге [3], который обоб-

шил известные ему экономико-географические теории. Что касается конструктивной географии – это академик И. П. Герасимов [4].

Постараемся с позиций шести принципов, предложенных академиком Б. В. Раушенбахом [5], рассмотреть триединство географической науки.

Первый принцип – триединство, то есть единый Бог и Троица одно и то же.

Второй – **единосущность**, сводится к тому, что каждое Лицо является Богом.

Третий – **нераздельность**: ипостаси всегда выступают вместе и совершенно исключено, чтобы какое-то Лицо действовало отдельно от других.

Четвертый – **соприсносущность**: Отец, Сын и Святой Дух существуют совместно и всегда, т. е. обладают свойством соприсносущности.

Пятый принцип – **специфичность**: несмотря на единосущность, три Лица не сводимы друг к другу. Каждое лицо обладает своей спецификой (выполняет свою «работу», не свойственную другим Лицам). **Взаимодействие-шестой принцип**. Первые пять свойств обладают качеством определенности и «статичности», они четко говорят о состоянии, в то время как последнее отражает факт существования некоторого «процесса».

Шестое свойство нельзя назвать чисто логическим и потому, что оно отражает жизнь Бога в Себе.

Первый принцип можно сформулировать так: географическая наука – это троица, состоящая из описательной (страноведческой), теоретической и конструктивной географий.

Второй принцип не оспорим. Описательная (страноведение), теоретическая и конструктивная географии являются сформировавшимися самостоятельными науками.

Неразделенность трех географий очевидна, так как невозможно найти географическое исследование, которое не сочетало бы в себе три эти элемента. Однако, не всегда эти три направления в равной мере представлены в работах, это и позволяет определять принадлежность их к одной из трех ветвей.

Принцип соприсносущности заключается в том, что все три географии существуют одновременно всегда во всех работах. Так, с появлением теоретической географии не исчезла описательная (страноведческая) география. Конструктивная география появилась позже и не подменила собой две первые.

Пятый принцип – специфичность – проявляется в специфических функциях каждой географии. Современное описательное направление имеет функцию географической инвентаризации, которая выражается в географических энциклопедиях, учебниках и очерках путешественников. Иными словами, ее главная функция – географический мониторинг, сбор первичной информации. Теоретическая география занимается обработкой информации для создания теорий. Конструктивная география занимается географической экспертизой и

конструктивно-информационным обеспечением региональной политики, поэтому её главными продуктами являются программы регионального развития и географический прогноз.

Принцип взаимодействия между тремя направлениями географии определен. Описательная география снабжает информацией теоретическую и конструктивную географии. Конструктивная анализирует информацию с позиций существующих теорий. Теоретическая география производит концепции, при этом опирается не только на получаемую от описательной географии информацию, но и на практику конструктивной.

Возможен и другой взгляд на триединство географической науки, основанный на триединстве её объекта. Триада «природа – население – хозяйство» составляющая объект исследования географии, породила три классических её направления: физическую, социальную и экономическую географии.

Хозяйство – это результат взаимодействия природы и социума. Поэтому в географии говорят о социальной географии в узком смысле, подразумевая географию населения, и в широком, включая в нее экономическую часть.

Первоначально отечественная экономическая география, изучала хозяйство, а население рассматривалось как трудовой ресурс, наряду с природными ресурсами, как факторы развития хозяйства. Оформление населения в самостоятельный объект географических исследований позволило выделить социальную географию как отдельную ветвь экономической географии. Отечественная политическая география – самая молодая ветвь, выделившаяся из социально-экономической географии.

Сегодня триединство закреплено в официальном названии науки: экономическая, социальная и политическая география (код специальности – 25.00.24). Существует мнение среди географов, что название науки стало слишком длинным и можно его выразить более лаконично: «общественная география» или «гуманитарная география».

Опираясь на тезис о существовании общественной географии возможно рассмотрение триединства естественной, общественной и экологической географии (геоэкологии). Геоэкология является пограничной наукой между естественной и общественной географией. Экологическая география или геоэкология может иметь как естественный, так и общественный характер.

Триединство проявляется не только в структуре географической науки, но и в культуре географического исследования и мышления. По Э. Б. Алаеву [1, с. 109] культура имеет «триединую» трактовку: территориальность, комплексность, конкретность.

Географическая карта, выражающая результаты географических исследований, так же имеет триединую сущность, то есть сочетание точечных, линейных и площадных тем.

Географические исследования разворачиваются в триединой (трехуровневой) системе: макро-, мезо- и микроуровней. Эти уровни ещё называют планетарным, региональным и локальным.

Логика триединства проникла в географическую науку до формулировки академиком Раушенбахом её принципов. Как Б. В. Раушенбах удивлялся интуитивному правильному выбору Отцов Церкви в трактовке Бога, так и нам остается удивляться логическому мышлению Отцов географической науки, которые интуитивно применили в своих исследованиях логику триединства. Необходимо отметить, что не все они были религиозными людьми, именно это доказывает универсальность логики триединства как методологического инструментария.

Литература

1. *Алаев Э. Б.* Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983.
2. *Баранский Н. Н.* Избранные труды: становление советской экономической географии. – М.: Мысль, 1980.
3. *Бунге В.* Теоретическая география. – М.: Прогресс, 1967.
4. Основы конструктивной географии / *Герасимов И. П., Преображенский В. С. и др.* – М.: Просвещение, 1986.
5. *Раушенбах Б. В.* О логике триединности // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 166–169.

Пашинская Н. Н.

ГЕОГРАФИЯ ТРАНСПОРТА: СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

На всех этапах становления мировой цивилизации транспорт играл важную роль в социально-экономическом развитии общества, и его изучению уделялось значительное внимание. В середине XIX в. сформировалось отдельное направление экономико-географических исследований – география транспорта, который изучает закономерности развития и функционирования транспортно-географических явлений и процессов, определяет особенности размещения транспорта в зависимости от природных, исторических и экономических условий. Объектами географии транспорта являются территориальные и региональные транспортные системы, транспортные потоки, распространение отдельных видов транспорта, влияние транспортных процессов на развитие территориальных элементов хозяйства и расселения.

Современная география транспорта изучает транспорт в трех аспектах: транспортные явления, которые включают изучение транспортных сетей, терминалов, перемещения грузов, услуг и людей; транспорт как фактор изменений в других географических структурах; обеспеченность транспортными ус-

лугами [1]. Все более распространенными являются исследования транспортных сетей как целостных системных формирований, которые имеют свои закономерности развития и являются важной инфраструктурной основой для становления хозяйственных комплексов разных типов и масштабов. Транспортному фактору отводится важное место в теории размещения, региональной экономике, международной экономике и теории внешней торговли.

В социально-экономической географии транспорт рассматривается как коммуникационная инфраструктурная отрасль производства и сферы обслуживания, которая обеспечивает потребности хозяйства и населения во всех видах перевозок. Уровень транспортной обеспеченности, техническое состояние транспортной инфраструктуры существенно влияют на расходы по перевозке грузов и пассажиров, их скорость, качество и цену перевезенной продукции, мобильность, транспортную доступность населенных пунктов, экологическое состояние окружающей среды и, соответственно, на темпы социально-экономического развития регионов. К основным территориальным функциям транспорта относятся пространственное интегрирование, территориальное связывание (коммуникационная функция), транзит, преодоление пространства, транспортное обслуживание территории и населения [3].

На современном этапе своего развития мировая транспортная система находится в процессе глубоких фундаментальных трансформаций. Транспортный фактор, который был одним из основных при размещении производства, в настоящее время меняет свое значение. НТП на транспорте, новые технологии перевозок способствуют сокращению доли транспортных расходов, потому этот фактор потерял свою монопольную значимость. В современных условиях расстояние уже не является определяющим фактором даже для массовых перевозок, но с другой стороны растут требования к транспорту. Изменилась структура перевозимых грузов. Если раньше преобладали массовые грузы (действовал принцип «экономии на масштабе»), то сейчас в стоимостном выражении лидирует дорогая высокотехнологичная продукция, перевозятся небольшие партии товаров, иногда штучные. Этим и объясняется снижение доли транспортных расходов в стоимости товаров, которые в абсолютном значении выросли [4].

С углублением глобализации мировой экономики появились новые требования к скорости и качеству транспортировки грузов между странами, регионами и континентами. Активно развиваются новые технологии перевозок, размываются границы между отдельными видами транспорта, каждый из которых раньше использовался в своей сфере и имел четкую специализацию. Происходит их интеграция в единые логистические цепи, ориентированные на минимизацию расходов и реализацию принципа «точно в срок». На транспорте интеграционные процессы отражаются в совершенствовании логистических технологий, увеличении контейнеризации перевозок, бурном развитии интермодальных перевозок. Взаимодействуя разные виды транспорта, термаль-

ные, складские комплексы дополняют друг друга, работая на конечный результат – сокращение сроков доставки грузов и уменьшения транспортной составляющей в стоимости товара. В настоящее время для перевозки одного груза активно используются два или больше видов транспорта и таким образом происходит развитие всемирной интермодальной (межотраслевой) системы, которая использует комбинированные перевозки. Эти изменения в функционировании транспортных систем определяют новые направления их исследований, в частности транспортную логистику.

Важной тенденцией развития современного транспорта является концентрация транспортных потоков, активное формирование полимагистралей и транспортных коридоров. Транспортная инфраструктура адаптируется к новым требованиям клиентуры, среди которых на первый план выходит фактор качества транспортного обслуживания, тогда как расходы отходят на второй план. Растет значение таких показателей как точность, надежность, комфортность, безопасность, доступ к информационной системе на любом отрезке транспортной сети, гибкость, оптимизация времени доставки, частота отправлений.

Процессы глобализации, изменения в структуре хозяйства оказали значительное влияние на транспортную систему, которая становится все более интегрированной и комплексной, трансформируется в сложную товаропроводящую логистическую систему. Происходит переход от многовидовой транспортной системы к единым логистическим цепям и формирование сетевых структур [2].

Под воздействием этих процессов изменяются основные аспекты исследования транспорта. Экономическая география традиционно рассматривала транспорт по его основным отраслям (железнодорожный, автомобильный и другие). Такой подход в известной мере сохраняется и в настоящее время. Но на мировом рынке транспортных услуг утверждается так называемый функциональный подход к организации работы транспорта. Транспортные фирмы при этом объединяют и эффективно комбинируют разные виды транспорта в единые технологические цепи для целевых перевозок, и на смену отраслевому управлению транспортом приходит функциональный, который широко применяют в логистике.

В условиях рыночных отношений, усиления конкурентоспособности продукции транспортный сектор становится важным фактором повышения экономической активности, эффективности производственной деятельности и качества обслуживания населения. Формируется рынок транспортных услуг, который включает совокупность разнообразных транспортных коммуникаций, предприятий, которые реализуют транспортные услуги на определенной территории согласно с технико-технологическими и экономическими возможностями, спросом потребителей.

Таким образом, новейшие тенденции в развитии транспортной системы нуждаются в детальном исследовании и определении приоритетных на-

правления ее функционирования в современных условиях. Все это определяет необходимость комплексного анализа территориальных отличий развития транспортной системы в современных условиях, выявление региональных особенностей проявления этих процессов. Весомым является рассмотрение отдельных факторов, которые определяют структурные изменения в транспортном секторе и его основных составляющих, особенности этого влияния.

Литература

1. Бугроменко В. Н. Транспорт в территориальных системах. – М.: Наука, 1987.
2. География социально-экономического развития. Под ред. А. И. Алексеева, Н. С. Мироненко. – М.: ИД «Городец», 2004.
3. Тархов С. А., Семина И. А. География транспорта как отраслевая географическая наука // Актуальные проблемы географии и геоэкологии. Электронное научное издание. 2009. № 1 (5). – www.geoecko.mrsu.ru.
4. World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography. – Washington, DC: The World Bank, 2008.

Плякин А. В.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК «ПРОСТРАНСТВО СОПРЯЖЕНИЯ» СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Современное хозяйство являет собою сложноорганизованную реальность, развивающуюся в реальном географическом пространстве и в абстрактном пространстве экономических взаимодействий. Фундаментальное отличие двух пространств, но в особенности характер их взаимного сопряжения, прямо или косвенно привлекает внимание не только экономико-географов, но и экономистов, начиная с основателя классической политэкономии А. Смита, который первым в плеяде классиков экономической науки уделил достойное внимание пространственным аспектам общественного разделения труда. В связи с этим повышенный интерес экономистов к проблемам пространственно-временного бытия хозяйственных и экономических систем представляется вполне объяснимым. Экономико-философские основания для продвижения в этом направлении с неизбежностью подводят к рассмотрению проблем развития экономического пространства, формирования его структуры и учету выявленных пространственно-экономических закономерностей в практике хозяйственного управления.

Ключевой проблемой пространственно-экономических исследований является оценка влияния существующих экономических отношений на пространственную организацию хозяйственной деятельности. В самом деле, где, когда и на каком этапе движения хозяйственной системы виртуальное пространство экономических отношений преобразуется в жестко упорядоченную дискретную структуру материально-энергетических технологических цепочек, транс-

формирующих вещество природы в продукт общественного потребления? Является ли экономическое пространство пространством взаимодействия столь несовместимых на первый взгляд процессов и явлений природного и социального происхождения?

Теоретические представления о пространственной организации хозяйства и о влиянии на неё экономической деятельности нашли свое отражение в экономической теории использования пространства (пространственной экономике) и классической теории размещения хозяйства, которые формировались одновременно с развитием экономической теории. В соответствии с этими теориями, экономическое пространство является «аналитической абстракцией», граница и положение которой являются следствием принятия решений в условиях рыночного равновесия. Сегодня пространственная экономика продолжает развиваться, как и прежде, в стороне от магистральных направлений современной экономической теории и сконцентрирована на идее анализа рыночного потенциала с помощью современных математических методов. При этом особенности размещения современных хозяйственных и социальных систем в *абстрактном экономическом пространстве* составляет предмет исследования пространственной экономики, а закономерности размещения тех же самых систем в *реальном географическом пространстве* – предмет исследования социально-экономической географии.

Общим, сопряжённым объектом исследования социально-экономической географии и пространственной экономики является *реальное экономическое пространство* как форма движения разно-уровневых хозяйственных систем, проявляющая себя сквозь призму сложно структурированных взаимодействий природного, хозяйственного (природно-хозяйственного) и социального происхождения. Если углубляться дальше, то можно утверждать, что в состояниях экономического пространства проявляет себя *экономическая сила* как форма существования хозяйства и как источник его движения, поскольку в движении хозяйства проявляет своё бытие экономическая сила. Хозяйственная система как совокупность природно-хозяйственных систем интегрируется, трансформируется и развивается, благодаря силовым воздействиям социально-экономического происхождения, определяющим масштаб перспективного пространственного развития современного общества и хозяйства. В связи с этим природно-хозяйственное пространство, в виде технологически увязанной совокупности доступных природных, производственных и трудовых ресурсов, непрерывно и последовательно трансформируемое социально-экономическими отношениями, может быть названо *реальным экономическим пространством*. Объектом пространственной экономики, таким образом, предлагается считать непрерывно и последовательно происходящие трансформации территориальных условий хозяйства в ресурсы, затем в факторы и продукты производства, которые... позволяют привлечь новые ресурсы, сформировать факторы и продукты следующих поколений. Но не явля-

ются ли эти трансформации и их определяющие силовые воздействия объектом исследования и современной социально-экономической географии?

Семина И. А.

НАЦИОНАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕПРЕССИВНОСТИ

При изучении проблем региональной депрессивности следует обратиться к зарубежному опыту в данной области исследований. Характеристика «депрессивности» применительно к району, региону, территории, городу впервые получила хождение в период мирового экономического кризиса в 20-е – 30-е годы XX столетия. «Депрессия» – «спад», «подавление» (лат. – *depressio*), то есть ухудшение состояния после периода подъема или нормального функционирования [4].

Термин «депрессивные регионы» появился в Великобритании в период кризиса 1929 г. К разряду таких территорий были отнесены: Уэльс, Шотландия, Северо-Восток и Северная Ирландия. Большинство из них являются старыми промышленными центрами, выросшими на добыче каменного угля, в них давно сложилась узкая специализация в обрабатывающей промышленности на черной металлургии и судостроении.

Депрессия в этих районах имела структурную природу, а точнее была связана со стадийной отсталостью промышленной структуры данных регионов и, как следствие, с трудностью замещения депрессивных отраслей (угледобыча, производство стали и текстиля) современными, быстрорастущими (электроника, химия и др.). Важнейшими индикаторами такого состояния экономики явились [2]:

- быстрый упадок преобладающих традиционных отраслей (быстрее, чем в национальном масштабе);
- низкий рейтинг предпринимательской способности;
- высокий уровень безработицы, возрастающий, в связи с высвобождением рабочих в традиционных для региона отраслях;
- повышенная миграция из региона.

В ФРГ, депрессия обострилась в районах угольных бассейнов Рура и Саара, железорудных месторождений в Герце и Зигерлянде. Черты региональной депрессии наиболее полно проявились в экономике Рура – крупного индустриального района.

Исследователи региональной структуры экономики США наибольшее внимание уделяют Аппалачскому региону, представляющему собой зону тотальной депрессии [5]. Среди причин и факторов, предопределивших небывалую по своим размерам и глубине депрессию, выделяют:

- географическую изолированность региона от центров экономического и культурного прогресса;

- устойчивость хозяйственного уклада и стойкую приверженность жителей к патриархально-семейным связям и традициям, что явилось тормозом в формировании предпосылок рыночных отношений;

- индустриальное развитие Аппалачей ориентировалось преимущественно на интенсивную ресурсную эксплуатацию региона и на последующий вывоз капитала за его пределы, что привело к гипертрофированному росту угольного производства и его дальнейшей долгосрочной отрицательной динамике в результате структурных сдвигов в экономике страны.

Совокупное действие указанных факторов нашло свое отражение в опережающих темпах спада производства, резком ухудшении качества окружающей среды, низких показателях социально-демографического развития.

Представляют интерес и точечные ареалы депрессии. Одним из них является американский г. Питсбург – центр Западной Пенсильвании (окраина Аппалачского региона). Исторически значение Питсбурга индустриального центра было обусловлено уникальным по размерам, обилию и качеству сочетанием полезных ископаемых. Во второй половине XIX в. в данном центре было сосредоточено около половины американского производства стали, треть производства стекла, но уже с 20-х годов XX в. город оказался в сложной социально-экономической ситуации. Узкая специализация на некогда процветавших, а ныне упавших отраслях тяжело сказалась на экономике, и г. Питсбург потерял почти 20% своего населения. Надежды на возрождение города связаны с коренной перестройкой его хозяйственной структуры – от металлургии к наукоемким отраслям, от промышленности к сфере услуг.

Исследователи территориальной структуры Франции отмечали существование трех основных проблем, определяющих специфику регионального развития страны: противоречия между гипертрофированной столицей и подавляемой ею провинцией, наличие обширных слаборазвитых сельскохозяйственных районов, образование депрессивных регионов, нуждающихся в структурной модернизации [2, 6]. Во Франции к депрессивным промышленным районам относят ряд районов довольно старых угольных месторождений в бассейне р. Луары, в горах Севены, Аквитании, Оверне. Быстрый научно-технический прогресс и изменения экономической структуры усилили региональные диспропорции в стране. Еще недавно передовые индустриальные районы – Северный промышленный район и Лотарингия внезапно оказались в числе наиболее кризисных, несомненно, требующих поддержки государства. Под влиянием структурных сдвигов экономика этих районов, базирующаяся на традиционных отраслях, оказалась неподготовленной к изменившемуся характеру спроса на рынке и к переходу на производство современных товаров потребления. Общей проблемой депрессивных регионов Франции, была нехватка местной рабочей силы в отличие от Великобритании, для депрессивных регионов которой характерна безработица.

Для каждой страны характерна национально-историческая специфика проблемы региональной депрессивности. Однако при всем многообразии моделей этого явления можно установить ряд объективных причин и факторов формирования депрессивных территорий. Обобщая изложенные факты, можно сказать, что одна из основных причин региональной депрессии заключается в выбранной схеме хозяйственного развития конкретной территории. Для всех рассмотренных регионов характерна однобокая зависимость промышленности от одной – двух отраслей (угольная, металлургическая, текстильная), основу развития которых составили богатые запасы природных ресурсов.

Депрессивные регионы схожи между собой не только относительной узостью структуры промышленности, но и слабой адаптацией к альтернативным видам деятельности, малой диверсифицированностью производства, устаревшим характером социальной и промышленной инфраструктуры, дисбалансом в развитии различных секторов экономики, а также высокой концентрацией производства. Несмотря на внешний динамизм, обусловленный бурным ростом лидирующих отраслей, такая экономическая система становится особо уязвимой в части зависимости от изменений рыночной конъюнктуры. Нарушение воспроизводственных циклов традиционных отраслей вызывает цепную реакцию кризисных явлений во всех взаимосвязях территориального комплекса. Старые отрасли из стимулятора развития региона скоро превращаются в его тормоз. Происходит своеобразный «моральный износ», устаревание отраслевой структуры, производственного аппарата, социальной инфраструктуры. Наряду с катастрофическим падением производства к основным социально-экономическим признакам – последствиям развития депрессивных процессов относится хроническая безработица, связанная с этим миграция населения[2]. Следствием развития депрессивных ситуаций становится также снижение доходов населения, негативные тенденции в сфере демографии, экологии, социальных услуг. Обращение к проблемам депрессивных регионов вызывает необходимость обозначения таксономического уровня использования этого понятия. Депрессивными могут считаться [1, 3]:

- территории, объединяющие несколько субъектов федерации (Аппалачский регион, Новая Англия в США);
- собственно региональные образования (Шотландия, Уэльс в Великобритании);
- административно-территориальные звенья, городские агломерации (Пур в ФРГ, Питсбург в США).

Понятие «депрессивный регион» нельзя отнести к числу классических определений экономической теории и географии. Среди российских ученых нет единства мнений по вопросу определения данного понятия. Более того, ряд ученых отрицают саму целесообразность использования этого термина. Такая позиция объясняется, во-первых, «сложностью» и «противоречивостью» дан-

ной категории; во-вторых, возможностью возникновения «неразрешимых проблем» при использовании этого понятия в бюджетной практике [7]. Принципиальным отличием депрессивных регионов является то, что при более низких в настоящее время, чем в среднем по стране социально-экономических показателей, в прошлом это были регионы, укреплявшие национальную экономику. Утрата ведущих позиций, структурный кризис экономики и связанные с этим трудности во многом определяют депрессивное состояние территории.

Литература

1. *Артоблевский С. С.* Региональная политика в развитых странах Европы: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. – М., 1992.
2. *Григорьева Л. О.* Организационно-экономический механизм развития депрессивных территорий: Дис. ... канд. экон. наук. – Иркутск, 2003.
3. *Ларина Н. И., Кисельников А. А.* Региональная политика в странах рыночной экономики: Учеб. пособие. – М.: Экономика, 1998.
4. *Лексин В. Н., Швецов А. Н.* Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. – М.: УРСС, 1999.
5. *Павлов Ю. М.* Региональная политика капиталистических государств. – М.: Наука, 1990.
6. *Павлова М. А.* Региональная политика Франции. – М.: Наука, 1974.
7. *Хурсевич С. Н.* Департамент экономики федеративных отношений. Материалы к парламентским слушаниям «О депрессивных территориях Российской Федерации. Пути выхода из кризиса». – М.: ИНСАН, 1999.

Сухинин С. А.

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ КАК ФАКТОР ГУМАНИЗАЦИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Особенностью развития современной науки стал процесс интеграции знаний различных предметов и дисциплин, который заключается в разрушении барьеров между отдельными сферами и отраслями научного знания, углублении их взаимодействия, взаимопроникновении [1, с. 17]. Этот процесс объясняется близостью предмета исследования отдельных наук, родственностью их исторического развития и необходимостью комплексного рассмотрения ряда междисциплинарных проблем, которые остро стоят перед всей системой наук в целом. Он особенно важен, исходя из тенденции гуманизации образования, под которой понимают внедрение методик, направленных на приоритетное развитие общекультурных ценностей. Главная цель, которая при этом преследуется – формирование всесторонне образованной и инициативной личности, до сознания которой доведена система взглядов, идейно-нравственных, культурных и этических принципов, норм поведения.

Гуманизация направлена на изучение целостной картины мира, в первую очередь мира культуры и мира человека, поэтому при реализации данного принципа невозможно обойтись без основ наук, изучающих страны современного мира. К таким наукам относится и география, которой принадлежит важная роль в гуманизации науки и процесса образования, исходя из ее интеграционных возможностей с другими гуманитарными предметами [1].

Интеграция социально-экономической географии с другими науками обусловлена широтой предмета ее исследования, и в тоже время целостностью и единством ее знаний. Изучая территориальные аспекты социально-экономических объектов и явлений, география прослеживает их формирование, характеризует их структуру и особенности происхождения, выявляет перспективные направления развития, определяет пути их преобразования. Решение задач, стоящих перед современной географической наукой, вызывает необходимость активного синтеза ее знаний со смежными дисциплинами и приводит к объединительным процессам с ними. При этом, как отмечает академик В. П. Максакровский, можно выделить различную степень интеграции географии с другими науками [1, с. 17–18].

Применительно к социально-экономической географии, на наш взгляд, они проявляются в следующем. Сопряжение осуществляется, к примеру, с экологией, поскольку обе науки исследуют аспекты взаимодействия общества и природы. Переплетение объектов исследования характерно для географии и экономики, так как объектами их рассмотрения являются как отдельные предприятия и отрасли, так и весь хозяйственный комплекс страны в целом. Методологическое заимствование наиболее ярко выражается у географии с математикой, что проявляется в использовании математических и статистических методов в географических исследованиях. Появление в системе географических наук новых самостоятельных направлений исследования, таких как политическая география и геополитика, демогеография, этногеография является результатом наиболее полной ее интеграции со смежными научными общественными дисциплинами – этнографией, демографией, социологией, политологией и другими.

Интеграционный потенциал современной социально-экономической географии основывается на ее обширных и глубоких межпредметных связях с другими учебными предметами и научными дисциплинами. Их задача состоит в более полном и доступном объяснении сущности и особенностей размещения и развития объектов и явлений природы и общества, что непосредственно проявляется в глубоком понимании происходящих процессов. Раскрывая теоретические и практические вопросы развития территориальной организации общества и проблемы ее управления, социально-экономическая география использует для этого основы других наук, а те, в свою очередь, опираясь на знания географии, подтверждают свои положения географическими примерами. Различия в формах взаимного использования знаний наук позволяют

выделить три вида межпредметных связей социально-экономической географии с дисциплинами естественно-научного и гуманитарного блока – опорные, сопутствующие и перспективные.

Современная социально-экономическая география как наука об окружающей среде, населении и его хозяйстве отличается сложностью и многообразием объектов исследований, что делает ее многоотраслевой наукой. В этом плане она имеет большие преимущества перед другими отраслями знаний, так как освещает особенности территориальных различий природы и общества. Приоритеты развития географической науки и географического образования, выраженные в социологизации, гуманизации ее знаний и усилении комплексного цивилизационного подхода, актуализирует ее роль в поликультурном образовании учащихся и студентов, формировании основ гуманизма.

Еще К. Д. Ушинский подчеркивал, что «география – это наука о жизни человека на Земле». Усиление гуманитарной направленности географии создаст предпосылки для рассмотрения населения стран и регионов не как простой совокупности людей, проживающих на определенной территории, а как особого калейдоскопа народов. При этом задачей географии является необходимость раскрыть многие стороны культуры отдельных народов, особенностей их быта, религиозные установки, отношение к природе. В итоге в современной географии на стыке с культурологией выдвинулось особое научное направление – география культуры, которое, по определению В. П. Максакковского, изучает территориальную дифференциацию культуры и отдельных ее компонентов – образа жизни и традиций населения, элементов материальной и духовной культуры [1].

Применительно к социально-экономической географии развитие культурологического подхода как необходимого условия гуманизации преследует, по нашему мнению, следующие научные и образовательные цели:

- 1) создание целостного представления о Земле как планете людей, отличающихся своеобразием и неповторимостью культуры;
- 2) ознакомление со странами и районами, вкладом различных народов в развитие мировой цивилизации;
- 3) получение сведений о самых распространенных языках, религиях, о влиянии природных условий на быт и традиции народов мира.

Одновременно с образовательными целями, перед социально-экономической географией стоят и социальные, воспитательные задачи, связанные с изучением культуры. К таковым можно отнести: формирование уважительно-оценочного отношения к народам Земли, к различным компонентам их культуры и сторонам жизни; развитие патриотических качеств личности, формирование любви к родному краю, к своему народу; формирование бережного отношения к памятникам культуры.

Структура культурологических знаний, формируемых социально-экономической географией, сложна и многогранна. К элементам материальной

культуры, изучаемым ею, относят постройки и жилища, традиционную одежду и обувь, предметы быта, транспорт, пищу, декоративно-прикладное искусство, народные ремесла. Как отмечает В. А. Щенев, предметы материальной культуры служат практическим целям, но они выполняют и другую важную функцию – средств хранения и передачи смыслов и значений, регулирующих поведение и общение людей [2]. Поэтому, мы считаем важным проследить их территориальные различия, определить процессы, под влиянием которых они сложились. Компонентами духовной культуры, рассматриваемыми при изучении социально-экономической географии отдельных стран, являются религия, язык, устное народное творчество, традиции и обычаи, народные праздники. Эти культурологические компоненты социально-экономгеографических знаний имеют междисциплинарный характер, поскольку объекты материальной и духовной культуры рассматриваются одновременно несколькими отраслями науки – историей, географией, литературой, музыкой, живописью. Отсюда вытекает необходимость реализации широких межпредметных связей между ними, способствующих культурному развитию общества и формированию толерантного отношения к носителям разнообразных культур и религий.

Достижение этой цели возможно только посредством понимания этногенеза отдельных народов, своеобразия их языка и религиозных верований, традиций и быта, взаимодействий между ними. Эти знания обеспечивают образовательный фундамент, на базе которого развиваются способность быть чувствительным к праву людей на этническое самовыражение, понять, принять и оценить их культурную самобытность, уважительно относиться к их культурному наследию. Осознание равноправия представителей всех этносов позволяет сгладить, а в идеале урегулировать различные межнациональные противоречия и проблемы, будет способствовать налаживанию конструктивного диалога этносов по широкому кругу вопросов жизнедеятельности.

Литература

1. *Максаковский В. П.* Географическая культура. – М.: Владос, 1998.
2. *Щенев В. А.* Культурологический принцип в изучении географии своей области // География в школе. 2000. № 4. С. 42–52.

Фесенко В. В.

«МАКРОРЕГИОН»: К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ

Пространственный аспект территориального управления характеризуется перераспределением экономических компетенций между его различными уровнями. Регионы приобрели статус реальных субъектов экономики, формирующих собственную социально-экономическую политику развития территории, что обусловило перенос центра тяжести практической реализации основных направлений реформ, особенно в социальной сфере, на региональный уровень. Именно мезоуровень хозяйства становится основным звеном проводи-

мых реформ. И от того, насколько успешно будут проходить процессы реформирования и развития экономики на уровне конкретной территории, зависят результаты социально-экономического роста страны в целом. В этой связи актуализируется интерес к пониманию как существующих, так и формирующихся хозяйственных систем в рамках их роли в региональном экономическом пространстве.

Известно, что глобализация изменяет роль и функции государства, как в мировом сообществе, так и внутри отдельной страны. Происходит диверсификация уровней управления, растёт значение как глобального уровня с разнообразными новыми центрами власти и влияния, так и более низких, локальных – регионального и муниципального. При этом в первом случае глобализация ведёт к резкому усложнению внешних по отношению к государству условий существования, в результате чего возникают мощные экзогенные связи и зависимости, интегрирующие отдельные элементы общества в глобальные процессы. Во втором – возникает вертикаль власти, включающая национальный, региональный и муниципальный уровни, в основу которой положен принцип субсидиарности (дополнительности), предусматривающий многоуровневую систему принятия решений. Каждая конкретная проблема, как отмечает К. Холодковский, относится к компетенции той власти, которая обеспечивает её оптимальное решение, что позволяет сочетать интеграцию с федерализацией [8, с. 62].

Стратегия национального развития предполагает выявление интересов хозяйствующих субъектов разных уровней. Действенная взаимосвязь между субъектами микро- и макроуровней устанавливается в том случае, как отмечают О. Иншаков и Н. Лебедева, если она будет опосредована укрупнёнными представителями экономических интересов, которые могут способствовать выявлению групповых предпочтений и способствовать решению задач межрегионального значения. Способы согласования разнообразнейших интересов субъектов различных уровней возможны при наличии промежуточного, соединяющего, амортизирующего и адаптирующего мезоуровня. Мезоуровень несёт в себе черты как вышестоящего, так и нижерасположающегося уровня, что позволяет преобразовывать цели макроэкономической политики в микроэкономические решения [4, с. 13–14].

Этим объясняется резкое возрастание роли органов управления простых (федеральных субъектных) и ассоциированных (федеральных окружных) региональных образований как агентов мезоуровня, обеспечивающих условия реальной взаимосвязи макрорешений экономической политики и микродействий отдельных экономических агентов [4, с. 16].

Созданные в 2000 г. в соответствии с Указами Президента России, федеральные округа являются формой укрепления вертикали государственной власти. Эти новые макрорегиональные образования представляют собой уникальную российскую надстройку, федеральный уровень управления. Федераль-

ные округа позволили усилить позиции федерального центра при сохранении тенденции развития федерализма и по сути своей, как отмечает О. Иншаков, становятся интегрированными единицами нового деления отечественного экономического пространства в отличие от экономических районов, природно-экономических зон или регионов в границах субъектов Российской Федерации. Эти макрорегионы, имеют свою макроэкономическую функцию, особое федеральное значение, предназначены для решения общенациональных задач при регулировании государством внешних и внутренних процессов социально-экономического развития, в частности, консолидации регионального, национального, макрорегионального и глобального экономического пространства [3, с. 4]. На них как на базовую территориально-организационную структуру опирается федеральный центр во взаимоотношениях с регионами [5, с. 54–55]. Макрорегионы вместе с регионами образуют мезоуровень национального экономического пространства.

Формирование представления о макрорегионе как субъекте экономического пространства, с одной стороны, определяется сущностью термина «регион», с другой – требует переосмысления этого исходного понятия. Анализ экономической литературы свидетельствует о том, что сегодня этот термин не имеет однозначного толкования. Так, О. Бияков отмечает существование четырёх сформировавшихся подходов к экономическому содержанию понятия «регион»: территориальный, экономический, социальный и пространственный [1, с. 45], что предполагает большое количество формулировок. Такое положение позволило академику А. Гранбергу отметить – с чем, безусловно, следует согласиться, что регион – понятие типологическое; регионы выделяются из территории в соответствии с определёнными целями и задачами. Регион – определяет А. Гранберг, – это определённая территория, отличающаяся от других территорий по ряду признаков и обладающая некоторой целостностью, взаимосвязанностью составляющих её элементов [2, с. 16]. Следует отметить, что данный контекст вполне применим и к макрорегиону.

О. Иншаков дополняет существующие подходы институциональным пониманием и отмечает, что макрорегион является нарождающейся (уже почти утвердившейся – курсив наш, *В. Ф.*) формой территориальной институции и организации особого социально-экономического пространства, образующегося в процессе взаимного переплетения и взаимного проникновения факторов, ресурсов и условий воспроизводства объединяемых в единую хозяйственную систему регионов [3, с. 8]. Основываясь на восприятии макрорегиона как территориальной институции, И. Митрофанова выделяет макрорегион окружного типа, который следует рассматривать как особую разновидность макрорегионов, возникшую в результате нового, конституционно закреплённого административно-территориального деления страны и структуры её субъектов, которая нуждается в эффективном механизме утверждения, способным обеспечить

высокую степень пространственно-временной согласованности и взаимосвязанности между системой управления и различными функциональными свойствами и измерениями актуальных сфер жизнедеятельности макрорегионального сообщества [6, с. 110].

Дальнейшая эволюция существующих представлений о макрорегионе должна быть сопряжена с разработкой самой концепции макрорегионов, на что прямо ориентировал научную общественность В. Путин в конце 2007 г. Благодаря этой концепции можно будет «определить наиболее эффективные пути развития регионов для обеспечения интересов проживающих там граждан», а также «при необходимости поправить и оптимизировать границы федеральных округов» [7]. Авторская позиция исходит при этом из необходимости реформирования мезоуровня национального экономического пространства. Речь идёт об укрупнении субъектов РФ в рамках обновления макрорегионов окружного типа. В этом случае действующая система экономического и административно-территориального деления и территориального управления приобретает вид шестизвенной системы, включающей три уровня и шесть звеньев. Это позволит создать необходимые предпосылки для реальной территориально-экономической интеграции, обеспечить укрепление единого экономического пространства страны.

Литература

1. *Бияков О. А.* Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004.
2. *Гранберг А. Г.* Основы региональной экономики: Учеб. для вузов. 2-е изд. – М.: ГУ ВШЭ, 2001.
3. *Иншаков О. В.* О стратегии развития Южного макрорегиона России: (Методологические и методические проблемы формирования). – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003.
4. *Иншаков О. В., Лебедева Н. Н.* Знакомая и неведомая мезоэкономика // Экономика развития региона: проблемы, поиски, перспективы: ежегодник. Гл. ред. О. В. Иншаков. Вып. 2. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. С. 13–27.
5. *Кистанов В. В.* Федеральные округа России: важный шаг в укреплении государства. – М.: Экономика, 2000.
6. *Митрофанова И. В.* Стратегическое программирование развития макрорегиона. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009.
7. Путин поделит Россию на макрорегионы – lenta.ru/news/2007/11/30/regions/
8. *Холодковский К. Г.* Кризис в России и мировые процессы // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 3. С. 62–71.

ПАРНЫЕ ПОНЯТИЯ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ

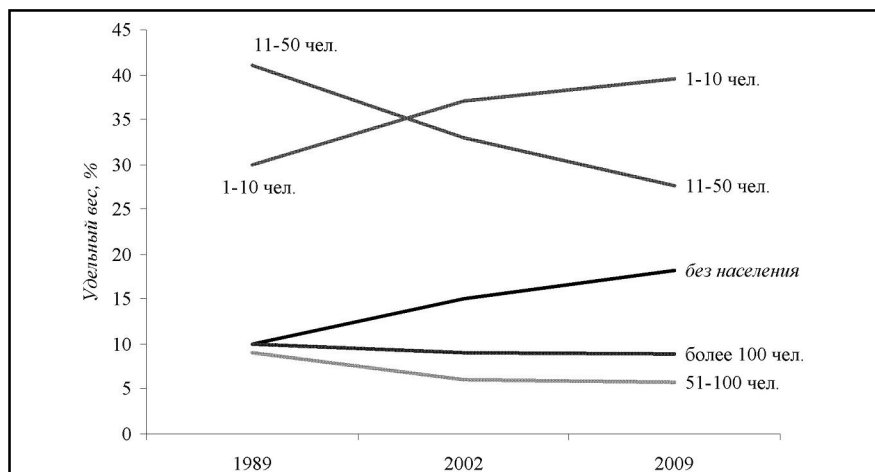
Речь пойдет о парах взаимосвязанных понятий, раскрывающих сущность одновременно происходящих процессов, последовательных стадий развития, альтернативных явлений и причинно-следственных явлений. На альтернативные пары понятий обратил внимание Э. Б. Алаев, определяя принцип автономности терминологической работы: «Понятия в науке рождаются, как правило, парами: всякому явлению должно соответствовать «антиявление», каждому процессу – процесс с обратной полярностью, и терминология должна отражать эту закономерность» [1, с. 273]. Примеров парных понятий в словаре [1] нет.

Приведем конкретные примеры, объясняющие сущность парных взаимосвязанных понятий сельского расселения. Не вводя новых понятий, перечислим основные в теории сельского расселения: измельчение сети СНП, мелкоселенность, разрушение сети, дисперсность расселения, поляризация расселения, деконцентрация расселения, обезлюдение сельской местности, редкое расселение, изолированное расселение, сельские агломерации и др. Этот «набор» понятий обычно используется в характеристиках регионального расселения, например в социальном портрете Тверской области [2]. Применяв логический подход, отдельные расселенческие понятия объединим в пары по основным вопросам изучения сельского расселения: структура сельского расселения, распределение сельского населения по сельским населенным пунктам (СНП) разной людности, заселенность территории, формы расселения, системы расселения. Наши конкретные примеры иллюстрируют особенности сельского расселения Тверской области.

Негативные изменения структуры сельского расселения, или сельской поселенческой сети отражают такие парные понятия, как *измельчение* (значительная доля и/или рост доли малых и мельчайших СНП, уменьшающаяся средняя людность СНП) и *разрушение* (наличие и/или рост пунктов без постоянных жителей). Два взаимосвязанных процесса, отражающие стадии деградации сельской поселенческой сети, таким образом, описываются парой не альтернативных, а причинно-следственных понятий, т.е. понятий описывающих цепочку причинно-следственных связей. Приоритеты какой-либо одной составляющей парных понятий следует устанавливать с позиций структурного подхода. Если две составляющие единства оценить по удельному весу СНП разной людности, то доля мелких и мельчайших СНП (1–50 чел.), например в Тверском регионе составляет 67,1% (2009), а доля пустующих – 18,2%. При этом доля малых и мельчайших СНП в последние годы незначительно уменьшилась (2002 г. – 70%), а доля пустующих СНП – выросла (2002 г. – 15%). Соотношение этих показателей характеризует *активизацию разрушительных процессов* в сельской поселенческой сети региона в результате измельчения самых малых СНП. Вероят-

но, прерывание процесса измельчения этой категории СНП, происходящее в последние годы, будет несколько сдерживать разрушительные процессы в сети. Наглядная иллюстрация процесса разрушения сельской поселенческой сети Тверского региона за счет измельчения СНП показана на совмещенном графике динамике (рис. 1). «Ножницы» разнонаправленных линий динамики двух категорий людности отражают уменьшение доли малых СНП в пользу мельчайших, этот источник в свою очередь поддерживается измельчением средних СНП (51–100 чел.). Средняя людности СНП Тверского региона непрерывно снижается: 1989 г. – 50,6 чел., 2002 г. – 41,6 чел., 2009 г. – 36,9 чел. Состояние сельской поселенческой сети региона описывается двумя понятиями – измельченная (мелкоселенная) разрушающаяся.

Распределение населения по сельским населенным пунктам может быть описано парой альтернативных понятий: *поляризация расселения* (высокая концентрация и/или рост доли населения, живущего в наиболее крупных СНП) и *деконцентрация расселения* за счет уменьшения людности (измельчения) наиболее крупных СНП. Другая пара понятий призвана отразить взаимосвязанные процессы в расселении/заселении сельской местности – *пространственную концентрацию населения* (ядрами концентрации являются наиболее крупные СНП и железнодорожные станции/остановки, осями концентрации – притрассовые территории вдоль автомагистралей, прибрежные территории) и *обезлюдение* (редкое расселение и низкая плотность населения – слабая заселенность территории). Дисперсное расселение в обезлюдившей сельской местности можно описать двумя основными формами расселения (и парными понятиями):

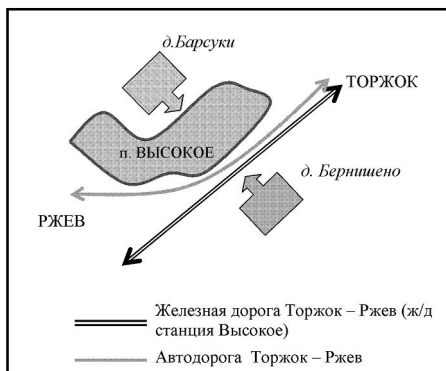

Рис. 1. Совмещенные графики динамики доли СНП разной людности в сельской поселенческой сети Тверской области в 1989–2009 гг., %

редкое расселение (существование ареалов с низкой плотностью населения) и *изолированное расселение* (рассредоточенное расселение единичными малыми СНП – хуторская форма). Сочетание концентрированной (сосредоточенной) и рассредоточенной форм расселения – отличительная особенность заселенности сельской местности Тверской области. Парными альтернативными являются понятия *сельской агломерации* (пространственное сближение и сращивание застройки соседних СНП за счет новостроек, которые заполняют свободные межселенные территории – рис. 2) и *разобценных ареалов расселения* (удалены от ближайших соседей на значительные расстояния, а разрушенные и незастроенные дома окраин малых СНП усиливают пространственную разобценность в бывших ареалах расселения, а также внутри самих СНП).

Парные понятия описывают не только альтернативные явления, но и одновременно происходящие процессы, сложившееся соотношение или состояние. Понятия зачастую образуют динамическую пару, фиксируя стадии перехода явления из одного состояния в другое. Примеры альтернативных, причинно-следственных и стадийных парных понятий сельского расселения, о которых шла речь в тексте, показаны в систематизирующей таблице.

Рис. 2. Схема формирования сельской агломерации в Торжокском районе Тверской области

Таблица 1

Примеры парных понятий сельского расселения

Типы парных понятий сельского расселения	
<i>Альтернативные</i>	<i>Причинно-следственные и стадийные</i>
<ul style="list-style-type: none"> ● Поляризация и децентрация расселения 	<ul style="list-style-type: none"> ● Измельчение и разрушение сельской поселенческой сети ● Редкое и изолированное расселение
<ul style="list-style-type: none"> ● Пространственная концентрация населения и обезлюдение территории 	
<ul style="list-style-type: none"> ● Сельские агломерации и разобценные ареалы расселения 	

Таким образом, *тематические пары* взаимосвязанных понятий помогают раскрывать сущность сельского расселения. Формируется система парных понятий, которую *можно расширять* за счет новых аспектов исследования. Например, для перехода к вопросу формирования систем расселения, нужны иные пары понятий, в первую очередь – каркасные, описывающие основу/остов (каркас) формирующихся, существующих и перспективных систем расселения. Считаю важным отметить, что переход от единичных понятий к парным делает весь понятийный аппарат более упорядоченным и предотвращает раздельное изучение единых явлений (объектов, процессов, отношений, состояния и т. д.) на конкретной территории.

Литература

1. *Алаев Э. Б.* Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983.
2. *Богданова Л. П., Щукина А. С.* Социальный портрет Тверской области // Социальный атлас российских регионов / Портреты регионов – www.socpol.ru/atlas/portraits/tver.shtml.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» № 3

Традиции и инновации в теории и методологии социально-экономической географии

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

Андерсон В. Н.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ: «ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА» ИЛИ «НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ»?

В мировой экономике происходят качественные изменения, связанные с глобализацией, неравномерностью регионального развития, усилением борьбы между тенденциями формирования однополярного и многополярного мира, обострением конкуренции между странами, регионами и фирмами. Фактически речь идет о возникновении на рубеже XX и XXI столетий экономики нового типа – т. н. «неоэкономики». Можно выделить, по крайней мере, три группы факторов, обуславливающих формирование неоэкономики:

I. *Факторы глобализации*: интернационализация производства и рост мобильности капитала; либерализация рынков; стандартизация деловых процессов, продукции, языков общения и форматов передачи данных; формирование международной системы защиты прав интеллектуальной собственности.

II. *Факторы информатизации*: преобразование информации в общедоступный ресурс (создание информационных сетей); формирование нового «цифрового» пространства (киберпространства); создание и широкое практическое применение новых информационных технологий.

III. *Ценностные и социокультурные факторы*: переход к системе постматериальных ценностей; изменение руководящих мотивов трудовой деятельности (в структуре потребностей духовные начинают доминировать над материальными); направленность обыденного и научного познания на внутренний мир человека, рост роли рефлексивной деятельности; изменение ментальности (сознание становится новым предметом труда); инновационность и креативность как современная модель экономического поведения.

В условиях, когда рынок признан общецивилизационной ценностью, сила и могущество любого государства все больше определяются конкурентоспособностью его экономических субъектов. Именно обеспечение конкурентоспособности лежит в основе разработки современных стратегий развития стран, регионов и отдельных фирм. Развитие страны и ее регионов зависит от всех элементов рынка и, в первую очередь, от конкурентоспособности

субъектов хозяйствования. Но конкурентное преимущество фирм создается и удерживается в тесной связи с местными географическими условиями. Несмотря на глобализацию многих отраслей производства, роль и значение географического места базирования фирмы в последнее время усиливаются, и ее успех в соревновании с конкурентами зависит, прежде всего, от положения дел в стране и отдельном регионе.

В свою очередь, страны и регионы также развиваются в конкурентной среде. Это связано с тем, что в настоящее время все регионы мира переживают процессы экономической интеграции и трансформации. Технологические новации в сфере телекоммуникаций и транспорта открыли новые возможности для контактов и взаимодействия регионов независимо от их географического размещения. Как следствие, возросла конкуренция между регионами за возможность подключения к так называемым «воротам глобальной экономики» – инновационным и финансовым центрам и сетям, которые генерируют процесс глобализации.

Фактически речь идет о возникновении новой экономической географии – как в смысле новых тенденций и закономерностей размещения экономической деятельности, так и в смысле возникновения новых областей и направлений самой экономической географии как науки.

Дальнейшего развития и коррекции требуют парадигмы географического пространства в эпоху глобализации и информационного общества. Можно выделить по крайней мере четыре концепции географического пространства в современной экономической географии и региональной/пространственной экономике: а) геопространство как физический атрибут (географическое расстояние, физическая территория); б) геопространство как пространственный «контейнер» (гомогенная региональная среда в виде совокупности определенных социально-экономических, политических, правовых и экологических условий); в) геопространство как «сеть» (географическое положение в системе современных геоэкономических, геополитических, геоэкологических и геодемографических отношений и взаимодействий); г) геопространство как «киберпространство» (Интернет).

В частности, заслуживают внимания и анализа такие вопросы, как:

– «аннигиляция» физического географического пространства (географического расстояния) благодаря современному транспорту, логистике и Интернету;

– соотношение «пространства потоков» (по М. Кастельсу [6]) и «пространства мест» (по Ф. Котлеру [8, 20, 21]);

– феномен пространственной конкуренции и конкуренции регионов в глобальной экономике [10, 24];

– экономико-географическая интерпретация теории «производства социального пространства» Анри Лефевра [23];

– необходимость теоретико-методологического обоснования, методической и технологической разработки геомаркетинга и бизнес-географии как новых направлений менеджмента и прикладной географии [1–4].

Современная постсоветская экономическая география переживает определенный методологический кризис, связанный с глубоким изменением общего объекта исследования общественных наук на постсоветском пространстве – общественно-экономической формации, переходом от планово-централизованной к «квазирыночной» экономике. Постсоветская экономическая география еще и до сих пор «инкапсулирует» в себе устаревшие теоретико-методологические схемы «советской экономико-географической науки», которая запятнала себя беззаветным и преданным служением власти, государству, идеологическому машине, выполняя несвойственную науке пропагандистскую функцию.

В современной постсоветской экономической географии необходимо заполнить гигантский провал, который образовался в теоретических и методологических исследованиях. Речь идет, прежде всего, о таких направлениях, как *теория хозяйственной географии* и *географическая теория хозяйства*, потому, что советский период истории был по сути бесхозным и даже «антихозяйственным». Фактически мы еще и до сих пор не имеем ни практики цивилизованного рыночного хозяйствования, ни его современной философии (теории), которая могла бы быть положена в основу этой практики. Необходимо разработать *географическую теорию формирования и пространственного распределения спроса*, потому что императивом всей предыдущей истории отечественной экономической географии было *производственное предложение*. Для этого надо изучать *географические аспекты образа жизни и потребительских норм*. Экономико-географы должны активно работать в направлении разработки теории и методики изучения потребительского спроса как *проекции образа жизни и достоинства человека*, который формируется в специфической *региональной социокультурной, духовной и природной среде*. В конце концов, крайне необходима *географическая теория предпринимательской деятельности (теория бизнес географии)* – теория, подобная теории предпринимательства Й. Шумпетера, которая дает интерпретацию этой деятельности во времени, игнорируя пространственную составляющую [16].

Важно, чтобы указанные теоретические разработки не утонули в освоении региональной экономической статистики, не приобрели сугубо фактографического содержания и не превратились во «внегеографическое» типологизирование и составление безыдейных множеств тематических карт.

Здесь надо провести четкий «водораздел» между экономической географией и региональной (пространственной) экономикой. С точки зрения современной системологии (общей теории систем) можно утверждать, что эти обе науки изучают один и тот же объект – народнохозяйственный комплекс и экономическое поведение субъектов хозяйствования, но принципиально разными путями его системной интерпретации. В экономико-географических системных представле-

ниях (системных моделях) пространство фигурирует как «опорная переменная» (по терминологии Дж. Клира [7]), и к нее можно привязать множество различных «атрибутов» – что называется «от геологии до идеологии». В пространственной экономике, наоборот, пространство рассматривается как отдельный атрибутивный признак, который привязывается к определенным субъектам хозяйственной деятельности, которые фигурируют в качестве опорной переменной. Отсюда происходит разная системная интерпретация объекта исследования и, как следствие, разная эпистемологическая направленность экономической географии и пространственной экономики. К сожалению, многие отечественные экономико-географы и региональные экономисты не понимают этого системологического нюанса, что часто приводит к методологическим ошибкам и инверсиям.

На наш взгляд, следует согласиться с мнением российского экономиста А. Г. Гранберга о том, что «во-первых, региональная экономика не обязательно должна замещать экономическую географию, во-вторых, экономической географии не следует камуфлироваться в одеждах региональной экономики. Обе дисциплины имеют право на существование. Все дело – в разумном их сочетании...» [5, с. 9].

Феномен региональной конкуренции только недавно стал объектом самостоятельных научных исследований, как и тесно связанная с ним проблема регионального (территориального) маркетинга. Количество фундаментальных научных работ по этой проблематике еще очень ограничено, и представлено в основном работами зарубежных авторов. Современные теоретические и прикладные исследования региональной конкуренции осуществляются в основном по таким направлениям: 1) определение существующих агентов (субъектов) региональной конкуренции; 2) разработка системы индикаторов конкурентоспособности регионов; 3) определение негативных и положительных эффектов региональной конкуренции; 4) включение региональной конкуренции в приоритеты регионального планирования и региональной политики.

На данное время можно выделить, по крайней мере, пять основных причин актуализации проблемы региональной (в общем случае – пространственной) конкуренции [10, 14, 22, 24].

Во-первых, регионы и города все больше становятся реальными «двигателями» глобальной экономики. Устаревшие утверждения некоторых ортодоксальных экономистов о «внепространственной экономике» и «конце географии» не выдерживают испытания временем – в мире усиливаются процессы региональной (территориальной) концентрации и специализации производства, возрастает значение учета системных свойств региональной географической среды в процессе размещения производства товаров и услуг (в виде концепций *социально-ответственного и устойчивого* бизнеса).

Во-вторых, в настоящее время фактически происходит подрыв традиционных экономических принципов категорий «местоположение» и «эконо-

мическое пространство». Они уже не могут восприниматься как что-то фиксированное и неизменное. Примером могут служить процессы «оффшоризации» многих технологических процессов, которые все больше «мигрируют» к местам размещения дешевой рабочей силы.

В-третьих, в отличие от национальных государств и фирм, для регионов и городов, составляющих уровень «мезоэкономики», еще не разработаны *эффективные экономические компенсационные механизмы*. Для них почти не разрабатываются четкие схемы макроэкономического регулирования, они также часто не могут быть однозначно позиционированы с точки зрения международного разделения труда.

В-четвертых, регионы и города играют ключевую роль в *новейших процессах децентрализации и пересмотра экономической политики*. Функции экономической координации и регулирования все больше переносятся с национального на международный уровень, а далее транслируются на региональный и субрегиональный.

В-пятых, как свидетельствует экономическая практика, *конкурентоспособные регионы и территории привлекают больше частных инвестиций*. Прибыль от таких инвестиций достигает наибольшей величины в тех регионах и городах, которые создают свое богатство прежде всего за счет высокой конкурентоспособности.

Под конкурентоспособностью региона (территории) как субъекта рыночных отношений понимается *способность выступать на мировом рынке региональных экономик наравне с конкурирующими субъектами – другими регионами (территориями)*.

Конкурентоспособность региона определяется как наличием тех или иных конкурентоспособных отраслей и сегментов экономики, так и способностью региональных органов власти создать условия региональным предприятиям для достижения и удержания ими конкурентного преимущества на глобальном и региональных рынках [24, 25].

Ведущая роль в достижении региональной конкурентоспособности принадлежит *экономико-географическим (региональным) кластерам*, то есть сконцентрированным по географическому признаку группам взаимозависимых предприятий, специализированных поставщиков услуг, а также связанных с их деятельностью научных учреждений и некоммерческих организаций, которые конкурируют между собой, но вместе с тем и взаимоподдерживают друг друга. Именно кластеры создают критическую массу, необходимую для конкурентного успеха в отдельных секторах экономики и, как следствие, в соответствующих регионах [10, 11].

С начала 1990-х годов развивается так называемая «новая экономическая география» (НЭГ), которая, по мнению ее творца – лауреата Нобелевской премии 2008 г. в области экономики П. Кругмана [9, 17], призвана заполнить тради-

ционное пренебрежение неоклассической экономической теории к проблемам размещения производительных сил. Теория НЭГ использует стандартные компоненты неоклассической экономики (то есть рациональное принятие решений множеством независимых агентов рынка и простые модели общего равновесия) для того, чтобы смоделировать достижение компромисса между рассредоточением и агломерацией, или между центробежными и центростремительными силами. Достоинством этого подхода является строгость теоретической базы, «наличие солидных микроэкономических основ», то есть возможность «четко вывести коллективное поведение из индивидуальной максимизации». П. Кругман подчеркивает, что появилась возможность прямо встроить географический анализ в неоклассическую экономику, и таким образом покончить, в конце концов, с его маргинальным положением.

Эффективным инструментом регионального развития в условиях обострения геоэкономической конкуренции должна стать *бизнес-география* [1, 2, 4]. Можно выделить, по крайней мере, четыре обстоятельства, которые вызвали появление и обуславливают возможность широкого практического применения этой новой прикладной экономико-географической науки: 1) *рост числа субъектов хозяйствования*, которые получили право самостоятельно осуществлять территориальное планирование и управление своей хозяйственной деятельностью. Это особенно характерно для экономик переходного типа, которые характеризуются появлением (восстановлением) института частной собственности на землю, а также ростом количества самостоятельных предприятий и фирм, предоставляющих территориально-распределенные услуги (в англоязычной литературе для них используется специальный термин – «location-based services»). В этой ситуации бизнес-география помогает обеспечить конкурентоспособность субъектов хозяйствования за счет рациональной пространственной организации производства и рынка сбыта товаров (услуг); 2) *обострение конкуренции на рынках товаров и услуг*, которая приводит к необходимости рассматривать пространственный фактор как один из ключевых резервов повышения конкурентоспособности субъектов хозяйствования. В условиях, когда все другие возможные ресурсы повышения конкурентоспособности (технологические, организационные, социальные) исчерпаны, резерв рационализации пространственной организации производства и распределения становится ведущим, и может обеспечить существенный экономический эффект. В этой связи географическое пространство (географическая среда) может рассматриваться как важная разновидность производственного ресурса (ресурсо-товара), который претендует на роль самостоятельного объекта менеджмента и маркетинга; 3) *расширение прав и рост самостоятельности местных органов власти* предопределяют необходимость перехода от территориального управления, которое фактически выполняет лишь функции администрирования по территориальному признаку, к географическому менеджменту, который содержит в себе такие дополнительные

функции, как территориальное планирование, географическая экспертиза, региональный маркетинг, геоаудит и ряд других. Бизнес-география может стать эффективным инструментом реализации концепции устойчивого развития на местном и региональном уровнях; 4) *появление новых информационных технологий сбора, сохранение, обработки и распространения географической информации*, которые обеспечивают возможность организации территориального социально-экономического мониторинга. Такой мониторинг позволяет контролировать процессы территориальной организации и самоорганизации производства и потребления, как на уровне фирмы, так и на уровне целого региона. Географические информационные системы (ГИС), спутниковое позиционирование (GPS) и навигационные системы, дистанционное зондирование, автоматизированное картографирование, мобильная связь и Интернет составляют современную технологическую основу *геоменеджмента* – пространственного аналога time-менеджмента (управления временем), который позволяет эффективно осуществлять функции территориального/ пространственного планирования, управление и мониторинга [2].

В качестве *объекта* бизнес-географии, на наш взгляд, следует рассматривать пространственное поведение субъектов экономической деятельности (компаний, фирм, банков, предприятий и организаций различной формы собственности) в реальном географическом пространстве (географической среде) в условиях рыночной (или смешанной) экономики. Бизнес-география принципиально не может существовать в условиях исключительно плановой (командно-административной) экономики.

Предметом бизнес географии должно быть изучение закономерностей пространственной организации различных бизнес-процессов, а *целью* – разработка моделей рациональной (оптимальной) пространственной организации предпринимательской деятельности на основе экономических, социальных и экологических критериев.

Теоретико-методологическую основу бизнес-географии могут составлять:

- географическая теория размещения – «локационная теория» (location theory), адаптированная к географическим реалиям;
- географическая теория пространственной конкуренции;
- теория географической ренты;
- географическая теория менеджмента;
- географическая теория маркетинга;
- теория экономико-географических рисков;
- теория принятия пространственных решений;
- кластерная теория пространственной организации бизнеса.

Технологический уровень бизнес-географии должна представлять *деловая география* – совокупность географических (в основном геоинформационных) технологий менеджмента.

Бизнес-география отличается от прикладной экономической географии прежде всего тем, что она ориентирована на поиск и реализацию пространственных факторов улучшения конкретных бизнес-решений и, таким образом, оперирует на уровне менеджмента отдельной фирмы (предприятия, организации), в то время как прикладная экономическая география призвана обслуживать корпоративные общественные потребности определенных территорий (территориальных общин) и оперирует на уровне планирования территории (геопланирования) [13, с. 96].

Одной из главных задач бизнес-географии должно быть изучение *рентных эффектов системного (группового) размещения*. Если рассматривать территорию (по Э. Б. Алаеву – геоторию) как ограниченный природный ресурс – пространственный базис размещения общества, то можно применить «рентный» подход для выяснения процессов использования географического пространства и географической среды. В условиях глобализации экономических процессов и финансовых рынков, инвесторы (которые уже имеют международный, трансграничный статус) и «владельцы» территорий (правительства стран, органы регионального и местного самоуправления) вступают в отношения, аналогичные отношениям землевладельцев и капиталистов-арендаторов в рамках классической теории земельной ренты. Поэтому можно говорить о *географической (региональной) ренте*, которая возникает в процессе использования «региональной среды» в виде размещения там инвестиций, привлеченных в результате геоэкономической конкуренции инвесторов. Бизнес-география, как прикладная наука, должна изучать процессы и особенности образования географической ренты разных типов, в том числе *географической квазиренты*. Она должна иметь соответствующий методический аппарат для ее количественного оценивания и прогнозирования.

Важное значение для бизнес-географии имеет также изучение *мультипликаторных эффектов размещения*. Мультипликаторный (усиливающий или тормозящий) эффект размещения возникает благодаря влиянию определенной совокупности пространственных факторов (мультипликаторов) на объект, который размещается, и наоборот (через обратную связь). Таким образом, эффект размещения (экономический, социальный, экологический) определенно-го объекта в разных местах будет разным.

Географический маркетинг (геомаркетинг) является одной из самых важных составляющих бизнес-географии, которая имеет большое самостоятельное значение. Понятие геомаркетинга можно рассматривать в рамках трех различных концепций [1, 2]. Во-первых, под геомаркетингом можно понимать географические аспекты классического маркетинга, в частности процедуры *географической сегментации рынка* и *географического позиционирования товара (услуги)* [19]. Во-вторых, геомаркетинг можно трактовать как *маркетинг места* и, в частности, *маркетинг региона (территории)*. В-третьих, геомаркетинг можно рассматривать как *маркетинг географических знаний и технологий*.

Актуальною задачею сучасної української економічної географії є розробка теоретико-методологічних і технологічних основ бізнес-географії, визначення її науково-пізнавальних функцій і прикладного значення в системі географічних і економічних наук.

Література

1. *Андерсон В. М.* Геоменеджмент і геомаркетинг як інструменти запровадження регіонального розвитку в умовах ринкових перетворень в Україні // Україна в сучасному світі. – К.: Стилос, 2003. С. 336–348.

2. *Андерсон В. М.* Бізнес-географія і геомаркетинг – нові напрямки конструктивної географії // Наукова парадигма географічної освіти України в XXI столітті: Збірник наукових статей II Міжвузівської науково-практичної конференції 22 грудня 2006 р. – Донецьк: ДОУ, 2006. С. 83–94.

3. *Андерсон В. М.* Регіональна конкуренція як фактор соціально-економічного розвитку територій в умовах глобалізації: теоретичний аспект // Научные основы современных тенденций пространственного развития. Сб. науч. тр. – Одесса: ИПРЭИ НАН Украины, 2007. С. 27–35.

4. *Андерсон В. М.* Бізнесова географія як новий напрям конструктивної географії: теоретико-методологічні та технологічні засади // Географія в інформаційному суспільстві. Зб. наук. праць. У 4 т. Т. II. – К.: ВГЛ Обрії, 2008. С. 161–163.

5. *Гранберг А. Г.* Основы региональной экономики. – М.: ГУ ВШЭ, 2003.

6. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.

7. *Клир Дж.* Системология. Автоматизация решения системных задач. – М.: Радио и связь, 1990.

8. *Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д.* Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. – Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005.

9. *Кругман П., Обстфельд М.* Международная экономика: теория и политика. – М.: Юпитер, 2003.

10. *Портер М.* Конкуренция – М.: ИД «Вильямс», 2005.

11. *Соколенко С. І.* Кластери в глобальній економіці. – К.: Логос, 2004.

12. *Топчієв О. Г.* Суспільно-географічні дослідження: методологія, методи, методики. – Одеса: Астропринт, 2005.

13. *Топчієв О. Г.* Основи суспільної географії: підручник для студ. географ. спеціальностей вищих навч. Закладів. – Одеса: Астропринт, 2009.

14. Управління міжнародною конкурентоспроможністю в умовах глобалізації економічного розвитку. У 2 т. Т. 1 / *Лук'яненко Д. Г., Поручник А. М., Антонюк Л. Л. та ін.* – К.: КНЕУ, 2006.

15. *Черваньов І. Г., Ігнат'єв С. Є.* Бізнес-географія: перспективи чи спроба наздогнати потяг, що рушив? // Український Географічний Журнал, 2008. № 1(61). С. 61–64.
16. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры). – М.: Прогресс, 1982.
17. *Fujita M., Krugman P., Venables A. J.* The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade. – Cambridge: The MIT Press, 1999.
18. Gateways to the Global Economy / A. E. Andersson, D. E. Andersson (Eds.). – Edward Elgar, 2000.
19. Geomarketing. Methods and Strategies in Spatial Marketing / Gerard Cliquet (Ed.). – ISTE Ltd, 2006.
20. *Kotler P., Asplund C., Rein I., Haider D.* Marketing Places Europe. – Pearson Education Limited, 1999.
21. *Kotler P., Haider D., Rein I.* Marketing Places. – New York. The Free Press, 1994.
22. *Laulajainen R., Stafford H. A.* Corporate Geography. Business Location Principles and Cases. – Kluwer Academic Publishers, 1995.
23. *Lefebvre H.* The Production of Space. – Blackwell, Oxford, 1991.
24. Regional Competition / P. W. J. Batey, P. Friedrich (Eds.). – Springer, 2000.
25. Theories of Endogenous Regional Growth: Lessons for Regional Policies / B. Johansson, C. Karlsson, and R. Stough (Eds.). – Springer, 2001.

Безруков Л. А.

**ВЗАИМОДОПОЛНЕНИЕ
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
ОБЩЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ И СМЕЖНЫХ ОБЛАСТЕЙ
ЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ КОНТИНЕНТАЛЬНО-ОКЕАНИЧЕСКОЙ ДИХОТОМИИ)**

Современная отечественная общественная (экономическая) география занимает далеко не самое почетное место в системе географических и общественных наук. К числу критических замечаний в ее адрес обычно относятся следующие: отсутствие крепких теоретических и методологических основ и собственного предмета исследований, доминирование хорологического подхода, увлечение социально-культурными вопросами в ущерб изучению экономического базиса общества, отсутствие в последние десятилетия крупных достижений, частичное «растворение» в смежных науках и т. д. Но так ли уж обоснованы подобные обвинения?

Вообще говоря, теоретико-методологический потенциал и объяснительные возможности общественной географии весьма значительны. По нашему мнению, общественная география как фундаментальная наука призвана изу-

чать обусловленность социально-экономических и политических явлений, связей и процессов дифференциацией земной поверхности во всех ее аспектах, т. е. неоднородностью естественных, экономических и культурных ландшафтов. Оценка степени и характера детерминации географическими факторами ключевых особенностей жизни человечества на основе системы строгих мер и показателей как раз и является одной из главных задач рассматриваемой науки. В таком понимании общественной географии наличие у нее собственного предмета исследований не вызывает сомнений.

Потенциал общественной географии и вопросы ее взаимодействия со смежными областями ряда научных дисциплин раскроем на примере установления и количественной оценки роли и места континентально-океанической дихотомии в международном и региональном развитии. Под данной дихотомией нами понимается последовательное и фундаментальное раздвоение целостного мирового хозяйства (и мира в целом) на два противоположных и одновременно взаимодополняющих типа экономик – континентальный и океанический (приморский), резко различающихся в зависимости от их макроразположения относительно моря организацией и эффективностью хозяйства, спецификой взаимодействия с внешним миром и путями развития. В общей постановке вопроса речь идет об анализе степени и характера влияния на специфику и эффективность хозяйственной деятельности такого базового фактора планетарной неоднородности пространства, как разделение поверхности земного шара на сушу и Мировой океан.

Проблема противоположности двух принципиально различных типов цивилизаций, государств и районов – континентальных (внутриконтинентальных) и океанических (приморских) – всегда привлекала внимание исследователей. Ключевая концептуальная роль в разработке данной тематики принадлежит представителям геополитической, исторической, экономико-географической и экономической мысли.

В классической геополитике – от Ф. Ратцеля в XIX в. до А. Г. Дугина в XXI в. – ее главным законом считается именно закон фундаментального дуализма «Суши» и «Моря», объясняемый главным образом с военно-стратегических позиций. Однако уже во второй половине XX в. появление новых видов вооружений и успехи коммуникационных технологий поставили под сомнение классические геополитические модели, построенные на абсолютизации антагонизма континентальных и океанических держав. При этом суть проблемы так и осталась за рамками всестороннего научного анализа зарубежной и российской геополитики.

Поскольку проблема глобального дуализма «Суши» и «Моря» все же реально существует, то ее корни надо искать, видимо, не в геополитике, а в географии и экономике. Действительно, большой вклад в изучение проявлений континентально-океанической дихотомии в экономической жизни общества внесла еще

в XVII в. ранняя политическая экономия (В. Петти и А. Смит). В экономической географии проблема рассматриваемой дихотомии наиболее выпукло поставлена в 1920-х гг. в концепции евразийского движения (П. Н. Савицкий). Тем не менее разработка этой проблемы в общественных науках, включая экономическую географию и экономику, заметного развития не получила. Появившиеся в последние десятилетия в англоязычной экономической литературе (Дж. Сакс, Л. Аннонцци-Джакаб, П. Колльер и др.) результаты интересных эмпирических исследований о влиянии близости моря на уровень экономического развития стран и регионов все еще далеки до своего надлежащего концептуального оформления. Причинно-следственные связи континентально-океанической дихотомии до последнего времени оставались не выясненными экономической географией и смежными науками, а какая-либо логичная и стройная теория здесь отсутствовала.

Предлагаемая экономико-географическая концепция континентально-океанической дихотомии исходит из коренных различий в эффективности сухопутных и морских перевозок – более затратных первых и экономичных вторых, с одной стороны, и особенностей макроположения стран и районов относительно моря, – с другой. Суть выдвигаемой концепции заключается в следующем: имеющаяся между континентальными и океаническими (приморскими) странами принципиальная разница в размерах транспортных издержек и транспортоемкости национальных хозяйств лежит в основе механизма постоянного «перелива» массы прибавочного продукта от континентальных стран к океаническим, что определяет в итоге глубокие различия в эффективности национальных хозяйств данных типов стран, общем уровне их социально-экономического развития, особенностях территориальной организации общества, специфике взаимодействия с внешним миром.

Количественная оценка первой исходной причины континентально-океанической дихотомии – различий в эффективности сухопутных и морских перевозок – осуществлена путем сравнения средних доходных ставок от перевозки грузов железнодорожным транспортом и средних фрахтовых ставок морского транспорта. Расчеты показали, что фрахтовые ставки морского транспорта на конец XX – начало XXI вв. ниже средних доходных ставок железнодорожного транспорта Западной Европы и Японии в 70–80 раз, Северной Америки – в 20–25 раз, России – в 5–10 раз. Дополнительно рассмотрены вопросы зависимости фрахтовых ставок от грузоподъемности судов, изменения за последние 100 лет разрыва между стоимостью перевозок по суше и по морю, некорректности данных об уровнях ставок отечественного морского транспорта. Поскольку все эти вопросы напрямую не входят в сферу компетенции географии транспорта как части экономической географии, потребовалось привлечение данных из экономики транспорта и логистики.

Количественная оценка второй причины рассматриваемой дихотомии – макроположения стран относительно моря – произведена по авторской мето-

дике на основе определения степени «транспортно-географической континентальности» (ТГК) стран как меры удаленности основной части их демоэкономического потенциала от морских и океанических путей с круглогодичной навигацией. В «приморскую» зону вошла полоса до 200 км от побережья; в «континентальную» – от 200 до 1 000 км; в «ультраконтинентальную» – территории, находящиеся от побережий более чем на 1 000 км. При оценке степени ТГК стран мира учтены только те акватории океанов, морей и портов, которые допускают круглогодичную навигацию, что осуществлено с привлечением данных физической географии и океанологии. Изучение положения относительно морских путей на основе системы строгих мер дает возможность «продвинуть» вперед и разработку методологического и методического аппарата количественной оценки общего экономико-географического положения как важнейшей категории общественной географии.

Исходя из полученных показателей степени ТГК и их заданных градаций, все страны мира можно в первом приближении разделить на два геоэкономических типа: континентальные и океанические (приморские). В первый тип войдут государства с очень высокой и высокой степенью континентальности (Казахстан, Монголия, Чад, Россия и др.), во второй – государства с очень низкой и низкой ее степенью (Япония, Великобритания, Бразилия, Турция и др.). Промежуточное положение занимают страны умеренной и повышенной степени ТГК (США, Китай, Иран, Украина и др.), тяготеющие, в зависимости от своего экономико- и политико-географического положения, отраслевой структуры транспорта и других факторов, либо к континентальному, либо к океаническому типу.

Для уточнения типологической ориентации стран мира разработана методика определения «приведенной транспортоемкости хозяйства», позволяющая оперировать отношением реального с экономической точки зрения количества затрачиваемой транспортной работы той или иной страны к ее валовому внутреннему продукту. В основе этой методики лежит приведение с учетом разницы в себестоимости перевозок по видам транспорта натуральных показателей (грузооборота) их самых экономичных видов – морского и внутреннего водного – к натуральным показателям сухопутных видов с помощью специальных понижающих коэффициентов. Показатели приведенной транспортоемкости хозяйства однозначно говорят, например, о принадлежности США и Китая к океаническому типу, а Украины – к континентальному. Из мировых держав только одна Россия относится к континентальному типу, что резко выделяет ее из общего ряда всех остальных ведущих стран мира, являющихся океаническими.

Предложенная схема геоэкономической типологии стран мира вряд ли в полной мере будет совпадать с имеющимися геополитическими типологиями. Континентально-океаническая геоэкономическая типология исходит из наличия

постоянно действующих, реально «осязаемых» транспортно-экономических факторов, детерминированных географическим положением стран относительно моря. Влияние же этого положения на современную геополитическую типологию стран носит более сложный характер, поскольку для создавшихся под этим влиянием на предыдущих исторических этапах общественных (в том числе политических) отношений характерна своя внутренняя логика. Вполне возможно, что отдельные страны океанического геоэкономического типа будут больше тяготеть к континентальному геополитическому типу и соответственно наоборот. Подобные «переходные» ситуации все же возможны, на наш взгляд, главным образом для малых и средних «климитрофных» стран, тогда как распределение ведущих держав на континентальные и океанические типы и в геополитическом, и в геоэкономическом отношении должно по логике совпадать. Таким образом, построенная на основе количественных критериев геоэкономическая типология позволяет существенно уточнить и объективизировать разработанные, как правило, с применением качественных критериев геополитические типологии, что ведет к обогащению теоретического арсенала самой геополитики.

Логика экономико-географического анализа, использующего знания в области товароведения, внешней торговли и маркетинга, позволяет в общих чертах раскрыть механизм перераспределения доходов (массы прибавочного продукта) между континентальными и океаническими странами, возникающий на основе неравенства их транспортных издержек и действующий в процессе международного разделения труда. В соответствии с правилами современной международной коммерческой практики распределение транспортных расходов по доставке товара между продавцом (производителем) и покупателем (потребителем) регулируется так называемыми «базисными условиями поставки», которые, наряду с условиями платежа, являются одним из двух главных (обязательных) условий любого внешнеторгового контракта.

Учет стоимости экспорта осуществляется в большинстве случаев на едином базисном условии FOB, согласно которому продавец-экспортер несет все расходы, связанные с транспортировкой товара в экспортный морской порт и погрузкой на судно. В итоге получается, что при доставке продукции на мировой рынок из континентальных стран подавляющая доля совокупных транспортных издержек приходится на их же продавцов (производителей). Именно они обязаны оплачивать самую дорогостоящую часть пути, т. е. расходы по сухопутной перевозке грузов в пределах своей территории до морских портов и границ.

Учет импорта производится обычно на базисном условии CIF, согласно которому в проигрыше оказываются импортеры (точнее, потребители импортных товаров) опять-таки из континентальных стран. Они вынуждены оплачивать наиболее затратную часть пути, т. е. расходы на сухопутную перевозку грузов от морских портов во внутриматериковые районы своей страны, что существенно повышает конечные цены импортных товаров.

Следовательно, при взаимодействии с мировым рынком внутриконтинентальные производители и экспортеры ввиду повышенных транспортных издержек получают намного меньшие доходы по сравнению с приморскими производителями и экспортерами, а для внутриконтинентальных потребителей импортные товары обходятся существенно дороже, чем для потребителей из океанических стран. Таким образом, глубокие различия в степени континентальности определяют принципиально неодинаковые уровни транспортных издержек в континентальных и океанических странах, которые формируют ощутимую разницу в ценах на товары и доходах соответствующих производителей и потребителей, что в свою очередь ведет к постоянному перераспределению массы прибавочного продукта в пользу океанических стран.

О масштабах получаемого приморскими районами экономического выигрыша по сравнению с внутриконтинентальными районами можно судить, с одной стороны, по роли сырья и полуфабрикатов в международных перевозках, особенно морских; с другой, – по удельному весу транспортных издержек в конечных ценах товаров (т. е. по размерам возможной экономии затрат за счет участия морского транспорта). Именно сырье и полуфабрикаты пониженной и низкой транспортабельности, представляющие собой массовые грузы, играют основную роль в международных перевозках, причем в объеме грузоперевозок морского транспорта (по тоннажу) они превышают 75–80%. Относительно транспортных издержек отметим, что, по нашей оценке, в России в первой половине 2000-х гг. их доля в конечных ценах полуфабрикатов составляла 10–30 %, а в ценах сырьевых видов продукции находилась в диапазоне от 20–40 до 70–80 %.

Важное место отведено выявлению роли континентально-океанической дихотомии в формировании территориальной дифференциации цен на товары в крупной континентальной стране (на примере России). Несмотря на огромное методологическое и методическое значение исследований знаменитого экономиста и географа А. Леша, посвященных вопросу географических различий в ценах, данной тематике традиционно уделялось необоснованно мало внимания. Поэтому полученные закономерности роста розничных цен на импортные товары по мере движения от морских портов в глубинные районы имеют во многом пионерный характер и подтверждают транспортно-географическую обездоленность внутриконтинентальных потребителей этих товаров.

Установленный экономико-географический механизм перераспределения доходов детерминирует трансформацию финансово-экономических показателей работы внутриматериковых производителей и целый ряд последующих негативных социально-экономических следствий. При равенстве основных элементов издержек (кроме транспортных) себестоимость, а соответственно стоимость и цена идентичной продукции в континентальных странах и регионах вследствие повышенной транспортной составляющей будут заведомо

выше, чем в океанических, что означает фактически ценовую неконкурентоспособность продукции внутриконтинентальных производителей на мировом рынке. Для обеспечения одинаковой стоимости и цены идентичной продукции на мировом рынке структура ее себестоимости в континентальных странах должна ощутимо трансформироваться в направлении снижения оплаты труда и амортизационных отчислений, сокращения других элементов издержек, а также уменьшения прибыли.

Такой деформацией всей системы финансово-экономических показателей работы внутриконтинентальных производителей автоматически определяется снижение инвестиционных возможностей, эффективности производства, бюджетных доходов, покупательной способности населения, емкости потребительского рынка и т. д. Итоговыми следствиями этих негативных изменений являются замедление экономического роста и снижение уровня жизни населения континентальных стран по сравнению с океаническими.

Следовательно, положение относительно морских путей, исчисляемое в показателях степени ТГК, рельефно отражается в таких базовых экономических понятиях, как себестоимость, прибыль, цены, уровень развития и т. д. Система континентально-океанической поляризации, географическая по своему генезису, выступает источником возникновения ренты местоположения, т. е. такого макроэкономического фактора, который активно воздействует на эффективность производства, бюджетные доходы, уровень жизни населения. В то же время данный фактор почти не учитывается ни классическими законами самой макроэкономики в теоретическом плане, ни государственной региональной политикой в практическом отношении.

Экономико-географическая концепция континентально-океанической дихотомии во многом дополняет, по нашему мнению, экономический причинно-следственный аппарат центрo-периферической модели мирового хозяйства. Возникновение и функционирование этой модели в самом общем виде объясняется обычно действием нескольких механизмов, имеющих сугубо экономический характер, – «инновационным» механизмом с получением центром «интеллектуальной» или «технологической» ренты, неэквивалентностью обмена продукции с различной степенью обработки, влиянием закона «средней нормы прибыли», принципиальными различиями в правовом оформлении частной собственности и возможностях ее капитализации и т. д.

В качестве дополнительного обоснования системы центрo-периферических отношений может служить выявленный экономико-географический механизм связей и зависимостей континентально-океанического характера. Он оказывает сильное непосредственное и опосредованное влияние на международное и региональное развитие, что сопровождается возникновением, воспроизводством и закреплением соответствующих территориальных социально-экономических диспропорций. Данный перераспределительный механизм

доходов, имеющий выраженную географическую природу, является одним из ведущих среди всей совокупности механизмов, определяющих дифференциацию мирохозяйственного устройства.

Наиболее общие закономерности территориальной организации мирового хозяйства в системе континентально-океанической поляризации раскрыты с помощью оценки изменения объемов мировых производства и экспорта продукции различной транспортабельности в зависимости от удаленности производителей и экспортеров от моря. Для анализа выбрано семь хорошо известных видов продукции: алмазы и золото (очень высокая транспортабельность), алюминий (средняя), нефть и бокситы (пониженная), уголь и железная руда (низкая). Распределение мировых запасов, производства (добычи) и экспорта рассматриваемых видов продукции получено по зонам удаленности от моря – приморским, континентальным, ультраконтинентальным.

Установлено, что у продукции пониженной и низкой транспортабельности при переходе от мировых запасов к производству и от него к экспорту доля приморских зон неуклонно возрастает, а доли континентальных и ультраконтинентальных уменьшаются (наиболее резко у последних зон). Распределение мирового экспорта такой продукции строго упорядочено по зонам удаленности от моря: доли объемов экспорта резко возрастают от ультраконтинентальных зон (2–11%) к приморским (60–95%). Следовательно, повышенная роль приморских зон в международной торговле сырьем и полуфабрикатами объективно обусловлена широкомасштабным использованием экономических морских перевозок, с одной стороны, удорожающим и ограничивающим действием значительных транспортных издержек, возникающих при сухопутных перевозках многотоннажной продукции, – с другой.

В итоге поставщики и покупатели океанических стран и приморских зон оказывают определяющее влияние на формирование мирового хозяйства и ценообразование на мировых товарных рынках. Поэтому мировое хозяйство и мировой рынок неизбежно строятся по образу и подобию развитых приморских стран и в их интересах, т.е. на принципах относительно независимо от расстояний океанического обмена, где мировые цены формируются с учетом собственных минимальных (относительно континентальных стран) затрат на перевозку товаров. Доминирование в мировом хозяйстве океанических стран и приморских зон – закономерный результат совокупного действия тех предпосылок, условий, факторов, которые основаны главным образом на коренных различиях в эффективности морских и сухопутных перевозок и, соответственно, на различии экономических возможностей приморских и внутриконтинентальных областей. Данная особенность современного мирохозяйственного устройства подкрепляется еще и единством (континуальностью) Мирового океана, и доминирующей политико-экономической ролью ведущих держав, принадлежащих к океаническому типу (за исключением России).

Следует подчеркнуть, что анализ мирового хозяйства в контексте континентально-океанической поляризации позволяет выявить наиболее общие исходные (первичные) черты его формирования и структурирования независимо от тех или иных блоковых, формационных, региональных и других группировок и членений, имеющих во многом вторичный характер. Как нам представляется, установленные закономерности важны не только для экономической географии (прежде всего для географии мирового хозяйства и георесурсоведения), но и для мировой экономики и геоглобалистики. Так, научная дисциплина «мировая экономика» интерпретирует мировое хозяйство как сложную экономическую систему, свойства и закономерности которой нельзя вывести только из свойств и закономерностей составляющих ее частей (национальных хозяйств). Такому современному пониманию мирового хозяйства полностью соответствует предложенное и обоснованное нами его деление (структурирование) на две суперсистемы – континентальную и океаническую (приморскую), что вносит определенный вклад в разработку теоретических основ как географии мирового хозяйства, так и мировой экономики. Установление характера и силы влияния континентально-океанической дихотомии на международное и региональное развитие существенно углубляет фундаментальные представления о причинах дифференциации мирохозяйственного устройства и получения различными по географическому положению странами и регионами неодинаковых выгод от усиления процессов интернационализации и глобализации экономики.

Настоящее исследование находится в «русле» классической общественной (экономической) географии и имеет определенный акцент на географии мирового хозяйства и географии транспорта. По ряду развиваемых направлений затрагиваются смежные с общественной географией области таких научных дисциплин, как геополитика и геоэкономика, геоглобалистика и георесурсоведение, мировая и региональная экономика, история и культурология, экономика транспорта и логистика, маркетинг и товароведение и др. Проведенное исследование наглядно показывает, что использование теоретических конструкций и фактурных данных смежных наук ни в коей мере не ведет к «растворению» в них общественной географии. Наоборот, благодаря своей комплексности, возможностям «внутренней» и «внешней» интеграции, усилению предметно-причинного объяснения проблем, общественная география способна не только наращивать собственный потенциал, но и обогащать теоретико-методологический потенциал других наук.

Гладкий А. В.

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ГЕОГРАФИИ

Научные исследования постнеклассической эпохи основаны на концепции перехода к постдисциплинарному знанию, наполненному гуманистическим содержанием и ценностями. Они акцентируют внимание не только лишь

на сугубо антропоцентрической проблематике разрозненных научных направлений, но, прежде всего, на целостном неутилитарном подходе науки к проблемам человечности, этичности и морали, сущности и назначения человека, роли общечеловеческих знаний и ценностей.

Дегуманизация современной науки устранила единство научного познания и осмысления мира, что нарушило целостность наук и привело к их структурному измельчению и диссипации. Процесс познания был направлен «вглубь» науки, он служил решению отдельных вопросов построения структуры, исследованию отношений и связей, установлению закономерностей функционирования и развития объектов исследования. Вместе с тем наука утратила «человекоизмеряемый» характер в силу постоянного отчуждения от его проблем и ценностей.

Гуманистическое выражение современной науки состоит во взгляде на существование и развитие мира *sub specie aeternitatis*¹. В ее категориальном аппарате снова должны появиться извечные человеческие ценности, которые будут положены в основу как теоретических обобщений, так и практической прикладной деятельности. Процесс трансформации науки и философии требует разработки новой гуманистической парадигмы, которая станет основой развития человека и общества в целом, а также общественного восприятия собственной сущности. Отталкиваясь от отвлеченно-философских идей прошлого (заложенных еще в работах натурфилософов), гуманизм получил, таким образом, новую практически-действующую форму, которая основана на привнесении его ценностей в научные исследования.

В условиях становления гуманистического постдисциплинарного знания география занимает видное место в системе наук, поскольку объединяет в себе естественные и общественные дисциплины и составляет не только сферу их соприкосновения, но и обуславливает тесную взаимосвязь этих двух полярных систем. Уникальность географии состоит не только в совмещении разных наук, но также в глубоких и всесторонних исследованиях пространства и всех его элементов (материальных и нематериальных) в их единстве, целостном проявлении и взаимосвязях. Тем не менее, современный научный аппарат географии преимущественно имеет естественнонаучное направление, которое существенно суживает его возможности. Дегуманизация географических исследований привела к упрощенным представлениям о мире, пространстве, месте в нем человека, его культуры, ценностей.

Для осуществления широкомасштабного процесса гуманизации географии необходим целый ряд преобразований в структуре географических исследований. Важнейшие из них заключены в четырех направлениях:

1. *От антропоцентризма – к человечности.* Традиционная антропоцентрическая концепция географических исследований (ведущая свою историю

¹ С точки зрения вечности (лат.).

со времен Ф. Ратцеля) предъявляет требования к практической направленности науки с целью наиболее полного удовлетворения потребностей людей. Однако, такой подход является довольно утилитарным. Вместо идей антропоцентризма, согласно которым потребности человека являются центром, а их удовлетворение – целью научной деятельности, необходима ориентация географии на проблемы человечности, общечеловеческих ценностей и гуманности. Географические исследования должны оказывать содействие осознанию человеком своего места в мире, должны утверждать эстетические, культурные, моральные и жизненные принципы, оказывать содействие формированию сбалансированного природопользования и гармонизации общественной жизни.

2. *От системности – к гуманистической синергии.* Большинство географических объектов рассматриваются как обособленная на основе разного рода связей, целостная сложная система (комплекс, ландшафт) разных материально-вещественных компонентов. Она состоит из большого количества гетерогенных элементов, каждый из которых выполняет свою роль, имеет внутреннюю связь, ряд цепных реакций, внутренний механизм стойкости, саморегуляцию и т. д. Однако, значительное количество элементов географической оболочки не вписываются в традиционное понимание системы, вдобавок формализованное количественными методами. Классическая система сама по себе не имеет гуманистической окраски и не может адекватно и в полной мере отобразить географическую реальность. Именно поэтому, в науке все больше распространяется утверждения о том, что географические системы (комплексы, ландшафты) включают в себя также и «духовные компоненты деятельности человека». Однако, эти духовные компоненты человеческой деятельности не могут целиком подпадать под четко очерченные рамки современной концепции системности. Системная парадигма, которая базируется сугубо на основах естественных наук, должна дополняться новыми гуманистическими элементами, которые обеспечат целостный неформализованный подход к ее изучению и осмыслению. Каждому географическому ландшафту (комплексу) присущи специфические элементы гуманистической синергии, которые почти не исследовались вследствие сужения аппарата системного подхода. Итак, представителям физической географии следует осознать «человекоизмеряемость» естественных исследований, равно как представителям общественной географии следует занять позиции «человековедческой географии». По утверждению ряда российских географов, география «комбинирует все элементы со всех наук в одну симфонию, в один ландшафт. Уловить душу ландшафта, выучить его музыку, гармонизирующее начало – вот задачи географии» (Ю. Голубчиков, 2003).

3. *От количественных методов – к дальнейшему качественному анализу их результатов и гуманистической интерпретации, на них основанной.* Критика количественных методов в географии началась еще раньше, чем их массовое внедрение. Некоторые ученые предостерегали от их широкого использова-

ния в науке, мотивируя это тем, что такая практика приводит к потере целостности понимания географической реальности, появлению узкопрофильных прикладных исследований, которые не будут способные адекватно отобразить все процессы и явления географической среды. Давая общую положительную оценку развития точных формализованных методов в географии, ученые утверждали, что за ними обязательно должен идти синтез, качественный анализ и творческая интерпретация результатов. По мнению представителей американской гуманистической школы, строгий научный метод не исчерпывает познание предмета географии. Несомненно, внедрение в географию методов гуманитарных наук возможно на основе широкого использования формализованных методов обработки информации и применения ЭВМ². Однако, исследовательский аппарат географов не должен ограничиваться лишь этим. В его арсенале должны появиться как другие неформализованные методы, так и качественный анализ.

4. *От территориальной дифференциации – к философским основам глобального геопространства.* Этот переход касается проблематики определения основных задач географии и признаков географичности. Профессор В. С. Преображенский (1990) так охарактеризовал этот вопрос: «Что же такое география? Наука о комплексах? О территориальной дифференциации любых явлений на Земле? И тогда чем она отличается от геофизики или геологии? Я считаю, что это «комплекс + многомерное земное = биота, люди, пространство». Но сколько людей считает, что речь идет о телах или явления в трехмерном физическом пространстве». Итак, географическая наука должна не ограничиваться лишь узкими рамками познания пространственных систем и отношений. Ее границы значительно более широки и, по сути, выходят на обобщенное понимание философских основ глобального геопространства во всем разнообразии его проявлений, сторон и свойств. Именно в этом состоит тесная связь географии с философскими науками. Именно здесь закладываются устои нового постдисциплинарного знания.

Таким образом, результатом указанных выше преобразований станет постепенный переход к новой парадигме географической науки, которая будет базироваться на общечеловеческих ценностях и привносить в нее элементы постдисциплинарного знания, что позволит рассматривать географическую реальность с постнеклассических позиций герменевтики.

Современная география должна опираться на императив гуманистического мышления. Ее значительный философский, культурологический и мировоззренческий потенциал займет значительное место среди гуманитарных научных исследований, равно как и системные исследования пространства – среди естественных. Само основание географии на гуманистической парадигме и избежание «механизированного подхода» в ее исследованиях позволит разработать новую дисциплину, которая в эпоху глобального информационно-

² Одним из наиболее ярких примеров применения такого «симбиоза» является ГИС.

го общества, займет одно из центральных мест в системе наук, поскольку сохранит в себе элементы утраченного единства и станет основанием нового постдисциплинарного знания.

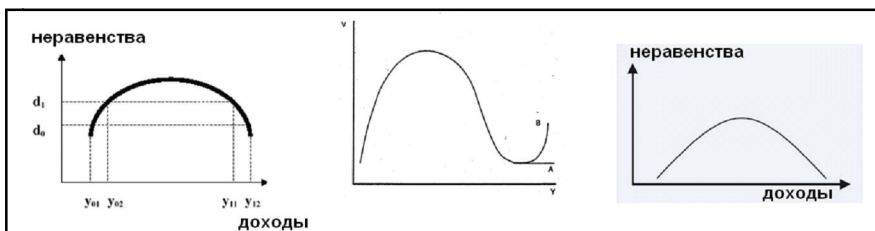
Дюриш Ф.

КРИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К КОНЦЕПЦИИ МОДЕЛИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ НЕРАВЕНСТВ РАЗВИТОСТИ

Гипотеза Дж. Г. Уильямсона опубликованная в 1965 г., в центре которой находится взаимосвязь между экономической развитостью отдельных стран и их внутренних региональных неравенств, является одной из наиболее влиятельных теоретических конструкций региональных исследований. В настоящей очерке – помимо краткого представления и критической оценки исходной концепции – содержатся важнейшие дополнения, сделанные впоследствии к тезисам Уильямсона, представления о профессиональном суждении о гипотезе и аспекты научной политики влияющие на них.

С теоретической точки зрения эта гипотеза сводится к работе С. Кузнеця (1955) о связи между развитостью экономики и неравенством доходов внутри общества, согласно которой отсталые и расцветающие регионы характеризуются относительно умеренными, а развитые регионы – резко выраженными социальными неравенствами. Эта своеобразная взаимосвязь появляется и в гипотезе Уильямсона, основанной на изучении региональных данных 24-х стран, согласно которой «в ранних стадиях развития среднедушевой доход внутри регионов становится неравномерным, а в течение последующих стадий он выравнивается» [1]. В модельном изображении «региональные неравенства [...] напоминают опрокинутую букву «U» достигающие пик в среднем классе доходов» [17].

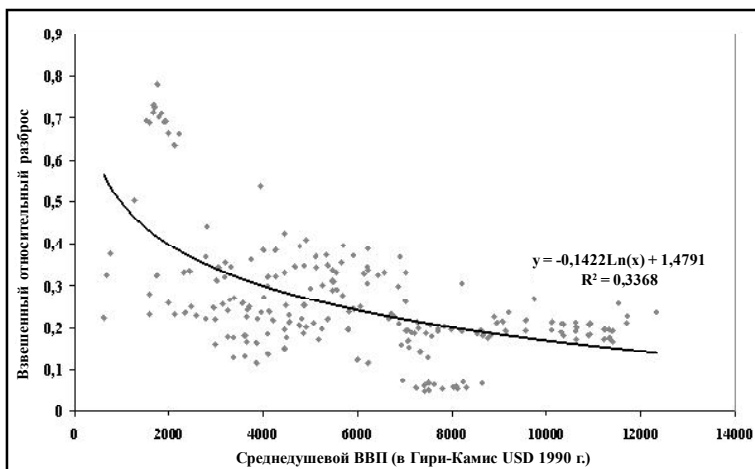
Ввиду простоты и легкости интерпретирования эта гипотеза приобрела большую популярность среди специалистов и стал неотъемлемой частью учебников по региональной науке: до сих пор много экспертов ссылаются на неё при теоретическом обосновании своих эмпирических исследований. В то же время заметно, что многие из этих авторов не обращают внимания на суть концепции и её критическое осмысление не доводится до конца. Характерно, что основная кривая у разных авторов приобретает весьма отличающиеся между собой конфигурации (рис. 1), безо всякой ссылки на то, являются ли они результатом собственных построений, ведь упомянутая статья Уильямсона 1965 г. не содержит никакого графического изображения гипотезы. Это последнее обстоятельство далеко не произошло из какого-либо поверхностного подхода со стороны американского экономиста; скорей всего отражало его предосторожную осторожность. Как указывает сам автор, об изучаемых странах во время написания статьи не был доступен такой стандартный ряд унифицированных данных о доходах, на основании которого мог бы быть составлен точный рисунок [17]. Имея это в виду, напрашивается вопрос: как бы мог

Рис. 1. Примеры на изображения базовой модели Уильямсона из литературы
Источники: слева направо С. Дэвис и М. Халлетт (2002), О.М. Дж. Амос (1988), Б. Сёрфи (2007).

выглядеть базовая кривая Уильямсона формы «опрокинутой буквы „U»» в своей исходной форме?

В настоящее время уже представляется некоторая возможность дать ответ на этот вопрос. В методически гомогенизированной базе данных, составленной А. Маддисоном можно найти среднедушевой доход (ВВП) внутри каждой страны изучаемой Уильямсоном, относительно временного отрезка анализируемого автором. Сопоставляя эти значения со степенью региональных неравенств развития, вычисленной Уильямсоном, может быть построена диаграмма разброса, которая отражает (далеко не детерминистическую, но статистически сигнификантную) логарифмическую взаимосвязь между вышеназванными двумя показателями, зрелищно вырисовывая нисходящую ветвь «опрокинутой буквы „U»» (рис. 2).

Рис. 2. Данные по странам фигурирующие в исследованиях Уильямсона относительно среднедушевого ВВП и размера региональных неравенств. Собственная компиляция по данным Уильямсона (1965) и Маддисона (2009)

Однако данные которыми мы располагаем, даже в таком виде не пригодны для проведения левой ветви кривой. В своей исходной статье Уильямсон обратил внимание и на это, а также на прочие существенные аспекты. Среди них он упоминал искажающие эффекты административного деления, нехватку ряда данных, представляющих региональные различия между расходами на проживание (региональные дефляторы), источники дохода жителей сельскохозяйственных регионов, не зафиксированные статистикой, но положительно влияющие на материальное благосостояние и на методологию сбора статистических данных, отличающуюся по странам. По его словам «остаётся только надеяться, что ни одно из этих исключений не в силах оспаривать важные взаимосвязи, вытекающие из этих данных» [17].

Кроме выше упомянутых предупреждений, впоследствии и прочие критические замечания были оставлены без внимания. Наиболее существенное из них было сделано Г. Гальяни [3] относительно кривой роста Кузнеца, лежащей в теоретической основе гипотезы Уильямсона. По его словам «поперечная точечная диаграмма может полностью совпасть с линией 45°-ного подъёма тогда, когда все страны следуют вдоль линии спускающейся под 45°-ным уклоном». Суть комментария заключается в том, что кривая формы «опрокинутой буквы “U”» полученная в результате поперечного анализа различных групп стран не значит, что продольный (временной) анализ по отдельным странам обязательно ведёт к такой же взаимосвязи (и раскрывает схожие влияющие факторы).

Принимая последнее замечание во внимание и на основе данных, представленных опять же Маддисоном [9], стоит посмотреть, в какой же степени траектории стран, упомянутых в статье Уильямсона следуют за общей закономерностью на диаграмме разброса. В итоге получается, что данные всего 8-ти из 16-ти государств совпадают более-менее с общей зависимостью. Более того, из этих только пять обладают временным рядом, относящимся хотя бы к четырём временным срезам. Эти факты в совокупности не подрывают полезность исходной концепции, однако обращают внимание на то, что для некоторых государств и групп стран отношение между развитостью и региональных диспаритетов может выразить специфическую взаимосвязь (детали см. дальше). Несмотря на то, что выше упомянутым ограничениям базовой концепции 1965 г. впоследствии было уделено мало внимания, результаты, достигнутые регионалистами внесли поправки и уточнения в исходную гипотезу. В свете всё новых и новых данных была открыта возможность для уточнения траектории правой ветви опрокинутой U-образной кривой. Впервые В. Алонсо [1] указал на возможность нового подъёма кривой в результате поднимающегося уровня экономического развития. Реальность этого спекулятивного размышления о повторном повышении уровня т.е. о последствии постфордской трансформации за счёт «усиления субурбанизации и перехода к сервисной экономике» была доказана эмпирически О. М. Дж. Амосом [2] через использование статистики региональной эконо-

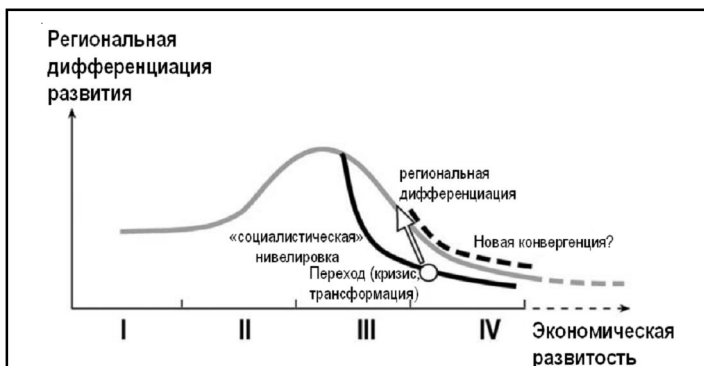
мики США. Ещё позже это же явление было изучено в Японии и Южной Корее и в 14-ти западно-европейских странах С. С. Ли [8] и Р.-Рапун М. Эскурра [18]. Более того, вместо колоколообразной кривой с одним максимумом они обсуждали о двойной колокольной кривой, поскольку после «новой дивергенции» другой тренд конвергенции был установлен в связи с некоторым территориальным распространением инноваций экономики постфордизма. С теоретической точки зрения сюда же относится ранняя работа Л. Лацко [7], представляющая возможность на практически неограниченное временное распространение гипотезы Уильямсона тем, что автор – основываясь на теории циклов Н. Д. Кондратьева – к каждому циклу развития экономики присвоил свою колокольную кривую.

Другие авторы занялись видоизменением основной кривой по Уильямсону. Й. Надь Немеш [11, 12] нарисовал асимметричную кривую, основанную на данных анализа 27-и стран, коррелируя её фазы со стадиями роста производства по Росту (см. на рис. 3). В его интерпретации правая ветвь кривой находится ниже, чем левая ветвь, что следует из выше упомянутого теоретического обоснования, согласно которому во время «государственно-монополистического капитализма» в результате проведения региональной политики произошло выравнивание территориальных неравенств по сравнению с некапиталистическим периодом.

Некоторые авторы обращали внимание на то, что внутренние процессы в разных группах стран не могут быть объяснены с помощью одной единственной модели. По определению К. Юниус [19] заново индустриализованные (развивающиеся) страны характеризуются высоким значением максимума колокольной кривой, которая угасает быстрее чем в старых индустриализованных (напр. в западно-европейских) странах, благодаря повышенной территориальной концентрации населения и пониженных транспортных расходов внутри глобализованного мира в последних. В свою очередь С. Дэвис и М. Халлетт [4] ввели две кривые: одну для описания стран, осуществляющих стабильную региональную политику и вторую для стран, не проводящих такую политику. Их конфигурация напоминает на кривые, упомянутые в статье К. Джуниуса.

Й. Немеш Надь [13] сконструировал своеобразную кривую для постсоциалистических стран восточно-центральной Европы. По идее автора во время социализма в этих странах – за счёт государственной политики выравнивания – региональные неравенства существовали на намного низшем уровне, ежели в капиталистических странах на сходной стадии развития («социалистическая нивелировка»). Однако смена политического режима и отмена этих механизмов привело к новой «региональной дифференциации» и возвращению к капиталистической базовой кривой, после которого становление «новой конвергенции» по О.М. Дж. Амосу является лишь одной из будущих сценариев (рис. 3).

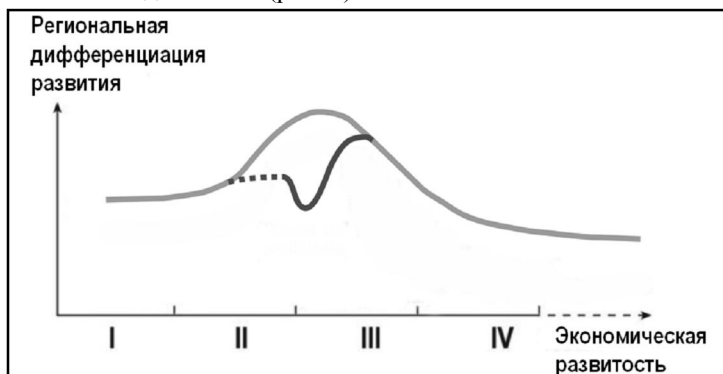
Ф. Дюрш [5] обращает внимание на подобный тренд (с точки зрения логических рассуждений) в Китайской НР. Одна из особенностей этой азиатс-

Рис. 3. Модифицированная «постсоциалистическая» кривая по Й. Надь Немеш для восточно-центральных европейских стран (чёрный цвет). Серым цветом показана модифицированная основная кривая разработанная автором в 1980 г.

Источник: [13].

кой страны вытекает из того, что Китай «вступил на путь социалистического развития» ещё до начала индустриализации, и «социалистическая уравниловка» проявилась в том, что на волне индустриализации во время режима Мао (за счёт огромных социальных и экономических затрат) региональные неравенства были ограничены. После эры экономических реформ, начатых с 1978 г. неравенства стали сглаживаться в результате того, что приток иностранного капитала изначально направился в остальные юго-восточные части страны. Позже однако и здесь разворачивалась «новая дивергенция», которая до сих пор не закончилась однозначно (рис. 4).

Рис. 4. Специфический вариант «постсоциалистической кривой» для случая Китая. Темно-серым цветом показан китайский пример, светло-серым – модель Й. Надь Немеш, 1980 г.

Источник: Дюриш Ф. (2009)

Подытоживая вышесказанное: гипотеза Уильямсона плодотворно влияла на региональные исследования, а результаты последних в свою очередь оказали позитивное воздействие на внесение дополнений и поправок в основную концепцию. Насколько всё это привело к осмыслению начальной концепции в течение времени, остается открытым вопросом.

Для разрешения этой проблемы может быть привлечено научное эссе Т. П. Морана [10], анализирующего последующую интерпретацию кривую роста Кузнецца, служащей исходной точкой для гипотезы Уильямсона. Из этого сообщения становится ясным, как идея С. Кузнецца [6] «основана в 5% на эмпирической информации и в 95% на спекуляции» превращалась в научный закон в глазах международного академического сообщества, как было обращено внимание на необходимость её переработки в 1980-х годах, пока наконец, приближаясь к миллениуму дошли до плюрализма соображений, который может вмещать в себе однозначный приём идей Кузнецца [15], также как и их категорическое опровержение [14].

Обозревая жизнь гипотезы Уильямсона интересный факт обращает на себя внимание: она никогда не была насколько мистифицирована среди специалистов, как в одно время кривая Кузнецца, правда ей и не пришлось терпеть такие острые нападения. Чтобы понять это явление, не бесполезно обратиться опять же к Т. П. Морану [10]. Он указывает на то, что концепция, разработанная Кузнецом могла стать неоспоримой «истиной» во время взглядов фордизма на развитие одинаково господствующих в научной и политической сферах до 1970-х годов, а потом переворот постфордизма открыл путь любой критике данной идеи. В то же время модель, также создана в защиту развития, возникла слишком поздно для того, чтобы она могла бы перехвачена научным сообществом эпохи фордизма. С другой стороны суждения о ней позже находились под влиянием дихотомии между квантитативной географии и неквантитативных трендов внутри дисциплины. В то время как первые из них, т. е. региональные исследования «не могли себе позволить» критически высказаться об одной из своих основополагающих концепций, противоположные методы, опровергая квантитативный подход в целом, не сформулировали критику по его частям. Эта своеобразная ситуация вела к тому, что вокруг теории Уильямсона, достойной пристального внимания, всегда царил умеренная критическая атмосфера.

Литература

1. *Алонсо В. / Alonso W.* Five bell shapes in development // Papers of the Regional Science Association. 1980. P. 1. P. 5–16.
2. *Амос О. М. Джс. / Amos O. M. Jr.* Unbalanced regional growth and regional income inequality in the latter stage of development // Regional Science and Urban Economics. 1988. № 4. P. 549–566.
3. *Гальяни Г. / Gagliani G.* Income distribution and growth: The Kuznets hypothesis revisited // Econometrica. 63. (supplement). 1987. P. 103–117.

4. Дэвис С., Халлетт М. / *Davis S., Hallett M.* Interactions between National and Regional Development // HWWA Discussion Paper 207. Hamburgisches Welt-Wirtschafts-Archiv (HWWA). 2002.

5. Дюриш Ф. / *Gyuris F.* Zhongguo Yu Dongzhongou Quji Yu Quyunei Fazhan Chaju De Dongtai Yanbian. In: Quanguo Jingji Dili Yanjiuhui Di Shisan Jie Xueshu Nianhui Ji Jinrong Weiji Beijing Xia De Zhongguo Quyu Jingji Fazhan Yantaohui. Jiaying Xueyuan. 2009. P. 246–268.

6. Кузнец С. / *Kuznets S.* Economic Growth and Income Inequality // *The American Economic Review*. 1955. № 1. P. 1–28.

7. Лацко Л. / *Lackó L.* A területi fejlődés jellege // *Területi Statisztika*. 1986. № 3. P. 205–219.

8. Ли С. С. / *Lee S. S.* Spatial Dynamic Variations of Regional Inequality in Korea and Japan // *Studies in Regional Science*. 2004. № 1. P. 97–116.

9. Маддисон А. / *Maddison A.* Statistics on World Population, GDP and Per Capita GDP, 1–2006 AD. 2009. – www.ggdc.net/maddison/Historical_Statistics/horizontal-file_03-2009.xls.

10. Моран Т. П. / *Moran T. P.* Kuznets's Inverted U-Curve Hypothesis: The Rise, Demise, and Continued Relevance of a Socioeconomic Law // *Sociological Forum*. 2005. № 2. P. 209–244.

11. Немеш Надь Й. / *Nemes Nagy J.* A regionális gazdasági fejlődés összehasonlító vizsgálata. Kandidátusi értekezés (kézirat). – Budapest, 1980.

12. Немеш Надь Й. / *Nemes Nagy J.* A regionális gazdasági fejlődés összehasonlító vizsgálata. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1987.

13. Немеш Надь Й. / *Nemes Nagy J.* Fordulatra várva – a regionális egyenlőtlenségek hullámai // *A földrajz dimenziói*. Dövényi Z., Schweitzer F. (szerk.). – Budapest: MTA FKI, 2005. P. 141–158.

14. Родрик Д. / *Rodrik D.* Comments on 'Equity and growth in developing countries: Old and new perspectives on the policy issues' // *Income Distribution and High-Quality Growth*. Tanzi, U.–Chu, K.-Y. (szerk.). – Cambridge (Massachusetts): MIT Press, 1998. P. 638–659.

15. Рэндольф С. М., Лотт В. Ф. / *Randolph, S. M., Lott W. F.* Can the Kuznets effect be relied on to induce equalizing growth? // *World Development*. 1993. № 5. P. 829–840.

16. Сёрфи Б. / *Szörfi B.* Development and Regional Disparities – Testing the Williamson Curve Hypothesis in the European Union // *Focus 2/07*. – Bécs: Österreichische Nationalbank, 2007. P. 100–121.

17. Уильямсон Дж. Г. / *Williamson J. G.* Regional inequality and the process of national development: A description of the patterns // *Economic Development and Cultural Change*. 1965. № 4. P. 3–84.

18. Эскурра Р., Рарун М. / *Ezcurra R., Rapún, M.* Regional Disparities and National Development Revisited. The Case of Western Europe // *European Urban and Regional Studies*. 2006. № 4. P. 355–369.

19. Юниус К. / *Junius K.* Economic Development and Industrial Concentration: An Inverted U-Curve // *Kiel Working Paper No. 770*. – Kiel Institute of World Economics, Department IV. 1996.

Зырянов А. И.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ: ТОПОЛОГИЯ И СИНТЕЗ

Термин «теоретическая география» звучный и благозвучный. Он состоит из понятных слов и, кажется, что не требует определения. Однако трудно найти еще столь же отвергаемую географами часть своей науки. Что же такое «теоретическая география»? Чем она отличается от других частей географии? Какова ее структура? Актуальна ли ее тематика, «работают» ли закономерности и модели?

На наш взгляд, теоретическая география – это часть географии. Она состоит из двух разделов, формального и содержательного. **Формальный раздел** включает формализованные, количественные, геометрические, абстрактные географические знания.

Формальный пласт теоретической географии появляется в связи с тем, что в географии, как науке в основном качественной и описательной, относительно не много формализованных знаний. Наша наука – наука о неявных закономерностях, и, например, геометрически простые закономерности открываются редко. Такие знания в виде абстрактных моделей, схем, определений или формул пополняют первый раздел теоретической географии. Понятийный аппарат этого раздела включает главные абстрактные понятия географии, такие как ареал, зона, район и некоторые другие, которые одновременно используют, но насыщают разным смыслом физическая география и социально-экономическая география.

Формализованный пласт достаточно разношерстный. Одним из основных разделов формализованной части теоретической географии является топология. Какие вопросы относятся к топологии? С этим термином связаны понятия конфигурации, направления, расположения, соседства, ассоциируются точечные, линейные и площадные географические объекты, геометрические территориальные модели и картоиды.

Яркими решениями вопросов топологии, например, функционального зонирования являются модель изолированного государства И. Тюнена в ее основном виде и модель поляризованного ландшафта Б. Б. Родомана также в ее принципиальной форме. К топологическим региональным моделям относятся модели центральных мест В. Кристаллера и экономического ландшафта А. Леша. Не будем останавливаться на описании этих широко известных схем. Покажем актуальность теоретико-географических подходов на уровне топо-

логии для решения современных проблем развития Пермского края. Обозначим только три разномасштабных задачи, из которых первая имеет глобальный характер решения, вторая – региональный, и третья – местный.

Первая тема – «Пермский край и поясное время». Тема актуальна для региона по следующим причинам. В связи с введением декретного времени, а также вследствие географического положения Пермского края в западной половине четвертого часового пояса, на ее территории применяемое время (московское + 2 часа) сильно отличается от местного (меридианного). Это отличие в разных населенных пунктах составляет от 1 часа 05 минут до 1 часа 30 минут зимой и от 2 часов 05 минут до 2 часов 30 минут летом.

Тему поясного времени можно отнести к топологическому разделу теоретической географии. Действующую схему часовых поясов земного шара в связи с ее пространственно-временным характером, генерализованностью и геометричностью можно рассматривать как теоретико-географическую модель. Возможно, это первая четкая теоретико-географическая схема согласования глобальных, региональных и локальных интересов людей на планете. Эта тема связана с философским вопросом соотношения идеального и реального где совершенные геометрические формы часовых поясов входят в противоречия с конфигурациями регионов. Может быть положением этой темы в лоне теоретической географии можно объяснить тот факт, что физико-географы, и экономико-географы почти не публиковали научных работ по этой тематике многие годы.

Вторая тема связана с объединением Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа в единый субъект федерации – Пермский край. При различных мнениях по поводу экономических, социальных и политических последствий этого объединения, которые можно было только предугадать, существовал один сильный теоретико-географический аргумент «за». Этот аргумент состоял в следующем. Пермская область и Коми-Пермяцкий автономный округ вместе образуют компактную форму региона. Если, высчитать геометрический центр Пермской области без округа и геометрический центр Пермской области с округом, то эти две точки расположатся рядом и, при этом, вблизи территории округа. Конфигурации области и округа пространственно цепляются в крепкий «пазл». Каждый из обеих составных частей нового субъекта федерации объединившись, выиграли, улучшив компактность региона.

Третья тема – «Автотранспортная проблема центра города Перми». Решение ее находится и на уровне теоретической географии, в городской топологии. Нынешняя конфигурация города Перми (вытянутая и согнутая), заданная изгибом Камы, напоминает форму полукольца. В связи с этим обширные местности, расположенные практически в геометрическом центре города, выполняют не центральные городские функции или же не используются вообще. То есть, геометрический центр города и его реальный социально-экономический центр пространственно не совпадают и сильно разобщены. Это приводит

к разбалансированию многих компонентов городской деятельности и хозяйства. Освоение городом площадей правого берега Камы способствовало бы формированию более оптимальной конфигурации территории города Перми, построению компактной формы. Это позитивно сказалось бы на многих городских процессах, на решении транспортных проблем.

Содержательный раздел состоит из более конкретных знаний. Он появляется с открытием закономерностей общих, как для физической географии, так и для социально-экономической географии. Речь идет, в частности, об интегральных территориальных системах, которые увязывают в одно целостное сочетание природные комплексы и социально-экономические системы на территории. Примером наиболее известных содержательных теоретико-географических моделей являются модель изолированного государства И. Тюнена в варианте с судоходной рекой, модель поляризованного ландшафта Родомана в варианте с берегом моря, модель территориальной рекреационной системы В. С. Преображенского. Конструкцию следует считать теоретико-географической, если в экономико-географическую схему вводится физико-географический элемент и абстрактная схема становится по содержанию комплексной географической.

Близки к теоретико-географическим некоторые хорошо формализуемые схемы по теме географии сельского хозяйства, поскольку они интегральные общегеографические по содержанию. Например, исследователи Памира П. А. Баранов и И. А. Райкова в 1928 г. составили удивительную схему распределения типов горных кишлаков в долинах Западного Памира, которая затем стала хрестоматийной [1]. Долина реки Ванч практически прямолинейна. Вверх по долине в соответствии с абсолютной высотой хозяйственно и ландшафтно поселения меняются, начиная от кишлаков «тутового» типа, к кишлакам сначала «орехового» типа, далее «грушево-яблочного» типа, до кишлаков «ивово-тополевого» типа. Схема выполнена авторами безукоризненно топографически в соответствии с экспедиционными традициями тех лет, но простая геометрия горной долины, четкость и красота выявленной пространственной закономерности наталкивает на составление абстрактной модели.

Пространственные проблемы интегрального свойства, для решения которых следует привлекать и физико-, и экономико-географические сведения являются теоретико-географическими. Географы, благодаря разделению на два крыла науки, нередко уходят от решения таких стыковых вопросов. Примером теоретико-географического вопроса является вопрос о физико-географическом положении города. Отметим, что по этой теме, важной в академическом и прикладном отношениях, в последние десятилетия публикаций почти нет.

Нацеленность теоретической географии на географический синтез выражается, в том, что рекреационная география, имеющая территориальный объект изучения интегрального природно-социального характера, и выража-

ющая явный интерес к топологии (к районам, маршрутам, сетям), пользуется теоретико-географическими методами. Отметим, то, что В. С. Преображенский и Б. Б. Родоман внесли большой вклад одновременно и в теоретическую, и в рекреационную географию.

На наш взгляд, древняя классическая география, неразделенная внутренне, основанная на сведениях из путешествий, благодаря простым методам наблюдения, описания и сравнения, составляющая схематичные карты, была, возможно, ближе к теоретической географии, чем нынешняя система географических наук, далеко уходящая от географической карты и общего взгляда на территорию.

Таким образом, теоретическая география – это наука, которая рассматривает интегральные и отраслевые географические проблемы топологически и формализованными методами. В основе теоретической географии топология и синтез.

Литература

1. Баранов П. А., Райкова И. А. Дарваз и его культурная растительность // Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Т. 1. – Ташкент, 1928.

Мезенцев К. В.

УКРАИНСКАЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ВЫЗОВЫ И ИЗМЕНЕНИЯ

Современная украинская социально-экономическая (общественная) география находится на перекрестке дорог. Выбор дальнейшего пути зависит от осмысления сущности такого положения. Если одна дорога ведет к консервации теории и методологии, самоудовлетворенности достигнутым, то другая – к инновациям и научным поискам, одна – вглубь индустриального общества, другая – к информационному обществу, одна – к самоизоляции, другая – к интеграции в мировую общественную географию. В такой ситуации можно говорить о вызовах украинской (впрочем, как и другим постсоветским) общественной географии.

В целом вопросы проблем и перспектив общественной географии в Украине неоднократно обговаривались и освещены в работах ведущих отечественных ученых – А. Топчиева [5, 6, 7], О. Шабля [8, 9, 10], Н. Пистуна, Н. Багрова, Я. Олийныка и др. Однако, хотелось бы более четко определить вызовы общественной географии сегодняшнего дня.

Вызовы, связанные с изменением методологии общественно-географических исследований. Как свидетельствует мировой опыт, основными теоретическими и методическими новациями в общественной географии на современном этапе ее развития являются: анализ пространственных аспектов различных трансформационных процессов, эволюции экономической, социально-

культурной, политической деятельности населения; обоснование перспектив регионального развития с учетом новых факторов (в том числе глобализации, финансовых, информационно-технологических и др.); изучение процессов социально-географической поляризации населения, региональной социальной безопасности, пространственного распространения социальных неблагоприятий и угроз; совмещение количественных и качественных методов исследований (традиционных методов пространственного анализа, ГИС-анализа, географоматематического моделирования, с одной стороны, и методов, направленных на определение перцепционных характеристик регионов, выявление региональных стереотипов, региональной самоидентификации населения, с другой), использование новых методов исследований (нелинейного моделирования, нейросетей, фрактальной геометрии, теории нечетких множеств и др.) [1].

К сожалению, значительная часть общественно-географических исследований в Украине посвящена изучению традиционных объектов традиционными методами. Множество общественно-географических работ базируется на откровенно устаревшей, иногда до сих пор заидеологизированной методологии (о чем пишут О. Шаблій [7], С. Сонько [8] и др.), характеризуются научным формализмом. Ряд исследований является «теорией для теории», когда за новыми терминологическими конструкциями, очередными комплексами и системами нет каких-либо практически полезных выводов. Как следствие, многие диссертации оказываются неактуальными [3]. Также есть безуспешные попытки «перетянуть» классическую методологию географии производства на современные сервисные, информационно-коммуникационные, сетевые объекты исследований.

Вызовы, связанные с непризнанием практической ценности общественно-географических исследований. В Украине продолжается дискуссия о существовании общественной географии как науки вообще. При этом ее существование отрицают не только сторонники региональной экономики или физической географии, но и многие экономико-географы. Декларируется бесперспективность, псевдонаучность общественно-географических исследований. В силу ряда причин реализация конструктивного потенциала общественной географии довольно ограничена, отсутствуют реальные государственные заказы на научные исследования, хоздоговорные темы эпизодичны.

Основные причины сложившейся ситуации таковы. С одной стороны, экономисты за счет большей «критической массы» (по выражению А. Топчиева) «перехватывают» большинство госзаказов на разработку региональных прогнозов, программ, схем размещения производительных сил. Хотя, как правильно заметил Э. Шеппард, экономисты недавно переоткрыли экономическую географию как место приложения экономической теории. Но их исследования показывают, что, для того, чтобы полностью охватить пространственное измерение общества, экономические теории должны быть существенно модифицированы. Географический же подход позволяет комплексно охваты-

вать эволюцию экономических ландшафтов, а также разнообразные неэкономические процессы, которые приводят к экономическим изменениям [11]. При этом, с другой стороны, значительная часть отечественных специалистов в общественной географии не владеют практическими навыками релевантных исследований (легче исследовать абстрактные объекты, когда полученные результаты фактически невозможно верифицировать); многие исследования ограничиваются использованием информации из общедоступных статистических справочников (а иногда – только поисковых систем Интернет); экспедиционные исследования фактически отсутствуют (выводы о миграционных и расселенческих процессах, территориальной специализации «мигрируют» из одной книги в другую, порой далеко не соответствуя действительности). Таким образом, действительно есть серьезные как внешние, так и внутренние угрозы потери спроса на общественно-географические исследования в Украине.

Вызовы, связанные с переходом к информационному обществу. Можно говорить о точках, линиях и плоскостях пересечения процессов информатизации общества и общественно-географических исследований [2].

Точки пересечения – это использование новых знаний из сферы информации, информационных ресурсов, информационных технологий. С одной стороны, возникает необходимость разработки новых методик информационного обеспечения общественно-географических исследований, с другой – развитие новых направлений общественной географии, которые базируются на использовании «информационно емких» подходов и методов (ГИС-моделирование, геомаркетинг и др.).

Линии пересечения – это пути усовершенствования средств обучения и исследований, в частности, внедрение в учебный и исследовательский процессы современных информационных технологий. Важным аспектом является наличие электронных учебников, презентаций лекций, методических разработок. Преподаватель в результате этого получает возможность не «надиктовывать» текст, а собственно преподавать – объяснять, делать выводы, анализировать и синтезировать. Сложной, но вполне выполнимой задачей является создание электронной библиотеки общественно-географической литературы (пока есть только разрозненные попытки ее создания). Современное программное обеспечение открывает возможности использования в научных исследованиях новых методов нелинейного моделирования, нейросетей, компьютерной анимации и пр.

Плоскости пересечения – это новые объекты и предметы общественной географии, порожденные процессами информатизации. Они принципиально отличаются от объектов индустриального общества, производственных пространств. Прежде всего, речь идет об информационной экономике, информационно-коммуникационной инфраструктуре, сетевых формах организации хозяйственной деятельности, виртуальных сообществах людей, информаци-

онном обществе в целом и порожденных им явлениях – географии информационных войн, производства информационного мусора, географии информационного неравенства, самоидентичности населения в условиях глобализации общества. Одновременно переосмысливается содержание категорий «пространство» (речь идет о его «уплотнении», «сжатию», виртуализации), «ответственно-географическое положение» (относительно информационных сетей). Важным предметом общественно-географических исследований становится и оценка готовности стран, регионов, районов к информационному обществу.

Современным заданием является учет и эффективное использование новых возможностей, которые открываются для общественной географии. Оно состоит в том, чтобы при переходе Украины к информационному обществу отечественная общественная география не осталась типичной наукой индустриального общества, а, следовательно, отошла в прошлое, уступив место тем дисциплинам, которые вовремя среагируют на вызовы информационного будущего. Для этого надо точки пересечения превратить в «точки роста», линии пересечения – в магистральные пути усовершенствования учебного и научно-исследовательского процессов, плоскости пересечения интенсивно изучать и превращать в новые объекты и предметы общественно-географических исследований.

Изменения уже происходят. Во-первых, это касается теоретико-методологических основ украинской общественной географии: расширяется предметно-объектная область (развиваются относительно новые направления – география качества жизни, социальных неблагополучий, перцепционная география, гендерная, электоральная, сакральная география), используются новые методологические подходы (бихевиористический, синергетический), а в научных исследованиях оперируют категориями нелинейности развития, холистичности, перцепционности. Во-вторых, усовершенствуется методический аппарат исследований. В-третьих, используются инновационные методики подготовки специалистов в сфере общественной географии. Но в целом это не мощный поток изменений, а, к сожалению, в большей мере отдельные попытки энтузиастов.

Литература

1. *Мезенцев К. В.* Общественно-географическое прогнозирование регионального развития: Монография. – К.: ВПЦ «Київський ун-т», 2005. (на укр. языке).
2. *Мезенцев К. В.* Теоретико-методологические сдвиги в общественной географии в условиях информатизации общества // География в информационном обществе: Сб. научн. тр. Т. 2. – К.: ВГЛ «Обрії», 2008. С. 14–16. (на укр. языке).
3. *Мезенцев К. В.* Проблемы и перспективы украинской общественной географии XXI века // Часопис соціально-економічної географії. – Харьков, 2008. № 5(2). С. 23–30. (на укр. языке).
4. *Сонько С. П.* Пространственное развитие социо-природных систем: путь к новой парадигме. – К.: Ніка-центр, 2003.

5. *Топчиев А. Г.* Основы общественной географии: Учеб. пособие. – Одесса: Астропринт, 2001. (на укр. языке).

6. *Топчиев А. Г.* О предметной области и предмете общественной географии // Український географічний журнал. – 2004. – №2. С. 3–7. (на укр. языке).

7. *Топчиев А. Г.* Общественно-географические исследования: методология, методы, методика: Учеб. пособие. – Одесса: Астропринт, 2005. (на укр. языке).

8. *Шаблій О. И.* Основы общей общественной географии: Учебник. – Львов: ВЦ ЛНУ ім. Івана Франка, 2003. – 444 с. (на укр. языке).

9. *Шаблій О. И.* Общественная география: теория, история, украиноведческие исследования. – Львов: Львів. нац. ун-т, 2001. (на укр. языке).

10. *Шаблій О. І.* Фундаментальные объекты исследования общественной географии в классическом, неклассическом и постнеклассическом измерениях // Украина: географические проблемы устойчивого развития. – К.: ВГЛ Обрії, 2004. С. 96–97. (на укр. языке).

11. *Sheppard E.* How Economists Think: About Geography, for Example. Reflections on the Spatial Economy // Journal of Economic geography. 2001. № 1. P. 131–136.

Сафиуллин Р. Г., Сафиуллина Р. М.

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ НАУКА: ДОСТИЖЕНИЯ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ

Достижения отечественной экономико-географической науки, которые признаны обществом и практикой: теории территориально-производственных комплексов, энергопроизводственных и ресурсных циклов, экономико-географического положения, экономико-географического районирования, геурбанистики.

С начала 1970-х годов в нашей стране «центр тяжести» географических исследований перемещается в сторону общественно-географических наук. Резко возрос социальный заказ на комплексные территориальные исследования, разработку концепций и программ регионального развития и управления.

Современную трансформацию пространственной организации хозяйства и населения России применительно к меняющимся рыночным условиям определяют экономические, социальные, политические, геодемографические, территориальные, экологические цели развития страны. Этим обусловлена необходимость научного анализа, исследования и обоснования формирования эффективных конкурентоспособных территориальных социально-экономических систем в регионах страны, которые стали бы основой повышения качества жизни населения.

Основные тенденции развития экономико-географической науки в содержательном аспекте, наметившиеся с 1970-х годов в России:

1. **Экономизация.** Определялась необходимостью разработки теории эффективной пространственной организации хозяйства и населения, выявлении-

ем и оценкой географических факторов и условий, влияющих на эффективность функционирования экономики районов, территориальных производственных систем (ТПК, промузлы, промцентры), отдельных производств.

2. **Социализация и гуманизация.** Заметно увеличился размах исследований социального характера. Это было связано с ростом роли и значения социального фактора в освоении новых пионерных районов страны при формировании ТПК и зон хозяйственного освоения (Западно-Сибирский, КАТЭК, Южно-Якутский, Братско-Усть-Илимский, Саяно-Шушенский, БАМ). В 1970-е годы наметился отток трудовых ресурсов из восточных районов России, что потребовало проведения экономико-географических исследований по выявлению тенденций, закономерностей, причин такой миграции из пионерных районов. Это проявилось также и во внедрении социологических методов исследования в экономико-географические работы (анкетирование, интервью, опросы).

3. **Конструктивизм.** Переход экономико-географической науки к решению научно-прикладных народнохозяйственных задач. При кафедрах экономико-географического профиля в центральных вузах России были сформированы научно-исследовательские лаборатории. Это определялось масштабностью задач, возникавших в тот период, при реализации грандиозных по тем временам программ пространственного развития страны за счет формирования программно-целевых ТПК.

4. **Экологизация.** Особенно это тенденция стала преобладающей в экономико-географических исследованиях после аварии на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 года.

5. **Политизация.** Эта тенденция связана с началом политических преобразований в стране.

6. **Компьютеризация** – выражающаяся в распространении использования ГИС-технологий в исследованиях территориальных общественных систем (ТОС).

Общие тенденции развития экономико-географической науки:

1. Интеграция или развитие вширь через:

- исследования природно-хозяйственных систем;
- развитие теоретической географии;
- расширение взаимодействия с приграничными науками – региональной экономикой, региональной социологией.

2. Дифференциация или развитие вглубь:

- по научным школам;
- по научным направлениям (экономико-географическое районирование, геодемографическое, демографо-экономическое, геурбанистическое, страноведческое, картографическое, эффективное региональное развитие);
- по территориальной локализации (центры Москва, С.-Петербург, Калининград, Ставрополь, Воронеж, Пермь, Казань, Ростов-на-Дону, Краснодар, Уфа, Иркутск, Владивосток);

– становление новых научных направлений исследований исходя из запросов рыночной экономики (география безработицы, география религий, поведенческая география, геоконфликтология, география культуры, география рекреационного хозяйства, политическая география, гендерная география, география природных стихийных бедствий и экстремальных природных явлений, география малого и среднего предпринимательства, география недвижимости и др.).

Проблемы отечественной экономико-географической науки:

1. **Самоизоляции и автаркизации региональных хозяйственных комплексов.** Она вступает в противоречие с ограничением региональной политики в стране. Причина упрощенного понимания роли пространственной составляющей экономики России, то есть специфики экономического, правового и социоэтнополитического пространства заключается в «...низкой экономико-географической культуре управленцев, порождающей примитивизм в трактовке целей и механизмов региональной политики» [1, с. 23]. Сохраняющаяся специфика экономики нашей страны в ее пространственной неоднородности, причем не только природно-климатической, но и экономико-географической. В России, если хотим достичь эффективного управления хозяйством и населением страны, без научно-прикладных достижений экономико-географической науки обойтись невозможно.

2. **Кадровая.** Обусловлена старением профессиональной среды экономико-географической науки и миграцией специалистов в региональную экономику и рыночные структуры. Уход профессионалов из экономической и социальной географии в региональную экономику имеет позитивные и негативные результаты. Процесс этот был всегда. Например, в 1960–1990 г. мигрировали в экономику и региональную экономику М. К. Бандман, Т. М. Калашникова, В. Я. Любовный, П. Я. Бакланов и др. В условиях рыночных преобразований эту тенденцию продолжили А. Г. Дружинин, С. В. Раевский, Б. Л. Раднаев, Н. В. Зубаревич. Они пропагандируют экономико-географические теории и идеи в экономической среде, но при этом сами все более подвергаются диффузии и ассимиляции.

3. Физического и морального износа материально-технической базы.

4. Недостаточного финансирования науки в стране в целом и экономико-географической науки, в частности.

О падении роли науки в российской экономике свидетельствует такой показатель как доля расходов на научные исследования и разработки в ВВП (табл. 1).

Плачевно выглядит российская наука по абсолютным размерам бюджетного финансирования (табл. 2). В условиях рыночной экономики одним из важнейших факторов конкурентоспособности регионов становится динамичная инновация, которая невозможна без науки. Российская экономика в этом направлении уже в течение последних 20 лет теряет свою конкурентоспособность: финансирование науки в США в 18,5 раз превышает российский, в Японии – в 7,5 раза, в Германии – в 3,6 раза, во Франции – в 2,2 раза, в Великобритании – в 1,9 раза.

При этом нарастает абсолютный разрыв в финансировании инновационной сферы в России. Если в 1995 г. объем финансирования науки в США превышал российский на 176 млрд долларов, то в 2006 г. – уже на 325,2 млрд долл. Китай, который по объему финансирования научных исследований в 1995 г. шел впереди России с опережением на 30%, к 2006 г. обогнал в 4,7 раза (табл. 2).

5. Отсутствие государственного заказа на экономико-географические исследования по проблемам пространственного развития России.

В связи с отрывом экономико-географов от решения реальных научно-прикладных проблем в их среде усиливается непонимание происходящих пространственных трансформаций в экономике страны. Это проявляется, например, в непонимании практической роли, значимости и применимости теории ЭПЦ в сочетании с теорией географических (территориальных) кластеров.

6. Слабая координация и интеграция научно-исследовательской деятельности Русского географического общества, Института географии РАН и кафедр экономико-географического профиля вузов.

В результате этого усиливается разобщенность экономико-географической науки по академическому и вузовскому секторам, а также и внутри вузовского сектора.

7. Застой в структурной трансформации отечественной географической науки в связи с внутренним корпоративным противодействием прогрессивным рыночным структурным изменениям.

Таблица 1

***Расходы на научные исследования и разработки
в % к ВВП ведущих стран мира и в России***

годы	США	Япония	Германия	Франция	Великобритания	Россия
1985	2,8	2,6	2,7	2,3	2,3	2,01
1990	2,7	2,9	2,8	2,4	2,2	2,03
1995	2,6	2,7	2,5	2,4	2,2	0,79
2000	2,8	2,9	2,7	2,4	2,3	1,06
2006	2,6	3,4	2,5	2,1	1,8	1,1

Источник: [4, с. 308; 5, с. 307].

Таблица 2

***Расходы на научные исследования и разработки ведущих стран мира
и в России (млрд долл.)***

годы	США	Япония	Германия	Франция	Великобритания	Россия	КНР
1995	184,1	82,1	39,4	28,5	22,5	8,1	10,5
2000	267,8	98,8	51,5	33,8	28,0	10,7	27,0
2004	312,5	118,0	59,1	39,0	33,2	16,5	57,7
2006	343,8	138,8	66,7	41,4	35,6	18,6	86,8

Источник: [4, с. 307; 5, с. 306].

Мировой тенденцией трансформации географической науки с 1970-х годов является гуманизация географической науки, направленность ее на решение реальных проблем человека. Директор ИГ РАН В. Котляков говоря о недостатках структурной организации географической науки в рамках вузовского образования и РАН отметил: «... Нам препятствовали развивать социальные аспекты науки. География у нас в стране и за рубежом – далеко не одна и та же наука. Наша география в основном физическая» [3]. Тем самым признается, что структура отечественной географической науки явно не стыкуется с реалиями и запросами формирующейся рыночной экономики страны.

В европейских странах (Германия, Франция, Великобритания и др.) и в США соотношение между физической географией и общественной географией за последние два десятилетия резко изменилось в сторону общественной. Учитывая эту тенденцию, теоретические основы и практические исследования отечественной экономико-географической науки следует развивать в направлении соответствия запросам рыночной экономики.

8. Дефицит научно-прикладных координационных, интеграционных конференций и совещаний.

Следствием этого является усиление «личностного» незнания экономико-географами друг друга в виду резкого сокращения научных, учебных контактов между специалистами общественной географии. Особенно это касается молодого поколения кадров. Общение все более становится виртуальным через Интернет.

9. Концентрация деятельности большинства специалистов экономико-географической науки в образовательной сфере в связи с недостаточным финансированием научных исследований.

Негативные тенденции развития отечественной экономико-географической науки.

В условиях кризисного развития России с 1990 г. по сегодняшний день, приоритет сырьевого развития экономики при игнорировании роли науки, как основы формирования инноваций, технологий, качественного человеческого капитала, в отечественной экономико-географической науке наметились следующие негативные тенденции:

1. **Провинциализация.** Это определяется изоляцией исследователей в области географии от глобальной системы научного знания в географии. Это языковая изоляция (отсутствие переводных работ ведущих ученых экономико-географов зарубежных стран, отсутствие иностранных географических научных журналов в вузах, системных исследований по состоянию, проблематике, тенденциям развития общественной географии в мире), научная изоляция в связи с невозможностью участия в международных научных конференциях.

Между столичными и периферийными экономико-географическими центрами в рыночных условиях возникают прямые конфликты «...экономических

интересов исследовательских коллективов за региональные и муниципальные заказы, российские и зарубежные гранты, ренту от подготовки кадров высшей квалификации и т.п.» [2, с. 4–5]. Наши призеры республиканских олимпиад по географии уезжают учиться на географический факультет МГУ, выпускники кафедры экономической географии в связи с дефицитом выделяемых бюджетных мест в аспирантуру БашГУ уезжают поступать в аспирантуры МГУ, СПбГУ).

2. *Автаркия, автономность, разобщенность в развитии экономико-географической науки.*

5. Дублирование научных экономико-географических исследований.

6. Потеря видения перспектив общественной географии в виду ее размывание в региональной экономике, региональной социологии.

Теоретико-методологические задачи и приоритеты развития экономико-географической науки:

1. Научное обеспечение пространственного мониторинга за социальными, экономическими, экологическими, геодемографическими, урбанизационными, политическими процессами и явлениями с целью выяснения тенденций, формирующихся проблем и возможных методов и средств их решения.

2. Исследование фундаментальных теоретических проблем пространственной эволюции, модернизации территориальных социально-экономических систем (географических кластеров, энергопроизводственных циклов, урбанизационных очагов роста), территориальной общности людей (ТОЛ), территориальной организации общества (ТОО).

3. Развитие территориальных прогностических исследований социально-экономического, экологического, геодемографического, природоресурсного, политического развития страны и регионов исходя из стандартов качества жизни России и развитых стран. Мы, экономико-географы, не пытаемся узнать общество, в котором хотим жить не завтра или через 5 лет, а лет через 50–60. За нас это делают комитеты ООН. По прогнозу ООН в России в 2050 г. будет жить 90–95 млн человек. Министр здравоохранения и социального развития России Т. Голикова неустанно твердит, что по их «...прогнозам население России должно увеличиться к 2025 до 145 млн человек» [6]. Социальные пространственное проектирование на Западе – это разработки, которые осуществляют университеты, академические и частные институты. В России этим географы не занимаются. От этапа анализа, обсуждений, концептуальных разработок необходимо и должно переходить к составлению территориальных прогнозов и моделей развития хозяйства и населения. В частности, научно-практическое значение приобретают территориальные экономико-географические прогнозы эволюции систем расселения и численности населения в субъектах РФ по таким важным составляющим как трудоспособное население, пенсионное и т. д. Такие разработки экономико-географов могут быть основой для реальных оценок перспектив конкурентоспособности страны в целом и в пространственном аспекте.

4. Переход к решению конкретных научно-прикладных задач в рамках государственного заказа. Это прозвучало в выступлении В. В. Путина на Внеочередном съезде РГО в Москве (ноябрь, 2009). Чего ждет от географической науки и в первую очередь от экономической, социальной и политической географии российское правительство? Премьер-министр РФ В. Путин отметил, что Русское географическое общество «...способно оказать большую практическую помощь нашим планам по комплексному развитию Восточной Сибири и Дальнего Востока, Ямала и севера Красноярского края, активно включиться в проекты дальнейших исследований Арктики и Антарктики, помочь в экологическом обеспечении Олимпиады в Сочи». По его мнению, накопленный географической наукой колоссальный запас знаний должен быть востребован для решения задач сегодняшнего дня: «Это, прежде всего, эффективное и рациональное использование природных богатств, планирование транспортной инфраструктуры, вопросы экологии».

5. Экономико-географам необходимо активно включаться в процесс инициирования и решения реальных научно-прикладных проблем пространственного развития страны и регионов, заинтересовать прежде всего властные структуры и общественность в позитивных научных результатах концепции региональной политики, нового экономико-географического районирования страны.

6. Работы экономико-географов должны носить конкретный рекомендательный адресный характер: ориентироваться на управленческие правительственные, общественные учреждения, политические движения на различных географических уровнях: макро – (федеральный), мезо- (субъектный – республиканского, краевого, областного), микро- (муниципальный).

Формирование территориальных инвестиционно-инновационных систем, в связи с необходимостью обеспечения инновационного развития страны, предполагает и государственный заказ на территориальные научно-прикладные экономико-географические исследования. Эволюция мировой экономики свидетельствует о том, что ни одной стране не удавалось разбогатеть без географического перераспределения населения и производства по территории государства.

По мнению специалистов в области территориального управления и развития (Е. Г. Анимица, П. Я. Бакланов, Т. М. Калашникова, Н. И. Синдяшкин, А. П. Сысоев, М. Д. Шарьгин, А. И. Чистобаев, А. Т. Хрушев и др.) в настоящее время одними из наиболее сложных вопросов коренной реформы государственного управления являются проблемы переосмысления роли и функций всей системы территориального управления в рыночной экономике. Возрастание значимости территориальных факторов связано, с одной стороны, с необходимостью повышения эффективности всей системы управления отечественной экономикой, с другой – с существенным обострением в ряде регионов Российской Федерации национальных, социально-экономических, геодемографических, природоохранных и других проблем национальной безопасности страны.

Недооценка роли территориального управления оборачивается потерей огромных социально-экономических, экологических преимуществ, заложенных в территориальном разделении труда и возникновением угроз регионального сепаратизма, идеологически прикрывающегося в условиях цивилизованного развития теорией регионального суверенитета (этнического, экологического, экономического). Среди социально-экономических мотивов угрозы распада Российской Федерации выделяются следующие: территориальная несправедливость, резкое снижение объемов внутрисюоссийских хозяйственных связей, недостаточное развитие производственной (линейной) и рыночной инфраструктуры, ориентация внешних связей регионов на соседние страны, а не на российские регионы, чрезмерные амбиции региональной элиты, неоднозначность отношений центра и регионов и др.

Пренебрежительное отношение правительственных структур России к территориальному управлению в настоящее время, свидетельствует о не понимании роли и значения территориального управления и экономико-географического районирования в управлении таким большим по территории государством, как Российская Федерация.

Региональная политика в России на нынешнем этапе развития находится в стадии становления. Этим определяется терминологическая неупорядоченность, противоречивость, неконкретность, неполнота содержательной части понятия «региональная политика». На протяжении уже почти двадцати лет не удается выработать научно обоснованные критерии разграничения государственной собственности на федеральную, региональную (собственность субъектов РФ) и муниципальную собственность, а последнюю – на собственность муниципальных районов и сельских (городских) поселений.

7. Ускорение подготовки экономико-географических кадров высшей квалификации – кандидатов и докторов наук. Для этого необходимо содействие центральных вузов страны периферийным вузам в подготовке таких кадров.

8. Экономическая и социальная география должна «не растворяться» в смежных направлениях подготовки специалистов за счет участия в образовательных программах подготовки бакалавров, магистров «Регионоведения», «Региональной экономики», «Национальной экономики», «Социально-экономического сервиса и туризма», а прежде всего развивать и формировать собственные инновационные, интеграционные, конкурентоспособные, востребованные практикой экономико-географические направления подготовки кадров: в первую очередь это направление подготовки бакалавров и магистров «Туризма», и потенциальные направления «Страноведение», «Территориальное планирование» или «Территориальная политика» или «Территориальное управление».

Литература

1. *Валентей С. Д.* Факторы развития экономики инноваций // Движение регионов к инновационной экономике. – М.: Наука, 2006. С. 11–25.

2. Дружинин А. Г. Российская общественная география начала XXI века: старые проблемы, новые вызовы // Экономико-географический вестник Южного федерального университета. 2008. № 5. С. 3–9.

3. Котляков В. О проблемах географической науки // Поиск. 2007. № 39. 28.09.

4. Россия и страны мира. Стат. сб. – М.: Росстат, 2006.

5. Россия и страны мира. Стат. сб. – М.: Росстат, 2008.

6. Смолякова Т. Сколько россиян будет в 2025 г.? // Росс. газета. 2009. 27 ноября.

Сысоева Н. М.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОБЛЕМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

1. Институциональный подход в экономической географии начал развиваться в 90-х годах, в основном в англо-саксонских работах, но далее стал широко использоваться в странах центральной и Восточной Европы, вступивших в эпоху трансформаций. И новые институты в общественной жизни были одним из важнейших направлений и средств встраивания этих стран в новые условия либеральной экономики, особенно в период присоединения к Европейскому Союзу. Для нашей страны этот этап наступает позднее вследствие особенностей переходного периода в России и в целом характера ее посткоммунистического развития.

2. В развитии институционального подхода в географии можно выделить два направления. Первое – институционализация базовых понятий самой экономической географии – территориальная организация общества, районирование и т. д., что способствует развитию методологической сущности науки, давая ей новые выходы в прикладные области исследований (Институциональная модернизация ..., 2004). Второе – опора на преимущественно экономическую сущность институтов, их анализ базируется на концепциях укорененности, эволюции и различий (Стаховяк, Стрыякевич, 2009). Его наиболее плодотворное применение – региональная политика и проблемы территориального развития.

3. Территориальное развитие – широко используемое понятие, в которое вкладывается большой спектр особенностей процессов, происходящих на территории. Вследствие прикладного характера заявленной темы понятие территориального развития фокусируется на формировании инфраструктуры, связанной с качеством жизни и воспроизводством человеческого потенциала, где экономическая составляющая является фактором, а не содержанием такого развития.

4. Большинство исследований проблем территориального развития в конечном счете упираются в необходимость изменения нормативно-правовой системы и модернизации институтов развития, влияющих на пространственные процессы в экономической и социальной сферах. Мы выделяем две группы таких норм – распределительные и трансформационные. Первые связаны с вопросами

распределения доходов, инвестиций, ресурсов, привлечения их на территорию и лидируют по оказываемому им вниманию, поскольку всегда лежат на поверхности и легко воспринимаемы в качестве наиболее действенных мер. Но именно эта сфера наиболее консервативна по своему характеру, поскольку затрагивает интересы сильной стороны в общественном диалоге. Вторая группа норм воспринимается сложнее, т. к. касается аспектов, связанных с организацией взаимоотношений на самой территории, хотя также в большинстве случаев не зависит от самого местного сообщества. Это нормы, формирующие каналы перераспределения средства на местном уровне вплоть до упомянутой выше инфраструктуры, а также нормы, делающие вложения в воспроизводство производственного, ресурсного или человеческого потенциала более выгодными, чем в потребление. Спектр таких институтов, формируемых на местном уровне, достаточно узок.

5. В настоящее время основным методом региональной политики страны, определяющей территориальное развитие, является программный. Стратегии и программы должны определять характер пространственного развития страны в целом, макрорегионов, экономических районов, субъектов федерации, вплоть до отдельных поселений. Опорным, ключевым элементом таких стратегий и программ является инвестиционный проект, их концентрация и сочетание определяют и новую предложенную властью форму стимулирования территориального роста – зоны опережающего развития. Однако в программах, несмотря на присутствие разделов о механизмах исполнения, отсутствуют реальные институциональные изменения, способные вывести проблемы развития территорий из сферы «ручного» управления и сделать эти процессы менее зависимыми от индивидуальных решений.

6. Возможности и попытки разработки институциональной базы регионального развития показаны на примере Сибири, которая всегда являлась полигоном внедрения новых форм территориальной организации. Для Сибири характерно сосредоточение крупных проектов, особенно ресурсного характера, которые в случае реализации значительно повышают валовый продукт территории, но не способны дать импульс развитию обслуживающих отраслей, решению проблем ЖКХ, сельского хозяйства и т. д. Пример противоположного подхода к территориальному развитию – Европейский Союз, включающий в свой состав страны с резко дифференцированными уровнями и условиями развития, и проводящий региональную политику преимущественно на институциональной основе.

Трофимов А. М., Красовская Т. М.

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА: ЕСТЬ ЛИ МЕСТО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ?

Развитие науки в последнее время показывает, что вектор ее интересов смещается в сторону постнеклассического направления [8, 9, 12 и др.]. Начнем с того, что с 70-х годов XIX в. неоклассическая наука, сложившаяся на рубеже

XIX–XX вв. – сменяется постнеклассической наукой. Появился новый тип знаний, который принципиально отличается от науки классического типа [9]. Он, как пишут специалисты, характеризуется повышением субъективности, гуманистичности, самокритичности, пересмотром таких его классических характеристик, как объективность и истинность.

Для постнеклассической науки характерна ситуация единения всех фундаментальных наук естествознания, но без потери их «лица» [8, 9, 12 и др.]. Такое единение прослеживается на предметном, методологическом, терминологическом и понятийном уровнях. На смену таким постулатам классической науки, как простота, устойчивость, детерминированность, выдвигают постулаты сложности, вероятности, неустойчивости. В результате изучения различных сложно организованных систем, способных к самоорганизации, складывается новое (нелинейное) мышление, новая картина мира. Ее основные характеристики – неравновесность, неустойчивость, необратимость. Вместе с понятием флуктуации, бифуркации и когерентности они образуют как бы новую базовую модель мира и познания, дают науке новый язык.

«В классическом типе научности критерии научного познания таковы, что внимание исследователя сосредотачивается на характеристике объекта при элиминации всего того, что связано с субъектом. Неклассическая рациональность учитывает соотношенность характеристик объекта и средств познания, используемых субъектом. Постнеклассический тип соотносит знания об объекте не только со средствами, но и с целевыми установками познающего субъекта» [9].

Утверждение всего комплекса идей нелинейности, вероятности, хаоса и т. п. происходит в 70–80-е годы одновременно в самых различных областях знаний. Это связано с развитием междисциплинарных исследований образования упорядоченных структур, теории самоорганизации (напр., синергетика Г. Хакена, Германия; теория диссипативных структур И. Пригожина, Бельгия; и теории катастроф Тома Рене, Франция). Предмет теории самоорганизации (синергетики) – сложные системы в условиях неустойчивого равновесия и их самоорганизация вблизи точек бифуркации, где малое воздействие оказывается значительным по своим последствиям. Отсюда: объект – не существующее, а возникающее.

Согласно синергетике, в мире нет тех универсальных законов, которые делали возможным его познание в классическом смысле. А это означает деонтологизацию знания, усиление роли субъекта в процессе познания, которое как раз и может быть интерпретировано как отрицание реальности объекта. Усложняется вопрос о критериях реальности, демаркации между реальным и вымышленным. Встает вопрос о полионтологичности бытия. Синергетика осуществляет радикальную переоценку ценностей. Она претендует на пересмотр онтологии мира, сложившейся линейной модели прогресса, кумулятивной модели знаний [9].

Исходные философские идеи новой науки [8]: единство мира – это действие на всех уровнях организации общих законов; системное видение в противовес механистическому; синтез детерминизма, многовариантности и случайности; отказ от концепции редуccionизма; нахождение изоморфных законов в различных областях. Идеи базируются на следующих основных положениях: случайное и необходимое – равноправные партнеры; вероятная самоорганизация неравновесной открытой системы (т. е. самопроизвольный переход к упорядоченному состоянию, сопровождающийся перераспределением материи во времени и пространстве); явление самоорганизации включают информационные процессы – генерацию и эволюцию ценной информации; подход к исследованию организма как к открытой системе; основные формы кооперативного поведения, свойственные живым организмам, имеют свои аналоги среди неорганических систем.

Социально-экономическое крыло географии гораздо ближе, естественнее подходит к постнеоклассической схеме развития, ибо именно это крыло испытало на себе воздействие количественной и философской революций, значительно видоизменяясь под воздействием их, что привело к появлению школы теоретической и количественной географии.

Достаточно вспомнить ранние работы представителей традиционной школы размещения, где ключевыми являлись понятия доступности и относительной цены сырья (так называемая схема Риккардо), рабочей силы (схема Хекшера – Олина), рынков (тип Леша) или агломераций (тип Тюнена). Впоследствии возник комплексный подход, осознанный после работ Дельбуна, Геделя, фон Неймана, Тюринга и др. От трактовки в духе классической теории размещения Тюнена – Вебера – Кристаллера и представлений о полюсах роста Перру, промышленном комплексе Шардонне и Изарда, кумулятивной причинности Мюрделя, пространственную формацию стали рассматривать как сеть прямых и косвенных связей в процессе организации всех видов социально-экономической деятельности. Эти разработки в дальнейшем нашли свое место в работах по общей теории систем Берталанфи, Симона, Форрестера.

В. Е. Шувалов [13] придерживается мнения о перспективности использования и развития теоретической базы, сложившейся в рамках отечественной районной школы, что позволяет не только сохранить накопленный потенциал и индивидуальность науки, но и активно включиться в решение актуальных проблем территориальной организации современного общества.

Все эти наработки в русле сетевого и иного видов подходов привели к комплексным представлениям о пространственном анализе, который на определенном этапе содержательного (качественного) анализа вплотную приблизил географию к постнеоклассическим тенденциям. Особенно это стало заметно на примере последних публикаций российских географов.

Среди нужно выделить (по хронологии) сборник научных работ сотрудников ИГ РАН «Постиндустриальная трансформация социального пространства России» [7], где в названную тенденцию вписываются работы Г. Г. Малиновского [6] о пределах синергетики, статьи В. А. Шупера [15] о синергетическом подходе в географии и др. Интересна также сводная монография под ред. Н. А. Служи «Глобальный город: теория и реальность» [4] со статьями В. Л. Бабурина [2] о волновой динамике развития мировых городов и Н. А. Служи [10] о роли последних в мировой системе. Замечателен также сборник научных работ «География мирового хозяйства» (2009) со статьями А. И. Трейвиша [11] о проблеме развития в географии и А. Д. Арманда [1] о кризисе геосферы и др., а также журнала «Экономико-географический вестник Южного Федерального университета» (2009) со статьей А. Г. Дружинина [5] о глобальном пространственном позиционировании ТЭС и др. Это как раз те работы, которые вполне соответствуют идеям постнеогеографии и могут смещаться в сторону постнеклассического направления.

Литература

1. Арманд А. Д. Кризис геосферы // География мирового развития. Вып. 1. – М.: ИГ РАН, 2009. С. 146–178.
2. Бабурин В. Л. Волновая динамика мировых городов // Глобальный город: теория и реальность. – М.: Аванглион, 2007. С. 47–65.
3. География и мировое развитие. Вып. 1. Под ред. Л. М. Синцера. – М.: ИГ РАН, 2009.
4. Глобальный город: теория и реальность. Под ред. Н. А. Служи. – М.: Аванглион, 2007.
5. Дружинин А. Г. Глобальное пространственное позиционирование территориальной социально-экономической системы: контуры понятийной концепции // Экономико-географический вестник ЮФУ. 2009. № 6. С. 10–18.
6. Малинецкий Г. Г. Пределы синергетики // Постиндустриальная трансформация социального пространства России. – М.: Эслан, 2006. С. 19–38.
7. Постиндустриальная трансформация социального пространства России. Под ред. В. А. Шупера. – М.: Эслан, 2006.
8. Постнеклассическая наука, 2009 – www.agmi.ru/category/sathistory/postneoklassicheskaya_nauka.phtml
9. Постмодернизм и постнеклассическая наука, 2009 – www.chem.msu.ru/rus/teaching/sociology/7.html.
10. Служа Н. А. «Ключевые компетенции» глобальных городов в мировой системе // Глобальный город: теория и реальность. – М.: Аванглион, 2007. С. 79–103.
11. Трейвиш А. И. География и развитие // География мирового развития. Вып. 1. – М.: ИГ РАН, 2009. С. 43–74.

12. *Философские основания научной рациональности*, 2009 – www.mirrabort.com/work/work_8196.html.

13. *Шувалов В. Е.* Экономико-географическое районирование в контексте модернизации российского общества // Институциональная модернизация российской экономики: территориальный аспект. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2004. С. 172–187.

14. *Шулер В. А.* Время Курдюмова (воспоминания о хрустальном дворце) // Постиндустриальная трансформация социального пространства России. – М.: Эслан, 2006. С. 6–18.

15. *Шулер В. А.* Синергетический подход к российской урбанизации // Постиндустриальная трансформация социального пространства России. – М.: Эслан, 2006. С. 61–76.

Щитова Н. А.

СОЦИАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ В РОССИИ: ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ И ОРИЕНТИРЫ РАЗВИТИЯ.

«Социальная география» – понятие в отечественной науке сравнительно новое, его легализация начинается во второй половине XX в. под влиянием, с одной стороны, идеологической оттепели и снятия табу с гуманитарных исследований а, с другой – веяний западной Human geography [7].

Активизация исследовательских интересов советских географов в области социогеографии происходила не повсеместно, и энтузиазм новаторов не был воспринят однозначно [3]. Признание необходимости расширения спектра исследований традиционной экономической географии не обеспечило независимости социальной географии. Радикальность решения была ограничена встраиванием социальной географии в экономико-географическую науку, что и отразилось в ее новом названии – «экономическая и социальная география». Вторичность социальной составляющей при этом подчеркивалась, даже несмотря на некоторое лингвистическое неудобство, отказаться от которого в достаточно мифическую пользу нового направления экономгеографы не решились.

Вместе с тем обращение к историческому опыту показывает, что социально-географические исследования не представляют для отечественной географии абсолютную новацию. Их элементы присутствуют в самых ранних трудах русских географов. Первой социально-географической работой можно считать «Экономический лексикон российских продуктов» М. В. Ломоносова, созданный на основе данных настоящего социологического опроса и включавшего широкий круг вопросов, в том числе и социально-географического плана. Его позиция, как исследователя и государственного деятеля формулируется в известном тезисе: «Благополучие, слава и цветущее состояние государства от трех источников происходит. Первое – от внутреннего покоя, безопасности и удовольствия подданных, второе – от победоносных действий против не-

приятеля, с заключением придаточного и славного мира, третье – от взаимного сообщения внутренних избытков с отдаленными народами через купечество» [4]. Таким образом, М. В. Ломоносов понимал устойчивость развития страны как функцию от трех ведущих компонентов: качества жизни, геополитического преимущества и выгодного территориального разделения труда. Социально-географическая традиция ярко представлена в работах Е. Ф. Зябловского, К. Ф. Германа, К. И. Арсеньева. Образцом социально-географического исследования может служить небольшая, выполненная в крупном масштабе работа В. П. Андросова «Статистическая записка о Москве» [2]. Следы социально-географической методологии явно прослеживаются во многих этнографических и «населенческих» трудах всего XIX в. Особое место в этом ряду занимают знаменитое исследование П. П. Семенова-Тян-Шанского «Муравьевская волость» и публикация многотомной «Живописной России». Автор фундаментального исследования «Цивилизация и великие исторические реки» Л. И. Мечников, одной из главных задач географии считал «изучение Земли в ее особых отношениях к человеку» [6].

В конце XIX в. Д. Н. Анучин и Э. Ю. Петри выделяют новую, истинно социальную, географическую дисциплину – антропогеографию, в задачи которой входило изучение пространственных аспектов размещения человека и отдельных моментов его материальной и духовной культуры. Основы антропогеографии, заложенные в XIX в., обусловили ее расцвет в начале XX в. Русская антропогеографическая школа (В. П. Семенов-Тян-Шанский и др.) ставила задачи исследования различных аспектов культурного взаимодействия человеческих общностей со средой жизни, понимаемой как комплексное географическое образование. С несколько отличными от антропогеографии социально-географическими идеями выступает А. И. Воейков, рассматривавший человека как активное начало и деятельного преобразователя окружающей среды.

Печальная судьба русской антропогеографии хорошо известна. Ее разгром подвел черту под любыми социально-географическими исследованиями в нашей стране.

Возрождение социальной географии на новой методологической платформе стимулировалось и сформировавшимся социальным заказом со стороны властных структур. Реакцией стало появление новых географических наук с очень качественной теоретико-методологической основой – рекреационной географии, географии обслуживания, географии потребления, географии культуры и др.

С начала 1980-е гг. развернулась всесоюзная дискуссия по поводу содержания, структуры, объекта и предмета экономической и социальной географии. Авторы критиковали западную социальную географию и выдвигали собственные, идеологически окрашенные трактовки «советской социальной географии». Несмотря на то, что в обсуждении принял участие практически весь цвет научной экономгеографической мысли (а может быть именно поэтому),

к единому мнению прийти не удалось. Не вдаваясь в детали полемики, попытаемся определить ее некоторые итоги.

1. Следует согласиться с достаточно веской аргументацией в пользу переименования ЭСГ в общественную географию. Общественная география в большей степени соответствует своему центральному понятию и основному предмету исследования – «территориальная организация общества».

2. Социально-экономическая география может рассматриваться в качестве самостоятельной научной дисциплины в рамках общественной географии, ее предметом исследования являются интегральные социально-экономические системы.

3. Термин «социологическая география», предложенный У. И. Мересте и С. Я. Ныммик [5], как аналог социальной географии в узком смысле, не прижился.

4. Сохраняется автономность экономической и социальной географии, как самостоятельных научных дисциплин, причем их связи с другими отраслями общественной географии (как и со смежными геоэкономикой или пространственной социологией) не только не прерываются, но и всемерно развиваются.

К сожалению, известные процессы 1990-х гг. привели к приостановке теоретических разработок, сместив интересы географов в прикладную плоскость. Уровень методологических исследований заметно снизился. Так, например, рекреационная география трансформировалась в географию туризма, потерявшую во многом свое географическое лицо. Таким образом, к настоящему времени налицо потребность в переосмыслении теоретико-методологических оснований общественной географии в целом и ее отдельных частных подразделений.

Вопрос о специфике и предмете исследования социальной географии не вполне очевиден. Наиболее известно и распространено в настоящее время определение социальной географии, данное Э. Б. Алаевым: «направление социально-экономической географии, изучающее пространственные процессы и формы организации жизни людей, прежде всего сточки зрения условий труда, быта, отдыха, воспроизводства жизни человека» [1]. По его мнению, объект исследования социальной географии – территориальные общности людей, предмет – региональные различия в условиях жизни и пространственное поведение людей. Данный подход достаточно четко очерчивает круг интересов социально-географических исследований, но не акцентирует внимание на основном акторе социальных процессов. Более продуктивно, на наш взгляд, определение, которое дают американские географы своей Human Geography (по сути дела социальная география во многом отечественная калька этой дисциплины): раздел географии, изучающий пространственную дифференциацию и организацию человеческой деятельности, а так же её взаимосвязь с географической средой. Такая интерпретация открывает возможность рассмотрения соци-

ально-географической действительности на основе деятельностного подхода, рассматривающего территориальные общности людей в качестве активного субъекта формирования новых пространственных полей и структур. Вся социально-географическая реальность создается в процессе человеческой деятельности по мере освоения деятельным субъектом своего жизненного пространства под влиянием постоянно развивающейся системы потребностей.

В качестве одного из центральных современных направлений социально-географических исследований следует выделить изучение образа жизни и качества жизни населения как основного критерия его эффективности. Это обусловлено не только внутренней логикой науки, но и внешними обстоятельствами, в частности формированием социального спроса. Официальная государственная риторика уже не обходится без понятий «человеческий потенциал», «качество жизни», «социальное развитие» и др. Важно, что качество жизни выступает как цель и основной критерий устойчивого развития общества. Полагаем, что в ближайшее время обострится потребность в операционализации этого понятия с целью его использования в управлении территориями. Уже сейчас очевидна необходимость законодательного закрепления качества жизни, разработки показателей, стандартов и нормативов социального развития, введение системы оценки и мониторинга качества жизни с учетом региональной специфики, создание регулярно обновляемой информационно-аналитической базы данных, позволяющих принимать обоснованные управленческие решения.

Литература

1. *Алаев Э. Б.* Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983.
2. *Андросов В. П.* Статистическая записка о Москве. – М., 1832.
3. Экономическая и социальная география / Вопросы географии. Сб. 115. – М.: Мысль, 1980.
4. *Ломоносов М. В.* Краткоеписание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 6. – М.–Л., 1952.
5. *Мересте У. И., Ныммик С. Я.* Современная география: вопросы теории. – М.: Мысль, 1984.
6. *Мечников Л. И.* Цивилизация и великие исторические реки. – М.: Прогресс, 1995.
7. *Johnston R. J.* The Dictionary of Human Geography. 5th ed. – London: Blackwell Publishers, 2009.

КРАТКИЕ НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Артёмов С. В.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАНСГРАНИЧНОГО РЕГИОНАЛИЗМА

В конце XX в. актуализировались проблемы регионализации. Произошло углубление интеграции мировой экономики, усиление ее наднациональных институтов. Процессы глобализации и регионализации фактически становятся взаимно сопряженными и политически мотивированными. Контекст региона принял несколько другие очертания, что особенно проявилось в Европе. В частности, на примере Европейского союза (ЕС) можно наблюдать совпадение объединения и фрагментации, их взаимопроникновения, взаимодополнения и модификации в процессе формирования нового международного порядка. Особенность этого процесса состоит в том, что если в прошлом участниками региональной интеграции в мире были национальные государства, то в ЕС субъектами регионального сотрудничества становятся регионы государств-членов.

Одними из наиболее важных функциональных и одновременно структурно-территориальных элементов отдельных стран являются их пограничные регионы. В пределах пограничных территорий – пограничных и трансграничных регионов – складываются условия и формируются трансграничные связи, составляющие суть такого феномена как трансграничный регионализм. Трансграничный регионализм трактуется как пространственно интегрированная форма политического сотрудничества и решения проблем, которая пересекает границы национальных административных практик и старается сформировать, вопреки этим границам, осознание связанности, взаимозависимости и общих интересов. Развитие трансграничного регионализма является следствием взаимозависимости и ограниченной способности национальных государств и международных организаций рассматривать глобальные вопросы. Он вызван и желанием развивать новые, более гибкие и эффективные формы коллективных действий, поддержания мирного сосуществования и экономического развития.

Очевидно, что исследование такого сложного комплекса общественно-географических проблем, который складывается при изучении данного явления, требует объединения научных подходов отдельных общественных дисциплин, в т.ч. политической географии, географии международных экономических отношений, страноведения, геополитики и экономических наук.

Существует широкий спектр подходов к анализу трансграничного регионализма. Это исследование функциональных аспектов структурных элементов трансграничных регионов, а также взаимодействия в приграничных регионах. Изучаются модели экономической рациональности, оценки стоимости кооперативных трансакций, этнокультурное взаимодействие и др. Для выяв-

ления механизмов функционирования и кооперации различных экономических, культурных и политических переменных на региональном и местном уровне в пограничье используется сравнительный аналитический подход, основанный на исследовании контекста развития пограничных регионов и процессов приграничного сотрудничества. Одним из подходов является исследование пограничья (*border studies*), при котором оно рассматривается как пространство особого цивилизационного, политического, экономического и культурного взаимодействия. Методология *border studies* позволяет преодолеть традиционные рамки региональных исследований (*area studies*) и сделать более плодотворным анализ процессов, происходящих в указанном регионе.

Трансграничный регион может быть изучен через социально-экономический потенциал приграничных территорий, их геополитическую значимость и индивидуальные особенности границы.

Для того чтобы создать условия для устойчивого развития пограничных территорий, концептуализировать трансграничный регионализм как политический и социальный процесс, создающий новый пространственный контекст действия, необходимо проводить сравнительные исследования. Следует изучить новую географию международных отношений, так как традиционные (например, статистический) подходы не дают ответа на многие вопросы, связанные с феноменом трансграничного регионализма. Необходимо выяснить, например, сложились ли в пределах трансграничных регионов на стыке территорий постсоветских стран и государств ЕС условия для формирования новых подходов к управлению, преодолению административных, когнитивных и культурных барьеров на пути эффективного регионального и трансрегионального развития и сотрудничества.

Важными объектами исследования данного феномена являются трансграничные территориальные социально-экономические системы смежных территорий постсоциалистических и постсоветских стран. Так, например, в стыковой зоне территорий Беларуси, Польши, Украины сложилась специфическая приграничная зона, представляющая собой территорию контакта этнических, социокультурных и экономических систем со сложной историей формирования и интенсивными трансформационными процессами. Предметом исследования здесь является функциональная структура, территориальная организация, специфика и закономерности формирования, развития и трансформации пограничных и трансграничных социально-экономических систем различного уровня. Необходимо выявление особенностей формирования, эволюции и динамики территориальных социально-экономических систем приграничных административных регионов и стыкового трансграничного пространства; анализ этно- и демогеографических, а также социально-экономических особенностей этих территориальных структур, условий и факторов их формирования, развития и взаимодействия; обоснование концепции устойчивого социально-

экономического развития стыковой трансграничной зоны белорусско-польско-украинского пограничья в условиях системной трансформации.

Развитие трансграничных регионов, как проявление процессов трансграничного регионализма, может выражаться в формировании сетевых территориальных структур, образовании институциональных объединений. Их географическое исследование должно включать: анализ деятельности участников трансграничных взаимодействий – проблем и вопросов, которым они уделяют наибольшее внимание; сути и инструментов региональной политики и стратегии, применяемых ими; характера трансформации социально-экономического пространства сотрудничества и его целенаправленной организации.

Трансграничное взаимодействие может быть охарактеризовано, а его эффекты оценены через анализ количественных данных о совместной деятельности с учётом политических, экономических и др. характеристик партнёрских сторон. При этом необходим также анализ опыта сотрудничества (в том числе в подобных европейских и др. структурах) и его стратегических условий – предпосылки, вызовов и барьеров, приоритетов и инициатив.

Гонтарь Н. В.

ЦИКЛИЗМ В ИССЛЕДОВАНИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ: ФУНКЦИИ И ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Активизация процессов трансформации территориальных социально-экономических систем на всех уровнях пространственной иерархии в условиях глобализации, сопровождающаяся изменением баланса территорий в их взаимодействии друг с другом, актуализировала проблематику закономерностей динамики ТСЭС. В качестве одной из таковых рассматривается теория цикличности.

Исследование циклов проводится представителями многих наук. Особенность географического подхода заключается во включенности пространственных координат – территориальных проекций циклов. Для «традиционной» географии основным объектом исследования служат краткосрочные циклы, охватывающие период в несколько лет. Более длительные циклы находятся за пределами традиционной географии, однако инновационная парадигма, базирующаяся на эволюционном подходе, предполагает анализ динамики территориальных систем и на более длительных отрезках времени. По пространственному масштабу экономическая география имеет дело в основном с циклами регионального, страноведческого и планетарного масштаба¹.

Формирование циклической траектории развития ТСЭС обусловлено как множественностью подсистем (и особенностями присущих им форм изменений), так и многоуровневой организацией территории.

¹ Пространство циклов: Мир – Россия – регион. Под ред. В. Л. Бабурина, П. А. Чистякова. – М.: Изд-во ЛКИ, УРСС, 2007.

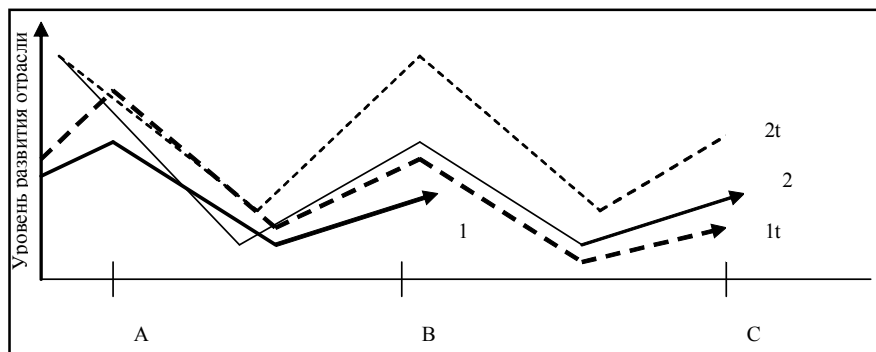

Говоря о сочетании на территории динамики различной природы, мы имеем ввиду наличие совокупности разнокачественных процессов, от природных до этнокультурных и экономических. Очевидно, что их динамика подчинена различным закономерностям, протекает в пересекающихся, но различных плоскостях и имеет разную меру территориальности

При этом можно говорить о сочетании явления прохождения цикла через территорию (волновой подход), а также о протекании цикла (первоначально индуцированного внешними или внутренними инновациями) на самой территории. Вследствие этого территория выступает ареалом сочетания множества циклов, находящихся на различных стадиях эволюции, что видно на примере исследования, например, хозяйственной сферы. Здесь сочетается разноразностная эволюция разных отраслей экономики, находящихся на этапе динамики от роста до спада.

Сложность сочетания циклов, которая порождает последующие типологические различия территорий, можно проиллюстрировать на примере пространственной экспансии отраслей экономики (рис. 1), где – А, В, С – территории, 1, 2 – уровень развития отрасли на территориях в исходный период, 1t, 2t – уровень развития отраслей за период времени t.

Однако если применительно к отраслевой структуре хозяйства территории можно указать на цикличность (волновую динамику), то для институциональной и этнокультурной компонент речь может идти о трансформации не количественных, а качественных параметров, что, однако, не исключает циклического характера возможных изменений. Такое изменение, особенно применительно к законодательству, роли государства в территориальном развитии, может носить периодический или непериодический характер и быть обусловлено реакцией на внешние изменения, а также эволюцией данных подсистем в рамках самой территории. При этом этнокультурная компонента, трансформиру-

Рис. 1 Динамика волнового процесса развития отраслей в рамках процесса пространственной диффузии

ьясь в исторической перспективе, для оценки и анализа текущих задач в целом представляется константной, однако она может трансформироваться, в том числе резко и необратимо как результат этнополитических конфликтов (примеры такого рода – Чечня или сербский край Косово). Условно, таким образом, можно говорить о трехмерном поле формирования цикла в рамках территории на основе присущих ей естественно-географических различий (рис. 2).

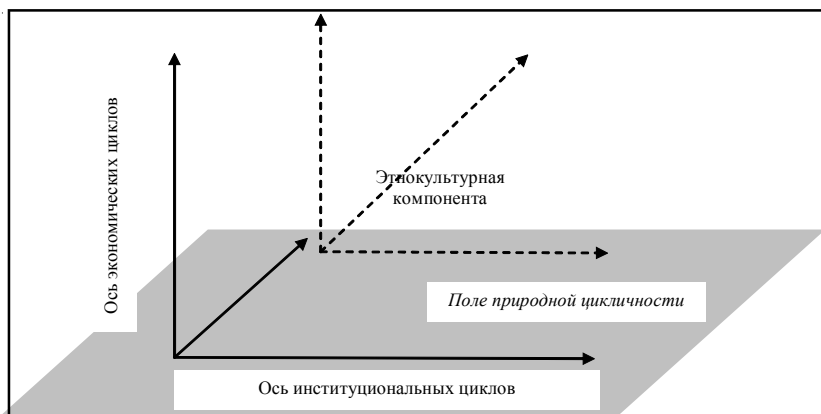
Рисунок отображает многомерность циклических количественных и качественных трансформаций подсистем территорий, включая возможный резкий сдвиг траектории системы при резкой трансформации этнокультурного вектора при упомянутых конфликтах, которые сказываются на траектории динамики остальных подсистем.

Характерно, что в силу многоуровневости циклы в пределах территориальных систем являются результатом интеграции как собственно территориальных трендов, так и макропроцессов. Так, цикл отрасли обусловлен (для открытой экономики): общеэкономическим циклом, стадией цикла отрасли, степенью присутствия отрасли на территории, её конкретной структурой и стадией внедрения на территорию.

То же можно сказать об институциональной среде – на мировом уровне имеют место тренды формирования тех или иных требований к качеству юрисдикций, которые на уровне конкретной территории дополняются качеством регионального законодательства, квалификацией законотворчества и практикой правоприменения.

Таким образом, динамика ТСЭС обусловлена процессами разного типа, включая:

Территориальные ациклические, – например, этнокультурные, характеризующиеся относительным постоянством для данной системы, но меняющиеся от места к месту.

Рис. 2. Многомерность условий цикличности на территории

Территориальные циклические – например, экономические и природные процессы.

Атерриториальные циклические – подверженные одним и тем же закономерностям независимо от территории (например, финансовая политика Центробанков и рыночная политика). Территориальные различия практически не имеют места в условиях рыночной экономики, но осязаемы при сравнении таковых с закрытыми обществами. Однако разница обусловлена не особенностями территории как таковой, а функцией государственного управления. В целом атерриториальность в данном случае условна.

Атерриториальные ациклические – глобализация как исторически устойчивый тренд все большей интеграции человечества на протяжении истории в экономическом, культурном, коммуникационном отношении.

Циклическая динамика ТСЭС в силу обозначенной многомерности характеризуется неоднозначностью и различным «рисунком» циклов для разных территорий.

Так, наиболее очевидные экономические циклы в рамках территории могут иметь собственную траекторию ввиду того, что на ней могут присутствовать ключевые или вспомогательные производства тех или иных отраслей, быть развит сектор производства или сектор услуг, локализованы отрасли – производители продукции производственного или потребительского назначения (претерпевающие меньший спад на этапе кризиса).

Циклы целесообразно в этой связи анализировать для территорий одного типа, обособленного по набору охарактеризованных выше критериев.

Такой подход позволяет сделать анализ циклической динамики функциональным, формирующим обобщенные подходы к выработке алгоритма исследования динамического аспекта бытия ТСЭС, а также способствующим созданию адекватного методического инструментария. В рамках данного подхода продуктивным является исследование разнокачественных процессов в их взаимовлиянии и взаимном порождении, установление закономерностей динамики для территорий различного ранга.

Существенным, при этом, полагаем, выступают два равнозначных ключевых направления. Первое, традиционное функциональное назначение исследования ТСЭС на основе циклического подхода состоит в формировании прогнозов их развития. Второе направление, полагаем, должно состоять в исследовании траектории трансформации в условиях глобализации и формирования нового качества мировых социально-экономических процессов (в том числе в их проекции на территорию) сложившихся прежде закономерностей, уточнение сделанных ранее выводы относительно соответствующих закономерностей, что актуализирует методологический поиск в сфере эволюции циклическости в различных её аспектах.

ЭТНОГЕОСИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ЗАУРАЛЬСКОГО ЛЕСОСТЕПНОГО ПРОСТРАНСТВА

Этническое пространство – это самоорганизация этнических общностей, их жизнеобеспечения, общежития и самовыражения.

Географический подход к исследованию этнических общностей заключается в выявлении пространственно-временных закономерностей эволюции в результате действия различных факторов природной, социально-экономической и этнокультурной среды. Основопологающей здесь является системная парадигма.

Деятельность этносов следует рассматривать как смену хозяйственно-культурных типов [3] природопользования. На наш взгляд, взаимодействие этносистем и геосистем порождает новые интегральные территориальные образования – этногеосистемы (ЭГС). Этногеосистемная концепция наиболее полно выявляет закономерности этносоциальной и территориальной организации общества [2].

Этногеосистемы – это устойчивые этнические общности людей, образующиеся в ходе освоения территории («материнских» ландшафтов): общежития, природопользования и хозяйствования.

Природопользование в данном случае будет являться базовым системообразующим звеном этногеосистем. «Вмещающая» основа этногеосистем – материнские ландшафты этносов, функциональная – процесс реализации природопользования в ходе этнического развития.

Главные «действующие лица» этногеосистем – этнические общности. *Этническая общность – устойчивая взаимосвязанная совокупность людей, исторически возникшая на определенной территории, отличающаяся наибольшей интенсивностью проявления этнических особенностей и выступающая самостоятельной единицей общественного и регионального развития.*

В свое время автором обоснована интеграция системно-динамического и территориального, этнокультурного и этнопсихологического, институционального и инновационно-синергетического подходов в анализе регионального развития этносов и на этой основе выработан *этногеосистемный подход* применительно к этноконтактной тюрко-славянской зоне лесостепного Зауралья. Предложена трактовка понятий: «этногеосистема» как самоорганизующейся системы – результата взаимодействия этнических систем в географической среде на основе освоения территории, хозяйствовании и природопользовании; «этническая общность», «этнические константы», «этничность», «этносоциальная среда», «архе- и ретроэтногеосистемы», «этноконтактная зона». Рассмотрена сущность механизма и модель эволюции этногеосистем как результата адаптации этносов в материнском ландшафте и контактирования этносов в ходе

совместного освоения ими территории и ресурсов (природопользования и хозяйствования). Представлена периодизация развития архе и ретроэтногеосистем лесостепной зоны Урала, Зауралья и Западной Сибири на основе смены хозяйственно-культурных типов и инновационных технологий (в течение нескольких тысячелетий). Были выявлены условия трансформации ЭГС на основе бинарного маятникового принципа взаимодействия и их интегральные эффекты, установлена связь эволюции этногеосистем с общей теорией нелинейных колебаний (самоподобные, самоорганизующиеся фрактальные системы). На основе данных исследований сформулирован и обоснован принцип *структурной этноконтантности* и закономерности формирования этноконтантных зон и этноконтантных культур и обосновано выделение лесостепной Южнозауральской этноконтантной зоны, основных институтах мирной «коэволюции» тюрков и славян Южнозауральской этноконтантной зоны. Были также предложены некоторые параметры количественной оценки современных этногеосистем, их потенциалов и границ (в частности, этничности и этнического самосознания, этнокультурной среды).

Последние годы характеризуются большим вниманием со стороны географов к проблемам этнической географии и этнической экологии. Так, в рамках этнической экологии рассматриваются этноэкосистемы. Этноэкосистема (согласно И. Ю. Гладкому [1]) – динамическая система, комплекс природных, социальных, экономических, политических, военных, психологических и экологических факторов в совокупности с этносом, на который эти факторы воздействуют.

Сущность этноэкологического подхода составляет анализ этноландшафтного, этнокультурного и этнодемографического равновесия.

В рамках культурной географии «работает» концепция регионального культурно-ландшафтного синтеза на основе специфики исходных этнокультурных ландшафтов [4, 5, 6 и др.] (на примере эвенков, тофаларов, бурят) обосновывается идея существования этнических различий особенностями геосреды и развития центральной и периферийной зоны культуры. По ее мнению, деятельность и ментальные установки этносов – первопричины усложнения внутренней структуры этноландшафтов.

Резюмируя полученные географами можно обозначить перспективные направления в рамках этнической географии:

- развитие исследований в области динамики, структуры ЭГС, их типах и границах;
- стадиях эволюции и трансформации ЭГС, параметрах устойчивости;
- пружинных механизмах развития в поле теорий геоконфликтологии и конфликтогенности;
- проблемах и возможностях формирования единого российского суперэтноса и единой российской (евразийской нации).

Литература

1. *Гладкий И. Ю.* Географические основы этнической экологии: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. – СПб., 2006.
2. *Завьялова О. Г.* Природопользование и развитие: этногеосистемный анализ (на примере Южного Зауралья). – Тюмень: Тюмен. госуниверситет, 2004.
3. *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. 1955. № 4. С. 3–17.
4. *Красовская Т. М.* Природопользование Севера России: социокультурный и эколого-экономический анализ: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. – М., 2005.
5. *Климов Д. С.* Динамика и устойчивое развитие этногеосистем (на примере этногеосистем калмыцкого народа России и индейского племени юте США): Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – Калуга, 2007.
6. *Рагулина М. В.* Культурная география: теории, методы, региональный синтез.: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. – Иркутск, 2005.

Казаков С. Г., Цыганков Д. Н.

ОСОБЕННОСТИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Границы России с бывшими республиками СССР, а теперь уже независимыми государствами, представляют собой особый, весьма специфический случай геополитических процессов. Многие российские районы неожиданно из центральных превратились в приграничные.

Приграничные территории выполняют особые функции и обладают в связи с этим специфическими особенностями. Главным фактором, обуславливающим специфику приграничья, является его географическое положение. Составляющие пограничного пространства находятся между собой в тесной связи, различном сочетании и соотношении. Их совокупность определяет общую характеристику пограничных районов, их параметры и свойства.

Специфика приграничные территории состоит, во-первых, в том, что из-за особого отношения государства к своим внешним границам все эти регионы неизбежно вплетены в сложнейшую комбинацию факторов, связанных с геополитикой, экономикой и безопасностью.

И, несмотря на то, что с момента появления на политической карте России новых приграничных регионов прошло почти 20 лет, совершенно очевидной остается проблема складывания приграничного менталитета, как у населения, так и у региональных элит, отсутствие которого является мощным препятствием на пути трансформации границы из теоретической в реальную. Осознание того, что граница представляет уже не формальную административную линию, а отделяющую «свою» территорию от «чужой», важнейший атрибут государственного суверенитета, происходит не сразу, особенно там, где государственные рубежи не совпадают с этническими границами.

Ярким примером является Центральное Черноземье, ряд областей которого (Белгородская, Воронежская, Курская) непосредственно граничат с украинскими территориями, где проживает смешанное русско-украинское население, в силу чего сложилась определенная специфика жизненного уклада.

Одной из проблем при изучении приграничной территории является выбор масштаба (уровня) исследования. В 2009 г. сотрудниками географического факультета Курского государственного университета в рамках проекта приграничного сотрудничества в еврорегионе «Ярославна» было проведено исследование пограничных сельских населенных пунктов Суджанского и Беловского районов Курской области.

Беловский и Суджанский районы на протяжении многих десятилетий XX столетия являлись лидерами агропромышленного комплекса Курской области. Наилучшее сочетание основных агроклиматических ресурсов вкупе с многолюдными селами с работающим украиноязычным населением обеспечивали стабильные высокие урожаи и эффективную первичную переработку сельхозпродукции. Даже в период экономического кризиса 90-х годов основные сельхозпредприятия хотя и поменяли организационно-правовые формы, но продолжали выглядеть на среднеобластном уровне достаточно стабильно. Более того, появились вполне успешные крупные товаропроизводители, которые смогли занять весьма существенный сегмент рынка – это, прежде всего Суджанский маслодельный комбинат и Сахарный завод «Коммунар».

Целью вышеуказанного исследования, помимо экономико-географического анализа территориальной организации хозяйства являлось изучение социо-демографических проблем, которые включают в себя и миграционную составляющую и «национальный вопрос». Данные районы являются зоной наиболее активного кросс-культурного взаимодействия вдоль Курско-Сумского отрезка украино-российского пограничья.

В качестве основных методов исследования нами применялись экспедиционные исследования, опросы и анкетирования местного населения, выяснения экспертных оценок (в беседах с руководителями сельсоветов и специалистами сельхозпредприятий), а так же сбор и обработка статистических данных.

Описание исследованных населенных пунктов проводилось по ходу течения реки Псел (в субширотном направлении), что позволило сделать необходимые выводы, опираясь на естественное изменение, как природных ландшафтов, так и особенностей заселения территории.

При исследовании особое внимания уделялось изучение геодемографической ситуации в сельской местности как основы развития аграрного сектора, и важнейшей составляющей освоенности территории. Любая пограничная территория является следствием различий и пересечения двух соприкасающихся систем (соседних государств). При этом пограничье представляет со-

бой область, где такие различия нивелируются, образуя зону со специфическими свойствами, присущими как одной, так и другой стороне.

Основной проблемой сельской местности курского приграничья является резкое изменение структуры хозяйственной деятельности из-за банкротства предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья, которые являлись как крупнейшими «работодателями» для селян, так и главными бюджетообразующими субъектами.

Всегда присутствующий избыток рабочих рук даже в советский период не находил применение в аграрной сфере, а в последнее время произошел поистине чудовищный «отрыв» сельского жителя от крупнотоварного сельскохозяйственного производства. Земля в большинстве случаев была выкуплена агрохолдингами, которые, используя современную технику, предпочитают нанимать не местных жителей, а рабочих даже из других регионов России, готовых вахтовым методом обрабатывать поля, принадлежащие данному предприятию.

В результате складывается парадоксальная картина – даже вокруг вымерших деревень – все поля обработаны. Собственнику земли совершенно не важно – есть ли местные жители, хотят ли они работать, потому что ему выгоднее привезти наемных рабочих. Все эти факторы породили гигантскую «сельскую» безработицу среди молодежи, которая камуфлируется за счет трудовых миграций в Москву.

В ближайшие 10–15 лет население всех приграничных сел сократится минимум в половину, поскольку примерно такой процент составляют сейчас лица пенсионного возраста. Крайне слабые миграционные процессы не дают надежды на значительное улучшение демографической ситуации. Однако данную проблему можно смягчить и замедлить депопуляцию, путем создания рабочих мест и попыткой «оставить на селе» молодежь. Опыт села Гуево Суджанского района, в котором функционируют несколько перерабатывающих предприятий, наглядно показывает, что это вполне реально.

Несмотря на близость границы, этнические процессы и самоидентификация выражены крайне слабо. Жители исследуемых сел, даже разговаривая на чистом украинском языке, считают себя русскими. Этот феномен заставил самым серьезным образом пересмотреть подходы к определению и учету национального состава населения в ходе проведенных исследований и включить в анкеты и опросные листы пункты этнолингвистического характера.

Ковалев Ю. Ю., Степанов А. В.

ИННОВАЦИОННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СТАРОПРОМЫШЛЕННЫХ РЕГИОНАХ: ОПЫТ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

К старопромышленным относятся те регионы, которые в процессе своего исторического развития потеряли способность к адаптации к изменившимся

внешним условиям и воспроизводству за счет эндогенных ресурсов. Регионы этого типа имеют широкое распространение в ЕС. Они охватывают территории т.н. «трубных отраслей» (угольная, металлургическая, текстильная промышленности, судостроение, и др.), а также регионы с доминированием, например, автомобильной или часовой промышленности. Важнейший аспект их дефиниций заключается не в секторальной специфике региона, а в состоянии региональной экономики, отсутствием в ней адаптационных механизмов и заблокированной способностью к обновлению.

В экономико-географическом дискурсе по старопромышленным регионам можно выделить три доминирующие темы. Во-первых, часть исследователей обращается к изучению внешних рамочных условий как важнейшей причины кризиса индустриального региона. Другие авторы, исследуют эндогенные факторы упадка бывшего процветающего промышленного региона и его структуры. В-третьих, рассматривается вопрос, какие имеются возможности для регенерации старопромышленных регионов, роль политической системы в их реструктуризации. Здесь мы более подробно остановимся на последней теме и рассмотрим концепции обновления в Рурской области и Южном Уэльсе.

Государство играло активную роль в оздоровлении экономики Рура на всем протяжении кризиса его ведущих отраслей. Однако в проводимой государством региональной экономической политике можно выделить два этапа, в которых преследовались различные парадигмы территориального развития. На первом этапе (конец 1950-х гг. до 1985 г.) государственная политика была полностью сконцентрирована на модернизации ведущих отраслей (Программа технологического развития «Горно-добывающая промышленность и металлургия» 1974 г., программа «Сталь» 1979 г.). Усилия государства были направлены на повышение конкурентоспособности предприятий региона, а также на поддержание, за счет субсидирования, нерентабельных отраслей (угольная промышленность, металлургия). Существовавшая в то время специфическая сетевая организация региона, состоящая из тесно сотрудничающих между собой политических, экономических, социальных структур не могла внести кардинальные коррективы в экономическое развитие региона, опираясь в своих взглядах и действиях на традиционную парадигму развития. Когнитивное закрытие (*cognitive lock-in*) ведущих акторов сети стало главным препятствием на пути внедрения организационных, отчасти технологических инноваций, а консервация связей между политико-административной системой региона и промышленным сектором негативно воздействовало на процессы обновления и реструктуризации хозяйства (*political lock-in*) [1].

На втором этапе фокус государственной политики переместился на стимулирование развития инноваций и сектора высоких технологий. В 1985 г. была принята программа по развития новых секторов (*Nord-Rhein-Westfalen-initiative Zukunftstechnologien*). В 1987 г. – программа «Инициатива будущего: горно-ме-

таллургические регионы» (ZIM). В ней прослеживался отход от прежней иерархической и централизованной схемы принятия и реализации решений. Большая доля ответственности за будущее региона отводилась муниципальным властям, в задачу которых входило разработка концепций развития подвластных территорий. Одобренные земельным правительством концепции получали финансовую поддержку. Особое внимание уделялось таким «полям» как стимулирование технологического и инновационного развития, повышение квалификации кадров, создание новых рабочих мест, модернизация инфраструктуры, улучшение экологии. В последующие годы были приняты программы по развитию отдельных территорий Рура (Internationale Bauausstellung Emscher Park), инновационной инфраструктуры и стимулированию технологического трансфера между отраслями, секторами хозяйства региона (Technologieprogramm Wirtschaft 1996). В 2007 г. была учреждена частная инициатива «Будущее Рура 2030». (Zukunft Ruhr 2030), охватывающие проекты по развитию приоритетных направлений экономики, науки, образования, культуры.

Появление новых нестандартных инициатив по развитию Рура сопровождалось процессами трансформации сетевой организации региона. Уже в середине 60-х гг. XX в. появились новые акторы сетевого взаимодействия в лице первых университетов и высших школ (до этого регион не имел ни одного университета и по доле лиц с высшим образованием в структуре населения занимал одной из последних мест в ФРГ). Сочетая в себе функции обучения и исследования, обладая необходимым набором компетенций и знаний они создали базу для становления и развития региональной инновационной системы (РИС) Рура. В последующие годы государственная политика была направлена на систематическое выстраивание РИС и уплотнения ее структуры. Особенно в последнее десятилетие XX в. наблюдался количественный рост научно-исследовательских структур, технологических и индустриальных центров, организаций по трансферу знаний.

Переход на новую парадигму регионального развития стимулировал развитие наукоемкого малого и среднего бизнеса Рура. Организационная гибкость, простая внутренняя структура, ориентация на горизонтальное взаимодействие, открытость к новизне и инновациям – качества, необходимые для развития предприятий в современных, непростых условиях глобальной экономики. Их рост и развитие рассматривалось политическими структурами как определенная альтернатива традиционным рурским предприятиям-гигантам индустриальной эпохи. Наукоемкие малые фирмы действуют, как правило, в новейших отраслях хозяйства: микроэлектронике, нанотехнологии, биотехнологии, телекоммуникационной сфере. Благодаря им в регионе формируются новые инновационные кластеры. Особенно это очевидно в области микроэлектроники (г. Дортмунд), экотехнологии (Дуйсбург, Марле), производства новых материалов (г. Дортмунд). Все это положительно отражается на экономических показателях региона.

Кризис традиционных отраслей в Южном Уэльсе стал прослеживаться с начала 1980-х гг. В отличие от Рура, государственная политика сразу же была направлена не на поддержание существующих отраслей, а скорее на их разрушение и быстрее обновление хозяйственной структуры региона. Иностраные инвестиции должны были сыграть главную роль в кардинальной диверсификации регионального промышленного базиса. Для этого правительством М. Тэтчер были разработаны ряд мер по их привлечению в регион. Следуя в фарватере принципов «рейганомики» государство отказалось от роли регионального менеджера, предоставив свободу действий всем экономическим игрокам. На сегодняшний день можно сказать, что, несмотря на социальный шок, личные трагедии, трансформация отраслевой и территориальной структуры хозяйства Южного Уэльса все же удалась. В регионе наблюдаются процессы формирования новых кластеров (прежде всего в автомобильной промышленности и электроники), а также развития обновленного металлургического комплекса.

Следующим этапом в развитии региона стало формирование РИС и инновационных сетей. В начале 1990-х гг., действующие в регионе ТНК автомобильной и электронной промышленности, стали, в связи с переходом на новые постфордистские принципы организации производства, форсированно налаживать кооперационные связи с немногочисленными региональными поставщиками продукции. Государственные программы стимулировали создания новых предприятий-смежников, а также организацию сетей между иностранными фирмами и региональными поставщиками. В дальнейшем, происходила интеграция новых инновационных акторов, системы образования и науки, учреждений координации и поддержки инновационного процесса в уже созданные сети.

Формирование автомобильного кластера и образование региональных инновационных сетей тесно было связано с активизацией государственной политики в 1990-е гг. В это время были созданы государственные службы по содействию кооперации и привлечению иностранных инвестиций в т.ч. агентство по развитию Уэльса (Welch Development Agency. WDA). Сейчас автомобильная промышленность – одна из главных отраслей экономики Уэльса. Главные предприятия принадлежат компаниям «Форд» и «Тойота». В отрасли занято более 30 тыс. чел. Всего же в автомобильной и электронной промышленности действуют около 500 ТНК, в том числе «Сони», «Дженерал Электрик», «Маусита электрик» и т. д.

В металлургическом кластере региона наблюдаются процессы модернизации и внедрения технологических новшеств. Он играет важную роль в региональном развитии. Главное предприятие сектора – компания «Бритиш стил» обладает высокой конкурентоспособностью за счет широкой исследовательской базы и правильной стратегией развития. Важное значение в достижение высокой конкурентоспособности создают высокие инвестиции в новейшую технику, а также организация новых форм производства. По сравнению

с Руром в регионе не наблюдались процессы диверсификации производства в металлургии: компания «Бритиш Стил» остается в своей основной специализации- производстве стали и проката.

Таким образом, реструктуризация экономики Рура и Уэльса проходила под прямым или косвенным управлением со стороны государственных структур. На первоначальном этапе в Руре (1960–1985 гг.) государственная политика была направлена на модернизацию старых «отраслей». В Уэльсе – на их разрушение. В Руре опора на традиционную парадигму развития, «костенелость» региональных сетей препятствовали росту новых отраслей хозяйства, отчасти самой модернизации. В Уэльсе, наоборот, слабое регулирование со стороны государства, созданные рамочные условия стали импульсом для притока сюда иностранных инвестиций. На втором этапе государственная политика, как в Руре, так и в Уэльсе стимулировала развитие новых отраслей, проводились мероприятия по созданию региональной инновационной системы, улучшению экологической обстановки, изменению имиджа региона. В 1980–2000 гг. в Руре и Уэльсе появляются технологические парки, происходит рост численности малых и средних инновационных фирм, укрепляются инновационные связи. На сегодняшний день можно говорить об образовании в Руре и Уэльсе четырех крупных региональных кластеров. Пример выбранных нами регионов показывает, что государственная политика может оказывать воздействие на формирование РИС, развитие в них инновационных отраслей и способствовать трансформации старопромышленных регионов.

Литература

1. *Grabher G.* The weakness of strong ties: the lock-in of regional development in the Ruhr-area // *The embedded firm: on the socioeconomics of industrial networks.* – London, 1993. P. 255–278.

Мезенцева Н. И.

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНОВ: ИНДИКАТОРЫ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РАВЕНСТВА

Качество жизни является интегральным показателем оценки экономической, социальной и экологической составляющих жизнедеятельности населения. Классическая методика его исследования включает анализ количественных и качественных показателей, с одной стороны, и перцепционную оценку, с другой. При этом две составляющие могут как коррелировать, так и быть противоположными. Противоположность обычно возникает в регионе при несоответствии уровней социально-экономического развития и загрязнения окружающей среды, уровней экономического развития и распространения социальных неблагоприятий. В связи с этим, особое внимание в таких исследованиях необходимо уделить вопросу социальной безопасности регионов.

Понятие социальной безопасности является многогранным. В самом широком смысле социальная безопасность определяется как постоянная доступность достаточного количества социальных гарантий и благ для нормальной жизнедеятельности населения [1, 2]. При этом под социальными гарантиями и благами подразумеваются не только социально-психологические, гуманитарные, демографические, трудовые ресурсы и сервисные составляющие, но и возможность получения услуг различного вида в соответствии с реальной платежеспособностью населения.

Усугубление региональной дифференциации социальной безопасности жизнедеятельности населения происходит в периоды экономических кризисов, проведения экономических реформ. Региональные различия касаются, прежде всего, уровня оплаты труда, уровня занятости и безработицы, процесса воспроизводства населения, миграционных процессов, качества и ассортимента предоставляемых услуг. Соответственно в обществе возникают такие наиболее острые социальные деформации, как депопуляция населения, социальное расслоение, обеднение широких слоев населения, разрушение трудового потенциала.

Определение уровня социальной безопасности регионов включает такие основные блоки научного исследования [1].

1. Оценка развития социально-географических процессов, которые характеризуют демографическую ситуацию, трудовые ресурсы потенциал, уровень благосостояния населения, распространение социальных неблагоприятий.

2. Определение важнейших региональных социальных интересов и их приоритетов. Социальными приоритетами регионов являются социальная стабильность, повышение уровня жизни населения, сохранение генофонда нации и укрепление здоровья граждан, формирование современного среднего класса с образом жизни, присущим экономически развитым странам, сохранение трудовых ресурсов потенциал и создание эффективной системы социальной защиты [2]. Общественно-географическими критериями социальной безопасности регионов на современном этапе являются увеличение средней продолжительности жизни населения и повышение уровня его доходов.

3. Выявление и оценка региональных угроз (реальных и потенциальных, внутренних и внешних) и опасностей социальным интересам регионов. Основными внутренними рисками социального равенства регионов являются межрегиональные диспропорции в жизненном уровне населения, непомерно высокая степень дифференциации доходов населения регионов и социальных слоев, распространение бедности, криминализация общества, неконтролируемые миграционные процессы.

Определение степени социальной безопасности регионов основывается на оценке и анализе нескольких групп различных по происхождению угроз [3]. Первую группу составляют региональные угрозы, имеющие экономическое происхождение:

– угрозы, связанные с региональной дифференциацией уровня доходов населения вследствие низкого уровня заработной платы, снижения воспроизводственной и стимулирующей ее функции, социальной поляризации общества на бедных и богатых при отсутствии достаточного количества представителей среднего класса, снижения потребления важнейших продуктов питания ниже минимально допустимых норм;

– угрозы, связанные с ситуацией на региональных рынках труда вследствие безработицы, сокращения спроса на рабочую силу, потери стабильного социально-профессионального статуса существенными социальными группами;

– угрозы, связанные с ухудшением качества и сужением ассортимента предоставляемых услуг (культурно-образовательных, медицинских, бытовых и других);

– угрозы, связанные с проблемой финансирования региональных социальных программ.

Вторую группу образуют угрозы демографического происхождения:

– угрозы региональной депопуляции населения вследствие природного сокращения, ухудшения возрастной структуры населения, миграционного оттока населения, уменьшения средней продолжительности жизни;

– угрозы ухудшения качества трудовых ресурсов регионов через нарушение необходимых условий для воспроизводства рабочей силы.

В третью включаются угрозы, имеющие гуманитарное происхождение:

– угрозы социальных противоречий, в основе которых лежат языковые, конфессиональные региональные отличия;

– угрозы распространения социальных заболеваний.

Для диагностики социальной безопасности регионов наиболее целесообразно использовать такие группы индикаторов [2]:

- индикаторы качества населения: коэффициенты рождаемости, смертности, детской смертности, ожидаемая средняя продолжительность жизни населения, доля пенсионеров в возрастной структуре населения, коэффициенты бракосочетаний и разводов, уровень заболеваемости, количество инвалидов, уровень образованности, коэффициенты убытия и прибытия населения, миграционное сальдо;

- индикаторы напряженности на рынке труда: уровни занятости и безработицы, удельный вес безработной молодежи, численность безработных, которые состояли на учете больше года, нагрузка на одно свободное рабочее место, спрос и предложение рабочей силы, уровни трудоустройства;

- индикаторы благосостояния населения: ВВП на душу населения, уровень оплаты труда, соотношение доходов и затрат населения, доля населения, которое проживает за границей бедности, уровень инфляции, обеспеченность населения разными видами услуг (бытовыми, информационными и др.), удовлетворенность доступностью для населения;

- индикаторы социальных неблагополучий: соотношение доходов богатейших и беднейших семей, заработная плата женщин в % к заработкам мужчин, уровень преступности, количество самоубийств, уровень распространения наркомании и алкоголизма, количество больных на СПИД;

- индикаторы финансирования региональных социальных программ: затраты государственного и местных бюджетов на социальные нужды.

4. Типизация регионов по составу и интенсивности проявления угроз с целью разработки региональных мероприятий их нейтрализации и создания программ обеспечения социальной безопасности регионов. Совокупность принципов, решений, действий, которые воплощаются через такие программы на практике с целью удовлетворения социальных нужд и интересов населения определяют социальную политику регионов.

Литература

1. Мезенцева Н. И. Региональная социальная безопасность Украины в контексте социальной политики // Регион–2006: стратегия оптимального развития. – Харьков: Харьк. ун-т, 2006. С. 17–19 (на укр. языке).

2. Мезенцева Н. И. Общественно-географические аспекты социальной безопасности регионов Украины // География в информационном обществе. Т. 2. – К.: ВГЛ «Обрії», 2008. С. 108–110 (на укр. языке).

3. Мезенцева Н. И., Мезенцев К. В. Региональная социальная безопасность в Украине // Экономическая и социальная география. Вып. 51. – К., 2001. С. 121–128 (на укр. языке).

Мошков А. В.

ЦИКЛИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СИСТЕМ

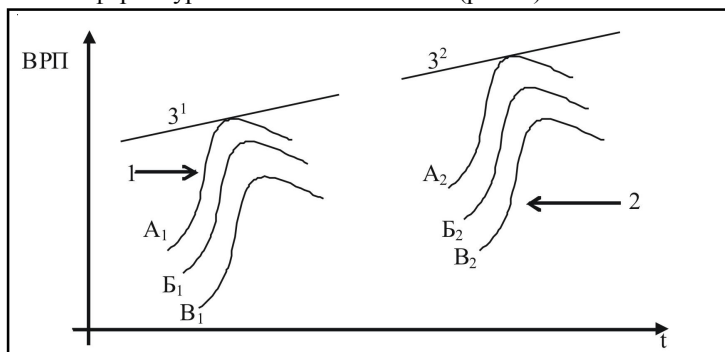
Практика хозяйствования показала, что в условиях как плановой, так и рыночной экономики в отношениях между элементами Территориально-производственных систем (ТПС) постоянно возникают социально-экономические диспропорции. Преодоление этих диспропорций, ведомственных барьеров, корпоративных интересов, противоречивых отношений внутри ТПС является одной из движущих сил процесса структурных изменений систем промышленности (Мошков, 2001). С этой точки зрения структурные изменения ТПС есть не что иное, как бесконечный процесс достижения и поддержания динамической пропорциональности в ТПС разного иерархического ранга.

Территориально-производственные системы, как и любые целостные экономические системные образования, характеризуются цикличностью развития, в основе которой лежат процессы автоколебания. Согласно теории интернального цикла развития экономики, развитие экономической системы складывается из ряда последовательных изменений (стадий): 1) зарождение системы и её развитие – расцвет; быстрое увеличение в размерах (например, рост численности

населения, промышленного и сельскохозяйственного производства и пр.); 2) затухание развития и постепенное прекращение роста – состояние стагнации или динамически равновесный режим развития (для социально-экономических систем характеризующийся простым воспроизводством); 3) период нисходящего развития и деградации (Пригожин, 1991; Поздняков, 1998). Такие же стадии развития (формирования, функционирования, реконструкции и развития) проходит и функциональная структура территориально-производственных систем (Мошков, 2001). В территориально-производственных системах существует два варианта развития: 1) зарождение и формирование нового цикла в старом, когда развитие нового базируется на фундаменте старого цикла, поддерживается и обеспечивается за счёт имеющихся материальных, финансовых и трудовых ресурсов; 2) независимое или слабо связанное со старым развитие нового цикла, так что новый цикл формируется на отдельных сохранившихся элементах старого.

Циклы развития экономических систем подразделяются на несколько типов: 1) цикл динамически равновесного состояния; 2) цикл эволюционного (интенсивного) развития; 3) цикл эволюционных (качественных) реконструкций (Поздняков, 1998).

Цикл динамически равновесного развития территориально-производственных систем имеет вид симметричной поступательной волны. Он характерен для функционирующих систем, в развитии которых не отмечаются кардинальные изменения компонентной (отраслевой или по видам экономической деятельности) и территориальной структуры, не возникают изменения в социальной сфере и уровне жизни населения (рис. 1).

Рис. 1. Развитие ТПС по типу эволюционных преобразований

1 – развитие ТПС на основе предшествующих концепций; 2 – последовательная смена старых положений концепций развития территориально-производственной организации и управления ТПС на новые; 3¹, 3² – пределы развития системы. Элементы структуры ТПС: А – специализированные производства, Б – обслуживающие производство, В – обслуживающие население.

По мере приближения к пределу истощения имеющихся в ТПС ресурсов (природных, материальных, трудовых, финансовых и др.) должна происходить изменения в Концепции социально-экономического развития системы, её территориально-производственной организации и функционировании, в технологиях производства и распределения, в видах экономической деятельности и природопользовании. Но поскольку подобные изменения не происходят (или они незначительны), то развитие ТПС, при условии использования внутренних ресурсных возможностей, является самоподобным, автомодельным или конформным, т. е. повторяющим себя во времени по экономическим и социальным характеристикам (Поздняков, 1998). Например, уровень регионального внутреннего продукта (ВРП) (субъекта Российской Федерации, либо Федерального округа) при этом по своей относительной величине сохраняется постоянным или может расти за счет использования дополнительных ресурсов других ТПС или федерального центра. ТПС, сформировавшиеся в субъектах РФ, и достигшие более высоких показателей ВРП (выше средних значений по РФ), для сохранения и тем более увеличения ВРП вынуждены переходить на эксплуатацию ресурсов из других субъектов РФ, а даже зарубежных стран (например, приобретение российскими нефте- и газодобывающими компаниями активов нефтегазовых компаний за рубежом; покупка технологий автомобильными компаниями; и др.). Однако, в связи с финансовым кризисом и ограниченностью легкодоступных запасов природных ресурсов, вероятность изменения Концепции и цикла развития данных систем значительно возрастает. Вполне очевидно, что для каждой ТПС существует свой собственный предел развития (например, по показателям ВРП; природно-ресурсному потенциалу), определяемый ее внутренними ресурсами и условиями социально-экономического развития.

Цикл интенсивного развития ТПС. Зарождение новой более прогрессивной Концепции развития ТПС вызывает постепенное снижение потенциала старой, замедление, а затем и падение темпов роста продуктивности системы (рис. 1; кривые A_1 , B_1 , V_1 ; 3^1).

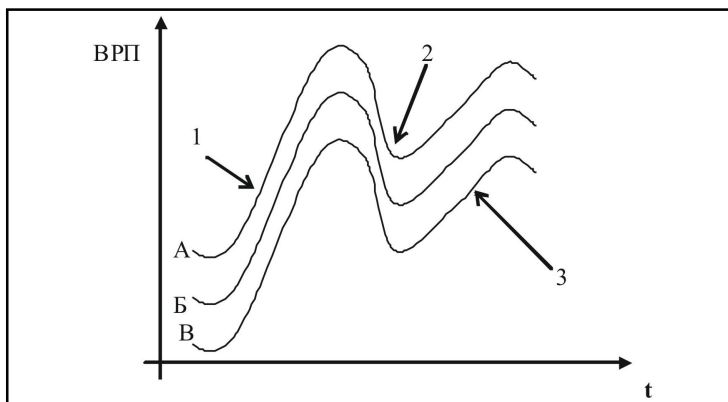
Однако развитие новой структуры в системе (рис. 1; кривые A_2 , B_2 , V_2 ; 3^2) ведет к повышению производительности её составляющих специализированных и обслуживающих производств, – суммарная величина ВРП возрастает, увеличивается и предел развития. Между элементами структуры ТПС меняются связи и отношения, а система со временем требует разработки и реализации новых подходов к созданию новых, более прогрессивных Концепций социально-экономического развития ТПС, более эффективных технологий использования ресурсов и выпуска более качественной продукции и т. д. В данном варианте циклического развития ТПС важным является то, что новое заменяет старое в оптимальный период по времени и по содержанию, также растет предел её развития. Система не разрушается, а совершенствуется – устойчиво и динамично развиваясь. Периодические спады производства не ведут к значительному

падению ВРП. Все новое базируется на старом и поддерживается им. Данный тип цикла развития можно считать наиболее оптимальным.

Цикл эволюционных (качественных) реконструкций ТПС (рис. 2). В ТПС после достижения некоторого (возможно даже высокого) уровня развития начинают преобладать (например, при изменении конкурентной среды, под воздействием корпоративных, ведомственных интересов) дезорганизующие тенденции и явления. В результате сложившаяся структура ТПС саморазрушается – остаются лишь её реликты (предприятия, сохранившиеся от прежней структуры, например, производства, освоившие новые рынки сбыта продукции). И только после формирования структурного кризиса в отношениях между предприятиями системы (например, банкротство, отказ от сложившихся связей, переключение на более выгодных партнёров) начинается переходный период и формируются новые связи и отношения между элементами ТПС.

По такому пути прошли за время социально-экономических реформ 1990-х годов все предприятия территориально-производственных систем в России. Административно-плановая система управления экономикой была заменена на стихийно-рыночную, что вызвало процесс формирования системного кризиса, сопровождавшегося такими явлениями, как высокая инфляция, банкротство предприятий, падение уровня жизни населения и т. д.

С начала 2000-х гг. начинается постепенный выход экономики России из состояния кризиса. В стране декларируется переход к созданию новых, пропульсивных элементов структуры ТПС – базирующихся не только эксплуата-

Рис. 2. Цикл эволюционных (качественных) реконструкций ТПС

1 – формирование упорядоченной структуры ТПС (например, рост ВРП в ТПС субъектов РФ); 2 – эволюционная реконструкция; 3 – формирование новой структуры ТПС. Элементы структуры ТПС: А – специализированные производства, Б – обслуживающие производства, В – обслуживающие население.

ции богатейших и уникальных природных ресурсов, но и на внедрении НИР в обрабатывающие производства. Начинается новая стадия циклических изменений структуры ТПС – непрерывного процессе формирования и развития на территории совокупности взаимосвязанных объектов (предприятий, отраслей, подразделений, объектов инфраструктуры) вместе с их внутренними и внешними связями.

Наумов А. С.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ БИЗНЕСА: НОВАЯ ПРИКЛАДНАЯ ОБЛАСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ (НА ПРИМЕРЕ РАЗВИТИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА)

Одним из важнейших факторов трансформации территориальной структуры современной экономики на различных уровнях (от локального до глобального) является реализация бизнес-стратегий хозяйствующих субъектов. В то же время, территориальная стратегия стала важнейшей частью общей корпоративной стратегии, без которой невозможно успешное развитие бизнеса.

Это ярко видно на примере компаний, которые оперируют в отраслях, связанных с производством и последующей переработкой первичных сырьевых товаров. Так, деятельность ведущих транснациональных компаний (ТНК) агробизнеса осуществляется на основе дифференцированного подхода к сырьевым и потребительским рынкам с учётом их географических особенностей. В зависимости от ситуации на этих рынках ТНК практикуют децентрализацию, или, наоборот, интернационализацию принятия решений по планированию бизнеса, создают региональные филиалы, размещают различные звенья производственных цепочек, формируя, тем самым, специализацию сельскохозяйственных районов.

К числу основных задач территориальной стратегии бизнеса относятся: поиск регионов с лучшим рыночным потенциалом, или с оптимальным сочетанием ресурсов и факторов производства, оптимизация территориальной структуры корпоративных операций, региональная консолидация активов и доминирование на региональных рынках.

Очевидно, что экономическая география – основополагающий инструмент для решения подобных задач, однако на практике профессиональные знания географов не всегда оказываются востребованы. В то же время, как в самой географии, так и в смежных областях имеется методологическая база для выработки научно обоснованной территориальной стратегии. К ней можно отнести как классические штандортные теории экономической географии, так и современные теории, получающие всё большее распространение в экономико-географических исследованиях: жизненного цикла продукта, бихевиористские, конкуренции и пространственной агломерации производства. Выводы, сделанные на основе применения к конкретной ситуации различных те-

орий, должны стать основой для принятия решений об оптимизации размещения производства. Необходимо также учитывать внеэкономические факторы внешней среды, в которой оперируют компании: институциональные условия ведения бизнеса, политические и экологические риски, этнокультурные особенности, специфику бизнес-мышления. Учёт подобных факторов относится к сфере географического страноведения.

В то же время, методы анализа корпоративной стратегии и стратегического менеджмента могут быть задействованы в экономической географии, что обогатило бы и осовременило её методологический арсенал и способствовало выработке успешных территориальных стратегий. К числу наиболее распространённых методов, применяемых для выработки корпоративных стратегий, относятся покомпонентный и пошаговый анализ конкурентной среды, или PESTEL¹, моделирование конкурентного анализа², SWOT-анализ³ и его разновидности [1, 7]. Все они не только могут, но и должны иметь географическую составляющую. Например, определение конкурентных преимуществ предполагает разностороннюю оценку географического положения.

Обзор наиболее распространённых вариантов бизнес-стратегий показывает, что их сущность зачастую определяется объективным содержанием экономико-географических процессов. Например, получающая всё большее распространение стратегия интегрированного роста (стремление контролировать весь производственный цикл «от поля до прилавка») направлена на вертикальную интеграцию производства, частным случаем которой является агропромышленная интеграция. Стратегии «занятия узкой рыночной ниши», или, наоборот, «дифференциации продукции» ориентируют компании, соответственно, на узкую региональную специализацию, или на диверсификацию производства.

Успешность выбора и реализации территориальной стратегии бизнеса в аграрном секторе экономики во многом определяется пониманием основных черт специфики сельскохозяйственного производства: исторических, производственно-экономических и географических. Сельское хозяйство – это древнейшая отрасль материального производства, в которой сохранилась многоукладность и уживаются разнообразные формы землевладения и землепользования. Главным средством производства в сельском хозяйстве является земля, на него влияют агроклиматические условия и плодородие почв. В отличие от других отраслей, сельское хозяйство характеризуется континуальностью, дискретностью и мозаичностью размещения; ему присущи экуменизм и гео-

¹ Аббревиатура от «political, economic, social, technological, environmental, legal»: политические, экономические, социальные, технологические, экологические, институциональные компоненты.

² Модели Гарвардской школы, Бостонской консалтинговой группы.

³ Аббревиатура от «strengths, weakness, opportunities, threats»: сильные, слабые стороны, возможности, угрозы.

графическое многообразие производственных типов [2, 3]. Поэтому для выработки территориальной стратегии компаний АПК географический анализ необходим в ещё большей степени, чем для других секторов экономики.

Особо следует сказать о значении оценки так называемой «внешней среды» деятельности компаний АПК на различных географических уровнях – от глобального до локального. На глобальном уровне это рост потребительского спроса в связи с дефицитом продовольствия и качественные изменения в предпочтениях потребителей, научно-технический прогресс в сельском хозяйстве и в других отраслях АПК. На уровне крупных регионов и отдельных стран условия для развития агробизнеса определяются количественными и качественными параметрами земельных и трудовых ресурсов, инвестиционным климатом, особенностями эволюции и реформирования традиционных аграрных отношений, степенью развитости локальных рынков аграрного сырья и продовольствия, практикой государственного регулирования сельскохозяйственного производства [4].

В качестве примеров нами рассмотрены различные территориальные стратегии развития агробизнеса, которые были реализованы, или реализуются в настоящее время в различных странах мира. Примером стратегии территориальной экспансии может служить деятельность ведущих ТНК агробизнеса и крупных национальных компаний, связанная с современным сельскохозяйственным освоением новых районов в Латинской Америке (саванн-серраду в Бразилии, северных провинций Аргентины) [8]. Стратегия интегрированного роста реализуется в создании агрохолдингов (Россия) и вертикально-интегрированных АПК (Бразилия). Она характерна для компаний, специализирующихся на производстве и переработке сахарной свёклы и сахарного тростника, зерновых, масличных и плодовых культур, а также на мясном животноводстве [5, 6].

Стратегия многих компаний АПК предполагает освоение новых рыночных ниш. В наше время это производство «органических продуктов» и биотоплива (как в развитых, так и в развивающихся странах); классическим примером успешной реализации данной стратегии можно считать создание «United Fruit Company» в начале XX в. «банановой империи» в Латинской Америке. Большие возможности на данном направлении открываются не только благодаря производству новых, но и за счёт расширения рынков сбыта традиционных видов продукции. Например, глобализация потребительских привычек к началу XXI в. вызвала рост мирового рынка кофе. Спрос увеличился в основном в странах с невысокими потребительскими стандартами, что вывело в число ведущих мировых производителей кофе Вьетнам и Индонезию, где выращивается его более дешёвая разновидность робуста.

Стратегия дифференциации продукции проявляется в создании многопрофильных компаний, в рамках которых интегрируются не только земледелие (производство кормов) и животноводство, но и производство удобрений, переработка мяса. Реализация подобной стратегии приводит к диверсифика-

ции производства крупных сельскохозяйственных районов, что стабилизирует их развитие, снижая рыночные риски.

Как альтернатива крупномасштабному производству рассматривается сельскохозяйственная кооперация. Как показывает опыт Западной Европы, кооперация успешно развивается в переработке и сбыте таких видов сельскохозяйственной продукции, как виноград, мясная и молочная продукция, где она строится с учётом специфики территориальной иерархии производственных цепочек.

Литература

1. *Зайцев Л. Г. Соколова М. И.* Стратегический менеджмент. – М.: Экономика, 2005.
2. *Кузина И. М., Наумов А. С.* Агрогеография мира. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
3. *Наумов А. С.* Отраслевое природопользование (Сельское хозяйство) // Основы экономики природопользования. – СПб.: Питер, 2005. С. 509–544.
4. *Наумов А. С., Рубанов И. Н.* Сравнительная характеристика региональной концентрации земледелия в России и США // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2001. С. 24–32.
5. *Наумов А. С., Рубанов И. Н.* Территориальные сценарии развития агропродовольственного сектора в современных условиях: зарубежный опыт и уроки для России // Устойчивое развитие агропродовольственного сектора как важнейший фактор социально-экономической стабильности России: Матер. Второго Всерос. конгресса экономистов-аграрников. Ч. 1. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2006. С. 232–242.
6. *Снитко Д. В.* Территориальная организация сельского хозяйства Бразилии в условиях агропромышленной интеграции: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – М., 2009.
7. Стратегический менеджмент. Под ред. А. Н. Петрова. – СПб: Питер, 2006.
8. *Naumov A.* Land Use in Brazil: Major Contemporary Changes and Their Driving Forces // Understanding Land-Use and Land-Cover Change in Global and Regional Context. Science Publishers, Inc. Enfield (NH), USA; Plymouth, UK. 2005. P. 208–223.

Савчук И. Г.

РОЛЬ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКТОРА В РАЗВИТИИ РЕГИОНА, ПРИЛЕГАЮЩЕГО К КРУПНОМУ ГОРОДУ-ПОРТУ

Города-порты в морских бассейнах, которые не входят в состав одного государства, на протяжении всей своей истории не изменяли своей главной специфики в развитии – обслуживание преимущественно внешней торговли большей части страны. Именно по этому, при изучении их развития в прошлом необходимо опираться на методологию и методику геоисторического подхода Ф. Броделя.

Несмотря на исключительное значение городов-портов в развитии внешней торговли государства и отдельных регионов СНГ, за исключением тезисов И. М. Маергойза «Особенности экономико-географического положения и районообразующей роли морских портов» (1967), автору не известны иные работы советских и постсоветских георбанистов по теоретико-методическим вопросам изучения именно городов-портов.

Обращая внимание собственно на роль крупных городов-портов в развитии региона, мы выбрали в качестве объекта нашего геоисторического исследования Одессу (Украина) и Санкт-Петербург (РФ). Акцентируем внимание на то, что эти города-порты были основаны и сформировались как ведущие центры хозяйственной и культурной деятельности в Российской империи и они одновременно развивались в советский период и лишь с 1991 г. стали входить в разные государства. Их важной общей геоисторической чертой является неизменность важнейшей составляющей функциональной структуры – портового хозяйства внешнеторговой ориентации, развитие которого обусловлено обслуживанием данными городами-портами рынков практически всей Российской империи/СССР. Данная их особенность является естественным следствием развития империи. Сопроотивление установлению прямых контактов между различными частями государства и установление господства столицы типичная черта любой империи. Во многом это объясняется необходимостью контролировать, посредством сосредоточения в немногих привилегированных пунктах на периферии империи, внешнею торговлю всего государства. Таким образом, регион, прилегающий к городу-порту, является своеобразным фокусом геоисторического развития геополитических и геоэкономических процессов империи, ибо здесь разворачивались основные события ее политической и экономической истории.

Акцентируем внимание на тех чертах развития города-порта, которые указывают на его значение для развития государства и окружающих его региона, как с точки зрения установления и закрепления политического господства (геополитический анализ), так и с позиций хозяйственного освоения прилегающих территорий (геоэкономический анализ).

Важнейшей частью анализа положения города является изучение его роли в международных транспортных коммуникациях, выступающих суперструктурой, которая включает его в международное разделение труда. Для городов-портов одинаково важным оказывается положение на морских путях и в транспортной сети на суши. При этом решающую роль играет удобство связей с хинтерландом.

При анализе длительных тенденций в территориальной организации региона прилегающего к Одессе и Санкт-Петербургу не имеет смысла использовать типичную модель колониального освоения и развития транспортной сети. В ней основной импульс хозяйственного развития происходил из заморской метрополии и лишь фокусировался в портовом городе, тогда, как в сухопут-

ной империи главный центр находился в глубине ее территории и город-порт служит для реализации внешних целей государства.

В первой из указанных теоретических моделей хозяйственного освоения региона описывается формирование зоны влияния крупного города-порта и локальных центров экономического развития по суше вдоль главных транспортных магистралей.

В случае с Одессой и Санкт-Петербургом речь идет о прямо противоположном процессе – город возникает как вынесенный специально для внешней торговли на необжитое морское побережье населенный пункт из глубинной освоенной оседлым населением территории. Но, как замечает К. Дюркрюэ: «такой город подвергается риску быть всего лишь транзитным пунктом, используемый городами в глубине территории, которые... концентрируют услуги высшего уровня, а так же население» [4]. Важно отметить, что данный город становится основным портом для вывоза товаров за рубеж для довольно большой территории, которая, однако же, не включает в себя всю территорию страны. Впервые на такую особенность крупнейших городов-портов обратил внимание, при изучении Франции Ф. Бродель, в которой крупнейшие города-порты находятся на ее периферии [2]. Имеется очевидная параллель – фактически вся внешняя торговля Франции в период Старого режима была разделена между городами-портами Марсель и Руан, точно так же в европейской части Российской империи она была разделена между Одессой и Санкт-Петербургом.¹ Это позволяет считать данную закономерность не только специфической чертой развития этих городов-портов в Восточной Европе, но и в общеевропейском масштабе пары ведущих городов-портов ряда государств (подобное положение Барселоны и Кадиса в Испании, Бергена и Осло в Норвегии, Венеции и Генуи в Италии и т. д.).

Геополитической и геоэкономической спецификой Российской империи было захват в основном малообжитых территорий на юге, севере и востоке Евразии. Именно по этому, создание городов – основных торговых центров государства на вновь приобретенных территориях является индикатором совмещения его геополитического и геоэкономического вектора развития в соответствующую эпоху. Выяснение особенностей их размещения в контактной (переходной) зоне между Православно-славянской и другими цивилизациями, выявление закономерностей их основания во времени и в пространстве позволяет выделить данные города в качестве своеобразных центров реализации основных геополитических и геоэкономических целей Московского царства / Российской империи в соответствующий период исторического развития. Они представляют

¹ «И если представить себе карту Франции, увеличенную к российским масштабам, то Архангельск был бы Дюнкерком, Санкт-Петербург – Руаном, Москва – Парижем, Нижний Новгород – Лионом, Астрахань – Марселем. Позже южным краем будет Одесса» [3].

ся моделями идеального (с точки зрения монархии) устройства общества во всех его проявлениях, которая позволяет интегрировать в состав государства вновь приобретенные территории, где находится такой город, и население, которое здесь проживает и которые прислано для ее освоения в соответствии с указаниями верховных властей. Поэтому данные города отличаются значительной этнической и религиозной неоднородностью, что их отделяет от типичного военного поселения на пионерной границе.² Неуверенность центральной имперской власти в законопослушании в новоприобретенных владениях устанавливает в торговых городах, которые она здесь основывает, с целью формирования прочных хозяйственных и культурных связей между пришлым и местным населением, режима особой лояльности с ее стороны к проявлению инакомыслия на бытовом и межличностном уровне. Имперская власть в лице своих гражданских и военных чиновников допускает наличие своеобразия в повседневной жизни и определенного вольнодумства среди своих подданных в данных городах, ибо имеется риск их ухода по иную сторону государственной границы. В этих городах основной контингент пришлого населения составляют военные и торговцы, часто иностранного происхождения. Одесса и Санкт-Петербург являются ярким примером такого торгового города, созданного в зоне контакта между двумя цивилизациями соответственно на севере и юге Восточной Европы.

Опираясь на проведенные выше аргументы и учитывая то, что образование и развитие Одессы и Санкт-Петербурга неотделимо от развития Российской империи/СССР мы выделяем их в особый тип городов-портов – имперские города-порты, которые создали своеобразную территориальную организацию хозяйства и расселения населения в прилегающих к ним регионах. В Ленинградской (РФ) и в Одесской областях (Украина) выделяются две зоны интенсивного хозяйственного освоения – приморско-фасадная (индустриально-портовая и курортная) и периферийная (агропромышленная), а зона между ними малоосвоенная в хозяйственном плане, за исключением функционирования небольших транзитных транспортных узлов.

Литература

1. *Бродель Ф.* Что такое Франция? Люди и вещи: В 2 т., 3 кн. Кн 1. Пространство и время. – М: Изд-во им. Сабашниковых, 1994.
2. *Бродель Ф.* Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм, XV – XVIII ст.: У 3 т. Т. 3. Час світу. – Київ: Основи, 1998.
3. *Дергачев В. А.* География маргинальной комплиментарности // Известия РГО. Т. 127. 1995. Вып. 3.
4. *Ducruet C.* Structures et dynamiques spatiales des villes portuaires: du local au mondial // *Mappemonde*. 2005. № 77. P. 4.

² «Особые преимущества получают портовые города, центры свободной торговли, где отмечаются активные межэтнические контакты и информационный обмен (Севиля, Одесса, Холмогоры, Кяхта)» [1].

МЕДИЦИНСКАЯ ГЕОГРАФИЯ – НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ, ПРИРОДЕ И ОБЩЕСТВЕ

Современное общество характеризуется двумя противоположными по воздействию на жизнь человечества тенденциями. С одной стороны, происходит улучшение жилищных условий, повышение уровня и продолжительности жизни людей. С другой стороны, человечество всё в большей мере сталкивается с негативными явлениями в состоянии окружающей среды, что отрицательно влияет на здоровье людей. В этих условиях возрастает значение научных исследований в области медицинской географии – междисциплинарной науки, входящей в состав наук, составляющих её название, т. е. медицины и географии. Кроме того, она имеет тесные взаимосвязи с такими науками, как биология, демография, социология, статистика, психология, экология и др. [1]. Таким образом, медицинская география вбирает в себя аспекты, связанные с изучением как самого человека, так и среды, в которой он пребывает, т. е. и природной, и социально-экономической.

Медицинская география как наука о человеке. Она начала складываться ещё в древнейшие времена, когда люди стали познавать преимущества того или иного места для проживания, того или иного вида продукта питания, пытаться познать причины заболевания, адаптироваться к специфическим природным явлениям. Такая многогранность аспектов изучения поведения человека в географической среде определила идеологию комплексного подхода к формированию концептуальных основ развития медицинской географии, использование как общенаучных, так и частных методов познания.

Из широкого комплекса дисциплин, связанных с изучением воздействия условий региональной среды на здоровье людей, особенно большое значение имеет географическая патология, изучающая закономерности возникновения, проявления и распространения болезней. Экспериментальные методы патологии направлены на изучение здоровья человека в конкретных условиях местности, на выявление причин отклонения здоровья от нормы. В научный багаж географической патологии вошли такие категории, как «нозологический профиль населения», «патологическая панорама региона», получившие большое значение в практике управления развитием территории, проектирования городов, городских и сельских поселений.

Разносторонний исходный материал для медико-географических исследований даёт физиология человека, особенно такой её раздел, как экологическая физиология человека. В задачу этой дисциплины входит изучение природных факторов совершенствования функций организма. Знания о физиологических процессах, изменяющихся в различной экологической обстановке, необходимы при определении степени комфортности территории для проживания,

а также при выполнении санитарно-экологических прогнозов. И то, и другое также может быть использовано при территориальном планировании и градостроительном проектировании.

Загрязнение окружающей среды способствует распространению природноочаговых инфекций, аллергических заболеваний и иммунодефицитных состояний, особенно на урбанизированных территориях. В этом отношении всё больший интерес приобретают исследования по ландшафтной эпидемиологии, выявлению природноочаговых инфекций, а также медико-географическому картированию, отражающему сочетание болезней с очагами зоопаразитологии и этомологии.

Изменения гигиенических характеристик биосферы в результате деятельности человека придают большое значение исследованиям в области социальной гигиены, которая в своих общеметодологических принципах и методических приёмах опирается не только на медицину, а и на социологию, психологию, этологию и другие науки.

Медицинская география как наука о природе. В условиях глобальных изменений современного мира роль медицинской географии приобретает всё большую актуальность. Она связана с комплексным подходом к изучению экологии человека, нацелена на обеспечение взаимодействия наук, так или иначе исследующих жизнь в географической среде. Соответственно, возникает необходимость в использовании методов, методик и способов решения задач в физической географии, геологии, геофизики, геохимии и других естественных наук. В свою очередь, каждая из них вбирает в себя элементы познания смежных наук, в результате чего получает новые результаты, необходимые для выявления закономерностей взаимодействия природы и общества.

Физико-географические и геоэкологические исследования служат исходным материалом для фундаментальных и прикладных разработок в области медицинской географии. Это – исследования природных катаклизмов (например, геопатогенных зон, магнитных бурь, экстремальных температур, перепадов давления, сильных ветров, наводнений и т. п.), негативно влияющих на здоровье и процессы жизнедеятельности. И эти результаты научного поиска имеют практическое значение при управлении развитием территории, инженерной инфраструктуры, систем расселения, при прогнозировании наступления и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

Говоря о связях медицинской географии с науками о Земле, нельзя обойти вниманием вопросы, связанные с тематическим картографированием, с использованием для этих целей ГИС-технологий. Составление комплексных, компонентных и отраслевых медико-географических карт существенно влияет на формирование теоретико-методологических основ и методических приёмов в медико-географических исследованиях, повышает их значение в деле управления развитием и территориальной организацией здравоохранения.

Медицинская география как наука об обществе. Медицинская география, будучи фундаментальной наукой, имеет важное прикладное значение. Оно проявляется, прежде всего, в том, что результаты медико-географических исследований используются при организации здравоохранения в регионах и городах. Само население в медико-географическом отношении выступает как биологическая субстанция, восприимчивая к воздействию внешних факторов. В демографическом отношении население выступает как популяция, самовозобновляющаяся в процессе смены поколений. Человеческая популяция характеризуется определенными отношениями, регулирующими поведение людей в части деторождения и сохранения жизни. Также понятия, как рождаемость, смертность, продолжительность жизни и т. п., важны не только для демографии, но и для медицинской географии: они дают представление о здоровье и жизнестойкости населения, используются в региональной политике и региональном управлении.

Изучение многогранных социальных явлений, социального поведения людей – предмет не только социологии, но и медицинской географии. В качестве примеров можно привести такие социально-экономические категории, относящиеся (одновременно) и к медицинской географии, как уровень, образ и качество жизни населения, а также занятость, условия труда, социальное обеспечение, состояние окружающей среды, уровень развития здравоохранения и состояние здоровья социума (или, иначе говоря, общественное здоровье). Эти категории представляют собой особый интерес для регионального уровня исследований различных групп населения.

Логические связи медицинской географии с экономическими науками прослеживаются при изучении производства и распределения товаров и услуг. В данном случае речь идет о таком распределении ресурсов, или о таком выпуске набора товаров и услуг, который наиболее желателен для данного социума, т. е. был направлен на обеспечение здоровья социума (с учетом его этноконфессиональных особенностей).

Медицинскую географию вплоть до середины XIX в. отождествляли с медицинской статистикой. И в наше время статистика является одним из главных атрибутов медико-географических исследований. При этом применяют исторический метод, т. е. анализируют динамику показателей о состоянии здоровья как в пространстве, так и во времени. Выявление тенденций в развитии предшествующих поколений позволяет лучше понять современную действительность, спрогнозировать будущее.

Любая информация о состоянии окружающей среды, полученная по результатам исследований разных наук, нуждается в обработке, анализе и обобщении. Для этого её необходимо свести в единые таблицы, графики и диаграммы, представить на карто-схемах, в медико-географических атласах. Суть этой задачи состоит в том, чтобы оснастить медицинскую географию новыми

идеями, которые отвечали бы интересам лиц, принимающих решения на разных уровнях управления – от государственного и муниципального до бизнеса.

Заключение. Медицинская география нацелена на решение междисциплинарных проблем, связанных с выявлением закономерностей влияния природно-экологических и социально-экономических факторов на возникновение и географическое распространение болезней, на состояние здоровья индивидуума и популяции людей. В круг её задач входит и выявление причинно-следственных связей, обуславливающих патогенное воздействие биотических и абиотических факторов, способствующих сохранению и укреплению здоровья человека. Медико-географические исследования опираются на теоретико-методологические основы географической науки, они имеют важное значение для территориальной организации здравоохранения.

Литература

1. *Чистобаев А. И., Семенова З. А.* Медицинская география в системе наук // Вестник СПбГУ. Сер. 7. Геол. и геогр. 2009. №4.

Сидоркина З. И.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И САМООРГАНИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ

Социальные системы содержат в своей структуре внутренние механизмы саморазвития, обеспечивающие определенные социальные изменения под детерминирующим воздействием факторов внешней среды – самоорганизацию. Социальная самоорганизация служит источником пробуждения инициативы людей, помогает выявить новые формы взаимодействия, способы решения жизненных проблем, которые, адекватны изменившимся условиям существования и жизнедеятельности.

Управление социальным развитием с учетом тенденций самоорганизации населения строится иными способами. Самоорганизация отличается от организации поиском многовариантных решений на основе здравого смысла и жизненного опыта, но в тоже время менее предсказуема, является более свободной, в ней применяются практически понятные способы регламентации и контроля. По своему воздействию самоорганизация трудно отделима от организации: она или предшествует ей, или сопровождает ее как параллельный процесс. Элементы, формы и механизмы, возникающие в недрах самоорганизации, могут становиться формами деятельности государственных организаций.

Исследование действия механизма самоорганизации в России находится в зачаточном состоянии, поэтому привести примеры ее влияния на общественные отношения можно только фрагментарно, в некоторых сферах жизни. Примером самоорганизации на уровне государства можно назвать естественное воспроизводство населения. Экономическая нестабильность, отсутствие мощной государственной поддержки повлияли на репродуктивное поведение

населения, выразившееся в изменении отношения к рождаемости и смертности. Поскольку население оказалось один на один со своими проблемами, то и результатом стала существующая в демографии естественная убыль населения. Кроме того, возрос миграционный отток, перераспределились межрегиональные потоки населения, появилась проблема «утечки умов» в международном масштабе. Пришлое население дальневосточного региона очень чутко среагировало на изменения ситуации в стране и на колебания уровня жизни по отдельным ее районам, увеличило волну «демографического резонанса» и самостоятельно стало организовывать свой переезд.

Наиболее существенно элементы самоорганизации населения проявились в сфере занятости, где спектр возможностей для этого значительно шире. В условиях глобализации общественных отношений рынок труда население стал не только определяться возможностями внутригосударственных условий, но и ориентироваться на трудоустройство за рубежом. Сюда же входят поездки в другие страны на работу по приглашениям и самостоятельно, в том числе для получения образования с разрешением работать в свободное от учебы время.

Средством адаптации к новым экономическим условиям стала вторичная занятость (совместительство, временные трудовые коллективы, работа по договору, латентная форма экономической деятельности населения), ставшая частью поведенческой культуры. На региональном и локальном уровнях самоорганизации при всеобщем росте безработицы личные подсобные хозяйства выполняют роль самозанятости населения. По этой причине в села идет миграция наиболее бедных горожан, потерявших постоянный источник доходов. Самоорганизация проявляется в форме сбыта сельскохозяйственной продукции, такой как придорожная торговля. Трудоспособное население в мелких деревнях с преобладанием жителей-пенсионеров, компенсирует отсутствие рабочих мест, оказанием услуг по ведению домашнего хозяйства пожилым людям, помощи им в быту.

На локальном уровне проявление самоорганизации стало возможно в создании таких форм поселений как социальные деревни, например, для реабилитации и адаптации подростков, социально – уязвимых слоев населения.

Особой формой расселения стали огороженные общины. В крупном городе это может быть один или несколько домов, улица, квартал. В таких общинах отмечается относительная социальная однородность, преимущественно по национальным признакам. Самоорганизация зависит от социальной (интеллектуальной) подвижности населения (получения образования в вузах на компенсационной основе), что позволило расширить число специальностей для обучения.

Региональные отличия находят свое место в видах и примерах самоорганизации. В первую очередь, перераспределение в сферах занятости в сторону сырьевого сектора экономики, массовое развитие приграничного сотрудниче-

ства, видов деятельности, ориентированных на внешний рынок. Существенна дифференциация экономических связей у предпринимателей. В северной части Дальнего Востока они направлены в Европейскую часть России, а в южной – в граничащие с регионом соседние страны. Большая часть видов деятельности связана с усилением мобильности населения. Этому способствовало развитие автомобилизации и кооперации в связанных с ней, сервисных услугах.

Население выталкивается из региона из-за: низких доходов, сокращения деятельности или банкротства предприятий, низкой социальной обустроенности территории. Из-за оттока квалифицированных кадров в другие регионы, образовался дефицит в отраслях с использованием высококвалифицированного труда – здравоохранение, образование, ВПК, менеджмент и т. д. Население активно ориентируется на работу за границей, особенно в морском транспорте. Моряки первыми вынуждены были включиться в конкурентную борьбу на международном рынке труда.

Виды и формы самоорганизации могут расширяться, однако только социально-экономический рост и осуществление государственных программ будут являться важными условиями экономической безопасности Дальневосточного региона страны. Нельзя забывать, что на Дальнем Востоке экономические возможности населения имеют больше ограничений, чем в других федеральных округах. В условиях незначительной прибыли нет стимулов для развития предпринимательства, снижаются инвестиции в образование, укрепление здоровья, осуществляемые только за счет внутренних резервов семейного бюджета и т. д. Любые инвестиционные проекты начинают работать в том случае, если есть обоюдный выигрыш для государства и населения. Вложения должны быть выгодны в первую очередь для инвестора, т.е. для населения.

Самоорганизация не может подменить государственное регулирование, в то же время не должно быть жесткого внешнего давления, необходимо оставлять место и создавать благоприятные условия для творческих поисков и инициатив. Для стабильного функционирования общества и его составляющих необходимо органичное сочетание самоорганизации и организации, сохранение меры в их соотношении. Для Дальнего Востока приоритет должен оставаться все-таки за государственным регулированием в силу геостратегических интересов.

Общая цель у организации и самоорганизации в совпадении национальных интересов. Такое совпадение отмечалось в начальный период заселения дальневосточных земель в виде наделения переселяющихся земельными наделами. Тем самым обеспечивалась охрана самим населением, в первую очередь казаками, государственных границ. В случае, когда земля находится в собственности у населения, демографический контроль считается самым эффективным, особенно в малозаселенных районах. Собственность на землю следует определить как основу при закреплении населения. Для таких территорий необходима политика, обеспечивающая передачу земельных наделов по наслед-

ству. Кроме того, каждый новорожденный может наделяться земельным наделом. Размеры их дополнительно можно дифференцировать в зависимости от местных условий и направления экономической деятельности. Преследуя разные цели, обеспечивается общий интерес – эффективное использование земли. Для населения он сводится к получению достаточной прибыли, а со стороны государства к возможности предоставить населению самостоятельность в выборе видов занятий.

Сидоров В. П.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Содержание предлагаемой ниже статьи составляет поиск ответа на вопрос, поставленный в названии одного из направлений конференции: социально-экономическая география (СЭГ) и региональные науки: конкуренция или взаимодействие? Поиск этот необходимо начать с составления перечня самих региональных наук. Причем, по мнению автора, необходимо иметь в виду не только региональные науки, но и учебные дисциплины региональной направленности. К таковым можно отнести (запишем в два столбца – в соответствии с тематикой статьи и названием направления программы конференции):

1. Социально-экономическая география.	1. Регионалистика.
	2. Регионоведение.
	3. Региональная экономика.
	4. Территориальная организация населения.
	5. Территориальная организация населения и хозяйства.

Сам вопрос: «...конкуренция или взаимодействие?», не совсем корректен, потому что ответ на него: не или, а и конкуренция, и взаимодействие. Контакты наук и учебных дисциплин происходит в объектной и предметной областях их деятельности. Взаимодействие наук практически неизбежно и вполне естественно, если у них одинаковый предельный объект изучения. Для СЭГ таким объектом выступает освоенная и населенная часть географической оболочки (ойкумена) [1, 7, 15]; конкретным объектом – природные ресурсы, население и хозяйство. Население и хозяйство – объекты изучения территориальной организации населения (ТОН) и территориальной организации населения и хозяйства (ТОНХ) [12, 13]. У регионалистики [6, 7] и регионоведения [3, 11] объект изучения – регион, т.е. часть ойкумены. Поэтому СЭГ с одной стороны, ТОН, ТОНХ, регионалистика и регионоведение – с другой стороны, взаимодействуют и будут взаимодействовать в общей для них объектной области исследования. Сложнее определить и оценить взаимодействие СЭГ и региональной экономики (РЭ), поскольку до сих пор нет общепринятого определения объекта РЭ. Но самые распространенные варианты объекта РЭ: экономика отдельных регионов [2, 4, 9], региональные экономические системы страны [5, 8], произво-

дительные силы и национальная экономика [1, 6, 10, 12] расположены на одном с СЭГ объектном поле, предопределяя возможность и даже необходимость взаимодействия этих, в основном, близких наук.

Конкурировать с другими науками СЭГ может и должна в предметной области. Именно предмет определяет индивидуальность каждой конкретной науки. Предметом СЭГ являются территориальные общественные системы, т.е. пространственные сочетания всех компонентов и сфер жизнедеятельности населения [15]. Трудно согласиться с утверждением, что предмет СЭГ не постоянен и определяется господствующей в данное время исследовательской парадигмой [14]. Предмет любой географической науки, в том числе и СЭГ – это размещение, пространственная организация ее объекта. В этом и консерватизм географии, но, одновременно, и залог ее долголетия.

ТОН, ТОНХ в своем предмете [12, 13] дублируют СЭГ, являясь не совсем удачными экономизированными версиями географии населения, георбанистики и собственно СЭГ. Но не перестают быть конкурентами СЭГ – например, в высшем образовании – в учебных планах экономических специальностей.

Сложнее сравнивать предмет СЭГ и региональной экономики. Причем, «виноваты» сами представители РЭ, чья нетождественность, расплывчатость в определении предмета затрудняют развитие самой РЭ. Если предметом последней считать законы, факторы, проблемы формирования, развития и функционирования региональных экономических систем [4, 5, 6, 8], то СЭГ и РЭ – не конкуренты. Если же предметом РЭ считать размещение производительных сил [1, 10, 12], экономику отдельных регионов, региональные аспекты экономической жизни [2, 9], то СЭГ и РЭ – конкуренты и в образовательном пространстве, и в борьбе за хоздоговорные заказы.

Конкуренция с другими региональными науками для СЭГ не только необходима, но и полезна. Как правило, экономико-географы находят пути решения региональных экономических проблем быстрее, чем представители экономических наук находят способы использования пространственных, экономико-географических факторов для решения задач совершенствования региональной экономики.

Литература

1. *Алаев Э. Б.* Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983.
2. *Гранберг А. Г.* Основы региональной экономики. – М.: ГУ ВШЭ, 2004.
3. *Игнатов В. Г., Бутов В. И.* Регионоведение. – Ростов н/Д: ИЦ «МарТ», 1998.
4. *Кистанов В. В., Копылов Н. В.* Региональная экономика России. – М.: Финансы и статистика, 2006.
5. *Коваленко Е. Г., Зинчук Г. М., Кочеткова С. А., Маслова С. Н., Полушкина Т. М., Рябова С. Г., Якимова О. Ю.* Региональная экономика и управление. – СПб.: Питер, 2008.

6. *Козьева И. А., Кузьбожжев Э. Н.* Экономическая география и регионалистика. – М.: Кнорус, 2005.
7. *Крылов П. М., Рунова Т. Г.* Экономическая география и регионалистика. – М.: МГИУ, 2008.
8. *Некрасов Н. Н.* Региональная экономика. Теория, проблемы, методы. – М.: Экономика, 1978.
9. *Павленко В. Ф.* Территориальное планирование в СССР. – М.: Экономика, 1975.
10. Региональная экономика. Под ред. Т. Г. Морозовой. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
11. Регионоведение. Под ред. Т. Г. Морозовой. – М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 1998.
12. *Симагин Ю. А.* Территориальная организация населения. – М.: ИТК «Денисов и К^о», 2007.
13. *Симагин Ю. А.* Территориальная организация населения и хозяйства. – М.: КНОРУС, 2007.
14. *Скопин А. Ю.* Введение в экономическую географию. – М.: Владос, 2001.
15. *Шарыгин М. Д., Столбов В. А.* Введение в экономическую и социальную географию. – М.: Дрофа, 2007.

Ямашкин А. А., Сотова Л. В.

ГИС-МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ ЛАНДШАФТОВ

Перспективность использования концепции хозяйственного освоения ландшафтов в комплексных географических исследованиях отмечается во многих работах. Так, Н. К. Мукитанов [2, с. 208] пишет: «Понятие “освоение”... хорошо отражает двуединую природу географического знания и соотношение естественной географии и общественной. В этом понятии сливаются в единое целое предметно-практическая деятельность субъекта и объект его воздействия». Наиболее точно, на наш взгляд, процесс хозяйственного освоения раскрывается в работах К. П. Космачева. Анализируя процессы пионерного освоения территории, он пишет: «Хозяйственное освоение территории – это включение в народное хозяйство страны (в географическое разделение труда) новых площадей, которые «захватываются» теми или иными отраслями хозяйства и их сочетаниями (в конце концов ТПК)...» [1, с. 8]. В этой же работе автор расширяет определение понятия «освоение» рассмотрением непрерывного характера человеческой деятельности, в результате чего природная основа территории постоянно видоизменяется и обогащается техническими сооружениями. Таким образом, в понятие «освоение» включаются не только акт вовлечения территории в хозяйственное использование, но и социально-экономические процессы на староосвоенных территориях, обозначенные К. П. Космачевым как освоение «вширь» и «вглубь».

Важнейшим направлением в совершенствовании системы управления процессами хозяйственного освоения ландшафтов является разработка и внедрение региональных геоинформационных систем (ГИС). Они призваны формировать целостное информационное пространство, обеспечить более эффективное получение, использование и распространение данных о состоянии освоенности территории. ГИС-технологии оптимизируют разработку прединвестиционной, градостроительной, предпроектной, проектной документации.

В контексте изложенного сотрудниками географического факультета Мордовского государственного университета ведутся работы по формированию региональной ГИС «Мордовия», которая представляет собой информационную модель региона, включающую более 100 тематических слоев электронных карт и баз данных, систематизированных по основным блокам: природа, население, экономика, особо охраняемые природные территории, экология, туризм и рекреация, культурное наследие. Как показывает опыт разработки региональной ГИС «Мордовия», ключевыми вопросами в выполнении научно-практических работ являются: 1) определение направления развития региональной ГИС; 2) освоение методов сбора, систематизации и обработки исходных данных; 3) разработка методов ГИС-моделирования.

Определение направления развития региональной ГИС. Важно отметить, что разработка региональной ГИС не является самоцелью, ее формирование и развитие происходят в процессе выполнения конкретных работ. Так, структура ГИС «Мордовия» определилась как инструментарий при разработке «Схемы районной планировки Республики Мордовия», «Федеральной программы социально-экономического развития Республики Мордовия», «Территориальной комплексной схемы охраны природы Республики Мордовия», «Схемы территориального планирования Республики Мордовия», экологическом обосновании генеральных планов населенных пунктов, экологической экспертизе ряда промышленных предприятий и др. Из приведенного перечня выполненных работ следует, что региональная ГИС изначально должна носить комплексный характер.

Основные методы, используемые при развитии баз данных региональной ГИС. Моделирование и поиск закономерностей пространственно-временного развития процессов хозяйственного освоения и степени освоенности ландшафтов основывается на использовании комплекса географических, социальных и экологических методов.

Анализ региональных закономерностей природной дифференциации и процессов хозяйственного освоения геосистем показал, что достаточно надежной картографической основой для региональной ГИС является среднемасштабная (1 : 200 000) электронная топографическая карта. Наличие на ней таких общегеографических элементов местности, как гидрографическая сеть, населенные пункты, дороги и т. п., в сочетании с координатной сеткой обеспечива-

ет привязку и обработку информации при составлении тематических карт (физико-географических, социально-экономических, геоэкологических и др.), геометрическую коррекцию и географическую интерпретацию данных дистанционного зондирования (ДДЗ).

Помимо слоев электронной топографической карты региональная ГИС должна включать инвентаризационные тематические слои с информацией по основным анализируемым элементам природно-социально-производственным системам (ПСПС): геологическое строение и минерально-сырьевые ресурсы; гидрогеологическое строение, гидрогеодинамика, гидрогеохимия и ресурсы подземных вод; рельеф и экзогеодинамические процессы; климат и экологическое состояние нижних слоев атмосферы; поверхностные воды и их экологическое состояние; структура почвенного покрова, экология и плодородие почв; биологическое разнообразие и ресурсы; ландшафты и качество среды обитания; особо охраняемые природные территории; использование природно-ресурсного потенциала территории; социально-экономические условия и процессы. В совокупности электронные карты образуют единый информационный портрет региона, способный обеспечивать решение задач по планированию процессов хозяйственного освоения природно-ресурсного потенциала.

ГИС-моделирование состояния освоенности ландшафтов. Многомерная пространственно распределенная база данных региональной ГИС «Мордовия» значительно усложняет структуризацию информации и методов ее обработки. Решение этой задачи осуществлялось по четырем основным направлениям: 1) автоматизация информационного обеспечения, в рамках которого центральное место занимают пространственные базы данных; 2) создание системы логико-математической обработки пространственно распределенной информации, при которой особое место отводится математико-картографическому моделированию; 3) автоматизация создания математико-картографических моделей объектов природопользования, природных процессов и явлений; 4) автоматизация анализа математико-картографических моделей для поддержки принятия решений при территориальном природопользовании. Если первая проблема направлена на создание пространственной базы данных, то последующие функционально от нее зависят.

Важная роль при разработке конкретных проблемно ориентированных ГИС отводится блокам моделирования. Одним из основных методов получения информации по картам в ГИС «Мордовия» является метод скользящего окна. С учетом форматов пространственной базы данных были разработаны и программно реализованы три алгоритма скользящего окна: 1) виртуальное; 2) статическое; 3) динамическое. Применение того или иного алгоритма обусловлено тематической задачей, форматом пространственной базы данных, системой координат, оптимальностью использования компьютерных ресурсов.

Для моделирования процессов хозяйственного освоения в ГИС «Мордовия» программно реализованы следующие подсистемы: 1) оценка пространственной организации, структуры и однородности ПСПС на основе морфометрических и информационных показателей (исследование пространственной схемы точечной, линейной и полигональной координатных моделей); 2) оценка структуры ПСПС, основанная на мерах ориентировки, формы и отношений осей, длин, периметров и площадей географических объектов; 3) оценка расчлененности территории и плотности расположения объектов, основанная на количественном отношении объектов к единице площади; 4) поиск закономерностей и оценка взаимосвязи географических объектов и явлений на основе способов картографического изображения и статистического анализа взаимосвязей.

Указанные приемы анализа электронных карт весьма ценны, даже если используются в отдельности. Но еще большее значение имеет их комплексное применение, позволяющее при должном комбинировании этих приемов получить всестороннюю характеристику реальных процессов, протекающих на изучаемой территории.

Генеральный блок управления ГИС «Мордовия» оснащен инструментами доступа ко всем компонентам пространственной базы данных. Эти инструменты обеспечивают навигацию между компонентами пространственной базы данных на любом этапе и из любого окна или формы. То обстоятельство, что все слои пространственной базы данных геометрически и тематически согласованы, позволяет выполнять их совмещение на любом этапе отображения или анализа. Помимо функций доступа и навигации между компонентами пространственной базы данных генеральный блок управления оснащен функциями их обработки и анализа, которые разделяются на три основные категории согласно трем основным классам пространственной базы данных: функции для обработки и анализа растровых слоев; функции для обработки и анализа векторных слоев; функции для обработки и анализа атрибутивных данных растровых и векторных слоев пространственной базы данных.

Литература

1. *Космачев К. П.* Пионерское освоение тайги (экономико-географические проблемы). – Новосибирск: Наука, 1974.
2. *Мукитанов Н. К.* От Страбона до наших дней: Эволюция географических представлений и идей. – М.: Мысль, 1985.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ШКОЛЫ-СЕМИНАРА МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ

«Теория социально-экономической географии: традиции и инновации»

Аксенова М. Ю.

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ГЕОГРАФИИ СЕЛИТЕБНЫХ ЗОН

Уровень социально-экономического развития субъекта РФ определяется единством трех сфер – градостроительства, экономики и управления. Важной составной частью экономики населенного пункта является жилище, которое, в свою очередь, является главной потребностью населения. Селитебная территория в функциональной структуре занимает 50% любого города России. Селитебные зоны традиционно относят к числу градостроительных категорий. Это одно из самых сложных понятий и употребляется в разных смыслах, причем как в научной среде, так и в сфере обыденного сознания.

На основе анализа многочисленных дефиниций селитебных зон можно сделать вывод: селитебная зона – это биосоциальная система. Селитебная зона обладает определенной, достаточно четко выраженной структурой, в которой различают несколько блоков.

Если рассматривать селитебную зону как комплекс условий и факторов, позволяющих человеку на селитебной территории осуществлять свою непроектируемую деятельность для удовлетворения потребностей, то достаточно логично в этом контексте трактовать содержание понятий «комфортность селитебной зоны» и «качество жилой среды селитебной территории».

Термин «комфортность» имеет в корне термин «комфорт», которым обозначают совокупность бытовых удобств: благоустроенность и уют жилищ, наличие общественных учреждений, средств сообщения и пр. [1, с. 26]. Категория «комфортность» характеризует состояние селитебной среды через социально-экономические показатели.

Понятие «качество жилой среды» является интегральным и характеризует уровень благоустройства местожительства населения. Попытки найти объективные показатели качества жилой среды сочетаются с пониманием необходимости учитывать субъективное мнение человека. Следовательно, качество жилой среды является оценочной категорией. Поэтому проблема качества жилой среды – это проблема измерения качества и его оценки с тех или иных позиций. «Качество жилой среды селитебной территории» – это поня-

тие, характеризующее эффективность функционирования жилых систем, в котором в единстве оцениваются условия жизни селитебной территории, сама жилая среда. Комфортность и качество жилой среды – в значительной степени понятия относительные. С этим обстоятельством связана трудность построения системы индикаторов, которые должны объективно раскрывать комфортность или качество селитебных зон. Что касается структуры жилой среды, то градостроители определяют ее состав следующим образом: жилые ячейки (квартиры и дома); система учреждений культурно-бытового обслуживания; внешние жилые территории, обеспечивающие рекреационные и коммунально-бытовые потребности населения [2, с. 103].

Существующие сегодня показатели оценки жилищных условий в квадратных метрах общей площади на одного человека и объём ввода нового жилья, не обеспечивают достоверный уровень оценки качества жилищного фонда. Недостаточно полно разработаны показатели оценки комфорта проживания населения в населенном пункте, т.е. практически отсутствует система показателей оценки собственно жилой среды селитебной территории. Следовательно, необходимо выработать простую и вместе с тем всеобъемлющую форму оценки качества среды проживания. Исследования дифференциации качества среды селитебной территории в настоящее время весьма актуальны и имеют прикладное значение, прежде всего при выявлении территориального оптимума и тенденций развития рынка жилья. Несмотря на высокую актуальность и востребованность рассматриваемой проблематики в современных условиях, в последнее время тема комплексного исследования качества среды селитебных зон не была широко представлена в российской географической науке, т. е. не рассматривалась как объект исследования.

В соответствии с принципами отбора комплексной оценки селитебной территории можно предложить следующий алгоритм анализа функционирования селитьбы.

Первый этап исследования селитебных зон – это количественная оценка основных параметров территориальной структуры населенного пункта. По результатам данного исследования можно определить уровень территориальной освоенности населенных пунктов, а полученные показатели оказывают прямое влияние на функционирование селитебных территорий.

Второй этап заключается в вычислении элементарной структуры селитебных зон населенного пункта на основе статистической информации с последующим ее сравнением с нормами СНиП «Структура селитебных территорий».

Третий этап — это анализ селитебных зон на микроуровне: характеристика комфортности жилых элементов низовых районов. Целесообразно первоначально определить состояние жилищного фонда. Для этого нами предложены следующие переменные: $K_{(нж/жф)}$ – отношение общей площади вводимых в действие жилых домов к общей площади жилищного фонда, с помощью кото-

рого можно определить степень обновления жилой застройки; $K(важ/жф)$ – доля ветхого и аварийного жилищного фонда в общем жилищном фонде, эта переменная характеризует степень сбалансированности жилищного фонда в качественном составе, $K(нж/важ)$ – отношение вводимого в действие жилья к ветхому и аварийному жилищному фонду, с помощью этой переменной можно определить, является район регрессирующим или прогрессирующим с точки зрения обновления жилищного фонда.

Далее определялся **уровень комфорта** – это сводный показатель отношения бытовых благ к параметрам жилой ячейки и социального обслуживания к территории и географии расселения в структуре города. Для этого был определен интегральный показатель комфортности жилья ($K(кж)$).

Четвертый этап представляет собой изучение селитебных зон на мезоуровне: оценка качества жилой среды селитебных территорий. Предложен набор индикаторов, содержащий три концептуальные категории переменных: Первая включает индикаторы, характеризующие связующее звено в селитебной зоне – транспортная составляющая. Пространственное положение ячейки, т. е. центральность ячейки (градоморфологическая характеристика), определялась расстоянием до центра города. Вторая категория характеризует развитие социальной инфраструктуры: распределение количества и коэффициенты обеспечения. Третья категория посвящена характеристике качества окружающей природной и социальной среды. Компонентный анализ основной рабочей матрицы включает 13 переменных в 9 риэлтерских микрорайонах. Индикаторы объединены в комплексный синтетический *коэффициент качества среды селитебной территории* ($K(жс)$).

На пятом этапе были проведены комплексные оценки: а) эстетической привлекательности (ЭП) жилой среды, в соответствии с которой определялся показатель ЭП жилых зон для муниципальных районов (МР) города; б) уютности и удобства проживания, на основе которой вычислялся показатель жилищных предпочтений (ЖП) для селитебных риэлтерских микрорайонов (СРМ). Данная оценка селитебных зон – это комплексная социальная оценка различий селитебной территории с точки зрения их сравнительной культурной ценности и различий в качестве жизни на них. Параллельно были рассчитаны цены на жилье по МР и СРМ города и выделены 5 ценовых зон, т. е. территорий с узким диапазоном разброса цен. Анализ рынка жилья производился через самый наглядный показатель развития рынка – среднюю удельную цену 1 м² жилья на основе данных ульяновской мультилистинговой системы. Затем проведен качественный анализ зависимостей между: а) ЭП и ценами на жилье внутри МР, б) ЖП и ценами на жилье внутри отдельных СРМ на микролокальном уровне, что позволило выявить роль восприятия населением селитебных зон в качестве фактора, влияющего на дифференциацию цен на жилье в г. Ульяновске.

Шестой этап включает в себя разработку типологии на микро- и мезо-уровнях, так как типология является не только способом упорядочения, систематизации результатов научных исследований, но и мощным средством получения нового знания.

Результаты данного исследования могут представлять интерес для геоурбанистики, рынка жилой недвижимости г. Ульяновска: при прогнозировании стоимости жилья в различных частях города; для градостроительства: в практической работе по долгосрочному планированию жилищного строительства. Они могут использоваться правительством Ульяновской области, осуществляющим реализацию мероприятий национального проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России», так как главной его целью является обеспечение комфортных условий проживания граждан, а также модернизация объектов инфраструктуры. Необходимо, чтобы новые микрорайоны были действительно красивыми, безопасными, гармоничными, т.е. соответствовали всем эстетическим свойствам, кроме того органы градостроительства должны делать все, чтобы уже существующая селитба стала уютной и удобной для проживания.

Литература

1. *Кочуров Б. И., Стульшанку В. О., Костовска С. К.* Оценка комфортности проживания населения (на примере локальной территории вблизи Москвы) // География в школе. 2006. № 6. С. 26–29.
2. *Яргина З. А.* Градостроительный анализ. – М.: Стройиздат, 1984.

Гришина Т. П.

МЕТОДОЛОГИЯ РАЙОНИРОВАНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

К процессу таксономизации относится районирование, при котором идентифицируемые таксоны должны отвечать, по меньшей мере, двум критериям: критерию специфики данного таксона и критерию единства, целостности районлируемых (идентифицируемых) элементов [1, с. 71]. Районирование служит основой и информационно-методической базой для всех видов общественно-географических исследований [5, с. 109].

Выделение районов является важнейшим этапом исследовательского процесса пространственного эволюционного анализа, оценки географических объектов, процессов и явлений. Районирование малого и среднего предпринимательства (МСП) представляет собой определение пространственных интегрированных территорий по совокупности идентичных количественных, качественных признаков и уровню развития данного сектора экономики. Районирование МСП может быть частным, комбинированным, интегральным.

Целью районирования МСП является выявление и оценка эволюции районов предпринимательства для обеспечения территориального управления и регулирования развитием этого сектора экономики на различных географичес-

ких уровнях: мега-, макро-, мезо-, микро. Помимо познавательных задач, решаются прикладные задачи:

- 1) повышение эффективности функционирования МСП;
- 2) разработка стратегических и тактических целей и рекомендаций по перспективам пространственного развития МСП;
- 3) разработка концепции инвестиционно-инновационного регионального развития МСП;
- 4) совершенствование территориальной организации МСП;
- 5) оптимизация и регулирование пространственного управления МСП в стране или регионе.

При районировании МСП учитываются все принципы районирования: экономический, энергетический (энергопроизводственный), производственной специализации, комплексного развития, объективности, перспективности развития районов, экономической и социальной эффективности функционирования, целостности национальных границ, экологической безопасности, социально-экономической целостности, относительной автономности функционирования [4, с. 20–26].

Процесс образования районов МСП происходит под влиянием различных групп факторов, условий развития и предпосылок территориальной организации. К условиям формирования предпринимательства в регионе относятся географические, экономические, социальные, правовые, политические (рис. 1).

Факторы размещения МСП на мега-, макро-, мезо- и микроуровнях:

- выгодное экономико-географическое положение. «ЭГП – это фактор, предпосылка и одновременно следствие развития связей, разделения труда, а также и развития самого района» [2, с. 67];

Рис. 1. Условия формирования предпринимательства в регионе

- фактор «рабочая сила»: численность занятых, размер оплаты труда, затрат на перемещение и подготовку кадров, на создание комплекса социальной инфраструктуры;
- транспортно-географическое положение и наличие развитых транспортных магистралей;
- наличие эффективных и конкурентных природных ресурсов;
- потребительский фактор;
- нормативно-правовая база;
- финансово-кредитная база;
- инвестиционная база;
- информационная база;
- налоговая поддержка МСП.

Предпосылками территориальной организации МСП являются:

- природные условия: инженерно-геологические, климатические, водные, почвенные ресурсы, территориальные ресурсы;
- наличие природных ресурсов;
- социально-экономические: наличие трудовых ресурсов, материально-техническая база, уровень развития региона, инфраструктурная освоенность, востребованность экономикой данной продукции и форма территориальной организации производства) [3, с. 169].

При районировании МП Башкирии использовался метод сопоставления частных карт отдельных компонентов:

- 1) физико-географическая;
- 2) карта природных зон;
- 3) экономико-географическая;
- 4) политико-административного деления;
- 5) карта автодорог и железных дорог;
- 6) количества субъектов МП на 1000 жителей;
- 7) производительность труда МП, тыс. руб./чел.;
- 8) доля занятых в МП от общей численности трудоспособного населения;
- 9) карта рейтинга муниципальных районов Башкирии;
- 10) карта интегральной конкурентоспособности муниципальных районов и городских округов Башкирии;
- 11) карта территориальной локализации МП Башкирии.

С учетом особенностей природных условий и ресурсов, территориальной концентрации и отраслевой структуры МП, уровня развития и эффективности функционирования МП, инфраструктурной освоенности территории, интегральной конкурентоспособности на территории Башкирии выделены девять экономико-географических районов предпринимательства – бизнес-районов. При выделении бизнес-районов были определены центры территориальной концентрации МП, в качестве которых в основном выступают горо-

да, где локализация МП превышает уровень муниципальных районов. В границы бизнес-районов включены муниципальные районы, тяготеющие к центру территориальной концентрации бизнес-района.

Таким образом выделение бизнес-районов является важным информационным ресурсом для принятия управленческих решений на различных географических уровнях по дальнейшему развитию МП и определению приоритетных направлений. Бизнесрайоны МП – это инновационный продукт для обеспечения региональной политики в области МП.

Литература

1. *Алаев Э. Б.* Экономико-географическая терминология. – М.: Мысль, 1977.
2. *Маергойз И. М.* Территориальная структура хозяйства. – Новосибирск: Наука, 1986.
3. *Сафиуллин Р. Г., Гришина Т. П.* Концепция территориальной организации малого и среднего предпринимательства // Пространственная организация Пермского края и сопредельных территорий. Матер. Всерос. научн.-практ. конф. – Пермь, 2008. С. 168–172.
4. *Сафиуллин Р. Г., Сафиуллина Р. М., Сафиуллин М. Р.* Эволюция конкурентоспособности экономических районов России // Инновационные технологии пространственного развития. Сб. научн. тр. Всерос. научн.-практ. конф. – Уфа, 2007. С. 20–26.
5. *Шарыгин М. Д., Столбов В. А.* Введение в экономическую и социальную географию. Учеб. пособие. – М.: Дрофа, 2007.

Денисенко Е. А.

КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТИ: МОЩНЫЙ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ СТИМУЛИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Принимая во внимание существующий общественный запрос на конструктивные общественно-географические работы, как в области территориального планирования, так и разработки региональных программ развития, переосмысление традиционных теоретических представлений становится особенно важным. Речь идет о классических теориях регионального развития и их способности описать сдерживающие и стимулирующие факторы развития, его внутренние механизмы, а также приблизиться к пониманию процессов самоорганизации региона.

Одним из современных концептуальных подходов, особенно эффективно соединяющих традиционные теоретические экономико-географические представления с широкой прикладной составляющей, является концепция полицентричности. В ее рамках рассматривается совокупность отношений и связей типа «центр-периферия» на разных пространственных уровнях: от мирохозяйственного до микрорегионального. Соответственно, это дает возможность

сформировать целостное представление о факторах, стимулирующих региональное развитие, и использовать соответствующие методики в практике территориального планирования.

Очевидно, что в основе территориального развития в целом и развития конкретного региона лежит крупный город, который выступает его стимулятором, активизируя совокупность трансформаций, которые позже ретранслируются на периферию. Такие города являются значительными экономическими центрами, связывающими крупные регионы. А чем более насыщенным в компонентном, функциональном и организационном отношении является центр, тем выше его потенциал как мощного регионального ядра, которое определяет условия функционирования всего региона.

Именно «взаимосогласованное» с городом-центром развитие периферии способствует своевременному обмену пространственными импульсами, которые стимулируют проникновение новых идей, организационных форм и территориальных интеграций, формируют актуальные для данной территории хозяйственные процессы. Наличие сильного ядра создает новые возможности для развития прилегающей территории, но в то же время ставит и новые вызовы. Таким образом, эта территория функционирует по принципу «вызов-ответ», при этом близость города метрополитанного уровня обеспечивает более эффективный ответ территории с последующей диверсификацией ее функций. С точки зрения регионального развития, эти тенденции обеспечивают становление территории как целостного общественно-территориального комплекса с более глубокими внутренними связями и разделением труда, внешней специализацией, свойствами комплексности и пропорциональности. Последние особенно связаны с влиянием полифункционального центра, который способствует становлению более сложной компонентной структуры всего региона, обеспечивая рост общего качества среды через механизм не прямых и опосредствованных связей.

Таким образом, наличие мощного ядра и последующее развитие системы ядер разного функционального уровня обеспечивает более эффективное и пропорциональное (как в компонентном, так и территориальном отношении) развитие региона. В его границах обеспечивается формирование сложной системы радиальных и особенно хордовых связей между территориально интегрированными узлами общественной активности. Таким образом, становление крупных полифункциональных центров целесообразно рассматривать, с одной стороны, через призму регионального развития вообще, а с другой стороны, каждое мощное региональное ядро – как очаг формирования системы ядер разного функционально-иерархического ранга. Собственно, в соответствии с этим и реализуется на практике идея «полицентричности», формируется ее механизм. Его сущность проявляется в обеспечении становления, стимулирования и развития региональных функциональных сетей городов с выраженными атрибутами системности, в частности такими, как взаимосог-

ласованность и упорядоченность. В результате функционирования таких систем и их взаимодействия возникает совокупность синергетических эффектов.

Соответственно полицентричность можно рассматривать как мощный механизм территориального развития, обеспечивающий эффективную и своевременную трансляцию нововведений на разных пространственных уровнях, а также инструмент сглаживания резкой дифференциации социально-экономического развития посредством его сбалансирования. Ведь сосуществование и эффективное взаимодействие мелких, средних и крупных центров обеспечивает более рациональную территориальную организацию общества на разных пространственных уровнях, делает этот процесс упорядоченным и содержательным. А территория при этом принимает вид многополюсной системы с совокупностью центров разного функционального уровня.

Землянский Д. Ю., Морачевская К. А.

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ РОССИИ И ЗАПАДА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

География всегда была наукой, обеспечивающей потребности общества в знаниях о пространстве его жизнедеятельности. Разрыв в подходах и направлениях географических исследований между советской экономико-географической наукой и западной географией наметился еще в конце 1920-х гг. и был вызван расхождением этих потребностей. Если западная общественная география пошла по направлению диверсификации, усиления разнообразия подходов, методов, объектов исследования, то отечественная география как научная база планирования социально-экономического развития сконцентрировалась на нескольких ключевых направлениях, достигнув именно в них существенных успехов. Несмотря на сглаживание различий между отечественной и западной географией, начавшееся в 70-е гг. XX в., и сегодня «общественная география» в России и «human geography» на Западе – структурно совершенно разные науки.

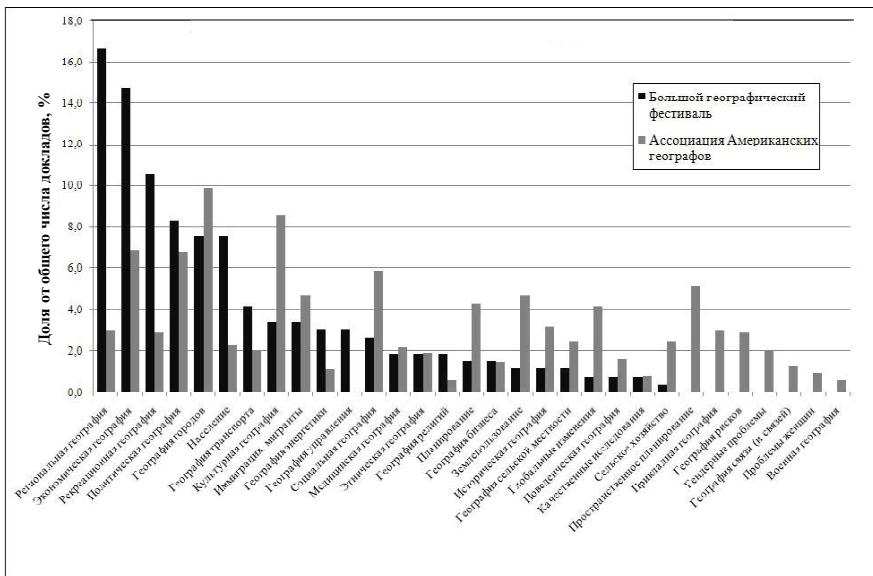
Разрозненность общественной географии в России, отсутствие единого географического форума, позволяющего охватить общим взглядом весь спектр тем исследований, осложняет анализ структуры нашей науки. Большой географический фестиваль, проводимый в Санкт-Петербургском государственном университете, можно использовать в качестве подобной площадки для анализа интересов молодых географов. Однако и этот фестиваль (а конкретно, проводимая в рамках него конференция молодых ученых), в общественно-географических секциях которого в 2007–2009 гг. приняли участие географы из 17 регионов, в полной мере не отражает всего разнообразия общественно-географического знания в России, а позволяет лишь выделить наиболее очевидные и значимые тенденции. В западной географии существенно больше примеров мероприятий, объединяющих географов разных университетов и даже стран. В данной

работе рассматривалась конференция Ассоциации Американских географов (www.aag.org), прошедшая в Лас-Вегасе в марте 2009 г. В качестве объекта сравнения были выбраны темы исследований (topics). Исходный набор тем был взят из списка докладов конференции ААГ, доклады конференций «Молодые географы новой России», «Актуальные проблемы географии новой России», «Актуальные проблемы эволюции географического пространства» (все конференции прошли в рамках Большого географического фестиваля в 2007–2009 гг.) были распределены авторами по этим же темам. Каждый из докладов мог быть отнесен к нескольким направлениям (рис. 1).

Ключевой особенностью отечественной общественной географии является высокая степень концентрации исследований. На западе роль ни одной из тем не превышает 10%, на первые 5 тем приходится чуть больше 38% всех исследований. В России на первые 5 направлений приходится около 60% всех исследований, и сразу три направления концентрируют по 10% докладов. Существенно различаются подходы отечественных и зарубежных географов к выбору масштаба исследования. Западные географы больше внимания уделяют микрогеографическим исследованиям: от отдельных городов и сельских территориальных систем, до внутригородских районов, а иногда даже отдельных улиц или кварталов. В отечественной географии преобладают региональные исследования либо же рассматривается внутрирегиональная дифференциация.

В целом фундаментальный характер приобретают различия в тематике работ географов. Так, в России практически отсутствуют работы по военной географии, гендерной проблематике и географии рисков, критически мало число работ по проблемам глобализации, пространственному планированию и моделированию. Если недостаточность числа работ по первой теме обусловлено ограниченностью доступа к соответствующим информационным ресурсам, то отсутствие работ по важной на западе географии рисков, проблемам глобализации и гендерным проблемам – следствие изолированности отечественных географов от общемировых тенденций в науке.

Часть различий в тематике докладов обусловлена спецификой социально-экономического развития отдельных стран. Так, в России в последние годы критически низко число работ по географии сельского хозяйства, в этих работах рассматриваются чаще всего технико-экономические или социальные аспекты существования сельской местности, (например, «Демографическая ситуация как фактор развития сельской местности Смоленской области»). В то время как у зарубежных географов остаются популярными следующие темы: сельское хозяйство в развивающихся странах, интенсификация сельскохозяйственного производства, проблемы продовольственной безопасности. С другой стороны, как следствие остроты проблемы, в России более распространены исследования в области географии транспорта, географии управления (вообще отсутствующие в зарубежной практике).

Рис. 1. Распределение тем общественно-географических исследований в России (конференция в рамках БГФ) и за рубежом (конференция Ассоциации Американских географов)

Значительны различия в тематике исследований и в области социальной географии. Недостаточный вес в общем потоке исследований имеют такие направления, как культурная география, собственно социальная география, поведенческая география, география сельской местности. При этом в большей степени, нежели на западе, развиты география населения (где преобладают исследования в области демографии), география религий, этническая география. Вероятно, это обусловлено поздним формированием школы социальной географии в СССР, и социальная география в России еще не прошла базовый этап своего развития, чтобы перейти к более частным вопросам, таким, как поведенческая география.

Лидером среди отраслевых тем исследований остается общая экономическая география (включающая географию промышленности, не выделяемую в отдельных блок в западной географии), хотя на западе она уступила свои позиции социальной географии. Значительна роль исследований в области политической географии, при этом данное направление в наибольшей степени сконцентрировано в пределах СПбГУ, где существует соответствующая кафедра, а также Астраханского, Ставропольского государственных университетов, Дагестанского государственного педагогического университета (ввиду наличия геополитических противоречий в данных регионах), и Мурманского государствен-

ного педагогического университета, представители которого изучают геополитические аспекты влияния глобализации на жизнь народов Севера. Достаточно популярным у молодых географов является изучение городов и городских проблем. Однако у российских ученых города чаще обозначают таксономический уровень исследования и рассматриваются как «точки», изучение же собственно отдельных городов распространено в меньшей степени. Важным моментом является то, что в отечественной географии изучение городов лишь пятая-шестая по значимости тема исследований, в то время как на западе это направление является лидирующим. Феноменом последних лет является динамичное развитие в России рекреационной географии – темы «второго эшелона» в зарубежной географии. Причины кроются в конъюнктуре отечественного рынка рекреационных услуг. Быстро растущий рынок туристских услуг стал местом трудоустройства для многих выпускников экономико-географов.

Важным специфическим моментом является региональные особенности развития общественно-географического знания в России. Так, в Московском университете наблюдается преобладание экономико- и социально-географических работ, в Санкт-Петербургском университете – политико-географических. Для каждого из региональных вузов характерно преобладание 1–2 направлений исследований. Как правило, одна из тем – наиболее актуальное для данного региона направление исследований, вторая – основное направление исследований «лидера» экономико-географов данного региона. При этом если молодые географы столичных университетов проводят свои исследования как на локальном, так и на страновом уровнях, то у представителей региональных вузов очевиден уклон к изучению региона своего проживания.

Таким образом, проведенный анализ позволил выявить целый ряд коренных различий между отечественной и зарубежной общественной географией. Российская география ближе к практике социально-экономического планирования и управления, в то же время сверхконцентрация на региональных экономико-географических исследованиях приводит к тяжеловесности, неповоротливости науки, снижает ее творческий потенциал. Западная география с ее дробностью, разрозненностью постепенно начинает терять свою идентичность, сливается с пограничными науками. Тем не менее, изучение и внедрение опыта зарубежных общественных географов будет способствовать увеличению многогранности отечественных экономико-географических работ, повышению их качества, обоснованности выводов.

Игонин А. И.

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ И ОЦЕНКЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ В ГЕОГРАФИИ НАСЕЛЕНИЯ

Исследователи в области экономической и социальной географии обречены на непрерывный научный поиск места и роли результатов своих изыска-

ний для решения проблем в современном российском обществе. Ведь существующие экономические отношения науки и общества должны основываться на взаимовыгодном обмене. Поэтому использование результатов исследований в какой бы то ни было сфере жизни обязано приносить ощутимые плоды, в данном случае в виде экономической прибыли, улучшения качества жизни, общего развития человеческого потенциала, благополучного для общества демографического развития. В этой связи трудно преувеличить важность вопроса о прикладном значении современной географии населения. Одним из подтверждений такого значения является географическое исследование демографического развития территорий.

Целями данной работы явились анализ подходов к изучению и оценке демографического развития территорий в географии населения, рассмотрение места, роли, проблем и перспектив демографических исследований в географии населения. Для их достижения решались задачи по оценке и сопоставлению предметной области демографических и геодемографических исследований; по анализу места и роли изучения территориальной организации демографического развития территорий в науке; по разработке новых подходов в решении проблем поставленных перед географией населения.

Простейшим и кратким было бы определение географии населения как дисциплины, изучающей состав и размещение населения и населённых пунктов. Более же развёрнутое определение может быть следующим: это ветвь экономической географии, изучающая структуру (в её количественных и качественных показателях), размещение и территориальную организацию населения, рассматриваемого в процессе общественного воспроизводства и взаимодействия с природным окружением. Она устанавливает закономерности (особенно пространственные), которые определяют развитие, динамику всех этих черт населения [3].

В приведённом определении подчёркиваются: 1) пространственные аспекты изучения; 2) рассмотрение населения в его производственно-потребительских связях и во взаимодействии со средой; 3) обязательность историко-генетического подхода. При этом оно органически включает географию населения в экономическую географию в духе общепринятого её понимания как науки, изучающей географическое размещение общественного воспроизводства.

Каковы проблемы размежевания и выявления «области перекрытия» географии населения и демографии? Предмет этих дисциплин общий – население. Демографические сведения – необходимая предпосылка любых разработок по географии населения, как только они начинают вестись в «мере и в числе». Имея свои важные научные и научно-методические задачи, вытекающие из положения демографии в системе социологических наук, демография может в известной степени обслуживать интересы географии населения и даже творчески воспринимать формулируемые ею проблемы, но собственное

научное содержание демографических исследований в основном будет всё же ограничиваться изучением численности, структуры и динамики населения, взятого с его количественной стороны, и факторов, в том числе поведенческих, влияющих на эти показатели [3].

В демографии население рассматривается как воспроизводящая совокупность людей; именно способность к воспроизводству и является тем качеством, которое составляет основу предмета демографии. Предмет демографии – естественное (биологическое) воспроизводство населения в его общественно-исторической обусловленности. Конечно, при этом имеется в виду познание законов воспроизводства населения, а не только выявление и измерение количественных закономерностей.

По мнению известного российского демографа В. А. Борисова, изучение влияния географических особенностей местности, систем расселения, миграционных процессов на воспроизводство населения должно быть предметом географической демографии, а изучение влияния особенностей воспроизводства населения на географические процессы (например, влияние уровня рождаемости, числа детей в семье на миграционную подвижность населения) – этот раздел географии называется демографической географией [1]. А в энциклопедическом словаре «Народонаселение», мы находим следующее: «геодемография – направление научных исследований занимающееся изучением геодемографической обстановки, которая отражает совокупность исторически сложившихся на определённой территории связей демографических процессов и структур с системой расселения, образом жизни пространственно локализованных групп населения и т. д.» [2].

В. А. Борисов вполне чётко разграничивает предметы исследования, подчёркивая что для демографических наук это воспроизводство населения, связанные с ним процессы и факторы на него влияющие, в том числе и географические, изучение характера их влияния, степени и результатов воздействия [1]. Для географии населения это территориальная организация населения, территориальные общности людей, процессы изменения их состава и структуры, процессы расселения и факторы на них влияющие, в том числе влияние воспроизводственных процессов на состав, структуру территориальных общностей населения, на процессы связанные с изменением территориальной организации общества, территориальной дифференциации его социально-экономических и социально-демографических особенностей. Так, по мнению Е. Л. Шувалова, предметом исследования географии населения служат географические различия состава и воспроизводства населения, территориальное распределение и перемещение населения, населённые пункты и их территориальные системы [4].

Исходным понятием в географии населения, естественно является само население. Эта категория как бы основная субстанция этой дисциплины; она изучает как его экономико-географические атрибуты сами по себе, так и ход измене-

ния этих атрибутов. По мнению В. В. Покшишевского, можно выделить два главных вида этих атрибутов: одни относятся к структуре населения, его количественно-качественной характеристике – демографической, социальной, этнической; другие – к пространственным чертам населения – его размещению и территориальной организации. При этом изучаемые в географии населения его свойства должны рассматриваться в их непрерывных изменениях, в развитии. Это относится и к структурным и к пространственным характеристикам населения [3].

Здесь следует подробнее остановиться на подходах к изучению выделенных групп качественно-количественных характеристик свойств и признаков населения – демографической, социальной, этнической. Комплексное исследование данных направлений подразделяется на следующие элементы, во-первых – характеристику существующей стационарной ситуации, качественно-количественных показателей, особенностей, их динамика; во-вторых – анализ процессов изменения и развития на протяжении различных периодов; в-третьих – характеристика факторов различной природы, как экзо-, так и эндогенной, влияющих на изменение силы и направления векторов действующих процессов; в-четвёртых – анализ и прогнозирование развития процессов при изменениях в их составе и соотношении факторов.

Место и роль исследований демографического развития в географии населения явно недооценены. При комплексном изучении населения вопросам территориальной дифференциации воспроизводственных процессов в лучшем случае отводится скромное место в одном из подразделов. Соответственно, и уровень проработанности и полнота описания демографических процессов и их территориальной организации оставляет желать лучшего. Специализированные именно на географии воспроизводственных процессов территории работы либо выполняются демографами практически без применения современных географических методов исследования адекватных поставленным задачам, либо не выполняются вообще. Конечно, основная этому причина – отсутствие соответствующим образом организованной системы сбора статистической информации и отсутствия последней по многим важнейшим показателям. Но нельзя не отметить и тот факт, что не существует должным образом разработанной и проработанной методики осуществления таких исследований.

Для проведения полноценного исследования территориальной организации воспроизводственных процессов определённой территориальной общности населения необходимо использование максимального числа показателей и характеристик. Требуется исчерпывающее представление о территории изучения, об отношениях с вне её лежащими данностями. Должен быть проведён предусмотрительный анализ территориальной структуры изучаемой общности, её административное или иное подразделение. Это и является подготовительным этапом рассматриваемого исследования.

Дальнейшие этапы работы должны быть анализ существующей ситуации, её динамики, исследования процессов демографического развития на основе рассмотренных показателей и оценки значения влияющих факторов, а затем мониторинг, моделирование и прогнозирование возможного развития событий. Причём данный алгоритм может касаться как всей дифференцированной структуры населения территории, так и отдельных её территориальных общностей имеющих свою территориальную структуру и особенный демографический генезис. К примеру, при изучении демографического развития региона, итогом могут быть не только результаты анализа территориальной организации воспроизводственных процессов региона, но и комплексная демогеографическая характеристика входящих в него административных единиц или территориальных элементов иного происхождения.

В настоящей работе рассмотрен этап географического анализа существующей демографической ситуации и её динамики на протяжении определённого периода. Его результаты наиболее зависимы от наличия той или иной статистической информации, отсутствие которой, приводит, соответственно, к затруднениям как в исследовании территориальной дифференциации показателей демографического развития, так и в других этапах. Рассмотрим методику изучения территорий при наличии всей требуемой информации.

Характеристика воспроизводства населения территорий всегда начинается с общих показателей демографической структуры населения на которых зачастую и останавливаются описательные исследования. Но на основе них будут выработаны более сложные, специализированные показатели используемые демографами в своих работах, а в данном случае при глубоком анализе территориальной организации воспроизводственных процессов. Это общие показатели численности населения исследуемых территорий (наличное, постоянное и среднегодовое), численность городского и сельского населения, возрастно-половой состав по различным возрастным группам. С их использованием могут быть получены возрастные индикаторы населения (медианный и средний возраст, коэффициент старения и другие), индикаторы полового состава (соотношение полов), индикаторы динамики численности населения.

Следующая группа показателей связана с процессом рождаемости, его количественными особенностями, возрастным составом материнства. К ним относятся численность родившихся, распределение их по полу, численность женщин по возрастным группам, в том числе репродуктивного возраста, число родившихся по возрастам матерей (1-летние и 5-летние группы), распределение родившихся по брачному состоянию матери. С использованием перечисленных показателей будут получены специализированные индикаторы рождаемости (специальный, суммарный, кумулятивный) и репродуктивные характеристики женщин. Используя данные социологических исследований и переписей населения, могут быть получены социологические характеристики реп-

родуктивных ориентаций (идеальное, желаемое и ожидаемое число детей и другие).

Важнейшими индикаторами в группе показателей брачности и разводимости, которые должны быть использованы при исследовании, являются показатели вступления в брак (абсолютное число браков, общие и возрастные коэффициенты), показатели состояния в браке (состоящие в браке – зарегистрированном, незарегистрированном, вдовы, разошедшиеся, никогда не состоявшие, а также временные интервалы пребывания в том или ином статусе), показатели разводимости (абсолютное число, общие и возрастные коэффициенты и другие).

Из группы показателей смертности целесообразно выделять младенческую смертность. Основными её индикаторами являются коэффициенты мертворожденности, неонатальной, перинатальной, младенческой и материнской смертности. Для полноценного анализа смертности следует использовать таблицы дожития, на основе которых вычисляются показатели ожидаемой продолжительности жизни, вероятностные коэффициенты дожития и другие весомые индикаторы.

Завершающей частью данного этапа исследования должна стать разработка общих и специальных показателей воспроизводства населения. К ним относятся коэффициенты естественного прироста, жизненности (индекс Покровского-Пирла), депопуляции, истинный коэффициент естественного прироста, брутто- и нетто-коэффициенты воспроизводства, длина женского поколения и другие.

Таким образом, разработан примерный перечень показателей и индикаторов демографического развития населения для анализа территориальной организации воспроизводственных процессов на различном территориальном уровне. На их основе может быть проведено как комплексное исследование демографического развития мелкой административной единицы, населённого пункта, общности людей объединённых определённым признаком, так и целого региона, группы регионов, страны и группы стран.

Работа по изучению территориальной дифференциации такого значительного объёма показателей и индикаторов, с соответствующими статистическими вычислениями не представляется возможной без использования современных геоинформационных методов исследования. На разработку методологии и методик их применения, для получения результатов анализа территориальной организации воспроизводственных процессов населения, будут направлены дальнейшие изыскания в этой области.

Литература

1. *Борисов В. А.* Демографическая дезорганизация России: 1897–2007. Избранные демографические труды. – М.: «НОТА БЕНЕ», 2007.

2. Народонаселение: энциклопедический словарь. – М.: БРЭ, 1994.
3. *Покишишевский В. В.* Население и география. – М.: Мысль, 1978.
4. *Шувалов Е. Л.* География населения: Учеб. пособие. 2-е изд. перераб. – М.: Просвещение, 1985.

Имашев Э. Ж.

КОНЦЕПЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ: ЦЕЛЬ, ЗАДАЧИ, ИДЕОЛОГИЯ

Региональное пространство является частью общего социально-экономического пространства страны. Социально-экономическое пространство каждого региона индивидуально, в силу особенностей формирования территориально социально-экономических систем (ТСЭС) разного иерархического уровня, в результате влияния различных социально-экономико-географических факторов, что требует пространственного научного подхода при разработке программ и стратегий регионального развития. В современных рыночных условиях усиливается конкуренция между странами. Конкурентоспособность государства все большей степени зависит от устойчивого развития ТСЭС регионального уровня. В связи с этим становится актуальной проблема разработки и реализации научно обоснованного и, имеющего практическое значение концепций пространственного развития регионов.

Концепции пространственного развития регионов – это совокупность теорий, характеризующиеся конструктивностью, способствующие достижению эффективного функционирования, модернизации, исторически сложившихся ТСЭС, устойчивого социально-экономического развития территории, и обеспечивающие конкурентоспособность.

К концепциям пространственного развития регионов относятся:

- теория центральных мест В. Кристаллера и А. Лёша;
- концепция развития проблемных (кризисных, депрессивных, маргинальных и др.) районов Великобритании и Германии;
- теория диффузий нововведений Шумпетера;
- концепция полюсов и центров роста («поляризованного развития»);
- теория территориальных производственных комплексов (ТПК) Н. Н. Колосовского;
- японская концепция технополисов;
- теория географических (территориальных) промышленных кластеров

М. Портера;

- российская концепция поляризованного развития [5].

Идея *теории центральных мест*, разработанная В. Кристаллером (1933) и развитая А. Лёшем (1940), заключается в размещении отраслей производственной и в большей степени непроизводственной сфер, в зоне влияния центральных мест разного иерархического уровня при минимальных издержках

производства товаров и предоставления услуг. Обеспечение оптимального перемещения потребителей разных видов товаров и услуг, совершенствование и развитие рыночной, транспортной инфраструктуры и административного устройства района.

Концепция развития проблемных районов (разработанная в 1929–1933 гг.) имеет своей целью остановить экономические и социальные противоречия, связанные с кризисной ситуацией, определяемой стагнацией или регрессией социально-экономического развития территории, что ведет к росту безработицы, бедности населения. Задачей данной концепции является: создание новых рабочих мест путем размещения новых производственных и обслуживающих объектов; совершенствования территориально-отраслевой структуры хозяйства района; формирование благоприятного инвестиционно-инновационного климата; повышение конкурентоспособности товаров и услуг района.

Теория диффузии нововведений представляет собой волновое пространственное распространение новых идей, товаров и услуг, новых технологий производства и т. д., способная (при усвоении и внедрении на местах) модернизировать или трансформировать и оптимизировать хозяйственную и социальную структуру территории. Для возникновения и распространения инноваций в пространстве требуется создание определенных условий. Для формирования инновационных генераторов, необходимо наличие на территории крупного города, где имеются квалифицированные научные и производственные кадры, соответствующая база, достаточное количество финансового капитала, наличие за пределами центра акцепторов (т.е. людей, учреждений, предприятий воспринявших данную инновацию и внедряющих в свою деятельность) и т. д.

Идеология *концепции полюсов роста и центров развития*, разработанная в 1950-е гг., заключается в создании опорной точки (опорных точек) в регионе вокруг динамично развивающейся отрасли под воздействием инноваций, являющихся «импульсом развития» территории. В результате эффективного функционирования и развития полюса роста и его интенсивного взаимодействия с обслуживающими и порожденного им, новыми отраслями образуется центр пространственного развития. Этот центр развития оказывает большое влияние на территориальную структуру хозяйства. Создание в регионе полюса (полюсов) роста и центра (центров) развития позволяет сконцентрировать производство, образующий региональный узел предприятий, и получить максимальный экономический эффект. Реализация данной концепции стимулирует развитие и совершенствование ТЭС путем создания ядер пространственного развития.

Теория территориальных производственных комплексов в практике использовалась с 1971 по 1990 гг. Наличие ТПК на территории региона дают дополнительный экономический эффект, за счет правильного подбора предприятий, образующие между собой устойчивые взаимосвязи, что позволит до-

стичь оптимального использования местных природных и трудовых ресурсов, минимизировать транспортные издержки, ритмичность процесса производства. ТПК, так же будет стимулировать инфраструктурное развитие, как производственных, так и социальных и оптимальному развитию ТЭС региона.

Японская концепция технополисов в первые опубликована в 1980 г. Концепция технополисов направлена на совершенствование территориального размещения производительных сил, созданием условий для внедрения новых технологий в производство наукоемких предприятий, малых и средних фирм, на базе научно-исследовательских центров «... в «технополисе» должны в органическом единстве развиваться отрасли «высокой технологии» и научные исследования. ... «технополисы» должны иметь благоустроенные с точки зрения окружающей среды и обеспеченности коммунальными удобствами жилые зоны» [4]. Технополисы позволяют создать новые промышленные центры в регионе с развитой инфраструктурой. А так же позволяет объединить в систему предприятия, фирмы, научно-исследовательские институты, учебные заведения, инновационные компании, что дает большой эффект пространственно-экономическому и социальному развитию региона.

Теория географических (территориальных) промышленных кластеров получила прикладное значение с начала 1990-х гг. М. Портер определяет: «кластеры, или промышленные группы, – это группа географически соседствующих, взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере, характеризующихся общностью деятельности и взаимодействующих друг друга» [3]. М. Энрайт ввел термин «региональный кластер» и определил его как «промышленный кластер, в котором фирмы – члены кластера находятся в географической близости друг к другу», или: «Региональный кластер – это географическая агломерация фирм, работающих в одной или нескольких родственных отраслях хозяйства» [2]. Региональные кластеры создают условия в регионе, для эффективного производства с низкими издержками и значительно повысят конкурентные преимущества компаний и фирм, входящих в кластер, по сравнению с фирмами, расположенными вне кластера.

Российская концепция поляризованного развития предполагает специальную фокусировку финансовых, административно-управленческих, человеческих и других ресурсов в «опорных регионах» («полносах», «локомотивах» роста), а также последующее распространение инновационной активности в другие регионы. Поэтому экономический рост, предпринимательская активность, инновационный процесс в «опорных регионах» отличаются наибольшей интенсивностью, оказывая влияние на другие территории, которые не входят в «полюса» [1].

Идеология всех выше рассмотренных концепций и теорий, заключается в учете пространственного фактора в социально-экономическом развитии региона.

Таким образом, *цель пространственного развития регионов* – оптимальное пространственное (территориальное) размещение производительных сил, органическое пространственное сочетание и функционирование производственных и социальных объектов, организация региональных ТЭС, способных конкурировать в современных рыночных условиях.

Задачи пространственного развития:

- создать условия для формирования и развития пространственного взаимодействия конкурентоспособных компаний и фирм;
- пространственное распространение нововведений и активное внедрение, и использование новых технологий в производстве;
- создание территориальных центров развития с мощной производственной, научно-кадровой, финансовой и инфраструктурной базой;
- улучшение инвестиционно-инновационного климата;
- пространственное расширение рынков сбыта конкурентоспособных товаров и услуг;
- модернизация и трансформация элементов ТЭС;
- пространственное инфраструктурное развитие;
- формирование конкурентоспособной ТЭС регионального уровня и создание условий для ее интеграции в социально-экономическое пространство страны и мира.

Литература

1. Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации – www.minregion.ru/OpenFile.aspx/Download?AttachID=184.
2. *Пилипенко И. В.* Принципиальные различия в концепциях промышленных кластеров и территориально-производственных комплексов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5 Геогр. 2004. № 5. С. 3–9.
3. *Портер М.* Конкуренция: Пер. с англ. – М.: ИД «Вильямс», 2006.
4. *Романова И. Л.* «Технополис» в программах регионального развития // Япония: проблемы научно-технического прогресса. – М.: Наука, 1986. С. 205.
5. *Сафиуллин Р. Г., Сафиуллина Р. М.* Эволюция концепций пространственного развития // Пространственная организация Пермского края и сопредельных территорий. Кн. 1. Матер. Всерос. научн.-практ. конф. – Пермь, 2008. С. 12–18.

Исиченко И. В.

КАТЕГОРИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА: ВОСПРИЯТИЕ И РАЗВИТИЕ В УКРАИНЕ И РОССИИ

Проблема повышения конкурентоспособности стран и регионов в мировом хозяйстве сегодня является одним из главных направлений развития мировой экономики. Усиление конкуренции между странами и регионами на различных рынках товаров и услуг привело к необходимости исследования

основных характеристик конкурентоспособности страны и региона, факторов, влияющих на конкурентоспособность и возможных путей ее повышения, поскольку это оказывает значительное влияние на рост уровня жизни населения и достижение стратегических целей государственного и регионального развития.

Теория конкурентоспособности стран и регионов впервые начала разрабатываться в США и странах Западной Европы в середине 1980-х гг., а свой современный облик обрела на протяжении 1990-х гг., в работах М. Портера, М. Энрайта, Дж. Даннинга, Б.-О. Лундвала, Б. Йонсона, Б. Асхайма, А. Изаксена, Э. Райнерга и других исследователей. Понятие «конкурентоспособность» в его территориальном аспекте встретило как поддержку, так и резкую критику мирового научного сообщества¹, что, однако, не повлияло на его широкое использование, как в официальных документах, так и в сфере научных исследований, в том числе в Украине и России.

В Украине проблема исследования конкурентоспособности стран и регионов нашла отражение в работах таких ученых как В. М. Геец, А. И. Амоша, В. И. Чужиков, Я. А. Жалило, Я. Б. Базилюк, Б. Е. Кваснюк, Ю. В. Полунеев, О. А. Швиданенко и других.

По мнению украинского экономико-географа Н. В. Багрова участие географии в решении теоретических и прикладных проблем региональной конкурентоспособности – одно из важных направлений развития географии в глобализированном мире, а сама концепция «конкурентоспособности» видится им важной составляющей частью парадигмы регионального развития [1].

По утверждению украинского экономиста О. С. Власюка, конкурентоспособность региональной экономики определяется, прежде всего, «возможностью стабильного повышения эффективности регионального производства товаров и услуг на основе использования региональных конкурентных преимуществ и достижения лучших, чем у конкурентов, социально-экономических параметров». Такое производство должно отвечать мировой конъюнктуре и внутреннему спросу [3]. Эта точка зрения в значительной степени иллюстрирует подход украинского научного сообщества к проблеме определения региональной конкурентоспособности.

Присутствуют в украинских научных публикациях о конкурентоспособности и отдельные работы с критическим взглядом на существующие рейтинги международной конкурентоспособности стран и их методологию, справедливо отмечающие недостатки в существующей системе сбора и обработки исходной статистической информации рейтинга конкурентоспособности Всемирного экономического форума [6].

---

¹ Против понятия «конкурентоспособность» страны высказывался известный американский экономист П. Кругман в статье «Конкурентоспособность: опасное заблуждение» [12].

В России значительный вклад в развитие теоретических и прикладных вопросов конкурентоспособности страны и региона внесли: Л. С. Шеховцева, Б. М. Гринчель, Н. Е. Костылева, Н. Я. Калужнова, И. В. Пилипенко, А. З. Селезнев, Г. А. Унтура, И. М. Бусыгина, С. Г. Важенин, А. Р. Злоченко, А. И. Татаркин, С. В. Казанцев, В. Е. Андреев, Н. С. Мироненко и другие.

Из ряда работ о конкурентоспособности стран и регионов выделяется монография И. В. Пилипенко [7]. Автор обобщил теоретические разработки, предшествовавшие концепциям конкурентоспособности (концепция цепочки добавления стоимости, теория «новой» торговли и «нового» роста, итальянская школа промышленных округов, теория промышленных районов А. Маршалла и т. д.), впервые выделил ведущие научные школы, формирующие теорию конкурентоспособности стран и регионов в мировом хозяйстве (американская, британская и скандинавская), определил основные институциональные факторы конкурентоспособности развитых стран в мировой экономики (государство, исследовательские организации, транснациональные корпорации, малые и средние предприятия) и провел анализ региональных форм территориальной организации производства – кластеров, промышленных районов и территориально-производственных комплексов.

Л. С. Шеховцева в ряде исследований предлагает программно-целевой подход к оценке конкурентоспособности на основе региональных детерминант [9, 10]. Цели первого уровня «дерева целей» представляют собой четыре типовых детерминанта: формирование факторов производства и условий бизнеса в регионе, стимулирование спроса, развитие комплексов (кластеров) родственных отраслей, выбор и реализация стратегий, которые соответствуют четырем составляющим ромба конкурентных преимуществ М. Портера. Второй уровень представлен 18 подцелями, детализирующими цели первого уровня: подготовка квалифицированных кадров; формирование научных и специальных знаний; привлечение инвестиций; повышение доходов населения; поддержка конкурентоспособных отраслей и др. Экспериментальные расчеты проведены автором на примере Калининградской области. В последующих работах автор продолжила разностороннее развитие концепции конкурентоспособности [11].

А. З. Селезнев конкурентные позиции регионов на уровне рынков предлагает определять на основе тринадцати показателей (мощности производимого на территории региона сырья, материалов, топливно-энергетических ресурсов; обеспеченности производственной, рыночной и социальной инфраструктурой; степени износа оборудования и перспективы его замены; наличия транспортных скоростных магистралей, морских и речных портов, инфраструктуры международной связи; экологической обстановки; обеспеченности высококвалифицированными кадрами и др.) [8].

С. В. Казанцев предлагает оценивать конкурентоспособность регионов по отношению ВРП региона к ВВП страны в душевом исчислении [5]. Оценка

факторов конкурентоспособности основана на относительных показателях, таких, как территория региона, капиталовложения, основные фонды, денежные доходы, плотность железных дорог и автодорог, кредиты, количество занятых в НИОКР. Результаты даны по трем укрупненным группам регионов России.

С. Г. Важенин, А. Р. Злоченко, А. И. Татаркин предлагают оценивать конкурентоспособность макрорегионов – федеральных округов, по таким экономическим параметрам: затраты на рабочую силу и их структура, интенсивность обновления основных фондов, конъюнктура инвестиционного рынка, инновационная мобильность [2]. Анализ этих показателей выполнен по Уральскому Федеральному округу в сравнении с некоторыми другими округами и регионами РФ. Интегральная оценка конкурентоспособности округа отсутствует.

Сравнительный анализ подходов к оценке конкурентоспособности региона показывает отсутствие полноты и единства в определении понятия конкурентоспособности региона, преобладание изучения отдельных аспектов конкурентоспособности над интегральными оценками. Исследования не опираются на базовое понятие «регион» и не охватывают разные функции этого территориального образования: экономическую, социальную и др. Теоретические и практические проблемы формирования конкурентоспособности региона, несмотря на их значимость, разработаны недостаточно и касаются в основном отдельных аспектов этой проблемы.

В контексте всего вышесказанного кажется целесообразным предложить виденье *конкурентоспособности региона как интегральной социально-экономической категории: свойства региона как сложно организованной геосистемы функционировать и эффективно развиваться, обеспечивая процессы жизнедеятельности и воссоздания населения и создавая условия для достижения стратегических целей развития региона* [4].

В целом, в украинской и российской научной среде доминирует подход к категории «конкурентоспособности» региона и страны развивающий направление исследований данной темы, сформированное классическими работами представителей ведущих зарубежных школ.

Литература

1. *Багров Н. В.* География в информационном мире. – К.: Лыбидь, 2005.
2. *Важенин С. Т., Злоченко А. Р., Татаркин А. И.* Конъюнктура конкурентоспособности региона // Регион: экономика и социология. 2004. № 3. С. 23–38.
3. *Власюк О. С.* Забезпечення конкурентоспроможності регіонів України в контексті європейської інтеграції // Конкурентоспроможність: країна, регіон, підприємство. За ред. Ю. В. Полунеева – К.: ЛАТ&К, 2006. С. 99–104.
4. *Исиченко І. В.* Конкурентоспроможність регіонів з позиції суспільної географії // Укр. геогр. жур. 2008. № 4. С. 34–39.
5. *Казанцев С. В.* Потенциал экономики регионов России как основа их внутренней конкурентоспособности // Регион. 2004. № 1. С. 191–199.

6. *Крючкова И., Дубровський В.* Світові методології оцінювання конкурентоспроможності економіки // Засади конкурентоспроможності в реаліях економіки знань. За наук. ред. Ю. В. Полунєєва. – К.: ТОВ «Інжиніринг», 2007. С. 24–36.
7. *Пиліпенко И. В.* Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы. – Смоленск: Ойкумена, 2005.
8. *Селезнев А. З.* Конкурентные позиции и инфраструктура рынка России. – М.: Юристъ, 1999.
9. *Шеховцева Л. С.* Концепция конкурентоспособности региона // Проблемы современной экономики. 2007. № 3 (23) – www.m-economy.ru.
10. *Шеховцева Л. С.* Конкурентоспособность региона: факторы и метод создания // Маркетинг в России и за рубежом. 2001. № 4. С.11–16.
11. *Шеховцева Л. С.* Управляемое развитие региона: стратегическое целеполагание. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005.
12. *Krugman P.* Competitiveness: a dangerous obsession // Vol. 73(2). 1994. P. 28–44. March–April.

Коржов И. Ю.

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

В Российской Федерации 49 субъектов относятся к приграничным. После распада СССР 24 субъекта России оказались в положении приграничья впервые, 3 субъекта приобрели дополнительные границы со статусом государственных. В связи с изменением их политического статуса открытость границ резко понизилась, а барьерная функция возросла, что привело к изменению условий и факторов социально-экономического развития территорий «нового приграничья» России. Приграничные регионы по ряду показателей значительно уступают таким же показателям регионов, расположенных в центре России. У 34 из них доля населения с доходами ниже прожиточного минимума больше, чем в среднем по России, у 43 объем регионального валового продукта на душу населения ниже среднего по стране уровня, для большинства регионов характерна относительно низкая, втянутость во внешнюю торговлю [1].

Формирование правового государства, развитие рыночных отношений порождает новые формы взаимоотношений субъектов РФ с приграничными территориями других стран, включая и Республику Казахстан. Исследование реальных условий, объективных предпосылок, форм и методов взаимодействия Российской Федерации и Республики Казахстан на межрегиональном уровне тем более актуально, что географические, исторические, этнокультурные, политические и технико-экономические факторы двух стран указывают на необходимость их сотрудничества. Развитие приграничных и межрегиональных связей отвечает современным политическим и экономическим интересам России и Казахстана.

Российско-казахстанский рубеж можно считать особым случаем, ибо его роль на протяжении истории менялась от линии военных укреплений (в контексте отношений между Российской империей и казахами) и упорядочивающей (советский период) до конституирующей пределы государственного суверенитета в период постсоветский. Процесс превращения границы из внутреннего разделителя между административными единицами одного и того же государства в реальный барьер протекает довольно болезненно [2]. Однако периферийность положения приграничных районов побуждает значительную часть их населения смотреть на сопредельные территории как на самого перспективного партнера по разноплановому взаимодействию, включая торговую (сказывается разница цен на различные категории товаров), предложение услуг в качестве рабочей силы, родственные и культурные связи. Отсюда возникновение проблем в миграционных вопросах.

Хотя граница между Россией и Казахстаном иногда называется формальной или даже «несуществующей», упорядочивающую роль играет уже сам факт ее наличия как некоей символической линии, определяющей место конца суверенитета одного и начало другого государства, территории, при въезде на которую гражданин должен пройти определенные процедуру и подчиниться определенным правилам, чтобы не подвергнуться административным или уголовным санкциям. Популярная ныне идея создания единого с Казахстаном пограничного пространства требует решения многих серьезных проблем, начиная с выравнивания экономического развития приграничных регионов и выработки механизмов, позволявших эффективно регулировать трудовую и торговую миграцию, кончая укреплением внешних границ данного пространства и достижением качественного прорыва на пути оптимизации общей таможенной политики по отношению к третьим странам. В этом случае потребовалось бы установление или укрепление новой «оси» (например, общей внешней границы), функционирование которой эффективно обеспечило бы и российские, и казахстанские интересы. Разумеется, во многих отношениях границу можно считать объективной категорией. Ибо она разделяет два реально существующих государства со взаимно признаваемыми (особенно после завершения в 2005 г. процесса делимитации) территориальными рамками.

Особенности инфраструктуры и экономического развития оказывают серьезное влияние на происходящие в приграничье демографические процессы. Количество населения приграничных областей с Казахстаном относительно всего населения России растет. Это объясняется тем, что мигранты из РК оседают в приграничной зоне, оставляя себе возможность в любой момент вернуться обратно и иметь связь с родственниками (рис. 1).

Этнический состав населения приграничных территорий Республики Казахстан достаточно сложен. Согласно статистической информации, в 7 из 12 приграничных регионов титульная этническая группа заметно преобла-

Рис. 1. Динамика численности населения России в приграничных областях с Республикой Казахстан (1989–2007 гг.)

Составлено по: данным Федеральной службы государственной статистики – www.gks.ru.

дает по численности, лишь в трех северных регионах – Кустанайской, Павлодарской и Северо-Казахстанской областях самой многочисленной этнической группой являются не казахи, а русские.

Многие политические, этнические и другие проблемы, на приграничных территориях имеют под собой социально-экономическую подоплеку. Основная часть экономического потенциала Республики Казахстан находится в западных и особенно северных регионах, которые граничат с Россией. В приграничной зоне действуют более 300 совместных предприятий с РФ, среди которых такие крупные межгосударственные объединения, как «Казросгаз», «Казросхром», «Казросмедь», «Коксохим». В 2003 г. один из мировых лидеров по добыче меди – казахстанское ОАО «Корпорация “Казахмыс”» подписало с российским ЗЛО «Кыштымский медеэлектролитный завод» (г. Кыштым, Челябинская область) соглашение о создании на паритетных началах совместного предприятия ЗАО «Росмедь»; для российской стороны создание последнего позволило решить проблему нехватки сырья, для казахстанской – получить прямой выход на растущий российский рынок.

На российские предприятия приграничных регионов поступают для переработки полезные ископаемые. Сырье с уникальных месторождений черных и цветных (марганца, титана, свинца, хрома и т. д.) металлов (например, железная руда, добываемая в г. Рудном Кустанайской области) поставляется на Магнитогорский металлургический комбинат. Часть готовой металлопродукции возвращается в Казахстан. Подобная схема действует и при поставках угля, используемого в России для нужд не только тяжелой промышленности, но и энергетики; это дает Казахстану (как в случае с расположенной в Челябинской области Новотроицкой ГРЭС) встречные поставки электроэнергии. Можно привести и множество других примеров тесной взаимозависимости. В своем большинстве они: относятся к уральской и сибирской зонам приграничья.

Казахстан стабильно занимает первое место во внешнеторговом обороте 4 из 11 приграничных субъектов РФ (Алтайского края, Курганской, Оренбургской и Челябинской областей), причем Челябинская и Оренбургская области прочно занимают первые два места в качестве российских региональных партнеров РК. В структуре внешнеторгового оборота приграничных регионов РФ прослеживаются общие закономерности: в экспорте преобладает готовая продукция машиностроительной и металлообрабатывающей, металлургической, нефтехимической, легкой и пищевой промышленности, в импорте – минеральное сырье, продукция химической промышленности и сельского хозяйства.

В целом, российско-казахстанское пограничье обладает огромными природными, коммуникационными, экономическими, социальными и культурными ресурсами, тесно взаимосвязанными между собой. Однако значимость границы и пограничья не исчерпывается объективными характеристиками, во многом определяясь особенностями субъективного восприятия смысла и значения феномена. Проблемы российско-казахстанской приграничья ждут своего решения преимущественно на центральном уровне.

Литература

1. *Голунов С. В.* Российско-Казахстанская граница: Проблемы безопасности и международного сотрудничества. Науч. ред. Л. Б. Вардомский. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005.

2. Миграционная ситуация в регионах России. Вып. 1: Приволжский федеральный округ. Под ред. С. Артоболевского и Ж. Зайчиковской. – М., 2004.

Мироненко К. В.

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КИТАЯ: ПРОБЛЕМЫ УЧЕТА ВОЛОСТНО-ПОСЕЛКОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Китай уже давно называют мировой фабрикой по производству промышленной продукции, в производстве широкого ассортимента которой он вышел на позиции мирового лидера. Промышленность – это важнейший и один из наиболее динамично развивающихся секторов экономики Китая, представляющий интерес для многих специалистов, в том числе и географов.

Однако особенности китайской статистики создают некоторые проблемы при изучении промышленности. Довольно часто изменяются базовые показатели, по которым приводятся данные, что существенно ограничивает возможности анализа темпов роста промышленного производства, преобразований в пространственной, отраслевой и организационной структуре.

Отдельно следует отметить, что Китай использует свою систему измерения. Вместо привычных тысяч, миллионов и миллиардов в китайских источниках применяются единицы 10 тыс. и 100 млн. Особенно это следует учи-

тывать при использовании статистических данных, когда может показаться, что «цифры везде одинаковые».

За годы реформ (с 1978 г.) несколько раз производились изменения в базе промышленной отчетности Государственного статистического управления КНР. Вплоть до 1984 г. Китай не включал в статистические показатели частные предприятия, учитывались предприятия только государственной и коллективной форм собственности, в результате в 1985 г. внезапно появилось огромное количество предприятий, фактически существовавших ранее, но не подлежащих учету. Напротив, с 1998 г. промышленная статистика Китая перестала включать в общие показатели небольшие предприятия, годовой доход от основной деятельности которых менее 5 млн юаней в год, что привело к внезапному сокращению ряда показателей. В результате, помимо существующих и в других странах крупных, средних и малых предприятий появился новый термин для обозначения предприятий, подлежащих статистическому учету в Китае, – сверхлимитные предприятия, годовой доход которых более 5 млн юаней в год [3, с. 246–247].

Кроме того, особую сложность представляет учет волостно-поселковых предприятий КНР. В начале реформ существенная доля населения Китая была сосредоточена в сельской местности. Результатом преобразований стало высвобождение миллионов крестьян из сельского хозяйства. Действующая до сих пор в стране система прописки позволила ограничить перемещение крестьян в города, однако, вытесненные из традиционного сельского хозяйства и не имеющие возможности переехать в город они стали искать трудоустройства на несельскохозяйственных предприятиях, существовавших в сельской местности (предприятия коммун и бригад), или создавать новые. Эти предприятия получили название волостно-поселковые предприятия, по месту расположения – в волостях, поселках и деревнях.

Волостно-поселковые (сельские) предприятия – это преимущественно негосударственные, небольшие предприятия, расположенные в сельской местности и занятые в основном несельскохозяйственной деятельностью [2, с. 67]. Они представлены всеми отраслями народного хозяйства: сельское хозяйство, промышленность, строительство, транспорт и услуги, однако, промышленные предприятия всегда были основными среди сельских предприятий. В настоящее время на промышленных волостно-поселковых предприятиях создается чуть менее $\frac{1}{2}$ добавленной стоимости промышленной продукции, около $\frac{1}{2}$ добавленной стоимости сельской экономики и $\frac{1}{3}$ объема экспорта КНР, на них занято около 85 млн человек и каждый год два-три млн китайцев находят себе работу на сельских предприятиях [6, с. 3–7; 7, с. 111].

Таким образом, реформы в Китае привели к развитию как традиционной для других стран городской промышленности, так и специфической сельской (волостно-поселковой). Несмотря на то, что почти половина добавленной стоимости промышленного производства Китая создается на сельских предприя-

тиях, они не всегда учитываются в статистике по промышленности КНР. Волостно-поселковые предприятия подчиняются Министерству сельского хозяйства КНР, в то время как развитие городской промышленности находится в ведении Министерства промышленности и информационных технологий КНР. В результате, производство волостно-поселковых предприятий часто включают в данные по первичному сектору или сельской экономике, а не в промышленное производство, что не дает реального представления о промышленности Китая, либо приводит к существенным (на порядок отличающимся) различиям в данных, приводимых разными источниками.

Волостно-поселковые предприятия КНР, с одной стороны, четко выделяемая группа предприятий (в 1996 г. вступил в силу «Закон Китайской народной республики о волостных и поселковых предприятиях» [1, с. 120]), с другой стороны, сельские предприятия очень сильно отличаются друг от друга – это как современные, инновационные, так и технологически отсталые, кустарные и неэффективные предприятия; как мелкие, индивидуальные предприятия с одним-двумя занятыми, так и крупные, где работает более 15 тыс. человек. Но их объединяет то, что они расположены в сельской местности.

Сельская местность Китая отличается от других стран. Это хорошо видно на примере сельской занятости: сельское хозяйство – менее $\frac{3}{5}$ занятых в сельской экономике, промышленность – $\frac{1}{8}$, другие отрасли – чуть более $\frac{1}{4}$ [5, с. 30–32]. Количество занятых во втором и третьем секторе сельской экономики постоянно увеличивается как по абсолютным, так и по относительным показателям. Сельская индустриализация приводит к развитию малых городов и поселков в сельской местности (в местах скопления промышленных предприятий), развитию урбанизации.

Существуют заметные различия между регионами Китая по структуре сельской занятости. Если рассматривать макрорегионы Китая по доле сельского хозяйства и промышленности в структуре сельской занятости, в Восточном макрорегионе – 50% и 18%, Центральном – 65% и 10%, Западном – 67% и 5%. Таким образом, во-первых, в китайской деревне существенная доля населения занята несельскохозяйственной деятельностью, во-вторых, Восточный макрорегион – наиболее экономически развитый – выделяется самой высокой долей занятых в промышленности и самой низкой долей занятых в сельском хозяйстве. Если спустится на уровень провинций, самая высокая доля занятых в промышленности (более 15%) будет в городах центрального подчинения и восточных провинциях: Шанхай (47%), Чжэцзян (32%), Тяньцзинь, Цзянсу, Гуандун, Хэбэй, Пекин и Фуцзянь [5, с. 31].

Сельская промышленность Китая – это не сельскохозяйственная промышленность, а широкий спектр различных отраслей тяжелой и легкой промышленности. Отраслевая структура промышленности Китая в начале реформ была смещена в сторону тяжелой, но для удовлетворения нужд населения было

необходимо развивать предприятия легкой промышленности. Для социально ориентированных реформ китайской экономики, где во главу угла ставилось удовлетворение нужд населения, отрасли легкой промышленности должны были получить широкое распространение. Однако, если рассматривать только городскую промышленность Китая – этого не удалось достигнуть до сих пор, так как темпы роста тяжелой промышленности в городах неизменно опережали темпы роста легкой промышленности. А если рассматривать волостно-поселковую промышленность – уже в 1985 г. на долю отраслей легкой промышленности приходилось 55% добавленной стоимости сельской промышленности, причем этот показатель сохраняется до сих пор [2, с. 69]. В структуре промышленности Китая в целом тяжелая промышленность преобладает над легкой – 68% и 32%, соответственно [4, с. 172, 178].

Сельская промышленность состоит из тех же отраслей промышленности, что и городская, за исключением нефтедобывающей и газодобывающей отрасли, которая представлена крупными корпорациями, зарегистрированными в городах. Однако значение и место конкретных отраслей не совпадают. Тройка основных отраслей промышленности Китая в целом (машиностроение, металлургия и пищевкусовая) составляет более 50% добавленной стоимости промышленности КНР; сельская промышленность более диверсифицированная, около 55% добавленной стоимости сельской промышленности создается пятеркой отраслей (машиностроение, текстильная, металлургия, химическая и пищевкусовая), на первые три приходится менее 40% [4; 7]. Стоит отметить, что машиностроение – главная отрасль китайской промышленности.

Развитие сельской промышленности характеризуется огромными региональными диспропорциями. Соотношение между Восточным, Центральным и Западным макрорегионами КНР по добавленной стоимости промышленной продукции волостно-поселковых предприятий – 24 : 8 : 1 [6, с. 131], причем разрыв между регионами не уменьшается с годами, а растет. При этом по промышленному производству в целом по стране различия менее существенные 6 : 2 : 1 [8, с. 54]. Таким образом, региональные диспропорции в развитии промышленности в Китае сильнее выражены в сельской местности, чем в городах.

КНР во многом страна специфическая, так и в пространственной организации промышленности существуют свои особенности – концентрация существенной доли промышленного производства в сельской местности. Если не учитывать волостно-поселковую промышленность, будут искажены пространственные соотношения развития регионов. Кроме того, процесс сельской индустриализации страны вносит свой вклад в модернизацию экономики Китая, создание современного конкурентоспособного государства. Развитие волостно-поселковых предприятий – один из наиболее интересных аспектов опыта реформирования хозяйства КНР, который необходимо изучать, ведь впол-

не возможно, что и другие развивающиеся страны могут избрать китайский путь индустриализации страны и размещения промышленного производства.

Список литературы

1. *Круглов А. М.* Сельские (поселково-волостные) предприятия в КНР: роль и место в народном хозяйстве, проблемы и перспективы. Ч. 2 / Информационный бюллетень. № 8. – М., 1997.
2. *Мироненко К. В.* Трансформация отраслевой и региональной структуры сельской промышленности КНР в пореформенный период // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2007. №5. С. 67–72.
3. *Муромцева З. А.* Китайская Народная Республика: путь к индустриализации нового типа. – М.: ИДВ РАН, 2009.
4. Чжунго гунье цзинци тунци няньцзянь – 2006 (Статистический ежегодник по экономике промышленности Китая – 2006). – Пекин, 2007.
5. Чжунго нунцунь тунци няньцзянь (Статистический ежегодник китайской деревни). – Пекин, 2007.
6. Чжунго сяньчжэнь цие няньцзянь (Ежегодник по волостно-поселковым предприятиям КНР). – Пекин, 2004.
7. Чжунго сяньчжэнь цие няньцзянь (Ежегодник по волостно-поселковым предприятиям КНР). – Пекин, 2007.
8. Чжунго тунци няньцзянь (Статистический ежегодник КНР). – Пекин, 2005.

Мышлявцева С. Э.

МАРШРУТНЫЙ ПРИНЦИП ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТУРИЗМА

Маршрут является базовым понятием и основным компонентом туристской системы региона. В процессе туристского освоения складывается сеть маршрутов, которая образует туристский каркас. Появление туристского маршрута предшествует туристско-рекреационному освоению территории. Сеть маршрутов развивается опережающими темпами по сравнению с туристской инфраструктурой (базами, кемпингами, мотелями и т. д.). Особенно это характерно для регионов, где туризм не является ведущей отраслью экономики, а маршруты имеют местное значение. К таким регионам относится большинство субъектов РФ, в том числе и регионы Урала.

Туристским маршрутом считается спланированный путь движения туристов в течение определенного периода времени для получения впечатлений, а так же предусмотренных программой услуг. Маршрут – это линия в пространстве. Она может быть прямой, соединяющей две точки, а может замыкаться в кольцо.

Маршрут имеет содержание, которое может быть выражено в его описании. Наиболее информативными характеристиками, дающими представление о маршруте в активных видах туризма, являются его сложность, продолжи-

тельность, вид и способ передвижения. Каждый маршрут имеет свою логику. В идеальном виде это непрерывный маршрут с минимальным количеством радикальных выходов и с равномерным распределением физической, технической и психологической нагрузок и естественных препятствий. Он предусматривает наиболее полное знакомство с районом путешествия. Так же должно быть оптимальное соотношение между продолжительностью маршрута и транспортной доступностью района путешествия.

Маршрутные описания используются для характеристики туристского района. Они являются наиболее предпочтительными по сравнению с традиционными географическими характеристиками, и встречается в большинстве туристских путеводителей и справочников. Такой способ изложения материала выбирается неслучайно, ведь маршрут, отвечает определенной цели. Логично выстроенный маршрут несет наиболее полную и достоверную информацию о районе путешествия. Маршрут протягивается к тому месту, где комплекс ресурсов оптимален. Он связан с туристским «фокусом» территории и следует согласно элементам структуры территориальной системы. Каждый маршрут должен иметь эмоциональный центр (доминанту): наиболее впечатляющую точку, которая придает ему завершенный вид.

С позиций изложенного, основными критериями сложившегося маршрута в активном туризме являются следующие составляющие: точки начала и окончания маршрута, транспортная доступность, протяженность, продолжительность, эмоциональная доминанта, минимум возможных в данном районе естественных препятствий, ненарушенная или слабоизмененная природная среда, доступная информация, сезонность использования.

Анализ туристской деятельности на Урале позволил разработать схему территориальной организации системы активного туризма, имеющую маршрутный характер. Выполнена карта туристских маршрутов Северного, Среднего и Южного Урала, на которой выделены основные (системообразующие) маршруты. Особенностью является преобладание западного направления маршрутов. Это маршруты, направленные из Свердловской области в Пермский край, из Челябинской области в Республику Башкортостан. Практически отсутствуют межрегиональные маршруты, имеющие северный и южный векторы.

Наиболее тесные связи обнаруживают северо-восточная периферия Пермского края и северо-западная Свердловской области, а также северо-восточная часть Республики Башкортостан и северо-западная часть Челябинской области. Это может быть объяснено отсутствием транспортных связей между административными центрами и их крайней периферией. Единственно возможными путями преодоления изоляции являются либо естественные транспортные магистрали – реки, либо пешеходные тропы.

Несколько иную территориальную организацию имеет водный туризм. Тяготение к периферии и границам территориальных социально-экономичес-

ких систем (ТСЭС) для данного вида путешествий выражено не столь ярко. Сеть маршрутов повторяет географию водной сети. Пункты входа на маршруты приближены к границам территориальных систем, пункты выхода приурочены к центрам территориальных социально-экономических микросистем (ТСЭМС). Примерами могут служить маршруты по р. Вишера начальный пункт – урочище 71 квартал находится на северо-восточной периферии Пермского края. Конечный пункт – г. Красновишерск – центр ТСЭМС. В структуре активных маршрутов исследуемой территории преобладают два основных вида маршрутов водные, пешеходные и комбинации этих видов.

Рассматривая сеть туристских маршрутов необходимо отметить, что ее рисунок напрямую зависит не только от природных факторов. Пункты входа и выхода на маршруты тесно связаны с транспортной сетью. Как правило, все маршруты начинаются и заканчиваются в местах, где дороги подходят наиболее близко к интересующим природным объектам. С изменением транспортной доступности того или иного места, может измениться и сеть маршрутов. Сеть маршрутов следует за транспортной сетью.

Следовательно, сеть маршрутов и транспортная сеть образуют единую систему. Особая роль в ней принадлежит населенным пунктам, которые являются распределителями туристских потоков по маршрутам. Центры разных иерархических уровней будут выполнять разные функции. Основную роль распределителя туристских потоков по маршрутам выполняют центры ТСЭМС. Они вместе с маршрутами образуют туристские системы микроуровня. Крупные центры (областные, краевые) выполняют функцию распределения туристских потоков по направлениям и создают туристские системы более высокого – мезоуровня. Существование межсистемных связей между центрами микро и мезосистем позволяет говорить о существовании системы более высокого ранга – макросистемы. Это позволяет выделить туристский каркас в пределах регионов Урала.

Выявление туристско-рекреационного каркаса рассматривается как один из важных этапов районирования. При выделении туристского каркаса, раскрывается геометрия туристского пространства. В территориальной приуроченности активных туристских маршрутов проявляется избирательность к природным объектам и тяготение к периферийным частям ТСЭС. Следует так же отметить теснейшую связь между сетями маршрутов и транспорта и выделить распределяющую роль ядер ТСЭС различного ранга.

Маршрут, его параметры и конфигурация лежат в основе туристского районирования и иерархии туристских центров. Специфика активного туризма состоит в его маршрутном характере. В качестве основных принципов районирования для активного туризма необходимо выделить следующие: целостность туристского района, завершенность системы туристских маршрутов, тяготение к ядрам (ядрами выступают центры-распределители туристских потоков по направлениям и маршрутам), иерархия туристских территорий.

Туристское районирование необходимо выполнять с учетом физико-географического и социально-экономического районирования. В качестве основного при выполнении туристского районирования нами принят метод выявления районов и их границ с использованием геоинформационных систем. Картографическая база данных объекта исследований состоит из следующих цифровых слоев:

- маршрутов активного туризма Урала (слой 1);
- физико-географического районирования Урала (слой 2);
- пространственных связей пунктов входа (выхода) на маршрут и центров-распределителей туристских потоков по маршрутам (связи I порядка) (слой 3);
- пространственных связей I порядка и центров-распределителей туристских потоков по направлениям (связи II порядка) (слой 4);
- административного устройства Урала (слой 5).

Анализ информации двух первых слоев позволяет выделить три меридиональные зоны: Предуральскую, Уральскую и Зауральскую. Предуральская и Зауральская зоны относятся к территориям, на которых активный туризм получил незначительное развитие.

Объединив 1, 2, 3 слои, получили возможность оконтурить туристские районы. Выделено 5 районов: Вишеро-Лозьвинский, Косьвинско-Чусовской, Сылвенско-Иренский, Уфимско-Юрюзаньский, Симско-Агидельский.

Кроме центров, связывающих маршруты между собой, особую роль в объединении районов играют региональные центры (Пермь, Уфа, Челябинск). Они выполняют функцию распределения туристских потоков по направлениям. Так, для прохождения маршрута по Конжаковскому и Косьвинскому камням, жителям Екатеринбурга и Перми необходимо добраться до Карпинска. Этот город будет являться центром-распределителем по маршрутам северной части Косьвинско-Чусовского туристского района. Нанесение на карту связей I и II порядка позволяет выделить территориальную организацию туристских систем и подойти к вопросу проведения границ выделенных районов.

Предложенная сетка туристских районов может использоваться в практических целях, как инструмент территориального планирования и управления туристской деятельностью в регионе. Маршрутный подход позволяет выявить сетевое и иерархическое строение туристских систем, понять пространственные закономерности в туристских процессах.

Ничиторук С. В.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА АДМИНИСТРАТИВНОГО РЕГИОНА

Быстро меняющаяся ситуация в белорусском приграничье, сложность и комплексность проблем его развития, требуют от науки разработки новых

подходов и использования полученных результатов в практике развития приграничного сотрудничества. В связи с этим актуальным является моделирование приграничного сотрудничества конкретных административных регионов страны.

Географический анализ позволяет обеспечить синтез пространственной естественнонаучной, социально-экономической, экологической и технологической информации. Это важно для понимания сложных и противоречивых процессов взаимодействия приграничных региональных социально-экономических систем сопредельных стран и конструирования их взаимодействия.

Модель – это упрощённое воспроизведение реальности, предположительно отражающее в обобщённой форме её существенные черты или взаимосвязи [1, с. 10]. Основными геоструктурными элементами модели приграничного сотрудничества региона могут быть «ось», «опорный центр», «зона». Система «осей», «опорных центров» и «зон» сотрудничества формируют территориальный каркас приграничного сотрудничества. В работе основное внимание уделено географическим аспектам моделирования размещения опорных центров приграничного сотрудничества.

Опорные центры приграничного сотрудничества представлены как точки роста в организационном и географическом пространствах. Мотивами географического моделирования приграничного сотрудничества административных регионов Беларуси являются:

- решение проблем структурно-системной трансформации регионов;
- генерирование социально-экономического развития путём внедрения центров развития приграничного сотрудничества [2, с. 240].

При благоприятных социально-экономических и политических условиях взаимодействующие трансграничные цепи таких объектов в пределах приграничной зоны способны стимулировать экономический рост в пограничье.

В первом случае стратегия заключается в создании взаимодействующих по различным направлениям центров по обе стороны границы с предположением, что дальнейшее их развитие будет способствовать более эффективному пространственному распределению ресурсов и социально-экономическому росту приграничных регионов.

Во втором случае внимание сосредоточено на создании базовых географических точек, которые должны стимулировать развитие в своей среде.

В обоих случаях в перспективе импульсы от таких центров смогут передаваться окружающей территории. Сливаясь и перекрываясь, зоны влияния вокруг их сформируют поле роста.

В процессе выбора стратегии и модели сотрудничества, необходимо различать объекты, принадлежащие к разным уровням в иерархической системе географических точек, например, городских центров различной людности или административного ранга, точек с разным потенциалом экономико-гео-

графического положения (ЭГП) и т. д. В данном случае стратегия развития приграничного сотрудничества может заключаться в двух моментах:

- в усилении точек, находящихся на нижнем и среднем уровнях;
- в создании ограниченного числа точек роста верхнего иерархического уровня, как средства концентрации усилий и ресурсов на организацию сотрудничества.

В первом варианте акцент делается на развитии приграничного сотрудничества и решении его проблем на локальном уровне. При этом максимально эффективно должны использоваться местные ресурсы. Этот вариант можно назвать моделью *децентрализованной концентрации* приграничного сотрудничества.

Во втором варианте в фокусе стратегии лежит верхний уровень и проблемы регионального приграничного сотрудничества, и национальная стратегия его осуществления. Этот вариант можно назвать моделью *централизованной концентрации* приграничного сотрудничества.

При использовании данной модели необходимо чётко различать две цели. А именно, созданием центров приграничного сотрудничества – это достижения роста *места* (место в данном случае рассматривается не только как географическая категория, но и в функциональной плоскости – отрасль, производственный или непроизводственный сектор и т. д.), либо инструмент повышения уровня благосостояния людей, проживающих на территории пограничья. Повышение уровня благосостояния людей должно являться ведущей целью при планировании пространственной организации приграничного сотрудничества.

При определении местоположения опорных центров приграничного сотрудничества необходим учёт соотношения ведущих его факторов, их разнообразия, неоднородности их территориального сочетания.

Можно предположить, что в первую очередь, опорные центры приграничного сотрудничества будут формироваться в местах наиболее для этого благоприятных: это могут быть пограничные переходы, функционирующие и потенциальные, населённые пункты, в первую очередь те, которые выполняют административные и производственные функции. Важной задачей при географическом моделировании является определение места и роли этих центров в системе регионального приграничного сотрудничества. Эту задачу предлагается решить, через учёт сочетания факторов приграничного сотрудничества с поправкой на административный статус населённых пунктов, их место в хозяйстве региона, роль в формировании потенциала ЭГП партнёров по сотрудничеству.

Таким образом, можно сделать следующие обобщения:

- разнообразие условий и факторов приграничного сотрудничества предполагает гибкую многовариантную стратегию приграничного сотрудничества;
- при моделировании приграничного сотрудничества необходим учёт потенциала места;

– опорные центры приграничного сотрудничества должны развиваться во взаимодействии с территорией, на которой расположены, в интересах местного населения;

– при моделировании приграничного сотрудничества необходимо учитывать условия и возможности его осуществления (потенциал) на территории соседних регионов. В первом приближении обобщающими условиями могут быть демографический потенциал и конфигурация автодорожной сети, как наиболее устойчивые факторы. В действительности при реализации конкретных проектов и направлений объектами моделирования могут быть природно-ресурсный потенциал, экологическая ситуация, уровень и динамика социально-экономического развития и др. В идеале моделирование и анализ приграничного сотрудничества должны проводиться по аналогичным элементам в пределах трансграничной территориальной социально-экономической системы.

Литература

1. Модели в географии. Сб. статей под ред. Р. Дж. Чорли и П. Хаггета. – М.: Прогресс, 1971.

2. *Ничипорук С. В.* Некоторые аспекты географического моделирования приграничного сотрудничества Брестской области // Проблемы розвитку прикордонних територій та їх участі в інтеграційних процесах: Матер. VI Міжнар. наук.-практ. конф. молодих вучоних (Луцьк, 15–16 жовтня. 2009 р.). За ред. В. Й. Лажніка і С. В. Федонюка – Луцьк: Волин. нац. держ. ун-т, 2009. С. 239–242.

Федюк А. Н.

ГЕОГРАФИЯ КУЛЬТУРЫ: ПУТЬ В УКРАИНЕ

Общественно-географические исследования в области географии культуры в Украине динамично развиваются с начала 1990-х годов. На нынешний момент количество научных работ, посвящённых культурно-географической (геокультурной) проблематике, всё ещё сравнительно невелико. Это наименее изученная как в теоретико-прикладном, так и в практическом плане составляющая социально-экономической (общественной) географии. До сих пор не удалось сформулировать устоявшийся подход к пониманию объекта и предмета географии культуры, её структуры и содержания, места данной научной дисциплины в системе географических наук. В Украине до сих пор отсутствуют учебники и учебные пособия по географии культуры для студентов высших учебных заведений, не опубликовано ни одной монографии, посвящённой теоретико-методологическим проблемам культурно-географических исследований. Такая ситуация обусловлена тем, что, во-первых, география культуры как наука находится на этапе своего становления, а во-вторых – сфера культуры и сама культура как категория являются сложными системными явлениями, и поэтому понятия, раскрывающие их сущность, как правило достаточно многогранны.

В Украине начальные исследования географических аспектов развития культуры имеют довольно продолжительную но, к сожалению, подзабытую историю. Ещё основоположник украинской научной географии академик С. Л. Рудницкий в своей работе «Нынешняя география» в 1905 г. выделял указанное направление, назвав его «географией культуры». Однако в том же труде им иногда применялось параллельное название – «культурная география». По мнению учёного, культурная география это составляющая часть антропогеографии, изучающая размещение и географическую сущность разных местностей и народов земного шара. Выдающийся украинский учёный-естествоиспытатель академик В. И. Вернадский также уделял значительное внимание вопросам географии культуры. Знаменитый украинский учёный-энциклопедист В. М. Кубийович в своих исследованиях особо рассматривал различные стороны географии культуры, в частности формы пастушьего хозяйства Украинских Карпат.

В бывшем Советском Союзе в 30-е годы геокультурные исследования получили некоторое дальнейшее развитие, но постепенно, очевидно по идеологическим соображениям, позднее были фактически свёрнуты. Длительное время духовная сфера жизни общества оставалась за пределами внимания советских экономико-географов, трактовавших экономическую географию лишь как науку о размещении производства. Вопросы ж развития культуры как одной из сфер жизнедеятельности человеческого общества считались «идеологическим фронтом» и находились под покровительством соответствующих партийных инстанций. Однако, несмотря на существующие преграды, научный интерес к изучению географических отличий культуры не прекращался. При фактическом отсутствии исследований культурно-географического характера практически география культуры была составляющей классификационных схем географической науки, предложенных в разное время ведущими советскими географами. Термин «культурная география» в советской науке впервые использовал представитель московской экономико-географической школы Н. Н. Баранский в 1956 г. При этом Н. Н. Баранским подчёркивалась важность изучения культуры как неотъемлемой составляющей комплексных географических исследований.

В Украине возрождение культурно-географических исследований приходится на 90-е годы XX в. В Киеве различные вопросы географии культуры изучают Н. Д. Пистун, О. А. Любичева, во Львове И. И. Ровенчак, О. И. Шаблій, в Одессе – А. Г. Топчиев. Эти учёные ведут как научную, так и учебно-педагогическую работу. Преподаются такие спецкурсы, как «География культуры» в Киевском национальном университете им. Т. Шевченко и «География культуры и религии» во Львовском национальном университете им. И. Франко.

Следует заметить, что на нынешнем этапе в украинской общественной географии существует несколько взглядов на сущность географии культуры. Наиболее распространена точка зрения, согласно которой география культуры

относится к блоку общественно-географических дисциплин в составе социальной географии. Другой подход рассматривает географию культуры как отдельную составляющую системы общественно-географических наук. А по мнению некоторых исследователей, культурная составляющая свойственна отдельно социальной, экономической и политической географии как лидирующим «веткам» общественно-географической науки.

Что касается определения предмета культурно-географических исследований, то по этому поводу тоже высказываются различные соображения. В частности, львовская исследовательница проблем социальной географии Л. Т. Шевчук предметом географии культуры считает территориальную организацию сферы культуры мира и её влияние на территориальную организацию общества в целом. В условиях интегрированного общественного пространства и интегрального общественного времени они накладываются на конкретные геопроцессуально-временные координаты [4]. В то же время И. И. Ровенчак предлагает «этнографическое» понимание культуры: «география культуры изучает пространственные закономерности развития и размещения этнографических, религиозно-конфессиональных и историко-географических (антропогеографических) особенностей отдельных регионов Земли» [2]. Знаменитый экономико-географ современности профессор Киевского национального университета им. Т. Шевченко Н. Д. Пистун рассматривает культуру в качестве интегрирующего звена интеллектуальных форм современной общественной жизни: «география культуры – перспективный и сложный аспект современной социальной географии. Составляющими географии культуры являются география науки, образования, зрелищ и т. д.». По мнению учёного, объектом изучения географии культуры выступают территориальные комплексы (системы) культуры, предметом изучения – территориальная организация культуры и её отдельных компонентов – материальных и духовных. К главным заданиям науки, считает Н. Д. Пистун, относятся «обнаружение особенностей территориальной организации культуры, развития и взаимодействия культурных объектов с иными элементами территориальной организации общества, разработка научных средств управления пространственными культурными процессами» [1].

Лидирующей в разработке теоретических аспектов географии культуры считается кафедра экономической и социальной географии Львовского национального университета имени И. Франко. В научных работах учёных кафедры впервые осуществлена попытка проведения геокультурного районирования территории Украины. Элементами географии культуры, по мнению учёного Ровенчака, являются этнокультурная, религиозно-культурная (или конфессионально-культурная) и историко-культурная география. Геокультурное районирование (ГКР) территории он делит на отраслевое (компонентное) и интегральное. В состав первого исследователь относит этнографическое, конфессиональное и религиозное ГКР, а интегральное ГКР выступает синтезом трёх отраслевых

районирований. На территории Украины исследователь выделяет четыре интегральных геокультурных района: Северо-Западный, Юго-Восточный, Украинские Карпаты и Крым [3]. По мнению автора данного доклада, вопрос интегральных геокультурных районов ещё недостаточно изучен. Учитывая сложную смену геополитических процессов в истории Украины и её ландшафтно-географические особенности, этот перечень необходимо расширить.

Разные стороны географии культуры освещены в работе Л. Т. Шевчук «Социальная география». Главными проблемами становления и дальнейшего развития географии культуры, по мнению автора, выступают становление и развитие понятийно-терминологического аппарата науки, написание учебников по географии культуры, организация на географических факультетах высших учебных заведений кафедр географии культуры. Важными и сложными задачами являются разработка концепции современной территориальной организации сферы культуры и культурно-географического районирования Украины.

Литература

1. *Пістун М. Д.* Основи теорії суспільної географії. Навч. посібник. – К.: Вища школа, 1996.

2. *Ровенчак І. І.* Географія культури (проблеми сутності і структурування) // Фундаментальні географічні дослідження (стан, проблеми, напрямки). Тези доп. – К., 1994. С. 166–168.

3. *Ровенчак І. І.* До проблеми інтегрального геокультурного районування України // Проблеми географії України. Матер. наук. конф. (Львів, 25–27 жовтня 1994 р.). – Львів: Львів. держ. ун-т, 1994. С. 238–239.

4. *Шевчук Л. Т.* Соціальна географія. Навч. посібник. – К.: Знання, 2007.

Фёдорова И. Л.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА В ПРИГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ

Важной и актуальной географической исследовательской проблемой является изучение особенностей и закономерностей, факторов рациональной территориальной организации туристической деятельности. Это связано с быстрым и эффективным развитием туризма.

Туризм стал играть важную роль в жизни общества и превратился в уникальную крупномасштабную мировую индустрию, обеспечивающую производство до 10% мирового валового продукта, в которой задействованы огромные массы работников, основных средств, привлечены крупные капиталы. В силу своей многогранности он пронизывает все аспекты человеческой деятельности – от потребностей личности и психологии до производственной и социально-политической сфер [1] Туризм оказывает огромное влияние на такие ключевые секторы хозяйства, как транспорт и связь, благодаря ему модернизируется и развивается сельское хозяйство, налаживаются торговые от-

ношения, расширяется производство товаров народного потребления, ведётся строительство, а так же создаются рабочие места, развиваются отрасли ориентированные на производство туристских услуг. Значимая роль в этом предлежит вложениям частного капитала. Интерес предпринимателей объясняется рядом факторов. Во-первых, для организации туристического бизнеса не нужны крупные финансовые вложения; во-вторых, на туристском рынке могут существовать как крупные компании, так и малые, и, не создавая друг другу конкуренцию успешно сотрудничать; в третьих, минимально вложенные средства быстро оборачиваются. Таким образом, туризм стал одной из наиболее динамично развивающихся и доходных отраслей хозяйства, что благоприятно влияет на социально-экономическое развитие стран, регионов.

В Европе в конце XX – начале XXI в. интеграционные процессы в политической и экономической сфере интенсифицировались и усложнились. Эволюционирует система государственных границ, вдоль которых создаётся особый вид пограничного пространства. Роль приграничных регионов, специфика их развития значительно трансформировалась. Эти перемены коснулись и новых постсоветских государств.

Так, после объявления Беларусью суверенитета, изменилось политико-географическое и экономико-географическое положение республики и отдельных её регионов. Сложилась новая система социально-экономического развития для приграничных регионов страны. Близость к государственной границе позволила наращивать плодотворные взаимосвязи с приграничными территориями стран-соседей, что предопределило начало формирования структур трансграничного сотрудничества. Приграничные регионы меняют свои функции, что связано с изменением функций государственных границ. Ослабли их барьерные характеристики, связанные с государственным регулированием и регламентацией, усилились функции связующие, контактные. Изменилась система пересечения государственной границы: появились дополнительные пункты пропуска, грузовые терминалы, упростилась система таможенного оформления, и как следствие – сформировалось качественно новое пограничье [2]. Одним из факторов развития туризма в приграничном регионе выступает известный в экономике эффект «ценовой дискриминации», когда за один и тот же товар в разных местах предлагают разную цену. Так жители приграничных районов, где цены на некоторые товары и услуги выше, чем в соседних странах, часто совершают шоп-туры в эти страны. Приграничная торговля способствует развитию туризма, что в свою очередь оказывает существенное влияние на развитие местной инфраструктуры [3].

Изменения затронули отраслевую и территориальную структуру хозяйства, экономическую специализацию территориальных административных структур, имеющих выход к государственной границе. В этих регионах, как правило, не отличающихся значительным развитием промышленного произ-

водства, в настоящее время интенсифицируются те сферы хозяйства, которые требуют минимального вложения средств, при быстром и наибольшем социально-экономическом эффекте. К таким сферам относится туризм.

Одной из особенностей развития туризма является диверсификация деятельности. Кроме традиционных направлений туризма появляются новые – агротуризм, охотничий, экологический, деловой, религиозный, этнический, гастрономический и др. Определённое влияние на развитие данных видов туризма в регионах оказал невысокий уровень их индустриальной освоенности. Такая обстановка сложилось ещё в советский период, когда стратегически важные предприятия в силу своей значимости не могли размещаться в приграничных регионах, так как это было небезопасно. Благодаря этому приграничные территории привлекательны в экологическом плане. Здесь сохранились уникальные природные комплексы, живописные ландшафты, разнообразие флоры и фауны. Очевидно, что для развития туризма приграничные регионы могут успешно использовать имеющийся у них потенциал – благоприятную экологическую ситуацию, разнообразные туристско-рекреационные ресурсы, само приграничное положение и на базе данного потенциала развивать новые и расширять географию имеющиеся виды туризма.

К началу XXI столетия туризм стал нормой жизни современного человека. Наряду с такими факторами как природная красота и климат, культурные характеристики страны и ее регионов, инфраструктура и доступность территории, уровень цен, в значительной степени определяют привлекательность туристского направления. В последние десятилетия наблюдается тенденция интенсивного развития культурно-познавательного туризма.

Основой для развития культурно-познавательного туризма являются культурно-исторические ресурсы. Они способствуют духовному обогащению туристов, расширению их кругозора. К культурно-историческим туристским ресурсам территории следует отнести: археологические памятники, храмы, монастыри, достопримечательности, отражающие исторические этапы, события; памятники истории и культуры, в том числе архитектурные памятники; места связанные с жизнью и деятельностью выдающихся людей, мемориалы, музеи разного профиля, сохранные этнические особенности. Кроме культурно-исторических ресурсов, одним из важнейших ресурсов является богатая и самобытная традиционная материальная и духовная культура. Наибольший интерес у туристов вызывают такие элементы культуры народа, как искусство, наука, религия и др.

Особенностью всех культурных объектов, неповторимой материальной и духовной культуры, является отнесение их к феномену «культура». Чаще всего культуру связывают с достижениями прогресса производственных, общественных и умственных отношений. Именно культура является фундаментальной основой процесса развития, сохранения, укрепления независимости, суверенитета и самобытности народа.

Культурно-познавательный туризм является чрезвычайно востребованным видом туристической деятельности. Согласно оценкам Всемирной туристской организации, в настоящее время данный вид туризма охватывает 10% мирового потока туристов. Это связано с повышением культурного уровня людей, их информированности, что определяет стремление к познанию, к знакомству с бытом, культурой, историей других стран и народов.

География культурно-познавательного туризма определяется особенностями пространственного размещения объектов, составляющих его ресурсную базу. Например, в Республике Беларусь такие объекты размещаются в разных районах страны – в центре, много в приграничных регионах, большое их количество расположено в городах.

Приграничные регионы имеют ряд особенностей, связанных с их географическим положением. Находясь на стыке нескольких культурных пространств и являясь зоной миксации различных социально-культурных процессов, они имеют переходный характер, а потому – уникальны в культурно-историческом плане. Эта уникальность культурного развития может быть использована для создания благоприятного имиджа конкретного приграничного региона на туристском рынке. Неповторимые элементы культуры могут являться проводниками распространения информации о туристских возможностях местности.

Эти особенности существенно влияют на развитие туристской сферы: территориальную организацию туристских баз, развитие инфраструктуры, направление и интенсивность туристских потоков, качественные характеристики рынка туристских услуг.

Все эти и другие вопросы развития туристской сферы в приграничных регионах являются предметом географических региональных исследований в рамках теорий трансграничного регионализма и пограничной коммуникативности.

Литература

1. *Мажар Л. Ю.* Территориальные туристско-рекреационные системы. – Смоленск: Универсум, 2008.
2. *Федорова И. Л.* Брестская область Беларуси: возможности развития туризма в приграничном регионе // Научный вестник Волынского национального университета им. Л. Украинки (г. Луцк). – С. 207–212.
3. *Филиппова И. Г., Погодина В. Л., Лукьянов Е. А.* География туризма. Учебник. – СПб.: ИД«Бизнеспресса», 2007.

УРОВЕНЬ ИНТЕГРИРОВАННОСТИ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

Одним из самых заметных явлений в развитии мирового хозяйства в XXI в. стало расширение Европейского Союза (ЕС). В настоящее время ЕС насчитывает 27 стран с населением более 491 млн чел. Расширение ЕС 2004–2008 гг. значительно отличается от предыдущих интеграционных волн, прежде всего, количеством принятых стран. Последнее расширение ЕС позволило увеличить население еврозоны на 28%. Фактически в рамках ЕС сформирована вторая после США экономика мира, общий ВВП которой составляет почти 15 трлн долл., а ВВП на душу составляет почти 34 тыс. долл. В ближайшей перспективе возможно вступление в ЕС Хорватии и Сербии.

Не последнюю роль в расширении ЕС сыграли страны Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ). Данная группа выделяется в рамках ООН и включает в себя 12 государств. В данной работе мы ограничили круг рассматриваемых стран участниками ЕС, подразделяющихся на две группы. Первая группа стран, к которой относится Польша, Чехия, Словакия, Венгрия и Словения, были приняты в ЕС в 2004 г., а страны второй интеграционной волны – Болгария и Румыния – в 2008 г. За двадцатилетний период своего социально-экономического развития после распада Совета экономической взаимопомощи страны ЦВЕ прошли сложный путь от командной экономики до развитой экономики современного капитализма с разнообразными формами собственности.

Эти страны многими исследователями были отнесены к странам переходного периода, выделяя тем самым этап сложного и во многом уникального перехода от социализма к капитализму. Сложность данного периода нашла свое отражение в документах ООН и международных финансовых организаций под названием «Countries in Transition». Речь идет о группе стран, имеющих общее прошлое и ориентирующихся на западное общество. Следует отметить, что посткоммунистические страны ЦВЕ отличаются, с одной стороны, от развивающихся стран, а с другой, прежде всего в социокультурной сфере, от развитых и являются самостоятельным предметом исследования.

Успешное проведение социально-экономических реформ и вступление в ЕС пока еще не позволило данной группе стран преодолеть заметное отставание от Западной Европы. Наиболее ярко отставание проявляется в размере ВВП на душу населения, энергоинтенсивности экономики, внедрении передовых технологий, затратах на НИОКР, оплате труда и уровне коррупции. По душевому показателю ВВП страны ЦВЕ можно разделить на три группы. В первую группу входят Болгария и Румыния, где данный показатель составляет менее 14 000 долл./душу, что более чем в 2 раза ниже показателя Герма-

нии. Во вторую группу входят Словакия и Польша, где ВВП на душу находятся в диапазоне от 15 000 до 25 000 долл. Третья группа, Чехия и Словения, где ВВП на душу превышает 25 000 долл. При этом в докризисный период во всех странах наблюдался устойчивый рост данного показателя.

Энергоинтенсивность экономики снижается во всех странах ЦВЕ, однако ближе всего к среднему для ЕС уровню подошла Словения. Повышенная энергоинтенсивность экономики характерны для Венгрии и Польши, высокая – в Чехии и Словакии, а в Румынии и Болгарии она чрезвычайно высока по сравнению со средневропейским показателем.

Среди показателей социокультурного типа особый интерес представляет индекс восприятия коррупции. С 2003 по 2007 гг. коррупционная составляющая в экономике уменьшилась практически во всех странах ЦВЕ. Лишь в Словакии и Болгарии в последние годы наблюдается ухудшение ситуации. В настоящее время наивысший уровень коррупции характерен для Румынии и Болгарии. Наиболее благоприятная ситуация в этой области в Словении, Венгрии и Чехии.

Рассмотренные нами показатели являются существенными индикаторами трансформационных процессов социального и экономического характера. Значительная часть экономических проблем была решена, но ряд социокультурных проблем остался. Исходя из проанализированных показателей, страны ЦВЕ отстают от стран Западной Европы. Таким образом, дальнейшее развитие стран ЦВЕ в рамках европейской интеграции будет носить догоняющий характер. В нашем понимании, концепция догоняющего развития – это концепция сокращения всех видов разрывов: экономических, технологических и социокультурных.

Преодоление технологического отставания существенно облегчается, благодаря выносу из развитых стран в менее развитые наукоемких производств или их компонентов. В странах ЦВЕ такие отрасли представлены производством компьютеров, автомобильной техники, электроники, мобильных телефонов, телекоммуникационных систем. Решающую роль здесь играют прямые иностранные инвестиции (ПИИ) транснациональных корпораций (ТНК). ПИИ выполняют особую роль в стратегии экономического развития стран ЦВЕ. Они являются основным источником притока капиталов, передовых технологий и повышения конкурентоспособности на внешних рынках. Это в полной мере отвечает общемировым тенденциям в развитии экономики, в которой движение товарных потоков все больше уступает место экономике, основанной на перемещении капиталов.

Основными инвесторами выступают страны ЕС. Первенство принадлежит Германии, на которую приходится порядка 40% всех капиталовложений в страны ЦВЕ. Далее за Германией следуют Франция, Нидерланды и Австрия. При этом, подавляющая часть ПИИ в рассматриваемый период направлялась в три страны – Польшу, Чехию и Венгрию (соответственно 31, 26 и 11% инве-

стиций, накопленных в странах ЦВЕ накануне последнего расширения ЕС). Почти 40% общего объема ПИИ приходится на обрабатывающую промышленность, приоритетными областями являются также банковский сектор, телекоммуникации и розничная торговля. Во многом благодаря ТНК, в странах ЦВЕ произошла модернизация структуры хозяйства, сократилась доля промышленности, сельского хозяйства, при этом, выросла доля сферы услуг.

Произошли изменения в территориальной структуре хозяйства. Во-первых, в начале 90-х годов появились депрессивные районы в Польше и Словакии, ранее специализировавшиеся на добыче бурого угля, производстве стали и металлоемком машиностроении. Во-вторых, появились новые центры производства, что в значительной степени обусловлено влиянием ТНК. В третьих, получили развитие различные виды свободных экономических зон, промышленных парков и технопарков инновационного типа. Примером такого технопарка является промышленная зона в г. Брно, созданная на базе технологического института и ряда крупнейших западных фирм. В дальнейшем, такие технопарки могут стать точками инновационного роста.

С целью систематизации проведенных исследований была разработана типология по уровню интегрированности новых стран-членов ЕС. Данный показатель определяет уровень взаимодействия и взаимосвязи экономических, территориальных и социокультурных структур стран ЦВЕ в рамках европейской интеграции. Значимость показателей выполнялась методом экспертной оценки. В соответствии с этим они были нормализованы и взвешены. Далее выполнялась оценка суммарного показателя степени интегрированности страны ЦВЕ в ЕС. Для определения этого показателя был произведен отбор статистически независимых показателей, которые объединены в систему, включающую в себя ВВП по паритету покупательной способности (ППС), индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), индекс восприятия коррупции, индекс глобализации, долю затрат на НИОКР (% от ВВП) и среднюю почасовую оплату труда одного работника.

Все вышеперечисленные показатели были использованы при вычислении индекса интегрированности. Для подсчета этого индекса был необходим эталон – страна, относительно которой нужно было проводить нормирование. В качестве эталонной страны была выбрана Германия.

Нормирование выполнялось по значению эталонного показателя, то есть Германии: $f = f' / a$, где f – нормированный показатель, f' – текущее значение показателя, a – эталонное значение показателя (Германии).

Затем производился собственно расчет индекса интегрированности методом нахождения евклидовых расстояний по формуле: $S = 1/n \sqrt{\sum (a - f)^2}$, где S – индекс интегрированности, n – количество показателей, f – текущий нормированный показатель, a – эталонный показатель.

В результате расчета индекса интегрированности страны ЦВЕ удалось разделить на следующие типы:

- Начальная стадия интеграции.
- Слабо интегрированные.
- Средне интегрированные.
- Интегрированные.

Результаты расчета индекса интегрированности во многом подтверждаются исследованиями The Global Competitiveness Report, а также рядом других показателей. При этом разрывы наблюдаются не только между странами Западной Европы и странами ЦВЕ, но и внутри рассматриваемого нами региона.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксёнова Марина Юрьевна, преподаватель кафедры естествознания Ульяновского института повышения квалификации и переподготовки работников образования (Россия).

Аляев Владимир Алексеевич, к.г.н., доцент кафедры экономической, социальной географии и методики преподавания географии Волгоградского государственного педагогического университета (Россия).

Андерсон Владимир Николаевич, к.г.н., доцент кафедры экономической и социальной географии, зав. лабораторией региональных исследований и ГИС Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Украина).

Анимица Евгений Георгиевич, д.г.н., зав. кафедрой региональной и муниципальной экономики Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия).

Антипова Екатерина Анатольевна, д.г.н., профессор кафедры экономической географии зарубежных стран Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь).

Артёменко Сергей Витальевич, к.г.н., доцент Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь).

Артоболевский Сергей Сергеевич, д.г.н., зав. отделом социально-экономической географии Института географии РАН (Москва, Россия).

Архипов Юрий Романович, д.г.н., зав. кафедрой экономической и социальной географии Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова (Чебоксары, Россия).

Бабурин Вячеслав Леонидович, д.г.н., профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им М. В. Ломоносова (Россия).

Бакланов Пётр Яковлевич, академик РАН, д.г.н., директор Тихоокеанского института географии ДВО РАН (Владивосток, Россия).

Безруков Леонид Алексеевич, д.г.н., зав. лабораторией георесурсоведения и политической географии Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (Иркутск, Россия).

Бугроменко Владимир Николаевич, к.г.н., директор ООО «Геограком» (Москва, Россия).

Власова Наталья Юрьевна, д.э.н., профессор Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия).

Герасименко Татьяна Ильинична, д.г.н., декан геолого-географического факультета, заведующая кафедрой географии и регионоведения Оренбургского государственного университета (Россия).

Гладкий Александр Витальевич, к.г.н., докторант Киевского национального университета им. Т. Шевченко (Украина).

Гладкий Юрий Никифорович, член-корр. РАО, д.г.н., вице-президент Русского географического общества, зав. кафедрой экономической географии факульте-

та географии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия).

Гонда Владимир, к.э.н., профессор, зам. декана по науке Народнохозяйственного факультета Экономического университета в Братиславе (Словакия).

Гонтарь Николай Владимирович, к.г.н., старший научный сотрудник Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем ЮФУ (Ростов-на-Дону, Россия).

Горкин Александр Павлович, д.г.н., профессор кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Горленко Инга Александровна, д.г.н., ведущий научный сотрудник Института географии НАН Украины (Киев, Украина).

Гришина Тамара Петровна, аспирантка Башкирского государственного университета (Россия).

Денисенко Елена Александровна, аспирантка Института географии НАН Украины (Украина).

Дирин Денис Александрович, к.г.н., доцент Алтайского государственного университета, (Россия).

Дружинин Александр Георгиевич, д.г.н., зам. директора Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, зав. отделом территориальной организации общества (Ростов-на-Дону, Россия).

Дьячевская Любовь Петровна, к.г.н., научный сотрудник Института географии НАН Украины (Киев, Украина).

Дюриш Ференц (Gyuris Ferenc), магистр географии, преподаватель факультета естественных наук Университета Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия).

Ермолаев Олег Петрович, д.г.н., декан факультета географии и экологии Казанского государственного университета (Россия).

Завьялова Ольга Георгиевна, д.э.н., профессор кафедры безопасности жизнедеятельности Курганского государственного университета (Россия).

Закиров Ильнур Вагизович, к.г.н., доцент кафедры экономической географии Башкирского государственного университета (Уфа, Россия).

Землянский Дмитрий Юрьевич, младший научный сотрудник лаборатории регионального анализа и политической географии географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия).

Зырянов Александр Иванович, д.г.н., декан географического факультета, зав. кафедрой туризма Пермского государственного университета (Россия).

Игонин Александр Иванович, аспирант кафедры географии мирового хозяйства МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия).

Имашев Эдуард Жусупович, аспирант Башкирского государственного университета (Россия).

Исиченко Игорь Виталиевич, аспирант Института географии НАН Украины (Украина).

Каганский Владимир Леопольдович, старший научный сотрудник Института географии РАН (Москва, Россия).

Казakov Станислав Геннадьевич, к.г.н., доцент кафедры экономической и социальной географии Курского государственного университета (Россия).

Каледин Николай Владимирович, к.г.н., доцент, проректор по учебной работе, декан факультета географии и геоэкологии, заведующий кафедрой региональной диагностики и политической географии Санкт-Петербургского государственного университета.

Клименко Наталья Алексеевна, зам. директора Института Балтийского региона, доцент кафедры социально-экономической географии и геополитики РГУ им. И. Канта (Калининград, Россия).

Клюев Николай Николаевич, д.г.н., ведущий научный сотрудник Института географии РАН (Москва, Россия).

Ковалев Юрий Юрьевич, к.г.н., доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).

Колосов Владимир Александрович, д.г.н., руководитель Центра геополитических исследований Института географии РАН (Москва, Россия).

Коржов Илья Юрьевич, аспирант Ставропольского государственного университета (Россия).

Корнев Иван Николаевич, к.г.н., зав. кафедрой экономической географии и методики обучения географии Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург, Россия).

Коробейников Александр Михайлович, к.г.н., доцент кафедры социально-экономической географии Пермского государственного университета (Россия).

Корпусов Игорь Михайлович, старший преподаватель Тверского государственного университета (Россия).

Кочуров Борис Иванович, д.г.н., ведущий научный сотрудник Института географии РАН (Москва, Россия).

Краснов Евгений Васильевич, д.г.н., зав. кафедрой геоэкологии Российского государственного университета им. И. Канта (Калининград, Россия).

Красовская Татьяна Михайловна, д.г.н., профессор географического факультета географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Кропинова Елена Геннадиевна, к.г.н., к.э.н., доцент кафедры социально-экономической географии и геополитики Российского государственного университета им. И. Канта (Калининград, Россия).

Крылов Михаил Петрович, д.г.н., ведущий научный сотрудник Института географии РАН (Москва, Россия).

Кузнецова Светлана Николаевна, старший преподаватель кафедры физической географии и региональной геоэкологии Тверского государственного университета (Россия).

Лазарева Жанна Васильевна, к.г.н., старший преподаватель Омского государственного педагогического университета (Россия).

Лисовский Сергей Антонович, д.г.н., зав. отделом природопользования и сбалансированного развития Института географии НАН Украины (Киев, Украина).

Лобковский Василий Анатольевич, к.г.н., научный сотрудник Института географии РАН (Москва, Россия).

Мартынов Василий Львович, д.г.н., профессор кафедры экономической географии Российского государственного университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Маруняк Евгения Александровна, к.г.н., учёный секретарь Института географии НАН Украины (Киев, Украина).

Махновский Дмитрий Евгеньевич, к.э.н., доцент кафедры региональной экономики и природопользования Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов (Россия).

Махрова Алла Георгиевна, к.г.н., ведущий научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия).

Мезенцев Константин Владимирович, д.г.н., профессор кафедры экономической и социальной географии Киевского национального университета им. Т. Шевченко (Украина).

Мезенцева Наталия Ивановна, к.г.н., доцент кафедры экономической и социальной географии Киевского национального университета им. Т. Шевченко (Украина).

Менщикова Лариса Викторовна, ведущий инженер филиала по Курганской области Федерального государственного учреждения «Территориальный фонд информации по природным ресурсам и охране окружающей среды Минприроды России по Уральскому федеральному округу» (Россия).

Мироненко Ксения Владимировна, научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

Мироненко Николай Семёнович, д.г.н., зав. кафедрой географии мирового хозяйства географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

Митрофанова Анна Владимировна, аспирантка кафедры социально-экономической географии и геополитики Российского государственного университета им. И. Канта (Калининград, Россия).

Морачевская Кира Алексеевна, аспирантка кафедры экономической и социальной географии России МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Морева Любовь Алексеевна, к.г.н., доцент кафедры экономической, социальной и политической географии Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия).

Мошков Анатолий Владимирович, д.г.н., ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН (Владивосток, Россия).

Мышлянцева Светлана Эдуардовна, к.г.н., старший преподаватель кафедры туризма Пермского государственного университета (Россия).

Наумов Алексей Станиславович, к.г.н., доцент кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

Немец Константин Аркадиевич, д. г. н., декан геолого-географического факультета, зав. кафедрой гидрогеологии Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (Украина).

Немец Людмила Николаевна, д. г. н., зав. кафедрой социально-экономической географии и регионоведения Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (Украина).

Николаев Максим Александрович, аспирант кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия).

Ничипорук Сергей Васильевич, ассистент Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина (Брест, Беларусь).

Новиков Александр Николаевич, к.г.н., научный сотрудник лаборатории экономической и социальной географии Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (Чита, Россия).

Палеха Юрий Николаевич, д.г.н., зам. директора по научной работе Украинского государственного НИИ проектирования городов (Киев, Украина).

Пашинская Наталья Николаевна, к.г.н., научный сотрудник Института географии Национальной академии наук Украины (Киев, Украина).

Пилясов Александр Николаевич, д.г.н., профессор, директор Центра экономики Севера и Арктики Совета по изучению производительных сил (Москва, Россия).

Плякин Александр Валентинович, д.э.н., ведущий научный сотрудник Южного научного центра РАН (Волгоград, Россия).

Подгрушный Григорий Петрович, д.г.н., ведущий научный сотрудник Института географии НАН Украины (Киев, Украина).

Попкова Людмила Ивановна, д.г.н., зав. кафедрой экономической и социальной географии Курского государственного университета (Россия).

Поросёнков Юрий Васильевич, д.г.н., зав. кафедрой социально-экономической географии и регионоведения Воронежского государственного университета (Россия).

Потоцкая Татьяна Ивановна, д.г.н., зав. кафедрой социально-экономической географии и природопользования Смоленского государственного университета (Россия).

Раднаев Баир Лубсанович, д.г.н., зав. кафедрой экономической и социальной географии Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия).

Резвых Владимир Владимирович, к.г.н., доцент кафедры социально-экономической географии Пермского государственного университета (Россия).

Рубцов Владимир Анатольевич, д.г.н., зав. кафедрой физической и экономической географии Казанского государственного университета (Россия).

Руденко Леонид Григорьевич, академик НАН Украины, д.г.н., директор Института географии НАН Украины (Киев, Украина).

Савчук Иван Григорьевич, к.г.н., старший научный сотрудник Института географии НАН Украины (Киев, Украина).

Сафиуллин Радик Газизович, д.г.н., зав. кафедрой экономической географии Башкирского государственного университета (Уфа, Россия).

Сафиуллина Роза Маратовна, к.г.н., доцент кафедры экономической географии Башкирского государственного университета (Уфа, Россия).

Сегид Екатерина Юрьевна, аспирантка кафедры социально-экономической географии и регионоведения Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (Украина).

Семенова Зоя Анатольевна, к.э.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики (Россия).

Сёмина Ирина Анатольевна, к.г.н., доцент Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (Саранск, Россия).

Сидоркина Зинаида Ивановна, к.г.н., старший научный сотрудник лаборатории социальной и медицинской географии Тихоокеанского института географии ДВО РАН (Владивосток, Россия).

Сидоров Валерий Петрович, к.г.н., зав. кафедрой экономической и социальной географии Удмуртского государственного университета (Ижевск, Россия).

Слука Николай Александрович, д.г.н., ведущий научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия).

Смирнов Андрей Янович, к.т.н., научный сотрудник Института географии РАН (Москва, Россия).

Смирнягин Леонид Викторович, д.г.н., профессор кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

Сотова Людмила Васильевна, к.г.н., доцент Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (Саранск, Россия).

Степанов Анатолий Владиславович, к.г.н., доцент, зав. кафедрой экономики и права ИППК Уральского государственного университета, директор Центра германских исследований (Екатеринбург, Россия).

Столбов Вячеслав Алексеевич, к.г.н., доцент кафедры социально-экономической географии Пермского государственного университета (Россия).

Стрелецкий Владимир Николаевич, к.г.н., ведущий научный сотрудник Института географии РАН (Москва, Россия).

Субботина Татьяна Васильевна, к.г.н., доцент кафедры социально-экономической географии Пермского государственного университета (Россия).

Сухинин Сергей Александрович, к.п.н., доцент кафедры экономической географии и региональной экономики Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко (Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика).

Сысоева Наталья Михайловна, д.г.н., зав. лабораторией экономической географии и территориального планирования Института географии им. В. Б. Сочавы

СО РАН, зав. кафедрой экономической и социальной географии Иркутского государственного университета (Россия).

Тархов Сергей Анатольевич, д.г.н., ведущий научный сотрудник Института географии РАН (Москва, Россия).

Топчиев Александр Григорьевич, д.г.н., зав. кафедрой экономической и социальной географии Одесского национального университета имени И. И. Мечникова (Украина).

Торез Пьер (Thorez Pierre), доктор наук, профессор, университет Гавра (Франция).

Трейвиш Андрей Ильич, д.г.н., главный научный сотрудник Института географии РАН (Москва, Россия).

Трофимов Анатолий Михайлович, д.г.н., профессор Казанского государственного университета (Россия).

Тюрин Виктор Николаевич, д.г.н., профессор Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия).

Файбусович Эрнест Львович, д.г.н., профессор кафедры региональной экономики и природопользования Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов (Россия).

Федоров Геннадий Михайлович, д.г.н., проректор по научной работе, зав. кафедрой социально-экономической географии и геополитики Российского государственного университета им. И. Канта (Калининград, Россия).

Фёдорова Инна Леонидовна, ассистент Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина (Беларусь).

Федюк Алексей Николаевич, аспирант Киевского национального университета им. Т. Шевченко (Украина).

Фесенко Владимир Владимирович, к.г.н., докторант Волгоградского государственного университета (Россия).

Ханин Семен Ефимович, к.г.н. (Ганновер, Германия).

Холина Вероника Николаевна, к.г.н., зав. кафедрой региональной экономики и географии Российского университета дружбы народов (Москва, Россия).

Худякова Тамара Михайловна, д.г.н., зав. кафедрой экономической и социальной географии Воронежского государственного педагогического университета (Россия).

Цыганков Дмитрий Николаевич, аспирант кафедры экономической и социальной географии Курского государственного университета (Россия).

Черкашин Александр Константинович, д.г.н., профессор, зав. лабораторией теоретической географии Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН (Иркутск, Россия).

Чистобаев Анатолий Иванович, д.г.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Чистяков Валентин Иванович, к.г.н., зав. кафедрой экономической, социальной и политической географии Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия).

Шарыгин Михаил Дмитриевич, д.г.н., зав. кафедрой социально-экономической географии Пермского государственного университета (Россия).

Шувалов Владимир Ефимович, к.г.н., доцент, зав. кафедрой экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия).

Шупер Вячеслав Александрович, д.г.н., ведущий научный сотрудник Института географии РАН (Москва, Россия).

Шитова Наталия Александровна, д.г.н., профессор, декан географического факультета Ставропольского государственного университета (Ставрополь, Россия).

Яворская Виктория Владимировна, к.г.н., доцент Одесского национального университета имени И. И. Мечникова (Украина).

Яковлева Светлана Ивановна, д.э.н., профессор кафедры социально-экономической географии и туризма Тверского государственного университета (Россия).

Ямашкин Анатолий Александрович, д.г.н., профессор Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (Саранск, Россия).

Янукович Фёдор Николаевич, аспирант кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (А. Г. Дружинин, В. Е. Шувалов)	3
НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНАРНЫХ ЗАСЕДАНИЯХ	
<i>Артоболевский С. С.</i> Идеология региональной политики	5
<i>Бабурин В. Л.</i> Целевая функция районирования в современной России	7
<i>Бакланов П. Я.</i> Структуризация географического пространства – основа теоретической географии	12
<i>Гладкий Ю. Н.</i> «Сквозная» теория географии или «fata morgana»?	21
<i>Горкин А. П.</i> О релятивизме в социально-экономической географии (объективные и субъективные аспекты)	32
<i>Дружинин А. Г.</i> Глобализация как фактор инноваций в теории и методологии социально-экономической географии	36
<i>Каганский В. Л.</i> Теоретическая география: открытая междисциплинарная исследовательская программа	43
<i>Каледин Н. В.</i> Проблема и принципы теоретизации общественной географии	49
<i>Колосов В. А.</i> Современная политическая география и исследования государственных границ	56
<i>Мироненко Н. С.</i> Современная мирохозяйственная система и ее пространственная структура	66
<i>Пилясов А. Н.</i> Как использовать идеи Н. Н. Колосовского для нового экономического районирования постиндустриальной России?	67
<i>Руденко Л. Г., Горленко И. А., Маруняк Е. А.</i> Общественная география: сущность и направления развития	72
<i>Смирнягин Л. В.</i> Возможности и потребности заимствований теоретических основ западной географии	78
<i>Тархов С. А.</i> Типы территориальных транспортных систем	82
<i>Топчиев А. Г., Яворская В. В.</i> Геопланировочная парадигма в украинской географии	89
<i>Торез П.</i> Экономическая и социальная география: между технологией и теорией, между фундаментальными и прикладными исследованиями .	98
<i>Трейвиш А. И.</i> «Теория больших стран» как часть теории страноведения: смысл, контуры, приложения	101
<i>Трофимов А. М., Рубцов В. А., Ермолаев О. П., Краснов Е. В.</i> Единство, целостность и фундаментальные свойства географического пространства-времени	110
<i>Федоров Г. М.</i> Теория и практика современного пространственного планирования	119
<i>Черкашин А. К.</i> Теоретическая география: место и роль в современной социально-экономической географии	122
<i>Ханин С. Е.</i> Поиск путей развития социально-экономической географии .	126
<i>Чистобаев А. И.</i> Экономическая география в системе наук: новый взгляд на проблему	134

<i>Шарыгин М. Д.</i> Основные направления фундаментализации социально-экономической географии	144
<i>Шувалов В.Е.</i> Традиции и новации в теории социально-экономической географии	149
<i>Шупер В. А.</i> Теоретическая география постиндустриального общества	155

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» № 1

Современные подходы и методы социально- и экономико-географических исследований. Проблемы формирования и применения научно-прикладного цикла «Теория – Методы – Практика» в социально-экономической географии

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Антипова Е. А.</i> Трансформация роли экономической географии в условиях поляризованного развития мира (по материалам Всемирного банка)	159
<i>Гонда В.</i> Географические лимиты европейской интеграции	163
<i>Клюев Н. Н.</i> Экологизация экономической географии: новые представления	166
<i>Палеха Ю. Н.</i> Роль и место регионального планирования в современной социально-экономической географии	169
<i>Попкова Л. И.</i> Современные подходы и методы исследования приграничного пространства	172
<i>Потоцкая Т. И.</i> Проблемы отраслевого экономико-географического анализа и пути их решения	175
<i>Руденко Л. Г., Лисовский С. А.</i> Роль социально-экономической географии в разработке стратегии и планов сбалансированного пространственного развития	179

КРАТКИЕ НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

<i>Аляев В. А.</i> О методике социально- и экономико-географического обоснования направлений реструктуризаций хозяйства Волгоградского региона	182
<i>Клименко Н. А.</i> Современная социально-экономическая география и территориальное планирование	183
<i>Кочуров Б. И., Лобковский В. А., Смирнов А. Я.</i> Исследование эффективности природопользования в условиях финансового кризиса	186
<i>Лазарева Ж. В.</i> Методологические основы системы анализа современного социально-экономического состояния районов субъекта РФ с использованием набора специальных индикаторов (на примере Омской области)	190
<i>Махрова А. Г.</i> Устойчивое развитие города как объект исследования социально-экономической географии	194
<i>Тюрин В. Н., Чистяков В. И., Морева Л. А.</i> Пути повышения прикладных аспектов в социально-экономической географии	197

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» № 2

Общие теоретические и методологические проблемы социально-экономической географии; понятийно-терминологическая система и концептуальные основы экономической, социальной, политической и культурной географии

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Анимациа Е. Г., Власова Н. Ю.</i> Концепция городских агломераций в современной урбанистической политике: реальность и теоретический подход	201
<i>Архинов Ю. Р.</i> Структурно-функциональный подход к моделированию региональной системы расселения	206
<i>Бугроменко В. Н.</i> Транспортная составляющая пространственной организации общества	209
<i>Герасименко Т. И.</i> Концептуальные основы трансграничных исследований	215
<i>Корнев И. Н.</i> О сущности и использовании понятий «культурный ландшафт» и «геокультурное пространство» в гуманитарно-географических исследованиях	218
<i>Крылов М. П.</i> Теоретические и методологические проблемы, мешающие консолидации общественной географии	222
<i>Миرونенко Н. С., Николаев М. А.</i> Роль современных сдвигов международного разделения труда в промышленности для развития мирового хозяйства	225
<i>Немец Л. Н., Немец К. А., Сегидя Е. Ю.</i> Демографическое развитие региона как объект исследования социально-экономической географии	234
<i>Поддрушный Г. П.</i> Стадийно-эволюционное развитие регионов: факторы, механизмы и цели	238
<i>Поросенков Ю. В., Худякова Т. М.</i> Методологические основы отечественной социально-экономической географии: современные тенденции и перспективы	242
<i>Раднаев Б. Л.</i> Транспортно-географический потенциал региона	245
<i>Слука Н. А.</i> Феномен современного города в системе представлений социально-экономической географии	250
<i>Столбов В. А.</i> Актуальные концептуально-теоретические положения современной социально-экономической географии	253
<i>Стрелецкий В. Н.</i> Культурная география в странах Запада и России: пути формирования и современная самоидентификация	257
<i>Файбусович Э. Л., Мартынов В. Л.</i> В огороде бузина, а в Киеве дядька (к вопросу о предмете общественно-географических исследований)	266
<i>Холина В. Н.</i> Парадигмы экономической географии и формирование профессиональных компетенций экономиста (опыт создания курсов для высшей школы)	270

КРАТКИЕ НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

<i>Дирин Д. А.</i> Факторы и закономерности дифференциации культурно-географического пространства	273
<i>Дьячевская Л. П.</i> Развитие понятийно-терминологического аппарата геополитики в работах украинских географов	277
<i>Закиров И. В.</i> Современные теоретические основы международного разделения труда	281
<i>Кропинова Е. Г., Митрофанова А. В.</i> Кластер как экономико-географическое понятие в региональных исследованиях туризма	284
<i>Коробейников А. М., Резвых В. В., Субботина Т. В.</i> Основы концепции региональной социальной ситуации	287
<i>Корпусов И. М.</i> Теоретические и методические проблемы современной географии религий	291
<i>Кузнецова С. Н.</i> Каркасные понятия сельского расселения	293
<i>Махновский Д. Е.</i> Географическая база теорий регионального развития ...	296
<i>Новиков А. Н.</i> Проявление триединства в географической науке	299
<i>Пашинская Н. Н.</i> География транспорта: современные направления исследований	302
<i>Плякин А. В.</i> Экономическое пространство как «пространство сопряжения» социально-экономической географии и пространственной экономики	305
<i>Семина И. А.</i> Национально-историческая специфика проблемы региональной депрессивности	307
<i>Сухинин С. А.</i> Интеграционный потенциал социально-экономической географии как фактор гуманизации науки и образования	310
<i>Фесенко В. В.</i> «Макрорегион»: к вопросу формирования понятия	313
<i>Яковлева С. И.</i> Парные понятия сельского расселения	317

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» № 3

Традиции и инновации в теории и методологии социально-экономической географии

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Андерсон В. Н.</i> Теоретико-методологические проблемы современной экономической географии: «географическая экономика» или «новая экономическая география»?	321
<i>Безруков Л. А.</i> Взаимодополнение теоретико-методологического потенциала общественной географии и смежных областей знания (на примере экономико-географического изучения континентально-океанической дихотомии)	330
<i>Гладкий А. В.</i> Гуманистическая парадигма географии	338
<i>Дюриш Ф.</i> Критический подход к концепции моделирования региональных неравенств развитости	342
<i>Зырянов А. И.</i> Теоретическая география: топология и синтез	349
<i>Мезенцев К. В.</i> Украинская социально-экономическая география в начале XXI в.: вызовы и изменения	352

<i>Сафиуллин Р. Г., Сафиуллина Р. М.</i> Экономико-географическая наука: достижения, тенденции, проблемы, приоритеты развития	356
<i>Сысоева Н. М.</i> Институциональный подход в исследованиях проблем территориального развития	364
<i>Трофимов А. М., Красовская Т. М.</i> Постнеклассическая наука: есть ли место социально-экономической географии?	365
<i>Щитова Н. А.</i> Социальная география в России: пути становления и ориентиры развития.	369

КРАТКИЕ НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

<i>Артёмченко С. В.</i> Географическое исследование трансграничного регионализма	373
<i>Гонтарь Н. В.</i> Циклизм в исследовании территориальных социально-экономических систем: функции и потенциал использования	375
<i>Завьялова О. Г., Менщикова Л. В.</i> Этногеосистемный анализ зауральского лесостепного пространства	379
<i>Казаков С. Г., Цыганков Д. Н.</i> Особенности географического изучения сельской местности российско-украинского приграничья	381
<i>Ковалев Ю. Ю., Степанов А. В.</i> Инновационные концепции трансформационных процессов в старопромышленных регионах: опыт стран Европейского Союза	373
<i>Мезенцева Н. И.</i> Социальная безопасность регионов: индикаторы и проблемы социального равенства	387
<i>Мошков А. В.</i> Циклическое развитие территориально-производственных систем	390
<i>Наумов А. С.</i> Территориальные стратегии развития бизнеса: новая прикладная область экономической географии (на примере развития аграрного сектора)	391
<i>Савчук И. Г.</i> Роль внешнеэкономического фактора в развитии региона, прилегающего к крупному городу-порту	397
<i>Семенова З. А.</i> Медицинская география – наука о человеке, природе и обществе	401
<i>Сидоркина З. И.</i> Социальная организация и самоорганизация населения в региональной географии	404
<i>Сидоров В. П.</i> Экономическая география и региональная экономика	407
<i>Ямашкин А. А., Сотова Л. В.</i> ГИС-моделирование процессов хозяйственного освоения ландшафтов	409

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ШКОЛЫ-СЕМИНАРА МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ

«Теория социально-экономической географии: традиции и инновации»

<i>Аксенова М. Ю.</i> Методические аспекты изучения географии селитебных зон	413
<i>Гришина Т. П.</i> Методология районирования в исследовании малого и среднего предпринимательства	416

<i>Денисенко Е. А.</i> Концепция полицентричности: мощный теоретико-методологический инструмент стимулирования регионального развития	419
<i>Землянский Д. Ю., Морачевская К. А.</i> Современные направления исследований общественной географии России и Запада: сравнительный анализ	421
<i>Игонин А. И.</i> Анализ подходов к изучению и оценке демографического развития территорий в географии населения	424
<i>Имашев Э. Ж.</i> Концепции пространственного развития регионов: цель, задачи, идеология	430
<i>Исиченко И. В.</i> Категория конкурентоспособности региона: восприятие и развитие в Украине и России	433
<i>Коржов И. Ю.</i> Исследование социально-экономических процессов приграничных регионов	437
<i>Мироненко К. В.</i> Особенности исследования пространственной организации промышленности Китая: проблемы учета волостно-поселковых предприятий	440
<i>Мышлявцева С. Э.</i> Маршрутный принцип территориальной организации туризма	444
<i>Ничипорук С. В.</i> Географическое моделирование приграничного сотрудничества административного региона	447
<i>Федюк А. Н.</i> География культуры: путь в Украине	450
<i>Фёдорова И. Л.</i> Географическое исследование развития культурно-познавательного туризма в приграничном регионе	453
<i>Янукович Ф. Н.</i> Уровень интегрированности постсоциалистических стран Центрально-Восточной Европы в Европейский Союз	457
Сведения об авторах	461

Научное издание

**Теория
социально-экономической географии:
современное состояние и перспективы развития**

**Материалы Международной научной конференции
(Ростов-на-Дону, 4 – 8 мая 2010 г.)**

Под редакцией А. Г. Дружинина, В. Е. Шувалова

Корректор Л. С. Шутько

Технический редактор А. А. Агирречу

Компьютерная вёрстка А. А. Агирречу

Обложка С. Г. Сафронов

Лицензия ЛР № 65–41 от 01.09.1999

Подписано в печать 14.01.2010
Формат 60 x 84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,9. Уч.-изд. л. 30,0.
Тираж 500 экз. Заказ № 0011

Издательство Южного федерального университета.
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.
Тел. (863) 364–00–19

Отпечатано в типографии ЗАО «Книга»
344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57.

Для ЗАМЕТОК

Для ЗАМЕТОК

Для ЗАМЕТОК

Для ЗАМЕТОК